

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

АПРѢЛЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-я.

	СТР.
I. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ И ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство. Д. Миллера. (Окончаніе).	1—47
IV. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ времёнъ Хмельниччины. М. Старицкаго. (Продолженіе слѣдуетъ).	48—66
III. ПОВѢЗКА ВЪ ПОЛТАВУ. (П. Г. В—ову). А. Л.	67—77
IV. ВУГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦЬКІЙ. Исторична драма, въ 4-ты дѣяхъ и 6-ты одинахъ, зъ апофеозомъ. (Продолженіе слѣдуетъ). М. П. Старицкаго.	78—123
V. КЪ ИСТОРИИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ ВЪ КОНЦѢ ХУШ И ВЪ НАЧАЛѢ ХІХ ВѢКА. Н. С.	124—156
VI. НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ КЪ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ЗАПИСКѢ И. И. СЕРДЮКОВА, ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ НОЯБРЬСКОЙ КНИЖКѢ «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» ЗА 1896 Г. М. Номиса.	157—162
VII. ТРИ ДНЯ НА ХУТОРѢ У ЦАНТЕЛЪЙМОНА АЛЕКСАНДРОВИЧА И АЛЕКСАНДРЫ МИХАЙЛОВНЫ (ГАННЫ БАРВИНОКЪ) КУЛИШЪ. М. Лободовскаго.	163—176

ОТДѢЛЪ II-я.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ а) Данныя Архива Святѣйшаго Синода о кіевской церкви во имя св. апостола Андрея Первозваннаго. Н. Здравомыслова. б) Харьковъ и Стародубъ въ 1808 году. А. Л. в) Донскіе козаки на постоѣ въ Биево-Подольскомъ Дѣвичьемъ училищѣ. П. Голубовскаго. г) Помянки по Т. Г. Шевченкѣ, Н. И. Костомаровѣ и П. А. Кулишѣ въ Петербургѣ. д) Польскій король Янъ Казимиръ, Хмельницкій и греки. Сообщ. Н. М. е) Предполагаемое изданіе сказокъ. ж) Даніилъ Гавриловичъ Лебединцевъ. (Некрологъ). з) Егоръ Степановичъ Гордѣенко. (Некрологъ). и) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.	1—21
II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв. Изслѣдованіе М. И. Лилеева В. Иконникова. б) О малороссійскихъ переписныхъ книгахъ 1666 г. Вит. Эйнгорна. А. Л. в) Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV. Н. С. г) Черниговская памятка. Карманная справочная книжка на 1896—7 годъ съ рисунками, чертежами, таблицами въ текстѣ, календаремъ и адресъ-календаремъ. А. С. д) П. Я. Армашевскій и Вл. Б. Антоновичъ. Публичныя лекціи по геологій и исторіи Кіева, читанныя въ истор. обществѣ Нестора лѣтописца въ мартѣ 1896 года. Съ двумя рисунками. Н. М. Обзоръ журналовъ. е) Еще по поводу «Вязерскаго Полься» г. Довнаръ-Запольскаго. А. Крымскаго.	22—54
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Малороссійская свадьба (17—22).	
2) Записки о Малороссійскихъ чывахъ Адриана Ивановича Чепы. (23—32).	
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1—2

Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи.

ПРЕВРАЩЕНІЕ КОЗАЦКОЙ СТАРШИНЫ ВЪ ДВОРЯНСТВО.

ГЛАВА IV.

Подчиненіе дворянскихъ собраній контролю герольдіи.—Отношеніе герольдіи къ лицамъ, доказывающимъ свое дворянство чинами прежней малороссійской службы.—Негодованіе дворянства.—Дѣятельность патріотовъ.—Записки по дворянскому вопросу Марковича и Калинскаго.—Мнѣніе автора „Замѣчавій, до Малой Россіи принадлежащихъ“.—Ходатайство Черниговскаго маршала.—Возбужденіе вопроса о дѣйствіяхъ герольдіи среди полтавскаго дворянства.—Записки Калинскаго и Полевики.—Рѣшеніе комитета министровъ и его отголоски въ Малороссіи.—Новая просьба полтавскаго дворянства.—Ходатайство кн. Репнина.—Рѣшеніе дѣла въ „особомъ комитетѣ“.—Указъ 20 марта 1835 года.

Если забыть печальную повѣсть злоключеній малороссійскихъ дворянъ, записанныхъ въ ревизію 1782 г., то можно сказать, что въ XVIII ст. переходъ командующаго класса въ дворянское сословіе совершался благополучно. Цѣнители дворянскихъ правъ малороссійскаго шляхетства были плотию отъ плоти того же шляхетства и, конечно, не могли предъявлять какихъ-нибудь чрезвычайныхъ требованій отъ такихъ же, какъ и сами они, шляхтичей, ищущихъ внесенія въ родословную книгу. Высшее начальство въ дѣятельность дворянскихъ собраній не мѣшалось, а если это иногда и бывало, то только въ экстренныхъ случаяхъ: когда, напр., подавалась жалоба на депутатовъ, или отъ

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 3.

военнаго начальства требовались свѣдѣнія о дворянствѣ лицъ, поступающихъ на службу.

Постоянное вмѣшательство высшаго начальства въ дѣло, порученное депутатамъ, началось съ 1796 года. Съ этихъ поръ дворянскія собранія потеряли право окончательно рѣшать вопросъ о дворянствѣ того или другого лица, а должны были передавать дѣло на заключеніе герольдіи. Вслѣдъ затѣмъ начато было сочиненіе общаго гербовника дворянскихъ родовъ Россійской имперіи, давшее герольдіи возможность подвергнуть фактическому контролю всю предыдущую дѣятельность депутатскихъ собраній. Правда, со вступленіемъ на престолъ Александра дворянская грамота была восстановлена во всей своей силѣ, но составленіе гербовника все таки продолжалось, а стало быть продолжалось и вмѣшательство герольдіи въ дѣло, порученное собраніямъ. Въ первое время, впрочемъ, контроль герольдіи былъ для малороссійскихъ дворянъ малочувствителенъ. Малороссійское дворянство, подобно великорусскому, представляло въ герольдію свои гербы и доказательства и по нимъ благополучно заносилось въ гербовникъ. Въ поискахъ за гербами дворяне обращались преимущественно къ Нѣсецкому (Herbu i familie rycerskie) или къ гербаріусу Папроцкаго (Herbu rycerstwa polskiego). Требуемая сенатомъ „выписи“, удостоверяющія принадлежность герба данному роду, добывались иной разъ изъ такихъ „присутственныхъ мѣстъ“, которыя, повидимому, не имѣли никакого касательства ни къ дворянству, ни къ гербамъ. Въ 1798 году майоръ Вронскій за разысканіемъ своего герба обращается въ кievскую духовную дикастерію, по указу которой освященный соборъ Печерской лавры выдаетъ ему выписку изъ гербаріуса Попроцкаго. Благодаря этой выпискѣ родъ Вронскихъ попадаетъ въ 6-ю часть родословной книги, а ихъ гербъ вносится въ общій гербовникъ дворянскихъ родовъ Россійской имперіи¹⁾.

Въ эти счастливыя годы, герольдія относилась къ малороссійскому дворянству очень благосклонно. Она охотно принимала

¹⁾ Книга о дворянахъ, л. л. 216—218

въ дворянское сословіе какъ тѣхъ, кои выводили свои роды отъ польскаго или иного древняго шляхетства, такъ и тѣхъ, которые основывали свои притязанія только на чинахъ прежней малороссійской службы. Бывали, правда, единичные случаи, когда герольдія отказывала просьбамъ малороссійскихъ дворянъ о внесеніи ихъ гербовъ въ гербовникъ.) Такъ, въ 1799 г. она отказалась внести въ гербовникъ нѣсколько фамилій золотоношскихъ дворянъ, но не потому, что сомнѣвалась въ ихъ дворянствѣ, а потому, что просьбы ихъ не имѣли достаточныхъ, по закону, доказательствъ: золотоношскіе дворяне представили свои гербы въ раскрашенномъ видѣ, какъ то и требовалось, но безъ всякихъ доказательствъ о принадлежности имъ этихъ гербовъ и даже безъ опредѣленій собраній о признаніи ихъ дворянами¹⁾. Около того же времени герольдія отказалась внести въ гербовникъ фамилію Кандыбъ, не представившихъ никакихъ свѣдѣній о своемъ родѣ, кромѣ диплома на дворянство²⁾. Точно такъ же бывали отдѣльные случаи, когда герольдія сомнѣвалась причислять къ *древнему* дворянству лицъ, доказывающихъ свое благородство одними только малороссійскими чинами. Такъ, въ 1799 г. она отказалась причислить къ древнему дворянству родъ коллежскаго регистратора Максима Гандовскаго-Потаповича, но когда онъ представилъ грамоту какого-то польскаго короля на имѣніе, родъ его былъ признанъ древнимъ, а гербъ внесенъ въ 1-ое отдѣленіе гербовника³⁾. (Во всякомъ случаѣ сомнѣній въ благородствѣ лицъ, доказывающихъ дворянство одними малороссійскими чинами, въ то время еще не возбуждалось.) Въ 1801 году герольдія внесла въ гербовникъ фамилію Лагодъ, „служившихъ россійскому престолу въ разныхъ малороссійскихъ чинахъ“: дѣдъ и отецъ просителя были войсковыми товарищами⁴⁾. Въ 1802 году, по просьбѣ коллежскаго регистратора Дм. Лазаревича, она внесла въ гербовникъ гербъ Лазаревичей „поелику предки рода Лазаревичей съ 1675 г. находились въ службѣ въ

¹⁾ Собр. рѣдк., стр. 683.

²⁾ Архивъ малор. коллегіи, № 1734.

³⁾ Книга о дворянахъ, л. 250.

⁴⁾ Ibid., л. 190.

малороссійскихъ чинахъ и владѣли имѣніемъ“¹⁾. Точно также благосклонно отнеслась герольдія и къ просьбѣ Хилчевичей, имѣвшихъ такія же доказательства, какъ и Лазаревичи.

(Снисходительное отношеніе герольдіи къ малороссійскому дворянству продолжалось, однако, не долго. Уже съ 1802 года герольдія начинаетъ выражать сомнѣніе не только по поводу гербовъ нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, но и по поводу самого признанія ихъ въ дворянскомъ достоинствѣ. Въ 1802 г. она отказалась внести въ гербовникъ фамилію Подвысоцкихъ: „хотя изъ опредѣленія черниговскаго дворянскаго собранія и видно, что поручика Ивана Подвысоцкаго дѣдъ, Алексѣй Подвысоцкій, въ 1734 году служилъ надъ козаками кіевскаго, стародубовскаго и переяславскаго полковъ наказнымъ полковникомъ, сынъ его Яковъ въ 1742 году пожалованъ обознымъ въ кіевскій малороссійскій полкъ и подтверждены данныя имъ за службы отъ гетмана Апостола деревни, а отецъ, Андрей Подвысоцкій, имѣлъ чинъ сотника, но чтобъ они происхожденіе имѣли отъ древнихъ благородныхъ предковъ, такъ какъ представленъ ко внесенію въ гербовникъ гербъ, употребляемый въ родѣ Подвысоцкихъ съ древнихъ временъ,—того въ доказательствахъ ихъ герольдія не находитъ, а потому слѣдуетъ просить себѣ герба вновь или представить, буде имѣютъ, доказательства о древнемъ дворянствѣ“²⁾. (Въ томъ же 1802 году герольдія возвратила въ черниговское дворянское собраніе цѣлую коллекцію раскрашенныхъ гербовъ малороссійскихъ дворянъ „за несообразностью ихъ съ предписаніями Правительствующаго Сената“. Черниговскому губернатору Френздорфу было поручено разъяснить дворянству, что гербы имѣютъ право представлять только тѣ древніе роды, которые ими и раньше пользовались, что же касается малороссійскихъ дворянъ, записанныхъ въ третью часть родословной книги по чинамъ, то они не могутъ умышлять себѣ гербовъ по своему желанію, а должны просить дипломовъ на дворянство, а вмѣстѣ съ ними и гербовъ отъ Высочайшей власти.

¹⁾ Ibid., л. 191.

²⁾ Книга о дворянахъ, л. 192.

Забракованными оказались гербы 441 дворянской фамилии, которые и были препровождены Френздорфомъ въ дворянское собраніе для возвращенія просителямъ¹⁾).

Въ 1803 г. герольдія усомнилась въ благородствѣ Левченковъ, внесенныхъ новгородъ-сѣверскимъ дворянскимъ собраніемъ въ 4 часть родословной книги: собраніе признало ихъ дворянами только по свидѣтельству двухъ благородныхъ о томъ, что Левченки происходятъ отъ шляхты, употребляютъ гербъ Грифъ и владѣютъ шляхетскимъ имѣніемъ²⁾). Точно также при разборѣ доказательствъ надв. сов. Круковского герольдія усомнилась въ правильности дѣйствій дворянскаго собранія, которое внесло родъ Круковскихъ въ родословную книгу только потому, что дѣдъ и отецъ просителя владѣли шляхетскимъ имѣніемъ. Герольдія требовала свѣдѣній, въ какихъ чинахъ Круковскіе служили, какое у нихъ имѣніе—жалованное или приобрѣтенное—и кто этимъ имѣніемъ владѣетъ³⁾. Къ 1804 году герольдія отказалась внести въ гербовникъ родъ Вилинскихъ, хотя ихъ отцу, тональскому сотнику, при Аннѣ Ивановнѣ была Высочайше пожалована маестность, а сами просители имѣли немаловажные чины: одинъ былъ надворнымъ совѣтникомъ, а другой коллежскимъ ассесоромъ⁴⁾).

Всѣ эти распоряженія, разумѣется, не могли нравиться тѣмъ, кого они касались. Разказы о неудачахъ Круковскихъ и Вилинскихъ не могли не возбуждать опасеній и въ остальномъ дворянствѣ, а тутъ еще присоединились и другіе факты, показавшіе дворянству, что его дѣйствительно начинаютъ въ Петербургѣ „неговать и турбовати“. Высшее начальство, ссылаясь на непризнаніе герольдіей тѣхъ или другихъ дворянъ, состоящихъ на службѣ, стало отказывать въ повышеніи ихъ чинами. Затѣмъ сенатъ не захотѣлъ производить въ чины лицъ, служащихъ по дворянскимъ выборамъ депутатами и въ генеральномъ судѣ; въ указахъ 1804 и 1805 г. г. онъ разъяснял, что служба эта не

¹⁾ Собраніе рѣдк., стр. 701—708.

²⁾ Книга о дворян., л. 270.

³⁾ Книга о дворян., л. 270.

⁴⁾ Ibid., л. 194 и Собр. рѣдк., стр. 448.

можетъ быть принята за дѣйствительную, а между тѣмъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ, въ 1800—1801 г., онъ не отказывалъ въ производствѣ ни депутатамъ, ни чинамъ генеральнаго суда. Черниговское дворянство поручило было своему маршалу ходатайствовать передъ генераль-губернаторомъ Куракинымъ, дабы онъ не оставилъ употребить свое милосердное посредство къ награжденію дворянскихъ избранниковъ чинами, но вышло ли что-нибудь изъ этого ходатайства,—не знаемъ¹⁾. Дворянству вскорѣ пришлось убѣдиться, что опасенія, вызванныя дѣйствіями герольдіи, далеко не безосновательны. Оказалось, что неблагопріятныя для нѣкоторыхъ дворянъ рѣшенія герольдіи были результатомъ не случая, а принципа, мало по малу установившагося въ высшихъ сферахъ. А принципъ этотъ состоялъ въ томъ, что чины малороссійскихъ сотенныхъ и полковыхъ старшинъ не могутъ быть признаваемы доказательствомъ дворянства, даже въ томъ случаѣ, если ихъ носители получили при отставкѣ табельные офицерскіе чины. Впервые герольдіей принципъ этотъ былъ высказанъ около 1805 г. и съ этихъ именно поръ начались повальные отказы въ признаніи дворянскихъ правъ за лицами, доказывающими свое дворянство по чинамъ прежней малороссійской службы. Въ 1805 г. черниговское дворянское собраніе признало въ дворянскомъ достоинствѣ записанныхъ по ревизіи между козаками сотеннаго канцеляриста Тимоея и братьевъ его Зиновія и Ивана Бачинскихъ. Герольдія отказалась признать за Бачинскими право на дворянское достоинство на томъ основаніи, что „въ дворянской грамотѣ и въ другихъ узаконеніяхъ постановленій нѣтъ, чтобы малороссійскіе чины почитались наравнѣ съ тѣми, кои въ дѣйствительной военной службѣ офицерами служили и которымъ только предоставлено право пользоваться дворянствомъ“²⁾. Въ 1807 году она не захотѣла внести въ родословную книгу, „въ число тѣхъ, которые по служенію ихъ въ арміи офицерами пріобрѣли право на военное дворянство“, нѣжинскаго повѣтоваго казначея Павловскаго и частнаго

¹⁾ Книга о дворян., л. 248.

²⁾ Книга о дворянствѣ, л. 249.

пристава черниговской полиціи Малахова, признанныхъ черниговскимъ собраніемъ, ибо первый изъ нихъ получилъ чинъ прапорщика въ отставку, а отецъ Малахова изъ войсковыхъ товарищей получилъ чинъ поручика тоже въ отставку, стало быть, по 92 пункту дворянской грамоты, ни тотъ, ни другой не могутъ быть признаны за потомственныхъ дворянъ, а только за личныхъ¹⁾. Въ томъ же 1807 году общее собраніе Сената разсматривало доказательства на дворянство, представленныя поручикомъ Никитою Ординскимъ. Кіевское депутатское собраніе внесло отца Никиты, сотничьяго сына Василя Орду, во 2-ю часть родословной книги по свидѣтельству 13 благородныхъ, что прадѣдъ его, Петръ Орда, былъ во 2-мъ компанейскомъ полку обознымъ, дѣдъ полковымъ хорунжимъ, отецъ сотникомъ, а потомъ рукоположенъ во священника. Въ видѣ доказательства въ собраніе представлена была, кромѣ того, копія съ купчей крѣпости, данной дѣду Василя Орды, полковому хорунжему Андрею Ордѣ отъ козака Дзюбы на проданный млинокъ. Сенатъ не нашелъ этихъ доказательствъ достаточными къ признанію Орды въ дворянствѣ, ибо „въ оныхъ нигдѣ не явствуетъ, чтобы предки его служили въ армейскихъ полкахъ въ такихъ чинахъ, къ коимъ дворянскою грамотою присвоено дворянское достоинство“. Грамоту у Орды приказано было отобрать, а дворянскимъ собраніямъ кіевской и полтавской губерніи подтверждено, чтобы они „по таковымъ доказательствамъ, каковыя отъ Василя Орды представлены, въ дворянскомъ достоинствѣ не признавали, въ родословную книгу не вносили, грамотъ и свидѣтельствъ не выдавали“²⁾. Въ 1809 году герольдія отказала въ дворянствѣ Ярмаковымъ, которыхъ черниговское дворянское, собраніе внесло во 2-ю часть родословной книги. Собраніе признало доказательствами дворянства Ярмаковыхъ: паспортъ, данный Ивану Ярмакову, въ коемъ онъ названъ значковымъ товарищемъ Прилутцаго полка; патентъ Федора Ярмакова на пожалованный ему изъ войсковыхъ товарищей чинъ поручика, и свидѣтельство 12

¹⁾ Ibid., л. 195.

²⁾ Чт. Общ. истор. и др. 1861 г., кн. 2, отд. V, стр. 133.

штабъ и оберъ офицеровъ, удостовѣряющее, что Ярмаковы изъ предковъ шляхтичи, что ихъ отецъ и дѣдъ были значковыми товарищами, а прадѣдъ—войсковымъ. Въ герольдіи предки Ярмаковыхъ не были признаны, ибо герольдія „не нашла узаконеній, чтобъ значковые и войсковые товарищи состояли наравнѣ съ служащими въ дѣйствительной военной службѣ офицерами, коимъ только дворянскою грамотою предоставлено право военного дворянства“¹⁾. Ту же участь пришлось претерпѣть и многимъ другимъ дворянскимъ фамиліямъ, коихъ предки были въ Малороссіи полковыми обозными, хорунжими, асаулами, войсковыми товарищами и сотниками. Герольдія не соглашалась признать ихъ дворянами на томъ основаніи, что „чины сіи по неположенію ихъ въ табели о рангахъ не могутъ приносить потомству дворянскаго достоинства“²⁾.

(Герольдія стала смотрѣть на доказательство малороссійскихъ дворянъ съ чисто формальной точки зрѣнія: разъ въ законѣ нѣтъ положенія, чтобы члены малороссійской службы давали дворянство,—нѣтъ и основаній къ признанію за носителями этихъ чиновъ дворянскихъ правъ.) И съ этой формальной точки зрѣнія герольдія была совершенно права: малороссійскіе чины точно „не были положены въ табели о рангахъ“, а въ дворянской грамотѣ и въ другихъ узаконеніяхъ дѣйствительно не было „положенія, чтобы малороссійскіе чины почитались наравнѣ съ тѣми, кои въ дѣйствительной военной службѣ служили офицерами и которымъ только предоставлено право пользоваться дворянствомъ“. Правда, при преобразованіи козацкихъ полковъ многіе козацкіе старшины произведены были въ табельные офицерскіе чины, но точныхъ правилъ, какіе малороссійскіе чины какимъ соотвѣтствуютъ табельнымъ чинамъ, установлено не было. Военная коллегія представила было императрицѣ Екатеринѣ II списокъ малороссійскихъ чиновъ и испрашивала ея разрѣшенія, какими чинами и съ какимъ старшинствомъ опредѣлять ихъ въ регулярную службу, но не получила никакой резолюціи, а по-

¹⁾ Кв. о дворян., л. 179.

²⁾ Ibid, л. 278.

тому и производство того или другаго лица въ табельный чинъ обуславливалось не столько его малороссійскимъ чиномъ, сколько личными заслугами: одинъ, напр., сотникъ, во вниманіе къ 16-лѣтней службѣ, былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры, другіе такіе же сотники попали въ титулярные совѣтники, а третьи— въ губернскіе секретари. До нѣкоторой степени права была герольдія и тогда, когда отказывала въ дворянствѣ тѣмъ изъ малороссійскихъ старшинъ, кои получили табельные офицерскіе чины: толкованіе къ 19 ст. 92 пункта дворянской грамоты гласило, что „недѣйствительно въ военной службѣ служащихъ, но равные чины имѣющихъ почитать надлежитъ за имѣющихъ лишь личное дворянство, но не наслѣдственное“, а дѣйствительной военной службой была, по мнѣнію герольдіи, только служба въ регулярныхъ россійскихъ полкахъ.

Такова была точка зрѣнія герольдіи, основанная на буквальному пониманію закона. Она была діаметрально противоположна тѣмъ взглядамъ, какіе прочно установились въ практикѣ малороссійскихъ дворянскихъ собраній. Чины малороссійской службы считались здѣсь неоспоримыми доказательствами благородства, и въ вопросѣ о признаніи за ихъ носителями дворянскихъ правъ не возникало сомнѣній въ теченіе болѣе чѣмъ двадцатилѣтней дѣятельности депутатскихъ комиссій и дворянскихъ собраний. И въ самомъ дѣлѣ, какъ было отказать въ дворянствѣ какому-нибудь сотнику или войсковому товарищу, хотя бы и простонароднаго происхожденія, если этотъ сотникъ или войсковой товарищъ предъявляли патенты на табельные офицерскіе чины, полученные ими при реформѣ козацкихъ полковъ? Вѣдь и по табели о рангахъ и по дворянской грамотѣ офицерскій чинъ является несомнѣннымъ доказательствомъ дворянскаго достоинства. Соображеніе о томъ, что офицерскій чинъ, полученный не на дѣйствительной военной службѣ, не привноситъ дворянства, не приходило да и не могло придти въ голову дворянскимъ депутатамъ уже потому, что въ Малороссіи всякая служба считалась войсковою, военною; сомнѣваться въ томъ, что она дѣйствительно была военная, не позволяли раны, полученные многими, жившими еще на свѣтѣ, участниками послѣдней турецкой войны. Правда,

были въ Малороссіи лица, получившія козацкіе, а затѣмъ и табельные чины внѣ службы, за одно занятіе „шинковымъ промысломъ“, но вѣдь не на нихъ же однихъ обрушивались и перуны герольдіи. Что касается тѣхъ малороссійскихъ старшинъ, которые не получили табельныхъ чиновъ, то и ихъ причисленіе къ дворянскому сословію казалось депутатамъ вполне законнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, если старшины, попавшіе въ карабинерные полки и переименованные въ табельные чины, пользовались дворянскими правами, то можно ли было не признавать тѣхъ же правъ за такими же старшинами, не пожелавшими или не успѣвшими почему-либо попасть въ табельные чины и оставшимися поэтому при прежнихъ козацкихъ чинахъ? Чѣмъ хуже былъ сотникъ, вышедшій въ абшидь до реформы, по сравненію съ тѣмъ сотникомъ, который при реформѣ былъ выпущенъ въ отставку съ чиномъ ротмистра? (Принципъ, провозглашенный герольдіей, наносилъ тяжелый ударъ огромному большинству малороссійскаго дворянства, не имѣвшему другихъ доказательствъ благородства, кромѣ своей и предковъ своихъ службы въ козацкихъ старшинскихъ чинахъ.) Дѣйствія герольдіи грозили закрыть этому большинству двери дворянскаго собранія, лишить его права владѣнія крѣпостными людьми, ограничить права по государственной службѣ и воспитанію дѣтей. Дѣло шло не только объ удовлетвореніи тщеславія, но и о существенныхъ, матеріальныхъ интересахъ многихъ тысячъ лицъ, привыкшихъ къ привилегированному положенію. Понятно, что большинство малорусскаго дворянства было глубоко возмущено дѣйствіями герольдіи. Въ отрицаніи благородства малороссійскихъ чиновъ дворяне видѣли не только нарушеніа своихъ личныхъ интересовъ, но и оскорбленіе своего патріотическаго чувства.) Не признавалъ малороссійскихъ чиновъ, герольдія, по мнѣнію дворянства, наносила глубокое оскорбленіе памяти вождей „націи“ и ни во что ставила ихъ доблестные подвиги передъ родиной и престоломъ. Негодованіе среди дворянства было общее. Оно высказывалось и въ письмахъ и въ разговорахъ, въ особенности среди „патріотовъ“, которыхъ въ то время было не мало. „Безпристрастное къ отечеству поревнованіе, а паче и униженіе нашихъ отечественныхъ

чиновъ, то и безгласнаго поощряеть быть гласнымъ, а потому и заставляеть пророческимъ и апостольскимъ духомъ говорить правду!“—воскликаетъ одинъ изъ „патріотовъ, Т. Калининскій, въ письмѣ къ полтавскому маршалу Милорадовичу. „Пылая къ отечеству любовію, не могъ удержаться отъ плодородчивости, и чѣмъ бы только можно пособить, то все изыскивалъ и изыскивалъ буду для общей пользы и славу своего передъ цѣлымъ свѣтомъ заслуженнаго народа до послѣднихъ силъ моихъ защищать не престану“. „Радъ умереть, защищая общія наши преимущества и свободу!“¹⁾.

Другой патріотъ, В. Г. Полетика, въ запискѣ, предназначенной для свѣдѣнія дворянства, прямо таки упрекалъ правительство въ неблагодарности: „Славны и похвальны предводившіе малороссійское воинство и увижаемые теперь герольдіей до такой степени малороссійскіе чиновники были тогда, когда съ неустрашимостью восходили на смоленскія, азовскія и кизикерменскія стѣны, когда предъ лицомъ государей и славныхъ россійскихъ вождевъ храбро побѣждали и уводили въ плѣнъ турковъ, татаръ, персіянъ, поляковъ и шведовъ. Великодушіе и мужество перешли въ благородное потомство ихъ, отличающееся и теперь неимовѣрной храбростію въ рядахъ россійскаго воинства, и остались, такъ сказать, наслѣдственнымъ ихъ достояніемъ. И малороссійское дворянство, присоединившееся добровольно къ россіянамъ, какъ къ единокровнымъ и единовѣрнымъ братьямъ своимъ, и служившее купно съ ними такъ вѣрно и такъ долго престолу и отечеству, могло ли ожидать за свои воинскія доблести, заслуги, оказанныя имъ и запечатлѣнныя кровью, столь обиднаго для себя уничиженія?!“²⁾. Въ порывѣ раздраженія „патріоты“ даже въ официальныхъ бумагахъ старались не только отстаивать права малороссійскаго дворянства, но и доказать его превосходство надъ великороссійскимъ. По мнѣнію, напр., того же Калининскаго, высказанному имъ въ запискѣ, представленной черниговскому дворянскому собранію, великорусскіе дворяне не

¹⁾ Книга о дворянахъ, л. 236.

²⁾ Книга о дворянахъ, л. 300.

только не могутъ идти въ сравненіе съ малороссійскими шляхетствомъ и чиновниками, но и съ простыми козаками: въ древней Великороссіи „дворяне изъ черни ко дворамъ царскимъ набирались, какъ о семъ въ книгѣ „Краткое начертаніе римскаго и россійскаго чиновложенія“ напечатано; козаки компутовые или списковые, т. е. регистровые, какъ и самыя владѣльцы, въ ихъ имѣніяхъ, по ихъ правамъ, привилегіямъ и грамотамъ, больше у себя собственности ихъ заключали, нежели древніе въ Россіи помѣщики, которыхъ государи испомѣщали и верстали помѣстнымъ окладомъ и доходомъ, какъ они у себя осѣдлости собственной земляной не имѣли, ибо въ Россіи помѣстье обозначало казенную землю и по смерти у служивыхъ отбиралось въ казну, а козакамъ земли и хутора по договорнымъ гетманскимъ грамотамъ оставлены и по смерти ихъ женамъ и наслѣдникамъ, да и никакихъ податей и полицейскихъ повинностей въ Малой Россіи выборные козаки не несли и никуда не употреблялись по ихъ службѣ, даже и постоевъ не имѣли, какъ нынѣ дворянскіе по деревнямъ дома отъ постою освобождены“¹⁾.

Возгласы патріотическаго негодованія нисколько, однако, не вліяли на дѣйствія герольдіи уже потому, что не долетали до кіевскихъ береговъ. Положеніе дѣль было таково, что огромному большинству малороссійскаго дворянства грозило разжалованье въ разрядъ разночинцевъ, а при такихъ условіяхъ ограничиваться одними возгласами и ждать перемѣны вѣтра было невозможно. Приходилось, во что бы то ни стало, отстаивать свои дворянскія права, хлопотать, жаловаться, доказывать. Само собою понятно, что тѣ лица, которыя умѣли въ столь трудное время найти подходящіе аргументы противъ дѣйствій герольдіи, должны были получить громадное значеніе среди дворянства. Такое значеніе досталось на долю „патріотовъ“, людей по своему времени очень интеллигентныхъ, интересовавшихся и мѣстной исторіей, и мѣстнымъ правомъ. На нихъ съ надеждой устремляются взоры благороднаго сословія, у нихъ ищутъ защиты и спасенія. И патріоты не обманули общихъ ожиданій. Они

¹⁾ Книга о дворѣ, 149—150.

обращаются къ памятникамъ малорусской старины, изучаютъ лѣтописи, Статутъ, конституціи и гетманскія статьи, роются въ казенныхъ и фамилльныхъ архивахъ, не только мѣстныхъ, но и столичныхъ. Они разыскиваютъ документы, касающіеся служебнаго положенія и владѣльческихъ правъ малороссійскихъ старшинъ, классифицируютъ добытыя свѣдѣнія по отдѣламъ, сравниваютъ ихъ между собою и такимъ образомъ дѣлаютъ выводы касательно правъ и преимуществъ, сопряженныхъ съ тѣмъ или другимъ старшинскимъ чиномъ. Въ этомъ отношеніи патріоты, можно сказать, предвосхитили идею Погодина, и ихъ историческій методъ ничуть не хуже метода покойнаго московскаго профессора. Для вящшаго подкрѣпленія своихъ аргументовъ защитники малорусскаго дворянства не ограничиваются узкимъ кругомъ мѣстныхъ документовъ и историческихъ памятниковъ: они изучали все, что можно было въ то время достать по исторіи не только русскаго, но и иноплеменнаго дворянства¹⁾, разыскивали Высочайшіе и сенатскіе указы, распоряженія, касающіяся слободско-украинскихъ полковъ и чиновъ войска донскаго, императорскіе рескрипты, письма важныхъ сановниковъ, словомъ—все, что только могло имѣть хотя самое отдаленное отношеніе къ интересовавшему дворянство вопросу. Результатомъ этихъ изученій явились „записки“ и „мнѣнія“, имѣвшія цѣлью доказать неоспоримость дворянскихъ правъ малороссійскаго шляхетства. На почвѣ дворянскаго вопроса между патріотами завязывается дѣятельная переписка, для общей пользы“²⁾; люди, живущіе въ разныхъ концахъ Малороссіи, вступаютъ другъ съ другомъ въ заочныя знакомства, обмѣниваются „мнѣніями“, книгами, рукописями. Изъ среды дворянства выдвигаются личности Чепы, Чарныша, В. Полетики, Милорадовича, Калинскаго, Марковича,

¹⁾ До насъ дошелъ цѣлый рядъ сдѣланныхъ въ то время выписокъ изъ разныхъ авгоровъ „о чинахъ турецкихъ“, имѣвшихъ, вѣроятно, цѣлью доказать благородство тѣхъ претендентовъ на дворянское достоинство, кои выводили свои роды отъ турокъ и татаръ. Въ „Книгѣ о дворянахъ“ эти выписки составляютъ дѣлау тетрадь.

²⁾ Въ „книгѣ о дворянахъ“ собраніе писемъ Калинскаго къ Милорадовичу носить заглавіе „Переписка между патріотами сего брѣя для общей пользы“.

какъ добрыхъ патріотовъ и ревностныхъ защитниковъ дворянскихъ интересовъ. Все это люди, воспитавшіе свой патріотизмъ на изученіи прошлой жизни Малороссіи, усердно собирающіе лѣтописи о Малой Россіи и всевозможные документы, относящіеся къ исторіи края. На свои занятія дворянскимъ вопросомъ они смотрятъ, какъ на подвигъ, предпринятый во славу отечества. Марковичъ пишетъ свою записку о малороссійскомъ дворянствѣ „отъ усердія къ своимъ соотчичамъ“¹⁾, Каливскій—отъ „безпристрастнаго къ отечеству поревнованія“²⁾ Чепѣ — „по усердію и любви къ націи“. „Какъ пріятно трудиться для славы и пользы отечества!—воскликаетъ В. Полетика въ письмѣ къ А. Чепѣ—собственныя чувства наши, чувства, что мы въ нуждѣ онаго не жили праздно, награждаютъ насъ за оныя и даютъ намъ счастливѣйшее для смертныхъ право на имя сыновъ отечества“³⁾.

Къ своему сословному дѣлу ревнители дворянскихъ интересовъ сумѣли привлечь симпатіи главныхъ представителей центральнаго правительства въ краѣ,—сперва Куракина, а потомъ Лобанова-Ростовскаго и Репнина. Куракина успѣлъ заинтересовать дворянскимъ дѣломъ генеральный судья Р. И. Марковичъ. Сперва онъ „докладывалъ лично“ о дѣйствіяхъ герольдіи, а затѣмъ, по порученію генераль-губернатора, представилъ ему уже цѣлую записку, посвященную защитѣ дворянскихъ интересовъ. Записку свою Марковичъ назвалъ „Замѣчаніями о правахъ малороссійскаго дворянства“. Въ основаніе своихъ „Замѣчаній“ Марковичъ положилъ „рѣшительные пункты“ 1728 года, миѣніе иностранной коллегіи объ уравниеніи чиновъ 1733 г. и табель малоросс. чиновъ, составленную при Разумовскомъ. Цѣль автора—доказать, что малоросс. козацкіе чины ни чуть не ниже табельныхъ, а потому и не могутъ быть отвергаемы въ качествѣ доказательствъ дворянства. По миѣнію Марковича, сотникъ ни чуть не меньше офицера: онъ предѣдательствовалъ въ сотенномъ судѣ, вѣдавшемъ гражданскія и уголовныя дѣла и при-

¹⁾ Кн. о дворян., л. 137.

²⁾ Кн. о дворян., л. 236.

³⁾ „Кіев. Стар.“ 1893 г., № 1, стр. 56.

знанномъ самимъ государемъ за „судь формальный“, къ тому сотникъ имѣлъ и военную полную въ сотнѣ своей команду?“. Какъ же занимать такой отвѣтственный постъ не офицеру? Войсковые товарищи „составляли сословіе и орденъ рыцарства“ и считались выше сотниковъ, какъ это видно изъ таблицы 1756 г. Что касается до генеральныхъ старшинъ и полковниковъ, то по „разрѣшительнымъ пунктамъ“ ихъ велѣно было выбирать изъ знатныхъ людей, а утверждать въ сихъ чинахъ предоставлено высочайшей особѣ. „Само слово „знатныхъ“ и образъ утвержденія довольно изъясняютъ не маловажное оныхъ чиновъ обозначеніе. Великая Екатерина при отставкѣ малороссійскихъ полковниковъ, Забѣлу и Миклашевскаго повышая чинами, на докладъ, что имъ предлежитъ еще линія въ армейскіе полковники, сказавъ: „полковникъ единожды уже здѣланъ полковникомъ“, соизволила пожаловать ихъ въ бригадиры. Что принадлежитъ до полковыхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ полковникомъ присутствуя, составляли полковую канцелярію, управлявшую всѣми дѣлами, каковая нынѣ въ губернскомъ правленіи, и при томъ особенно полковой апелляціонный, а за открытіемъ въ 1763 году повѣтовыхъ судовъ—городской уголовный судъ, то оныя дѣйствительно были малороссійскіе штабъ-офицеры, ибо имѣли команду не въ сотнѣ, но въ дѣломъ полку. Сихъ старшинъ, равно какъ и сотниковъ, государь велѣлъ за выборомъ утверждать гетману универсалами не на время, а на всегда и писать о ихъ достоинствѣ государю. Симъ образомъ произведенные чиновники могутъ ли быть ничего не значащими потому только, что не именованы ни капитанами, ни прапорщиками? Счетъ чиновниковъ въ классахъ, кажется, долженъ быть по качеству и по мѣрѣ власти, а оную малороссійскіе старшины не только имѣли въ войскѣ не менѣе регулярныхъ офицеровъ, но еще сугубо, потому что они вмѣстѣ были и военные, и гражданскіе судіи, при томъ не въ дикой какой либо землѣ, но въ Малой Россіи, имѣвшей нѣкогда честь вмѣщать въ себѣ даже столицу всего государства, да и по сіе время между областями имперіи удостаиваемой втораго мѣста, ибо въ титулѣ государевомъ послѣ Великой Россіи непосредственно слѣдуетъ Малая,

а потомъ Бѣлая Россіи“. Приведа мнѣніе иностранной коллегіи 1733 г., соглашавшейся уравнивать малороссійскихъ старшинъ съ офицерами, Марковичъ удивляется, почему же теперь эти же самые старшины признаются не стоящими того. „Правда, оно (мнѣніе) не подтверждено, но сему есть причина, что гетманъ не доволенъ былъ сравненіемъ нѣкоторыхъ чиновъ, а паче воображая великую свою власть въ правительствѣ и право раздачи маестностей, мнилъ себя быть выше второго класса и потому конфирмаціи не домогался, однако жъ важность подписавшихся на мнѣніи особъ-канцлера и протчихъ—не ужели не стоитъ уваженія?“. Для вѣщней убѣдительности своихъ доводовъ Марковичъ указывалъ и на малороссійскую практику временъ Румянцева и послѣдующихъ. „За всѣмъ тѣмъ можно, кажется, уважить и то, что при открытіи въ Малой Россіи въ 1782 году намѣстничествъ выбраны подъ личнымъ надзоромъ графа Петра Александровича да и послѣ выбираемы были всегда чиновники малороссійскіе въ должности, служившимъ въ офицерахъ назначенныя,—императрица самоизволила принять то за благо“.

Записку свою Марковичъ заканчиваетъ риторическимъ воззваніемъ къ особѣ генераль-губернатора. „Сіятедьшій князь! Между многочисленными благодѣянїями, отъ васъ Малороссіи оказанными и оказываемыми, видно судьба предоставила имени вашему въ семъ случаѣ здѣлать сей землѣ помощь, чтобы чины ея возстановить изъ уничтоженія. Я совершенно знаю, что весьма многіе и не беззнатные помѣщики на чинахъ предковъ основываютъ свое дворянство, тѣмъ болѣе, что древніе о томъ документы хотя у кого и были, истреблены пожарами и революціями, за польское владѣніе бывшими. Я отъ избытка моего усердія въ своимъ соотчичамъ слишковь уже распространился, но я знаю, предъ кѣмъ предстою и кому говорю. Говорю къ начальнику, отечески ко вѣренному краю расположенному и безъ всякой скуки, съ удождствиемъ, доброхотно, благосердо, что все полезно выслушивающему“...

Записка Марковича была своевременно доставлена по адресу, но „какое возымѣла дѣйствіе—не извѣстно“, отмѣчаетъ современникъ. Мы можемъ сказать положительно, что дѣйствія она

не произвела никакого. Предвидѣніе Марковича оказалось вздоромъ: судьба не захотѣла предоставить имени князя Куракина возстановить малороссійскіе чины изъ уничтоженія...

Само собою понятно, что изъ всѣхъ доказательствъ о равенствѣ малороссійскихъ чиновъ съ табельными наибольшее значеніе въ глазахъ центрального правительства могло имѣть „мнѣніе“ иностранной коллегіи 1733 г., какъ подписанное высшими сановниками государства. „Мнѣніе“ это и самими патриотами почиталось краеугольнымъ камнемъ ихъ домогательствъ, на прочность коего возлагались великія надежды. Тѣмъ не менѣе этотъ важный документъ имѣлъ и свои нежелательныя стороны: въ „мнѣніи“, наприм., не было упомянуто о войсковыхъ товарищахъ, сотенные старшины сравнены были съ унтеръ-офицерами, козаки—съ солдатами, и даже о самихъ сотникахъ не рѣшено опредѣленно, дать ли имъ рангъ подпоручика и прапорщика. Словомъ, если бы дворянство, ходатайствуя объ отмѣнѣ заключеній герольдіи, сослалось на мнѣніе 1733 года, а правительство дѣйствительно захотѣло руководствоваться этимъ мнѣніемъ при разборѣ правъ малороссійскаго дворянства, то многіе изъ малороссійскихъ чиновниковъ оказались бы совсѣмъ не чиновниками, а другіе получили бы ранги, не дающіе правъ на дворянство. А дворянами хотѣлось быть всѣмъ безъ исключенія лицамъ, занимавшимъ какой-нибудь старшинскій урядъ въ старой гетманщинѣ, равно какъ и ихъ потомкамъ. На основаніи мнѣнія 1733 года малороссійскіе чины „не могли ожидать соразмѣрнаго уравниенія съ великороссійскими“. Для нихъ гораздо желательнѣе была ссылка на табель 1756 года; она вѣдь тоже была подносима на высочайшую аппробацію и съ точки зрѣнія дворянства представляла не менѣе важности, нежели само мнѣніе иностранной коллегіи. Разъяснить значеніе этого документа взялъ на себя депутатъ черниговскаго дворянства Т. Калининскій. Въ 1805 г. онъ представилъ дворянскому собранію свое „мнѣніе о малороссійскихъ чинахъ и о ихъ преимуществѣ, а равно и о разборѣ ихъ доказательствъ о дворянствѣ по службѣ и чинамъ ихъ для внесенія въ родословную дворянскую книгу и въ какую

Съ точки зрѣнія Калинскаго, малороссійское дворянство обязано вступить въ открытую борьбу съ герольдіей: онъ предлагалъ просить центральное правительство объ изданіи особаго повелѣнія объ уравниеніи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими на основаніи табели 1756 г., пока же не послѣдуетъ высочайшаго утвержденія о чинахъ малороссійскихъ, то по нимъ признанныхъ въ дворянскомъ достоинствѣ, безъ другихъ доказательствъ, въ родословную книгу вносить сумнительно“.

Калинскій обнаруживаетъ широкую эрудицію въ трактованіи имъ вопросѣ. Онъ пользуется и гетманскими статьями, и конституціями, и Статутомъ, и разными сенатскими указами. Ему хорошо извѣстенъ и черниговскій архивъ бывшей малороссійской коллегіи, къ которому онъ и обращается въ случаяхъ потребныхъ. Онъ ссылается на „мнѣніе“ министра юстиціи Державина и на печатные труды Болтина, Третьяковскаго, Маллера, на „Синописисъ“, на какое-то „Краткое чиноположеніе Римской и Россійской имперіи“, на „Исторію польскаго правительства, напечатанную въ С.-Петербургѣ 1760 году“ и т. д. Тѣмъ не менѣе своею эрудиціею Калинскій не всегда умѣлъ пользоваться, какъ слѣдуетъ, и нерѣдко „залеталъ за хмары“. Добрая половина его записки „посвящена критикѣ мнѣнія иностранной коллегіи 1733 г. и разъясненію значенія для дворянства табели Разумовскаго: по словамъ автора записки, малороссійскіе чиновники всегда были уравниваемы съ великорусскими лучше, чѣмъ въ мнѣніи 1733 г. Многие, напр., полковники (Стародубовскій, Миклашевскій) еще въ изданіи табели о рангахъ имѣли чины стольниковъ, „который чинъ былъ по тогдашнему 4-го класса“. Въ 1701 и 1702 г. г. малороссійскихъ полковниковъ, бывшихъ въ Лифляндіи, Петръ Великій велѣлъ „наградить жалованьемъ и знаками противъ Ертаульнаго воеводы, полковниковъ компанейскихъ, сердюцкихъ и запорожскихъ—противъ подполковниковъ, сотниковъ—противъ капитановъ, прочую жъ старшину—соотвѣственно тому. При учрежденіи малороссійской коллегіи въ 1764 году „генеральной старшинѣ даны великороссійскіе чины гораздо съ повышеніемъ и одобреніемъ малороссійскихъ чиновъ въ урав-

написано“: При реформѣ козацкихъ полковъ Румянцевъ „переименовывалъ почти всѣхъ бунчуковыхъ товарищей и полковыхъ старшинъ въ штабъ, а войсковыхъ и значковыхъ товарищей и сотенныхъ старшинъ, мало чѣмъ не соотвѣтственно табели 1756 г., награждалъ оберъ-офицерскими чинами“; такъ что безъ переименованія остались только куренные и сельскіе атаманы и городничіе, коихъ чины по табели 1756 года поставлены во II классъ по генеральномъ обозномъ, а генеральный обозный имѣлъ при Румянцевѣ генераль-маіорскій чинъ. Малороссійскіе полковники Забѣла и Миклашевскій выпущены въ отставку бригадирами, а при Петрѣ Великомъ Танскій и Жбураховскій пожалованы въ полковники по высочайшимъ грамотамъ. Что касается нижнихъ чиновъ козацкой іерархіи, то и они уравнивались съ великорусскими безобиднѣе, чѣмъ въ мнѣніи 1733 года: возныхъ, напр., и сотенныхъ писарей Румянцевъ выпускалъ въ отставку полковыми писарями, многіе изъ нихъ переименованы секунд-маіорами и коллежскими ассесорами, а между тѣмъ въ „мнѣніи“ 1733 года объ этихъ чинахъ не упомянуто ни словомъ. Въ мнѣніи 1733 года не упомянуто и о войсковыхъ канцеляристахъ, а между тѣмъ по табели 1756 г. они считались выше сотниковъ; изъ предложенія президента генеральной канцеляріи А. Румянцева отъ 16 декабря 1738 года видно, что по комиссіямъ они находились всегда въ равенствѣ съ капитанами, а въ Екатерининское и послѣдующее время сенатъ производилъ ихъ въ титулярные совѣтники, какъ напр.—Чернадкаго въ 1801 г.

Въ мнѣніи 1733 года не упомянуто не только значковыхъ, но и войсковыхъ товарищей, а между тѣмъ они ничуть не ниже оберъ-офицеровъ, ибо по именному повелѣнію 1733 года ихъ велѣно опредѣлять изъ дѣтей генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и заслуженныхъ людей; они присутствовали въ полковой канцеляріи, въ походахъ занимали мѣста сотниковъ, а по земству выбирались въ подсудки, которыхъ сенатъ производилъ въ коллежскіе ассесоры, какъ напр.—Грищенко. О сотенной старшинѣ Калинскій думалъ, что и она должна считаться въ офицерскомъ рангѣ: это тѣмъ болѣе, по его мнѣнію, справедливо, что даже относительно старшинъ Донского войска былъ указъ

(въ 1775 году на имя Оренбургскаго губернатора Френздорфа), чтобы съ ними поступать, какъ съ оберъ-офицерами. Вообще Калинскій очень высокаго мнѣнія о малороссійскихъ чинахъ и думаетъ, что всѣхъ дворянъ, доказывающихъ свое благородство малороссійскими чинами, слѣдуетъ вносить въ 6 часть дворянской книги, въ число тѣхъ древнихъ родовъ, благородное начало коихъ покрыто неизвѣстностью; демократическія вторая и третья части—не для малороссійскаго дворянства, а для тѣхъ *ragvenus*, которые выслужились въ армейскихъ полкахъ или канцеляріяхъ. Калинскій позмушался до глубины души тѣмъ обстоятельствомъ, что въ мнѣніи 1733 года козакъ приравненъ къ рядовому солдату. „Козакъ имѣлъ въ семь краю отъ россійскихъ государей, польскихъ королей и литовскихъ князей утвержденный чинъ рыцарскій и станъ шляхетскій, въ коемъ онъ титуловался и призывался, а потому во всякихъ случаяхъ и въ выборахъ, даже и въ избраніи самихъ гетмановъ имѣлъ онъ голосъ и потому всякій заслуженный козакъ былъ въ выборахъ на какую либо старшину или какой урядъ, такожъ и къ полученію шляхетскаго имѣнія право имѣлъ, а кто въ Малой Россіи хотя бы изъ шляхетства былъ, но въ войскѣ запорожскомъ не служилъ, яко сего края въ сословіи дворянскомъ, то тотъ не имѣлъ сего преимущества и для того то въ компутѣ или спискѣ 1751 года, въ черниговскомъ губернскомъ архивѣ нынѣ хранящемся, и знатнѣйшія фамиліи не изъ шляхетскаго достоинства, а изъ козачьяго званія написаны, яко то Борковскіе, Лизогубы и прочія симъ подобныя фамиліи, а по сему стало быть, что знатный козакъ, какъ въ грамотѣ дворянской, по 91 статьѣ написано, имѣлъ дѣйствительно верстанье по дворянской службѣ и при томъ была его благородная жизнь и отправленіе его службы было сходственное съ дворянскимъ названіемъ.. словомъ, владѣлъ и пользовался онъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ нынѣ уже помѣщики пользуются“. „Въ Малой Россіи есть и теперь много такихъ козаковъ, которые дѣйствительно изъ польскаго шляхетства, а въ Зборовскихъ пунктахъ заключено, чтобъ козаки не инако въ Польшѣ признавались, какъ и самое шляхетство, тѣ самые, которыхъ гетманъ въ компутѣ своего регимента будетъ имѣть,

а потому то и до поддачи Хмельницкаго, а за владѣніе польское бѣдныя шляхтичи уже именовались землянами, для того что изъ одной земли служили, а людей за собой не имѣли, которые за гетмановъ малороссійскихъ стали уже называться козаками, и таковыхъ въ Польшѣ и Бѣлороссіи столь много есть, что даже цѣлыми селеніями или околицами живутъ, а особливо Овруцкѣй и Луцкѣй почти весь повѣтъ изъ нихъ состоитъ; однако какъ ни велико оныхъ тамо число, но только изъ нихъ рекрутчины и государственныхъ податей и общественныхъ повинностей никто не несетъ, хотя и чиновъ они не имѣютъ, а напротиву того малороссійскіе полеовые и сотенные старшины обложены окладомъ и изъ онаго не изъемятся да и рекрутскія повинности несутъ и всѣ вообще подати платятъ“... „Бѣдственное положеніе“ козацкихъ старшинъ, попавшихъ въ окладъ, вызываетъ у Калинскаго рядъ восклицаній соболѣзнованія и укоризны.

Если козачество съ точки зрѣнія Калинскаго было „чиномъ рыцарскимъ и станомъ шляхетскимъ“, то и козацкіе начальники, предводительствовавшіе этимъ малороссійскимъ рыцарствомъ, должны были имѣть гораздо большее значеніе, чѣмъ офицеры регулярныхъ полковъ. Сотниковъ Калинскій приравнявалъ къ великорусскимъ воеводамъ, а сотенную старшину—къ воеводскимъ товарищамъ. Гетманъ—не только генераль-фельдмаршалъ, но „какъ бы какой владѣтельный принцъ, и имя гетмановъ какъ существуетъ, то болѣе тысячи лѣтъ будетъ: гетманы Дулебъ и Вятко на свои имена цѣлыя области имѣли и къ коронѣ ближе другихъ были“; что гетманскій санъ очень высокъ,—доказывается уже тѣмъ, что Потемкинъ послѣ всѣхъ чиновъ и отличій былъ пожалованъ въ великіе гетманы. Генеральный бунчучный, по мнѣнію Калинскаго, „тоже значилъ, что въ Россіи передовой воевода, т. е. генераль-порутчицкаго чина“. Войсковые канцеляристы—это тоже, что въ Россіи аудиторы или и того больше—военные секретари. Генеральная старшина—это тѣже русскіе вотчинники и думные бояре, а войсковые товарищи—дѣти боярскіе ¹⁾.

¹⁾ Книга о дворянахъ, лл. 140—158.

Рѣвкимъ диссонансомъ этому патріотическому самообольщенію звучитъ желчная рѣчь анонимнаго автора „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ“. Патріотизма тутъ нѣтъ и слѣда, да и сама записка писалась не для дворянства, а для властей предержавшихъ, а потому и выводы изъ историческихъ справокъ получились другіе. Вопреки патріотамъ, считавшимъ даже рядовыхъ козаковъ за „чинъ рыцарскій и станъ шляхетскій“, авторъ „Замѣчаній“ доказывалъ, что дворянства, какъ сословія, надѣленнаго особыми, ему одному свойственными, правами и преимуществами, въ гетманской Малороссіи совсѣмъ не было: истинное начало малороссійскаго дворянства—только въ пожалованіи русскихъ государей. Послѣ революціи 1648 г. въ гетманщинѣ остались только самыя бѣдныя дворяне, но и тѣ поступили въ козаки, а козаки были тѣже мужики.

Учрежденные Хмельницкимъ козацкіе начальники „были сначала неграмотные и по подлой природѣ своей—безъ всякаго воспитанія. Отъ времени до времени стали они своихъ дѣтей воспитывать и многіе получа отъ щедротъ російскихъ государей деревни, а другіе проворствомъ, начальствомъ и хозяйствомъ сами ихъ наживши, здѣлались уже господами такими, какими изгнанные ими ихъ польскіе владѣльцы до того были. Въ позднѣйшія времена російскіе государи отличали гетмановъ орденами и тѣмъ самымъ сравнивали ихъ съ знатными великороссійскими особами, а полковниковъ и генеральныхъ старшинъ сами стали въ сія чины жаловать, нѣкоторымъ же и російское дворянство пожаловали. Вотъ начало малороссійскаго настоящаго дворянства“. Само русское правительство до Екатерины II не считало малороссійскихъ старшинъ за дворянъ: оно не хотѣло сравнять козацкіе чины съ табельными и даже при Елисаветѣ запретило принимать малороссіянъ въ кадетскій корпусъ, поелику де въ Малой Россіи дворянъ нѣтъ. „Россійское правительство знало, что и сами гетманы не что иное были, какъ выбранные самими козаками изъ себя козацкіе начальники, происхожденія большею частію подлаго, и что выдуманное ими самими чины не могли того имѣть сравненія и той степени, каковую вездѣ въ Европѣ у коронованныхъ владѣтелей они

имѣють. Во всѣхъ посылаемыхъ къ гетманамъ отъ російскихъ государей грамотахъ одно войско Запорожское и ихъ старшины или вообще малороссійскій народъ духовнаго и мірскаго званія упоминался, а о малороссійскомъ шляхетствѣ или дворянствѣ ничего не говорено. Въ такомъ презрительномъ положеніи малороссійскіе чиновники до царствованія Екатерины Великой пребывали. Сія премудрая и человѣколюбивая самодержица осчастливила ихъ дворянскимъ достоинствомъ“.

Развѣнчивая малороссійское шляхетство, авторъ „Замѣчаній“ подвергалъ безпощадному осужденію и дѣйствія дворянскихъ депутатовъ, обвиняя ихъ въ продажности и злоупотребленіяхъ, результатомъ коихъ явилось непомѣрное перепроизводство дворянскаго сословія. „Всякъ удивится, когда услышитъ, что въ Малой Россіи 100 тысячъ дворянъ нынѣ считается, которыхъ по изгнаніи изъ нея поляковъ во время Хмельницкаго и сотой доли не было и быть не могло: во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ 164 сотни, положи на каждую сотню по 30 такихъ чиновниковъ, которые нынѣ въ оберъ и штабъ-офицерскихъ чинахъ почитаются, яко то: сотниковъ, войсковыхъ и бунчуковыхъ товарищей, полковыхъ писарей, асауловъ, хорунжихъ, обозныхъ полковниковъ, генеральныхъ старшинъ, то выходитъ около 5 тысячъ, какого числа до 1780 г. не было, а хотя и было, то не всѣ изъ природныхъ малороссіянъ, но многіе изъ жидовъ, волохъ, молдаванъ, поляковъ, татаръ, турокъ, грековъ и цыганъ произошли. Умножа сіе число и въ двое, то только десятая часть противъ теперешняго количества дворянъ выйдетъ, но при законномъ и вѣрномъ переборѣ не уповательно, чтобы и сіе число настоящихъ дворянъ набралось“. Для водворенія порядка въ разборѣ малороссійскаго дворянства авторъ „Замѣчаній“ требовалъ призванія великороссійскихъ чиновниковъ. „Двадцать уже одинъ годъ проходитъ, какъ разборъ дворянскимъ родамъ продолжается, но и по сіе время оный не конченъ, и по сіе время родословныхъ книгъ нѣтъ. Если оны тѣмъ же порядкомъ и такими же людьми будетъ производимъ, какими нынѣ производится, то оны и никогда не получатъ конца, и Правительствующій Сенатъ, требующій того, чтобы у неимѣ-

ющихъ права владѣть людьми оныхъ отобрать, никогда онаго не дождется. Малороссіане къ такимъ важнымъ должностямъ и къ прилежному исправленію порученной на нихъ должности еще не созрѣли. Они, по прежней козацкой службѣ, привыкли служить въ своихъ домахъ и заниматься своимъ хозяйствомъ. Отъ сего то происходитъ, что многіе маршалы отказываются жить въ губернскомъ городѣ, а депутаты никогда въ полномъ числѣ въ собраніи не бывають и пріѣхавшіе отлучаются по своей волѣ. Для прекращенія таковаго неуройства и для окончанія сего важнаго и для самихъ ихъ полезнаго дѣла нужно сдѣлать извѣтіе и на время учредить, на коштъ бывшихъ нерадивыхъ губернскихъ предводителей и депутатовъ, одну особую для разбора цѣлой Малой Россіи комиссію, въ которой, подъ наблюденіемъ генераль-губернатора, предсѣдатель особо отъ короны опредѣленной особѣ и засѣдать нѣсколькимъ изъ великороссіанъ почетнымъ людямъ, отъ Сената опредѣленнымъ, а при нихъ губернскому предводителю и депутатамъ прежде одной губерніи, изъ такихъ людей выбраннымъ, которыхъ дворянское достоинство природою или знатными чинами сумнѣнію не подвержено. Не меньше нуженъ тутъ секретарь и канцелярскіе служители изъ великороссіанъ же, которые канцелярскій порядокъ знаютъ и къ которому малороссіане и по сю пору не привыкли. Сія Комиссія должна о поданныхъ польскихъ свидѣтельствахъ изъ всѣхъ польскихъ губерній требовать отъ самыхъ тамошнихъ губернаторовъ точныхъ увѣреній, по коимъ откроется, что большая часть ихъ подложны. Всякое окончательное о фамилии опредѣленіе посылать для утвержденія въ Сенатъ, чѣмъ скорѣе конецъ быть можетъ. Въ случаѣ недостаточныхъ доказательствъ нужно отъ дворянина потребовать дополненія, но когда уже онъ письменю отъ онаго откажется, то рѣшить дѣло такъ, чтобы оно ему было, до утвержденія Сената, закрыто, дабы всякому беззаконію пресѣчь путь“. Сверхъ правилъ, означенныхъ въ дворянской грамотѣ, авторъ „Замѣчаній“ предлагалъ еще особыя правила спеціально для разбора малороссійскаго дворянства. По его мнѣнію, всѣ малороссійскіе чины, отъ гетмана до сотника, могутъ служить доказательствами

дворянскаго достоинства, но только въ томъ случаѣ, если они получены на дѣйствительной службѣ, а не вѣ службы, какъ это не рѣдко случалось, особенно въ Румянцевское время. Затѣмъ, конечно, дворянами должны быть признаны и всѣ тѣ малороссійскіе старшины, которые получили табельные чины, если только они несли дѣйствительную службу. „Всѣ бунчуковые и войсковые товарищи, сотники и полковые старшины, которые не отъ вышепоименованныхъ чиновниковъ произошли, а неслужа изъ купцовъ, мѣщанъ, козаковъ и разныхъ ремесленниковъ въ сіи чины поступили, сами и ихъ дѣти, не выслужившіе дворянскихъ чиновъ, не могутъ быть настоящими дворянами, а должны въ числѣ разночинцевъ остаться“. „Всѣ не изъ дворянъ, имѣющіе чины коллежскихъ регистраторовъ, секретарей такихъ, которые не служили секретарями, и титулярныхъ совѣтниковъ, должны быть личными дворянами и не пользоваться дворянскимъ правомъ и выгодами“. „Всѣ попы, протопопы, діаконы и всѣ духовные, какъ бѣлаго духовенства, такъ и монахи, хотя бы они изъ дворянъ происходили, не могутъ считаться дворянами, а должны быть довольны своимъ званіемъ, ибо быть попомъ и дворяниномъ не вмѣстно и нигдѣ въ Статутѣ понамъ дворянское званіе не дозволено, а напротивъ того, есть запретительные указы, чтобы понамъ отнюдь не имѣть земель и людей. Всѣ малороссійскіе попы, называющіе себя дворянами, есть бѣглецы изъ козаковъ или чиновниковъ: они, убѣгая службы, тайно пстригались въ попы“...¹⁾).

¹⁾ Чг. Общ. исторія и древн., 1848, въ I, отд. II, стр. 11—24. Приведенная выдержка изъ „Замѣчаній“ заслуживаетъ того, чтобы надъ ней нѣсколько остановиться. Лица, занимавшіяся судьбой малорусскаго дворянства, ссылаясь на указаніе автора „Замѣчаній“, винятъ малороссійскихъ депутатовъ за то, что они пустили въ дворянство цѣлыхъ 100 тысячъ, какъ и за то, что они умышленно тянули составленіе родословныхъ книгъ. Что касается перваго обвиненія, то оно возникло вслѣдствіе умышленной, на нашъ взглядъ, подтасовки фактовъ, допущенной авторомъ „Замѣчаній“, очевидно, съ цѣлью „сгустить краски“ для произведенія вѣщаго эффекта. Не слѣдуетъ думать, что всѣ эти 100 тысячъ дѣйствительно были признанными дворянами, внесенными въ родословныя книги. Въ составъ этой цифры входила цѣлая масса такъ называемыхъ личныхъ дворянъ: коллежскихъ регистраторовъ, губервскихъ секретарей etc., „Въ то время—разсказываетъ авторъ „Воспоминаній изданныхъ не для публики“—многіе зажиточныя козаки и другіи податныхъ со-

Какъ ни строго относился авторъ „Замѣчаній“ къ дворянскому вопросу, но и онъ не рѣшался отрицать дворянскія права козацкихъ старшинъ, требуя только, чтобы полученные ими чины были приобретены на дѣйствительной службѣ; его проектъ перебора дворянства былъ опасенъ преимущественно только для тѣхъ, которые выводили свои фамиліи отъ польскаго и вообще иноземнаго шляхетства. Герольдія поступала какъ разъ на оборотъ: безпрепятственно принимая королевскіе дипломы и польскія свидѣтельства, иногда, можетъ быть, и очень сомнительнаго происхожденія, она отвергала доказательства, основанныя на чинахъ малороссійской службы только потому, что эти чины не показаны ни въ табели о рангахъ, ни въ дворянской грамотѣ. Малороссійскому дворянству оставалось только

словій лица какъ бы за правило приняли: выучивъ сына мужичка въ дячковской школѣ читать и писать, пристроивать его въ судъ для полученія безъ службъ чина коллежскаго регистратора, а иногда губернскаго секретаря и выше. Вышедшіе такимъ образомъ въ чины, равно какъ и потомство ихъ, уже на всегда освобождались отъ податныхъ, рекрутскихъ и другихъ повинностей, женились на дочеряхъ дворянскихъ и священническихъ съ болѣе или мевѣ значительнымъ приданымъ и послѣ жили припѣваючи между своими селянами на правѣ дворянъ („Кіев. Стар.“ 1895, № 5, стр. 232). Какъ много фабриковалось ежегодно такихъ дворянъ,— видно уже изъ того, что въ малороссійскихъ повѣтовыхъ судебныхъ и полицейскихъ мѣстахъ состояло по 30—60 канцелярскихъ служителей, попадавшихъ современемъ въ регистраторы и секретари. Всѣ эти лица назывались дворянами, потому что такими считалъ ихъ самъ законъ, а депутатскія собранія были тутъ ровно не при чемъ. Въ томъ, что личные дворяне пользовались въ Малороссіи тѣми же правами, какъ и потомственные, депутаты, конечно, не виноваты, ибо слѣдить за тѣмъ, кто имѣетъ, а кто не имѣетъ права владѣть крѣпостными, было не ихъ дѣло. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что въ то время Малороссія все еще управлялась „слабымъ и конфузнымъ“ Статутомъ, который не зналъ раздѣленія шляхетства на потомственное и личное. Порядки, установленные при Царѣ и существовавшіе въ то время, когда писались „Замѣчанія“, были почти тѣ самые порядки, которые существовали въ крѣ до 1782 г., а при нихъ, какъ извѣстно, права чиновниковъ нисколько не различались отъ правъ родоваго шляхетства. Что касается медленности въ составленіи родословныхъ книгъ, то и въ этомъ депутатовъ трудно винить безусловно. Родословныя книги первоначально составлены были въ малороссійскихъ губерніяхъ около 1790 г., а затѣмъ ихъ пришлось передѣлывать въ силу севатскаго указа 18 декабря 1791 г. Затѣмъ приходилось передѣлывать ихъ въ виду неоднократныхъ измѣненій территорій губерній, на которыя была раздѣлена бывшая гетманщина. Такъ, въ 1791 г. Зеньковский и Гадачскій уѣзды отошли отъ Черниговской губерніи къ Кіевской, а вмѣсто этого присоединенъ отъ Новгородъ - Сѣверской губерніи уѣзды

внять совѣту Калинскаго и обратиться къ центральному правительству съ формальной жалобой на униженіе національных чиновъ. Такъ оно и сдѣлало.

Въ январѣ 1806 г. дворянство съѣхалось на выборы въ Черниговъ. Здѣсь то и поднятъ былъ вопросъ о дѣйствіяхъ герольдіи. Былъ прочитанъ цѣлый рядъ указовъ, изъ коихъ явствовало, что съ точки зрѣнія герольдіи чины прежней малороссійской службы—вовсе не чины, а только козацкии званія. Прочитаны, конечно, и записки патриотовъ, и въ концѣ концовъ постановлено поручить губернскому предводителю ходатайствовать передъ правительствомъ черезъ генераль-губернатора объ отмѣнѣ заключеній герольдіи.

Котопскій. Въ 1795 г. Гадячскій уѣздъ съ Зеньковскимъ снова возвращенъ къ Черниговской губерніи. Указомъ императора Павла изъ трехъ малороссійскихъ губерній составлена одна съ присоединеніемъ отъ Екатеринославской губ. бывшаго Полтавскаго полка и гор. Кременчуга, который нѣкогда принадлежалъ Миргородскому полку. По мѣрѣ этихъ измѣненій, дѣла о тѣхъ или другихъ дворянскихъ родахъ отсылались въ тѣ депутатскія собранія, вѣдомству коихъ принадлежали дворяне присоединенныхъ уѣздовъ. Въ 1800 г. (25 августа) велѣно было передѣлать родословныя книги по новой формѣ; затѣмъ послѣдовало новое раздѣленіе Малороссіи на двѣ губерніи и т. д. Въ чемъ дѣйствительно можно корить депутатовъ,—такъ это въ легкомысленномъ отношеніи къ формальной сторонѣ дѣла. Когда въ 1797 г. герольдія потребовала отъ дворянскихъ собраний присылки родословныхъ книгъ, предводитель бывшаго Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества заявилъ, между прочимъ, что „оня книги предѣланы имъ не подписаны и не по правиламъ высочайшей грамоты составлены“. Въ Кіевскомъ намѣстничествѣ не доставало „алфаветныхъ списковъ“ нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, съ присылкою коихъ медлили уѣздные предводители. Въ Черниговскомъ намѣстничествѣ „хотя оная родословная книга по формѣ, предписанной въ высочайшей грамотѣ, дворянству пожалованной, сочинена, но за неприсылкою отъ уѣздныхъ предводителей дворянскихъ списковъ многихъ дворянскихъ родовъ пропущено запискою, гдѣ жительствоуютъ и о прочемъ, касательно до формы списковъ; по учиненнымъ протоколамъ нѣкоторые роды остались въ книгу не внесены, а другіе ненадлежаще и вдвойнѣ показаны, и оная книга подписана только губернскимъ предводителемъ и пятью депутатами, по какимъ обстоятельствамъ, требующимъ дополненій или вновь сочиненія родословной книги вышнее собраніе той сочиненной книги приступать къ отправленію въ герольдію не смѣетъ“. (Арх. Малороссійской Коллегіи, № 1734). Къ изложенному не мѣшаетъ прибавить, что и въ остальныхъ губерніяхъ родословныя книги составлялись не быстро: въ ноябрѣ 1790 г. въ герольдію были доставлены копии родословныхъ книгъ только отъ „Рѣвскаго“ и Курскаго намѣстничествъ (Собраніе рѣдокостей, стр. 277—278).

Дворянское ходатайство немногимъ разнится отъ „замѣчаній“ Марковича, въ нѣкоторыхъ пунктахъ оно повторяетъ ихъ отъ слова до слова. Подобно Марковичу, авторъ дворянскаго ходатайства, черниговскій маршалъ ссылается на „рѣшительные пункты“ и на указъ 1764 г., коимъ присутствующіе въ генеральной канцеляріи старшины сравнены въ классахъ съ великорусскими ея членами. Какъ и Марковичъ, онъ указываетъ на производство полковниковъ Забѣлы и Миклашевскаго въ бригадиры, а относительно полковой старшины и сотниковъ почти буквально повторяетъ слова Марковича. Для доказательства дворянскихъ правъ подкоморыхъ, земскихъ судей, подсудковъ, писарей, коморниковъ и возныхъ, Черниговскій маршалъ ссылался на статутъ, согласно коему, „подкоморые, судьи, подсудки и писари земскіе поставлены въ такомъ достоинствѣ, что на чины ихъ узаконено давать патенты самому Государю, да и при возстановленіи въ Малороссіи правленія и судоустройства сообразно тому, какъ оныя въ семь краѣ сходственно правамъ и прежнимъ обрядамъ существовали, именнымъ высочайшимъ указомъ 1796 г. ноября 30-го судьи генеральные поставлены въ 4-омъ, судьи земскіи въ 7-омъ, подсудки въ 8-мъ, подкоморыи въ 6-мъ классѣ, прочіе жъ чиновники по штату, высочайше подтвержденному, положены; какъ то: земскіе писари въ 10-омъ коморники въ 12-омъ, а возные въ 14-омъ классѣ, при всемъ томъ хотя они по виду кажутся и статскими, но въ Малой Россіи не было раздѣленія между военными и статскими чинами, а всѣ они были военные и во время войны по арт. 7 розд. 2-го всѣ безъ всякаго изъятія обязаны становиться лично подъ знамена подъ потерянiемъ имѣнія, для какого бытія въ войскѣ судей и писарей дѣйствіе судовъ по артикулу 46 пункту 3 розд. 4-го оставлялось до окончанія войны.“ Черниговскій маршалъ не рѣшился умолчать о мнѣніи иностранной коллегіи 1733 г., какъ это совѣтовалъ сдѣлать Калинскій, но за то успѣлъ воспользоваться его указаніями о достоинствахъ табели 1756 г. Удачно воспользовался онъ и указомъ 23 іюля 1783 г. „Въ высоч. 1783 г. іюля 23 дня указъ, военной коллегіи при реформѣ малороссійскихъ полковъ данномъ, находящихся въ ма-

лороссійскихъ войскахъ чиновниковъ, кои похотятъ остаться въ военной службѣ и къ оной отъ главнаго начальства способными найдены будутъ, опредѣлить, смотря по степенямъ и заслугамъ, штабъ и оберъ-офицерскими чинами въ сихъ полкахъ, а прочихъ отъ службы уволить, переименовавъ для опредѣленія къ дѣламъ... Изъ сего высоч. указа ясно видѣть можно, что чины малороссійскіе почитаемы быть должны какъ дѣйствительно офицерскіе, ибо когда повелѣвается ихъ *опредѣлять* и *переименовывать*, а не *производить* въ штабъ и оберъ-офицеры, смотря по степенямъ, то явственно утверждаются имъ ранги, послѣлику извѣстно, что по порядку службы никто безъ степени изъ ничего, особливо еще въ штабъ офицеры, не переименовывается“..

Послѣднимъ аргументомъ въ боевомъ арсеналѣ Черниговскаго маршала является ссылка на владѣльческія права малороссійскихъ старшинъ. „Гетманъ Хмельницкій при поддачѣ Малой Россіи, а по немъ и всѣ другіе гетманы всегда просили государей утвержденія своему краю права литовскаго статута, который всѣми государями и утвержденъ. Въ семъ самомъ статутѣ въ разд. 3 арт. 26 строго запрещено простолюдинамъ владѣть деревнями, а гетманы всегда чиновникамъ малороссійскимъ оныя давали, изъ коихъ весьма многимъ таковы гетманскія надачи, и государственными грамотами подтверждены, почему и доказательно, что чиновники малороссійскіе дѣйствительно признаваемы были за шляхту, инакожъ бы гетманы, вопреки непрошенному самими ими праву, и раздавать деревень неимѣющимъ право оными владѣть не могли. Въ сенатскомъ архивѣ всѣ акты находятся о раздачѣ деревень симъ самымъ чинамъ, которыхъ нынѣ герольдія не признаетъ дворянства и которыхъ, однако жъ, многихъ потомки и теперь владѣютъ оными; сверхъ того, и по государственному положенію гетманы, генеральные старшины, полковники, полковая старшина и сотники вмѣсто жалованья имѣли всегда раньше свои деревни съ крестьянами, владѣніе жъ деревнями по высоч. о дворянствѣ грамотѣ есть полное доказательство дворянства“ О томъ, какъ на дѣлѣ исполнялось въ гетманщинѣ статутное запрещеніе раздачи маестностей

людямъ не шляхетскаго происхожденія Черниговскій маршалъ, конечно, не говоритъ ни слова ¹⁾).

Черниговское ходатайство, какъ видно изъ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи документовъ, было отправлено къ кн. Куракину 3 марта 1806 г. По видимому, оно было не послѣднимъ. По словамъ А. Марковича, Черниговскому дворянству неоднократно приходилось утруждать правительство просьбами объ отмѣнѣ заключеній герольдіи; изъ одного частнаго письма отъ того времени мы знаемъ, что для составленія ходатайства по этому вопросу въ Черниговѣ была выбрана дворянствомъ особая коммиссія, которая тоже составила какую-то записку касательно малороссійскихъ чиновъ ²⁾); а изъ письма генераль-губернатора кн. Лобанова-Ростовскаго въ Черниговскому маршалу Стороженку видно, что и въ 1808 г. Куракину подавалось какое-то прошеніе Черниговскаго дворянства объ уравненіи все-россійскихъ чиновъ съ табельными ³⁾. Какъ бы то ни было, Черниговскому ходатайству еще не скоро былъ данъ ходъ: въ Петербургъ оно попало вмѣстѣ съ другими представленіями, касающимися малороссійскихъ дѣлъ, только въ 1809 г., какъ это явствуетъ изъ журнала комитета министровъ за этотъ годъ.

А пока Черниговское ходатайство лежало въ генераль-губернаторской канцеляріи, вопросъ, какъ быть съ герольдіей, былъ поднятъ и въ другой малороссійской губерніи—Полтавской. Толки о необходимости что-нибудь предпринять для выхода изъ тяжелаго положенія начались здѣсь еще въ маршалство Кочубея; при Милорадовичѣ дѣло сильно подвинулось впередъ, а при Чарнышѣ (1809—1812 г.) было наконецъ составлено и подано начальству ходатайство объ отмѣнѣ заключеній герольдіи. Главными дѣйствующими лицами выступаютъ здѣсь: Роменскій маршалъ В. Полетика, извѣстный знатокъ старой Малороссіи А. Чепа, знакомый уже намъ Т. Калинскій и полтавскіе маршалы Милорадовичъ и Чарнышъ. Вопросъ о правахъ малороссійскихъ чиновъ вызываетъ среди полтавскихъ дворянъ нѣ-

¹⁾ Книга о дворянахъ, лл. 199—208.

²⁾ Ibid л. 236.

³⁾ Книга о дворянахъ, л. 306.

сколько записокъ. Конечно, полтавцы могли и не трудиться, а просто переписать черниговское ходатайство и подать, куда слѣдуетъ. Не сдѣлали они такъ потому, что ни представленіе Черниговскаго маршала, ни записка Черниговской комиссіи не казались имъ достаточно сильными: по мнѣнію полтавскихъ юристовъ, черниговская комиссія въ запискѣ своей пропустила „самые главные пункты и фундаментальное оныхъ основаніе, а особливо привилегіи, грамоты, гетманскія статьи и приличные указы“, а Черниговское собраніе „самое первоначальное основаніе обошло и проходженія службы малороссійскихъ чиновъ не объяснило, что весьма для многихъ есть и будетъ обидно, а особенно для войсковыхъ канцеляристовъ и значковыхъ товарищей“. Были такіе пропуски „главныхъ пунктовъ“, которые были замѣчены даже „самимъ вняземъ“ (Куравинимъ), не смотря на то, что онъ въ Малороссіи былъ чуждымъ. Кромѣ того, были погрѣшности и въ самой редакціи: такъ напр., черниговцы написали, что малороссійскіе чиновники всегда почитались за шляхту; по мнѣнію полтавцевъ это неумѣстное выраженіе могло дать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, ибо за шляхту почитались въ Малороссіи даже простые козаки, а чиновники непременно были шляхтичами. Для того, чтобы не пропустить какихъ либо „фундаментальныхъ основаній“, полтавскому маршалу Милорадовичу нужно было принять въ соображеніе всѣ мнѣнія свѣдущихъ по сему предмету лицъ, были ли они полтавскими дворянами, или иногубернскими. Милорадовичъ искалъ такихъ свѣдущихъ людей вездѣ. Знакомъ онъ былъ и съ генеральнымъ судьей Р. И. Марковичемъ, тѣмъ самымъ, который писалъ для Куравина записку о малороссійскихъ чинахъ. Черезъ Марковича Милорадовичъ познакомился и съ другимъ черниговскимъ дѣятелемъ, Т. Калинскимъ, котораго Марковичъ рекомендовалъ какъ полезнаго челоуѣка. „Дабы оправдать рекомендацію Романа Ивановича“, Калинскій уседно занялся собираніемъ для Милорадовича свѣдѣній о малороссійскихъ чинахъ. Кромѣ сырого матеріала, Калинскій доставилъ Милорадовичу и собственное свое сочиненіе по этому вопросу, такъ наз. „примѣчанія о малороссійскомъ дворянствѣ“. Къ

этому же времени относится и любопытная, „переписка между патриотами сего края для общей пользы“—это письма Калинскаго къ Милорадовичу все по тому же вопросу о правах малороссійскихъ старшинъ на дворянское достоинство.

Обстоятельства заставили Калинскаго, какъ онъ самъ выразался, „пророческимъ и апостольскимъ духомъ говорить правду“, вслѣдствіе чего онъ очень опасался, дабы въ его „примѣчаніяхъ“ не было усмотрѣно нѣкое вольнодумство. „Милостивому государю имѣю честь донести, что какъ я въ оныхъ (примѣчаніяхъ), можетъ быть, и слишкомъ откровенно писалъ и особливо въ надеждѣ къ нашему краю вашего патриотизма, оныя мои тетради не всякому давать читать, а паче списывать и по сочиненіи вашего представленія мнѣ сіи тетради мои возвратить“. Опасенія Калинскаго, однако, преувеличены, ибо онъ прекрасно умѣлъ говорить „пророческимъ и апостольскимъ духомъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ, „какъ требуетъ того нынѣшняя политика“. Оно и не удивительно: Калинскій былъ человѣкъ 18-го вѣка, а въ это время умѣли „истину царямъ съ улыбкой говорить“. Свои „примѣчанія о малороссійскомъ дворянствѣ“ Калинскій начинаетъ съ „фундаментальныхъ основаній“—съ королевскихъ привилегій и гетманскихъ статей, пропущенныхъ въ черниговскомъ ходатайствѣ. „Король польскій Сигизмундъ-Августъ 1563 года іюня 7 и 1569 года іюня 5 числъ двѣ привилегіи для русскои кievской земли издалъ и оными сей край пожаловалъ, которыя и въ вновь сочиненный законъ сего края и литовскаго княженія, книгу наз. Статутъ, внести на вѣчныя и потомственные времена повелѣлъ, и въ оныхъ привилегіяхъ сказалъ, во первыхъ, что всѣ вообще и порознь обыватели отъ послушанія и владѣнія великаго княжества Литовскаго изъемяются и освобождаются, а присоединяются и присовокупаются къ Польскому королевству, яко равные къ равнымъ и свободные къ свободнымъ и какъ собственные и истинные члены къ первому ея тѣлу и главѣ, а потому и имѣютъ быть при своихъ правахъ и вольностяхъ и обычаяхъ, которые у нихъ изъ вѣковъ бывали, безъ всякой отмѣны и ни въ чемъ ненарушимо и владѣть вообще и всякому своимъ собственнымъ и наслѣдственнымъ

добротѣ и по своей волѣ онымъ располагать и оборачивать и какъ чину рыцарскому, такъ и шляхетскому изъ между себя избирать въ воинскіе, гражданскіе и земскіе чины и на своихъ урядахъ судиться книгою, наз. Статутъ, которую король польскій Владиславъ изданною отъ него на Варшавскомъ главномъ сеймѣ (1635) года конституціею и 28 оной статьею узаконилъ употреблять Черниговскому, Кіевскому, Волинскому и Брянскому воеводству, по которымъ привилегіямъ и Статуту русской земли какъ рыцарство военнаго служенія, такъ и шляхетство судились, равно и выборы изъ между себя производили въ полной ихъ волѣ и власти, безъ всякаго препятствія“. Въ 1649 г. при договорѣ Богдана Хмельницкаго съ польскимъ королемъ подъ Зборовымъ „позволено было какъ рыцарству польскому, такъ и малороссійскимъ войсковымъ старшинамъ или чинамъ войска Запорожскаго на равнѣ считаться съ шляхетствомъ, которые потому и равнялись съ шляхетствомъ, примѣрно сказать, какъ въ Россіи штабъ и оберъ-офицеры военнаго дворянства равняются съ дѣйствительнымъ и древнимъ дворянствомъ и онаго правомъ и преимуществомъ пользуются“.

Указавъ затѣмъ на грамоты, данныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ шляхетству и козакамъ „яко рыцарству“, подтверждающія всѣ тѣ права, коими они пользовались за польское владѣніе, авторъ „примѣчаній“ увѣряетъ, что „преемники Богдана Хмельницкаго содержали оныя права ненарушимо, такъ что никакой отмѣны онымъ не было, а потому то гетманъ И. Брюховецкій въ 8 статьѣ договорныхъ его пунктовъ называетъ козаковъ честными рыцарями, паче же ихъ чиновниковъ какъ иначе почестъ можно и теперь, когда въ самой Польшѣ чинъ рыцарскій и станъ шляхетскій за одно считался?“. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ Калинскій ссылался на гетманскія статьи и царскія грамоты. Такъ, въ статьяхъ Многогрѣшнаго по 8 пункту сказано: „какъ напередъ сего заслуженные пожалованы были честію шляхетскою или дворянскою, то чтобъ они при томъ же чину и чести пребывали“. Въ статьяхъ Мазепы постановлено, чтобъ никто изъ великороссійскихъ не превозносился тѣмъ, что онъ государевъ, а потому и малороссійскихъ чиновъ гетманскаго

регенту не унижалъ и не укорялъ: яко оба сіи народа подъ одною самодержавною властью пребываютъ, то имъ и быть въ равной чести и въ равномъ уваженіи. Въ статьяхъ Самойловича написано, что малороссійскіе посланцы войска Запорожскаго при разграниченіи съ Польшею должны быть наравнѣ съ польскими послами, какъ они и прежде сего на сеймахъ земскихъ за польское владѣніе бывали и равно съ ними сидѣли, а никогда не стояли. Подтвердительныя грамоты всѣхъ русскихъ государей до Александра I, по мнѣнію Калинскаго, служатъ лучшимъ доказательствомъ, что всѣ тѣ права, которыми пользовались малороссійскіе чиновники, и до сихъ поръ пребываютъ безъ отмѣны.

Таковы „фундаментальныя основанія“ дворянскихъ правъ козацкой старшины, впервые выставленныя Калинскимъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи его „примѣчанія“ часто повторяютъ то, что было высказано раньше его въ запискахъ черниговскихъ дворянъ, но кое гдѣ и разнятся.

Такъ, изъ рѣшительныхъ пунктовъ Калинскій дѣлаетъ тотъ же выводъ, что и черниговскій маршалъ, но при этомъ съ особеннымъ удареніемъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что „знатнымъ“ козакамъ сами государи жаловали хутора съ людьми, а изъ таковыхъ именно знатныхъ козаковъ только и могли выбираться малороссійскіе чиновники. Всѣ они, не исключая даже сотенныхъ старшинъ и атамановъ, были не только военачальники, но и градоначальники, а потому какъ же иначе можно почитать ихъ, какъ не дворянами, если по словамъ самой дворянской грамоты, дворяне суть „начальствовавшіе въ древности мужи?“ Переходя къ обсужденію дѣйствій герольдіи, авторъ „примѣчаній“ указываетъ на ихъ непослѣдовательность: прежде она признавала по однимъ малороссійскимъ чинамъ дворянами даже людей, выслужившихся изъ простыхъ козаковъ, а теперь не признаетъ и такихъ, коихъ предки занимали важныя должности, а потомъ и по днесь владѣютъ жалованными имѣніями. По мнѣнію Калинскаго, вся бѣда происходитъ отъ того, что герольдія лѣнится хорошенько вникнуть въ дѣло, познакомиться со всѣми привилегіями, грамотами и гегманскими пунктами, хранящимися въ военной коллегіи. Если стать на точку зрѣнія

петербургскаго начальства, то придется всѣхъ малороссійскихъ чиновниковъ признать недѣйствительно военнослужащими, т. е. личными дворянами, а между тѣмъ всякая малороссійская служба была только военною: всѣ гетманскія надачи даваемы были за „роненіе войску Запорозскому праці“, да и сами гражданскіе чиновники были вмѣстѣ съ тѣмъ и военнымъ начальниками. Герольдія указывала, что малороссійскіе чиновники не имѣли чиновъ, а только козацкія званія. Калинскій опровергаетъ этотъ взглядъ ссылкой на переименованіе малороссійскихъ чиновъ въ 1783 году и на табель Разумовскаго, съ очевидностью доказывающую, что у малороссійскихъ чиновниковъ, какъ и у великорусскихъ, были свои степени. Въ табели 1756 г. перечислено, кромѣ рядовыхъ козаковъ, одиннадцать классовъ, но если къ ней прибавить, какъ и слѣдовало бы, должность гетмана, состоявшаго въ фельдмаршалскомъ чинѣ, затѣмъ наказнаго гетмана во 2 классѣ, а генеральнаго обознаго поставить въ 3-мъ, то получилось бы какъ разъ 14 классовъ—полная табель о рангахъ; тогда бы даже низшіе чины козацкой іерархіи попали въ 14-й классъ, т. е. дворянами оказались бы всѣ безъ исключенія малороссійскіе чины. Кромѣ того, и изъ болѣе старыхъ дѣлъ видѣть можно, что переходъ изъ низшихъ чиновъ въ высшіе совершался въ Малороссіи не случайно, а по степенямъ: изъ знатныхъ козаковъ въ сотники, изъ сотниковъ—въ полковники, изъ полковниковъ—въ гетмапы.

Три года тому назадъ Калинскій предлагалъ черниговскому дворянству просить правительство объ уравниніи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими на основаніи табели 1756 г. Теперь онъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ на дѣль ходатайства. Переименованіе малороссійскихъ чиновниковъ и уравниенія съ табельными происходили до сихъ поръ случайно, опредѣленныхъ правилъ для этого выработано не было, къ тому же и сама національная малороссійская служба теперь пресѣклась, а потому и уравниеніе чиновъ будетъ теперь совершенно не нужнымъ. По мнѣнію Калинскаго, гораздо выгоднѣе просить, чтобы правительство не уравнивало чинъ чину, а просто признало всѣхъ безъ исключенія лицъ, носившихъ малороссійскіе чины,

дворянами съ таковымъ только различіемъ, чтобы всѣхъ генеральныхъ старшинъ и полковниковъ вносить въ 6-ю, полковую старшину—въ 3-ю, а сотниковъ и сотенныхъ старшинъ—во 2-ю часть дворянской родословной книги: „въ то время гетманы за уравненіе оспаривали, когда теперешняго о чинахъ постановленія и различія не было, а теперь объ уравненіи и думать не надобно, а домогаться дворянскаго достоинства и быть на равнѣ въ ономъ съ великороссійскими выслуженными чинами, какимъ присвоено восьми ранговъ и оберъ-офицерскихъ дѣйствительно военнотружущихъ чиновъ дворянское достоинство“.

Съ ходатайствомъ Каливскій совѣтовалъ обратиться какъ можно скорѣе: нужно просить или личнаго заступничества генераль-губернатора, или позволенія отправить особыхъ депутатовъ въ Петербургъ. Во всякомъ случаѣ, въ ходатайствѣ ни въ коемъ родѣ не слѣдуетъ упоминать мнѣнія иностранной коллегіи, какъ это сдѣлали черниговцы ¹⁾.

Послѣ того, что мы сказали о запискахъ по дворянскому вопросу, будетъ излишнимъ долго останавливаться надъ запиской Роменскаго маршала В. Г. Полетики, тѣмъ болѣе, что она уже и напечатана ²⁾. Мы только укажемъ на тѣ подробности, коими она дополняетъ предъидущія записки по дворянскому вопросу. Кромѣ привилегій 1563 и 1569 г. г. и Зборовскихъ пунктовъ, на которыя ссылался Каливскій, Полетика указываетъ еще на привилегіи королей Генриха, Стефана, Сигизмунда III, Владислава, на „премногія подгверждающія оныя конституціи сеймовыя“ и статутыны артикулы. Цѣль всѣхъ этихъ ссылокъ—доказать, что „малороссійскіе гражданскіе и воинскіе чиновники допускались въ Польшѣ безо всякаго отъ тамошняго дворянства различія до высокихъ сенаторскихъ, придворныхъ и земскихъ достоинствъ, и что Россійскіе государи по принятіи ихъ съ на-

¹⁾ Книга о дворянахъ, л. л. 239—246.

²⁾ „Кіев. Стар.“, 1893 г., № 1 въ приложеніи. Кстати пахожу нужнымъ маленькое замѣчаніе. Напечатанная въ „Кіевск. Стар.“ записка Полетики отнесена къ 1809 г.; въ рукописной копіи, которою я пользовался, она помѣчена 1808 года. Последнее, по моему, вѣрнѣе: изъ напечатанной въ томъ же журналѣ переписки Чепы съ Полетикой видно, что въ мартѣ 1809 г. записка Полетики уже ходила по рукамъ, такъ что составленіе ея правдоподобнѣе отнести къ 1808 г.

чальствуемымъ ими народомъ въ свое подданство подтвердили имъ на всегда дворянскую въ чинахъ ихъ честь и избраніе во всѣ оныя по прежнему вольными голосами людей заслуженныхъ, знатныхъ и вѣрныхъ“. Затѣмъ Полетика указываетъ на „добровольное подданство“ малороссіянъ, на ихъ вѣрность и заслуги передъ престоломъ, за которыя малороссійское дворянство не могло, конечно, ожидать „столь обиднаго для себя униженія“. Изъ договорныхъ гетманскихъ статей, по мнѣнію Полетики, видно, что „малороссійское дворянство—не только тѣ, кои пришли съ достоинствомъ онаго въ подданство россійскимъ монархамъ и ихъ потомки, но и тѣ, кои, будучи уже въ подданствѣ, заслуги свои оказали и за то награждены въ землѣ своей чинами и деревнями и имѣютъ такое же право считаться въ дворянствѣ, какъ и россійское дворянство, ибо не одно имя дворянина, но больше того помѣстья и вотчины, жалуемая за службу отечеству, составляли въ прежнее время дворянское достоинство. Между малороссійскимъ и россійскимъ дворянствомъ различіе только состояло въ одномъ имени, т. е.—что россійскіе заслуженные люди пожалованы были въ дворяне и другіе чины съ помѣстьемъ и вотчинами, а малороссійскіе — въ чиновники съ тѣмъ же“.

По вопросу о доказательствахъ дворянства В. Полетика цѣликомъ повторяетъ мнѣніе своего отца, высказанное имъ нѣкогда въ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія: „въ Малой Россіи, по его словамъ, должно допустить къ доказательству о дворянствѣ всѣхъ, кто только захочетъ, и дать имъ свободу, по силѣ статутаваго права раздѣла 3 арт. 19, доводить своего дворянства представленіемъ двухъ сродственныхъ себѣ благородныхъ съ отцовской и двухъ съ материнской стороны, которые присягою бы утвердили, что ищущій дворянства есть природный и настоящій дворянинъ, а если чей родъ извелся, то чтобъ онъ могъ представить къ сему постороннихъ благородныхъ“¹⁾.

Въ январѣ 1809 г. Полтавское дворянство избрало своимъ маршаломъ В. И. Чарныша, которому и поручило просить пра-

¹⁾ „Кіев. Стар.“, 1893 г., № 1. Тоже въ „Книгѣ о дворян.“ л. л. 298—304.

вительство о признаніи чиновъ малороссійской службы доказательствами дворянскаго достоинства. Дворянское ходатайство составлялось, впрочемъ, не однимъ Чарнышемъ, а такъ сказать, соборне. Прежде чѣмъ попасть къ генераль-губернатору, дворянское прошеніе ходило по рукамъ. Для просмотра, дополненій и исправленій послано оно, между прочимъ, и Чепѣ, славившемуся среди дворянства въ качествѣ патріота и знатока мѣстной старины. „По усердію и любви къ націи“ Чепца дополнилъ ходатайство своими примѣчаніями о правахъ и преимуществахъ малороссійскихъ чиновъ. Въ такомъ видѣ ходатайство попало къ В. Г. Полегивѣ, который отозвался о примѣчаніяхъ Чепы самымъ лестнымъ образомъ и съ своей стороны послалъ къ Чепѣ свою собственную записку по тому же предмету¹⁾. *De hoc des opinions* получилось если не *verité*, до достаточно мотивированное ходатайство, котораго уже нельзя было упрекнуть въ недостаткѣ „фундаментальныхъ основаній“.

(Въ 1809 году вопросъ о дворянствѣ бывшихъ малороссійскихъ старшинъ попалъ, наконецъ, на разсмотрѣніе высшаго правительства. 2 ноября этого года комитетъ министровъ слушалъ представленное ему черезъ министра юстиціи отношеніе малороссійскаго генераль-губернатора съ рядомъ проектовъ по разнымъ малороссійскимъ дѣламъ. Между прочимъ, генераль-губернаторъ просилъ „объ исходатайствованіи малороссійскому дворянству высочайшаго соизволенія, чтобы прежніе малороссійскіе чины, по коимъ дворянскіе роды просили и будутъ просить о дворянствѣ, признаваемы были доказательствомъ сего достоинства“. Комитетъ постановилъ: „въ признаніи малороссійскаго дворянства и въ переименованіи чиновниковъ руководствоваться тѣми правилами, которыя наблюдаемы были покойнымъ генераль-фельдмаршаломъ графомъ Румянцевымъ Задунайскимъ“²⁾).

(Слухъ о благопріятномъ для малороссійскаго дворянства поворотѣ дѣла въ Петербургѣ возбудилъ въ сердцахъ патріотовъ великую радость, хоть и дошелъ до нихъ въ нѣсколько извра-

¹⁾ Журналы комитета министровъ, т. 1, стр. 379

²⁾ „Кіев. Стар.“, 1893 г., № 1, стр. 46—49.

щенной редакціи. „Недавно, — пишетъ В. Полетика къ Чепѣ, — наслаждался я пріятною вѣстью, что государь императоръ по докладу нашего генераль-губернатора повелѣлъ герольдіи признавать малороссійское дворянство по чинамъ нашимъ и другимъ доказательствамъ въ древнемъ благородномъ его достоинствѣ. Вѣсть сія сладка сердцу моему. Вѣрите, что я люблю отечество, люблю соотчичей моихъ больше самого себя. Одинъ частный человекъ пишетъ ко мнѣ удостовѣрительно о семъ изъ Полтавы, читавъ тамъ письмо о семъ князя Якова Ивановича (Лобанова-Ростовскаго) къ Семену Михайловичу Кочубею. Однакожъ я за точность еще не отвѣтствую. Если это справедливо, то труды наши не пропали. Какъ пріятно трудиться для славы и пользы отечества. Собственные чувства наши, чувства, что мы въ нѣдрѣ онаго не жили праздно, награждаютъ насъ за оныя и даютъ намъ счастливѣйшее для смертныхъ право на имя сыновъ отечества!“. Размечтавшемуся патріоту грезились уже заманчивыя картины, напоминавшія по сюжету опозитивированное прошлое золотого вѣка шляхетской вольности. „Здѣсь носится слухъ, что передъ обнародованіемъ и введеніемъ въ употребленіе первой, уже вышедшей, части новаго государственнаго уложенія призваны будутъ на конгрессъ россійскихъ на особыхъ правахъ состоящихъ губерній обитатели для изъявленія согласія своего на принатіе для себя сего уложенія. На семъ поприщѣ возобновится память прежнихъ, незабвенныхъ во вѣки, нашихъ патріотовъ. Счастливые будемъ, если увидимъ новыхъ, защищающихъ съ такимъ же усердіемъ права, преимущества, вольности и свободы своего отечества. Напротивъ сего, должны мы отвратить взоръ свой съ омерзеніемъ отъ пагубостныхъ предателей отечества, вредныхъ себялюбцевъ“¹⁾.

И радости, и мечты патріотовъ были, однако, преждевременны. Постановленіе комитета министровъ въ исполненіе приведено не было по высочайшему повелѣнію впредь до поступленія къ дѣлу другихъ бумагъ²⁾. На вопросъ о дворянствѣ мало-

¹⁾ „Кіев. Стар.“, 1893 г., № 1, стр. 56—57.

²⁾ Чт. Общ. исторія и древн. 1861 г., кн. 2, отд. V, стр. 92.

россійскихъ чиновъ въ Петербургѣ смотрѣли довольно равнодушно. Да и не до того тогда было: внѣшняя политика и широкіе планы либеральныхъ преобразованій способны были отодвинуть на второй планъ даже болѣе насущные вопросы, чѣмъ вопросъ о дворянскихъ привилегіяхъ какихъ-то сотниковъ и асауловъ; къ тому же и на дворянскія привилегіи стали въ то время посматривать неодобрительно. Насталъ 1812 годъ. Пришлось отражать двадцать языкъ, а потомъ усмирять гидру безначалія, грозившую престоломъ и алтарямъ далекаго Запада. Непризнанные въ благородномъ званіи, сыновья сотниковъ и возныхъ храбро дрались и подъ Малоярославцемъ, и подъ Лейпцигомъ. Для многихъ изъ нихъ офицерскіе эполеты дали то, чего не могъ дать ихъ отцамъ громадскій выборъ. А между тѣмъ, отношенія герольдіи къ ихъ братьямъ и родичамъ, доказывавшимъ свое дворянство только малороссійскими чинами предковъ, продолжало оставаться прежнимъ: ихъ по прежнему продолжали „неговать и турбовати“. Особенно больно чувствовалось это, когда приходилось опредѣлять дворянскихъ дѣтей въ корпусъ или въ военную службу. Тутъ уже предводительскія свидѣтельства не имѣли значенія, и приходилось по неволѣ обращаться къ герольдіи, а герольдія послѣ долгихъ проволочекъ и справокъ обыкновенно отказывала просителямъ все на томъ же основаніи, что въ законахъ нѣтъ указаній на дворянскія права малороссійскихъ старшинъ. Для юныхъ паньчей, мечтавшихъ о генеральствѣ, такой отказъ велъ за собою разжалованіе изъ юнкеровъ въ рядовые со всѣми его послѣдствіями: палками, розгами, шицрутенами и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ дисциплинировали въ то время русскую армію инструкторы изъ нѣмцевъ и доморощенныхъ бурбоновъ Аракчеевской школы.

Дѣло о дворянскихъ правахъ малороссійскихъ старшинъ продолжало между тѣмъ лежать въ Петербургѣ въ ожиданіи поступленія другихъ бумагъ. Въ 1809 году полтавское дворянство рѣшилось послать туда новое челобитье, въ надеждѣ, что оно, авось, и будетъ тою бумагой, которой до сихъ поръ не доставало. 15 октября 1819 г. полтавское дворянство постановило ходатайствовать предъ правительствомъ черезъ генераль-

губернатора о признаніи малороссійскихъ чиновъ доказательствомъ дворянства. Въ ходатайствѣ этомъ новаго для насъ очень мало. Дворяне жалуются, что „отривовеніе малороссійскихъ чиновъ отъ дворянства дѣлаетъ уничтоженіе имъ и ихъ заслугамъ, умаляетъ личную честь ихъ и потомства и колеблетъ права и привилегіи сей наци, отъ прежнихъ польскихъ королей, а потомъ и отъ самодержцевъ всероссійскихъ наданныя и на разныхъ мѣстахъ въ договорныхъ гетманскихъ пунктахъ изъясненныя“. Доказательства дворянскаго достоинства малороссійскихъ чиновниковъ—тѣ же, что и въ предъидущихъ запискахъ и ходатайствахъ по этому предмету. Здѣсь мы встрѣчаемъ тѣ же ссылки на королевскія привилегіи, Статутъ, Зборовскій договоръ и гетманскія статьи. На основаніи ихъ полтавское дворянство заключало, что „не только тѣ чины, которыхъ герольдія не признаетъ въ дворянствѣ, какъ то: полковые обозные, полковые асаулы и хорунжіе, сотники, войсковые товарищи и пр., но и вообще всѣ малороссійскіе чиновники, въ военной службѣ обрѣтавшіеся, или же гражданскими дѣлами управлявшіе, имѣли равное право на шляхетство, поелику они по вышесказаннымъ привилегіямъ и постановленіямъ признаны таковыми истари и поелику чины ихъ зависѣли большею частью отъ выборовъ и утвержденій, по тогдашнему времени сему краю присвоенныхъ, и всякій, кто только носилъ на себѣ чинъ, былъ купно съ тѣмъ и шляхтичъ, а не бывъ шляхтичемъ, невозможно было никому ни быть избираемому, ни чинъ имѣть, въ разсужденіи, что простого стану людямъ и тогда давать достоинствъ и урядовъ за-прещалось“. Ссылалось дворянство и на „новѣйшія узаконенія, повелѣнія и образъ службы“, которые де „доказываютъ, что отъ малороссійскихъ чиновниковъ достоинство дворянское никогда отъемлемо не было“, а для выясненія „значительности и важности“ этихъ чиновниковъ подробно описывало ихъ права и обязанности.

Дворянское ходатайство попало въ хорошія руки. Въ лицѣ военнаго губернатора кн. Репнина дворянство нашло себѣ энергичнаго ходатая и заступника. Князь Репнинъ, женатый на одной изъ Разумовскихъ и самъ малороссійскій помѣщикъ, отнесся

къ дворянскимъ невзгодамъ еще болѣе сочувственно, чѣмъ его предмѣстники. Посылая дворянское ходатайство въ Петербургъ, онъ присоединилъ къ нему и свое собственное представленіе, въ которомъ рѣшительно высказывался въ пользу удовлетворенія просьбы дворянства.

У министра юстиціи, куда по первому разу пошло дворянское ходатайство, оно встрѣчено было очень благосклонно. Докладывая дѣло въ комитетѣ министровъ, онъ высказался за удовлетвореніе дворянской просьбы. Дѣло пришло, однако, рѣшать не комитету министровъ, а Сенату, куда оно и было передано по высочайшему повелѣнію. Здѣсь притязанія малороссійскаго дворянства были выслушаны не такъ уже милостиво. Сенатъ находилъ, что во время изданія дворянской грамоты Малороссія уже болѣе 100 лѣтъ стояла въ подданствѣ русскихъ государей, а между тѣмъ чины малороссійской службы оказались не включенными въ число тѣхъ доказательствъ дворянскаго достоинства, которыя перечислены въ грамотѣ. Изъ этого Сенатъ, повидимому, склоненъ былъ заключать, что при изданіи дворянской грамоты вовсе не имѣлось въ виду распространять дарованныя ею права и на малороссійскихъ чиновниковъ. Тѣмъ не менѣе Сенатъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ навестъ справки какъ относительно тѣхъ привилегій и правъ, на которыя ссылалось полтавское дворянство, такъ и относительно чиновъ прежней малороссійской службы.

Справки наводились не спѣшно. Прошло восемь лѣтъ послѣ подачи ходатайства, а дѣло ни на волосъ не подвинулось впередъ. За эти восемь лѣтъ Репнинъ окончательно освоился съ Малороссіей и близко принялъ къ сердцу дворянскія печали. Въ іюнь 1827 г. онъ обратился къ правительству съ новымъ, еще болѣе энергичнымъ представленіемъ по тому же вопросу, на этотъ разъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ. Репнинъ усердно отстаивалъ права малороссійскихъ чиновниковъ, доказывая, что дѣйствіями герольдіи, которыя онъ, не обинуясь, называлъ произволомъ, потрясается благородство малороссійскихъ фамилій. По его мнѣнію, уже однихъ королевскихъ привилегій, а особенно Зборовскихъ пунктовъ и гетманскихъ статей, вполне достаточно,

чтобы дворянскія права этихъ чиновниковъ не подлежали ни малѣйшему сомнѣнію. „Источникъ правъ сихъ есть воинская доблесть, толико уважаемая во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, и отрицать оныя не иначе можно, какъ доказавъ, что Малороссія не имѣла своего управленія, своихъ предводителей, старшинъ и чиновниковъ и не составляла особой области, пользовавшейся иными законами и разными преимуществами“. Репнинъ старался подкрѣпить дворянское ходатайство такими доводами, какіе до сихъ поръ упускались даже самимъ дворянствомъ. Онъ первый сослался на таблицу малороссійскихъ чиновъ, сочиненную въ 1743 г. комиссіей для перевода и свода книгъ правныхъ; онъ указалъ на занятія малороссійскихъ старшинъ по „части законодательной“, на пріемъ ихъ дѣтей въ кадетскіе корпуса при Екатеринѣ и послѣ нея; такъ, въ 1807 году по Высочайшему повелѣнію поступило въ кадетскіе корпуса болѣе 200 малороссіянъ, изъ коихъ недостаточнымъ были отпущены прогонныя деньги. „Каждая страна,—писалъ малороссійскій военный губернаторъ,—имѣла и имѣетъ свои чины подъ именами, соотвѣтственными образу правленія, положенію государства, языку народа, обычаемъ и пр.; слѣдственно отвергать благородство потому только, что названіе чиновъ, показанное въ таблицѣ о рангахъ, не было употребляемо въ малороссійскомъ краѣ, было бы весьма несправедливо, ибо до реформы 1783 г. чиновники малороссійскіе служили въ войскѣ подъ именами издревле существовавшими, давали судъ и расправу народу, начальству ихъ ввѣренному, были вѣрны и преданы своимъ государямъ и сражались съ честью и мужествомъ за отечество, пользовались особенными правами, преимуществами и щедротами государей, и имъ не настояло никакой надобности искать переименованія себя въ великороссійскіе чины, доколѣ само правительство не признало сіе нужнымъ“. „Чиновники малороссійскіе, признаваемые по разбору губернскихъ дворянскихъ собраній, на основаніи Высочайше жалованной дворянству грамоты, въ дѣйствительномъ дворянствѣ, какъ прежде, такъ и нынѣ, были допускаемы къ дворянскимъ выборамъ и служатъ въ должностяхъ, по высочайшему о губерніяхъ учрежденію назначенныхъ, и другихъ, мало-

россійскому краю присвоенныхъ, они суть полные владѣльцы крестьянъ и помѣстьевъ наслѣдственныхъ или благопріобрѣтенныхъ, въ числѣ коихъ находятся жалованныя отъ государей и данныя отъ германовъ предкамъ ихъ. Потрясаемое нынѣ благородство малороссійскихъ фамилій укоренилось изъ вѣковъ образомъ жизни, родомъ службы, просвѣщеніемъ и семейными связями съ дворянскими поколѣніями. Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда потребна жертва для пользы отечества, ревность сего благороднаго сословія, неизъемлемаго отъ повинностей дворянскихъ, равняется ихъ вѣрности и преданности престолу всероссійскому. Стоитъ вспомнить бѣдственный, но славный 1812 годъ, чтобы удостоверить, сколь мало сіи потомки храбрыхъ рыцарей дорожатъ своею собственностью, своею жизнью тамъ, гдѣ отечество требуетъ ихъ помощи“.

[Репнинъ находилъ, что чиновники малороссійскіе, начиная съ войсковыхъ товарищей, равно какъ и потомство ихъ, должны быть дѣйствительными дворянами и принадлежать къ военному дворянству.] Думая иначе, онъ, Репнинъ, дерзнулъ бы мечтать въ противность высочайшей волѣ и посягнулъ бы къ ниспроверженію благоденствія малороссійскаго дворянства, которымъ оно близъ двухъ вѣковъ уже неизмѣнно наслаждается подъ благословеннымъ скипетромъ россійскихъ вѣнценосцевъ, служа имъ и государству съ пользою и честью, свойственною тому сословію, которое составляетъ опору престола.

[Не знаемъ, ускорило ли вмѣшательство Репнина наведеніе тѣхъ справокъ о малороссійскихъ чинахъ, которое было поручено министру внутреннихъ дѣлъ Сенатомъ. Полагать надо, что да, потому что вскорѣ послѣ представленія малороссійскаго военнаго губернатора справки были готовы. Дѣломъ этимъ занимался совѣтъ министра. Приняты были, конечно, прежде всего въ соображеніе свѣдѣнія, какія можно было извлечь изъ печатныхъ источниковъ— „Краткой лѣтописи М. Россіи“ Рубана, „Исторіи М. Россіи“ Бантыша-Каменскаго и извѣстнаго въ свое время труда Правикова „Памятникъ изъ законовъ Россійской имперіи“¹⁾; не были, конечно, забыты и свѣдѣнія, сообщенныя

¹⁾ Здѣсь между прочимъ, имѣется „Историческое обзорѣніе Россійскаго законодательства съ присовокупленіемъ свѣдѣній о бывшихъ въ Малороссіи присутственныхъ мѣстахъ и чинахъ“.

Репнинымъ, а также справки по герольдіи. На основаніи собранныхъ такимъ образомъ данныхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ возможнымъ признать доказательствами дворянскаго званія чины: гетмановъ, генеральныхъ старшинъ, полковниковъ, полковыхъ старшинъ, сотниковъ, бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей, подкоморыхъ, земскихъ судей, подсудковъ и возныхъ, асауловъ, хорунжихъ, писарей и атамановъ генеральной артиллеріи, компанейскихъ полковниковъ, обозныхъ, писарей, асауловъ и хорунжихъ, переводчиковъ генеральной канцеляріи и войсковыхъ канцеляристовъ. Всѣ остальные чины (а ихъ, по счету министерства, оказалось еще 21) не могли, по мнѣнію министра, служить доказательствами дворянства.)

12 февраля 1828 г. при Сенатѣ былъ учрежденъ особый „комитетъ о прожектированіи правилъ, какимъ бы образомъ удобнѣе произвести ревизію дѣйствій дворянскихъ собраний и положительно опредѣлить настоящіе дворянскіе роды“. Этому то комитету и пришлось окончательно рѣшать участь потомства сотниковъ и возныхъ. Уже одна передача дѣла учрежденію, призванному бороться съ злоупотребленіями дворянскихъ собраний, выразившимися въ перепроизводствѣ привилегированнаго сословія, не могла обѣщать украинскимъ панамъ ничего добраго: И дѣйствительно, добра не вышло. Всѣ труды составителей дворянскихъ холатайствъ пошли прахомъ; ихъ искусная аргументація оказалась бесполезной. Жалоба Репнина на то, что дѣйствіями герольдіи потрясается благородство всего малороссійскаго дворянства, была признана неосновательной. Съ точки зрѣнія комитета, герольдія поступала вполнѣ законно: дѣйствіями ея не только не потрясало дворянское достоинство дѣйствительнаго малороссійскаго шляхества, а наоборотъ, охранялись и возвышались права его.) Благодаря доставленнымъ герольдіей свѣдѣніямъ, комитетъ выставилъ на видъ цѣлый рядъ неправильныхъ дѣйствій малороссійскихъ депутатовъ: они, принимая не въ настоящемъ смыслѣ 12 пунктъ 92 статьи дворянской грамоты, признавали достаточнымъ и неопровергаемымъ доказательствомъ дворянства одно свидѣтельство 12 благородныхъ и на семь основаніи сопричисляли къ дворянскому сословію

всякаго состоянія и званія людей. Со времени открытія депутатскихъ комиссій и до 1790 г. дворянскія собранія трехъ малороссійскихъ губерній причислили къ дворянству 22,702 ревизскихъ души, да и послѣ, не смотря на указъ 1791 г., продолжали принимать въ дворянское сословіе лицъ податнаго состоянія и разночинцевъ: такъ, въ 1828 г. изъ 4269 дворянскихъ фамилій полтавской губерніи податныхъ и разночинцевъ числилось 2095. Депутатскія собранія малороссійскихъ губерній принимали въ доказательство дворянства выписки изъ повѣтовыхъ судовъ и прочихъ присутственныхъ мѣстъ: въ сихъ выпискахъ не заключались грамоты царей и великихъ князей или универсалы гетмановъ на пожалованныя имѣнія, но объяснялось только, что въ старинной книгѣ, въ семъ судѣ хранящейся, написанъ такой то сотникомъ, войсковымъ товарищемъ или тому подобнымъ. А чтобы придать сему показанію вѣроятіе, то всегда представлялось свидѣтельство 12 дворянъ, которые удостовѣряли, что показанный въ выписи чиновникъ есть предокъ настоящаго просителя. Таковыя доказательства признаваемы были дѣйствительными и на основаніи оныхъ сопричисляемы были къ дворянскому сословію люди всякаго званія^а.

При такихъ условіяхъ заключеніе комитета оказалось гораздо строже, чѣмъ можно было предполагать а ргіогі. Дворянами, имѣющими дѣйствительное и потомственное дворянство, были признаны только тѣ изъ козацкихъ старшинъ, которые изъ сихъ чиновъ были россійскимъ правительствомъ произведены за службу въ генералитетскіе и штабъ-офицерскіе, какъ военной, такъ и гражданской службъ, чины. Что касается остальныхъ малороссійскихъ чиновъ, то одни изъ нихъ были признаны дающими только личное дворянство, а другіе причислены къ классу разночинцевъ¹⁾.

Докладъ Сената былъ рассмотрѣнъ Государственнымъ Совѣтомъ. Здѣсь строгій приговоръ особаго комитета подвергся значительному смягченію. 20 марта 1835 г. состоялся наконецъ Высочайшій указъ, согласно коему изъ чиновъ старой малорос-

¹⁾ Чг. Общ. истор. и древн. 1861 г., кн. 2, отд. V, стр. 80 - 139.

сійской службы потомственное дворянство было признано за генеральными старшинами, полковниками, полковыми обозными, асаулами, хорунжими и писарями, сотниками и войсковыми и бунчуковыми товарищами; изъ чиновъ генеральной артиллеріи потомственное дворянство призвано за асаулами, хорунжими и атаманами, а изъ чиновъ „статскаго правленія“—за подкоморными и земскими судьями и подсудимками, но только за тѣми, которые „жалованы были во время существовавшаго въ Малороссіи гетманскаго правленія“. Всѣхъ тѣхъ, кои не представлять по 1 января 1839 г. доказательствъ на потомственное дворянство и не будутъ имѣть по статскимъ оберъ-офицерскимъ чинамъ дворянства личнаго, велѣно обратить въ козацье сословіе, запретивъ имъ впредь именоваться дворянами, но не лишая, впрочемъ, права доказывать свое дворянство впослѣдствіи установленнымъ порядкомъ¹⁾.

Послѣдніе отголоски громкаго нѣкогда дѣла о правахъ малороссійскихъ старшинъ на дворянское званіе замолкли только въ 1855 году, съ изданіемъ закона, согласно коему непризнаннымъ дворянамъ, приписаннымъ къ козацкимъ обществамъ, предоставлены кое-какія временныя льготы по несенію государственныхъ налоговъ и повинностей²⁾. Это уже было наканунѣ великой реформы, лишившей дворянство самой заманчивой изъ дворянскихъ привилегій. Потомкамъ значковыхъ товарищей и возныхъ жалѣть было уже не о чемъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и многое изъ того, что прежде было *привилегіей* одного высшаго класса, стало *правомъ* всѣхъ подданныхъ русскаго государства.

Д. Миллеръ.

¹⁾ И Полн. Собр. Зак. Росс. имп., т. X, отд. I, № 7976

²⁾ Ibid., т. XXX, отд. I, № 29, 153.

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ¹⁾.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

ХІ.

Однажды, когда Богданъ, веселый и счастливый, возвращался изъ своего обычнаго объѣзда, Ахметка сообщилъ ему, принимая отъ него коня, что какой-то бандуристъ пришелъ во дворъ и дожидаетъ Богдана въ его покоѣ.

Непріятное, тупое предчувствіе шевельнулось въ его душѣ. Поспѣшно бросилъ онъ на руки Ахметки поводья и быстрыми шагами взошелъ на крыльцо.

Вошедши въ свою комнату, Богданъ замѣтилъ съ изумленіемъ бандуриста, сидѣвшаго къ нему въ полъ-оборота. Онъ былъ огромнаго роста, необычайно широкъ въ плечахъ, и не смотря на длинную, сѣдую бороду и изумительно-рванныя лохмотья, покрывавшія его тѣло и почти закрывавшія лицо, держался ровно и бодро.

Богданъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился передъ незнакомымъ старикомъ.

— Будь здоровъ, батьку Богдане, пошли тебѣ. Боже, вѣкъ долгій, много счастливыхъ дней!—заговорилъ тотъ нараспѣвъ старческимъ голосомъ, подымаясь къ нему на встрѣчу.

Непонятное смущеніе еще болѣе завладѣло Богдановой душой.

А старикъ, казалось, замѣтилъ это,— въ глазахъ его мелькнулъ веселый, насмѣшливый огонекъ и, не давши Богдану придти въ себя, онъ подошелъ къ двери быстрыми и твердыми шагами, заперъ замокъ и, повернувшись къ Богдану, крикнулъ весело:

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 3.

— Га, га, друже! Славно, значить, я одѣлся, когда и товарищи не узнають! А я по тебя!..

— Нечай!—отступил Богданъ и сдѣпенѣлъ.

„Такъ значить снова,—горько мелькнуло у него въ головѣ—пускайся въ путь подъ бури, подъ грозы, подъ страшные буруны! И не вѣдать тебѣ, козаче, ни отдыха, ни покоя, не свить тебѣ до смерти родного, теплаго гнѣзда!“...

Какъ и куда исчезъ странный бандуристъ, не зналъ никто во дворѣ, но рѣзкую перемену, происшедшую въ Богданѣ послѣ его посѣщеній, замѣчали рѣшительно всѣ. Словно подъ тѣнью нависшей грозовой тучи, исчезла вдругъ вся его оживленность, вся энергія. Его уже не интересовали ни новые поселки, ни хозяйственные заботы: онъ ходилъ сосредоточенный, молчаливый, почти мрачный. При каждомъ неожиданномъ посѣтителѣ или стукѣ, на лицѣ его появлялось выраженіе тревоги. Вечеромъ, у огня камелька, онъ уже не рассказывалъ о пережитыхъ бѣдствіяхъ и битвахъ, а сидѣлъ молча, сдвинувъ черныя брови, потупивъ глаза въ раскаленную грудку пылающихъ углей. И въ эти минуты лицо его, красивое и гордое, казалось суровымъ и жестокимъ, а въ глазахъ испыхивали зловѣщія, мрачные огоньки. Да и сиживалъ теперь въ кругу семьи Богданъ рѣдко, большею частію онъ оставался на своей половинѣ одинъ, требуя къ себѣ большую фляжку и кубокъ; въ это время никто не рѣшался нарушить его покой.

Словно какое-то гнетущее предчувствіе нависло надъ всѣмъ домомъ. Не стало слышно ни пѣсенъ, ни шутокъ; когда говорили, то старались говорить тихо, даже дѣти присмирѣли совсѣмъ. Ганна и ходила, и дѣлала все, какъ прежде, но душой ея овладѣвала властнѣй и властнѣй безотчетная, безъисходная тоска. Оставалась-ли она одна въ своей свѣтелкѣ, развертывала-ли пожелтѣвшую Библію, или Четы-Миней,—всюду поредъ ней вставали картины ужасовъ, разливающихся по родной землѣ, и среди всѣхъ этихъ слезъ, и воплей, и стоновъ вставалъ какъ колоссъ, всегда одинъ неизмѣнный образъ, гордый, величавый и сильный. Ганнѣ казалось, что отъ одного его голоса разорвется нависшая тьма, отъ одного взмаха его могучей руки исчезнетъ вся нечисть, облѣпившая родной край... Ганна старалась уйти отъ него и не могла. Она искала людей, боялась оставаться одна, но и тамъ, и всюду стоялъ онъ передъ нею.

Однажды подъ вечеръ Богданъ велѣлъ позвать къ себѣ въ комнату Ганну. Затрепетала Ганна невольно и почувствовала, что ея сердце сжалось томительно тоской. Она вошла и тихо остановилась у дверей.

— Подойди сюда ближе, сядь подлѣ меня, Галю!—обратился къ ней мягко Богданъ.

Ганна вся вспыхнула, сдѣлала нѣсколько шаговъ и опустилась невдалекѣ отъ Богдана на низкій диванъ.

— Да какъ же ты „змарнила“, голубко!—произнесъ Богданъ, взглянулъ на ея измученное лицо.—Тяжело тебѣ, бѣдняжка, жить у насъ.

— Какъ можно,—хотѣла возразить Ганна, но оборвалася на словѣ и только низко опустила голову на грудь.

— Тяжело, сердце!—вздохнулъ Богданъ.—Все ты у насъ: и хозяйка, и мать моимъ дѣтямъ, и другъ мнѣ.

— Дядьку!—только могла выговорить Ганна въ порывѣ глубокаго чувства и, поднявши на него свои просвѣтлѣвшіе глаза, смутилась вся.

— Вотъ я для того и призвалъ тебя, чтобы поговорить о тебѣ,—началъ Богданъ тихо, беря ее за руку,—потому что ты мнѣ, Галю, все равно, что родная дочь.—Рука, которую онъ держалъ, слегка вздрогнула. Богданъ остановилъ на Ганнѣ испытующій взглядъ и продолжалъ дальше.—Скоро, видно, придется намъ разстаться, а увидимся-ли всѣ скоро, и какъ увидимся—вѣдаеть одинъ Богъ.

— Какъ? Дядько хочетъ оставить насъ снова?—вскрикнула Ганна и подняла на Богдана испуганные, опечаленные глаза.

— Не хочетъ коза на торгъ, а ведутъ!—усмѣхнулся Богданъ, овладѣвая собою.—Но дѣло теперь въ тебѣ, моя горличка. Въ наше бурное время тяжело жить дѣвушкамъ безъ крѣпкой и вѣрной опоры. А какая опора въ жизни можетъ быть крѣпче и надежнѣе любящаго мужа?

— Дядьку, дядьку, что вы?—перебила его Ганна, стараясь освободить свою руку.

— Нѣтъ, Галю,—продолжалъ Богданъ, удерживая ее,—такъ Богомъ создано, такъ и должно быть. „Не довѣдетъ человѣку единому быти“, говоритъ намъ Писаніе. Ты уже вошла въ лѣта, а, можетъ быть, черезъ затворничество у насъ не ищешь своей доли. Какъ это ни тяжело намъ, а тебѣ пора зажить своей семьей. И есть такой человѣкъ,—смущенно продолжалъ Богданъ, стараясь взглянуть Ганнѣ въ лицо,—я его знаю. И „лыцарь“ славный, и собою хорошъ, а ужъ какъ любить тебя!... Что-жъ молчишь, Галю?—продолжалъ онъ, наклоняясь къ ней и не замѣчая, какъ поблѣднѣло ея лицо, какъ губы ея задрожали, и крупныя слезы быстро закапали изъ глазъ.—Или застыдилась, квиточка? Скажи мнѣ только одно слово: вѣдь любовь онъ тебѣ?

— Не надо, не надо мнѣ никого, дядьку!—вскрикнула вдругъ Ганна съ рыданьемъ и, вырвавшись отъ него, быстро выбѣжала за дверь.

Богданъ хотѣлъ было броситься за нею и остановился въ изумленіи, не понимая, что въ его словахъ могло такъ обидѣть и огорчить это тихое, кроткое существо.

Настала ночь, а Ганна все еще не могла успокоиться. Она сидѣла на своей постели, заломивши руки, то вглядываясь въ свѣтлый сумракъ горящими глазами, то снова захлебываясь въ слезахъ. Да что же, что же могло въ словахъ Богдана такъ невыносимо тяжело обидѣть ее?—предлагала она себѣ въ сотый разъ одинъ и тотъ же вопросъ.—Что? что?—и возмущенные отвѣты бурно лились изъ души: „Въ такую минуту, когда смерть грозитъ тысячамъ, говорить мнѣ о мужѣ? Мнѣ говорить? Могу-ли я о томъ думать? Ахъ, такъ оскорбить меня! За что, за что? Чѣмъ заслужила я?—И при одномъ воспоминаніи о словахъ Богдана, горькая обида съ новой силой вставала въ ея душѣ.—Да, но почему-же, когда другіе говорили ей то же, почему же не оскорблялась она? Потому, что они ей чужіе, потому что они не знаютъ ее! Но братъ вѣдь ей тоже не чужой, вѣдь онъ ей самый близкій...—съ какой-то рѣзкой, раздражающей болью допытывала сама себя Ганна:—почему же ему могла она отвѣтить коротко и просто, что не любитъ никого и замужъ не пойдетъ никогда? Не любитъ никого,—медленно, вслушиваясь въ слова, произнесла Ганна и отбросила съ лица опустившіяся на лобъ волосы.—Да, да! И онъ долженъ былъ знать это лучше всѣхъ! Почему? Потому-что онъ знаетъ ее, знаетъ, чѣмъ занята ея душа, знаетъ, что для любви въ ней мѣста нѣтъ!—Ганна невольно поднялась съ постели. Что-то мучительно глубоко шевельнулось въ ея сердцѣ при этихъ словахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—тряхнула она съ усиліемъ головою, и лихорадочныя мысли понеслись въ ея головѣ, стараясь заглушить проснувшуюся боль,—онъ не долженъ былъ говорить этого! Какъ къ отцу, какъ къ матери привязалась она къ нему, а онъ,—губы Ганны снова задрожали,—такъ легко, такъ спокойно хотѣлъ устранить ее! Да неужели-же сожалѣнія и жалости не было въ его сердцѣ? Нѣтъ, онъ... кажется говорилъ... что тяжело... но все же, все-же сваталь. . . Ложь! Ложь!—вскрикнула Ганна, перобивая сама свои мысли и сжимая горящую голову.—Да вѣдь и отецъ, и мать больше любятъ своихъ дѣтей, а думаютъ объ ихъ судьбѣ, и дочери безъ обиды уходятъ изъ отцовскаго дома и строятъ свое молодое гнѣздо! Почему-же ее обидѣло это такъ тяжело? Почему? Почему?—съ нетерпѣніемъ допрашивала себя Ганна, закусывая губы и сжимая до боли руки.—И снова мысли ея возвращались къ словамъ Богдана и описывали тотъ-же кругъ. Уже передъ свѣтомъ заснула она, измученная, взволнованная какимъ-то страннымъ чувствомъ до глубины души. Рано

утромъ ее разбудила старуха нянька и сообщила, что изъ Золотарева прискакалъ гонецъ и принесъ извѣстiе о томъ, что пану Золотаренку кабанъ повредилъ ногу на охотѣ, и хотя рана неопасная, но панъ просить Ганну навѣститъ его.

Ганна до чрезвычайности обрадовалась этой возможности выѣхать изъ Субботова и страхнуть съ себя всѣ эти чувства, мысли и сомнѣнiя, которыя опутали ее здѣсь, какъ муху паутина. Наскоро одѣвшись, она отправилась къ Богдану.

Она вошла въ его комнату, блѣдная, съ отъенными еще болѣзненною тѣнью глазами.

— Ну, какъ тебѣ, моя „горличко“?

— Спасибо, уже совсѣмъ хорошо,—отвѣтила, опустивъ глаза, Ганна.—Я къ брату поѣхать хочу.

— Къ брату? Зачѣмъ?—изумился Богданъ.

— Такъ,—и по лицу Ганны разлился слабый румянецъ.—Извѣстiе получила, на охотѣ кабанъ ему ногу порвалъ.

— Пустякъ! Царапина, я слыхалъ. Развѣ у него безъ тебя не найдется кому перевязать? Заживетъ! Черезъ два дня козака у насъ откалывать будетъ.

— Нѣтъ, дядьку,—тихо, но твердо отвѣтила Ганна,—мнѣ нужно поѣхать: я бабу съ собой повезу.

— Ну, дѣлай, какъ хочешь! Только дай я посмотрю на тебя!—Богданъ взялъ ее за руку и подвелъ къ окну.—Съ чего ты, голубко, такая печальная стала? Не обидѣлъ-ли тебя кто?

— Нѣтъ, никто... За братомъ соскучилась,—проговорила Ганна и, чувствуя, какъ задрожали губы, быстро отвернулась.

— Ну, коли соскучилась, неволить не буду,—погладилъ ее Богданъ по темной головкѣ и съ недоумѣнiемъ покачалъ головой.—Поѣзжай. Я самъ навѣдаюсь скоро, нужно все о чемъ съ Иваномъ переговорить.

— Такъ я велю лошадей закладывать,—перебила его Ганна, все еще не поворачивая головы.

— А можетъ послѣ обѣда?—остановилъ ее Богданъ; но Ганна молчала.—Такъ торопиться насъ покинуть?—грустно замѣтилъ онъ.—Ну, дѣлай, какъ знаешь сама. Да вели взять мой старый „байбарабъ“ (особаго покроя шуба, родъ бекеша) на ноги—холодно.

Ганна хотѣла что-то отвѣтить, но вдругъ плечи ея задрожали, и, быстро повернувшись, она вышла за дверь.

Въ свѣняхъ она встрѣтилась съ Ахметкой. Хлопчикъ былъ одѣтъ уже по дорожному и засунулъ за кушакъ пару пистоле-летонъ.

— А ты куда собрался, Ахметка? — удивилась Ганна, окидывая его взглядомъ съ ногъ до головы.

— Какъ куда? — изумился въ свою очередь мальчикъ. — Панну поѣду провожать.

— Такъ боишься за меня? — улыбнулась Ганна. — Ну, поѣзжай, тамъ и дьякова хата близехонько.

Ахметка немного смутился, но, тряхнувши весело головой, замѣтилъ: — А я ужъ велѣлъ и лошадей подавать.

Ганна отворила дверь и, войдя на женскую половину, прошла прямо къ больной.

— Кидать насъ собралась, Галочко, на долго-ли? — жалобно заговорила больная, приподымаясь на постели. — Охъ, какъ мы тутъ безъ тебя останемся? Дѣтки плачутъ за тобой.

И въ самомъ дѣлѣ, дѣти, собравшіяся подлѣ матери, казалось, только и ждали этого слова. Съ громкимъ рыданіемъ уцѣпились они со всѣхъ сторонъ за Ганну, повторяя всѣ, какъ одинъ: „Ганнусю, не уѣзжай, не кидай насъ!“

— Видишь, они къ тебѣ, какъ къ матери родной, — горько усмѣхнулась больная, и Ганнѣ показалось, что по лицу ея скользнула печальная тѣнь. — Не оставляй ихъ, Галочко!

— Титочко, да вѣдь я не надолго, я вѣдь вернусь, — старалась Ганна успокоить дѣтей.

Но больная подняла на нее грустные и какіе-то необычайно пронизательные глаза и промолвила тихо: — Вернешься? Когда? Быть можетъ, уже не застанешь меня.

— Что вы, что вы, титочко? — наклонилась Ганна къ ея рукѣ, — поздоровѣетъ братъ, я сейчасъ и назадъ вернусь.

Больная обняла ее за голову и, прижавши къ своей груди, тихо шепнула. — Бѣдная моя, хорошая моя!

Ганна чувствовала, что еще нѣсколько мгновеній, и она потеряетъ присутствіе духа. Она перецѣловала поспѣшно всѣхъ дѣтей, быстро одѣлась, вышла на дворъ и сѣла въ сани вмѣстѣ со старухой-знахаркой.

Сильно рванули лошади и быстро понеслись впередъ. За ними двинулись два всадника: Ахметка еще съ другимъ козакомъ.

Мелькнули первыя ворота, вторыя — и сани вынеслись на необозримое пространство, покрытое сверкающею, какъ сахаръ, бѣлою пеленой.

Ганна взглянула въ ту сторону, гдѣ остался хуторъ и поселки. Они стояли, всѣ осыпанные блестящимъ снѣгомъ съ обьиндѣвѣвшими словно сказочными деревьями; легкій дымокъ изъ трубъ подымался молочными полосами къ ярко-ярко-синему небу. Все это имѣло празд-

ничный, торжествующій видъ; но отъ этого блеска красные круги заходили у Ганны въ глазахъ. Ганна закрыла глаза и прижалась къ деревянной спинѣ саней. Лошади несли дружно; вожки мягкаго сѣнга, вырываясь изъ-подъ копытъ, осыпали сѣжною пылью сидящихъ въ саняхъ. Изрѣдка только въ балкахъ видѣлись признаки хуторовъ, но чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ безлюднѣе разливалась кругомъ безбрежная степь. Тупое, гнетущее чувство овладѣвало Ганной все властнѣй и властнѣй. Съ каждымъ шагомъ лошади уносили ее отъ того мѣста, въ которомъ сосредоточилась вся ея жизнь.... За чѣмъ-же она покинула Субботовъ? За чѣмъ? Ганна сжала свои тонкія руки и съ тоской оглянулась назадъ. Но тамъ уже ничего не было видно, кромѣ яркаго неба и сверкающаго сѣнга...

Время шло; сани плавно неслись впередъ и ихъ мѣрное покачиванье начинало мало-по-малу убаюкивать Ганну; она закрыла глаза и сама того не замѣчая, погрузилась въ воспоминанія всей своей протекшей жизни.

Вотъ уже пять лѣтъ, какъ поселилась она въ Субботовѣ. Какая она была тогда еще маленькая дѣвочка! Было-ли ей и четырнадцать лѣтъ? Въ дѣтствѣ своемъ Ганна видѣла мало веселаго. Отецъ рѣдко бывалъ дома, козаковалъ все больше, а мать томилась безъ него, боялась, плакала. И Ганнѣ не хотѣлось идти ни къ подругамъ, ни на улицу; она все сидѣла подлѣ матери, прижимая ея худую руку къ своимъ губамъ. Въ церковь онѣ ходили постоянно и постоянно служили молебны о рабѣ Божіемъ Николаѣ до тѣхъ поръ, покуда во время возстанія Сулимы не принесли матери печальную вѣсть. Что-жъ, громко мать не тужила! Она всю жизнь жила, ожидая того...

Молебны замѣнились панихидами; но бѣдная женщина тихо и безропотно таяла день за днемъ. Гдѣ же былъ братъ? Онъ учился на Стѣчи „войсковой справѣ“ (военному искусству). Ганна одна ходила за больной матерью, считала ея послѣдніе дни, но считать ей пришлось ихъ недолго. Вскорѣ мать умерла на ея рукахъ.

Дѣвочку взялъ дальній родичъ и закадычный другъ ея отца, Хмельницкій.

Сначала Ганна дичилась въ ихъ домѣ... О, какъ это давно уже было! Жена Богдана не лежала тогда, какъ теперь. Она была бойкая, и веселая, и радушная хозяйка; все у ней въ домѣ кипѣло, все въ хозяйствѣ шло своимъ чередомъ. Дядько рѣдко когда бывалъ дома, развѣзая все по „войсковымъ справамъ“, а когда возвращался домой, то очень ласкалъ сиротку. Богдану понравилась маленькая, серьезная дѣвочка съ большими, печальными глазами; онъ часто разговаривалъ съ ней, научилъ ее читать, и дѣвочка оказа-

лась и умной, и сообразительной. Богданъ часто говорилъ съ ней, и она поражала его своими серьезными, не по дѣтски вдумчивыми отвѣтами. А она? Боже мой, Боже мой, какъ она привязалась къ доброму дядьку! Для нея онъ казался Богомъ, и, слушая его, она отъ дорогого дядьки не могла глазъ оторвать. Да и „титка“ любила ее. Какое это было тихое и услужливое существо! Вездѣ она старалась помочь кому-нибудь въ домѣ, и когда „титка“ начала прихварывать, все хозяйство перешло къ ней въ руки. Такъ пролетѣло два года, и Ганна сдѣлалась взрослой „дивчиной“; но дѣвичьи грезы ее не тревожили. Ни на „вечерницы“, ни на „улицу“ она не ходила, и изъ козаковъ, посѣщавшихъ постоянно домъ Богдана, ни одинъ не затронулъ ея души. Она любила ихъ всѣхъ, а особенно Богуна—потому что видѣла въ нихъ защитниковъ родины, а положеніе края было извѣстно ей съ юныхъ лѣтъ. Когда они собирались у Богдана, она прислушивалась къ ихъ разговорамъ съ замирающимъ сердцемъ, съ потрясенной душой, и никто не обращалъ вниманія на худенькую дѣвочку, забившуюся въ уголокъ, а у этой невзрачной дѣвочки цѣлый героическій міръ разрослся въ душѣ. То ей казалось, что она летитъ въ битвѣ вмѣстѣ съ этими козаками, то ей казалось, что она стоитъ въ Варшавѣ передъ самимъ королемъ и какія горячія рѣчи говорить она ему! Боже, она видитъ, какъ слезы выступаютъ на его добрые глаза! Онъ тронуть, онъ вѣрить ей, онъ понимаетъ положеніе ея родины, и онъ измѣнитъ все и спасетъ всѣхъ. Но чѣмъ старше дѣлалась дѣвочка, тѣмъ рѣже освѣщали ея головку такія пылкія мечты, а задумчивая грусть навѣщала ее все чаще, пока не подружилась съ нею совѣмъ. Въ церкви, стоя передъ образами, Ганна молилась Богу о ниспосланіи спасителя ея странѣ, и чѣмъ мрачнѣе становилось кругомъ, тѣмъ яснѣе вставала въ душѣ ея мысль, что „спаситель“ есть, что онъ недалеко. И, наконецъ, Ганна узнала его! Это случилось съ нею тогда, въ тотъ вечеръ, когда она сидѣла съ Богданомъ, когда онъ говорилъ ей о будущности страны: словно Божія молнія освѣтила эта мысль ея душу, да и сожгла навсегда.

Ганна прижала къ груди руки и оглянулась кругомъ: короткій зимній день уже близился къ вечеру. На западѣ тянулася нѣжная розовая полоса, но солнце еще не опускалось.

— Уже и до Золотарева осталось немного!— обернулся къ ней Ахметка, указывая нагайкой впередъ.—Верстъ пять, не больше!

— Какъ скоро!—вырвалось у Ганны, но радости не было въ этомъ восклицаніи.

А Ахметка, между тѣмъ, нетерпѣливо вглядывался въ бѣлую линію горизонта, стараясь различить поскорѣе „дымари“ золотарев-

сихъ хать. За пазухой у него лежалъ тщательно завернутый свертокъ, и въ немъ заключалась пара хорошенькихъ „червонныхъ черевичекъ“ (красныхъ башмачковъ) съ мѣдными подковками, которыя онъ купилъ въ Чигиринѣ. Черевички были маленькія и аккуратненькія, какъ и ножка, для которой предназначались онѣ. Со времени послѣдняго разговора съ Оксаной, Ахметка сталъ какъ-то серьезнѣе относиться ко всему. По отношенію къ дѣвочкѣ онъ чувствовалъ на себѣ словно отцовскія обязательства. Каждый разъ, какъ онъ бывалъ въ Чигиринѣ, онъ непременно покупалъ что-нибудь Оксанѣ: то плахточку, то платокъ, то „черевички“. И дѣвочка принимала все это съ восторгомъ и, цѣпляясь Ахметкѣ за шею, повторяла по нѣскольку разъ:

— Ахметка, ты и когда женишься на мнѣ, то также все „куповать“ мнѣ будешь?

— Ну, а кто-жъ тебѣ купить, „дытныко“, если не я?—улыбался маленькій козачекъ, чувствуя самъ, какъ отъ этихъ заботъ онъ растетъ и мужаетъ съ каждымъ днемъ.

— Ну да, конечно!—отвѣчала Оксана, дѣлая серьезную мину,— а „баба“ говоритъ, что „чоловикъ“ (мужъ) только бить долженъ жену, и говоритъ, что боится умереть. потому что и на томъ свѣтѣ встрѣтится съ „чоловикомъ“ и что онъ и тамъ начнетъ ее „товкы“.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубко!—успокаивалъ ее Ахметка.— Богъ на томъ свѣтѣ не позволяетъ драться. Вотъ, если кто въ „пекло“ попадаетъ... тамъ... ну, тамъ черги бьютъ...

— Брр!... Ахметка, я боюсь попасть туда!—прижималась къ нему Оксана.— А скажи, куда ляхи послѣ смерти попадутъ?—съ любопытствомъ вскидывала она на него свои темненькіе глазки.

— Въ пекло!—отвѣчалъ рѣшительно Ахметка, нахмуривая при этомъ брови.

— А если тамъ будетъ тѣсно?—допрашивала Оксана.— Дяховъ, Ахметка, много,—покачивала она съ сожалѣніемъ головой.

— Хватить мѣста на всѣхъ! Мы имъ дорогу прочистимъ!—сурово отвѣчалъ молодой козачекъ.

— Дай-то Богъ,—вздыхала Оксана, складывая на колѣняхъ руки,—потому что, если ихъ тамъ всѣхъ не примутъ, то они опять на Украину вернуться,—„погано“ будетъ тогда!

Между тѣмъ, на горизонтъ начали смутно обрисовываться снѣжныя кровли и вершины деревъ. Кучеръ подобралъ возжи, размахнулся рукою, гикнулъ, и лошади понеслись вскачь.

— Золотарево!—крикнулъ громко Ахметка, оборачиваясь къ Ганнѣ; но Ганна не слышала его крика. Она сидѣла, укрывшись, въ саняхъ.

Солнце склонялось къ закату; легкія тѣни спускались кругомъ. Ганна глядѣла передъ собою тусклыми глазами и не видѣла ничего. Ей казалось, что нѣтъ у ней въ груди ни души, ни сердца. Смертельная, безъисходная тоска мертвымъ саваномъ облекала ее.

Ворота при вѣздѣ были раскрыты настежь. Лошади понеслись по узенькимъ улочкамъ, разбрасывая пушистый снѣгъ по сторонамъ. Но, къ удивленію своему, путники не замѣтили ни любопытныхъ бабьихъ лицъ у окошечекъ, ни дѣтскихъ фигурокъ, повисшихъ на плетняхъ, только дружный лай остервенившихся собакъ встрѣчалъ ихъ отовсюду. Казалось, вся деревня вымерла. Однако, странный шумъ, доносившійся издали, не подтверждалъ этого предположенія.

Завернувши въ нѣсколько узенькихъ и кривыхъ улочекъ, сани выскочили на обширную площадь и остановились сразу.

— Отчего стали?—спросила Ганна, приподымаясь: но не нужно было отвѣта, чтобъ понять все.

Вся широкая площадь была сплошь занята шумящимъ народомъ, преимущественно бабами, стариками и дѣтьми. Возлѣ старенькой деревянной церкви и деревянной колоколенки стояла кучка польскихъ всадниковъ. На колокольнѣ, широко упершись ногами въ помость, стоялъ красный отъ гнѣва дьякъ. Его рыжіе, всклооченные волосы разметались кругомъ, голова съ низкимъ лбомъ, налитыми кровью глазами и раздувшимися ноздрями была нагнута впередъ, широкіе кулаки сжаты, и весь онъ напоминалъ остервенившагося быка, готово ринуться впередъ. За нимъ, вся дрожа отъ холода и страха, стояла босоногая Оксана, съ громкими слезами цѣпляясь за рясу отца.

— Пропустите! Пропустите! — крикнула громкимъ голосомъ Ганна, подымаясь во весь ростъ въ саняхъ.

Громкій ли, повелительный голосъ Ганны, или видъ разгорячившихся лошадей повліялъ на толпу, но только она шарахнулась, и лошади вынесли къ колокольнѣ. Подлѣ нея стояли простые сани, запряженные двумя парами воловъ; небольшой отрядъ изъ восемнадцати вооруженныхъ всадниковъ съ толстымъ паномъ-экономомъ во главѣ окружалъ колокольню. Толпа здѣсь казалась еще болѣе разсвирѣпѣвшей. Крики и угрозы оглашали воздухъ, сжатые кулаки и палки подымались вверхъ. Всадники стояли еще въ нерѣшительности.

— Да бейте ихъ, песьихъ сыновъ!—кричалъ побагровѣвшій панъ-экономъ. — Чего стали? А того схизматскаго пса прогнать съ колокольни канчуками!

— Не подходи! — кричалъ дьякъ. — Не тронь звона, я его сторожъ! Головы вамъ всёмъ разможжу, а звона не дамъ!

Двое изъ всадниковъ спѣшили и полѣзли было на колокольную, но дьякъ съ такой силой оттолкнулъ ихъ, что жолнеры покатались кубаремъ; одинъ изъ нихъ ударился головой о выступъ, и густая струя крови залила ему все лицо.

— А, такъ вотъ ты какъ, пса кровь, лайдакъ, геваль, схизмать проклятый! — весь вспыхнулъ панъ-экономъ, сжимая кулаки. — Попробуешь же ты у меня „кошекъ“ и „дыбъ“! Достать его отсюда пиками! Связать пса и вмѣстѣ съ звономъ бросить сюда!

Шесть всадниковъ спѣшили снова и уже готовились было взлѣзть на звонницу, когда раздался громкій, взволнованный крикъ Ганны:

— На Бога, стойте! Стойте, говорю!

Появленіе ея было столь неожиданно, что и всадники, и панъ-экономъ на мгновеніе опѣшили.

— Стойте! — крикнула Ганна, стоя во весь ростъ въ саняхъ. — Я сестра Золотаренка! Скажите, въ чемъ дѣло? Онъ уладитъ все.

Но первое впечатлѣніе прошло: панъ-экономъ оглянулся на дѣвушку и, замѣтивши, что ее сопровождаютъ всего только два козака, отвѣтилъ съ наглымъ смѣхомъ:

— А мнѣ что до того, хотя бы панна была не только его сестрой, но и маменькой? Я пріѣхалъ взять то, что принадлежитъ пану Дембовичу, и съ этою наглою сволочюю съумѣю распорядиться и безъ панской руки!

— Не отгададимъ звона! Не попустимъ! Церковь наша! — раздались угрожающіе крики, и толпа прихлынула еще ближе.

— Пусть только сунется! — равкнулъ дьякъ, засучивая рукава и обнажая красныя, мускулистыя руки.

— Остановитесь, стойте, слушайте! — кричала Ганна, простирая руки то ко всадникамъ, то къ толпѣ. — Земля принадлежитъ пану Дембовичу, но не колоколь: колоколь принадлежитъ церкви, а теперешній панъ Дембовичъ — католикъ.

— Да ужъ, конечно, плюнулъ на хлопскую вѣру! — подбоченился панъ-экономъ, глядя на Ганну наглыми, презрительными глазами. — И безъ права могъ бы онъ взять все, что стоитъ на его землѣ. Но если панна хлопочетъ о правѣ, то тѣмъ болѣе звонъ принадлежитъ ему. Отецъ его мосца построилъ эту церковь и звонъ повѣсилъ; теперь же сынъ его, панъ Дембовичъ, поставилъ въ Глинскѣ костель и звонъ велѣлъ туда перенѣсить, а хлопство, — разразился онъ громкимъ смѣхомъ, — можетъ сзывать въ свою церковь, дупа въ котлы!

— Молчи, ляше! Наша церковь! Не отдадимъ звона!—раздались еще грознѣе крики въ толпѣ.

— Постоите, панове! Не можетъ этого быть! Не можетъ!—говорила Ганна взволнованнымъ голосомъ, стараясь заглушить крики толпы.—Если покойный благочестный панъ Дембовичъ далъ колоколъ церкви, то далъ его навсегда. Но если его наслѣдникъ, забывая всѣ божескіе законы, хочетъ отобрать его, то стой, пане! Мы отгадаемъ ему деньги, а колокола не тронь! Ты видишь, какъ горячится толпа? Оставь, не возбуждай бунта! Поѣдемъ къ брату; онъ...

— Гей, панно,—крикнулъ экономъ, сжимая нагайку,—проѣзжай свою дорогой, не мѣшайся въ мои дѣла! Вывезти сани отсюда!—крикнулъ онъ одному изъ всадниковъ.

Подскочилъ было тотъ къ лошадамъ, но въ то же мгновеніе получилъ такой ударъ кнутовищемъ по лицу, что съ громкимъ крикомъ отскочилъ въ сторону.

— Такъ вотъ какъ?!—заревѣлъ экономъ.—Связать бунтарьку и собакъ!

Нѣсколько человѣкъ бросились и окружили сани, но козакъ и Ахметка обнажили сабли.

— Заходи изъ-за спины! Вали ихъ!—кричалъ экономъ, размахивая нагайкой.—А вы достаньте того схизматскаго пса, свяжите его по рукамъ и по ногамъ!

У саней завязалась борьба; толпа крестьянъ съ вилами и дѣлами отбивались отъ жолнеровъ. Но скоро нѣкоторые изъ нихъ повалились, получивъ сабельные удары. За то козакъ и Ахметка дѣйствовали такъ ловко карабелами, стоя на возвышеніи саней, что два смѣлѣйшихъ жолнера, приблизившихся къ санямъ, упали безъ словъ.

Баба-знахарка, соскочивши съ саней, юркнула куда то въ толпу. Одна Ганна стояла во весь ростъ съ руками, протянутыми впередъ, какъ бы не замѣчая окружающей ее опасности. Грудь ея высоко поднималась, глаза не отрывались отъ колокольни. А атака тамъ усиливалась все больше. Первый жолнеръ, взобравшійся на колокольню, получилъ такой ударъ кулакомъ по головѣ, что тутъ же упалъ замертво, другой схватилъ было звонаря за руки, но тотъ оттолкнулъ его и ударилъ ногой; жолнеръ покачнулся, потерялъ равновѣсіе и покатился внизъ по ступенямъ.

— Собака! — зарычалъ экономъ.—Зажигайте звонницу со всѣхъ сторонъ!

Часть жолнеровъ съ огнемомъ и съ трупомъ бросилась было къ колокольнѣ, но бабы и старики съ дреколями и дѣлами оттѣснили ихъ.

— Слѣзай, собака! Стрѣлять буду!—задыхаясь отъ злости, кричалъ экономя.

— Стрѣляй, песь,—зарычалъ сверху дьякъ,—а отъ звона не отступлюсь!

Панъ-экономъ поднялъ пистолеть и прицѣлился. Дьякъ стоялъ неподвижно, ухватившись рукой за языкъ колокола и застывая собою Оксану.

Панъ экономъ спустилъ курокъ, но въ это мгновеніе Ахметка, прорвавшійся сквозь толпу, наотмашь ударилъ его кулакомъ по плечу; вздрогнула у пана рука, пуля взвизгнула и, не попавъ въ дьяка, ударилась въ колоколь... Жалобно зазвучалъ колоколь и больно задребезжалъ его тихій, печальный звонъ.

— Плачетъ! Плачетъ!—зарыдала навзрыдь Оксана.

— Стонеть, братцы! Помощи просить?—крикнулъ кто-то изъ толпы.

Ганна поблѣднѣла еще больше и занѣмѣла.

— Всѣ на звонницу!—скомандовалъ экономъ.

Осаждавшіе сани бросились къ колокольнѣ; со всѣхъ четырехъ сторонъ поползли на нее вооруженные люди.

Между толпой и осаждавшими завязалась борьба.

Однако, какъ ни храбро сражались козакъ и Ахметка, перевѣсъ былъ на сторонѣ жолнеровъ. Уже двое изъ нихъ достигли колокольни. Сильны были кулаки дьяка, но противъ сабель трудно было имъ устоять. Еще одного удалось ему спихнуть съ колокольни, но двое уже подымались наверхъ. Тогда въ одно мгновеніе вырвалъ дьякъ изъ-за пояса ножъ и, схвативъ одной рукой за языкъ, поднялся на мускулахъ, перерѣзалъ другой веревку, на которой былъ подвѣшенъ языкъ, и съ этою двухъ-пудовою „машугой“ бросился на осаждающихъ сверху. Попятились жолнеры и одинъ изъ нихъ упалъ съ раздробленною головой.

— Не подходи!—рычалъ осатанѣвшій дьякъ, размахивая своей двухъ-пудовой гирей.—Всѣмъ головы раздроблю!

Снова зарядилъ панъ-экономъ пистолеть, но Ахметка слѣдившій за нимъ, подкрался сзади, и ударъ въ этотъ разъ былъ удачнѣе. Правда, теплая шапка предохранила черепъ пана, но онъ, ошеломленный, опрокинулся въ сѣдлѣ; выстрѣлъ грянулъ и пуля попала лошади въ шею... рванулась лошадь и понесла. Тучное тѣло пана скользнуло и грянулось на землю, но нога осталась въ стремяхъ. Какъ обезумѣвшая, неслась лошадь впередъ, увлекая за собою тѣло своего господина. Нѣсколько жолнеровъ бросились перехватить коня, другіе же, не замѣтившіе этого происшествія, продолжали осаждать колокольню. Но страшнѣе былъ теперь дьякъ, размахивавшій своей

гирей, да къ тому же изъ деревни подоспѣло еще нѣсколько козаковъ.

Послѣ недолгой борьбы жолнеры бросились въ бѣгство. Шести изъ нихъ, уложенныхъ гирей дѣяка, уже не было видно нигдѣ.

— Панове братья!—говорила Ганна, дрожа отъ волненія и съ ужасомъ оглядывая трупы, лежащіе кругомъ.—Это такъ не пройдетъ вамъ: Дембовичъ отомститъ за все. Приходите во дворъ на раду къ брату, я къ пану-писарю за совѣтомъ пошлю. Тутъ затѣвается что-то страшное, не то не посмѣлъ бы онъ такое святотатство затѣять!

Побѣдившіе крестьяне стояли теперь молчаливо и угрюмо, образуя возлѣ саней тѣсный кругъ.

— А раненныхъ ко мнѣ во дворъ всѣхъ несите,—продолжала съ тѣмъ же горячечнымъ волненіемъ Ганна.

Захарка, замѣтивши благопріятный исходъ дѣла, также вернулась и уже спокойно сидѣла въ саняхъ. Между тѣмъ, Оксана продолжала все еще жалобно плакать.

— Дѣвочка! Бѣдная! Снимите ее, принесите сюда!—обратилась Ганна къ одному изъ окружающихъ; но Ахметка уже предупредилъ ея желаніе. Перевязавши наскоро полученную имъ при сраженіи рану, онъ бросился на колокольню.

— Ахметка, Ахметка!—закричала дѣвочка, бросаясь къ нему и обвивая его шею красными замерзшими рученками.

— Голубка, ты босая!—вскрикнулъ Ахметка, замѣтивши ея посинѣвшія ножки.—Что ты сдѣлала, бѣдная „дытына“! Да вѣдь теперь на тебя „пропасница“, а то и „огневица“ можетъ напасть! Идемъ, идемъ!—говорилъ онъ торопливо, беря ее на лѣвую руку и закрывая ножки въ полу своего жупана.

— Нелзя, нелзя, Ахметка,—со слезами говорила Оксана,—протягивая въ колоколу руки.—Мы защищать его должны. Батьво сказалъ, что Богъ намъ поручилъ его, а они придуть и опять стрѣлять въ него будутъ, а онъ снова будетъ стонать и плакать.

— Не бойся, не бойся!—успокоилъ ее Ахметка.—Теперь они не скоро вернуться. Да мы оставимъ подлѣ церкви „вартовыхъ“. Въ случаѣ чего, они сейчасъ намъ дадутъ знать.

Осторожно спустился Ахметка со своею ношей по ветхимъ и скользкимъ отъ крови ступенькамъ звонницы и подошелъ къ санямъ.

— Бѣдняжечка!—вскрикнула Ганна, забывая совсѣмъ свое личное горе при видѣ бѣдной дѣвочки: дѣйствительно, видъ послѣдней былъ до чрезвычайности жалокъ. Маленькая, худенькая, она вся дрожала отъ холода и страха; но лицу ея одна за другой ка-

тились слезинки и застывали на промерзшихъ щечкахъ; съ головы скатился платочекъ, и растрепанные волосики разметались кругомъ. Со страхомъ прижималась она къ Ахметкѣ, повторяя:

— Ахметка, Ахметка, не оставляй меня!

— Бѣдняжка, бѣдняжка!—говорила Ганна.—Заверните ее въ этотъ „байбаракъ“, положите сюда! Да поѣдьте скорѣе: ее надо отогрѣть, она замерзла совсѣмъ.

Оксану завернули въ просторную шубу Богдана. Такъ какъ у кучера оказалось сильно поврежденнымъ плечо, то одинъ изъ крестьянъ сѣлъ на козлы, и путешественники шажкомъ двинулись впередъ.

Вскорѣ дворъ пана Золоторенка наполнился ранеными. Рана у самого пана оказалась весьма ничтожной, но все-же онъ не могъ встать съ постели. Ганна со знахаркой перебѣгала отъ одного раненаго къ другому: тому давала горячую пищу, тому перевязывала рану. Лицо ея совершенно измѣнилось и преобразилось; ни тѣни грусти не было на немъ; щеки ея покрыты легкій румянецъ, глаза горѣли отъ прилива энергіи и силы, движенія были легки, ловки и нѣжны. Казалось, Ганна не ощущала никакой усталости, и къ кому бы она ни подходила, всякій чувствовалъ облегченіе отъ ея умѣлой и нѣжной руки.

Болѣе тяжело раненные были оставлены здѣсь же въ теплой хатѣ, болѣе легкихъ отправили по домамъ. Оксану отогрѣли и оттерли. Червоныя „черевички“, купленные Ахметкой, пришлись, чрезвычайно кстати и привели дѣвочку въ такой восторгъ, что она на нѣкоторое время совершенно забыла о своемъ горѣ. Она то и дѣло разсматривала свои красныя ножки и, налюбовавшись „черевичками“, бросилась Ахметкѣ на шею.

Однако, беззаботная радость ея продолжалась недолго.

— Ахметка, а гдѣ же тато?—спросила Оксана, и голосъ ея задрожалъ.—Они хотѣли никами убить его... Можетъ, уже и убили?

— Не безпокойся, дѣточка, не такой тато, чтобы ляхамъ въ руки дался... Онъ спрятался гдѣ-нибудь въ яру, чтобъ имъ на глаза не показываться. А вотъ какъ настанетъ темная ночь, онъ и вернется назадъ.

Но темная ночь настала, а дьякъ не вернулся, и никто даже не могъ сказать, куда и какъ скрылся онъ. Долго поджидала Оксана „батька“, но усталость взяла свое: дѣвочка заснула у окошка съ безмятежною улыбкой на лицѣ.

Только поздно вечеромъ, покончивши со всеми хлопотами и оставшись одна въ свѣтлицѣ, почувствовала Ганна, какъ она страшно

устала. Но это была физическая усталость, за то на душѣ ея было легко и свѣтло. Она сама не знала, что совершило въ ней такой переворотъ, но только чудо это она чувствовала въ себѣ, и оно-то разливало въ ея душѣ тихій, божественный миръ. Съ той минуты, когда Ганна услышала тоскливый призывный стонъ колокола, она ни разу не вспомнила о своемъ личномъ горѣ. Вся эта ужасная сцена, эти стоны, крики, кровь раненныхъ и угрозы—потрясли ее до глубины души, и страшное горе охватило ее всю. Зная хорошо положеніе края, Ганна предчувствовала въ этой наглой, своевольной продѣлкѣ предвѣстіе грядущихъ бѣдъ... И передъ этимъ грознымъ, неотвратимымъ горемъ, какими ничтожными казались ей личныя боли ея души!

На утро Ганна отправила гонца къ Богдану, сообщая ему о случившемся и прося поскорѣе прибыть на совѣтъ. Гонцу было также поручено развѣдать стороной, не извѣстно-ли кому, куда скрылся панъ-дьякъ? Ахметка съ своей стороны бѣгалъ уже два раза на село, узнавалъ у дьяковой бабы, не приходилъ-ли ночью дьякъ? Но перепуганная на смерть старуха не видала никого.

Оксана плакала, закрывая лицо красными рученками, и вздрагивала узкими плечиками. Странное дѣло, дѣвочка, почти никогда не выдавшая ласки отъ грубаго и часто пьянаго отца, чувствовала теперь къ нему такую дѣтскую нѣжность и жалость, и такъ хотѣлось ей увидѣть снова это красное, поросшее рыжеватыми волосами лицо и услышать знакомый, рокошующій голосъ.

— Оксаночко, не плачь!—утѣшалъ дѣвочку Ахметка.—Покуда батько вернется, я попрошу панву Ганну, чтобъ она взяла тебя, и ты будешь съ нами жить.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя, Ахметка!—говорила Оксана, отнимая руки отъ лица и смотря на него серьезными глазами.—Тато говорилъ, что Богъ намъ поручилъ звонъ, что мы должны сторожить его... Я не могу оставить его...

Нѣсколько разъ проходила черезъ хату къ раненнымъ Ганна, и видъ дѣтей, сидѣвшихъ въ углу, взявшись за руки, навѣвалъ тихое чувство на ея душу.

Къ вечеру прибылъ гонецъ изъ Субботова и сообщилъ, что панъ-писарь „вельми“ встревоженъ и на завтра придетъ въ Золотарево.

Прибудетъ... Встревоженъ... Спаситель нашъ!—прошентала Ганна, сжавъ руки, и счастливая улыбка освѣтила ея лицо.—Обо всѣхъ насъ печется, для всѣхъ находитъ слово и совѣтъ!

Тщетно ожидая второй день возвращенія батька, уснула маленькая Оксана; утѣшились раненные; уснулъ и самъ господарь.

Тихо стало въ угрюмомъ золотаревскомъ домѣ. А на сердцѣ Ганны становилось все яснѣй и яснѣй. Восковая свѣча въ низенькомъ шандалчикѣ нагорѣла. Ганна сидѣла у стола, склонивши голову на руку... Вдругъ скрипнула дверь.

— Панно Ганна! — раздался робкій голосъ Ахметки.

— Что тебѣ, милый?—ласково спросила Ганна, подымая голову.

— Дѣло плохо выходитъ, панно: дьяка-то нигдѣ нѣтъ,— тихо заговорилъ Ахметка, приближаясь къ столу.— Нашъ гонецъ, которому вы наказывали разузнать стороной о дьякѣ, говорилъ, что нигдѣ никто ничего о немъ не слыхалъ. Я самъ вотъ отыскалъ въ байракѣ Ивана Цвяха и Гудзя, вотъ которые первые-то сопротивляться начали... такъ они говорятъ, что дьякъ съ ними не былъ... словомъ, никто его не видалъ... Должно быть, его прикончили ляхи.

— Царство небесное, вѣчный покой!—перекрестилась набожно Ганна, подымая къ образу глаза. И тутъ же ей представилась маленькая фигурка дѣвочки, мерзлыя ножки и заплаканные глаза.

Ахметка замигалъ вѣками и продолжалъ нерѣшительно:

— Оно правда, что отецъ немного печалился о дѣвочкѣ, да все-же отецъ былъ... Миѣ завтра чуть свѣтъ въ Субботово скакать надо, я и то просрочилъ цѣлый день... То хоть хатка у бѣдняжки была, а теперь вотъ...—Ахметка неожиданно остановился и угрюмо уставился глазами въ противоположный уголъ.

— Ахметка, милый, какой ты славный хлопецъ!—подошла къ нему Ганна и ласково положила ему руки на плечи.— Не бойся. Развѣ я могу оставить дѣвочку?—говорила она задушевнымъ голосомъ, любовно глядя ему въ глаза. Она сестрой миѣ будетъ и останется у насъ.

— Панно Ганна! До вѣку... всю жизнь... никогда не забуду!—вскрикнулъ дрожащимъ голосомъ весь вспыхнувшій хлопчикъ и бросился къ Ганниной рукѣ.

— Хорошій ты, Ахметка!—подняла Ганна обѣими руками голову хлопца и, взглянувъ ему долгимъ взглядомъ въ глаза, тихо сказала:—Оставайся всю жизнь такимъ!

Настало утро, сѣренькое, зимнее утро. Все небо затянулось ровнымъ, бѣлесоватымъ облакомъ. Вновь подпавшій снѣгъ покрывалъ всю землю свѣтлою целеной. Бѣлый матовый отблескъ наполнилъ комнаты. Въ печахъ трещала солома. Все было тихо и спокойно. Казалось, насталъ какой-то праздникъ. Ганна чувствовала этотъ

тихий праздникъ и въ своей душѣ. Она сидѣла у небольшого оконца въ свѣтлицѣ. Въ глубинѣ комнаты на обитомъ ковромъ топчанчикѣ сидѣла и Оксана. На ней была темно-синяя корсетка, головка была тщательно причесана, но личико дѣвочки выглядѣло серьезно и печально: нижняя губка была оттопырена, тяжелый вздохъ часто вырывался изъ ея груди. Маленькіе пальчики неумѣло держали иголку съ красною ниткой, которая то и дѣло непослушно вырывалась изъ рукъ. У ней была работа: она вышивала.

Вотъ уже съ обѣдной поры сидитъ у своего окошечка Ганна: ей не работается; она ждетъ Богдана.

Бѣлый пухлый снѣжокъ леталъ въ воздухѣ и падалъ на бѣлую землю тихо и безшумно... И печальное, тихое чувство наполнило все сердце Ганны.

Раздался тупой стукъ копытъ о замерзлую землю. Ганна вздрогнула и почувствовала, какъ вся кровь отхлынула у ней отъ сердца. Всадникъ подсккавалъ къ крыльцу.

— Что это? Богданъ? Одинъ? Безъ козаковъ?—почти вскрикнула Ганна и ея сердце забилося мучительно-торопливо въ груди.—Да нѣтъ же, нѣтъ, это не онъ! Это гонецъ! Несчастье! Случилось что?

Какъ вихрь, какъ буря пронеслись и сожалѣніе, и ужасъ въ ея голосѣ.

Ганна выбѣжала изъ комнаты и бросилась въ сѣни. Двери распахнулись. Весь осипанный бѣлымъ снѣгомъ, скользя на снѣжномъ полу бованными сапогами, вошелъ молодецкій козакъ.

— „Листъ“ (письмо) паннѣ отъ пана писаря!—произнесъ онъ звонкимъ, молодымъ голосомъ.

Прислонилась Ганна къ дверямъ; желтая бумага задрожала у ней въ рукахъ.

„Любая нашему сердцу, горлычко!—писалъ ей Богданъ.— Не привелъ меня Богъ повидаться съ тобой и съ неменьше дорогимъ нашему сердцу братомъ твоимъ. Панъ коронный гетманъ требуетъ всѣхъ на „Масловъ Ставъ“, на „раду“, а оттуда, куда придется; объ этомъ вѣдаетъ одинъ Богъ. Прошу тебя, „не гаючи часу“ возвращайся въ хуторъ нашъ: оставляю жену и дѣтей безъ единого призора. За симъ препоручаю васъ всѣхъ Господу нашему Богу и всѣхъ святыхъ ласкѣ. Писано въ Субботовѣ. Року Вожого 1539. Децембрія 1-го. Писарь его крулевской милости войска козацкаго реестрового, „рукою власною“.

— Увѣхалъ... куда, насколько—самъ не знаетъ... Она не увидитъ его! О Господи!—простонала Ганна, и вдругъ, словно яркая молнія прорѣзала всѣ ея мысли: въ одно мгновенье ей стало ясно

и то, отчего такъ обидѣли ея слова Богдана и отчего ее охватила теперь такая смертельная тоска.

Дикій, смертельный ужасъ наполнилъ все ея сердце... Ганна пошатнулась и поблѣднѣла... желтая бумага выкатилась изъ ея рукъ. „Да будетъ такъ!— пронеслось въ ея головѣ, и лицо ея стало неподвижно и мертво.—Твою, Господи, руку вижу во всемъ!“

М. Старицкій.

(Продолженіе будетъ).

ПОЪЗДКА ВЪ ПОЛТАВУ.

(П. Г. В — ову).

Посѣтивъ лѣтомъ 1896 г. Полтаву, мы увидали тотъ же тихій, патріархальный „губернскій городъ“, какимъ онъ былъ и 25-ть лѣтъ назадъ, когда мы въ послѣдній разъ тамъ были: ничего въ Полтавѣ, за этотъ промежутокъ, не прибавилось, ничего и не убавилось... Тѣ же живописные виды на Загорскльѣ, тѣ же заросшіе садами домъ и домики, тѣ же плохіе пѣшеходы... Однѣ лишь обширныя лавки своимъ полуразрушеннымъ видомъ непріятно бросаются въ глаза, напоминая о нѣкогда бурлившей здѣсь Ильинской ярмаркѣ.

Пріютились мы на „Кобыщанахъ“, среди садовъ, и послѣ первыхъ привѣтствій съ нашими амфитріонами, стали ихъ спрашивать о полтавскихъ новостяхъ. Отвѣтъ былъ тотъ, что полтавскіе обыватели живутъ „помаленьку“, какъ жили и прежде... Впрочемъ, въ это время въ Полтавѣ еще не забылся „инцидентъ“, имѣвшій мѣсто въ губернскомъ земскомъ собраніи 4 декабря 1895 г. Надолго памятный самъ по себѣ, этотъ инцидентъ увѣковѣченъ еще и мѣстными поэтами. „Произведеніе“ одного изъ нихъ газеты разнесли по всеѣмъ земскимъ и неземскимъ губерніямъ. Несомнѣнно, что внуки теперешнихъ полтавцевъ будутъ комментировать эти стихи, доискиваясь—

Кто розгу отстоять сумѣлъ,
Кто былъ и мудръ, и правъ, и смѣлъ,
Благословлять кого намъ надо—
Учить и взрослымъ, и дѣтей...

И будутъ при этомъ внуки дивиться суровости нравовъ своихъ дѣдовъ...

Другое произведеніе, воспѣвшее полтавское событіе, въ печати не появлялось и врядъ ли скоро и появится... Принадлежитъ оно мѣстному поэту и называется „*Розмова двохъ кумивъ про земські дила*“. Поэтъ, нарисовавъ картину земскаго собранія и портреты главныхъ его дѣятелей (конечно, безъ именъ), приводитъ затѣмъ рѣчи гласныхъ по вопросу—чтобы „не шмагать ризками того, хто школу покінчить“ въ томъ соображеніи, что „якъ будутъ знать про те селяне, то будутъ бильшь дитей учить“... Одинъ изъ гласныхъ на вопросъ: „чи вартъ то ризгу скасувать“? доказывалъ, что „вона для темного народу—маты...“. Другой гласный, поддерживая перваго („и справди, мати имъ вона!“), распространился на тему, что если розга будетъ уничтожена, то взамѣнъ должна явиться тюрьма, но тюрьма погубить де „селянскую“ душу навѣи.

Послѣ рѣчей, вопросъ балотировали, и результатъ оказался въ пользу „розги“.

Такой результатъ вызываетъ у одного изъ кумовьевъ замѣчаніе, что „одна душа имъ (защитникамъ розги) наша мыла... Про шкуру жъ байдуже вони!“.

Вѣхали мы въ Полтаву, между прочимъ, и съ цѣлію поискать тамъ всяческихъ свѣдѣній о Котляревскомъ въ виду приближенія юбилейнаго 1898 года.—При разговорахъ на эту тему, намъ напомнили о полтавскомъ старожилѣ Степанѣ Павловичѣ Стеблинѣ-Каменскомъ, умершемъ лѣтъ десять назадъ и оставившемъ де послѣ себя многолѣтній дневникъ¹⁾. Отецъ Ст. П—ча Ст.-К—аго служилъ, въ тридцатыхъ годахъ, непремѣннымъ чле-

¹⁾ Ст. Павл. Ст.-К—ій былъ въ Полтавѣ очень популярнымъ человекомъ. Онъ былъ стародавній тамъ учитель, обучившій чуть не два поколѣнія полтавцевъ и, кромѣ того, постоянно писавшій стихи на разные „случаи“.

номъ полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія, въ то время, когда Котляревскій былъ надзирателемъ полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ и попечителемъ тамошняго богоугоднаго заведенія, — учрежденій подвѣдомственныхъ приказу. Быть можетъ, совмѣстная служба была причиною сближенія Ст.-К—аго съ Котляревскимъ, но во всякомъ случаѣ у Котляревскаго, въ его старости, не было болѣе близкаго человѣка, какъ Ст.-Каменскій. Въ виду этого пріятельства являлась надежда найти что нибудь о Котляревскомъ въ дневникѣ Ст.-Каменскаго - сына, начатомъ еще за жизни автора украинской Энеиды.

Добыть этотъ дневникъ казалось нелегко въ виду тяжелой въ то время болѣзни его владѣльца Ег. Ст. Стеблина-Каменскаго. Но нашъ амфитріонъ попытался и попытка удалась: нѣсколько тетрадокъ онъ успѣлъ получить отъ больного, который черезъ три дня послѣ того скончался...

Начинается дневникъ Ст. П—ча, въ добытыхъ тетрадкахъ, съ 1838 г., т. е. съ того года, въ который Котляревскій умеръ. Въ тетрадкѣ за этотъ годъ мы нашли и о немъ свѣдѣнія, но къ сожалѣнію, лишь за время, слѣдовавшее уже за его смертью. Всѣ эти свѣдѣнія не лишены интереса для біографіи Котляревскаго и мы ихъ приводимъ здѣсь въ буквальныхъ выпискахъ.

1838 г., 29 окт. Утромъ, возвратясь изъ классовъ, узналъ, что за папенькою присылали отъ Котляревскаго съ вѣстью, что онъ умираетъ. Послѣ обѣда, по возвращеніи моемъ, я узналъ, что и маменька тула уже поѣхала и что Ивана Петровича уже не стало. Вѣсть эта, хотя ожидаемая, тронула меня сильно. Папенька въ Котляревскомъ лишился послѣдняго своего пріятеля и друга, да и вообще какъ то горько было помыслить, что у насъ нѣтъ уже Котляревскаго. Онъ прожилъ 69 лѣтъ, родился въ одинъ годъ съ Наполеономъ, 1769 г. Рассказываютъ, что не задолго до кончины, приказалъ подать себѣ колокольчикъ, а другой—слугѣ, и звонилъ, воображая вѣроятно звонъ, какой будетъ по его кончинѣ. Онъ умеръ въ памяти, но безъ словъ, ибо за три дня почти не могъ уже говорить.. И. Петр. скончался послѣ обѣда, въ 2 ч. 35 мин., послѣ четырехнедѣльной болѣзни. За недѣлю онъ пріобщился св. тайнъ.

30 окт. Зашелъ поклониться праху И. Петр., котораго вечеромъ вынесутъ въ соборъ, а завтра похоронять. Возвратясь домой, надумалъ и написалъ надгробную рѣчь Котляр., которую, кажется, не рѣшусь привести въ дѣйство, да и нельзя отлучиться изъ гимназій завтра.

31 окт. Утромъ пошелъ къ Неводовскому просить за воспитанниковъ, чтобы они были при погребеніи Котляревскаго, на что Павелъ Титовичъ изъявилъ свое согласіе. Отпросился у директора не быть въ классахъ. Въ 9¹/₂ час. отправился въ соборъ, гдѣ произнесъ рѣчь надъ гробомъ И. П., многимъ понравившуюся. Шелъ пѣшкомъ за гробомъ до владбища. Музыка военная играла всю дорогу. Я былъ тронутъ глубоко потерей Котл., незамѣнимою для Малороссіи. Обѣдалъ у хозяйки Котл., за поминальнымъ столомъ.

1 нояб. Получилъ двѣ записки отъ Буткова¹⁾ на счетъ некрологіи Котляревскаго, которую онъ меня проситъ написать. Однако не смотря на собственное желаніе, этого сдѣлать скоро нельзя по той причинѣ, что еще неизвѣстны разные нужные къ тому матеріалы. Впрочемъ, я просилъ папеньку, и онъ ѣздилъ нарочно, взялъ бумаги И. П. и завтра разберетъ, также самъ напишетъ что нужно. Между тѣмъ и я, оставивъ свои занятія, большую половину вечера просидѣлъ, бросая наскоро замѣтки и мысли, кои послѣ войдутъ, можетъ быть, въ составъ некрологіи.

2 ноябр. Сидѣлъ за некрологіей Котл., которой все еще не привелъ въ концы. Между тѣмъ прислалъ папенька свою записку и она такъ хорошо написана, что измѣнивъ и прибавивъ немного, завтра можно будетъ кончить.

3 ноябр. Кончилъ и переписалъ, послѣ поправокъ Буткова, некрологію И. П. Котляревскаго, для отпечатанія въ *Губернскіяхъ Вѣдомостяхъ*.

5 ноябр. Прочиталъ вслухъ (въ семьѣ) малороссійскій водевилъ покойнаго Котляревскаго «Солдатъ Чарывнякъ» (sic.). Сюжетъ взятъ изъ извѣстной сказки народной, но рассказамъ хорошо, съ приложеніемъ приличныхъ пѣсень.

13 ноябр. Цѣлый день былъ занятъ составленіемъ подробнѣйшей некрологіи Котл. для *Сѣверной Пчелы*, для чего взялъ у папеньки нѣкоторыя бумаги покойнаго и письма къ нему литераторовъ.

¹⁾ Кажется, инспекторъ гимназій. А. Д.

18 ноябр. По желанію Софьи (жены), прочелъ вслухъ у маменьки Энеиду Котл., 4 части печатныхъ и нѣсколько отрывковъ, писанныхъ рукою покойнаго.

11 дек. Софья ѣздила къ хозяѣмъ Котляревскаго и привезла французскую біблію (стереотипное изданіе въ Лондонѣ), которую намѣренъ оставить въ память Котляревскаго.

Изъ записанныхъ здѣсь подробностей, между прочимъ, видимъ, что тотъ біографическій очеркъ Котляревскаго, который напечатанъ въ *Сѣверной Пчелѣ* 1839 г. (№ 146), составленъ С. П. Стеблинымъ-Каменскимъ по бумагамъ умершаго и по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ біографу его отцемъ, ближайшимъ пріятелемъ Котляревскаго. Свѣдѣніе это важно въ томъ отношеніи, что эта коротенькая біографія Котляревскаго и до сихъ поръ служить единственнымъ источникомъ достовѣрныхъ о немъ свѣдѣній. Пользуясь случаемъ, выписываемъ изъ статьи Стеблинъ-Каменскаго существенныя для знакомства съ личностью Котляревскаго мѣста. Эти выписки особенно могутъ пригодиться теперь, въ виду возбужденнаго интереса въ литературной дѣятельности автора украинской Энеиды.

„По окончаніи курса наукъ въ полтавской духовной семинаріи, Котляревскій нѣсколько времени занимался въ частныхъ помѣщичьихъ домахъ воспитаніемъ дѣтей. Въ этотъ періодъ жизни своей, по словамъ современниковъ, бывалъ онъ на сходбищахъ и играхъ простолюдиновъ и самъ переодѣтый участвовалъ въ нихъ, прилѣжно вслушивался и записывалъ слова малороссійскаго нарѣчія, изучая такимъ образомъ языкъ и наблюдая нравы, обычаи, повѣрья и преданія украинцевъ. Время показало, что это было слѣдствіе поэтической дѣятельности, для удовлетворенія которой на родномъ нарѣчіи Котляревскій избралъ поэму *Виргилія*... По долгомъ обдуманномъ приготовленіи, онъ рѣшился переложить Энеиду *Виргилія* на малороссійское нарѣчіе. Изъ собранныхъ свѣдѣній извѣстно, что первыя три части Энеиды написалъ онъ, едва вступивъ въ военную службу; эти три части были напечатаны безъ вѣдома автора¹⁾, съ боль-

¹⁾ Въ двухъ изданіяхъ, 1798 и 1808 г. г., описаніе которыхъ см. въ „Основѣ“ 1861 г., февр., 173. Изданіе 1808 г. очень рѣдко и, повидимому, даже рѣже, чѣмъ первое изданіе. Въ Кіевѣ оно есть у В. П. Науменка.

шими ошибками и опущениями. Исправивъ ихъ и написавъ 4-ю часть, Котляревскій посвятилъ (свою поэму) помѣщику полтавской губерніи Семену Михайловичу Кочубею, иждивеніемъ котораго напечатаны четыре части Энеиды въ 1809 году... ¹⁾ Къ сожалѣнію, сочиненіе не было окончено; продолженіе обѣщано въ дальнѣйшемъ времени. Обязанности службы и другія обстоятельства препятствовали автору самому обновить поэму изданіемъ, но написавъ впоследствии 5 и 6-ю части, онъ передалъ право изданія всѣхъ шести частей, въ 1838 г., надв. сов. Волохинову... Въ 1819 г., для существовавшего въ Полтавѣ театра, которымъ управлялъ Котляревскій, написаны имъ двѣ небольшія піесы: *Полтавка*, народная опера, и *Москаль Чаривныйъ*... Передавъ обѣ піесы для напечатанія г. Срезневскому (Изм. Ив.), авторъ незадолго до смерти видѣлъ уже *Полтавку* напечатанною въ „Украинскомъ сборникѣ“ г. Срезневскаго“...

„Кромѣ главныхъ сочиненій, Котляревскій занимаясь собраніемъ малороссійскихъ пѣсенъ, помѣщаль нѣкоторыя изъ нихъ въ поврежденныхъ изданіяхъ... Знанія его въ исторіи Малороссіи и вообще во всемъ, касающемся до народнаго быта Украины, были весьма обширны... Котляревскій любилъ бывать въ обществахъ... Былъ душою всякой компаніи... Обладалъ прекраснымъ даромъ рассказывать умно и весело, при чемъ употреблялъ аллегорически пословицы и разныя мѣста изъ книгъ, большею частію священнаго писанія. Разговоръ его отличался природнымъ нарѣчіемъ, но былъ живъ, увлекателенъ...“ ²⁾

Вотъ короткія, но, повидимому, вполне вѣрныя свѣдѣнія о Котляревскомъ, какъ человѣкѣ и писателѣ, исходящія отъ

¹⁾ Сем. Мих. Кочубей, (внукъ генер. обознаго, а потомъ члена малороссійской коллегіи), былъ извѣстный полтавскій богатъ, занимавшій одно время (1805—1808) должность полтавскаго губ. предводителя. Одинъ изъ его родичей рассказываетъ, что С. М. К.—бей „пышно и роскошно жилъ въ Полтавѣ, пока не промоталъ 7000 душъ крестьянъ, послѣ чего умеръ въ бѣдности...“ „Записки Арх. Вас. Кочубея (Спб., 1890), стр. 13—14.

²⁾ Выписка сдѣлана по рукописи, найденной въ бумагахъ Ст. П. Стеблин-Каменскаго. Приведенныя здѣсь подробности служили основаніемъ и для биографическаго очерка, помѣщеннаго въ „Основѣ“ 1861 г., февраль, хотя авторъ очерка говоритъ, что эти свѣдѣнія онъ получилъ не отъ А. В. Терещенка.

близкаго къ нему человѣка—Ст.-Каменскаго-отца. Послѣдній свидѣтельствуесть, что Котляревскій хорошо былъ знакомъ съ исторіей Малороссіи и съ ея народнымъ бытомъ. Слѣдуетъ думать, что эти знанія обуславливались особою любовью поэта къ своей родинѣ, но какихъ либо болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній объ этомъ у насъ не имѣется. Нѣтъ у насъ ни мемуаровъ, въ которыхъ современникъ поэта знакомилъ бы насъ со степенью его родинолюбія, ни писемъ самого поэта, которыя сказали бы что нибудь о его субъективныхъ отношеніяхъ къ родинѣ. И, повидимому, трудно надѣяться, чтобы такого рода свѣдѣнія когда либо и явились уже... Имѣется, впрочемъ, одно такое свѣдѣніе о Котляревскомъ, исходящее будто бы отъ его современника, при чемъ современникомъ этимъ является извѣстный полякъ Падурра, сочинявшій малорусскія пѣсни... Въ его біографіи, написанной не извѣстно кѣмъ, но человѣкомъ, имѣвшимъ въ рукахъ бумаги Падурры¹⁾, имѣется извѣстіе, что послѣдній въ 1826 году странствовалъ по Полтавской губерніи, „w ubogim kozaczym stroju, jako wędrownu lirnyk“, при чемъ онъ побывалъ и въ самой Полтавѣ. Объ этомъ его посѣщеніи сообщается, что „бродячій лирникъ“, прибывъ въ этотъ городъ, прежде всего сталъ знакомиться съ народомъ; заходилъ для этого въ бѣдныя хаты (do ubogich domków), игралъ тамъ на своемъ инструментѣ, пѣлъ пѣсни, рассказывалъ сказки, и такимъ образомъ сблизился съ народомъ и заинтересовалъ его собою... Это было де лѣтомъ, когда шли въ школѣ (гимназіи?) экзамены. По окончаніи экзаменовъ, былъ назначенъ день для раздачи наградъ. Въ этотъ день Падурра явился де въ университетскомъ (?) зданіи (zbliżyć się do uniwersyteckiego gmachu) и, выбравъ удобный моментъ, запѣлъ сначала своего „lirnika“, а потомъ „zarogójca“... Молодежь заволновалась, поднялся шумъ—и пѣвецъ былъ вынесенъ изъ залы уже на рукахъ этой самой молодежи... Пробылъ Падурра въ Полтавѣ цѣлый мѣсяцъ и при этомъ будто бы познакомился съ Котляревскимъ, поэтомъ и тамошнимъ жителемъ,

¹⁾ Prawdziwy życiorys Tomasza Padurra, skreślony przez*** *****. Poznań 1875. 8 д. л., 95 стр. Повидимому, настоящій очеркъ не имѣеть ничего общаго со статьёю о Падуррѣ Пржиборовскаго. Bibliot. Właga., 1873 г., IV).

(poetą i obywatelem swojego kraju). При одной изъ бесѣды съ Падуррою, Котляревскій сказалъ де ему: „Cherwimy twij hłas! dii naszy w twoich piśniach zahomoniati ta ne woskresnuti!.. Skazawszy twoim słowom: proszłyst, w słozach—z ramiatok, prach—a dii snom!.. Anafima! bud proklat, chto ich hnojom prysuraje“!!!). Прощаясь съ Падуррою, Котляревскій собственноручно написалъ ему, на память, вступленіе къ своей Энеидѣ, начинающееся такъ: „Wiw sobi Enej kozak motorny“... (Стр. 46—47).

Весь ли этотъ разсказъ, цѣликомъ, представляетъ небылицу или тутъ есть и капля правды?... Повѣствованіе о посѣщеніи Падуррою полтавской гимназіи (полагаемъ, что о ней хотѣли говорить) и о пѣніи тамъ имъ своихъ нѣсенъ—разумѣется, есть чистая небылица... Нельзя допустить также, чтобы Падурра и могъ быть на лѣвомъ берегу Днѣпра въ той обстановкѣ, о какой говоритъ его біографъ... Повидимому, весь этотъ разсказъ есть *позднѣйшаго* сочиненія басня²⁾.

¹⁾ Приводимъ эту гитару въ подлинникѣ, такъ какъ осмысленный ея переводъ едва ли возможенъ..

²⁾ Есть и другая біографія Падурры, помѣщенная при посмертномъ изданіи его сочиненій (Рубіна Тумка Padurru. Wydanie posmertne z awtografii. Lwiv. 1874. 8 д л. LXVI+120 стр.). И здѣсь есть разсказъ о посѣщеніи Падуррою лѣво-бережной Малороссіи. Но здѣсь ужъ прямо говорится, что Падурра отправился туда въ 1828 г., въ виду готовившагося польскаго возстанія, послѣ совѣщанія съ своимъ патрономъ гр. Вацл. Ржевусскимъ („Эмиръ“, „Золотая Борода“), съ цѣлю—*„przygotować tych ukrainców do tego“*, т. е. къ *совмѣстному возстанію*. При этомъ же Падурра не сомнѣвался, что *„kozaczyzna musi powstać razem z lachami, a jej atamanem i przewodcą w boju będzie Złota Broda“*... Тутъ же говорится: *„Zimę z r. 1828 po 1829 przebył Padurra w okolicach między Baturynem, Khotorem i Nadziaczem, i gdy mu się zdało, że po calorocznych trudach śpiewaniem i opowiadaniem przygotował już dostatecznie wnuków wolnych niegdys przodków do wspólniej sprawy z Polską, ruścił się z powrotem na Podole i Wołyń“*. (Стр. XXXVIII). Трудно объяснить происхожденіе этой небылицы... Остается допустить, что она основана на разсказахъ самого Падурры, который въ позднѣйшіе годы своей жизни († 1871 г.) могъ выдумывать неподобныя басни, какъ извѣстный Чайковскій (Саднѣъ Паша) называвъ себя правнукомъ германа Брюховецкаго, выдумалъ и его *мемуары*, состоявшіе де „изъ семи огромныхъ книгъ, переплетенныхъ въ пергаментъ и исписанныхъ

Послѣ дневниковъ Ст.-Каменскаго, намъ указанъ былъ Полтавскій земскій музей, о которомъ мы знали и прежде изъ коротенькой о немъ замѣтки, напечатанной когда-то въ „Кіевской Старинѣ.“ Подробныя свѣдѣнія объ этомъ музеѣ имѣются въ отчетахъ полтавской губернской земской управы за 1891 и 1892 г. г. Были напечатаны и отдѣльныя брошюрки съ указаніемъ на содержаніе музея. Музей полтавскаго земства пока заключаетъ въ себѣ предметы „трехъ царствъ природы“ и частью издѣлія гончарной кустарной промышленности. Но, какъ слышно, земство не отказывается и отъ мысли—вести въ свой музей отдѣлъ исторической. Какъ бы для начала его, въ музей прислана вѣтъ то изъ уѣздныхъ обывателей козацкая пика (*списокъ*), на *ратищѣ* которой, вбитыми въ дерево гвоздиками, *написано*: „1709 года.“ Къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній о томъ, гдѣ и у кого нашелся этотъ списокъ—въ музеѣ не имѣется.

Осмотрѣвъ музей при помощи предупредительнѣйшаго его хранителя Н. М. О—аго, мы остановились на гончарныхъ издѣліяхъ м. Опошни, и особенно на издѣліяхъ одного изъ ея кустарей *Ивана Гладыревскаго*, обращающихъ на себя особое вниманіе своимъ разнообразіемъ. Отъ Н. М. О—аго получили мы свѣдѣніе о давно уже изданномъ полтавскою губернскою земскою управою альбомѣ гончарныхъ издѣлій, о которомъ не приходилось и слышать. Изданіе это заслуживаетъ подробнаго упоминанія. Заголовокъ его такой: *Мотивы малороссійскаго орнамента гончарныхъ издѣлій. Изданіе полтавскаго губернскаго земства. 1883 г.* Рисункамъ предшествуетъ коротенькое поясненіе: „Исслѣдованіе гончарнаго промысла въ полтавской губерніи, произведенное профессоромъ г. Зайкевичемъ¹⁾, имѣло результатомъ собраніе образцовъ этого производства съ ихъ оригинальными рисунками и украшеніями. Собравъ изъ нихъ наи-

имъ (Врюховецкимъ) собственноручно, прозой и стихами, по польски, по русски и по латыни“... „Кіев. Стар.“ 1890 г., январь, стр. 46.—О посѣщеніи Падуррою Полтавы—біографія 1874 года не упоминаетъ.

¹⁾ Тутъ же, въ примѣчаніи, добавлено: „Къ сожалѣнію многосложныя занятія автора не дали до сихъ поръ ему возможности приготовить описаніе этого исслѣдованія“. Последнее, сколько знаемъ, и до сихъ поръ не появлялось въ печати.

болѣе типичныя, полтавская губернская управа, независимо значенія ихъ, какъ иллюстраціи къ имѣющему выйти изслѣдованію объ этомъ промыслѣ¹⁾, полагала, что изданіемъ рисунковъ гончарнаго орнамента она окажетъ несомнѣнную услугу какъ художественной промышленности, такъ и знатокамъ и любителямъ мѣстнаго народнаго творчества въ той или другой области.—Альбомъ заключаетъ въ себѣ 21 таблицу. Первые 15-ть таблицъ представляютъ рисунки разнаго рода „мисокъ, мисочокъ и талѣрокъ“. На слѣдующихъ трехъ таблицахъ помѣщены изображенія разнаго рода горшковъ, преимущественно „варильниковъ“, т. е. горшковъ, въ которыхъ варятъ „борщи“, „юшки“, „вулиши...“ На 19-й таблицѣ помѣщены „глечики“ (кушины) и „тыквы“, т. е. сосуды для жидкостей (молока, воды...). На этой таблицѣ интересны не только рисунки, но и самая форма сосудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые напоминаютъ форму античныхъ сосудовъ... На 20-й таблицѣ видимъ сосуды фантастическихъ формъ, напр.—кушинъ въ формѣ *барана*. Сосуды эти выкрашены преимущественно красною краскою и затѣмъ разрисованы узорами зеленаго цвѣта. Два кушина—на этой таблицѣ—съ зелеными узорами сильно напоминаютъ востокъ... Последняя таблица занята рисунками „кафель“, т. е. изразцовъ, шесть видовъ которыхъ имѣютъ всѣ—различныя узоры.

Очень жаль, что альбомъ не имѣетъ поясненій—изъ какихъ мѣстностей, по крайней мѣрѣ, взяты изданные орнаменты и какіе изъ нихъ принадлежатъ къ старымъ типамъ, а какіе представляютъ собою плодъ уже новѣйшаго сочиненія. Особенно интересны были бы этого рода свѣдѣнія относительно рисунковъ, помѣщенныхъ на таблицѣ 20-й. Дѣло въ томъ, что въ последнее время гончарныя издѣлія м. Опощни положительно входятъ въ моду, особенно издѣлія гончара Гладыревскаго, причемъ мода эта вызываетъ *новѣйшія варіаціи* въ издѣліяхъ... Запросъ на опощнянскія издѣлія породилъ уже, напр., „талѣрки“

¹⁾ Разумѣется изслѣдованіе г. Зарѣцкаго. См. „Кіевск. Стар.“ 1894 года, декабрь, стр. 507.

съ рельефами полногрудыхъ нимфъ... Какъ-то странно видѣть на оборотѣ такихъ „талѣрокъ“ клеймо— „Федоръ Чирвенко. м. Опон.“.

Почти одновременно съ альбомомъ полтавскаго земства вышло подобное изданіе и въ Львовѣ. Въ 80-хъ годахъ тамъ начата была печатаніемъ цѣлая серія такихъ альбомовъ подъ заглавіемъ— *Wzory przemysłu domowego na Rusi, wydane przez muzeum przemysłowe lwowskie. Zebrał i zestawił Ludwik Wierzbicki.*—Въ 5-й серіи этого изданія заключаются *Wyroby gliniane włóścian na Rusi.* (Kossow). Въ рецензії объ этихъ изданіяхъ, напечатанной во львовской газетѣ *Зоря* (1882 г., № 18, стр. 288) говорится, что изданные г. Вержбицкимъ орнаменты гончарныхъ издѣлій взяты преимущественно съ работъ умершаго коссовскаго гончара Бахминскаго, очень распространенныхъ, такъ какъ работы его, по словамъ газеты, находятся во многихъ музеяхъ, начиная съ вѣнскаго. Интересно было бы сравнить издѣлія полтавскихъ гончаровъ съ коссовскими... Какъ уже сказано, опонянскіе гончары въ послѣднее время стали замѣнять старыя орнаменты на своихъ издѣліяхъ—новыми, и поэтому теперь слѣдуетъ привести въ извѣстность, по возможности, всѣ старыя здѣшніе орнаменты, которые когда то и откуда то принесены въ Полтавщину и которые рано или поздно дождутся своего изслѣдователя... А для облегченія работы послѣднему было бы въ мѣсту приобрѣсти полтавскому музею и альбомъ Вержбицкаго—*глиняныхъ издѣлій*, тѣмъ болѣе, что этихъ альбомовъ, сколько знаемъ, нѣтъ, напр., даже и въ Кіевѣ.

Въ заключеніе пожелаемъ развитія историческому отдѣлу полтавскаго музея. А до какаго развитія могутъ достигать такіе музеи и въ небольшихъ центрахъ—указываетъ тверской музей, созданный притомъ энергіей одного человѣка!

А. Л.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦЬКЫЙ.

Исторична драма, въ V-ты дѣяхъ и 6-ты одминахъ, зъ апофеозомъ.

ДІЄВИ ЛЮДЕ ДО ПЕРШОИ ДІИ.

Зиновій-Богданъ Хмельницький — сотникъ Чыгыринськый.

Тымно — его сынъ, козаць 20 лить.

Андрій — { тежъ сыны 12 и 8 лить.
Юрась — {

Катря — дочка Богдана, 16 лить.

Ганна Золотаренно — выхованка, небога 23 лить.

Елена — лить 18, полячка, выхованка Богдана.

Богунъ — молодой, завзатый козарюга.

Чарнота — за 40 лить, зъ сичовыкивъ.

Бандурыста — сивый дедъ, старецъ.

Глоба — изъ козакои старшины

Барабашъ — старый, похылый, полковныкъ.

Чаллиньскый — пидстароста Чыгыринськый.

Пробошь — іезуитська фигура.

Домаха — господыня стара пры будынку.

Джура — козачокъ, лить 12.

Юзя — служыця у Елены.

Наймичем, козаки и козачки, гайдуки, музыка.

Діється 1647 року, въ новимъ будынку Богдановимъ, пры Чыгырини

ПЕРША ДІЯ.

Роскишний садокъ. Злива на переднімъ кону альтапка; одъ неи иде въ глыбню тиньста тополѣва вулычка. Праворучъ широка луговина, обсажена геть бузкомъ; за нею навдали ставъ зъ млыномъ на тямъ боци; дали выдео Чыгырынъ. Мижъ тополами и луговиною тече струмочокъ, черезъ якій перекинута мостыкъ. На луговини зправа фасады будинку зъ кружганкомъ. Выну широчезный рундукъ.

В ы х и д ь I.

(Домаха, джура, килько дивчатъ и козакивъ).

Домаха *(до дивчатъ, що накрывають на рундуци столы).*
Пересунь скатертыну ривнице! такъ!

1-й козакъ. А ци жбаны и кубкы куды?

Домаха. Сюды, сюды на стилъ—посередыни; а кубкы ровставляйте биля мысокъ.

Джура. Панъ господарь казалы, щобъ выйналы срибни полумыскы й талиркы.

Домаха. Этъ! Вытребенькуе!

Джура. Та щобъ уточылы найкращого венгерського, та запикановъ, налывокъ,—щобъ усего було вволю, бо ждуть якыхсь поважныхъ гостей... лыбонь чи й самъ прыбуде ясновельможный панъ полковныйкъ.

Домаха. Якъ разъ у пору! Хиба може по покійній жинци обидъ справля? Царство ій небесне, голубочци!

(Прислуга те друге вносыть, прыбира).

Джура. Такъ титочко, щобъ все гараздъ було; перекажить и панни...

Домаха. Якій?

Джура. Панни Катерыни.

Домаха. Я думала Елени...

Джура. То панія...

Домаха. Щось мовъ на те... Охъ, просты, Господы, со-
гришенія наши!

Джура. Хи, що се я балакаю, а мени загадано ще по
бандурысту бигты, та по спивакивъ...

Домаха (*бѣе обзъ полы рукамы*). Свите-Боже! Царыця не-
бесна! Що-жъ се винъ здуривъ, чи шо? Сороковустъ ще не вый-
шовъ, а винъ и спивы, и танци! Тутъ що дня тилькы и чуешъ
про грабежи та про гвалты... церкви замыкають... нещасный
людь то по лисахъ ховається, то по шыбынцяхъ гойдається...
а старшына бенькетуе! Охъ, матинко! Чи не пошывся винъ у
кателька?... Черезъ ту панію... Теперъ про всіхъ таа чутка
иде... Пропаци мы, пропаци! Наступа певно страшный судъ!

В х и д ь 2.

(*Тижъ и Тымко; мижъ тополямы Богунъ и Ганна*).

Тымко (*хутко*). Панны Елены не бачылы?

Домаха (*грубо*). Тамъ шпадируе десь зъ своею варшавяно-
кою...

Тымко. Де-жъ саме?

Домаха. Та до ставку повіялась... (*Выходятъ*).

Тымко. Ага! (*До Джуры*). Скажы стаенному, щобъ
сывого огыря осидлавъ; нехай готовый у стайни стоять.

Джура. Отъ тоби й положи ноги на плечи: мовъ шалени
сёгодня—то туды, то сюды, то онъ-куды! (*Побигъ*).

Андрій (*выскакуе на ганокъ*). Тымко! Тымко! Визьмы й
мене зъ собою!

Тымко (*йдуци до ставка*). Одчепысь!

Андрій. А въ мене сагайдакъ е! Я й до тебе стрилкою
докыну! (*Стриля и ховається*).

Тымко. Отъ я тоби! (*Заходятъ*).

Богунъ и Ганна наблыжаются до алтанкы),

Богунъ. Дывуешся, моя кохана панно,
Що тягне все мене сюды?

Г а н н а.

Нема

Для лицаря-славуты въ насъ приманы...

Б о г у н ь.

Чому нема? Хто зна...

Г а н н а.

Тутъ монастырь...

И похоронный дзвинъ ище не змовенувъ;
Не мае въ насъ ни герцивъ запальныхъ,
Ни бенькетивъ...

Б о г у н ь.

За те тутъ любый сповій...

И въ серци зновъ такъ лагідно стае,
Якъ після бури въ ясный, тихый вечерь...
Отъ и теперь, якъ зъ панною иду—
Мени ввыжається, мовъ у тумани ссызимъ,
Моя матуся; чеше гребинцемъ
Годивку сынови, та слёзы ронить:
Все плакала, голубыла мене...
А то писень журлывыхъ ще спивала,
И хороше ставало такъ мени...

Г а н н а.

Давно було?

Б о г у н ь.

Давно... а все той голосъ

Оттутъ дзвенить... (*Показуе на серце*)

Г а н н а.

Любыла васъ вона!

Б о г у н ь.

Лыбонь... Забувъ... Чи то пакъ и не знаю,
Що е воно... якъ матирь, чи сестра,
Чи дивчына?... Зоставъ я сыротою—
И матирью вже стала мени Сичъ:
Пестывъ мене у поли буйный витерь,
Мывъ дрибенъ дощъ, чесалы лышь терны...
А доброму учыла шабля гостра...

Г а н н а.

А братчыкы?

Б о г у н ь.

О, ихъ я полюбывъ,

Та и воны мене, якъ брата, друга!

Г а н н а.

Що дывного? Не мавъ бы той души,
Хто-бъ не влюбывъ завзятого юнака,
Покрытого вже славою..

Б о г у н ь.

Не вси

Такъ думаютъ... а панна?

Ганна.

Эхъ, козаче,

Що варта я для вояка-орла,
Та ще въ таку злетяжкую годьну?
Тоби святой Вкраины заповить
И любая лышень вояцька втиха!

Богунъ.

Такъ, панно, таеъ! Я геть жену нудьгу
И радисно цымъ сердцемъ розцвитаю,
Болю зачую гоминъ сичовый:
У куряви летышь конемъ, якъ выхорь,—
Напружени и сердце, и рука,
А у грудяхъ кыпыть окропомъ сыла...
И весело-жь кырпату драговать!
Або на мори, якъ бува скажене
Звирюкою застогне, зареве:
То здіймешся, злетышь на чайци вгору,
То въ прорву зновъ пекельну упадешъ,
А буря знай на клочча рве витрыла,
Та щоглу гне, ажъ ралыть по води...
И любо-жь такъ!

Ганна.

Отъ бачышь, мій козаче,

Душею ты въ завзятти потонувъ,
Нищо друге не вдоволныть...

Богунъ.

Одначе...

Ганна.

Украини належыть сердце се!

(Богунъ шановно цилуе їй руку).

Выхидъ 3.

*(Тижъ и Андрій).*Андрій *(выбѣга)*. Галю, Галю! Я горобця влучывъ!

Галя. Не стріляй, голубчыу, по пташечкахъ: вони-жь
тоби ничего злого не чынють?

Андрій. Э! Горобчывы крычалы „живъ, живъ!“, якъ жыды
Хрыста мучылы!

Галя. То выгадки!

КАТРИЯ.

Куды? Куды?

ГАННА.

До брата.

КАТРИЯ.

Охъ, не йидь!

Не кыдай насъ! Ты намъ якъ ридна ненька!

ГАННА.

Вы вси мени... а зоставатысь тутъ

Не сыла бильшь... Такъ важко, такъ нудливо...

Ты видпросысь до насъ...

КАТРИЯ.

А якъ браты?

ГАННА.

Заберемо; тамъ буде безпечнише.

КАТРИЯ.

Андрійка-ни, не пустать...

ГАННА.

Ну, Юрка...

Ходимъ, ходимъ! Ще пакуватысь треба!

*(Идутъ у будынокъ)**(Дѣвчата тымъ часомъ прыбрали и стелють кылымы).*

ВЫХИДЪ 5.

ЕЛЕНА *(иде мижъ тополями й зупыняеться край алытанкы).*

Ахъ, нудно якъ въ симъ хутори самотнімъ,

Писля осель Варшавськыхъ, чаривныхъ,

Де, мовъ въ раю, я розцвила душею...

Не до смаку тутъ все... и цей садовъ

Мени теперь здаеться дыкымъ гаемъ...

Черемуха, а чи канупиръ тхне?

Та медомъ ще одгонуть... Душно! Скучно!

Невже мои тутъ лига пропадутъ

Дурнисенько? Невже я свій виночокъ

За марево Богдану виддала?

Невже жага пидтоптаного дида

Задовольнить мое серденько вкрай?

Я важыла, що розумомъ и статкомъ

Винъ осягне и владу, и почоть,

Та зробытсья ясновельможнымъ паномъ,

А винъ зовсимъ не те на думци ма,—

Шепочеться зъ голотою, зъ попами,

Та молытся все вышкомъ по церквахъ...
 Не прыатель винъ Речи-Посполытій,
 А ворогъ злый! Такъ и жалкуй же самъ:
 Чого мени морочатыся въ дидомъ?...
 Тымко—юнакъ завзятый, запальный...
 Якъ неукъ той, що выкохавсь на воли—
 И молодой, и першый хорошунъ...
 А все жъ ему далеко до шляхетныхъ!...
 Чаплинськый панъ напрывладъ... Ни, красы
 Не потоплю я марно въ цимъ болоти!

 Выхидъ 6.

(Тижъ и Юзя, а потимъ—бандурыста, Богунъ и Галя).

- Юзя. У насъ сегодня старшына: когось-то
 До себе ждуть...
- Елена. Мени обрыдлы страхъ
 Ци бенькеты и буйни, й небезпечни,
 Де заразъ гвалть и спивы, за ковшемъ.
- Юзя. Та тутъ гуляють по-мужычи, грубо...
- Елена. Запевне. Ахъ, моя Варшава! Тамъ
 Все чаривне, и деликатне й пышне!
 Магнацькый смакъ! Якъ злotosяйный сонъ,
 Мене все те проминямы окрыло!
- Юзя. А панія явъ сяла тамъ...
- Елена. Мовчы!
 Не говоры, бо далеби заплачу!

*(За рундука выходить Богунъ зъ бандурыстою. Розмова ведеться
 у чотырехъ разомъ, тилькы ризною мирою).*

Богунъ. *(Край рундука).* Такъ нема радости, старче Божый?
 Бандурыста. Бида! Бида! Такой скрутъ, тава злыгодни
 скрызъ, що останни часы настають... Нема просвитку!

Богунъ. Що жъ тутъ коится? У насъ на Запорожжи
 щось непевне гудуть...

БАНДУРЫСТА. Що коится? Грабижъ иде, гвалть реве,
стогинь по лугахъ розлягається... Нема вже у хрыстіянина—ни
жынкы, ни сестры, ни дочки! Налита зъ ватагою пань...—и тилькы
попилъ та кривъяни калюжи застаются видъ людськой осели!

(Заходять дали).

Юзя (край альтанкы). А якъ впадавъ за кымсь вельможный
пань

И якъ дывывсь у вичи мойй пани...

ЕЛЕНА.

Охъ, не драгуй!

Юзя.

А пань той близько... тутъ...

ЕЛЕНА.

Въ Чыгырыни?

Юзя.

Лыбонь що...

ЕЛЕНА.

Годи, годи!

Я збожеволюю...

Юзя (крадькома).

До пани ось де лысть.

ЕЛЕНА.

Одъ пана?

Юзя.

Такъ!

ЕЛЕНА.

Чого-жъ ты затаила?

Юзя.

Забулалася...

ЕЛЕНА.

У, вредна! Нужъ; давай!

Юзя (дае).

До горныць ще пань кыкавъ паню...

ЕЛЕНА.

Дали!

Я хочу тутъ помарыты сама.

(Чита лысть, а Юзя видходыть).

Галля (выходыть на ганокъ, зажурена).

Прощай, прощай! Садочку мій роскишный,

И квиточы, що я садила, й гай,

Де я гулять любила въ самотыни...

Якъ все врослось у мою душу тутъ!

Яки ясни, щаслыви дни снувалысь

Недавно ще! Якъ титочка мене,

Хрещеницю, любила, пестувала,

Якъ дядько мій, дорожчий надъ усе,

Мене кохавъ, дилывсь думкамы навить...

А отъ теперь... якъсь слипа жага

Велычвій духъ и розумъ опъяныла,
 И сердце те украла хижо въ насъ! (*Пауза*).
 Але мене пече... невже бъ то рвія
 И заздрить до панянки?... Боже! Грихъ
 Якый тяжкый! И я его зигрила?!
 Тикать, тикать... Царыце, сылы дай!
 Охъ, важко жъ якъ, зъ гвиздечкомъ цымъ роз-
 статись,
 Але ще тяжче zostаватись тутъ!

ЕЛЕНА (*доцывавшы лыста, цилуе его*).

Мене коха... и вызволить зъ темныци
 На пышный свить!.. Винъ буде, буде мій!

Выхидъ 7.

(*Тымко, Елена, Богданъ и Галя*).

*Зновъ ведеться разомъ дви сцены: одна—край альтанкы, а друа—
 край рундука*).

ТЫМКО. Скризь выганявъ... Насылу-сылу пташку
 Піймавъ...

ЕЛЕНА. Тымко? (*ховае, змишавшысь, лыстъ*)

ТЫМКО. Я, зирко, я!

ЕЛЕНА. Пиддравсь!

БОГДАНЪ (*выходыть смутный*).

На терезы сегодня свою долю
 Я кыну... Охъ, куды нагне вага?

ТЫМКО. Ты лыстъ, чи що тутъ цмокала?

ЕЛЕНА. Цикавый!

ТЫМКО. Ты вся, явъ жаръ... тремтышь...

ЕЛЕНА (*заграючы*). А выненъ хто?

БОГДАНЪ. А ще й теперь дали бъ меня магнаты
 Высокий почтъ, щобъ ставъ на ихню ручъ...

ТЫМКО. Дай руку!

ЕЛЕНА. На!

ТЫМКО. Не ту!

ЕЛЕНА. Щей вередуе...

ТЫМКО. Голубочко!

ЕЛЕНА. И жодной не дамь! (*наступылась*).

БОГДАНЪ. Невже про свій жывить я тилькы й дбаю?
Невже засивъ у сердце сатана?

(*Галя, запримитившы Богдана, зходить зъ ганку и тыхо до его наближається*).

ТЫМКО. Дратуешъ?

ЕЛЕНА. Я ненавыжу цикавыхъ...

ТЫМКО. Такъ тутъ выпыть!

ЕЛЕНА. Окропу жъ я й боюсь!

ГАННА (*Богдану*). Я, таточко, прийшла прощатысь...

БОГДАНЪ. Якъ то?

ГАННА. До брата йиду...

БОГДАНЪ. Галочко! Чого-жъ?

ГАННА. Такъ... часъ..

БОГДАНЪ. Тебе чи не образывъ, доню,
Хто тутъ?

ГАННА. Ни, ни!

БОГДАНЪ. А ну, у вичи глянь!

(*Дывятся, гладыть по голови; Галя прыпада до его*).

ЕЛЕНА. Ну, годи! Ну-жъ! (*сина*) У шыйку мене цёмъ!

ТЫМКО. Отрута!

ЕЛЕНА. У! сердытый! Не люблю,
Якъ хмурышся! Риднесенькый, воханий!
Хлопчынонько! Ну, цёмъ ище!

ТЫМКО (*шлуе*). Не мучъ!

Скажы, що тамъ?

ЕЛЕНА (*розсердылась*). Э, це уже занадто!

(*Пшла. Тымко йй у слидъ*)

БОГДАНЪ. Побудь ще въ насъ.. Ты найридниша тутъ...

ГАННА. Вы вси мени... (*отерла слезу*).

БОГДАНЪ. Безъ тебе диты гынуть...

ГАННА. Пустить до насъ.

БОГДАНЪ. Та се гараздъ; але
Чого ты насъ, лебидко, вынуть маешъ?
ГАННА. Тутъ тяжко... ще не заросла... сыра
Могыла венькы нашої...
БОГДАНЪ. Несчасна,
Вона страждала довго...
ГАННА (*плаче*)... А теперъ...
Простить слёзамъ, шо самохить...

ВЫХИДЪ 8.

(*Тижъ и Домаха*).

ДОМАХА (*выходить на рундукъ*). Тамъ люде
Ограблени прыйшли... безъ хлиба й свить—
Забрали все харцызы!
БОГДАНЪ (*до Ганны*). Отъ-де горе...
Въ вийно скака, а я вагаюсь ще!
(*Домахи*) Звели бидахъ нагодувать, водить...
Та запросы на трапезу сегодня
Усихъ старцивъ незрячихъ и каливъ,
Та обдили ихъ щедро... Хай благають
Творця за насъ, бо слушний часъ наставъ!
(*Домаха пишла*).
ГАННА. Сподіється на батька, на Богдана
Весь людъ...
БОГДАНЪ. А я достоинъ зняты мечъ?
Чи по руци мени винъ? О, страшенна
То боротьба!
ГАННА. Але безъ неи годи
И жыты намъ!
БОГДАНЪ. Безъ неи намъ повикъ
Рабамы быть...
ГАННА. Охъ, мылосердныи Боже!
Невже така намъ доля? Краще смерть!
БОГДАНЪ. Такъ рыбка, такъ! Не згыне наша неня,
Колы такихъ дочокъ-лицарекъ мае!

Ховай тебе видъ лыха мыйый Боже!
 Ганна. Ни, тату! Хай Богдана крме Богъ!
 (*Богданъ обнима ѳ*).

Выхидъ 9.

Тижъ и Елена.

Богданъ. Насъ Ганна кыда... (*До Елены*).

Елена. (*пидходячы, задро*). Що-жь? Не видъ тутъ жыть:
 За панною въ тривози брать...

Ганна. Винъ зна,
 Що я въ симъи, де наша друга мама...

Елена. Де тато вашъ другый...

Ганна. Такъ, пани, такъ!

Намъ дядько бувъ не другимъ—риднымъ бать-
 комъ.

Изъ-малку ще зи мною бавывсь винъ,
 Учывъ спивать про панськи здирства думы,
 Учывъ любыть осыротилый край..
 И та любовь злылась зъ Богданомъ въ серци,
 Якъ пахоци циновни та святи;
 Не соромъ ѳ себе зъявыты мыру,
 Бо не лукавство, не корысть, не лжа
 Їи зростылы... прощайте, пани!

(*Выходьтъ*).

Елена. Мене у васъ всякъ обража...

Богданъ. Сама

Вразыла ты ѳ, Олесю, ѳ дарма...

Елена. За неи панъ... я знаю...

Богданъ. Не гараздъ,

Моя красо! У неи щыре серце...

Свята душа!..

Елена. А въ мене лядсьба... такъ?

Богданъ. О, ясочко! Хиба ще ты не знаешъ,
 Якъ задрисно, шалене ѳ боляче

Тебе люблю, кохаю страшнымъ паломъ
Остатнѣи, пекучої жагы...

ЕЛЕНА. Не выдко щось... а шлюбъ?

БОГДАНЪ. Не часъ...

ЕЛЕНА. Ба, пизно!

БОГДАНЪ. Олесечко!

ЕЛЕНА (*пестуючысь*). Пробачъ мени, просты,
Мій таточку, мій любый, мій коханий!
Ревныва я... а ты ще, мовъ на злисть,
Ганнусю все голубышъ, хвалышъ... Орле!
Я-бъ пидъ крыломъ твоимъ и день, и ничъ
Сыдила все... (*лащытся*) О, вусы мои любви!
Ну-жъ, не журысь! (*Цилуе руку*).

БОГДАНЪ (*обнима*). Зовулечко моя!

Багато думъ и горя за плечыма...

ЕЛЕНА. Ты подилысь...

БОГДАНЪ. Нащо тебе вражать?

ЕЛЕНА. Не вирышь все... не любышъ ты полявивъ...

БОГДАНЪ. Суды ихъ Богъ!.. А, ось и старшына!
Попорядкуй! (*Елена выходыть*).

Выхидъ 10.

(*Тижъ и Чарнота, Глоба, Богунъ та бандуриста й Тymoшъ*).

ЧАРНОТА. Панъ-сотныку чоломъ! (*Богданъ обнима*).

БОГУНЪ. И наши головы!

БОГДАНЪ (*обнима*). Богуне! Брате!

ГЛОБА. Господарю мыръ въ хату и шаноба!

БОГДАНЪ. Подай Господь! Але не ти часы! (*Обнима*).

ЧАРНОТА. Та черезъ те-жъ не выпьешъ швидко й чаркы...

БОГУНЪ. А нахыльцемъ? (*Обнима его*) Ну, друже, будь здоровъ!

ЧАРНОТА. Бувай! бувай!!

БОГДАНЪ (*до бандуристы*). А, въ насъ и старецъ Божый?

БАНДУРИСТА. Зъ недилею святою!

БОГДАНЪ (*обнима*). Якъ жывешъ?

БАНДУРЫСТА. Та налыхо ще дыбаю, а очи,
Спасыби Богу, сплпнуть вже...

БОГДАНЪ. Чого-жь
Ты радъ тому?

БАНДУРЫСТА. Того, що зрить не будуть
Нещасной Украины...

БОГУНЪ. Теперь
Усимъ бы слидъ повыпикаты очи!

ЧАРНОТА. Щобъ ослипъ пыть?

ГЛОБА. Чи въ опанаса грать?

БОГУНЪ. Ни, щобъ не маты сорому, панове,
Дывытыся у вичи тымъ братамъ,
Якыхъ до рукъ катюгамъ мы пустылы.

ГЛОБА. Хто попускавъ?

БОГУНЪ. А хто-жь? Лыбонь уси!
Якъ-бы не такъ,—коверзувать не стали-бъ
Надъ нами тутъ ляхове та жыды!

БАНДУРЫСТА. Вже наступа кинецъ Вкраины нашій!

ЧАРНОТА. Щожъ мы згорнули руки? Та давай,
Хочъ у горильци потопляты горе!

ГЛОБА. Пипъ про свое!

БОГДАНЪ. Прошу васъ за столы!
За чаркою й стогнаты легше... Джуро!
Хрещенои!

ЧАРНОТА. И плавать веселишъ...

(Прыносять. Богданъ налива кубкы).

БОГДАНЪ. О, Господы! Пошлы вдови нещасній,
України, не розгубыть дитей!

БОГУНЪ и ГЛОБА. И ворогивъ позбутыся навичы!

ЧАРНОТА. И процвисты на славу всимъ!

БОГДАНЪ. Аминь!

(Пьють и мовчки сидаютъ за стилъ).

ГЛОБА. Ну, що въ Варшави?

БОГУНЪ. Якъ тамъ наша справа?

- БОГДАНЪ. Пропаща ричь! Нема тамъ ни суда,
Ни захысту, ни правды намъ, братове!
- ЧАРНОТА. Не я казавъ?
- БОГДАНЪ. Я й въ голову не влавъ,
Щобъ сеймъ зъ такимъ прызырствомъ на насъ
плкунувъ!
- БОГУНЪ. О, диждутся!
- БОГДАНЪ. На скаргы вси мои
Воны сміялись прыкро и крычали,
Що у рабы повернуть козакивъ!
- БОГУНЪ. Козакъ рабомъ не бувъ ще зъ поколю вику!
- ТЫМКО. Й не зигнется, ажъ помы свить!
- БАНДУРЫСТА. Охъ, охъ!
Хызуемось, а гнуть насъ у тры вырвы:
Скрызъ плачь стоять и лементъ...
- ЧАРНОТА. А король!
- БОГДАНЪ. Та що король? Слуга покирний сейму,
Безъ голосу, безъ влады... Що хотять,
Те й чынють зъ нымъ... Въ яснійшого я бувъ
И говорывъ про все: винъ щыро слухавъ
И прызнававсь,—що сыль ему дастъ-би
Поставыты въ своимъ крулевствы правду,
Що любыть винъ, шануе козакивъ,
Сподіется и самъ на ихню помичъ...
- БОГУНЪ. Та що й казать,—король вважа законъ,
А королята...
- ЧАРНОТА. Топчуть все пидъ ногы...
- ТЫМКО. А шабли де?
- ГЛОБА. Хочъ молодъ, а козакъ!
- БОГУНЪ. Лыцарський духъ!
- БАНДУРЫСТА. По батькови!
- БОГДАНЪ. Въ Варшавы
Ограбылы... Я тамъ благовъ, щобъ намъ
Хочъ предкывськы вже закрепылы земли,
Такъ сеймъ мене пиднявъ ище на глумъ,
И староста надавъ собады владу,—

Чаплинськеому, що ныщты, грабыть людъ,
 Що видтягавъ у мене хутиръ, земли,
 Що нашыхъ донь безчестыть и ганьбыть...
 Такъ отъ яка разбійныву видплата!

ЧАРНОТА. Такъ що-жъ намъ дальшь тершиты?

БОГУНЪ.

Геть ляхивъ.

БОГДАНЪ.

Тай самъ король мени казавъ ласкаво,
 Що привелеи суть въ Барабаша,
 Та винъ ховае ихъ въ догоду сейму!

Одни. Недоляшокъ и злодій!

Други.

Зрадныкъ! Катъ!

БАНДУРЫСТА. О, Господы!

Вси.

Смерть Иродову сыну!

БОГДАНЪ.

Браты мои! Вгамуйте серця палъ,
 А розуму наддайте волю: вбыты
 Смердючого пса буде часъ, а тра
 Намъ першъ дистать одъ его привелея,
 Тоди-то зъ нымъ пиднимемо меча!

ГЛОБА. А якъ дивнать, де сховано?

ЧАРНОТА.

Попарыть

Окропамы, або нагрить вогнемъ...

БОГДАНЪ.

Тортурь? Ни! Мы гвалту тилькы слынымъ
 И до часу покажемъ зубы; я
 Придумавъ инше: Барабашъ сегодня
 До мене въ гости буде; мы его
 Напоимо...

ЧАРНОТА.

До помочи я стану:

Хочъ зъ шельмакомъ и пыты не впада,

Та для Украины...

ГЛОБА (*неплыво*).

Поступышся?

ЧАРНОТА.

Та мушу-жъ!

БОГДАНЪ.

Такъ помагайте-жъ, братци; зыка
 Замнить въ зубахъ, а думку въ серци, друзи,
 Щобъ за ковшемъ не розгубыть...

Вси.

Гараздъ!

ВЫХИДЪ 11.

(Елена, Барабашъ, Чаплинськый, джура, пробощъ и перши).

ЕЛЕНА (выходить зъ дверей на рундукъ).

Шановному лыцарству! (кланяется).

Вси (кланяются).

Пышнїй крали

Чоломъ даемъ!

БОГДАНЪ.

А ты насъ почастуй!

(Елена налива кубкы, частуе; злива на тополеву дорижку до
альтанкы выходятъ—Барабашъ, Чаплинськый, пробощъ).

БАРАВАШЪ. Чудовый садъ! Роскоши!

ЧАПЛИНСЬКЫЙ.

А Хмельницынъй

Ще скаржытса!

БАРАВАШЪ.

Та краце-бъ жывъ въ ладу

Зъ магнатамы, а не зъ козацтвомъ...

ЧАПЛИНСЬКЫЙ.

Правда,

Тоди-бъ усимъ и ласувавъ...

БАРАВАШЪ.

Куды-жъ

Иты?

ГАЙДУЕЪ.

Сюды, полковнику вельможный.

ПРОБОЩЪ. На хвилью панъ... (Чаплинському).

ЧАПЛИНСЬКЫЙ (Барабашу). Я заразы пану вслидъ.

Вси (коло столу). Здоровье павны!

ЕЛЕНА.

Й панства!

ДЖУРА (вбига).

Панъ Полковныкъ!

Прибувъ уже...

БОГДАНЪ.

О, такъ хутчїй стричай,

Елено, ихъ; повлычь и Катерыну...

Пыльнуите жъ часъ, товариши-браты!

(шепочется).

ПРОБОЩЪ (коло альтанкы).

Богдана слидъ одъ справъ поспильныхъ збыты

И закутыты у власныхъ...

ЧАПЛИНСЬКЫЙ.

Але явъ?

ПРОБОЩЪ. У его есть приймачка Леса...

ЧАПЛИНСЬКИЙ.

Знаю...

Роскишний квітть!

Провощъ.

И пану до смаку?

ЧАПЛИНСЬКИЙ. О, натуральне!

Провощъ.

Панъ вчыныты може

Послугу намъ, ойчизни...

ЧАПЛИНСЬКИЙ.

Въ чимъ же ричъ?

Провощъ. Одбыть у сывого красуню...

ЧАПЛИНСЬКИЙ.

„Móge, Móge!“

Провощъ. Жолниры въ пана? Sapienti sat!

(Наганяють через мистокъ другихъ).

БОГДАНЪ (пидходитъ свичливо й гостинно до Барабаша).

Шановный мій полковныку! Чоломъ бю

И дякую за ласку и за те,

Що вшанувавъ мою убогу хату.

БАРАБАШЪ.

Для мене честь, мій куме... Ось новий

Пидстароста—Чаплинский панъ...

БОГДАНЪ.

Я знаю...

ЧАПЛИНСЬКИЙ. Сваты булы до позву...

БОГДАНЪ.

Божий зводъ.

БАРАБАШЪ. Ксензь-пробощъ нашъ...

БОГДАНЪ (звонтпывши).

Нашъ?! Дуже, дуже радий...

БАРАБАШЪ. Всій старшныи, панове, мій поклонъ!

Вси. Чоломъ тобі, полковныку, за ласку!

БОГДАНЪ.

Мій кумоньку! Венгерське посмакуй:

Ты знаешся на вынахъ и кобитахъ...

БАРАБАШЪ. А. добре! (лзе).

БОГДАНЪ.

Призволяйсь!

БАРАБАШЪ.

Старыше насъ.

ЧАРНОТА. Заховане въ лёхахъ...

БОГУНЪ.

Якъ привелеи!

БАРАБАШЪ. Га?

ЧАРНОТА. Батьку нашъ, наливвы посмакуй...

БАРАБАШЪ. Слывьяночка? (Смакуе).

ЧАРНОТА.

Ажъ чорна...

БОГУНЪ. Мовъ та совисть.

БАРАБАШЪ. Злыпаются и губы... (*тѣ*).

ГЛОВА. Ось, скуштуй

Цего пытва!

БАРАБАШЪ. А, запиканка польска?

БОГДАНЪ. Прошу, прошу, мій куме, ушануй!

БАРАБАШЪ. Та такъ мерщи й упыюся я, панове...

ГЛОВА. Во здоровіе!

ЧАРНОТА. Охоты пиддамо!

(*Барабашъ скида шапку; Богданъ бере її и передає нышкомъ Тымку до схову*).

БОГДАНЪ. Прошу за стиль пожиты хлиба-солы:
Вже выбачте,—що Богъ пославъ, те й е!
Бо не заставъ, вернувшись, господини—
Прыйнявъ.. а ци ще молоді...

(*Показує на Елену й Катрю, припрошуючы до столу гостей*)

Выхидъ 12.

(*Тижъ и Елена зъ Катрею*).

ЕЛЕНА (*глянувши на Чаплинск.*). Ой, Езусъ-Панъ!

БОГДАНЪ (*ій тыхо*). Чого злякалась?

БАРАБАШЪ. Панно!

А пидійды! Красунечка... дочка?

БОГДАНЪ. Ни, куме мій.. гошованка... Ось дочка!

БАРАБАШЪ. О, гарна й ця! А де хрещеныкъ?

БОГДАНЪ. Десь

За горобцями...

БАРАБАШЪ. Такъ и мы... А я вже

Льбонь того... щось въ голови гуде...

БОГДАНЪ. Зъ чого бѣ намъ, куме?

ЧАПЛИНСЬКІЙ (*до Елены*). Ясна, пышна, панно,

Дозвольте „рончку“...

БОГДАНЪ (*Чаплинському*). Въ насъ того не слідъ...

Тымко. Се по шынкахъ такый свавольный звичай...

ЧАПЛИНСЬКІЙ. Цо, пане?

- Тымко. То, що вже сказавъ...
- Глова. Гараздъ!
- Богданъ. За простый нашъ обычай выбачайте...
А-отъ пресвитлыхъ, дорогыхъ гостей,
Припрошуйте, частуйте, панны, гойно!
- Барабашъ. Одъ краль тавыхъ солодчый буде й медъ!
- Елена. Таковымъ панамъ сповняты кубки-втиха!
- Провощъ (*Елени*). Ты квиточка лыбонъ зъ райськыхъ садкивъ,
Не тутъ цвисты ій мосци...
- Богданъ. Що-жь, панове,
Не гребайте, вшануйте намъ хлибъ-силъ:
Ось добрый борщъ, и зъ потрибкою каша,
Онъ осятеръ днпировськый до сливокъ,
Тамъ порося, тутъ смажены караси,
Що не доввъ ище лядськый щупакъ... (*смихъ*).
Не поганьбитъ, мосциви панове,
А молодыхъ вшануйте господынь!
- Барабашъ. Пампушечкы...
- Чаплинськый. Смашнисенькы...
- Тымко. Про вицо
Говорыть панъ?
- Чаплинськый. Про вицо? Гм!! Про страву...
- Тымко. А его мосць не пробувавъ быткивъ?
- Чаплинськый. Не пробувавъ...
- Тымко. То слидъ.
- Глова. Смашни!
- Богунъ. Давучи!
(*Рештъ*).
- Богданъ. Що-жь вы, панны? Частуйте охвитнишь!
Припрошуйте, щобъ спорожнялы кубкы...
Венгерського, столитнёго неситъ...
Щобъ у ковшахъ ажъ черезъ виця грало!
(*Пиднима свій*). За ясного полковныка!
- Вси (*пють*). Вивать!!
- Барабашъ. Спасыби вамъ! (*нве*) Шумыть вже...
- Богданъ. Пыть, такъ пыть!

ЧАРНОТА. Та це квасокъ... горилы-бъ козакови!

ДЕ-ХТО. Гуляй душа!

БОГДАНЪ. Несить усе зъ лѣхивъ! *(пидлыва куму).*

Прошу, вшануй!

БАРАБАШЪ *(пѣ).* Надъ сылу...

ЧАРНОТА. Якъ? За наше?

БАРАБАШЪ. А! ще за васъ *(знавъ пѣ).*

ВСИ. Не оганьбы... до дна!

БАРАБАШЪ. Та чоловікъ-же не скотына, диты,

Винъ билшъ видра не выпѣ...

ЧАРНОТА. А видро

Подужа всякъ!

ВСИ *(пють).* Полковныкови слава!!

(Вси йидать и пють. Панны частують. Богданъ зъ козакамы иноди перешептуется. Чарнота все пидлыва Барабашу и смизыть его; той рече, втырается и роня хустку: Богданъ крадькома ии соби пидхоплюе. Тылко, завважывши, что Чаплинскый сказаъ щось дуже любязне Елени, ударывъ по столу кубкомъ и мало на гостя не кынувся; его прытрымалы: Елена видскочыла, а Чаплинскый зъ пробощемъ видійшылы въ садокъ. Впродовжъ цигъ сценъ въ садку спива куртъ).

ГУРТЪ *(спива).* Ой сивъ пугачъ на могылу,

Та и крыкнувъ „пугу“...

Чи не дасть Богъ козаченькамъ

Ще хочъ разъ потугу!

Наши шабли поржавилы,

Мушкеты безъ курьивъ,

А ще сердце козачее

Не боится туркивъ;

Не такъ турка, не такъ турка,

Якъ ляха-магната,

Що виддана у аренду

Наша церква й хата...

Ой берутъ за все лоборы

И за виру мыто...

Та неже жъ за то свавольцивъ
Та не буде быто?!

БОГУНЪ. Эхъ, писня ця рве душу...

КОВЗАРЬ. То не писня,

А стогинъ нашъ...

ЧАРНОТА. Отъ-отъ вже слушний часъ...

Росилатымось... *(отера очи)* Запорошылось око...
Гуляй душа! *(пидлыва Барабашу)*.

БОГДАНЪ. Браты, сваты не спать!

БАРАБАШЪ. Писень, писень!... Та не сумныхъ... веселыхъ,
Якъ у Варшави... „пьянко-бардзо...“ Ахъ!
А „мазуречка-уньесення“... чудо!

(Выйма ключи и дзвонить, приспивуючы).

„Катажына панна
Пшишла до мене зрана
И въ моемъ покое
Встало слонцевъ двое!“

ЧАРНОТА *(ему пидспивуе и выдера непримитно ключи, бряз-
чить).*

„Тра-ля-ла-ла, ла-ла!...
Встало слонцевъ двое!“ *(Цилуется зъ нымъ).*

БАРАБАШЪ. Въ Варшави... ухъ! Спивачкы запальни...
А варшавянкы.. гм!... Биленьки... цяци;
Пампушечкы... *(зляга).*

ЧАРНОТА *(здойма у его тыхо перстинъ, цилуе)... Цмокъ! Цмокъ!*

БОГДАНЪ *(бере ключи й перстинъ).* Теперь у насъ все до спробунку... годи!

(Чарноти) Коля Господь попустыть... Ты, якъ гримъ,
Впады на Сичъ хочъ за день передъ мене...
И прыготуй... *(до Тымка)* А ты, сынашу мій,
Леты хугчій зъ оцымъ до жинкы кума,
Перекажы полковныка наказъ,
Щобъ виддала тоби до рукъ ту скрыньку,
Де сховани козачи пакты...

ТЫМКО *(выходячы).*

Вмыть!

В ы х и д ь 13.

(Тижъ безъ Тымка).

ЧАПЛИНСЬКЫЙ *(наблѣжается и одводитъ на передній конь Елену).*

Чи любый я коханій пани й доси?

Чи тутъ зрелась?...

ЕЛЕНА *(соромливо).* Я серцемъ не минюсь,

Але...

ЧАПЛИНСЬК. Вважай,—Хмельницького вже доля
Лежыть въ пылу... Моя жъ зійшла зоря...

ЕЛЕНА. Свить любый всимъ...

ЧАПЛИНСЬК. Такъ завтра я по справахъ

Геть выряжу Богдана и Тымка,

А самъ сюды зъ жолньерамы по паню...

Пакуй добро! *(хутко видходить садкомъ).*

ЕЛЕНА *(сплеснувши руками).* Охъ, Езусъ-Матко!

ПРОВОЩЪ *(тыхо).* Знай,

Що ты дочка ватолыцького лона,

И нашъ костѣль на те благословля... *(выходить за Чаплинськымъ).*

БАРАВАШЪ. У! Варшавянки ляли.. бяле цяло ..

ЧАРНОТА. Хропе уже!

БОГДАНЪ. Тутъ удалось, а там...

БОГУНЪ *(иде).* Я выглядагъ пиду мерщій на ганюкъ.

БОГДАНЪ. Чи жъ выгорыть?

ЧАРНОТА. Надія наша—Богъ!

(Кобзарю) Гей, диду мій! Хочъ тугу намъ розбый,

По струнахъ вдарь, щобъ кровь заграла въ
жылахъ.

БАНДУРЫСТА. Та щобъ не дарма!... Слушайте-жь, орлы!

(прырае и спива) Зажурьлась Украина,

Ниде ся подиты:

Вытоптала орда кивымы

Дрибненькїи диты;

Ой дрибненьки вытоптала,
 А більшихъ забрала,
 Назадъ руки повв'язала,
 Пидъ хана погнала...
 Булы часы, булы лыхи,
 Та настали й зліи:
 Чи вмираты-жъ намъ, чи дбаты
 На жыви надіи?

Г л о в а. Спасыби, такъ!

Ч а р н о т а.

Намъ умираты? Годи!

Стонадцять купъ чортивъ имъ въ зубы всимъ,
 Поборимось зъ панамы!

Б а н д у р ы с т а.

Боже мый!

Скрыпы имъ духъ и мужність дай сердцямъ!!

В ы х и д ь 14.

(*Тижъ и Богунъ, а потимъ Тымко*).

Б о г у н ь (*зъ ганку*) Летыть Тымко зъ шкатулою!

Б о г д а н ь.

Хвала

Тоби, нашъ Боже!

В с и (*и Богунъ прыбигъ*).

Слава! Слава!

Т ы м к о. Добувъ! Добувъ! (*вбига, показуе скрынку*).

Б о г д а н ь (*кладе на неи руку*). Се есть намъ мечъ на брань.

Б а н д у р ы с т а. Теперь, Богдане, часу вже не гай,

Леты орломъ на Запорожжа!

Б о г д а н ь.

Сыну!

Спровадь сю ничъ до Хведора симью,

Для мене жъ хай готують заразь кони!..

Наставъ мій часъ... Поломано пихвы...

На ворога мечъ голый треба зняты...

И кнуты на страшну гру кисты...

Подайможь мы, на разставанни, руки,
На жызнъ и смерть, товарищи-браты!

(Вси кладутъ правыци на его руку при шабли).

За нашъ народъ ограбленный, за виру,
За ридный край я голову несу—
И хай Господь розсудыть наше дило!

(З а в и с а).

ДІЕВИ ЛЮДЕ ДРУГОГО АКТА.

Настя Горова—шмиварьба,

1, 2 дивчина—наймичен

Нечай—козакъ у рамя.

Чарнота—козакъ у спидици.

Крывоносъ—козакъ зъ перебытымъ носомъ.

1-й, 2-й козакъ—запорожци.

1-й, 2-й лейстровны—изъ Украины.

Судыма—зъ козацькою старшыня.

Тетеря—куринный атам., запорожець.

Богунъ,—козакъ зъ Брацлавщины.

Богданъ Хмельницый—сотниязъ Чыгыринський.

Тымошь—его сынъ.

Бозакы, запорожци, поронщкы, музика, дивчата.

Діється въ корчми, на грядици запорожськыхъ земель

ДІЯ ДРУГА.

(Киянъ уявля глыбокай узвизъ; по кругахъ его густый лисъ. Оддалеки слыне Днипро; на другимъ боци мрiють очереты. Зъ правого боку бльжче до зрителивъ корчма; передь ганкомъ два столы и ослоны; злива корито, у яке вода джереломъ бье ви свель! по дворыщу розкыдано каминня. Дали ливоручъ въ глыбняи поватен. За корчмою кузня зъ станкомъ до возсы коней; посередь дворыща слупъ до прывязи ихъ. Цяле дворыще оточа острокиль).

Выхидъ 1.

(Лейстрови—Сулыма, Тетеря; Запорожци—Нечай, Кривонось, Чарнота; козаки и посполудъ; наймычкы).

(До пидняття зависы на кону чуты разомъ ризки спивы и гамъ. Лейстрови сыдятъ за столамы и пють: коло нихъ и дивчата вьются. Биднищи козаки й запорожци по дворыщу лежать малевничо, люльки курять: де-хто сыдыть, порається, броню спрявля; де-хто спить).

Лейстрови (уже на пидпытку спиваютъ).

Ой, не шумы, луже, зеленый байраче:
Не плачъ, не журыся, молодой козаче!
Не самъ же я плачу, плачуть кари очи,
Що не спалы зъ лыха ажъ чотыри ночи!

Голый (спива впоперекъ).

Ой дурни татары голомози:
Черезъ васъ у мене голи нози...
Якъ я ноги обверпу въ солому—
Не втєкты одъ мене вамъ никому!

Хымка (голосе свое).

Ой бувъ, та нема,
Та пойхавъ до млына;

Бидна моя головонька
Сама спаты лягла!

Кривоносъ (*затуля їи рота*). Цыть!!
Ой бувъ, та нема,
Пойихавъ на ричку...

Голый (*крычыть*).

Почекайте-жь бисови татары,
Дайте, тилькы справлю шаравары!

Сулым а. Та цыть, ты вухво обдерта! Слухай лышень якъ
козакы добри спивають.

Голый. Начхавъ я! Що вы черевани за паны? Що надилы
жупаны? А зась! Я самъ козакъ вильный: ты соби що хочъ спи-
вай, а я—впоперекъ; ты соби спивай, а я—впоперекъ!

Чарнота (*у спидницы сыдыть, щось шые*). А й правда:
у кожного горлянка своя и воля своя: твоя значыть горлянка,—
ву и репетуй!

Кривоносъ. Та де тамъ, братчыкы, у его своя горлянка
взялась? Теперь наши горлянкы у езуитивъ проклятыхъ та у
лядськыхъ панивъ, королять... пошварывъ бы ихъ любесенько!..
а винъ свою заставывъ ще Насти шынкарци...

Де-хто. Чи й справди?

Кривоносъ. А гляньте! Сыдыть у рямы, та ротомъ ганя,
чи не всыпле хто туды ледащыци? (*вийшовъ*).

Чарнота. Э, такъ и я буду ротомъ ганять...

Де-хто. Та тоби й слидъ зъ дороги...

Запорожець (*зъ бандурою до дивчыны*). Выйдешъ, черно-
брыва въ садочокъ,—розважыты сичовыка?

2 дивчына. Та вамъ же грихъ зъ намы й балакаты...

Запорожець (*прырае на бандури*).

Ой, надину кармазына,
Бо въ садочку жде Марына...

Колы й е на серци горе—

Дивчынонька заговоре!

Одъ дуба та до дуба—

Дивчынонько моя любя;

Запорожця не лякайся,
Та мицнише прыгортайсь!

Козакови тилькы й доли,
Якъ горилкы е доволи,
Та якъ часомъ вароока
Сяде нышкомъ коло бока!

Де-хто. Такъ, такъ! У Роздериота до коханя охота!
(Смихъ)

Козакъ (ззеду). Гей вы, дивчата! Устанъ котора, та об-
року дай!

2 дивчына. Иды до коморы: заразы! (нишла).

Запорожець (зъ бандурою до Чарноты). Скажы мени,
будь ласка, небораче, чого се ты одягъ жиночу спидныцю?

Чарнота. Одъ мылои подарунокъ...

Запорож. А що жъ ты тамъ шыешъ?

Чарнота. Цовылазыло хйба? Зшываю посередыни, щобъ
штаны выйшы..

Де-хто. Ну й голова! Отъ пройдысвить, палывода!

Запорож. А свои де?

Чарнота. Свои?! (Сзыстыть) Пропывъ!

Запорож. Оттака ловысь!

Тетеря. Це вже достоменно выйшло, що пропывъ штаны,
тай у боы взявся.

Лейстрови (за столу). Ха, ха, ха!! Та скыньмось хочъ
по шагу, та выкупимъ у шынкарькы штаны лыцареви!

Чарнота. Подавится вы, гречкосіи, своимы штанамы: въ
мене й безъ вашои ласкы выйшы штаны, ще й ловки!

(встае и показуе) Онъ-то яви!

Вси. Гля, братци! Отъ мудрагель!! (Решитъ).

Сулымла. Нехай же винъ, братчыкы, и буде на прозвы-
ще „бабий“.

Вси. Нехай, нехай!!

Чарнота (Сулыми). Ты, колы вже наважывся хрещенымъ
батькомъ буты, то справляй и хрестыны; частуй, мовлявъ, и
кумивъ и хрещеныка!

Сулымла. Гей, шынкарько! шынкарько! Горилкы и меду!

Выхидъ 2.

(Тижъ и Настя).

Настя (*вбѣла*). Ачь, хто гука! Росходывся!

Сулыма. Цупь сюды суліи та кухли хрестыны справляемо... та и сама не тикай!

Настя. Та я, мій орле, радниша, дакъ колы й туды тягнуть. Ну, вже й молодци юнаки, запорожськи козаки! Просто доторкнуться страшно: такъ и шмагують!

Голосъ (*зъ корчмы*). Насте! Насте!

Настя. Заразъ, заразъ! Ну, якъ мене одной на всихъ настачить! Хочъ розирвысь! Гей, вы, дивчата! Несить сюды меду, и пыва, и оковытои, та глядите мени, щобъ лыцарство не нудылося!

Чарнота. А про насъ, нывовцивъ, и не дбаешъ? Гей ты, Насте шыноква, козака болыголова! Оддай мени заразъ пидстоли и шаблюку!

Настя. Навищо вони бабію?

Вси. Ха, ха, ха, ха!! И ця постерегла!

Сулыма. Та ну годи, не сперечайтесь: це значить кума... Ну такъ замість крыжма подавай пидстоли й шаблюку.

Настя. За-для такого кума заразъ! Подайте!

Чарнота. Отъ за це спасыби!

Сулыма (*обнима й крутить Настю*). Ухъ! Кума! Зведе хочъ кого зъ ума!Настя (*вырывается*). И самого чорта осидлаю!

Выхидъ 4.

(Тижъ и Кривоносъ).

Голосъ (*здалеку*). Пере-во-зу—гей!!Голосъ (*зъ берегу*). Пожды!! Одночыву!!Голосъ (*здалеку*). По-ро-на да-ва-й!!Голосъ (*зъ берегу*). Не луснешъ!

Кривоносъ (*входитъ, набыва люльку*). Не чуєте? Адже на тимъ боци гукають! (*Сидя, креше вогонь*).

Сулыма. Та розштовхайте хто отыхъ лежнивъ!

Чарнота. А вы пане, чи не протрусилы-бъ сами свога черева, дарма що одпаслы его на нашыхъ, а теперь бы то на своихъ маетностяхъ?

Сулыма. Маетностяхъ! Пане!? Найшовъ чимъ выбывать очи, лежебока, пьянюга! Мы справунки правымо, землю пораемо, працюемо...

Чарнота. Такъ, такъ... тильки не своими руками, а судськымы... пидневольнымы... на лядськый кшталтъ...

Сулыма. То тоби зъ пьяну здається...

Чарнота. Не бійся, ваша мосць, мы одно око зальемо, а другимъ все бачымо: заводытся у насъ и крѣпацтво... разомъ зъ шляхетчыною...

Кривоносъ. Одпасуются на панськый ладъ! (*Курить*).

1 лейстров. Звисно, дармойидамъ заздры, то й гавкають.

Чарнота. А щобъ ты цилкомъ опухъ, колы мы дармойиды: а за чією спыною усимъ вамъ, гречкосіямъ, безпешно сыднты?

Сулыма. Та даймо... тильки вы бильше свою волю тишыте...

1 лейстр. Именно: не такъ оборона, якъ полювання на здобычъ...

Сулыма. А черезъ ти наскокы... часто зліймають ще на Украйну биду... байдуже имъ до неи!

Чарнота. У васъ вся Украина въ кешени! Хиба вы дбаєте про неи? Старшына зъ ляхомъ наклада: онъ я вчора звидтилъ прыбувъ... Колы бъ вы бачылы, братове, що тамъ коится?

Кривоносъ. Тамъ уже черезъ польську шляхту, та й своихъ перевертнивъ—ажъ стогне поспильство.

Нечай. Не черезъ ляхивъ, а черезъ панивъ: прости ляхы—таки-жь харцакы... мы бъ зъ нымы жылы й вискъ, якъ бы не ти ксендзы, та не дуку...

Кривоносъ. Именно, що вси дуки однимъ мыромъ мазани...

1 Запорож. Одного дидьба диты!

2 Запорож. Потурають и ксендзамъ и магнатамъ!

Сулима. А щобъ вы такъ потуралы невири: вамъ бы хотилось усихъ значныхъ выныщты, а зъ поспильствомъ розбоямы жыты?

Кривоносъ. Зъ поспильствомъ колысь и погуляемо.

1 Запорож. Дорика розболямы, а чымъ его й жыты, якъ не здобыччю зъ бусурмена!

Нечай. И Богъ веливъ.

1 Лейстров. Часомъ и наймытамы стаєте бусурменскымы...

1 Запорож. Становымось, та все проты тїи-жь невиры, а не проты своихъ...

2 Запорож. А вы наймыты павськи! Позахоплювали земли, злыгались зъ урядомъ...

Кривоносъ. Ще й хызуются, недоляшкы подъяремни, що въ лейстрови влучылы: надбалы соби привелеивъ, та й дмутся, якъ шкурать на вогни!

Сулима. Надбалы чесно, а въ ярмо шыи не вложиылы...

Нечай. А другихъ упхнете? Запысать у лейстрови всихъ, та й уже!

Чарнота. Якъ у око, брате, влипывъ: биды не буде!

Нечай. Пора завесты вильнисть та ривнисть...

1 Запорож. Та скасуваты прымхы значныхъ!

1 Лейстров. Таеъ бы то сеймъ и попустыть!

Чарнота (*показуе кулакъ*). У насъ свїй сеймъ буде-ось!!

Сулима. Забулы тилькы другого кулака, надъ собою Кодака?

Нечай. А луспувъ бы ты зъ нымъ!

Кривоносъ. Зрадныкы! За ворогамы радїють!

Сулима. Мы зрадныкы? До зброи!!

Кривоносъ и Нечай. До зброи! Гыньте! (*Добувають шаблм*).

Чарнота (*мижъ ныгъ кыдається*). Стїйте братци!

ВЫХИДЪ 5.

(*Тижъ и Настя та козаки й музыкы*).

НАСТЯ (*злякано*). Ой, лыцарство! На Бога! Угамуйтеся!
Развалыте ще корчму! Годи чварь!
Хочь пошануйте Настю Горовую!

(*Кланяется*) Нечаю мій! Ты якъ вогонь палкый,
Але въ тебе добряче сердце... Змылуйсь!

(*До Лейстровыхъ*) Шановнии та славни козаки!
Не ремствуйте: у васъ же сывий розумь,—
Чи лейстровыкъ, чи братчыкъ—все козакъ,
Все велетень... Тутъ веселытысь треба!

ЗАПОРОЖЦИ. Ага! Теперь якои завела?

НАСТЯ. Я заразъ вамъ вточу и меду й пыва... (*бига мижъ козакимъ, частуе, замылется*).

ДЕ-ХТО. Такъ бы й давно!

А все провчыты бь слидь!

ВЫХИДЪ 6.

(*Тижъ и Тетеря*).

ТЕТЕРЯ (*выходить зъ корчмы*). Вгамуйтеся, панове и братове!

Де неладъ е—тамъ силы вже нема,
А у безсылго одниме коженъ право:
Не въ тому ричь, щобъ ривни вси булы,
А въ тому ричь, щобъ добре всимъ жылося,
Адже не вси на неби ривни й зори?

НЕЧАЙ. Такъ тожъ на неби, а не на земли!

ЧАРНОТА. Онъ коится що въ Польши! Гвалтъ, Содома!
Своихъ людей магнатство гне въ рабы:
Одни—паны видъ Бога, други—быдло;
Одннь—жыруй, а другый бачь—працой!

КРЬВНОСЬ. Таки жь и тутъ заводятся звычай:
Ляшкы-панкы, якъ мыши въ ожередь
До насъ бижать, ламають наше право..

- 1 Запорож. А наши паць значни не пнутя тежъ
Помазатысь шляхецькымъ мыромъ?
- 2 Запорож. Вирно!
- Тетеря. А де-жъ, панове, хата е безъ сохъ?
Для чого й въ Польши збыть законъ пидъ
ногы,
Бо головы державной нема,
То й гыне все у гвалти та сваволи:
Безъ головы те жъ буде и у насъ...
- Чарнота. А мы жъ на що?
- Тетеря. Мы Украины руки...
- Чарнота. А голова-жъ ій хто? Мо! Барабашъ?!
- Кривоносъ. Перевертень!
- Нечай. Шкарбунъ и зухъ!
- Чарнота. Ще й зрадныхъ!
- 1-й Запорож. Отъ, кошовый нашъ...
- Тетеря. Баба, кваша!
- 2-й Запорож. Ну,
Морозенко...
- Тетеря. Ще не твердый розумъ...
Все зъ опалу... Намъ треба жъ головы
Освитнѣи у посполитыхъ справахъ,
Щобъ зналася на шабли й на пери...
- Чарнота. Отъ Хмель Богданъ...
- Кривоносъ. Нема, якъ винъ!
- Нечай. Ляхове
Его боятса, якъ вогню!
- Тетеря. Не вси:
Зъ Яремою не зитнется...
- Чарнота. Чи й справди?
- Тетеря. Побидныкъ винъ на кволыхъ...
- Кривоносъ. Не брешы:
Випъ бывъ татаръ та туркивъ... а Ярему
Собагу я визьму на руки самъ...
Жыття свое заставляю...

ЧАРНОТА.

Я Богдана

Самъ добре знаю: эхъ, вояка винъ—
Палый, стримкий.. и знается на пляшци..

НЕЧАЙ. О? Значыть братъ!

ЧАРНОТА. А розумомъ—за вси!

СУЛЫМА. А клопотавсь—не хто, якъ винъ въ Варшави...

ТЕТЕРЯ. За хутора свои та за значныхъ. .

НЕЧАЙ. Не може быть!

ЧАРНОТА. Брехня, та ще й велика,—

Я знаю самъ...

ТЕТЕРЯ.

Побачыте колысь!

ЗАПОР. 1-й и 2-й. Перевелось козацтво...

ХАРПАКЫ.

Вже немає

Й заступныка лыбонь намъ...

ТЕТЕРЯ.

Ни, браты,

Не згнула козака сыла й слава
И голова ще знайдеться; пыльнишь
Погляньте тутъ... надокола, панове!
Дозвольте ричъ держаты?

КРЫВНОСЬ.

Ну, держы!

ТЕТЕРЯ.

На те й стоить братерство наше славне,
Щобъ славою Украину вкрывать;
Колы бъ не мы,—давно бъ вже поглинули
Украину татаре та лякы,
Бо покы насъ—йй поты жыть безпешно.

КРЫВНОСЬ.

Гараздъ сказавъ.

ДЕ-ХТО.

Мовъ зъ книги...

ДРУГИ.

Голова!

ТЕТЕРЯ.

Такъ значыть намъ про Запорожжя й дбаты,
Бо якъ воно на сылахъ упаде,
То й Украина згине...

ЧАРНОТА.

Правда, правда!

ТЕТЕРЯ.

Такъ треба жъ намъ чымсь пиджывыть себе?
Безъ добычи охлялы, пидупалы:
Ошарпани, обдерти... ажъ на смихъ
Здймають вси...

- Кривоносъ. Та винъ, присляби, дило
Провадыть, бра!
- Кривоносъ (*набикъ*). Теперя щось снуе...
Пійматы бь вытку..
- Тетеря. Безъ вйны, братове,
Де-жъ пожывытысь намъ?
- Нечай. Ниде, бо мырь!
- Тетеря. А для чого за моремъ е невира?
- Кривоносъ. Щобъ быть, та вчыть! (*Голосъ*).
- Лейстровыкы. Не можна зь туркомъ бытысь.
- Запорожци. Чому? Чому?
- Сулыма. Ричь-Посполита ..
- Кривоносъ. Цыть!
А що намъ Ричь? Король хйба...
- Чарнота. Винъ прагне
И самъ вйны ..
- Лейстрови. Що? якъ?
- Запорожци. Та цытьте!
- Кривоносъ. Годи!!
- Тетеря. Послушайте...
- Нечай. Не треба!
- Кривоносъ. Розумнишь
Не скажешъ!
- 1-й Запорож. Въ Сичь рушай:
- 2-й Запорож. И гайда въ море!
- Бильшына. Ну й молодець!
- Чарнота. Чи-ба, куды загнувъ.

Выхидъ 7.

(Тижъ и Настя).

- Тетеря. Такъ на почынъ-же выпьемо!
- Чарнота. Це дило!

(Настя вѣйшла) ТЕТЕРЯ (йй). Настусю, гей! И меду, и вына
Всѣго таскай, абы було до-схѣчу...
Частуе всихъ Тетеря...

НАСТЯ. Ну, та й пань!
Отъ ходыть якъ, мій сокиль!

ТЕТЕРЯ (тыхо *Настя*). Прыгадаю
Тоди тебе, колы моя зоря
Розвыднытся... (*До всихъ*). Гей, друзьякы, до гурту!
Геть на-бикъ сварки та берить ковши!

ВСИ. Правдыва ричь! Бувай здоровъ, козаче!

ТЕТЕРЯ. За славоньку и за здоровья всихъ!

НЕЧАЙ. За виру першъ!

КРЫВОНОСЪ. И на загынъ невири!

ВСИ. За благочестя!

ЧАРНОТА. Такъ, теперь писѣнь,
Щобъ ажъ земля двыгтила!

ВСИ. Шьварь, бандуро!

Гуртъ спильный (спива).

Ой, бре, море бре!

Хвылонька реве,

И реве, и грае,

Чаячку гойдае!

Розженьсь весло,

Хвылю бый на скло:

Онъ байдакъ лыліе—

Серденько радіе!

Геть плыве другый...

Гынъте ворогы!

Люлька гасне въ роти—

Заразь бутъ роботы!

НАСТЯ. Охъ, козаки, орлы мои! Усихъ

Якъ бы змогла, я бъ прыгорнула разомъ!

Давайте й я ще писню вамъ утну...

ВСИ. Гараздъ, гараздъ! А ну, пиддай лышь палу!

НАСТЯ (*спива*). Спать мени не хочется

И сонъ мене не бере,

Що нікому прыгорнуты
Молодую мене.

Нехай той мене голубыць,
Котрый шыро мене любыць,
Нехай той мене займае,
Хто коханья въ серци мае...

Охъ, охъ, охъ, охъ! Хто коханья въ сер-
ци мае!

Гуртѣ. Охъ, охъ, охъ, охъ! Хто коханья въ серци мае!

Настя. Изъ-пидъ хмызу на пичъ лизу,
Ажъ луна по хати йде,
А мій мылий, чорнобрывий
И на печи,—то знайде;

Я на пичъ, а винъ за мною,
А я вскрылась зъ головою:
Видчепыся,—ты хочъ гарный,
Цилуваты незугарный..

Охъ, охъ, охъ, охъ! Цилуваты незугарный!

Гуртѣ. Охъ, охъ, охъ, охъ! Цилуваты незугарный!

Настя. Я-жъ въ мори купалася,
Я-жъ биды набралася,
Я-жъ море перебреду—
Яка була, така й буду!
Бисъ биду перебуде,—
Одна пройде, друга буде:

Якъ улизло въ хвиртку лыхо,—
Не зачынють іи люде...

Охъ, охъ, охъ, охъ! Не зачынють іи люде!

Гуртѣ. Охъ, охъ, охъ, охъ! Не зачынють іи люде!

Кривоносъ. Ну й каторжна, якъ распалыла кровъ...
Музыкъ сюды!

Тетеря. Настусю! Пидкивкамы!

Нечай (*бере бандуру. Троица музыка виходыть*).

Якъ бы такы або сякъ, або такъ...

Гуртѣ. Якъ бы такы запорожськый козакъ!

Д и в ч а т а. Якъ бы такы молодой, молодой—
Хочъ по хати бѣ поводиывъ, поводиывъ!

Н а с т я. Страхъ мени не хочется,
Зѣ старымъ дидомъ морочиться!

В с и. Якъ бы такы або сякъ, або такъ,
Якъ бы такы запорожський козакъ:
Якъ бы такы молодой, молодой—
Хочъ по хати бѣ поводиывъ, поводиывъ!

(Музыка пидхоплюе. Выступа до танцивз першз Настя, за нею запорожець, дали килька парз. Потимз танцюють сами запорожци и на решти зновз Настя и вси).

В ы х и д ъ 8.

(Тижз и Богунъ, верхы переплывши Днипро).

Б о г у н ь. Здорови, гей!

В с и. Богунъ! Богунъ!

Б о г у н ь. Винъ самый.

Н е ч а й. Видеиль узявсь?

Б о г у н ь. Прямисенько зѣ Днипра.

Ч а р н о т а. Дывится, бра: винъ верхы переплынувъ!

Б о г у н ь. Въ васъ диждешся поронщкывъ...

Т е т е р я. Въ шынкахъ
Долежують:

К р ы в о н о с ь. Ну й велетень!

С у л ь м а. Скаженный!

1-й З а п о р о ж. Палывода!

Т е т е р я. На фыгли молодець!

Н а ч а й. Отъ зѣ кымъ иты на турка!

Д р у г и. Правда, правда!

В с и. Орель козакъ! И въ цекло проведе!
(Оточають Богуну, здороваются).

Ч а р н о т а. Звивъ дутеля! *(Тыхо, глянувши на Тетерю).*

Т е т р я *(на бикз)*. Звиряйсь юрби! За хвылю
Хто бунъ божкомъ—пидъ лавою лежить,

- А другый вже на покути: имъ треба
Новыхъ цяцёкъ, якъ блазню-хлопчаку,
Або вйкка, якъ на дурну отару!
- Богунъ. Та стійте бо, хочъ чарку пиднести!
- Сульма. Шывварко сыпъ!
- Чарнота (*пидставля й свій ковшъ*). По купели до смаку...
- Настя. Отъ лыцарь нашъ, сичовыкывъ краса!
Такому пиднести за щастя! (*Шодає ковшъ*).
- Богунъ (*бере*). Годи!
- (*До чурту*) Здорови будьмо!
- Вси. Шый здоровъ!
- Богунъ (*пье и переверта*). За всяхъ!
- Вси. Спасыби! Ну теперь веды на море!
- Богунъ. Куды? Чого?
- Нечай. Провитрыться пора,
Та полататысь чымъ-не-чымъ...
- Запорожци. Охъ, треба!
- Богунъ. Панове, ни! Не та теперь пора
И не до часу намъ лыцарьски жарты:
Теперь склыкка Украина сынивъ
И доруча свою намъ долю матеръ.
- Де-хто. Якъ таь? Чого?
- Други. Хиба тамъ сыль дасть-би?
- Тетеря. Намъ же нихто не помага...
- Богунъ. Братове!
- Хто матери цуратыся здола?
И безъ того давно вона, вдовыця,
У чумакивъ, якъ наймычка жыла...
А отъ теперь женуть ии вже зъ хаты,
Пожарамы освичуючы шляхъ...
- Де-хто. Не може бутъ!
- Други. Такого ще й не чуто!
- Богунъ. Всимъ треба стать намъ, друзи, якъ одынъ!
- Тетеря. За себе всякъ...
- Богунъ. Такъ? За свои кешени?
За спокій свій? Простолюду-жъ слеза

Вамъ за нивець? Черезъ кого Трасыло,
Тарась, Павлюкъ и Гуня полаглы?
Черезъ своихъ: не встали зъ ными разомъ,—
И воякамъ за волю, за свій край—
Прыйшлось самимъ изъ жменекю завзятцивъ
Бороться супроты ворогивъ!

Кривоносъ. То правда...

Чарнота. Охъ, та ще й яка!

Сулыма. Такъ що-жь пактъ?

Стоялы мы за Посполиту-Ричъ:

Ляхы жъ свои...

Богунъ. Якъ соромъ ваши очи

Не вытягне з-пидъ лоба? Мало ще
Тыхъ шулякивъ, що ныщуть нашу виру,
Що шарпають вси земли, той своимъ
Ще потурать въ смертельный часъ...

Вси. Що кажешъ?

Кривоносъ. Ты не лябай, а толкомъ розкажи!

Вси. Мерщій, мерщій!

Богунъ. Я тилькы есть предтека:

Онъ йиде той, що вамъ оповистыть!

Выхидъ 9.

(*Тижъ и Богданъ зъ козаками*).

Богданъ. Козачеству, преславному лыцарству,
Украина бье до земли чоломъ:
Вона теперь, не мовъ пидбыта чайка,
До матери на лоно прыпада...

Де-хто. Хмель-батько тутъ!

Кривоносъ. Здоровый бувъ, Богдане!

Други. Що скоилось? Яке зновъ лыхо тамъ?

Богданъ. Старе, браты, й поновлене.

Нечай. Що жъ сталося?

Богданъ. Козачество! Дозвольте ричъ держать!

Вси. Держы, держы: мы слухать тебе ради!
 Богданъ. Вже десять литъ въ неволи мы цилкомъ
 И Масливъ Ставъ похоронивъ права намъ...
 Зъ того часу насъ ворогъ опряга
 Й затыгуе ярмо на наши шыи,—
 А отъ теперь таке въ насъ завелось,
 Якого зроду вы есте не чулы:
 Потоптани останніи права,
 Зганеблена святая наша вира....
 Вси. За виру—смерть!

Богданъ. Іезуитъ розвивъ
 Тамъ унію до гвалту, до розбою:
 Грабують скривъ у благочесныхъ все,
 Межуе дяхъ громадськи наши земли,
 Суда нема, скасовано законъ,
 Гвалтуе панъ, паскудыть наши семьи...
 Вси. Не може быть, щобъ смилы?

Богданъ. Але такъ!

Кривон. А вы-жь чому безправью потуралы?
 Побабылысь? Звелыся на тхоривъ?
 Чы пощербылася козацькая кривуля?

Богданъ. Я скаржывся и сейму й королю:
 На скаргы ти сеймъ реготомъ одмовывъ...
 Тетеря. А ясный круль?

Богданъ. Ось що мени сказавъ:
 „Я вамъ надавъ ще бильше привелеивъ
 И доручывъ Барабашу“. Вони
 Ось-де! (*Показуе*) Тутъ певне наше право
 На волю, виру, землю, військо й ладъ!
 Тетеря. Такъ и гараздъ!

Богданъ. Эхъ, тилькы на папери!
 Тому й дававъ мени яснійшый круль:
 „Безсылый я скрепыть свои законы;
 Коны цей сеймъ зныщае вамъ права,
 То маете-жь шаблюкы и рушныци?“

- БОГУНЪ. Такъ, маемо! И Богомъ я клянусь,
Що мы дамо чортячу имъ роботу!
Гей, козаки—Лейстрови й Нызовци!
Пидь ноги геть топчимо хатни чвары,
На ирода вси станьмо, якъ одынь,
Щобъ сатана ажъ затрусывся въ пекли!
- Вси. Такъ, брате, такъ! До бою вси!!
- БОГДАНЪ. Я знавъ,
Що Нызовци протягнуть зрачу руку..
Спасыби вамъ! Я клыкачивъ пославъ
По хуторахъ и селахъ... Всюды стогинъ
И гвалть стоить одъ лядського ярма...
- ЧАРНОТА. Рушаймо, гей!!
- БОГДАНЪ. Тра помочи...
- БОГУНЪ. Мы й самы!
- БОГДАНЪ. Изъ спильныкомъ певнице: Крымъ пйде—
Я зъ Тугай-Беемъ прыатель...
- ДЕ-ХТО. Зъ невірнымъ?
Зъ поганыномъ?
- ДРУГИ. И виру боронить!...
- ТЕТЕРЯ. Чудне немовъ...
- ДЕ-ХТО. Та й грихъ!
- ЧАРНОТА. Гай-гай, та й годи!
Чи татарва жъ зачепить що святе?
Поможе намъ зигнуть магната-ката,
Що гишъ невіръ... а тамъ—паны вже мы!
- БОГДАНЪ. Тра зныщыть въ пень... а Польца вельмы дужа...
- БОГУНЪ. А якъ бы вси повстали?
- БОГДАНЪ. Все певнишь
Изъ спильныкомъ...
- КРОВОНОСЪ. Та хочъ зъ рогатымъ чор-
томъ,
Абы лишь быть ляхивъ-панивъ!
- Вси. Такъ, такъ!!
- БОГУНЪ. Ну, такъ хутчій, бо вже сверблять и руки!

- Богданъ. Сегодня въ Сичь, а завтра въ Крымъ...
- Сулыма. А мы
Вшыкуемось..
- Настя. Козацтву до послугы
Мое добро: все на церкви даю!
- Запорож. 1-й. Ну—й Настя, га?!
- Запорож. 2-й. Сестра, сестра козача!
- Дивчата. Визьмить и въ насъ вси дукачи й перстни!
- Богунъ. Отъ и жартуй зъ дивчатамы! Та я
Готовый на ворога ударыть!
- Одни. Та ще зъ такымъ отъ батькомъ на чоли!
- Други. Не згыне Русь!
- Вси. Богданъ іи звелычыть!
- Тетеря. При сонци вразъ погаслы зори вси,
А мисаць князь ще зможе посвитыты
Позыченимъ хочъ свитомъ (*Богдану*). Батьку мій!
Бувай здоровъ и хваленъ во вся вики!
- Богданъ (*обнима*). А, пане брате, любый, якъ жыवेशъ?
- Тетеря. Учусь, служу козачій правди сердцемъ—
И до земли я кланяюся ій (*кланяется ему*).

Выхидъ 10.

(*Тижъ и Тымко въ човни*).

- Тымко. Насылу встыгъ... Нещастя, горе, батьку!
Я третёго загнавъ уже коня,
Летючы въ слидъ.
- Богданъ. Що скоилось, мій сыну?
- Тымко. На димъ новий Чаплинський наскакавъ,
Все зруйнувавъ, спалывъ, добро пограбывъ,
Елену взявъ, а братикъ мій Андрій
Пидъ канчукамы вмеръ..
- Богданъ. Небесни Сылы!
Дежъ правосуддл, Боже правый, де? ·
Невже въ тебе святого гниву мало,

Щобъ блискавцями напасныкивъ побыть?
 Невже ще плачъ и стогинь твого люду
 Не долетивъ до янгольскихъ осель?
 За що, про що замучено дытну.
 Потоптаю уси людськи права?

Кривонось.

На пали ихъ!

Вси.

На муки, на погыбель!

Тетеря.

Хай насъ веде на ворога Богданъ!

Нечай.

Такъ, братци,—це й нащырше наше серце:
 Славутою воно повнишь за вси!

Чарнота.

Винь, якъ орель, на шулякивъ ударыть:

Вси.

Богданъ Хмельницый гетьманъ нашъ! Хвала!!

Богунъ.

О, затремтыть теперь вся чорна кривда,
 Охрестытся земля въ ии крови!

Богданъ.

Спасыби вамъ, товариши-браты,
 За шану цю! *(Кланяется)*

Росте и крипне сыла:

Я пидниму бунчукъ за ридный людъ,
 И все живе повстане скрызъ за мною,
 Пидниметя, явъ хвыля нависна,—
 И ворогивъ напасныкивъ потопыть...
 До пометы жъ, гей!

Вси *(добувають шабли)*.

За виру, за нашъ край!

(Зависа).

М. П. Старицый.

(Окончаніє слѣдуетъ).

Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.

Въ современной намъ сословной организаціи лѣвобережной Украины наблюдается одна характерная особенность, сравнительно съ прочими частями обширной территоріи расселенія малорусскаго племени, являющаяся какъ бы нѣкоторымъ архаизмомъ. Среди массы сельскаго, почти исключительно земледѣльческаго, населенія, главный элементъ котораго составляютъ крестьяне, выдѣляется немногочисленная сословная группа, такъ называемыхъ, малороссійскихъ козаковъ.

По своему семейному и общественному быту казаки ничѣмъ не отличаются отъ крестьянъ—входятъ въ составъ аналогичныхъ съ крестьянскими козацкихъ сельскихъ обществъ, управляются по однимъ и тѣмъ-же законамъ о сельскомъ состояніи и, живя въ перемежку съ крестьянами, постоянно вступаютъ съ ними въ родственныя связи, обращая такимъ образомъ козачекъ въ крестьянокъ и наоборотъ.

Козаки расселены далеко неравномѣрно на пространствѣ малороссійскихъ губерній—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гуще, цѣлыми селами, въ другихъ мѣстахъ рѣже, хуторами, или входя даже въ небольшомъ количествѣ въ составъ бывшихъ владѣльческихъ поселеній. Не пользуясь никакими особенными правами и привилегіями, а равно не неся какихъ-либо особенныхъ обязанностей, они различаются отъ крестьянъ больше лишь по одному названію. Впрочемъ, если ближе присмотрѣться къ жизни и даже внѣшнему облику болѣе типичныхъ представителей этого сословія, то нельзя не замѣтить, что они болѣе другихъ сословій

удержали характерныя этнографическія особенности малорусскаго племени, сохранивши ихъ втеченіе всей мрачной эпохи крѣпостного права.

Прошлая судьба этой небольшой сословной единицы, мирно занимающейся теперь земледѣліемъ и прочими сельскими промыслами, очень отличается отъ современнаго ея состоянія.

Безсмертный пѣвецъ Украины въ своемъ стихотвореніи „Иванъ Пидкова“ художественно отмѣчаетъ эту разницу въ бытѣ стараго козачества, пановавшаго, добывавшаго „и славу, и волю“, и его потомства, проводящаго жизнь въ обычныхъ занятіяхъ пахаря, несущаго „косу въ росу“ на обширныхъ степяхъ Украины, украшаемыхъ тамъ и сямъ разбросанными высокими курганами, свидѣтелями иной жизни предковъ.

Малороссійскіе козаки окончательно выдѣлились въ отдѣльную сословную единицу по вослѣдованіи указа 3 мая 1783 г., запретившаго малороссійскимъ крестьянамъ вольный переходъ съ мѣста на мѣсто и окончательно закрѣпостившаго такимъ образомъ бывшихъ посполитыхъ за панами, преимущественно изъ козацкой старшины, и по обнародованіи въ 1785 г. жалованной грамоты дворянству, въ силу которой разбогатѣвшіе и уже давно претендовавшіе на шляхетскія права представители козацкой старшины вошли въ составъ русскаго дворянства. Сословіе малороссійскихъ козаковъ, получившее одно самое главное, въ высшей степени дорогое по тѣмъ временамъ право, право личной свободы, образовалось изъ тѣхъ немногихъ счастливцевъ, которые сумѣли какимъ либо образомъ доказать свое происхожденіе отъ реестровыхъ козаковъ.

Такъ какъ наивысшая норма этихъ послѣднихъ, именно въ эпоху Богдана Хмельницкаго, была 60000 человекъ, то поэтому можно судить, насколько немногочисленна была эта сословная группа. Едва ли можно ошибиться, если посчитать ее къ началу XIX вѣка приблизительно въ полмилліона душъ обоюго пола, какъ опредѣляетъ ее, какъ увидимъ ниже, нѣсколько позже извѣстный малороссійскій ген.-губернаторъ кн. Н. Г. Репнинъ.

Можно думать, что связь между реестровыми и позднѣйшими, такъ называемыми, малороссійскими козаками не основывалась на точныхъ генеалогическихъ данныхъ, чего, конечно, и не требовала въ большинствѣ случаевъ тогдашняя администрація края, вѣдавшая дѣла о козачествѣ и стремившаяся возможно болѣе сѣзуть рамки этого сословія, въ общемъ была лишь преемственность, удостовѣряемая въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ, претендовавшихъ на званіе козака, сохраненіемъ нѣкоторыхъ старинныхъ правъ и привилегій и преданностью завѣтнымъ традиціямъ стараго вольнолюбиваго козачества эпохи Богдана Хмельницкаго.

Въ высокой степени интересная исторія малороссійскихъ козаковъ, полная глубокаго драматизма, не останавливала почему-то спеціальнаго вниманія изслѣдователей,—ее касались лишь мимоходомъ, и потому по настоящее время она мало изучена.

Въ настоящемъ очеркѣ мы попытаемся выяснитъ нѣкоторыя страницы изъ этой исторіи, главнымъ образомъ на основаніи имѣющагося въ нашемъ распоряженіи неизданнаго до сихъ поръ рукописнаго матеріала, извлеченнаго преимущественно изъ яготинскаго архива князей Репнинныхъ, именно—въ отношеніи того, какъ правительство, вскорѣ по воссоединеніи Украины, съ одной стороны, старалось разсѣять по возможности даже самыя мечты козаковъ о восстановленіи ихъ первоначальныхъ вольностей, съ другой стороны, стремилось къ тому, чтобы, принимая во вниманіе ихъ воинскій духъ, извлечь изъ нихъ пользу для военныхъ надобностей, въ качествѣ иррегулярнаго войска.

I.

Возвышеніе козачества въ эпоху Богдана Хмельницкаго.—Реестровые козаки.—Неразграниченность сословій.—Выдѣленіе козачьей старшины.—Невольные и вольные переходы козаковъ въ посполитые.—Противодѣйствіе этому со стороны правительства, въ видахъ сохраненія козачества, какъ иррегулярнаго войска.

Въ эпоху Богдана Хмельницкаго привилегированнымъ сословіемъ въ лѣвобережной Украинѣ сдѣлалось козачество, спо-

движники „козацького батька“¹⁾), отстаивавшіе свою вѣру, народность и экономическую независимость демократической Украины отъ инновѣрной, инородной, аристократической Польши. Старой шляхты, состоявшей, по мнѣнію извѣстнаго знатока старой Малороссіи А. М. Лазаревскаго²⁾), преимущественно изъ польскихъ пановъ, нахлынувшихъ на лѣвый берегъ Днѣпра въ началѣ XVII вѣка, и отчасти, изъ мѣстной аристократіи, образовавшейся въ то время, когда сѣверная часть Малороссіи принадлежала Москвѣ (1500—1638 г. г.), осталось мало. Новѣйшій изслѣдователь прошлыхъ судебъ малороссійскаго шляхетства Д. П. Миллеръ³⁾ такъ описываетъ тогдашнее положеніе недавно всевластныхъ „пановъ“.

„Королята и дуки бѣжали при самомъ началѣ возстанія, а ихъ служебники, поссессоры и официалисты были перерѣзаны и перебиты, такъ что 1654 годъ засталъ на лѣвобережьи всего на всего триста представителей благороднаго сословія, но и эти триста были, кажется, изъ самыхъ захудалыхъ. Вскорѣ уцѣлѣвшая шляхта, забросивъ или припрятавъ свои дипломы и привилегіи, вошла въ составъ козачества и быстро растворилась въ немъ, настолько быстро, что уже при ближайшихъ преемникахъ „козацького батька“ о ней, какъ объ отдѣльномъ сословіи края, нѣтъ ни слуху, ни духу“.

Современное Богдану Хмельницкому козачество, хорошо помня, что первая искра народнаго возстанія, разросшаяся вскорѣ въ грандіозное зарево, охватившее всю Украину, вспыхнула впервые на Запорожьи, гордилось этой связью съ славнымъ сѣчевымъ „товариствомъ“ и, считая Сѣчь, какъ бы *матерью*, стало именовать себя *товариствомъ войска запорожскаго*.

Въ 1654 году козаки, вѣроятно, наиболѣе отличившіеся своими боевыми заслугами, вошли въ число тѣхъ шестидесяти тысячъ избранниковъ, которые составили „войско запорожское“, согласно „статьямъ постановленнымъ въ Москвѣ съ посланцами

¹⁾ Д. И. Багалъя. „Займанщина въ лѣвобережной Украинѣ XVII и XVIII вѣв.“, „Кіевская Старина“, т. VII, стр. 569—571, 1883 г.

²⁾ Записки чернигов. статистич. комитета. Кн. I. 1866. Стр. 5. Сравни. Займанщина въ лѣвобережной Украинѣ XVII и XVIII ст.“, Д. И. Багалъя, „Кіев. Стар.“ г. VII, стр. 561 сл. 1883 г.

³⁾ „Кіев. Стар.“ 1897 г. Т. LVI, стр. 2.

гетмана Богдана Хмельницкаго“, утвержденнымъ грамотой царя Алексѣя Михайловича отъ 27 марта 1654 г., въ которой между прочимъ сказано: „а число войска запорожскаго указали сами, по ихъ же челобитью, учинить спискового 60000, всегда полное“. Право избранія этихъ счастливецъ, согласно тѣхъ же статей, было предоставлено самимъ козакамъ, т. е. преимущественно, конечно, козацкой старшинѣ, въ п. 15 статей сказано: „прежде сего отъ королей польскихъ никакого гоненія на вѣру и на вольности ихъ не было, всегда они всякаго чина свои вольности имѣли и для того они вѣрно служили, а нынѣ, за поступленіе на вольности наши, поддалися царскаго величества подъ высокую руку“ и просятъ дать грамоту, „а когда получать, то они сами между собою учинять, и кто козакъ, тотъ будетъ вольность козацкую имѣть, а кто пашенный крестьянинъ, тотъ будетъ должность обыкшую его царскому величеству отдавать“¹⁾.

Эпоха Богдана Хмельницкаго хотя измѣнила политическій строй лѣвобережной Украины, но мало видоизмѣнила сословныя отношенія—измѣнились больше названія, но не сущность отношеній. Украинскій народъ, стремившійся къ уничтоженію всѣхъ сословныхъ отличій и установленію полной равноправности, очень ошибся въ своихъ расчетахъ. Съ выдѣленіемъ козачества изъ общей массы народа, „пашенные крестьяне“, *посполитые*, остались въ прежнемъ служебномъ „подданническомъ“ положеніи и перемѣнили лишь господъ, такъ какъ, съ изгнаніемъ польскихъ пановъ, право послѣднихъ на поземельную собственность перешло къ „войску“, и гетманъ, будучи представителемъ послѣдняго, могъ раздавать войсковую землю монастырямъ, прежнимъ крупнымъ владѣльцамъ, приставшимъ къ нему во время войнъ съ Польшей, козацкой старшинѣ и рядовому товариству, за ихъ „войсковую“ службу. Съ нарожденіемъ вновь крупнаго землевладѣнія, *посполитые*, жившіе на выдѣляемой въ частную собствен-

¹⁾ Буциевскій. О Богданѣ Хмельницкомъ. Хар. 1882. Стр. 162, 164, 165. Сравни—Балтышъ Камеускій. Исторія Малой Россіи. Ч. I. М. 1882. Стр. 117, Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій. С.-Петербург. 1884. Т. III, стр. 142, 143, 144, 149, 151.

ность землѣ, становились въ обязательныя отношенія къ отдѣльнымъ его представителямъ¹⁾.

Но не одни только посполитые очутились въ зависимомъ состояніи. Шестидесятъ тысячъ *списковыхъ, реестровыхъ* или *выборныхъ* козаковъ далеко, конечно, не соотвѣтствовали всему количеству лицъ, которыя по своимъ воинскимъ заслугамъ могли бы претендовать на внесеніе въ списокъ, и все это козачество, оставшееся, такъ сказать, за бортомъ, утрачивало постепенно ясное представленіе о своихъ сословныхъ преимуществахъ и сливалось съ посольствомъ, и только нѣкоторые охотой шли въ такъ называемые охочекомонные полки, вольную конницу, вербовавшуюся изъ охотниковъ, безъ различія званія и состоянія.

Правда, на первыхъ порахъ строгой обособленности сословій не было, а потому не только посполитые, но даже многіе козаки не могли особенно увлекаться преимуществами этого званія: оно не давало какихъ либо особенныхъ правъ, а между тѣмъ налагало извѣстнаго рода обязанности, и потому очень часто даже реестровые козаки оставляли свое сословіе и переходили въ посполитые, предпочитая „поддѣйническій“ бытъ воинской службѣ. Исполненіе обязанностей козака требовало значительныхъ расходовъ, что хорошо понимали и козаки, и посполитые, и потому *можныйшіе писались въ козаки, а подлѣйшіе оставались въ мужикахъ*²⁾. По свидѣтельству позднѣйшаго современника малороссійскаго козачества, А. Ф. Шафонскаго³⁾, „неограниченное всѣхъ званій состояніе, малороссійскою вольностью называемое, по которой всякъ то дѣлалъ, что хотѣлъ, и которая по самымъ польскимъ законамъ, въ Малой Россіи донынѣ употребляемымъ, не позволена, до того доходило, что крестьянинъ, жениась на козацкой дочери или женѣ и получа и купя козацкую землю, дѣлался козакомъ, а козакъ, убѣгая службы, мужикомъ“. Видно, что эта „служба“ въ эпоху умиротворенія послѣ Мазепы, преимущественно въ тридцатыхъ годахъ ХVІІІ вѣка,

¹⁾ Лаваревскій, 1. с. стр. 14, 15 сл. Багалъй, е. с. стр. 571.

²⁾ Іѵ. стр. 6, 11.

³⁾ Топографическое описаніе черниговскаго намѣстничества. Кіевъ. 1851 г. стран. 65.

когда воинскій пылъ поулегся, казалась козачеству очень обременительной, что они готовы были мѣнять свое привилегированное положеніе на „послушенство“ посполитыхъ. Чтобы нѣсколько облегчить себя, козаки раздѣлились въ это время на двѣ категоріи—козаковъ выборныхъ и подпомощниковъ. Шафонскій такъ опредѣляетъ ихъ взаимныя отношенія: „козаки выборные назывались тѣ, которые въ полевой и заграничной службѣ съ лошадыю, мундиромъ, ружьемъ и пикою и всею верхнею и нижнею амунициею должны быть на готовѣ. Достаточные изъ нихъ сами себя во всемъ должны были содержать, а когда такихъ не доставало, то должны другіе, остающіеся въ своихъ домахъ, имъ во всемъ дѣлать помощь, такъ что иногда два, три и больше дворовъ снаряжали одного козака, и сіи то назывались подпомощники. Наполненіе выборныхъ козаковъ или изъ самихъ ихъ, или изъ подпомощниковъ дѣлалось такъ, что иногда выборные, неспособные, какъ тѣломъ, такъ и достаткомъ, переходили въ подпомощники, а сіи въ выборные. Число обоихъ неравное въ сотняхъ было, а зависѣло отъ числа принадлежащихъ къ сотнѣ селеній такъ, что въ сотнѣ выборныхъ сто, двѣсти и болѣе, а подпомощниковъ до тысячи и гораздо болѣе человекъ. Первые считались поголовьями, а послѣдніе хатами, или подымьями, то есть семьями“.

Въ виду неразграниченности сословныхъ отношеній козаковъ и посполитыхъ и постоянныхъ переходовъ изъ одного сословія въ другое, трудно прослѣдить измѣненія числа козаковъ, хотя бы и всѣ списки, реестры, или, такъ называемые, компуты, замѣнившіеся съ 1723 г. ревизскими книгами¹⁾, дошли до насъ и были изданы, чего далеко нѣтъ. Можно видѣть лишь измѣненія, такъ сказать, официальной численности реестровыхъ козаковъ изъ гетманскихъ „статей“.

Гетманъ Виговскій въ договорѣ, заключенномъ 6 сентября 1658 года подъ Гадячемъ съ польскими комиссарами Станиславомъ Беневскимъ и Казимиромъ Заблажевскимъ, выговорилъ,

¹⁾ Лазаревскій, 1. с. стр. 7.—Д. И. Багалъй—„Генеральная опись Малоросіа“, „Кіев. Стар.“, т. VII, стр. 413 сл. 1883 г.

чтобы реестровыхъ козаковъ было тридцать тысячъ¹⁾; въ Батуринскихъ статьяхъ, заключенныхъ съ гетманомъ Брюховецкимъ въ 1663 г., число реестровыхъ козаковъ опредѣлялось въ шестьдесятъ тысячъ²⁾; согласно Глуховскихъ статей 1669 года съ Многогрѣшнымъ, реестровыхъ козаковъ числилось тридцать тысячъ³⁾. Въ Переяславскихъ статьяхъ Самойловича число реестровыхъ козаковъ показано въ двадцать тысячъ человекъ⁴⁾; въ Коломацкихъ статьяхъ Мазепы реестровыхъ козаковъ показано опять тридцать тысячъ⁵⁾; наконецъ, въ просительныхъ статьяхъ гетмана Скоропадскаго къ императору Петру I уже не упоминается число реестровыхъ козаковъ, а говорится только, что они были малочисленны: „Малую Россію, чрезъ тринадцать годъ, од станцій и переходовъ войскъ армейскихъ въ люде и въ пожитки нынѣ оскудѣвшую, благоволи Ваше Императорское Величество, по своемъ высокому милосердію, ради всемирной радости, въ оной станціи помиловати, обще со всѣми малороссіянами рабски молю; ибо такъ *козаки*, яко и *посполитые*, *остались малочисленны*, съ которыхъ козаки знести того не могутъ, чтобъ и драгунъ кормити, и по званію своему Вашему Величеству служить, якъ и нынѣ подъ Ладогоу и до Царицына двадцать тысячей козаковъ зъ Малой Россіи вышло, а дома ихъ отъ кормленія драгунъ не свободны суть“⁶⁾. Изъ этой выдержки изъ статей видны и причины уменьшенія численности козаковъ.

Конечно, вышеприведеннымъ числамъ нельзя придавать большого значенія. Эти числа показываютъ прежде всего количество козаковъ, которые должны были находиться постоянно подъ оружіемъ, отбывающихъ, такъ сказать, воинскую повинность, а не все количество козаковъ, какъ сословія. Кромѣ того, такъ какъ составленіе реестровъ предоставлялось на усмотрѣніе козацкой старшинѣ, то опредѣленіе числа реестровиковъ зависѣло

¹⁾ Бантышъ-Каменскій, I. с. Ч. I, стр. 134.

²⁾ Ib. ч. II, стр. 189.

³⁾ Ib. ч. II, стр. 249.

⁴⁾ Ib. ч. II, стр. 296.

⁵⁾ Ib. ч. III, стр. 144.

⁶⁾ Ib. ч. IV, стр. 243 сл.

совершенно отъ ея воззрѣній въ данный моментъ, что было почему либо выгодно—показать большее или меньшее количество; равно отъ нея зависѣло же и опредѣленіе ихъ состава, писать ли въ реестръ тѣхъ, „которые старые козаки и многую службу служили“, или если „чего старыхъ козаковъ въ полкахъ въ тридцати тысячахъ неостанетъ“, какъ говорится въ статьяхъ гетмана Многогрѣшнаго, то „въ то число принимать въ козаки мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей“, съ оговоркой впрочемъ, чтобы „въ реестръ въ козаки не писать и не принимать“ ¹⁾ монастырскихъ посполитыхъ, такъ какъ монастыри еще со временъ Богдана Хмельницкаго настойчиво отстаивали свое право на ихъ „послушенство“: въ универсалѣ своемъ Густынскому монастырю отъ 2 іюля 1648 года Хмельницкій говоритъ—„(господинове отцеве монастыра общежителнаго Густинскаго) просили насъ, абы зъ ихъ грунтовъ и футоровъ до войска подданныхъ ихъ не пріймовали“ ²⁾. По словамъ Шафонскаго, „многіе сотники“ даже нарочно, „поддабриваясь своимъ козакамъ, вписывали мужиковъ въ козаки, дабы тѣмъ умножить свою власть“ ³⁾. „Старые“ козаки часто отказывались, какъ мы видѣли выше, отъ внесенія въ компуты въ силу экономическихъ соображеній, обольщаясь, быть можетъ, отчасти добрыми отношеніями, существовавшими на первыхъ порахъ между новыми господами и ихъ „подданными“, но потомъ имъ, а въ особенности ихъ потомству, пришлось горько раскаиваться въ ихъ близорукости.

По мѣрѣ того, какъ испарялся подъеъмъ національнаго самосознанія, сплывавшій и уравнивавшій представителей всѣхъ сословій въ единомыслии отстаиваньи религиозныхъ и национальныхъ, одинаково дорогихъ каждому украинцу, безъ различія званія и состоянія, интересовъ, все болѣе оживали дореволюціонные порядки, для уничтоженія которыхъ было пролито столько крови. Изъ среды самого реестроваго козачества все болѣе выдѣлялась въ особенную группу козацкая старшина, воспринимавшая постепенно взгляды и стремленія старой шляхты; она пред-

¹⁾ Гв. ч. IV, стр. 252.

²⁾ Дазаревскій, I. с. стр. 6 сл.

³⁾ Шафонскій, I. с., стр. 65.

ставляла, хотя меньшую по количеству, но за то богатѣйшую часть козачества, щедро надѣленную за „войсковыя заслуги“ маетностями, по силѣ гетманскихъ и полковничьихъ универсаловъ, и называлась иначе *значнымъ* или *знатнымъ* козачествомъ; бѣднѣйшая часть козачества составила другую болѣе многочисленную группу, такъ называемаго, *рядового* козачества.

По мнѣнію Д. П. Миллера, „мало по малу выдѣлившіеся изъ среды простого козачества козацкіе начальники явились замѣстителями шляхты, присвоивъ себѣ шляхетскія преимущества и получивъ, наконецъ, юридическое признаніе своихъ фактическихъ правъ со стороны русскаго правительства“. „Впрочемъ терминъ „шляхетство“—говоритъ тотъ же изслѣдователь—вновь выплываетъ на свѣтъ только въ 18 в., когда на сцену выступило уже третье поколѣніе козацкой старшины, внуки тѣхъ сотниковъ и полковниковъ, которые когда то прогнали изъ Украины настоящую гербованную шляхту 1).

Чѣмъ болѣе проникались представители козацкой старшины аристократическими тенденціями тѣмъ болѣе, развивались у нихъ хищническіе инстинкты. Хорошо помня о громадныхъ земельныхъ богатствахъ, находившихся въ распоряженіи старой шляхты, права на владѣніе которыми были „уничтожены козацкой саблей“ 2), они стремились сравняться съ нею въ этомъ.

Разнообразны были способы обогащенія, но ихъ основными чертами были полный произволъ и насиліе. П. А. Кулишъ, въ своемъ предисловіи къ запискѣ извѣстнаго Теплова, такъ описываетъ эту печальной памяти дѣятельность малороссійской козачьей старшины:

„Разсказъ Теплова о томъ, какъ малороссійскіе паны, занимая разныя правительственныя мѣста въ гетманщинѣ, присваивали себѣ обманомъ и насиліемъ козацкія земли, ни мало не преувеличенъ. Изъ „Матеріаловъ для отечественной исторіи“, изданныхъ въ Кіевѣ г. Судіенкомъ, видно, какъ гетманы наши,

1) „Кіев. Стар.“. 1897 г. Т. LVI, стр. 5.

2) Лагаревскій, I. с. стр. 5.

пользуясь своею властью и безмолвіемъ хищниковъ старшинъ, набрали себѣ „на булаву“ земель по всей Малороссіи. Въ такомъ-то полку гетману принадлежатъ цѣлыя села, въ такой то сотнѣ владѣеть онъ многочисленными хуторами, въ такихъ то городахъ, мѣстечкахъ и селахъ есть у него доходныя мельницы, рыбныя ловли, пасики, „верхолазныя бортни“, лѣса и сѣнокосы; и всего этого такъ много, что цѣлыя книги наполнялись описями гетманскаго имуществва. Не упускали гетманы и старшины малороссійскіе никакого случая къ обогащенію на счетъ смиренныхъ земляковъ своихъ. Часто между ихъ владѣніями упоминаются даже небольшіе, далеко отброшенные лоскутки земли и мельницы объ одномъ поставѣ, которыми гетманъ владѣеть пополамъ съ простымъ козакомъ... Жаловаться было некому, потому что гетманы хлопотали въ столицахъ, чтобы доносителей считали „несповойными и ненавидящими добра людей“¹⁾.

Что не возбуждало аппетита „великихъ пановъ“, генеральныхъ и полковыхъ урядниковъ, какъ-то „гайки, нивки, млинки“, то систематически подбирала сотенная старшина, формируя такимъ образомъ среднее землевладѣніе и кладя этимъ путемъ прочныя основы благосостоянію позднѣйшихъ потомковъ своихъ, большинства малороссійскаго дворянства²⁾.

Въ настоящее время обнаружено не мало документовъ и появилось значительное количество изслѣдованій по исторіи старшинскаго, позднѣе шляхетскаго землевладѣнія, но мы не будемъ касаться здѣсь этого вопроса подробнѣе, такъ какъ онъ не входитъ въ рамки настоящаго изслѣдованія. Для насъ важно одно общее положеніе, которое можно вывести изъ всей массы этого матеріала: малороссійская козачья старшина очень хорошо понимала, что недостаточно скопленія въ ея рукахъ обширныхъ земельныхъ богатствъ, что для извлеченія изъ нихъ доходовъ необхо-

¹⁾ Записки о Южной Руси. Т. II. Слб. 1857. стр. 173. Срав. „Матеріалы для отечественной исторіи“, М. Судіенка. Т. I. Кіевъ. 1855. стр. 28 сл.: „писанъ листъ болшій до Его Императорскаго Величества въ государственную иностраннѣхъ дѣлъ коллегію пунктами: 10. О неспособныхъ и ненавидящихъ добра людяхъ малороссійскихъ, которіе ябеднически мимо гетмана будутъ удаваться съ жалобами своими до Его Императорскаго Величества“.

²⁾ „Кіев. Стар.“ 1891. Т. XXXII, стр. 120.

димо привлекать возможно больше даровой рабочей силы, отсюда стремленіе путемъ всякаго рода экономическихъ притѣсненій закабалить посполитыхъ, и не только этихъ послѣднихъ, но и своихъ недавнихъ боевыхъ товарищей, рядовыхъ козаковъ. Тепло въ своей „запискѣ“ такъ описываетъ обычный порядокъ, какъ вольные козаки попадали въ „подданство“ къ старшинѣ: „...козаки живутъ въ великомъ непадкѣ, яко разбросанные до разнымъ мѣстамъ отъ своего сотника, и находящіеся въ рукахъ у разныхъ помѣщиковъ, яко крестьяне; почему сотникъ, имѣя ихъ поселеніе на великомъ разстояніи, и въ порядкѣ содержать ихъ не можетъ; ибо, хотя всякому помѣщику въ универсалахъ гетманскихъ, при надачѣ деревни, писывалося прежде и нынѣ пишется, что помѣщикамъ до козаковъ и ихъ грунтовъ въ деревнѣ, селѣ и мѣстечкѣ томъ, которое помѣщику принадлежитъ, дѣла никакого нѣтъ; однакоже, какъ возможно, чтобъ козакъ бѣдный и безпомощный воспротивился сотнику въ сотнѣ, а сильному помѣщику въ томъ селѣ, или деревнѣ, гдѣ онъ козачествуетъ? Всякой сотникъ не успѣетъ только на сотню свою пріѣхать, то козаки первые строители дому бываютъ, первые сѣнокосцы для его скота и первые подводчики, не упоминая о прочихъ разореніяхъ“¹⁾. И. В. Теличенко, авторъ изслѣдованія „Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской комиссіи“, опредѣляя по наказамъ взгляды и стремленія малороссійскихъ козаковъ въ эту эпоху, такъ обрисовываетъ способы обращенія козаковъ въ посполитые: „происходитъ это, по описанію (черниговскаго) наказа, обыкновенно такимъ образомъ, что, какъ только неосѣдлые сотникъ и сотенная старшина вступятъ въ свою должность, то сейчасъ же начинаютъ искать козачьяго грунта для устройства двора и постройки на немъ жилой избы, затѣмъ къ дворамъ прикупаютъ у козаковъ черезъ „угроженія и ласкательства“ пахатныя поля, лѣса, сѣнные покосы и всѣ лучшіе грунта, причемъ даже не столько покупаютъ какъ „завлаживаютъ“, а самихъ козаковъ „хитрыми способами утискиваютъ“. Вытѣснивъ козаковъ со дворовъ, старшина ихъ

¹⁾ Кудинъ, 1. с. стр. 192.

же къ себѣ „привлащиваетъ“, т. е. обращаетъ въ владѣльческихъ крестьянъ; кромѣ того, иныхъ козаковъ старшина употребляетъ въ партикулярныя работы, а другихъ укрываетъ отъ законныхъ повинностей, отчего козаки, не пользующіеся цокровительствомъ, несутъ двойную службу. Но самоуправство старшины на этомъ не останавливалось: „отъ великихъ тяжбъ, боевъ и страховъ“, причиняемыхъ ею, иные козаки даже бросали своихъ женъ, дѣтей и имущество и уходили въ подсуѣдки, за рубежъ и вообще въ безвѣстныя мѣста, лишь бы освободиться отъ старшинскаго своевольства и беззаконія. Причины „отпаденія“ козаковъ отъ военной службы, черниговскій наказъ видѣлъ именно въ томъ, что „многіе духовные и мірскіе владѣльцы и старшины не только имѣнія козацкія поотнимали насильно по куплѣ и всякимъ сдѣлкамъ, но и сымихъ козаковъ во владѣніе къ себѣ поподвергали въ подданство и несутъ общія съ мужиками тяжбы... (тягости), почему въ умаленіи козацкихъ грунтовъ немалое изъ вольностей козацкихъ отошло и козаковъ отъ службы военной отпало; а которые нынѣ еще въ службѣ на лицо имѣются, то тѣ за таковыхъ несутъ излишнюю службу, приходятъ въ крайнее разореніе и оплошность“¹⁾.

Составленная при графѣ Румянцевѣ, генеральная опись Малороссіи „переполнена свѣдѣніями о захватахъ старшиною козацкихъ земель въ разные годы, и этимъ свѣдѣніямъ—говорить проф. Д. И. Багалъй—нельзя не вѣрить, зная обычный образъ дѣйствій малороссійской старшины въ вопросѣ о козацкихъ земляхъ“²⁾.

Ограждать козацкія земли отъ захвата со стороны „корыстолюбивой“ старшины, а самихъ козаковъ отъ обращенія въ цосполитыхъ, приходилось авторитетомъ власти.

В. А. Мякотинъ въ своемъ изслѣдованіи о „прикрѣпленіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII ст.“³⁾ приводитъ такого рода фактъ: въ 1722 г. генеральная войсковая кан-

¹⁾ „Кіев. Стар.“ 1891. Т. XXXII, стр. 240.

²⁾ Д. И. Багалъй „Генеральная опись Малороссіи“, „Кіев. Стар.“, т. VII, стр. 413, 1883 г.

³⁾ Русское Богатство. 1891 г. стр. 48.

целярія пригласила товарища глуховской сотни Ивана Миронovichа явиться въ генеральный судъ по обвиненію въ томъ, что онъ „несправедливо поработилъ въ вѣчное подданство“ двухъ козаковъ.

В. И. Семевскій въ своемъ обширномъ трудѣ о „крестьянскомъ вопросѣ въ Россіи“¹⁾ говоритъ: „такъ какъ козачья старшина сплошь и рядомъ отнимала у козаковъ земли или понуждала ихъ къ продажѣ своихъ участковъ, то въ 1739 г. пришлось даже издать указъ, съ запрещеніемъ козакамъ отчуждать свои земли“.

А. М. Лазаревскій высказываетъ мнѣніе, что „малороссійская старшина сильнѣйшимъ образомъ эксплуатировала силы козачества, вербуя членовъ его разными неправдами въ „подданство“ и захватывая его земли только по праву сильного... и если бы русская администрація не поддерживала въ это время (преимущественно въ 1722—1752 г. г.) козаковъ разными мѣрами (въ родѣ ревизіи 1723 г. и указа 1739 г. января 8, запрещавашаго козакамъ продавать свои земли), то имъ грозила участь одинаковая съ малороссійскимъ крестьянствомъ“²⁾.

Нѣсколько иного взгляда на этотъ вопросъ придерживается И. В. Теличенко: „козацкіе грунты сплошь и рядомъ стали переходить въ старшинскія и владѣльческія руки и козаки обезземеливались. Этому много способствовали и побочныя явленія козацкой жизни, какъ-то: тягость военной службы, обременительные налоги, далекіе походы, высылка на изнурительныя работы и пр., такъ что выгоднѣе и спокойнѣе было иногда продать свой грунтъ и записаться за богатаго владѣльца. Чтобы воспрепятствовать умаленію козаковъ, вызываемому продажей грунтовъ, русское правительство стремилось ограничить эти продажи и въ этомъ смыслѣ были изданы указы, запрещавшіе скуплю козацкихъ грунтовъ, такъ такъ козаковъ желательно было сохранить для военныхъ надобностей. Появленіе этихъ указовъ, направленныхъ къ поддержанію козачества, мы полагаемъ, не только кон-

¹⁾ Л. с. Т. I. Спб. 1888. Стр. 148.

²⁾ Л. с. стр. 13 сл.

же къ себѣ „привлащиваетъ“, т. е. обращаетъ въ владѣльческихъ крестьянъ; кромѣ того, иныхъ козаковъ старшина употребляетъ въ партикулярныя работы, а другихъ укрываетъ отъ законныхъ повинностей, отчего козаки, не пользующіеся покровительствомъ, несутъ двойную службу. Но самоуправство старшины на этомъ не останавливалось: „отъ великихъ тяжбъ, боевъ и страховъ“, причиняемыхъ ею, иные козаки даже бросали своихъ женъ, дѣтей и имущество и уходили въ подсуѣдки, за рубежь и вообще въ безвѣстныя мѣста, лишь бы освободиться отъ старшинскаго своевольства и беззаконія. Причины „отпаденія“ козаковъ отъ военной службы, черниговскій наказъ видѣлъ именно въ томъ, что „многіе духовные и мірскіе владѣльцы и старшины не только имѣнія козацкія поотнимали насильно по куплѣ и всякимъ сдѣлкамъ, но и сымихъ козаковъ во владѣніе къ себѣ поподвергали въ подданство и несутъ общія съ мужиками тяжбы... (тягости), почему въ умаленіи козацкихъ грунтовъ немалое изъ вольностей козацкихъ отошло и козаковъ отъ службы военной отпало; а которые нынѣ еще въ службѣ на лицо имѣются, то тѣ за таковыхъ несутъ излишнюю службу, приходятъ въ крайнее разореніе и оплошность“¹⁾.

Составленная при графѣ Румянцевѣ, генеральная опись Малороссіи „переполнена свѣдѣніями о захватахъ старшиною козацкихъ земель въ разные годы, и этимъ свѣдѣніямъ—говорить проф. Д. И. Багалъй—нельзя не вѣрить, зная обычный образъ дѣйствій малороссійской старшины въ вопросѣ о козацкихъ земляхъ“²⁾.

Ограждать козацкія земли отъ захвата со стороны „корыстолюбивой“ старшины, а самихъ козаковъ отъ обращенія въ посполитыхъ, приходилось авторитетомъ власти.

В. А. Мякотинъ въ своемъ изслѣдованіи о „прикрѣпленіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII ст.“³⁾ приводитъ такого рода фактъ: въ 1722 г. генеральная войсковая кан-

¹⁾ „Кіев. Стар.“ 1891. Т. XXXI, стр. 240.

²⁾ Д. И. Багалъй „Генеральная опись Малороссіи“, „Кіев. Стар.“, т. VII, стр. 413, 1883 г.

³⁾ Русское Богатство. 1891 г. стр. 48.

целарія пригласила товарища глуховской сотни Ивана Миронovichа явиться въ генеральный судъ по обвиненію въ томъ, что онъ „несправедливо поработилъ въ вѣчное подданство“ двухъ козаковъ.

В. И. Семевскій въ своемъ обширномъ трудѣ о „крестьянскомъ вопросѣ въ Россіи“¹⁾ говоритъ: „такъ какъ козацья старшина сплошь и рядомъ отнимала у козаковъ земли или понуждала ихъ къ продажѣ своихъ участковъ, то въ 1739 г. пришлось даже издать указъ, съ запрещеніемъ козакамъ отчуждать свои земли“.

А. М. Лазаревскій высказываетъ мнѣніе, что „малороссійская старшина сильнѣйшимъ образомъ эксплуатировала силы козачества, вербуя членовъ его разными неправдами въ „подданство“ и захватывая его земли только по праву сильного... и если бы русская администрація не поддерживала въ это время (преимущественно въ 1722—1752 г. г.) козаковъ разными мѣрами (въ родѣ ревизіи 1723 г. и указа 1739 г. января 8, запрещаваго козакамъ продавать свои земли), то имъ грозила участь одинаковая съ малороссійскимъ крестьянствомъ“²⁾.

Нѣсколько иного взгляда на этотъ вопросъ придерживается И. В. Теличенко: „козацкіе грунты сплошь и рядомъ стали переходить въ старшинскія и владѣльческія руки и козаки обезземеливались. Этому много способствовали и побочныя явленія козацкой жизни, какъ-то: тягость военной службы, обременительные налоги, далекіе походы, высылка на изнурительныя работы и пр., такъ что выгоднѣе и спокойнѣе было иногда продать свой грунтъ и записаться за богатаго владѣльца. Чтобы воспрепятствовать умаленію козаковъ, вызываемому продажей грунтовъ, русское правительство стремилось ограничить эти продажи и въ этомъ смыслѣ были изданы указы, запрещавшіе скуплю козацкихъ грунтовъ, такъ такъ козаковъ желательно было сохранить для военныхъ надобностей. Появленіе этихъ указовъ, направленныхъ къ поддержанію козачества, мы полагаемъ, не только кон-

¹⁾ Л. с. Т. I. Спб. 1888. Стр. 148.

²⁾ Л. с. стр. 13 сл.

статируетъ экономическое разореніе козаковъ, но и доказываетъ, что оно шло извнутри отъ своихъ же собратьевъ—старшинъ, утратившихъ истый козацкій духъ и превратившихся въ пановъ-землевладѣльцевъ ¹⁾).

Взглядъ И. В. Теличенка, повидимому, наиболее правильный. Нельзя всецѣло обвинять козачью старшину въ томъ, что она въ корыстныхъ цѣляхъ путемъ экономического давленія на козаковъ и всякаго рода насилія лишала ихъ личной свободы и отнимала у нихъ часто единственную ихъ недвижимую собственность, грунты. Конечно, часты бывали случаи насильственного захвата грунтовъ и разныхъ угодій ²⁾, встрѣчавшіе попытки противодѣйствія со стороны обижаемыхъ, но въ большинствѣ случаевъ былъ добровольный отказъ со стороны козаковъ отъ всѣхъ своихъ правъ, дабы избѣжать тягостей воинской повинности, которую они должны были отбывать въ оплату за пользованіе этими правами. Тягости этой своеобразной военной службы малороссійскихъ козаковъ втеченіе XVIII в. рѣзкими чертами обрисовываетъ И. В. Теличенко:

„Распоряженіе русскаго правительства о назначеніи козаковъ на различныя черныя работы, какъ извѣстно, началось очень рано. Прежде всего козаками не какъ войскомъ, а какъ рабочей силой, началъ пользоваться Петръ I, сначала для возведенія во время шведской войны крѣпостей, а затѣмъ и для земляныхъ работъ, ничего не имѣвшихъ общаго ни съ войнами, ни съ Малороссіей. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше въ этомъ отношеніи церемонились съ козаками: послѣ полтавской битвы козаки рѣдко видѣли поле сраженія, имъ большею частью приходилось исполнять тяжелую работу рытья каналовъ, насыпей, валовъ, устройство ретраншементовъ, шанцевъ, засѣкъ и т. п. на отдаленномъ сѣверѣ, югѣ и востокѣ. Извѣстно, сколько тысячъ

¹⁾ „Кіев. Стар.“. 1891. Т. XXXII, стр. 239.

²⁾ И. В. Лучицкій сообщаетъ любопытный случай закабаленія козака извѣстными стародубскими богачами Шираями путемъ „позички“ денегъ. „Кіев. Стар.“, т. XXXII, 1891 г., стр. 506—508.

жизней стояли козакамъ работы на берегахъ Ладоги, Онеги, Невы... Въ (черниговскомъ) наказѣ козаки жалуются, что ихъ болѣе 10 лѣтъ подъ-рядъ посылають дѣлать на границѣ съ Польшей засѣвки, строить редуты, расчищать въ лѣсныхъ мѣстахъ дороги, мостить болотистыя мѣста, а въ послѣднія нѣсколько лѣтъ еще посылають и на Донъ для устройства въ Ростовѣ крѣпости, причемъ имъ приходится брать съ собой подводы, возить колоды, мачты, и исполнять всѣ „мужицкія“ работы, отчего ихъ служба „въ противность ихъ правъ уже не виѣняется въ военную, а сами они часъ отъ часу приходятъ въ оскуднѣніе и оплошность ¹⁾).

Въ виду такихъ тягостей военной службы, нельзя винить козаковъ въ томъ, что они такъ легко отказывались отъ своихъ правъ, такъ сказать, „обмужичиваясь“ и забывая повидимому о былой военной славѣ „товариства войска запорожскаго“ и вообще о своихъ сословныхъ традиціяхъ. Взгляды ихъ на свои права и обязанности, на „козачьи вольности“, расходились съ правительственными взглядами. Сохраняя до нѣкоторой степени воинскій духъ, козаки хотѣли служить прежде всего интересамъ родины, а потомъ и всего государства, *съ оружіемъ въ рукахъ*, правительство же стремилось къ тому, чтобы, охраняя ихъ отъ всякаго рода посягательствъ со стороны старшины и обращенія въ посполитыхъ, имѣть даровое, пока что иррегулярное войско во время частыхъ войнъ на широко раздвинувшихся границахъ государства, обращая ихъ преимущественно, какъ мы видѣли выше, въ землекоповъ, погонщиковъ и т. п., такъ какъ собственно Украина, уже окончательно умиротворенная, не нуждалась въ ихъ услугахъ.

Этотъ взглядъ правительства на козачество является основой всѣхъ „охранительныхъ“ заботъ и мѣропріятій его по отношенію къ послѣднему. Наболѣе важный въ этомъ смыслѣ указъ императрицы Анны Іоанновны, отъ 8 января 1739 г. ²⁾ вызвалъ

¹⁾ Ів. стр. 243.”

²⁾ П. С. З. № 7723. 8 января 1739 г.

слѣдующее распоряженіе тогдашняго правителя Малороссіи генерала А. И. Румянцева отъ 6 фѣвраля 1739 г. „изъ походной анаральной войсковой канцеляріи в Домонтовѣ“ на имя черниговскаго полковника Измайлова:

„Въ силѣ вышеписаннаго высочайшаго Ея Императорскаго Величества имянного указа во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ, въ томъ числѣ и въ полку черниговскомъ, публиковать, дабы *впредь* до будущей Ея Императорскаго Величества высочайшей воли козаки *грунтовъ своихъ никому отнюдь ни подъ какими видами не продавали и за другими не укрѣпляли, и отъ всѣхъ козацкихъ грунтовъ, какъ проданныхъ владѣльцамъ, такъ и за козаками оставшихся, козацкую службу отправлять тѣмъ, кто на такихъ грунтахъ нынѣ живутъ и ими пользуются.* Сколько же въ полку черниговскомъ такихъ купленныхъ грунтовъ и на нихъ сколько и кто имянно людей поселилось и для опредѣленія козацкой службы будутъ опредѣлены, о томъ немедленно прислать праведное извѣстіе, а *впредь* если кто у козака грунтъ какой купить, или на купленномъ козачомъ грунтѣ поселеніе люди утаены будутъ, то тѣ грунты имѣютъ быть конфискованы на Ея Императорское Величество неотмѣнно, а о укомплектованіи выборныхъ конныхъ козаковъ, положенныхъ въ двадцатитысячное число, на мѣсто убиеныхъ отъ полнаго числа по росписанію на черниговскій полкъ въ мимомедшихъ компаніяхъ убитыхъ и помершихъ, чинить вамъ въ силѣ того Ея Императорскаго Величества имянного указа“¹⁾.

По наиболѣе рельефно выразился вышеприведенный взглядъ правительства на малороссійскихъ козаковъ въ мнѣніяхъ и мѣропріятіяхъ графа П. А. Румянцова-Задунайскаго, настойчиво проводившаго „объединительную“ политику императрицы Екатерины II въ Малороссіи²⁾.

¹⁾ Рукоп. Яготин. арх.

²⁾ Русское богатство, 1891 г. стр. 131. Срав. Сборникъ Р. историческ. общ. Т. VII, стр. 348.

II.

Обособленіе козачьяго сословія при Румянцевѣ.—Исполненіе воинской повинности.— Численность козачьяго сословія.— Стремленіе Румянцева приучить козаковъ къ регулярной службѣ; противодѣйствіе ихъ этому; подчиненіе ихъ военному суду.— Преобразование охоче-комонныхъ полковъ въ регулярные.— Обращеніе малороссійскихъ козачьихъ пановъ въ карабинерные.— Образованіе изъ козаковъ особаго корпуса пѣшихъ стрѣлковъ.— Первый рекрутскій наборъ съ козаковъ.— Сохраненіе козаками *прежняго* „воинственнаго духа“.

Предпринявъ „генеральную опись „Малороссіи, съ цѣлью ближе ознакомиться съ порученной его управленію страной, чтобы имѣть потомъ возможность наиболѣе успѣшно проводить предначертанныя центральнымъ правительствомъ мѣропріятія, Румянцевъ обратилъ особенное вниманіе на взаимныя отношенія сословія, такъ какъ до него доходили постоянныя жалобы на неумѣренное отягощеніе службой, работами и поборами козаковъ, мѣщанъ и посполитыхъ. Румянцевъ хотѣлъ посредствомъ описи точнѣе разграничить сословія, и въ частности, въ отношеніи козаковъ, обособить ихъ въ отдѣльное замкнутое сословіе и ограничить по возможности ихъ число ¹⁾).

Выдѣляя малороссійскихъ козаковъ въ особую сословную единицу и оставляя за ними право пользованія личной свободой и право владѣнія земельной собственностью, Румянцевъ хотѣлъ извлечь изъ нихъ возможно больше пользы въ отношеніи отбыванія воинской повинности.

Чтобы точнѣе и возможно правильнѣе опредѣлить контингентъ козачьяго сословія, въ началѣ производства „описи“ онъ предоставлялъ полную возможность всѣмъ бывшимъ козакамъ, обращеннымъ въ посполитые, доискиваться козачества ²⁾ не потому, впрочемъ, чтобы онъ считалъ большимъ зломъ такое закрѣпощеніе козаковъ въ интересахъ ихъ самихъ, такъ какъ онъ ви- нилъ больше всего самихъ козаковъ въ томъ, „что они въ свое время о порабощеніи не искали; а ежели отъ службы бѣжали, укрываясь отъ оной, какъ много и изъ дѣлъ оказываются, то казни и

¹⁾ „Кіевск. Старина“, 1883 г. т. VII, стр. 405, 419. Записки чернягов. статистич. комит. I. с., стр. 123, сел.

²⁾ Ibid. стр. 422, 426.

наказанія достойны; старшины же сотенные, корысти ради, сошедшихъ имуществомъ пользуясь, охотно, конечно, имъ на сіе позволяли, ибо рѣдко, или никогда, о таковыхъ бѣдлахъ не рапортовали¹⁾“. Отъ обращенія козаковъ въ посполитые страдали интересы правительства въ отношеніи воинской повинности, и потому то Румянцевъ считалъ нужнымъ бороться съ этимъ вольнымъ и невольнымъ оставленіемъ козаками своего сословія. Желая „единожды навсегда на мѣрѣ поставить въ семь пунктѣ, *общественнаго добра ради*, и тѣмъ самымъ пресѣчь всѣ и всякія родящіяся неурюстройства“, Румянцевъ принималъ во вниманіе и прежніе указы по этому вопросу. „Указомъ безсмертныя памяти государя императора Петра Великаго“—говоритъ Румянцевъ въ своей „запискѣ“ отъ 25 іюля 1765 года—„въ 1723 году *вельно* козакамъ, порабощеннымъ владѣльцами, о козачествѣ бить челомъ въ малороссійской тогда бывшей коллегіи, и чьи предки и они сами *службу служили*, тѣхъ вписать въ козаки, доказывая то правными реестрами и капитулами, а въ недостаткѣ ихъ свидѣтельствами стороннихъ; въ 1746 году указомъ правительствующаго сената повелѣно всѣмъ владѣльцамъ, за кѣмъ таковыя козаки въ подданствѣ состоятъ, немедленно *для вписанія ихъ къ отправленію службы объявлять* 2). Какъ видимъ, оба указа, приведенные Румянцевымъ, преслѣдовали въ отношеніи козаковъ тѣже цѣли, что и онъ, привлеченія ихъ къ отбыванію воинской повинности.

Когда составъ козачьяго сословія къ концу производства „описи“, по мнѣнію Румянцева, достаточно опредѣлился, онъ пришелъ къ заключенію о необходимости прекращенія искомъ о козачествѣ. Въ своемъ „мнѣніи о скуплѣ въ Малой Россіи козачьихъ имѣній, о свободныхъ посполитыхъ и о живущихъ въ подданствѣ козакахъ, какъ имъ нынѣ быть и впредь оставаться“ онъ предлагаетъ, „что-бъ отъ сего времени никого болѣе въ козаки не писать, а кого по нынѣшней генеральной въ Малой Россіи описи, къ окончанію приводимой, гдѣ какъ найденъ будетъ, тому тамъ уже и быть вѣчно, о козачествѣ-жъ молчать“ 3).

1) Авленко. Малороссія въ 1767 году. К. 1864 г. стр. 149.

2) Ibid. стр. 148 сл.

3) Чтенія въ М. О. И. и Др. Р. 1861 г., II, стр. 63.

До какой степени важное значеніе придавалъ Румянцевъ неуклонному исполненію козаками воинской повинности, видно между прочимъ изъ слѣдующаго факта:

Въ 1778 году лубенскій полковникъ Степанъ Максимовичъ (1770—1781 гг.)¹⁾ обратился съ „репортомъ“ въ малороссійскую коллегію, въ которомъ, „прописывая обстоятельства къ умаленію козачей службы относящіеся принятіемъ безъ его полковника и полковой лубенской канцеляріи свидѣтельствъ въ разніе судебніе мѣста къ письменнымъ дѣламъ козачихъ дѣтей, кои чрезъ то защищаютъ свои дома и родственниковъ отъ службы“, онъ проситъ „дать отъ коллегіи повелѣніе всѣмъ судамъ козачихъ дѣтей безъ вѣдома его полковника и полковой канцеляріи кт дѣламъ не принимать, равнымъ образомъ когда они безъ свидѣтельствъ его полковника или полковой канцеляріи въ малороссійской коллегіи, судѣ генеральномъ и другихъ здѣшнихъ правительствахъ явятся будутъ просить о принятіи ихъ въ какое званіе, повелѣтъ высылать ко отправленію должной отъ нихъ козачей службы“. Вслѣдствіе этого „репорта“ полковника Максимовича состоялось 22 января 1778 года слѣдующее постановленіе малороссійской коллегіи, которое и было разослано въ копіяхъ во всѣ тогдашнія присутственныя мѣста въ районѣ лубенскаго полка, за подписью Якова Козельскаго, секретаря Аванасія Хашкевича и канцеляриста Степана Данилова:

„Къ полковнику и кавалеру Максимовичу послать указъ, что, какъ въ коллегіи, такъ и во всѣхъ здѣшнихъ присутственныхъ мѣстахъ, желающіе быть въ писменныхъ дѣлахъ и приносящіе въ томъ просьбы не инако принимаемы бываютъ, какъ по представленнымъ ими отъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ вѣдѣніи находились, писменнымъ необязательствамъ, давъ притомъ знать оному полковнику, что со всѣхъ отъ домовъ козачихъ дѣтей въ такіе мѣста и другіе къ писменнымъ дѣламъ опредѣлившихся, или *хотя бы оныя и въ другой какой службѣ были, должна происходить козачья служба отъ домовъ ихъ и грунтовъ*, а дабы козаціе полку лубенскаго дѣти безъ письменныхъ отъ полковника Мак-

¹⁾ Чтевія Нестора Лѣтописца. Кн. XI, отд. II, стр. 50, 74.

симовича и полковой лубенской канцелярїи свидѣтельствъ къ писменнымъ дѣламъ не были принимаемы, о томъ во всѣ здѣшнїе присутственнїе мѣста такъ же въ суда земскїе лубенской и роменской и того полку подкоморскїе послать указы“¹⁾.

Какъ видимъ, коллегїя, или лучше сказать Румянцевъ, имѣли особенное наблюденїе, чтобы никакія иныя занятїя не мѣшали козакамъ неуклонно исполнять воинскую повинность.

Когда, по окончанїи производства „генеральной описи“, тѣсныя рамки козачьяго сословія окончательно замкнулись, всѣ козаки, не попавшіе въ его составъ при этой реорганизаціи, записались частью въ мѣщане и купцы²⁾, но преимущественно слились съ массой безправныхъ посполитыхъ и, по вослѣдованїи указа отъ 3 мая 1783 года, вмѣстѣ съ этими же послѣдними были обращены въ крѣпостную зависимость.

Интересно опредѣлить хотя приблизительную численность козачьяго сословія въ этому времени.

Согласно „вѣдомости, по которой значилось, сколько въ Малой Россїи до открытїя въ ней трехъ намѣстничествъ, т. е. до 1782 г., было полковъ, сотенъ, и въ оныхъ разныхъ селенїй и жителей“, помѣщенной у Шафонскаго³⁾, во всѣхъ десяти малороссійскихъ полкахъ числилось по статистическимъ даннымъ ревизїи 1764 года 176,886 козаковъ выборныхъ и 198,296 подпомощниковъ, всего 375,181 человекъ.

Конечно, нельзя вполнѣ довѣрять этимъ цифровымъ даннымъ. Тепло въ своей „запискѣ“ говоритъ:

„...Ревизїямъ малороссійскимъ, которыя малороссійск. люди чинятся, съ какою бы строгою инструкціею они ни отправлялись, вѣрїть не надобно, ибо ревизоры интересъ въ томъ имѣютъ, чтобы число дворовъ утаивать...“

Неоспоримо тотъ доказать можетъ, кто Малороссїи внутренность знаетъ, что козаки старшинами и другими чиновными,

¹⁾ Копїя указа коллегїи „суду земскому повѣту роменского“. Ручоп. Яготин. архива.

²⁾ „Кїев. Стар.“, 1891 г., № 3, стр. 481.

³⁾ Шафонскїй. Топографическое описанїе черниговск. намѣстнич. К. 1851. стр. 73—85.

также и денежными людьми къ себѣ въ подданство обращены; по вольности же перехода, ревизіи повсегодно бывають, которыя ежели одну съ другой свести, то такъ великое несходство всегда въ числѣ дворовъ бываетъ, что вѣрить невозможно ни тому, ни другому. Все же сіе всегда проясходитъ отъ того, что въ одинъ годъ ревизоры больше, а въ другой меньше утаятъ; а старшины строгости въ томъ не дѣлають, яко въ дѣлѣ собственному своему непротивномъ. Хотя же при нынѣшнемъ гетманѣ не больше какъ три раза дѣлана ревизія: одна въ 1751, когда еще онъ въ Малороссію не пріѣхалъ, а другая и третья въ 1753 и 1756 году по всей Малороссіи, какъ козачихъ, такъ бездворныхъ хатъ и ихъ подпомощниковъ, а притомъ пополитыхъ и ихъ подсуздниковъ; но и тутъ въ такомъ маломъ времени разность превеликая нашлася, потому только, что вторая немного строже учинена; а именно: въ первой явилося по всей Малороссіи 152,157, а во второй 202,146 дворовъ, и тамъ прибыло 49,989 дворовъ; въ третьей же опять убыло, потому что въ прежнемъ безстрасней дѣло производилось¹⁾.

Извѣстный малороссійскій генераль-губернаторъ князь Н. Г. Репнинъ въ своей „запискѣ о малороссійскихъ козакахъ“ отъ 1821 года дѣлаеть слѣдующія сравненія о численности козачьяго сословія въ разное время.

„Изъ статей гетмана Скоропадскаго 1722 г. апрѣля 29, съ собственноручными рѣшеніями императора Петра I-го, видно, что козаки остались тогда малочисленны: въ 1777 году было уже ихъ около 300 тысячъ, изъ коихъ служили 20 тысячъ въ полѣ, а около 50 тысячъ при границахъ и внутри Малороссіи; какъ о томъ упоминаеть князь Безбородько въ запискѣ, поднесенной имъ въ семь году императрицѣ Екатеринѣ II-й²⁾; по ревизіи 1819

¹⁾ Кульшъ. I. с. стр. 178.

²⁾ „Князь Безбородько составилъ послѣднюю половину (съ 1734 по 1776 г.) „Краткой лѣтописи Малой Россіи“, изданной въ 1777 г. В. Г. Рубаномъ. Кромѣ того, онъ составилъ два первыхъ приложенія къ этой книгѣ, а именно: „изъясненіе образа правленія Малой Россіи“ и „списокъ бывшимъ въ Малой Россіи гетманамъ“ и пр. Кромѣ того, онъ намѣревался, вмѣстѣ съ Рубаномъ, издать полную малороссійскую исторію, для которой оба они собирали матеріалъ“. Кандлеръ князь Безбородько. Н. И. Григоровича. Русск. Архивъ. 1875 г. II, стр. 141.

года считается козаковъ мужскаго пола 450.365 душъ, земли же козацьи цѣнать бывшийъ министръ финансовъ въ 60 милліоновъ рублей, изъ чего явствуетъ, что съ 1722 по 1777 годъ, т. е. чрезъ 55 лѣтъ умаленное войнами и внутренними смятеніями, число козаковъ возрасло до 300 тыс. Съ 1777 г. по ревизію 1819 г., т. е. чрезъ 39-ть только лѣтъ, умножились козаки, съ прибавкою 25 тысячъ, переселившихся 1808 г. въ Черноморію, 175 тысячъ земли же ихъ, при всегдашней вольной продажѣ, стоятъ 60 милліоновъ, каковую оцѣнку должно признавать, безъ сомнѣнія, очень умѣренною¹⁾.

По свѣдѣніямъ Румянцева въ 1765 году козаковъ было „71,604 хаты, какъ въ полкахъ, такъ и въ сотняхъ въ числѣ неравномъ раздѣленныхъ“²⁾.

Наиболѣе точныя свѣдѣнія о численности козацьаго сословія въ эпоху Румянцева можно почерпнуть изъ сохранившейся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ „вѣдомости о доходахъ по черниговскому намѣстничеству счислящихся, сколько оныхъ съ кого и по какому указу собирается“³⁾, представленной Румянцеву при рапортѣ „черниговской казенной палаты вице-губернатора“, статскаго совѣтника Новикова, отъ 31 декабря 1785 года. Изъ этой вѣдомости видно, что съ козаковъ, проживавшихъ въ предѣлахъ черниговскаго намѣстничества, втеченіе 1785 года поступило подушнаго по 1 р. 20 к. съ души, оклада, согласно именному указу отъ 3 мая 1783 года, 212,346 руб., слѣдовательно, козаковъ, внесенныхъ въ ревизскіе списки, числилось 176,955 человекъ. Если сравнить это число съ количествомъ козаковъ во всей Малороссіи въ 1764 году, то можно допустить, что въ 1756 году козаковъ въ остальной Малороссіи было приблизительно столько же, сколько и въ черниговскомъ намѣстничествѣ.

Проживавшіе въ предѣлахъ этого намѣстничества козаки распредѣлялись по его повѣтамъ слѣдующимъ образомъ: въ черниговскомъ—10,967 ч., въ городнянскомъ—7,265 ч., въ бере-

¹⁾ Членіи М. О. И. и Др. Р. 1864. Кн. 2, стр. 128 смѣси

²⁾ Австенко, I. с., стр. 14 сл.

³⁾ Рукопись Кіев. Ц. нтр. Архива.

зинскомъ—20,563 ч., въ борзенскомъ—16,994 ч., въ нѣжинскомъ—13,140 ч., въ прилуцкомъ—12,247 ч., въ глинскомъ—20,104 ч., въ роменскомъ—17,966 ч., въ лохвицкомъ—20,505 ч., въ гадацкомъ—12,124 ч. и въ зѣньковскомъ—25,080 ч. ¹⁾).

Выдѣляя малороссійскихъ козаковъ въ особую сословную единицу и обязывая ее неуклоннымъ исполненіемъ воинской повинности, Румянцевъ на первыхъ же порахъ старался пріучить ихъ по возможности къ регулярной службѣ, но при этомъ встрѣчалъ со стороны козаковъ, представлявшихъ себѣ свои обязанности въ отношеніи военной службы по понятіямъ стараго „вольнаго козачества“, сильное противодѣйствіе. Находя военную службу козаковъ, согласно ихъ взглядамъ, „столь безстройной, столь ни къ чему неудобной и ненадежной“, онъ уже въ своей запискѣ 1766 года предлагаетъ императрицѣ Екатеринѣ II „сію милицію привести въ настоящій порядокъ воинскихъ людей“ ²⁾, и даже раньше представленія записки дѣлаетъ первую попытку въ этомъ наравленіи.

Еще въ 1765 году, замѣтивъ совершенную неподготовленность малороссійскихъ козаковъ, попавшихъ въ „находящіяся при малороссійской коллегіи солдацкія роты“ къ исполненію регулярной службы и усматривая ихъ распущенность въ отношеніи военной дисциплины—„сперва три изъ сихъ солдатъ, ушедши съ домовъ, безъ позволенія у меня, явясь, хотѣли спрашивать, какую они службу впредь исправлять будутъ, объявляя, что они въ регулярной вовсе быть не хотятъ, а желаютъ такъ, какъ ихъ дѣды служили вольно, однакожь ни одинъ изъ нихъ подлинно не знаетъ, какая въ то время служба была“—Румянцевъ указомъ отъ 5 декабря 1765 г. на имя малороссійской коллегіи велѣлъ „обѣ солдацкія роты разобрать“, зачинщиковъ въ неповиновеніи „нещадно плетями высѣчь“, а „изъ способныхъ офицеровъ и рядовыхъ сочинить одну роту въ числѣ полевого муш-

¹⁾ „Генеральная табель о числѣ душъ и съ нихъ доходовъ, такожъ и объ оборочныхъ статьяхъ въ черниговской губерніи исчисляющихся на 1785 годъ“, составленная въ черниговской казенной палатѣ при вице-губернаторѣ Новиковѣ для графа Румянцева Рукон. Кіев. Центр. Архива.

²⁾ Чт. М. О. И. и Др. Р. 1861 г. II, стр. 63.

каторского полку роты и именовать ее фузелерною“ и разместить ее въ Глуховѣ „для содержанія карауловъ при коллегіи, архивѣ, генеральномъ судѣ, скарбовой и щетной комиссіямъ“¹⁾.

Въ указѣ на имя малороссійской коллегіи отъ 11 апрѣля 1768 г. Румянцевъ опять упоминаетъ о нежеланіи нѣкоторыхъ козаковъ, входившихъ въ составъ черниговскаго полка, выполнить „войсковую службу“ и привязываетъ всѣхъ „козаковъ, дерзнувшихъ показать непослушаніе командѣ, которые изъ нихъ отъ пьянства и безумія то учинили, тѣхъ при собраніи всея сотни высѣчь жестоко, и велѣть, если способны, быть имъ выборными козаками, а которые отъ упротства и дерзости показали таково непослушаніе, тѣхъ высѣчь кіями, и яко очуряющихся и нехотящихъ служить, по силѣ 2 статьи гетмана Бруховецкаго (гдѣ установлено: „который бы козакъ послушенъ не былъ и въ войско ходить очурялся, тогда таковъ отъ поставленныхъ статей отпадать и къ градскимъ должностямъ причиненъ быть имѣеть“), написать въ мужики подѣ вѣдомство скарбовой малороссійской канцеляріи, и дабы козаковъ, при случаѣ повелѣній, чинимыхъ имъ о службѣ, не обязывали въ исполненіи подписками, а приказывали имъ только, что дѣлать, какъ они должны и безъ того командирамъ во всемъ быть послушными, равно же и о томъ, что и съ прошеніями въ подобныхъ ослушаніяхъ командѣ поступлено непремѣнно будетъ, дать указы всѣмъ полковымъ канцеляріямъ, чтобъ отъ оныхъ чрезъ сотни о томъ въ знанію всѣмъ козакамъ опубликовано“²⁾.

Чтобы сдѣлать военную службу козаковъ возможно болѣе „порядочной и надежной“, Румянцевъ исполняетъ указъ императрицы Екатерины II слѣдующій указъ отъ 20 декабря 1768 г. о подчиненіи малороссійскихъ козаковъ въ отношеніи военной службы военному суду:

„Мы вѣдаемъ, что между разными нашими правительствами происходили отъ времени до времени нѣкоторыя недоразумѣнія о существѣ суда и расправы нашихъ малороссійскихъ козацкихъ

¹⁾ „Кіев. Старина“, 1882 г. Т. IV, стр. 130. Срв. Шафоновскій, I. с. Ч. I, стр. 69.

²⁾ „Кіев. Стар.“, ib. стр. 132 сл.

полковъ и что отъ того въ исправленіи ими воинской службы рождались далѣе многія неудобства и упущенія. Не меньше вѣдаемъ мы, что сіи недоразумѣнія имѣють источникъ свой въ несвойственномъ безъ разбора и во всякое время присвоеніи козакамъ малороссійскихъ правъ и статутовъ, вмѣсто чего надлежало бы различать тутъ сугубое свойство козацкаго состоянія. Какъ поселяне, долженствуютъ они, конечно, и въ полной мѣрѣ пользоваться силою и содержаніемъ малороссійскихъ правъ и статутовъ, а напротивъ, какъ военные люди, при употребленіи своемъ на службѣ государственной, повиноваться безъ малѣйшаго изыятія всей точности военнаго нашего устава. На семъ основаніи, которое толико сходствуетъ съ намѣреніемъ самаго учрежденія козацкихъ полковъ для обороны собственной ихъ отчины, и которое мы отнынѣ впредь опредѣляемъ навсегда верховною нашею отъ Бога намъ дарованною властію точнымъ и непремѣннымъ закономъ, всемилостивѣйше повелѣваемъ нашей малороссійской коллегіи, дабы отъ сего времени подчиненныя ей козацкія войска, яко поселяне, судимы были во всѣхъ своихъ земскихъ дѣлахъ съ прочими малороссіянами по точной силѣ малороссійскихъ правъ и статутовъ, а въ исправляемой ими по званію ихъ воинской службѣ руководствуемы и судимы были независимо отъ оныхъ, по содержанію военнаго нашего устава и военнаго артикула, ибо безъ того служба ихъ, состоящая обыкновенно, какъ и теперь, въ охраненіи и защитѣ собственныхъ ихъ домовъ и семей отъ грабежа и плѣна вѣроломнаго сосѣда, не можетъ быть порядочна и надежна; почему и не оставитъ коллегія сама собою сдѣлать немедленно всѣ нужныя распоряженія, какъ къ скорѣйшему между козаками ознакомленію всѣхъ до воинства приваждлежащихъ законовъ и артикуловъ, такъ и къ приведенію ихъ самихъ въ лучшую предъ прежнимъ исправность и до всей имъ свойственной способности и дисциплины“¹⁾).

Въ 1775 г. были преобразованы въ регулярныя, согласно высочайше утвержденному 24 октября 1775 года докладу воен-

¹⁾ Настоящій указъ приведенъ здѣсь по копіи съ подлинника, полученнаго въ коллегіи 28 декабря, сохранившейся въ Яготинскомъ архивѣ.—Срв. П. С. З. № 13217.

ной коллегіи три находившіеся въ Малороссіи, вольновербованныхъ компанейскихъ или иначе охочекомонныхъ (вольная конница) полка ¹⁾—по своему составу и организаціи эти полки наиболѣе походили на регулярное войско, а потому реформировать ихъ не представляло особеннаго труда.

Съ учрежденіемъ въ Малороссіи намѣстничества, военный строй малороссійскихъ козаковъ подвергся коренной реорганизаціи. Указомъ отъ 26 октября 1781 г., послѣдовавшимъ „для точнаго руководства и основанія къ должному устроенію намѣстничества“, велѣно было „изъ состоящей въ Глуховѣ фузелерной роты и надворной конной команды стараться, въ сокращеніе излишнихъ расходовъ, помѣстить людей въ команды, по штатамъ положенныя, престарѣлыхъ же и семействующихъ пропитанія, оставя, опредѣлить къ какимъ либо по силѣ ихъ должностямъ, какъ обыкновенно съ инвалидами поступаютъ. О малороссійскихъ войскахъ, на какомъ основаніи имъ быть впредь, по введеніи въ дѣйствительное исполненіе учрежденій нашихъ въ тамошнихъ губерніяхъ, рассмотреть и мнѣніе внести“ ²⁾.

Самый этотъ указъ послѣдовалъ вслѣдствіе поданной Румянцевымъ въ томъ же 1781 г. всеподданнѣйшей записки, въ которой онъ писалъ между прочимъ, что, съ раздѣленіемъ Малороссіи на губерніи и уѣзды, новыя границы этихъ административныхъ дѣленій большею частью не совпадаютъ со старыми границами полковъ и сотенъ, и что, слѣдовательно, введенная реформа гражданскаго управленія неизбежно ведетъ къ коренной реорганизаціи военнаго дѣла. Румянцевъ былъ того мнѣнія, что всего правильнѣе замѣнить древніе девять малороссійскихъ полковъ, набравшихся изъ козаковъ, проживавшихъ въ предѣлахъ соответственныхъ полковъ, какъ административныхъ дѣлений, въ военномъ отношеніи десятью регулярными полками, составивши ихъ изъ „настоящихъ выборныхъ козаковъ“ и раздѣливши ихъ на равныя по числу людей эскадроны и роты, не стѣсняясь, конечно, при распредѣленіи козаковъ по полкамъ ихъ принадлежностью по мѣстожительству къ тому или иному уѣзду,

¹⁾ И. С. З. № 14, 385.

²⁾ Шафонскій, I. с. ч. I, стр. 133.

и уравнивать ихъ старшину въ соответственныхъ чинахъ съ военнымъ начальствомъ великорусскаго регулярнаго войска. Румянцевъ полагалъ, что такимъ способомъ малороссійскіе козаки могли бы въ непродолжительномъ времени постепенно безо всякой ломки превратиться въ регулярное войско, могущее быть всегда готовымъ на случай войны ¹⁾.

Во исполненіе указа отъ 26 октября 1781 г., Румянцевъ представилъ, вѣроятно, новый докладъ въ духѣ вышеприведенной записки, такъ какъ въ 1783 году послѣдовалъ указъ военной коллегіи о реформѣ девяти малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ военномъ отношеніи, въ основу котораго легло мнѣніе Румянцева по этому вопросу.

Повелѣвалось набрать изъ малороссійскихъ козаковъ десять регулярныхъ кавалерійскихъ полковъ, принимая при этомъ въ расчетъ и три вышеупомянутыхъ „лежковонныхъ“ полка. Въ каждомъ полку должно было быть по шести эскадроновъ, по 138 человекъ въ эскадронѣ, или 828 человекъ въ полку, изъ коихъ 48 человекъ наиболѣе рослыхъ, нѣсколько обучившись, должны были ежегодно поступать на укомплектованіе одного кирасирскаго полка, а 120 человекъ, т. е. по 20 человекъ изъ каждаго эскадрона, должны были выбывать ежегодно изъ полковъ домой въ отставку, „на реверсы въ ихъ дома“, такъ что срокъ службы былъ шестилѣтній, и въ каждый седьмой годъ составъ полка долженъ былъ обновляться. Что касается офицерства, то оно должно было пополняться изъ представителей малороссійской старшины, по желанію и съ утвержденія высшаго военнаго начальства. Полки эти должны были содержаться изъ подушнаго сбора, согласно указу отъ 3 мая 1783 года ²⁾, съ козаковъ, по 1 р. 20 к. съ души. Уплата жалованья и пользованіе служебными правами должны были производиться соответственно учрежденію 1765 года о преобразованіи слободскихъ козачьихъ полковъ въ гусарскіе ³⁾, а также согласно положенію о кирасирскихъ полкахъ, мундиръ которыхъ и вся аммуниція по новымъ

¹⁾ „Кіев. Стар.“, 1891 г. Т. XXXII, стр. 482.

²⁾ П. С. З. № 15. 724.

³⁾ П. С. З. № 12,293 и 12,344.

образцамъ присваивалась и вновь учреждаемымъ малороссійскимъ полкамъ. Полки эти должны были квартировать въ селахъ по мѣстожительству козаковъ, входившихъ въ составъ каждаго даннаго полка.

Сверхъ всего этого, указомъ отъ 28-го іюля 1783 г. повелѣвалось:

„1) На всѣ конные полки вообще по арміи, кромѣ кирасирскихъ, отпусать ремонтныхъ лошадей по 30 р. за лошадь, при основаніи же первомъ каждой полкъ вступаетъ на тѣхъ лошадяхъ, кои у него имѣются; 2) изъ полку ингерманландскаго карабинернаго, который слѣдуетъ къ упраздненію, укомплектовать прочіе карабинерные полки; 3) ново-троицкому кирасирскому полку вступить въ число полковъ, комплектуемыхъ изъ екатери-вославскаго намѣстничества“.

Хотя приведенный указъ императрицы былъ данъ на имя военной коллегіи, которая и не замедлила, конечно, отдать приказанія главному крѣгсъ-коммиссаріату и провіантской канцеляріи о снабженіи вновь учрежденныхъ полковъ всѣми необходимыми вещами, продовольствіемъ и жалованьемъ, а также озаботилась о наименованіи этихъ полковъ карабинерными, согласно указу отъ 3 февраля 1784 г. ¹⁾, и объ утвержденіи въ офицерскихъ чинахъ избранныхъ представителей малороссійской козачьей старшины, но для скорѣйшаго введенія во вновь учрежденныхъ полкахъ полного порядка, Румянцевъ счелъ нужнымъ сдѣлать со своей стороны нѣкоторыя распоряженія, посланныя въ копіяхъ двумъ главнымъ начальникамъ малороссійскихъ войскъ, генераль-поручику Нащокину и генераль-маіору Каульбарсу, и губернаторамъ кіевскому, генераль-поручику Ширкову и черниговскому, генераль-поручику Милорадовичу.

Румянцевъ предлагалъ раздѣлить три прежнихъ легкоконныхъ полка и девять козачьихъ на десять карабинерныхъ, равныхъ по числу людей въ нихъ, и указать квартиры для полковыхъ штабовъ и для размѣщенія эскадроновъ; распределить людей изъ трехъ расформированныхъ легкоконныхъ полковъ по

¹ П. С. З. № 15,928.

вновь учрежденнымъ полкамъ, приказавъ имъ немедленно явиться къ своимъ новымъ командирамъ, при распредѣленіи же, стараться „не разбивать ихъ артелей съ надлежащимъ числомъ оберъ и унтеръ-офицеровъ“; выбрать, для пополненія новыхъ десяти полковъ до полного комплекта, лучшихъ козаковъ изъ прежнихъ сотенъ, „изъ наличныхъ и по одобренію и изъ отлучныхъ“, давъ льготу одинокимъ хозяевамъ и единственнымъ сыновьямъ и собственникамъ при дряхломъ отцѣ или родственникѣ хозяинѣ; стараться произвести наборъ изъ козаковъ тѣхъ бывшихъ сотенныхъ городовъ и мѣстечекъ, въ которыхъ будутъ находиться штабы вновь формируемыхъ полковъ и эскадроновъ, чтобы они могли сами себя содержать, пополняя лишь въ шестой долѣ до полного комплекта козаками изъ окрестныхъ селеній; уволить всѣхъ оставшихся за штатомъ при расформированіи сотенъ козаковъ по домамъ; представлять къ утвержденію въ офицерскихъ чинахъ бунчуковыхъ, войсковыхъ и значковыхъ товарищей, а также полковыхъ и сотенныхъ урядниковъ, преимущественно изъ участвовавшихъ въ первой турецкой войнѣ; приказать командирамъ карабинерныхъ полковъ списаться съ комиссаріатской и провіантской комиссіями о выдачѣ имъ необходимой обмундировки и продовольствія и назначить особия команды для приѣма всего этого; приказать пользоваться пока что своими лошадьми и прежнимъ оружіемъ, а послѣ полного снабженія отъ казны всѣмъ необходимымъ, возвратитъ лошадей домой или ихъ владѣльцамъ, а „пушки и знамена и инія военные снаряды, кои полки и сотни по прежней ихъ службѣ имѣли“, сдать комендантамъ городовъ и городничимъ; поручить ближайше вѣдать формированье карабинерныхъ полковъ вновь назначеннымъ бригаднымъ командирамъ, которые и должны были доносить обо всемъ подробно самому Румянцову по мѣрѣ хода дѣла ¹⁾).

Вновь учрежденные карабинерные полки получили слѣдующія названія: лубенскій, персяславскій, сѣверскій, черниговскій, глуховскій, стародубскій, вѣжинскій, кievскій, софійскій и тверской.

¹⁾ „Кiev. Стар.“, 1891 г. Т. XXXII, стр. 485.

Для выполненія распоряженія Румянцева объ укомплектованіи карабинерныхъ полковъ по мѣсту стоянокъ, въ февралѣ же 1785 г. были собраны предварительныя свѣдѣнія о количествѣ дворовъ по сотнямъ выборныхъ козаковъ, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ, и о числѣ душъ въ нихъ мужскаго пола ¹⁾).

Карабинерные полки были набраны изъ козаковъ по сотнямъ прежнихъ полковъ слѣдующимъ образомъ: лубенскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ лубенскаго и отчасти прилуцкаго полка, сѣверскій—изъ сотенъ миргородскаго и гадяцкаго полковъ, софійскій—изъ сотенъ прилуцкаго и нѣжинскаго полковъ, тверской—изъ сотенъ кіевскаго, переяславскаго, нѣжинскаго и черниговскаго полковъ, стародубскій—изъ сотенъ стародубскаго, черниговскаго и нѣжинскаго полковъ, глуховскій—изъ сотенъ нѣжинскаго полка, кіевскій—изъ сотенъ гадяцкаго и лубенскаго полка, переяславскій—изъ сотенъ переяславскаго и лубенскаго полковъ, черниговскій—изъ сотенъ черниговскаго полка, нѣжинскій—изъ сотенъ нѣжинскаго полка ²⁾).

Всего подлежало набору въ карабинерные полки 14,320 дворовъ и 73,576 душъ мужскаго пола выборныхъ козаковъ.

Штабы эскадроновъ десяти карабинерныхъ полковъ находились въ уѣздныхъ городахъ и болѣе значительныхъ мѣстечкахъ Малороссіи.

Карабинерные полки были переходной стадіей, приведшей малороссійскихъ козаковъ къ полному слянію и претворенію въ общей массѣ російскихъ войскъ въ 1789 и 1791 г. г. ³⁾), когда карабинерные полки были раскассированы между кирасирскими, конно-егерскими, гусарскими и драгунскими полками, комплектованіе которыхъ происходило посредствомъ обычныхъ наборовъ.

Согласно указу отъ 10 апрѣля 1786 года, 1000 человекъ козаковъ-карабинеровъ, по сто человекъ отъ каждаго карабинернаго полка, вошли въ составъ вновь формировавшагося изъ монастырскихъ крестьянъ гренадерскаго полка въ количествѣ 3,974

¹⁾ Ibid. стр. 486.

²⁾ Ibid. см. подробности стр. 486—491.

³⁾ П. С. З. № 16,784 и 16,785.

человѣкъ, взаимнѣ которыхъ должны были поступить въ карабинерные полки тысяча же монастырскихъ крестьянъ. Этимъ способомъ устранялась та сословная обособленность малороссійскихъ козаковъ, которая до нѣкоторой степени поддерживалась еще при исключительномъ комплектованіи ими карабинерныхъ полковъ.

Во времени введенія этой мѣры, согласно ордеру Румянцева черниговскому намѣстническому правленію, отъ 22 февраля 1787 г., козаковъ по послѣднимъ вѣдомостямъ оказалось въ кievской губерніи—147,564 души мужск. пола, въ черниговской—174,069 д. м. п., въ новгородъ-сѣверской—106,809 д. м. п., а всего 428,442 д. м. п.

Въ составъ 3,974 человекъ гренадеровъ вошли 1000 чел. выборныхъ козаковъ и 2,239 козаковъ-подпомощниковъ, остальные были набраны изъ монастырскихъ крестьянъ ¹⁾).

Въ 1789 г. было сдѣлано распоряженіе о составленіи общаго наряда въ черниговской губерніи для наполненія конныхъ малороссійскихъ полковъ ²⁾). Въ 1792 г. было сначала набрано изъ малороссійскихъ козаковъ, но вскорѣ распушено, особое войско пѣшихъ стрѣлковъ; въ 1794 г. велѣно вновь сформировать изъ козаковъ особый корпусъ пѣшихъ стрѣлковъ ³⁾); согласно указу отъ 18 ноября 1796 г., эти стрѣлки были опять распушены ⁴⁾).

6 октября 1795 г. послѣдовалъ указъ о сборѣ рекрутъ въ губерніяхъ кievской, черниговской и новгородъ-сѣверской съ мѣщанъ, казенныхъ и владѣльческихъ крестьянъ ⁵⁾), а 1 декабря 1797 г. былъ произведенъ первый рекрутскій наборъ съ малороссійскихъ козаковъ, съ 500 ревизскихъ душъ по 3 рекрута ⁶⁾).

Такимъ образомъ, къ концу XVIII вѣка малороссійскіе козаки окончательно утратили, повидимому, свой сословный обликъ и слились съ общей массой безправнаго населенія тогдаш-

¹⁾ „Кiev. Стар.“, 1891 г., Т. XXXII, стр. 491—493.

²⁾ П. С. З. №№ 16,784 и 16,785.

³⁾ П. С. З. №№ 17,200 и 17, 244.

⁴⁾ П. С. З. № 17,566.

⁵⁾ П. С. З. № 17,393.

⁶⁾ Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Полтавская губернія. Сиб.

пей Малороссіи, сохраняя лишь, по мнѣнію князя Н. Г. Репнина, свой прежній „воинственный духъ“.

„Настоящимъ владѣльцамъ земли,—говоритъ князь Н. Г. Репнинъ въ своей, уже цитированной нами, запискѣ отъ 1821 года,—гораздо болѣе предстоитъ способовъ къ пожертвованіямъ, нежели наемникамъ, или содержателямъ чужихъ земель; посему козакамъ удобно было выставлять при гетманахъ своихъ весьма значительное число пѣшихъ и конныхъ войскъ въ древнемъ ихъ образованіи; потомъ составлялись изъ нихъ компанейскіе полки; послѣ, въ царствованіе Еватерины II, устроились и наполнялись изъ нихъ десять карабинерныхъ полковъ, наконецъ, давали они рекрутовъ, и, по обратеніи имъ срока службы, каждый почти отслуживалъ свою очередь, и *сохранился въ нихъ до нынѣ воинственный духъ*“¹⁾.

И. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Чтенія М. О. И. в Др Р. 1864. Кн. II, стр. 87 смѣся.

Нѣсколько замѣтокъ къ Автобіографической Запискѣ И. И. Сердюкова, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1896 г.

Касаюсь, въ своихъ замѣткахъ, сообщеній Записки, имѣющихъ болѣе или менѣе историческое значеніе.

1) По Запискѣ (стр. 193) „въ 1830 г., во время возстанія Польши, въ Малороссіи формировались козацкіе полки по Манифесту Императора Николая Павловича“. Восемь малорос. козацкихъ полковъ, о которыхъ въ Запискѣ здѣсь говорится, сформировались вслѣдствіе Высочайшаго указа Правит. Сенату отъ 6 Мая 1831 г.; слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ они въ 1830 г. не формировались.

2) Въ Запискѣ говорится (стр. 194) „.... въ январѣ мѣсяцѣ 1832 г. на имя генераль-губернатора послѣдовалъ новый Манифестъ или рескриптъ: бывшихъ 8 козацкихъ полковъ собрать и изъ нихъ 6-ть распредѣлить въ регулярныя войска, а 2 сформировать въ одинъ и отправить на Кавказъ „.... Можетъ быть, Петербургъ въ это время и входилъ въ какую либо переписку съ кн. Репнинымъ о предстоящей судьбѣ козац. полковъ, но разрѣшена ихъ судьба, да и вообще судьба малорос. козаковъ, особенно относительно воинской повинности, Высочайшимъ указомъ Правит. Сенату отъ 25 Іюля 1832 г.,—при чемъ (и это особенно надо принять во вниманіе въ данномъ случаѣ) о дальнѣйшемъ распредѣленіи козаковъ въ указѣ обѣщано *сдѣлать вслѣдъ* за симъ особое распоряженіе.

3) На той же 194 стр. говорится: „несчастные козаки, вопреки обѣщанію и примѣру 1812 г., вмѣсто домовъ должны

были возвратиться въ полки на 18 лѣтъ“. Помянутый въ предъидущей замѣткѣ указъ 25 июля 1832 г. хотя и опредѣлилъ на будущее время для малорос. козаковъ ежегодный рекрутскій наборъ, но срокъ воинской службы для нихъ ограничилъ 15-ю годами, въ томъ числѣ и для козаковъ 8 полковъ 1831 г., съ зачетомъ для послѣднихъ, въ такой 15-ти-лѣтній срокъ, и времени состоянія ихъ въ своихъ козачьихъ полкахъ.

4) На стр. 194 и 195 рассказывается: что пунктами для сбора козаковъ и сдачи ихъ офицерамъ регулярныхъ войскъ назначены Полтава, Лубны и Черниговъ, и распорядителями въ эти пункты—въ Полтаву самъ кн. Репнинъ, въ Черниговъ Устиновичъ, а въ Лубны—Ханыковъ и самъ авторъ Записки Сердюковъ; что Ханыковъ и Сердюковъ выѣхали въ Лубны въ февралѣ 1832 г., что занимались тамъ своимъ дѣломъ по генварь 1833 г., сдали козаковъ прибывшимъ офицерамъ и т. д.; что при этомъ Ханыковъ и Сердюковъ всякій день объѣзжали разставленныхъ по деревнямъ козаковъ, ласкали ихъ, поили сбитнемъ, кормили калачами и хорошимъ обхожденіемъ облегчали жалкую ихъ участь... Надо полагать, что послышки Ханыкова и Сердюкова въ Лубны въ февралѣ 1832 г. (т. е. раньше указа 25 июля 1832 г.) были распоряженіемъ подготовительнымъ, можетъ быть сдѣланнымъ вслѣдствіе того сношенія Петербурга съ кн. Репнинымъ, о которомъ упоминается выше въ 3-й нашей замѣткѣ; но во всякомъ случаѣ, распредѣленіе козаковъ въ Лубнахъ въ армію послѣдовало лишь предъ Рождествомъ (приблизительно около 20 декабря) 1832 г. и сдѣлано лично самимъ княземъ Репнинымъ—чему я былъ лично очевидцемъ. Удивительно, что въ Запискѣ вовсе не упомянуто даже о пребываніи тогда въ Лубнахъ Репнина, и это тѣмъ болѣе удивительно, что распредѣленіе имъ самимъ козаковъ дѣло очень характеристическое, произведшее въ Лубнахъ глубокое впечатлѣніе. Расскажу о немъ поподробнѣе: кажется, здѣсь будетъ это у мѣста; да кстати тутъ получить нѣкоторое освѣщеніе и повѣствованіе Записки о сбитнѣ, калачахъ и т. п.—Когда вступили козаки въ Лубны (во второй половинѣ декабря 1832 г.), у насъ уроки еще не прекращались (я былъ тогда въ Лубенскомъ училищѣ, девяти-

лѣтній мальчикъ); но вотъ уроки прекратились; можно, значитъ, самому пойги на площадь и поглядѣть, какъ они тамъ собираются, что съ ними будетъ дѣлать *Репрій* (въ Лубенскомъ уѣздѣ, въ простонародьѣ Репнинъ былъ извѣстенъ больше подъ такимъ именемъ), когда пріѣдетъ. И ходилъ я преусердно каждый день на площадь цѣлыхъ два дня, просиживалъ тамъ съ утра до вечера, не смотря на лютые морозы... Козаки все бравый народъ былъ; у нѣкоторыхъ была еще и форма: у кого шапка, у кого шинель—нѣкоторые были даже и при сабляхъ. Но въ массѣ—обыкновенная сельская парубочья одежда. Приводятъ ихъ бывало рано на площадь, *старшіе* поставятъ *лавами*. „Стойте же смирно, *ничого не вытывайте*“, скажутъ и пойдутъ кому куда надо, а больше всего *до козы* (къ сбитеньщику), пріютившейся тутъ же у площади. Козаки держатся сначала *лавы*, болтаютъ межъ собою, тупають ногами, чтобы ихъ согрѣть—холодно! Потомъ *лэвы* начинаютъ понемногу разстраиваться, расползаются по площади, образуютъ кучки, борятся, гоняются другъ за другомъ, *у тиснои бабы* играютъ гдѣ нибудь подъ заборомъ... Потомъ вся эта масса внезапно, мовъ гедзь їи укусивъ, какъ лавина обрушивается на ряды торговыхъ, облѣпляетъ ихъ—мужской *репитъ*, женскій визгъ и брань... Но вотъ отъ козы летятъ старшіе, *огріють ципками* козакоевъ одного-другого—и лавина быстро отдала назадъ, *шикується* въ ряды... а торговки оправляются, ругаются на чемъ свѣтъ стоитъ предъ соболѣзнующими старшими.. но стоитъ имъ только взглянуть одна на другую—хохоть между ними поднимается всеобщій... „Тьфу“, плюнуть старшіе, и *направо кругомъ* къ козакамъ; снова *лавы*, слова: *ничого не вытывайте, коза, лавина*, тьфу и т. д. На третій день рано по всему городу разнеслась вѣсть, что ночью *Репрій* пріѣхалъ: весь городъ высыпалъ на площадь... Козаки, уѣздами, построились въ громадное каре, тихо, понурые... возлѣ гауптвахты, за нею и за желѣзными лавками офицеры съ своими командами, явившіеся забирать себѣ козакоевъ—въ парадной формѣ; на гауптвахтѣ, вмѣсто конныхъ артиллеристовъ, квартировавшихъ въ Лубнахъ, заняли караулъ жолтые уланы или гусары—не помню... Но вотъ является Репнинъ, сѣдой старикъ, въ шубѣ и фуражкѣ, изъ-подъ шубы вид-

нѣются красные лампасы на брюкахъ... возлѣ него какой-то помоложе военный, тоже въ шубѣ и фуражкѣ. („Кто это? что это?“ шепчутся въ толпѣ.— „Отютянтъ!“ важно произнесла стоявшая недалеко отъ меня какая-то щедушная барыня)... Тихо, съ серьезнымъ лицомъ, вошелъ въ каре Репнинъ, за нимъ толпою двинулись всѣ подѣхавшіе офицеры и всякое начальство, не вѣсть откуда взявшееся... Репнинъ пошелъ сначала по всѣмъ четыремъ фасамъ каре, здороваться съ козаками, а поздоровавшись, вышелъ на средину на 1-е и велѣлъ козакамъ громкимъ голосомъ слушать царское повелѣніе. Адютантъ прочелъ царское повелѣніе тоже громкимъ голосомъ, но его никто не разобралъ, да и разбирать было не зачѣмъ: всѣ знали напередъ, въ чемъ дѣло— рассказывались козацкіе полки... Тѣмъ не менѣе, по прочтеніи, Репнинъ снова пошелъ по всѣмъ фасамъ, коротко разясняя козакамъ царскую волю, чтобы они послужили въ арміи, каждый разъ, за разясненіемъ, спрашивая— „поняли“? Кто буренулъ: *поняли*, а большею частію молчали. Обошедши всѣ четыре фаса кругомъ, Репнинъ снова пошелъ вдоль перваго фаса и, ставши посрединѣ: „Ну, ребята“, спрашиваетъ, „гдѣ бы вы желали служить—въ уланахъ, гусарахъ, артилеріи—гдѣ“?—Молчаніе.— „Говорите-гдѣ“?—Снова молчаніе. Репнинъ снова началъ идти вдоль фаса и, приблизившись къ саженному фланговому, въ кантанкѣ и черной смушевой шапкѣ,— „Ну, ты бы, наприкладъ“, спрашиваетъ, „гдѣ бы желалъ служить?“ Фланговой схватился было за шапку; но или вспомнилъ, что въ строю шапокъ не снимаютъ, или просто побоялся уши выставить на морозъ, остановился на поддорогѣ: „Въ козакахъ хочу служить, ваше благородіе!“—отрапортовалъ.— „Эхъ ты!“ говорятъ Репнинъ (и при этомъ мазнулъ гиганта рукою по шапкѣ сверху внизъ, такъ что шапка надвинулась тому на глаза): „въ козакахъ!... нельзя въ козакахъ!... Господа!“ повернулся онъ къ наѣхавшимъ офицерамъ, „выбирайте себѣ!“, пошелъ на средину каре и тамъ остановился со всѣмъ начальствомъ, а офицеры бросились звать въ каре своихъ солдатъ и выбирать... Тутъ начались сцены неописуемой гадости. Въ срединѣ каре въ нѣ-

сколько тысячъ человѣкъ, окруженныхъ почти всѣмъ населеніемъ города и окрестныхъ деревень, пріѣхавшими къ козакамъ отцами и матерями, а можетъ быть и женами,—офицеры съ солдатами ходятъ по фасамъ, и кто имъ понравится,—выводятъ изъ рядовъ, осматриваютъ ихъ, ощупываютъ, велятъ ротъ открывать—туда заглядываютъ: точь-въ-точь, какъ на невольничьемъ рынкѣ, а еще проще—какъ на ярмаркахъ на лошадиномъ или рогатаго скота точкѣ... Въ публикѣ вокругъ каре начало замѣчаться какое-то движеніе, кое-гдѣ послышались женскія рыданія... Репнинъ не выдержалъ!... „Прочь!“ закричалъ онъ какимъ-то рвущимся скрипучимъ голосомъ, „прочь, прочь! козаки по мѣстамъ!“ Солдаты бѣгомъ бросились изъ каре, офицеры въ свиту за Репнина, козаки въ свои мѣста въ ряды... А Репнинъ, подошедши къ одному изъ фасовъ, самъ началъ: „Разъ, два, три, четыре... десять—улановъ! разъ, два, три, четыре... десять—гусаровъ!“, а уланы, гусары и т. д. только бѣгомъ за нимъ, подхватываютъ для нихъ отсчитанное и уводятъ за каре въ ближайшія улицы... Черезъ часъ всѣ козаки были раздѣлены и уведены куда-то, Репнинъ и начальство тоже куда-то дѣвались, публика, повѣсивши головы, разбрелась по домамъ... Такъ-то въ Лубнахъ козаки лично самимъ Репнинымъ раздѣлены въ полки и оттуда они тотчасъ и совершенно исчезли.

5) Зданіе Полтав. Института, построенное бывшимъ мало-россійскимъ генераль-губернаторомъ, княземъ Н. Г. Репнинымъ, Записка (стр. 198) называетъ *четыреэтажнымъ*, а оно теперь, какъ и было въ 1841 г., при оставленіи Г. Сердюковымъ Полтавы, лишь въ три этажа.

и 6) Причиною отозванія Репнина изъ Полтавы и случая въ Царскомъ въ 1835 г. Записка выставляетъ (стр. 195 и 196) недостатокъ казенныхъ суммъ (т. е. суммъ Приказа Общественнаго Призрѣнія). По всей вѣроятности, оно такъ было, хотя, по ходившимъ слухамъ, тутъ сильно примѣшались (особенно въ исторіи въ Царскомъ Селѣ 1835 г.) дворскія интриги. Какъ бы, впрочемъ, ни было, тутъ не лишнее имѣть въ виду, что подъ осень 1832 г. (а можетъ быть 1833 г., точно не помню,) го-

сударь былъ въ Лубнахъ (смотря дѣлалъ стоявшей тамъ конной артиллеріи: я лично его тамъ видѣлъ), а изъ Лубенъ поѣхалъ въ Полтаву; слѣдовательно, онъ въ это время лично могъ познакомиться съ постройкой института и съ вопросомъ о недочетѣ суммъ въ Приказѣ.

М. Номинъ.

Три дня на хуторѣ у Пантелеймона Александровича и Александры Михайловны (Ганны Барвинокъ) Кулишъ¹⁾.

До 1884 года я виразу не видѣлъ Пантелеймона Александровича и Александры Михайловны Кулишъ; зналъ его только по его фотографической карточкѣ, да по его разнообразнымъ литературнымъ трудамъ; Александру же Михайловну зналъ только по немногимъ малорусскимъ рассказамъ. 1884 годъ для Пантелеймона Александровича былъ все еще временемъ, когда „ни русскіе украинцы, ни австрійскіе русины“—какъ говоритъ о немъ историкъ украинской литературы профессоръ Н. И. Петровъ²⁾—„не могли быть довольны его послѣдними историческими идеями и сочиненіями и отшатнулись отъ него, какъ отъ измѣнника и врага своей народности“. Враждебныя настроенія украинцевъ мнѣ были извѣстны; читалъ я и „Писанку“ г. Мордовцева за „Крашанку русинамъ и полякамъ“ (1882 г.); мнѣ казалось, что въ этихъ отношеніяхъ къ г. Кулишу нѣтъ толерантности, деликатности, вѣрности пониманія 60-лѣтняго борца - труженика, нѣтъ „звычайности“, какъ къ патріарху украинофильства, какъ къ личности, богато одаренной дарами духа, о которыхъ Гете говоритъ, что они рѣдкій даръ Неба, какъ къ труженику широму на украинской нивѣ,—подобнаго другого я не зналъ изъ числа современныхъ ему. Мнѣ самому во очію хотѣлось увидѣть этого патріарха украинофильства, тѣмъ болѣе, что я при этомъ долженъ былъ увидѣть и украинскую

¹⁾ Ввиду того интереса, какой представляютъ воспоминанія М. Лободовскаго, освѣщающія одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ моментовъ въ жизни покойнаго П. А. Кулиша, мы, съ согласія автора, перепечатаваемъ эту статью изъ „Южнаго Края“ (1897 г., № 5562). — *Ред.*

²⁾ Очерки исторіи украинской литературы XIX ст. Н. И. Петрова. Г. Кіевъ 1884 года, стр. 296.

писательницу Гаяну Барвинокъ, жену г. Кулиша. И вотъ я, испросивъ письменно разрѣшеніе посѣтить ихъ и получивъ такое, къ празднику Пасхи 1884 года отправился въ хуторъ Мотроновку, мѣстопробываніе ихъ. Доѣхавъ до ст. Плиски Курско-Кіевской жел. дор., оттуда на почтовыхъ одинъ перегонъ до г. Борзны, Черниговской губерніи, а изъ города, пройдя пѣшкомъ 3—4 версты по дорогѣ на с. Оленівку, и прибылъ въ страстную субботу въ х. Мотроновку. Хуторъ окружаютъ величественные осокоры, вербы; мѣстность здѣсь лѣсистая, но не похожая на харьковщину или полтавщину, а скорѣе есть первая ступень къ Полѣсью. Большой панскій дворъ, направо клуны, сараи и сарайчики, доходящіе почти до самаго дома. Эта подробность потомъ пригодится. Въ глубинѣ двора средней величины деревянный, соломою крытый домъ, возлѣ дома громадные пирамидальные тополи, а за домомъ непосредственно большой садъ.

Вхожу въ переднюю; меня встрѣчаетъ привѣтливо высокаго роста сѣдой, сѣроокій старецъ, съ большой головой и съ сильно выпуклымъ лбомъ; лицо продолговатое, живое, блѣдное, лишенное растительности, кромѣ сѣдыхъ усовъ; это былъ господарь хутора Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ. Только при поворотѣ въ сторону головы я уловилъ сходство въ чертахъ лица съ фотографіей его; видно, что фотографировался П. А. еще въ молодыхъ лѣтахъ. Убранство комнатъ самое простое. Вотъ къ намъ выходитъ высокая дама съ просѣдью въ курчавыхъ волосахъ, съ карими глазами, отбѣненными черными бровями, съ лицомъ умнымъ, красивымъ; видно, что въ молодости это была весьма красивая женщина.

— Вотъ вамъ и Гаяна Барвинокъ:—сказалъ Пантелеймонъ Александровичъ—г. е. Александра Михайловна, моя дружица! Она только и держитъ меня на свѣтѣ, безъ нея я давно бы ad patres!.. Она ангелъ хранитель мой! Я васъ, землякъ, немножко знаю по слухамъ; а все таки, признайтесь, что васъ влекло къ намъ? Про васъ мнѣ говорила моя племянница.

— Да просто желаніе видѣть васъ обоихъ, щирыхъ и удивительныхъ для меня тружениковъ на украинской нивѣ. Въ вѣдъ раритеты.

— Спасибо, спасибо! однако, и вы смѣлы, посѣщая чело-
вѣка, котораго считаютъ ренегатомъ, измѣнникомъ, чуть не по-
литическимъ преступникомъ. У меня прогостилъ какъ-то съ
полдня жандармскій офицеръ; такой милый, умный человекъ;
гдѣ-то мы съ нимъ встрѣчались... Мои земляки, по возвращеніи
моемъ изъ заграницы, выбрали меня сейчасъ же почетнымъ
мировымъ судьей, слѣдовательно, не придали никакого значенія
этимъ бабьимъ сплетнямъ... Ну, скажите, что подѣлываютъ ваши
харьковцы?

Я назвалъ нѣсколько фамилій, которыхъ П. Ал., овазалось,
зналъ, какъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Мое знакомство съ
ними и воспоминанія ихнія о немъ увѣрили П. А., что къ нимъ
въ домъ прибылъ человекъ, заслуживающій въ извѣстной сте-
пени довѣрія.

На другой день прибылъ братъ Александры Михайловны,
г. Бѣлозерскій, привезъ газеты. П. А. съ жадностью взялся
читать ихъ. Экономическая сторона жизни Кулишей была въ
плохомъ видѣ: они не могли выписывать ни одной путной га-
зеты. Редакція „Южнаго Края“ долго высылала имъ бесплатно
свою газету. Александра Михайловна сама вела сельское хо-
зяйство, была и на полѣ, но такъ уставала въ хлопотахъ, что
иногда прямо таки падала, по ея словамъ, среди поля отъ уста-
лости и безсилія. Они собирались тогда отдать свой небольшой
хуторъ, около 50 десятинъ, въ аренду какому-то поляку, по
рекомендаціи нотаріуса г. Борзны, тоже поляка. Какъ-то явился
и будущій арендаторъ, темно-рыжій уроженецъ Сибири.. Я не
совѣтовалъ отдавать П. А. въ аренду хуторъ уроженцу Сибири.
Ниже я скажу, что случилось.

Въ разговорахъ съ П. А. я старался не касаться предме-
товъ, неприятныхъ для П. А., не спрашивалъ о прошломъ, пре-
доставляя ему самому, сообразно его взгляду на меня, выска-
заться, познакомить меня съ собою болѣе интимно. Какъ-то я
спросилъ П. А., чѣмъ онъ теперь занятъ, что пишетъ. Онъ по-
велъ меня въ свой рабочій кабинетъ, не имѣвшій никакихъ
ровно украшеній, обстановки, а просто стоялъ его рабочій, прос-
тецкій столъ, деревянный стулъ и рабочее кресло, деревянное,

старосвѣтское. П. А., положи руку на колодку въ полъ аршина высоты рукописей, сказалъ мнѣ; „вотъ это переводъ мой Шекспира на малорусскій языкъ.. уже я оканчиваю; первый томъ я уже напечаталъ въ Галиціи, да весь тамъ онъ и остался, и не знаю, что тамъ съ нимъ... ну, скажите, ренегать, измѣнникъ будетъ-ли заниматься переводомъ Шекспира на малорусскій языкъ? Въ будущность украинской литературы я вѣрюю.

— Можетъ быть, сказалъ я, ввела нашихъ земляковъ въ заблужденіе ваша рѣшимость принять австрійское подданство, о чемъ я читалъ въ столичныхъ газетахъ; да таки многихъ это удивило: зачѣмъ, что оно могло дать вамъ? Вѣдь въ положеніи русскаго подданнаго въ Галиціи вы независимы.

— Да, да, вѣрю,—сказалъ П. А.—Видите ли, что за исторія со мною случилась. Въ послѣднюю мою поѣздку во Львовъ я много занимался въ архивахъ польскихъ книгохранилищъ; поляки не щадятъ средствъ для культуры; въ библіотекѣ Осолинскихъ находятся драгоцѣннѣйшіе матеріалы для нашей исторіи. Живя во Львовѣ и встрѣчаясь съ русинами, я слышу отовсюду, что галичане дышатъ адскою злобою на поляковъ, а поляки еще больше на галичанъ; мнѣ казалось, что недалеко дѣло было отъ рѣзни. Я напечаталъ „Крашанку“, взывая къ обоимъ о мирѣ, братствѣ, уступчивости, говоря, что религіозная нетерпимость между ними внушена духовенствомъ... Я написалъ извѣстному польскому литератору г. Крашевскому, прося его содѣйствовать мнѣ, печатно повліять на поляковъ въ примирительномъ духѣ. Крашевскій мнѣ отвѣтилъ, что уже онъ старикъ и не имѣетъ достаточнаго вліянія на своихъ соплеменниковъ. Отвѣтъ этотъ хранится у меня и до сихъ поръ. Вотъ однажды встрѣтился я въ ресторанѣ съ давнимъ моимъ знакомымъ полякомъ К—ли, предки котораго, какъ и онъ, были протестантами,—поляки протестанты не фанатичны, — это очень важно. Онъ мнѣ отъ группы какихъ-то богатыхъ польскихъ пановъ сдѣлалъ такое предложеніе: „нѣсколько польскихъ богатыхъ пановъ желаютъ помочь вамъ, панъ Кулишъ, въ осуществленіи вашихъ культурныхъ стремленій; они знаютъ, что вы человекъ не богатый, поэтому предлагаютъ вамъ самому назначить сумму

денегъ, которая потребна будетъ для осуществленія вашихъ завѣтныхъ желаній, т. е. издавiя газеты, журнала, книгъ, на малорусскомъ, конечно, языкѣ и во Львовѣ, но съ условіемъ, что вы примете австрійское подданство. Зная васъ, они къ вамъ относятся съ полнымъ довѣріемъ. Князь Савѣга, личный другъ нашего императора, можетъ очень скоро устроить это дѣло, такъ какъ натурализація у насъ—длинная исторія. Обдумайте предложеніе этихъ пановъ, дня черезъ три мы встрѣтимся и рѣшимъ вопросъ. Суммой потребныхъ вамъ денегъ вы не стѣсняетесь, такъ какъ эти паны очень богаты; деньги будутъ внесены на ваше имя въ банкъ, откуда вы и будете получать по мѣрѣ надобности“. Меня сначала это предложеніе удивило, но зная любовь многихъ поляковъ къ культурѣ и щедрія ихъ пожертвованія для культурныхъ цѣлей, зная рыцарскія качества характера у нѣкоторыхъ изъ поляковъ, я отнесся съ довѣріемъ къ предложенію К—ли. Много, вѣдь, внесли галицкіе малороссы тяжкаго, неблагодарнаго труда въ польскую культуру, да и теперь вносятъ не въ свою пользу: долгъ платежемъ красенъ... Планъ моей проблематической дѣятельности былъ такой: издавать газету и журналъ на малорусскомъ языкѣ, устроить во Львовѣ женскую гимназію съ интернатомъ для галичанокъ,—матерей будущихъ патріотовъ; на это мнѣ, казалось, довольно полтора милліона гульденовъ. Когда дня черезъ четыре я свидѣлся съ К—ли снова и объявилъ ему мой планъ и потребную мнѣ сумму денегъ, то онъ призналъ мой планъ хорошимъ, а относительно суммы денегъ сказалъ: „паны поляки опредѣлили крайній предѣлъ въ два милліона гульденовъ, а потому сумму эту меньшую вамъ они дадутъ, они питаютъ къ вамъ полнѣйшее довѣріе. Итакъ, вы рѣшились, значить, принять австрійское подданство; такъ подавайте скорѣй прошеніе австрійскому императору о принятіи васъ“. На это я сказалъ, что я сначала подамъ просьбу русскому Царю о дозволеніи мнѣ принять австрійское подданство и, получивши такое дозволеніе, потомъ уже подамъ и ихъ цезарю. Я считаю такъ сдѣлать приличнымъ, честнымъ. Такое прошеніе я и послалъ въ Питеръ. Вотъ почему и было въ газетахъ объявлено о моемъ намѣреніи принять австрій-

свое подданство. Вскорѣ послѣ этого свиданія съ К—ли, ко мнѣ какъ-то входитъ стремительно въ номеръ гостиницы какой-то польскій графъ, какъ онъ себя назвалъ,—а ихъ въ Польшѣ много,—съ молодымъ человѣкомъ, какъ оказалось, своимъ племянникомъ, и весьма энергично приглашаетъ меня на обѣдъ литераторскій, гдѣ будутъ и мои знакомые польскіе литераторы, при этомъ племянникъ говоритъ, что его дядя глухой очень, а потому разговаривать съ нимъ очень трудно, что и онъ съ своей стороны проситъ меня не отказываться. Кое что обдумавши, я согласился. Со многими польскими писателями я былъ хорошо знакомъ, нѣкоторые изъ нихъ, родомъ чистокровные русины, люди способные; въ польскомъ лагерѣ ихъ принимаютъ съ распростертыми объятіями... Этимъ обстоятельствомъ, мнѣ кажется, объяснить слѣдуетъ отсутствіе въ Галиціи выдающихся писателей среди галицкихъ малороссовъ. На обѣдѣ стали поляки по адресу мнѣ говорить рѣчи, трагую меня, какъ представителя Украины. Понятно, что я не могъ согласиться принять на себя такую роль, такъ какъ ни единый украинецъ меня на это не уполномочивалъ, и, думая, что такія рѣчи могутъ меня скомпрометировать въ глазахъ всѣхъ русскихъ, я отвѣчалъ полякамъ на обѣдѣ съ своей стороны рѣчью, заявляя, что я не могу брать на себя роли представителя Украины, всей южной Руси, и усиленно въ рѣчи моей отвѣтной выставлялъ на видъ полякамъ то, что я есть чистаго украинскаго козацкаго роду человѣкъ, что въ моихъ жилахъ течетъ кровь Гонты, Желѣзняка, Наливайка. Я не думалъ поступаться полякамъ ничѣмъ и ни за что отъ моихъ украинскихъ традиціонныхъ убѣжденій,—они въ моей натурѣ. Я не думалъ, что на другой день появятся въ польскихъ газетахъ рѣчи, за этимъ обѣдомъ сказанныя. Утромъ читаю газеты: рѣчи поляковъ напечатаны, а моей нѣтъ. Я пишу сказанную мною рѣчь и несу въ редакцію, прося напечатать; отказъ въ одной, отказъ получаю въ другой и въ третьей; я прошу К—ли помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Ничего не выходитъ. Тогда во Львовѣ встрѣтился мнѣ случайно знакомый редакторъ провинціальной польской газеты,—вотъ этотъ и напечаталъ мою рѣчь. Эта исторія меня озадачила; я во всемъ этомъ дѣлѣ уви

дѣлъ лукавство, преднамѣренное желаніе меня скомпрометировать въ глазахъ русскаго правительства и въ глазахъ моихъ земляковъ. Обо всемъ, что со мною случилось особеннаго, я писалъ въ Вѣну моему другу, галичанину, члену вѣнской университетской корпораціи... Поляки дѣлають мнѣ визиты, я имъ отвѣчаю, они крайне любезны, внимательны; даже князь Сапѣга или былъ у меня въ небытность мою дома, во время своего приѣзда во Львовъ, или же прислалъ карточку визитную. Надо вамъ знать, что кн. Сапѣга есть ополячившійся потомокъ древнихъ православныхъ княжескихъ украинскихъ родовъ, что онъ признаетъ и теперь... Вскорѣ послѣ всего этого я получаю изъ Вѣны отъ моего друга письмо, въ которомъ онъ совѣтуетъ мнѣ не довѣряться полякамъ, что ими предпринимается одно весьма нечестное дѣло по отношенію къ Галиціи, о чемъ я на дняхъ узналъ изъ газетъ. Сначала я отнесся къ этому съ предубѣжденіемъ, такъ какъ говорилъ галичанинъ-русинъ. Какъ вотъ въ въ скорости газеты оповѣстили объ отдачѣ униатскихъ базилианскихъ богатыхъ монастырей галицкихъ въ руки іезуитовъ, а также и образованія и воспитанія галицкаго духовенства. Это было подло, преступно. Утромъ другого дня я уже ѣхалъ на житье въ Вѣну и, конечно, жалѣлъ о подачѣ мною прошенія о разрѣшеніи мнѣ принять австрійское подданство. Въ Вѣнѣ я напечаталъ по нѣмецки брошюру объ униі, только нѣсколько экземпляровъ я успѣлъ разослать, какъ явилась полиція, и все изданіе конфисковала; въ другой разъ я хотѣлъ ее напечатать въ Лейпцигѣ, но и тамъ чья то рука помѣшала.

Меня упрекають въ полонофильствѣ, въ перемѣнѣ моихъ взглядовъ на козачество въ нашей исторіи. Я не политикъ, я историкъ. Апостоль Петръ говоритъ о себѣ, что пока онъ былъ дитятею, то и мыслилъ по-дѣтски, по-дѣтски рассуждалъ, а ставши мужемъ, сталъ мыслить, оставивши дѣтское, какъ прилично мужу. Въ 1843 году я напечаталъ въ Кіевѣ мою поэму по малорусски „Украина“; въ ней я говорю, что только и было людей на свѣтѣ, что греки да козаки. Стыдно было бы мнѣ сказать это теперь; но, вѣдь, тогда мнѣ было около 20 лѣтъ, а теперь за 60! Я долго и много изучалъ архивные матеріалы по

исторіи „Украины“; правда, они были по большей части польскіе, а свои я давно зналъ. Если факты, добытые мною, заставляют меня переменить мой взглядъ на козачество, то что жъ дѣлать? Жаль, но правда, истина должна быть дороже всего; притомъ все это дѣла давнымъ давно минувшихъ дней, а козачество не наше знамя теперь. Поляки, какъ теперь, такъ и тогда, культурнѣе насъ. Посмотрите, какъ они высоко ставятъ своихъ писателей; какъ они изысканно, роскошно издають. Они купили за громадную сумму у Крашевскаго его сочиненія, а потомъ, прекрасно издавши, подарили ему же. Нужда ихъ научила удивительной солидарности, дружеству, братолюбію... Они ближе къ Европѣ, ихняя культура стародавняя... Пусть убѣдятъ меня относительно козачества въ противномъ, и я откажусь печатно отъ моихъ взглядовъ. Поймите,—я историкъ, а не политикъ. Я не занимался пустомельствомъ, а тогда же я напечаталъ первый томъ моего перевода Шекспира по украински, а также и переводъ Священнаго Писанія Новаго Завѣта „Отъ плодовъ ихъ познаете ихъ“. Ренегатъ, „зрадникъ“ этого дѣлать не станетъ. Какъ историкъ и этнографъ, я относился къ различнымъ мѣропріятіямъ критически, но изъ этого до отдѣленія Малороссіи отъ Россіи, какъ отъ земли до неба! Критическое отношеніе къ явленіямъ общественной жизни есть самосознаніе, желаніе исправиться...

Намъ тычутъ Мазепу, придворнаго пажа польскаго короля. Чѣмъ мы виноваты, что намъ его создали недалъновидные московскіе воеводы? А почему не вспомнить Кочубея, Искры, Самойловича и другихъ жертвъ любимца Петра I? Послѣ Богдана Хмельницкаго гетманы—ставленники не наши, и мы о нихъ не жалѣемъ, что я высказалъ и печатно, въ романѣ „Липовья пуци“. Да и Шевченко назвалъ ихъ „варшавскимъ смиттемъ“. Черезъ все XIX столѣтіе былъ ли хоть какой нибудь политическій процессъ по поводу украинофильства? Я говорю не о пошлой травлѣ іезуитской по принципу „divide et impera“, или о единичныхъ мнѣніяхъ, а о настоящемъ политическомъ процессѣ. Вѣдь этого не было. Украинофильство есть свѣтъ, культура, а не политика... У насъ нѣтъ гетманскихъ, вельмож-

ныхъ, аристократическихъ родовъ, некому интриговать и преслѣдовать свои личные политическіе интересы. Процессъ мой, Шевченка и Костомарова есть одно только недоразумѣніе, ревность не по разуму, что уже печатно выяснено не мною однимъ, а и Костомаровымъ. Галицкое, русинское движеніе есть національное; галичане—братья родные намъ малороссамъ, и только мудрый вѣнскій конгрессъ 1815 года отдѣлилъ насъ отъ нихъ... На національной почвѣ я и дѣйствовалъ тамъ, да только она одна и законна и естественна тамъ. Думать, что тамъ сдѣлаетъ что нибудь россійская литература безъ перевода на галицкій языкъ, просто смѣшно: прійди и виждь; ужъ скорѣй польская. Жаль, что въ Россіи не даютъ свободнаго входа галицкимъ изданіямъ, газетамъ, журналамъ; это создало-бы между нами и ими солидарность, поддержало бы галичанъ въ ихъ тяжелой, неравной борьбѣ съ жидами, поляками и нѣмцами... Прочитайте всю 14 главу 1 посланія къ Коринѣянамъ... Многіе галичане обязаны знать три языка: свой, польскій и нѣмецкій. Это имѣетъ свою хорошую сторону... Интересно, что съ М. П. Д. повторилась наша давняя исторія: ему пришлось писать не въ защиту злосчастнаго 1 марта, а противъ, за что россійскіе радикалы анаеematствовали его... Читали-ли вы его преинтереснѣйшую книжку, за границей напечатанную: „Историческая Польша и великорусская демократія?“ Шевченка я знаю лучше, чѣмъ кто другой, а также и цѣну ему.

Окно рабочаго кабинета—если можно эту комнату назвать „рабочимъ кабинетомъ“ въ смыслѣ литераторовъ итерскихъ, на что она нимало не походила, выходило въ большой садъ съ огородомъ; это былъ скорѣе гай. Мы вышли въ садъ.

Скажите, П. А., вѣрно-ли то, что говорятъ, будто вы сильно поработали надъ поправкой украинскихъ оповиданъ „Марка Вовчка“?

— Та чьихъ тильки целюшокъ я не переполскувавъ?! абы хить та сыла!—сказалъ П. А.

Еще какъ то заговорилъ П. А. о своей службѣ въ Польшѣ, и вотъ что онъ мнѣ повѣдалъ:

— За службу въ Варшавѣ въ 60-хъ годахъ меня судятъ. Я всегда оставался собою, не измѣнялъ своимъ украинскимъ симпатіямъ. Я былъ знакомъ съ статсъ-секретаремъ Милутинымъ, онъ какъ то представилъ меня князю Черкасскому, сказавши при мнѣ: „князь, абсорбируйте этого завзятого украинофила службой въ Варшавѣ“... Я былъ въ Варшавѣ директоромъ духовныхъ дѣлъ. Постъ былъ весьма важный. Поляковъ фанатизируютъ много есендзы и іезуиты, и моя задача въ Варшавѣ—я ее самъ себѣ далъ—ослабить, какъ только можно больше, вліяніе іезуитизма, клерикализма; нѣсколько моихъ проектовъ удостоились быть одобренными Императоромъ Александромъ II и получили силу закона. Тѣмъ не менѣе, когда одному польскому епископу за рухавку грозила большая бѣда, я все сдѣлалъ, что могъ, чтобы избавить отъ крупной непріятности почтеннаго прелата, и князь Черкасскій уступилъ...

Когда князя Черкаскаго не стало, и повѣялъ не тотъ вѣтеръ, мнѣ поставленъ былъ силокъ, но я въ него не поймался. Дѣло было такъ: на мое имя получена была по почтѣ посылка изъ Галиціи съ книгами, которой я совсѣмъ не ждалъ. Бергъ, намѣстникъ, приглашаетъ меня и говорить о ней; я сразу понялъ, что тутъ ловушка. Посылка безъ меня была вскрыта, на что никто не имѣлъ права, такъ какъ я, какъ директоръ духовныхъ дѣлъ, имѣлъ въ своемъ портфелѣ бумаги секретныя, государственной важности; я полюбопытствовалъ осмотрѣть посылку: въ ней были галицкія, русинскія изданія и воззваніе, по малоруски, обращенное ко мнѣ, которое, конечно, легко было напечатать въ одномъ экземплярѣ. Все-таки я отказался принять посылку. Бергъ предложилъ мнѣ печатно отказаться отъ моихъ украинофильскихъ симпатій, убѣжденій (странное требованіе!..), или выйти въ отставку; я, конечно, отказался удовлетворить его желаніе и предпочелъ выйти въ отставку.

Вечеръ передъ моимъ выѣздомъ мы провели въ компаніи, гдѣ висѣлъ портретъ Александры Михайловны Кулишъ, портретъ небольшой, но хорошій; его рисовалъ самъ Пант. Александровичъ; видно, что любовь рисовала его. Я не подозрѣвалъ, чтобы П. А. обладалъ даромъ художника. Меня попросили снѣтъ,

что и какъ умѣю, изъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ, такъ какъ П. А. мое небольшое умѣнье пѣть народныхъ малорусскія пѣсни было извѣстно отъ его племянницы; я радъ былъ исполнить желаніе гостепріимныхъ хозяевъ, къ счастью, я былъ въ голосъ. На прощанье П. А. подарилъ свой переводъ: „Псалтырь“,—переспивъ украинскій, Павла Ратая“, съ надписью: Веселый Ратай спивочому погоньчови М. Ф. Л.“.

Моя рѣдкая переписка съ П. А. продолжалась до половины 1896 года. Въ одномъ изъ писемъ онъ извѣщалъ меня, что его домъ и всѣ постройки сгорѣли отъ поджога, причемъ погорѣло много всякаго добра и литературнаго. Экономическое положеніе ихъ и безъ того было плохое, а пожаръ еще ухудшилъ его. Причину пожара онъ видѣлъ въ сказанномъ сибирскомъ поляхъ: это была или месть арендатору отъ сосѣдей—крестьянъ за неправды, претерпѣваемыя ими отъ арендатора, или же... много хлѣба свезеннаго во дворъ сгорѣло, но хлѣбъ арендаторъ хорошо застраховалъ, а потому въ убыткѣ онъ не былъ, получивши страховую премію, а Кулиши понесли непоправимый убытокъ. Отсутствіе независимыхъ средствъ къ жизни всегда тормозило литературную дѣятельность П. А. До конца своей жизни онъ ни пенсіи, ни пособія отъ литературнаго фонда не получалъ.

Литературная дѣятельность П. А. Кулиша довольно подробно разобрана въ книгѣ: „Очерки украинской литературы XIX стол.“ профессора Петрова, (Кіевъ, 1884 г.). Профессоръ Петровъ говоритъ: „Вотъ лебединая его пѣсня {Кулиша), напечатанная въ украинскомъ альманахѣ „Рада“ на 1883 г.!“ „И тебе вже оце не побачу до вику, мій краю коханий...“ (стр. 296). Но это мнѣніе почтеннаго профессора крайне невѣрно: въ то время, какъ проф. Петровъ издалъ свою книгу, въ 1884 г. кіевской цензурой была разрѣшена для печати по малорусски стихами драма г. Кулиша „Байда, кн. Вышневецкій“. (Дозволено цензурою. Кіевъ, 14 февраля 1884 г., какъ показано на книгѣ), напечатана эта драма тогда же въ С.-Петербургѣ. Далѣе П. А. писалъ мнѣ, что имъ написана по-малорусски трилогія: „Байда“, „Сагайдачный“ и „Налывайко“; цензура разрѣшила

печатать „Байду“, а тѣхъ двухъ не разрѣшила, и онъ намѣренъ былъ ихъ передѣлать. Кромѣ того, послѣ 1884 г. имъ напечатаны были: переводъ книги Товита на малорусскій языкъ, малорусскій сборникъ—„Дзвинь“,—повѣсть въ какомъ то питерскомъ журналѣ, гдѣ онъ описалъ свой молодой вѣкъ,—три большихъ тома по исторіи Малороссіи „Огпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340—1654); въ 1896 г. въ „Русскомъ Обозрѣніи“ напечатана большая статья его: „Украинскіе паны и козаки“, но я думаю, что еще не всѣ его литературные труды послѣ 1884 года мною указаны. Вмѣстѣ съ этимъ невѣрнымъ взглядомъ на дѣятельность П. А. Кулиша, теряетъ силу и другое обвиненіе его со стороны г. Петрова, что будто г. Кулишъ все писанное имъ по малорусски въ послѣднее время предназначалъ для Галиціи, а не для Россіи... Что можно было печатать на Руси, то и печаталось. Сверхъ того, на основаніи всего сказаннаго, теряетъ всякое значеніе и тяжкое обвиненіе П. А. Кулиша, предъявленное къ нему профессоромъ Петровымъ, въ началѣ нашей замѣтки сказанное, что г. Кулишъ есть „измѣнникъ и врагъ своей народности“, что такъ о немъ судили яко бы украинцы россійскіе и галицкіе. Такого отзыва намъ нигдѣ, ни у кого, кромѣ какъ въ книгѣ проф. Петрова, читать и слышать не приходилось, да такой измѣны, вражды и не было. Намъ кажется, что г. Кулишъ украинфиль больше, чѣмъ кто другой, что говорятъ его литературные труды, и такимъ онъ былъ отъ юности и до могилы. На дняхъ я получилъ отъ Александры Михайловны Кулишъ письмо, которое говоритъ, что П. А. умеръ за литературною работою на малорусскомъ языкѣ. Посылая мнѣ свою драму „Байда“, онъ писалъ, между прочимъ... „Оце мизерного гостынца тобі, мій друже козарлюго, шлю, щобъ знавъ яку гирку я чашу пью. Нема на свити правды—отъ що горе! іи, мовлявъ той старецъ, не зыскать; хиба пійты на Чорне море, щобъ на гакахъ по Байдовски сконать“. А въ прологѣ въ этой драмѣ напечатано такъ:

„О Музо Мельпомено, правды мати!
 „Дій намъ тебя достойно по-служати,
 „Народній духъ зі завеналу підняти,
 „Гасытеливъ его посоромити“.

Слѣдовательно, драма „Байда“ имѣетъ большое значеніе для уясненія психики П. А. Кулиша.

Какъ объяснить очень рѣзкіе отзывы П. А. Кулиша о своихъ друзьяхъ, членахъ триумвирата украинофильскаго, Шевченкѣ и Костомаровѣ? Я объясняю это только однимъ:—несходствомъ своихъ возрѣній съ ними на козачество и ляхоненавистничество ихъ: „Гайдамаки“ Шевченка и „германъ Богданъ Хмельницкій“ Костомарова. Нѣчто схожее, по рѣзкости, еще большей, но только въ юмористическомъ духѣ, сказано было г. Кулишомъ въ г. Полтавѣ въ большомъ обществѣ: на жалобы полтавцевъ, Пантелеймонъ Александровичъ отвѣтилъ притчею о козакѣ, который, сидя на стернѣ, латаетъ свои штаны и ругаетъ вражью стерню, что она его колетъ. Но суть, соль дѣятельности г. Кулиша не въ этихъ рѣзкостяхъ, мелочахъ. Пантелеймонъ Александровичъ напоминаетъ мнѣ типъ древнихъ пророковъ.

Профессоръ Петровъ въ своей книгѣ говоритъ: „Длинный рядъ разнообразныхъ трудовъ г. Кулиша указываетъ на подвижной и энергичный талантъ; но въ немъ были извѣстныя неровности и увлеченія“ (стр. 268). Мнѣ кажется, справедливо будетъ сказать о П. Л. Кулишѣ, что онъ былъ человѣкъ необыкновенно даровитый и трудолюбивый; натура страстная, властная, человѣкъ чрезвычайно симпатичный, честный, отзывчивый; поэтъ, беллетристъ, историкъ и отчасти художникъ; знавшій прекрасно современное ему общество и стоявшій цѣлой головой выше его, всей душой любившій свою Украину; это господарь, явившійся въ свое наслѣдіе и заставшій въ немъ запустѣніе на мѣстѣ святѣ, и вотъ ревность по наслѣдію снѣдаетъ его.. и начавши съ 20-ти лѣтъ „подвигомъ добрымъ подвизаться“, заканчиваетъ подвигъ свой на 77-мъ году своей многотрудной жизни, т. е. 50 лѣтъ слишкомъ литературной работы. Онъ оставилъ по себѣ глубокой слѣдъ, вліяніе его было большое!

Пант. Ал. зналъ языки: французскій, италіанскій, нѣмецкій, англійскій, испанскій, сербскій, чешскій, польскій и латинскій.

Изъ письма, полученнаго мною отъ жены покойнаго П. А. Кулиша, Александры Михайловны Кулишъ, 21 февраля видно, что Пантелеймонъ Александровичъ умеръ отъ простуды послѣ

8-дневной болѣзни, 2 февраля; у него въ домѣ былъ такой холодъ, что онъ долженъ былъ писать въ теплыхъ перчаткахъ. Въ послѣднія минуты передъ смертью онъ рукою долго писалъ по воздуху и такъ умеръ. Двѣ пары любимыхъ покойнаго воловъ, которыхъ онъ кормилъ бывало хлѣбомъ изъ собственныхъ рукъ, и которые, бывало, завидя его идущимъ къ нимъ въ поле во время оранки, съ плугомъ бѣжали къ нему на встрѣчу,—такъ вотъ эти двѣ пары воловъ были запряжены въ сани, и на нихъ былъ поставленъ гробъ съ покойнымъ господаремъ воловъ своимъ, и они отдали ему свой послѣдній долгъ: отвезли своего господаря въ церковь, въ сопровожденіи двухъ священниковъ, хора пѣвчихъ и множества народа; а изъ церкви покойникъ былъ привезенъ домой на хуторъ и похороненъ въ своемъ саду, на мѣстѣ, имъ выбранномъ.

Автобіографіи своей, по словамъ А. М. Кулишъ, П. А. не писалъ и говорилъ, что много его писемъ къ частнымъ лицамъ и сочиненія его замѣняютъ автобіографію.

И. Лободовскій.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Данныя Архива Святѣйшаго Синода о кievской церкви во имя св. апостола Андрея Первозваннаго ¹⁾. Въ дѣлахъ Архива Св. Синода нашлось нѣсколько свѣдѣній о началѣ *Кіево-Андреевской церкви* и о послѣдующей судьбѣ ея.

Мы не будемъ повторять преданія о водруженіи св. Ап. Андреемъ креста на кievскихъ горахъ около 40 гола по Р. Хр.; не будемъ говорить о княжескомъ теремѣ, стоявшемъ будго-бы въ древности въ этой мѣстности; не скажемъ ничего и о построенной въ 1212 г. великимъ княземъ Мстиславомъ Романовичемъ (Удалымъ) Воздвиженской церкви, находившейся нѣсколько ниже нынѣшней Андреевской церкви;—но обратимся къ тому, какія свѣдѣнія объ этой церкви даютъ намъ архивныя дѣла.

Кievская Андреевская церковь называется «славнымъ памятникомъ Елисаветинскаго царствованія и талантовъ знаменитаго архитектора графа Растрелли». Нынѣ существующій храмъ заложенъ собственноручно императрицею Елисаветою Петровной, въ бытность ея въ Кіевѣ въ августѣ 1744 года. Мѣсто для храма было освящено кievскимъ митрополитомъ *Рафаиломъ* (Заборовскимъ) ²⁾, и на предполагаемомъ мѣстѣ престола былъ поставленъ крестъ. Постройка же храма совершилась гораздо позже этого времени.

¹⁾ Данныя эти собраны нами еще въ 1895 г., по требованію Г. кievскаго генераль-губернатора, и въ извлоченіи представлены въ Кіевъ. Въ настоящее время считаемъ не лишнимъ напечатать ихъ, въ виду поднятаго О. И. Титовымъ вопроса о томъ, что было въ древности на мѣстѣ нынѣшней Кіево-Андреевской церкви. Хотя наша статья и не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, но сообщаетъ данныя, почему-то не найденныя въ мѣстныхъ архивахъ.

²⁾ Преосвящ. Рафаилъ Заборовскій былъ архіепископомъ кievскимъ съ 1731 г., въ 1743 г. возведенъ въ санъ митрополита; † 22 окт. 1747 г.

Въ 1749 году 5 января, кievскій митрополитъ *Тимоѳей* (Щербацкій) ¹⁾ между прочимъ писалъ секретарю Ея Величества тайному совѣтнику барону Черкасову слѣдующее: ²⁾ «Во время Высочайшаго присутствія Ея Императорскаго Величества въ Кіевѣ на бастионѣ (бывшей Софійской крѣпости), покойнымъ преосвященнымъ Рафаиломъ митрополитомъ кievскимъ мѣсто оное, гдѣ церковь во имя св. апостола Андрея Первозваннаго имѣеть быть состроена, по чиноположенію церковному, освящено, а гдѣ престолу было быть, тамо крестъ поставленъ; нынѣ же господинъ брегадиръ Ив. Матѳ. Власіевъ объявилъ мнѣ, что тотъ бастионъ надобно вовсе срѣзать, а гдѣ крестъ поставленъ, тамо имѣеть быть оной церкви стѣна, а не престолъ;—и требовалъ онъ, господинъ брегадиръ, чтобъ я тотъ поставленный крестъ съ показаннаго мѣста велѣлъ снять;—только-де я того учинить не смѣлъ безъ особливѣйшаго повелѣнія отъ Ея Императорскаго Величества, почему Вашего Высокопревосходительства покорно прошу Ея Императорскому Величеству о вышеозначенномъ довести, и, какое отъ Ея Императорскаго Величества будетъ повелѣніе, мнѣ объявить»...

Баронъ Черкасовъ 10 февраля 1749 г. сообщилъ синодальному члену, переяславскому архіепископу Арсенію (Могилянскому), что государыня соизволила Всемилостивѣйше указать по тому письму разсмотрѣніе учинить Святѣйшему Синоду».

Разсмотрѣвъ дѣло, Святѣйшій Синодъ 16 февраля 1749 г. послалъ митрополиту кievскому Тимоѳею (Щербацкому) указъ о томъ, «дабы его преосвященство вышеупомянутый, поставленный при освященіи на назначенномъ подъ строеніе во имя св. ап. Андрея Первозваннаго церкви, гдѣ было быть престолу, мѣстѣ св. крестъ, не премѣняя подписанной на немъ о времени, когда оной, и при комъ, и кѣмъ на то мѣсто водруженъ, подписи ни въ чемъ и не чиня уже вторично церковной о водруженіи креста церемоніи, съ того мѣста, за предписанное—что на ономъ мѣстѣ имѣеть быть тоя церкви стѣна—винословіе, снять, и когда будетъ къ строенію оныя церкви мѣсто приуготовлено, тогда на томъ церковномъ мѣстѣ, гдѣ надлежитъ, наки поставитъ»...

¹⁾ Преосвящ. Тимоѳей Щербацкій былъ митрополитомъ кievскимъ съ 10 марта 1748 г. до 22 окт. 1757 года; † московскимъ митрополитомъ 18 апр. 1767 г.

²⁾ Дѣло Архива Св. Синода 1749 г. № 113.

На такой синодальной указъ, кievскій митрополитъ Тямовой Щербацкій 15 марта 1749 года отвѣчалъ слѣдующее: «За силу полученнаго Ея Императорскаго Величества господиномъ бригадиромъ Ив. М. Власіевымъ изъ канцеляріи отъ строеній указа, прежде полученія мною изъ Св. Синода указа, вышеупомянутый поставленный св. крестъ съ того мѣста, при присутствіи моемъ, снятъ и поставленъ въ пристойномъ мѣстѣ; на ономъ же крестѣ о времени, когда оной, и при комъ, и кѣмъ на то мѣсто водруженъ, надпису никакова, по осмотру моемъ, не явилось; а когда будетъ къ строенію оныя церкви мѣсто приуготовлено, тогда на томъ церковномъ мѣстѣ, гдѣ надлежитъ, наки оной крестъ, при присутствіи моемъ, имѣеть быть поставленъ»...

Заслушавъ присланный отвѣтъ митрополита, Св. Синодъ 24 апрѣля 1749 г. опредѣлилъ сдѣлать митрополиту замѣчаніе за снятіе креста до полученія синодальнаго указа, но митрополитъ 12 іюня 1749 г. отвѣчалъ, что бригадиръ Власіевъ ему объявилъ, «что изъ канцеляріи отъ строеній резолюція на то есть уже, а вышней на то резолюціи, яко чрезъ докладъ Ея Императорскому Величеству, ожидать и тѣмъ Ея Императорскаго Величества утруждать нужды не усматривается;—чего для въ томъ учинить его высокородію по вышеписанному, не ожидая на то резолюціи, дабы чрезъ дальній путь въ перепискахъ дѣло фундамента и строенія церкви остановитца не могло»...

По свойству мѣстности предназначавшейся для постройки Андреевской церкви, требовалось начать кладку фундамента съ большой (до 20 саж.) глубины, почему работа продолжалась около 17 лѣтъ.

Только въ 1767 году встрѣчаемъ рапортъ кievскаго митрополита *Арсенія* (Могиланскаго) ¹⁾, отъ 25 августа, объ окончаніи постройки и объ освященіи Андреевской церкви. Митрополитъ писалъ: ²⁾ «Сего 1767 года августа 7-го дня, его высокопревосходительство генералъ-аншефъ кievской губерніи генералъ-губернаторъ и кавалеръ Федоръ Матвеевичъ Воейковъ письменнымъ сообщеніемъ мнѣ для надлежащаго исполненія объявилъ, что, въ бытность его въ Москвѣ, Ея Императорское Величество (Императрица Екатерина II) всевысочайше пманнымъ словеснымъ повелѣніемъ соизволила ему указать, чтобъ кievская св. апостола Андрея Первозваннаго церковь была въ не-

¹⁾ Преосвящ. Арсеній Могиланскій былъ кievскимъ митрополитомъ съ 22 окт. 1757 г.; † 8 іюня 1770 года.

²⁾ Дѣло Арх. Св. Синода 1767 г. № 66.

продолжительномъ времени освящена; во исполненіе коего... оная церковь, по заготовленіи всѣхъ ко освященію и священнослуженію потребностей, мною сего августа 19-го дня, по уставу и чину, бываемоу на освященіе церкви новопоставленной, соборнѣ освящена, и для исправленія въ ней священнослуженія опредѣлены отъ мене, до указа, священнослужители и прочее потребное отъ кафедральнаго моего монастыря:...

Такимъ образомъ, если временемъ закладки Андреевской церкви считать августъ 1744 года, то до освященія церкви, на постройку оной потребовалось *ровно 23 года.*

Коснемся теперь *дальнѣйшей судьбы* этой церкви. Достопнѣ особенно вниманія прежде всего тотъ фактъ, что этотъ грандіознѣйшій и замѣчательнѣйшій по архитектурѣ и красотѣ храмъ и въ которое время не имѣлъ ни опредѣленныхъ средствъ къ содержанію, ни утвержденнаго штата, ни даже ризницы, и въ 1786 г., отъ несмотрѣнія ли, или отъ другихъ какихъ-либо причинъ, сталъ разрушаться. Вотъ что говорятъ объ этомъ архивныя данныя¹⁾.

Комиссія о церковныхъ имѣніяхъ 18 августа 1768 года представила государынѣ императрицѣ всеподданнѣйшій докладъ «объ опредѣленіи къ новопостроенной въ Кіевѣ каменной Андреевской церкви священно-и церковнослужителей и о производствѣ имъ жалованья изъ доходовъ кіевского магистрата». Въ докладѣ выяснилось, что Андреевской церкви, «для безнужнаго содержанія жалованьемъ священно-и церковнослужителей, удобнѣе не соборною, но ружною церковью остаться», и производить изъ суммъ кіевского магистрата жалованье—первенствующему священнику 120 р., второму священнику 100 р., діакону 70 р., двумъ дьячкамъ по 40 р. каждому, двумъ пономарямъ по 30 р. каждому и просфорнѣ 20 р. въ годъ, всего 450 р. въ годъ; затѣмъ—назначенному къ Андреевской церкви царскоселскому протопопу Якову Мултинскому производить по смерти изъ суммъ Ея Величества по 150 р. въ годъ, по 25 четвертей ржаной муки, по 24 четв. овса и изъ казенныхъ луговъ для сѣннаго покосу 8 десятинъ;—все жалованье производить по третямъ года;—относительно же средствъ на устройство ризницы и на удовлетвореніе другихъ цер-

¹⁾ Дѣло Арх. Св. Синода 1767 г. № 66.

вовныхъ нуждъ, предлагалось кievскому митрополиту и кievскому генераль-губернатору представить мнѣніе.

Такой докладъ комисіи былъ Высочайше утвержденъ 28 августа 1768 года, а 13-го сентября того же года содержаніе Высочайше утвержденного доклада комисіи о штатахъ Андреевской церкви было сообщено кievскому митрополиту Арсенію (Могилянскому).

Въ 1769 г. митрополитъ и генераль-губернаторъ представили свои мнѣнія объ ежегодномъ отпускѣ на нужды Андреевской церкви по 113 р. 22 коп.,—но дѣло это осталось нерѣшеннымъ... Архивныя же данныя говорятъ, что денежныя средства Андреевской церкви были далеко не въ блестящемъ состояніи.

Такъ, 20 августа 1778 года, протопопъ Андреевской церкви Яковъ Мултинскій доносилъ кievскому митрополиту *Гавриилу* (Кременецкому) ¹⁾, что онъ Мултинскій, въ 1773 г. ѣздилъ въ Петербургъ и докладывалъ комисіи о церковныхъ имѣніяхъ о нуждахъ Андреевской церкви, затѣмъ собралъ въ Петербургѣ «отъ нѣбихъ боголюбцовъ» небольшую ризницу и возвратился въ Кіевъ, а въ Петербургѣ «для хожденія по дѣлу церковному» (объ устройствѣ ризницы и прочей церковной утвари) оставилъ діакона Андреевской церкви Алексѣя Аркудинскаго, но вотъ прошло съ того времени уже пять лѣтъ; діаконъ Аркудинскій уже сдѣланъ игуменомъ Далматова монастыря тобольской епархіи и нареченъ Адамомъ;—привезенная изъ Петербурга ризница «приходитъ уже въ крайнее обветшеніе»,—а изъ комисіи о церковныхъ имѣніяхъ «никакой резолюціи не слышать»... Правда, игумень Адамъ въ 1777 г. писалъ ему, Мултинскому, что «того-жъ года изъ Св. Синода посланы указы о выдачѣ св. сосудовъ изъ епархій, а на ризы и на прочее полагается-де сумма, только изъ какихъ именно епархій и какая сумма положена на ризницу, не означилъ, нынѣ же дѣлается-ли что въ пользу церкви святой, и по сіе время неизвѣстно»...

Такое доношеніе протоіерея Мултинскаго митрополитомъ Гаврииломъ (Кременецкимъ) 27 августа 1778 г. было представлено въ Св. Синодъ, а Св. Синодъ 18 октября отправилъ его въ комиссію о церковныхъ имѣніяхъ... Дальнѣйшихъ же свѣдѣній о ходѣ этого дѣла не имѣется.

Въ 1786 году 1 апрѣля кievскій митрополитъ *Самуиль* (Миславскій) ²⁾ вновь поднимаетъ вопросъ «о немѣннѣи при Андреевской

¹⁾ Пресвящ. Гавриилъ Кременецкій былъ митрополитомъ кievскимъ съ 1770 года; † 8 авг. 1783 года.

²⁾ Пресвящ. Самуиль Миславскій былъ кievскимъ митрополитомъ съ 1788 года; † 5 янв. 1796 года.

церкви приличной ризницы и других церковныхъ утварей съ свящ. сосудами», да вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ Св. Синоду и о томъ, «что и священнослуженіе въ той церкви исправлять почти невозможно по причинѣ бываемой надъ самымъ жертвенникомъ течи, отъ которой-де иногда и извѣсть падаетъ»¹⁾.

Св. Синодъ разрѣшаетъ митрополиту взять для Андреевской церкви ризницу и утварь изъ упраздненныхъ кіевскихъ монастырей, вопросъ-же о ремонтѣ церкви остается нерѣшеннымъ. Вотъ что отвѣчалъ Св. Синодъ кіевскому митрополиту 15-го іюня 1786 года:

«Какъ нынѣ, вслѣдствіе имяннаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго указа, даннаго Св. Синоду сего года апрѣля въ 10-й день, многіе состоящіе сверхъ штата въ кіевской епархіи монастыри слѣдуютъ ко упраздненію и обращенію въ приходскія церкви, въ которыхъ и церковной утвари должно остаться довольному числу, для того вашему преосвященству означенную Андреевскую церковь приличною ризницею и другою церковною утварью и сосудами, сколько въ дополненіе къ прежнимъ потребно, снабдивъ и удовольствовавъ изъ означенныхъ упраздняемыхъ монастырей; сколько-жъ и откуда чего отпущено будетъ, о томъ Св. Синоду отренпортовать».

Это и было исполнено митрополитомъ 30-го октября 1786 года. Представленная митрополитомъ «Опись, учиненная въ кіевской дикастеріи, каковою, въ силу указа Св. Синода, состоящая въ Кіевѣ ружная св. ап. Андрея Первозваннаго церковь изъ упраздненнаго Кіево-Кирилловскаго монастыря ризницею и другою церковною утварью и сосудами удовлетворена», — показываетъ, что въ Андреевскую церковь изъ указаннаго монастыря постувило: 10 ризъ, 10 подризниковъ, 10 епитрахилей, 20 поручей, 3 пояса, 2 набедренника, 6 діаконскихъ стихарей, 6 орарей, 9 воздуховъ, 2 катанетасмы, 6 платковъ, 12 наложныхъ покрываль, 2 евангелія, 3 служебника, 1 требникъ, 4 креста, 1 гробница, 1 потиръ, 2 дискоса, 2 ложки, 1 копіе, 2 вадильницы, 4 лампы, сосуды подъ вино и елей, подсвѣчникъ, зеркало, рукоявникъ, тазъ и проч.

Итакъ, *черезъ 20 лѣтъ послѣ освященія Андреевская церковь получила мало-мальски сносную ризницу и утварь.*

Теперь другая бѣда была въ томъ, что не было денегъ на ремонтъ, — и образовавшаяся въ 1785 г. течь вмѣстѣ съ другими при-

¹⁾ Митрополиту же донесено было объ этомъ протоіереемъ Андреевской церкви Іосифомъ Каменискимъ 21 февр. 1784 г. и 10 дек. 1785 года.

бавлявшимися годъ отъ году неисправностями, мало по малу разрушались этотъ замѣчательный храмъ.

Вопросъ о капитальномъ ремонтѣ Андреевской церкви, послѣ 30-ти лѣтняго разсматриванія и рѣшенія въ мѣстныхъ и высшихъ учрежденіяхъ, былъ проведенъ и приведенъ почти къ желанному концу митрополитомъ кievскимъ *Серапіономъ* (Александровскимъ)¹⁾. По дѣламъ Архива²⁾, можно хотя-бы приблизительно возстановить ходъ этого интереснаго и въ высшей степени важнаго дѣла.

Мы уже видѣли, что Высочайшимъ повелѣніемъ 28 августа 1768 года положено было производить изъ доходовъ кievскаго магистрата на жалованье причту и просфорнѣ по 450 р. въ годъ; «въ разсужденіи же потребной на церковныя потребности на починки и на все ея содержаніе особливою суммой, обстоятельство сіе предоставлено было разсмотрѣть кievскому митрополиту и генераль-губернатору на мѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы они, сдѣлавъ о семъ положеніе свое, представили оное въ духовную комиссію; до Высочайшей же конфирмаціи, содержаніе таковое производить изъ тѣхъ же городскихъ доходовъ». Въ 1769 г. кievскій генераль-губернаторъ Воейковъ и митрополитъ Арсеній (Могилянскій), полагая на потребности Андреевской церкви по 113 р. 22 коп. въ годъ, внесли объ этомъ представленіе въ комиссію о церковныхъ имѣніяхъ; комиссія въ 1775 г. докладывала объ этомъ Св. Синоду, но... дѣло осталось нерѣшеннымъ. Между тѣмъ церковь требовала ремонта,—въ 1785 г. образовалась надъ жертвенникомъ течь. На основаніи указаннаго Высочайшаго повелѣнія (28 авг. 1768 г.), кievскій магистратъ въ 1786—1787 гг. «на репарацію» и въ 1800 г. на оцекатурку церкви употребилъ изъ городскихъ суммъ 7654 р. 35 коп.;—а въ 1801 г. магистратъ чрезъ губернатора Короблина требовалъ отъ Андреевской церкви уплаты денегъ, израсходованныхъ на ремонтъ; но въ Андреевской церкви нашлось только 700 руб., каковыя деньги, съ разрѣшенія кievскаго митрополита *Гавріила* (Бодони)³⁾, и были отданы магистрату.

¹⁾ Преосвящ. Серапіонъ Александровскій былъ митрополитомъ кievскимъ съ 11 дек. 1803 года; 24 янв. 1822 г. уволенъ на покой; † 14 сент. 1824 года.

²⁾ Дѣло Арх. Св. Синода 1816 г. № 969 и дѣло канц. Оберъ-Прокурора Св. Синода 1816 г. № 5334.

³⁾ Преосвящ. Гавріилъ Бодони (Банулеско) былъ кievскимъ митрополитомъ въ 1799—1803 гг.; затѣмъ уволенъ на покой; въ 1808 г. назначенъ Экзархомъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи; въ 1813 г. — митрополитомъ кишиневскимъ; † 30 марта 1821 года.

Въ 1804 г. митрополитъ Серапіонъ (Александровскій), чрезъ кіевскаго военнаго губернатора Торماسова, началъ ходатайство объ отпускѣ изъ казны на нужды Андреевской церкви по 226 р. 44 коп. въ годъ. Губернаторъ отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ, министръ—къ синодальному оберъ-прокурору, оберъ-прокуроръ предложилъ дѣло на разсмотрѣніе Св. Синода и Св. Синодъ выразилъ согласіе на нужды Андреевской церкви отпускать ежегодно по 226 р. 44 коп. «въ суммы на духовный департаментъ положенной»,— что и было Высочайше конфирмовано 16 декабря 1804 года.—Послѣ этого бывший въ Кіевѣ «комитетъ для управленія городскихъ повинностей» рѣшилъ выдавать на Андреевскую церковь только по 450 р. въ годъ жалованья причту, что и было вновь Высочайше утверждено 7 августа 1806 года съ присовокупленіемъ, что «никакая новая статья расхода на ту церковь изъ городскихъ суммъ не можетъ существовать безъ особаго Высочайшаго на то повелѣнія».— Въ томъ же 1806 году кіевская дикастерія начала дѣло о возвратѣ въ Андреевскую церковь 700 рублей, незаконно выданныхъ магистрату въ 1801 году, но безуспѣшно. Въ 1808 году митрополитъ Серапіонъ (Александровскій) обращался за тѣмъ-же къ кіевскому губернатору Панкратьеву и съ просьбою о починкѣ Андреевской церкви на городскія суммы, но тоже получалъ отказъ во всемъ.

Въ сентябрѣ 1816 года, митрополитъ Серапіонъ писалъ Св. Синоду между прочимъ слѣдующее:

«Покойный протоіерей Старокіевской Андреевской ружной церкви Аѳанасій Лачановскій, 26 іюня 1809 г., доносилъ мнѣ, что 24 іюля 1809 г. нашедшая внезапная буря сорвала съ оной церкви съ средняго купола большой крестъ, сысканный въ Кіево-подолѣ въ яру, пополамъ переломленный и весь погнуть, да и другіе два меньшіе креста отъ бури согнулись, а изъ окошекъ въ разныхъ мѣстахъ тоужь бурею стекла вырваны; то въ силу резолюціи моея хотя и предписано было въ дикастеріи оному протоіерею крестъ новый сдѣлать и поставить, а также и погнувшіеся оба креста снять и исправить, но отъ него, протоіерея, на сіе репортовано тако: что, по призваніи имъ мастеровъ и по осмотрѣніи поврежденій, мастера тѣ объявили, что погнули въ среднѣ столбы и не можно крестовъ никакъ утвердить безъ разбиранія куполовъ, къ чему безъ руководствна архитектора приступить они не соглашаются, и что сумма на то потребна немалая, а въ Андреевской церкви всѣхъ церковныхъ денегъ только 90 руб. съ копѣйками. Однакожь и за симъ, по резолюціи моея, велѣно ему

Видъ Андреевской церкви въ 1809 г.

изъ дикастеріи указомъ—стараться возможными средствами все исправить, употребляя на то церковную сумму съ запискою; а чтобъ руководствовалъ въ дѣлѣ семъ г. архитекторъ, о томъ изъ дикастеріи было сообщено въ кievское губернское правленіе. Кievскій городской архитекторъ *Меленскій*, 22 сентября 1809 года ¹⁾, сообщилъ дикастеріи, что, по освидѣтельствованіи имъ Андреевской церкви, оказалось, что «на 2-хъ башняхъ кресты сняты и сдѣланы деревянные крышки, а на остальныхъ 2-хъ, хотя и укрѣплены оныя желѣзомъ, но къ дальнѣйшему времени служить не могутъ, поелику и паденіе большаго креста воспослѣдовало отъ проходившей течи въ шпиль или стержни деревянные, въ которыхъ утверждены были кресты, отъ чего и вся деревянная вязка погнила, и хотя въ виду имѣются оныя главы, но онѣ держатся только оковкою листового желѣза и жести. По моему предписанію, на церкви поставлены деревянные кресты съ прикрытіемъ главъ шелювками; исправленіе произведено на церковныя деньги. Затѣмъ священнослужители Андреевской церкви доносили мнѣ, что, кромѣ поврежденій 1809 г., въ 1815 году съ 11-го на 12-е іюня, и послѣдніе два желѣзные креста, выстѣ съ главами, бурей съ церкви сброшены на помость, и что та церковь, кромѣ тѣхъ крестовъ съ куполами, большей еще нынѣ починки требуетъ; ибо-де надлежитъ крышу желѣзную перекрыть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ добавкою желѣзныхъ листовъ; рынны и желѣзные жолобы починить и поправить; церковь съ каменными подъ оной покоюи оцекатурить и въ тѣхъ покоюхъ двери сдѣлать, и окошки, какъ церковныя, такъ и въ тѣхъ покоюхъ починить; также сходы, мостъ вокругъ церкви, перилы и рундукъ предъ церковными дверьми вновь сдѣлать; двери церковныя, дубовыя, разохшіяся починить, или желѣзныя, по приличію таковой церкви, сдѣлать». 31 марта 1816 года митрополитъ просилъ кievскаго губернатора (испр. должн. губернатора тогда былъ вице-губернаторъ Катериничъ) «предписать кому и какъ слѣдуетъ, чтобы все вышепоказанное поврежденіе отдѣлано было вновь, на основаніи Высочайшаго указа 28 авг. 1768 г., изъ доходовъ кievскаго магистрата». Кievскій губернаторъ П. Черепановъ 4 сентября 1816 г. отвѣчалъ, что онъ «поручилъ городскому архитектору Меленскому освидѣтельствовать Андреевскую церковь, при бытности члена город-

¹⁾ Къ этому времени относятся всѣ чертежи, фасады и планы Андреевской церкви, имѣющіеся въ дѣлахъ Архива Св. Синода; *фотографическій снимокъ съ одного изъ нихъ при семъ прилагается.*

ской комиссіи и священнослужителей ея, и сдѣлать на исправленіе всѣхъ поврежденій надлежащую смѣту». Смѣта была составлена на 31260 рублей. Губернаторъ въ отпускѣ денегъ изъ городскихъ суммъ отказалъ.

Донося о всемъ вышеназложенномъ Св. Синоду, митрополитъ при-
совокуплялъ: «но впрочемъ, поелику и подлинно нельзя оставить
безъ починки сей столь великолѣпной и знатныхъ казенныхъ издер-
жекъ на сооруженіе ея стоящей церкви, я обязываюсь какъ означен-
ную смѣту, такъ планъ и фасадъ сей церкви представить при семъ
на благоусмотрѣніе».

Разсмотрѣвъ дѣло, Св. Синодъ 30 октября 1816 года призналъ
«поправки ветхостей Андреевской церкви необходимо нужными» и
поручилъ оберъ-прокурору доложить объ ономъ Его Величеству, не
благоугодно-ли будетъ повелѣть полагаемую по смѣтѣ суммѣ въ
31260 руб. отнести на счетъ строительнаго по государству капитала.
Оберъ прокуроръ 4 декабря 1817 года отнесся по этому дѣлу къ
министру внутреннихъ дѣлъ, а послѣдній 28 февраля 1819 года
отвѣтилъ, что представленная смѣта, по указанію строительнаго ко-
митета, можетъ быть уменьшена до 25287 рублей. И дѣло на этомъ
остановилось.

Въ 1822 году, по увольненіи на покой кіевского митрополита
Серапіона, новый кіевскій митрополитъ *Евгеній* (Болховитиновъ)¹⁾
29 ноября писалъ оберъ-прокурору Св. Синода, что предмѣстникъ
его ходатайствовалъ объ отпускѣ суммы на ремонтъ Андреевской
церкви и, до рѣшенія дѣла, просилъ кіевское губернское правленіе
(20 и 26 іюля 1817 г.) приказать «уголъ въ каменномъ подѣ цер-
ковью зданіи, имѣющій вверху разбѣлину, изъ котораго съ опас-
ностію для проходящихъ падаетъ кирпичъ, поддѣлать кирпичемъ, и
на обонхъ углахъ, чтобы вода оныхъ не промывала рывъ, новые
положить и по крайней мѣрѣ съ наружной стороны ошкатурить;—
двери, окошки и ставни починить и завалинами деревянными или
каменной стѣной отъ дороги подкрѣпить для отвращенія внизу того
каменнаго зданія поврежденій; а кромѣ того и желѣзную на самой
церкви крышу, гдѣ протекаетъ вода, починкою исправить отъ кіев-
скаго магистрата»;—но ни изъ кіевского губернскаго правленія, ни

¹⁾ Преосвщ. Евгеній Болховитиновъ былъ кіевскимъ митрополитомъ съ 1822 г.
† 23 февр. 1837 года.

изъ Св. Синода на тѣ просьбы увѣдомленій не было и вѣтъ. Митрополитъ просилъ: или объ отпускѣ суммы изъ духовнаго департамента, или о побужденіи кіевскаго магистрата къ производству ремонта церкви, или же по крайней мѣрѣ о возвратѣ изъ кіевскаго магистрата незаконно переданныхъ туда въ 1801 г. 700 руб. съ пропен-тами, «дабы хотя сколько-нибудь обезопасить отъ паденія сію церковь».

8 февраля 1823 года оберъ-прокуроръ представилъ Св. Синоду планъ съ фасадомъ и уменьшенную до 25287 руб. смѣту на починки Андреевской церкви. Св. Синодъ въ принципѣ одобрилъ смѣту, но «такъ какъ строительный капиталъ, ассигнованный на 1823-й годъ, весь уже распределенъ, то о назначеніи суммы на ремонтъ Андреевской церкви опредѣлилъ имѣть сужденіе въ 1824 году» (журналъ Св. Синода 16 февр. 1823 г.).

Въ 1824 г. на ремонтъ Андреевской церкви было отпущено 2287 рублей и въ 1825—1828 г.г. церковь была отремонтирована заново.

Но вотъ прошло послѣ этого 13 лѣтъ, и 16 іюля 1841 года кіевскій митрополитъ—*Филаретъ* (Амфитеатровъ) ¹⁾ уже доносилъ Св. Синоду слѣдующее: ²⁾ «Андреевская ружная безприходная церковь пришла въ крайнюю ветхость и требуетъ вновь исправленія».

На этотъ разъ смѣты и чертежи были составлены помощникомъ кіевскаго городского архитектора Ознобишинымъ, причемъ церковь свидѣтельствовали: членъ кіевской консисторіи протоіерей Максимовичъ, епархіальный архитекторъ, опытный архитекторъ отъ кіевскаго военнаго губернатора и чиновникъ инженернаго вѣдомства; смѣта была составлена на 12812 р. 67½ коп.

Пройдя всѣ инстанціи, дѣло о ремонтѣ Андреевской церкви, въ самомъ концѣ 1841 г., возвратилось изъ Главнаго Управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій и со всѣми документами было отправлено кіевскому митрополиту съ уменьшеніемъ смѣты до 12449 р. 64 коп. и съ обѣщаніемъ отпуска денегъ въ 1842 году.

Однако, въ началѣ 1843 г. кіевскій митрополитъ сообщилъ Св. Синоду, что вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на строительные матеріалы

¹⁾ Преосвящ. Филаретъ Амфитеатровъ былъ кіевскимъ митрополитомъ съ 1837 г.; † 21 дек. 1857 года.

²⁾ Дѣл. Архива Св. Синода 1841 г. № 2169.

никто не беретси произвести ремонтъ церкви по смѣтѣ на 12449 р. 64 коп.,—причемъ представлялъ новые, составленные архитекторомъ Спарро, чертежи, планы и смѣту на 21662 р. 24 коп., да кромѣ того, на укрѣпленіе горы и обдѣлку крутостей, по смѣтѣ командированнаго по Высочайшему повелѣнію инженеръ-капитана Оедорова, требовалось 40155 руб. 83 коп., а всего вмѣстѣ—61818 руб. 7 коп.

Въ Главномъ Управленіи путей сообщенія и публичныхъ зданій смѣта на ремонтъ Андреевской церкви изъ 21662 р. 24 коп. была уменьшена до 19848 р. 24 коп.; относительно же обдѣлки крутостей горы посѣвомъ по откосамъ пырейныхъ сѣмянъ указывалось замѣнить фашинами и были затребованы описанія профилей горы быстроты обваловъ и грунта земли, и проч. 25 августа 1843 года, Св. Синодомъ всѣ смѣты, чертежи и планы (на 5 листахъ) были отправлены кіевскому митрополиту.

Изъ дальнѣйшихъ доношеній митрополита Филарета видно, что на ремонтъ Андреевской церкви было отпущено: въ 1842 г.—8000 руб., въ 1843 г.—5000 р. и въ 1844 г.—6848 р. 24 коп. Весь ремонтъ оконченъ былъ въ 1846 году. Митрополитъ просилъ на будущее время ассигновать до 150 руб. въ годъ на постоянный ремонтъ церкви, но Св. Синодъ предоставилъ кіевскому митрополиту «изыскать на это мѣстные способы».

Дѣло же объ укрѣпленіи Андреевской горы, какъ видно изъ доношенія митрополита отъ 28 апрѣля 1848 года, кончилось тѣмъ, что «по откосамъ горы запретили ходить людямъ и скоту, для чего и обнесли ее заборомъ».

Таковы данныя Архива Св. Синода за *первое столѣтіе* (1749—1849 г.г.) постройки и существованія кіевской Андреевской церкви. Изъ этихъ данныхъ видно, что присвопоматнымъ владыкамъ кіевскимъ много было хлопотъ и заботъ по изысканію средствъ на поддержаніе этого замѣчательнаго храма... Не ихъ вина, что дѣло это шло не скоро, но честь и хвала имъ за ту ревность и настойчивость, съ какою они стремились къ цѣли и которую, какъ-бы преемственно, передавали одинъ другому.

К. Здравомысловъ.

С.-Петербургъ.
6 марта 1897 года.

Харьковъ и Стародубъ въ 1808 году. Въ печатаемомъ здѣсь письмѣ И. Ф. Тимковскаго ¹⁾, изъ Харькова, къ другу въ Стародубъ, заключается любопытное свидѣтельство, какъ нарождавшійся главный рынокъ украинской торговли не имѣлъ еще въ 1808 г. у себя «хорошаго французскаго вина» и выписывалъ его изъ умиравшаго уже тогда главнаго торговаго рынка старой Малороссіи.

Милостивый государь мой Иванъ Николаевичъ! При настоящихъ моихъ заботахъ, не успѣваю ничего болѣе написать къ вамъ, кромѣ за свидѣтельствованія чувствительнѣйшей благодарности моею за обязательный пріемъ вашъ мнѣ сдѣланный въ бытность мою въ Стародубъ и за доставленіе мнѣ льну по прозьбѣ моей. Прошу покорно извѣстить меня о цѣнѣ, деньги неукоснительно возвратить вамъ имѣю. Вручитель посылки обвинилъ мнѣ, что будетъ сюда къ покровской арманкѣ, и можетъ привезти съ собою вина изъ Стародуба. Помнится мнѣ, что я изыскалъ вамъ величайшую трудность не только для меня, но и для коренныхъ помѣщиковъ находить здѣсь хорошее французское вино. Боюсь васъ обременить порученіемъ въ разсужденіи сего. Однако, если только будетъ вамъ возможность оказать въ семъ случаѣ вспоможеніе, то прошу извѣстить о семъ. Уже говорили мнѣ многіе, что съ удовольствіемъ приступили бы къ выпискѣ онаго вина чрезъ меня; а я принималъ сіе нѣсколько въ надеждѣ на ваше благорасположеніе. Получивъ отъ васъ обстоятельное увѣдомленіе объ упомянутой возможности, могу и препроводить и деньги съ означеніемъ числа вѣдерь, разумѣя самое лучшее вино, какое вы доставить можете. Осеннее же время, думаю, будетъ самое удобное для перевозки.

Съ истиннымъ почтеніемъ, доброжелательствомъ и преданностію честь имѣю быть, м. г. мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Илья Тимковскій.

1808. Янв. 14. Харьковъ».

На письмѣ надпись: «Ею высокоблагородію милостивому государю моему Ивану Николаевичу Назарову. Въ Стародубъ».

А. Л.

¹⁾ И. Ф. Тимковскій въ это время былъ профессоромъ Харьковскаго у—та и „визитаторомъ“ Харьковскаго округа. См. „Кіевск. Стар.“ 1891 г., августъ. Вѣроятно, и въ Стародубъ Т—ій ѣздилъ для ревизіи тамошняго училища, а Назаровъ—не былъ ли смотрителемъ послѣдняго.

Донскіе козаки на постоѣ въ Кіево-Подольскомъ Дѣвичьемъ училищѣ. (*Представленіе директора кіевской гимназіи Мышковскаго кіевскому гражданскому губернатору Павлу Сидоровичу Черепанову. 1814 года 22-го августа*). «Еще не удостоился я получить резолюціи на представленіе мое, поданное вашему превосходительству 23-го прошедшаго маія подъ № 143 о поведеніи кіевской квартирной экспедиціи, не восхотѣвшей, вопреки предписавію начальства своего, отвести назначенныхъ домовъ для Кіево-подольскихъ приходскихъ училищъ, какъ г. квартир-геръ, коллежскій ассесоръ Калюжный, оказалъ новую обиду, о которой смотритель здѣшнихъ Повѣтовыхъ училищъ, г. надворный совѣтникъ Берлинскій, по жалобѣ учительницы Кіево-подольскаго дѣвичьяго училища, жены титулярнаго совѣтника Кунцваго, доносить, что въ постоялый домъ г-на коллежскаго ассессора Барскаго, состоящій въ четвертой части города, гдѣ помѣщается нынѣ оное училище, г. квартир-геръ Калюжный сего августа 22 числа во время самаго ученія введеніемъ на постой проходящихъ Донскихъ козаковъ разогналъ учащихъ дѣвицъ и такимъ неожиданнымъ поступкомъ разрушилъ начавшееся ученіе, приведши страхомъ въ безпорядокъ ученицъ и училище, и потому онъ, г. смотритель, требуетъ отъ меня надлежащихъ мѣръ къ соблюденію Высочайшаго объ училищахъ положенія. Руководствуясь правилами, изображенными въ Высочайшемъ уставѣ о должности директора училищъ, въ семъ необыкновенномъ случаѣ имѣю обязанность прибѣгнуть къ пособію вашего превосходительства. Нѣтъ мнѣ надобности представлять ни о пользѣ сего заведенія, отеческимъ благоволеніемъ всеблагого монарха изъ небытія вызваннаго, ни о свойствахъ училищъ вообще, требующихъ и обрѣтающихся повсюду ограду и покровъ во власти и въ духѣ знаменитыхъ особъ: собственное просвѣщеніе и ревность ваша къ исполненію священной воли Его Императорскаго Величества внушаютъ вамъ покровительство обителей народнаго просвѣщенія во вѣренной вамъ губерніи. Не сомнѣваюсь, что нынѣшній странный поступокъ, порожденный первымъ удачнымъ противленіемъ начальству, принять будетъ отъ вашего превосходительства во вниманіе тѣмъ большее чѣмъ больше оказывается оное во всѣхъ народахъ къ дѣтскому возрасту, и притомъ второго пола, котораго невинность, скромность, нѣжность и стыдливость особо покровительствуется и у дикихъ по внушенію самой природы, — а въ Кіевъ — г. квартир-геръ Калюжный поставилъ въ дѣвичье училище проходя-

*щизъ козаковъ*¹⁾. Прошу всеубѣдительнѣйше ваше превосходительство дать начальническое приказаніе вывести немедленно воинскій постой изъ упомянутаго училища и обвѣститъ, чтобъ подъ покровительствомъ вашимъ не боялись впредь родители отдавать, а дѣвѣны собирать ся къ ученію, высокомонаршею благостію для нихъ открытому».

(Стар. арх. кiev. I гимназіи, книга чернов. бумагъ 1814 г. ч. II, лл. 389—390).

Нужно прибавить къ этому документу, что губернаторъ Черепановъ въ тотъ-же день исполнилъ представленіе Мышковскаго по всѣмъ пунктамъ и немедленно потребовалъ къ отвѣту самаго Калюжнаго, о чемъ на другой-же день извѣстилъ Мышковскаго.

Ч. Годубовскій.

Поминки по Т. Г. Шевченкѣ, Н. И. Костомаровѣ и П. А. Кулишѣ въ Петербургѣ. 5-го марта въ Петербургѣ состоялся обѣдъ, посвященный памяти Т. Г. Шевченка, Н. И. Костомарова и П. А. Кулиша. На него собрались многіе изъ проживающихъ въ С.-Петербургѣ малороссіянъ, а также представители литературы, искусства и науки. Было произнесено двѣ рѣчи: г. Лесевичемъ о значеніи народнаго языка и г. Бѣлиловскимъ объ историческомъ развитіи украинской литературы и ея современныхъ представителей въ Россіи и Австріи. За обѣдомъ зародилась мысль объ основаніи въ С.-Петербургѣ Общества имени Шевченка по образу подобнаго-же Общества, существующаго во Львовѣ, въ Галиціи. Изъ присутствовавшихъ выдѣлился кружокъ, который взялся выработать проектъ устава будущаго общества для представленія на утвержденіе подлежащаго начальства.

Рѣчь г. Лесевича была напечатана въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1897 г. № 64. Въ ней проведена мысль, что малорусскій языкъ находится въ настоящее время въ положеніи итальянскаго языка временъ Данте, когда послѣдній былъ только языкомъ народныхъ массъ, между тѣмъ какъ высшіе образованные классы пользовались языкомъ латинскимъ или провансальскимъ. Безсмертная заслуга геніальнаго Данте въ томъ и состоитъ, что онъ рѣшительно порвалъ съ этимъ отжившимъ, ветхимъ преданіемъ и ясно сформулировалъ переходъ къ новому порядку вещей. Подобно южно-русскому поэту, авторъ «Божественной комедіи» и поэтическими своими твореніями,

¹⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

и глубоко продуманными трактатами призывалъ своихъ соотечественниковъ «учиться, думать, читать, научаться чужому и не чуждаться своего». Задумевшимъ его желаніемъ было—сообщеніе всѣмъ знанія на народномъ языкѣ, или, какъ онъ выражается, «предложеніе всѣмъ общей трапезы». Народный языкъ, по убѣжденію Данте, долженъ стать тѣмъ хлѣбомъ, которымъ насытятся тысячи, тѣмъ солнцемъ, которое освѣтитъ находящихся во тьмѣ, освѣтитъ тѣхъ, до которыхъ не достигалъ свѣтъ донинѣ свѣтищаго солнца. И вотъ, въ чудной поэмѣ, недаромъ называемой «божественной», загорѣлось это новое солнце, эта великая правда своего вѣка—и народный языкъ сталъ и языкомъ интеллигенціи. Тщетно вопіяли близорукіе и злонамѣренные, что Данте губить свой талантъ для тупоумной черни и расточительно мечетъ бисеръ передъ свиньями: поэтъ-мыслитель неуклонно шелъ по намѣченному пути и, защищая народный языкъ отъ злонамѣренныхъ враговъ, неустрашимо вскрывалъ «злостность ихъ изворотовъ и низость ихъ побужденій».

Съ тѣхъ поръ минулъ рядъ вѣковъ, но принципъ, столь горячо защищаемый великимъ Данте, не потерялъ живого значенія и для нашего времени. Назрѣвшіе въ наши годы запросы жизни превращаютъ нужду народа въ просвѣщеніи въ нужду вопіющую. Но осуществимо ли просвѣщеніе народныхъ массъ помимо единственнаго, даннаго исторіей—уже готоваго орудія—народнаго языка? Говорятъ, что въ новѣйшее время выдвигается совсѣмъ иная потребность—въ объединенія языковъ, будтобы отодвигающая на задній планъ знаніе народныхъ языковъ и всѣхъ вообще отдѣльныхъ нарѣчій, и что этотъ процессъ въ концѣ концовъ долженъ привести человѣчество къ установленію единаго всемірнаго языка. Но загадывать о томъ, что будетъ черезъ тысячу лѣтъ—дѣло совершенно праздное; въ настоящее же время мечта о созданіи общаго для всего человѣчества языка, въ родѣ пресловутаго волапюка, является скорѣе теоретическимъ, кабинетнымъ построеніемъ, нежели слѣдствіемъ дѣйствительной жизненной потребности. Народу некогда ждать созданія волапюка для усвоенія знаній, ему нужно давать ихъ теперь же на языкѣ уже ему доступномъ, т. е. его собственномъ. Возражаютъ еще указаніемъ на возможность объединенія родственныхъ нарѣчій и поглощеніемъ ихъ тѣмъ изъ нихъ, которое въ данный моментъ достигло наибольшаго развитія и преобладанія. Но лекторъ справедливо замѣчаетъ, что дѣйствительная жизнь всякаго народнаго языка неотдѣлима отъ жизни самого народа, и когда развитіе языка подымается до той высоты, на

которой языкъ этотъ становится орудіемъ просвѣщенія, то корни, источники этого высоко развитого языка все же остаются внизу, въ народѣ, и при нормальномъ порядкѣ вещей между корнями и цвѣтомъ языка перерыва не замѣчается. Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ *объединеніе* языка: оно неизбежно идетъ сверху, оно спускается только до извѣстныхъ предѣловъ, оно поддерживается искусственно, входитъ въ обиходъ лишь извѣстныхъ классовъ общества и представляется вообще осуществившимся лишь въ смыслѣ *преобладанія* даннаго языка, а не въ смыслѣ вытѣсненія живой народной рѣчи изъ обихода всего народа. Никто изъ образованныхъ людей не станетъ, конечно, провозглашать «*create*» преобладающему въ связанномъ смыслѣ языку, но никто не въ силахъ воспринять и живой рѣчи непрестанно воздѣйствовать на этотъ языкъ. Исторія новыхъ языковъ Европы можетъ служить сказанному достаточно выразительной иллюстраціей. Что же касается указанія на будто бы совершающееся объединеніе языковъ на аренѣ болѣе широкой—всемирной, то и это объединеніе опять-таки сводится въ дѣйствительности на преобладаніе, а въ смыслѣ объединенія оно болѣе чѣмъ призрачно. Если патеръ Шаръ, напримеръ, утверждаетъ, что самъ Богъ предназначилъ англійскій языкъ для всемирнаго пользованія и преобладанія, то Альфонсъ Декандолъ съ грустью усматриваетъ въ новшествахъ американскихъ и австрійскихъ писателей несомнѣнные зачатки распаденія англійскаго языка. И это явленіе вполне естественно: ничто живое не можетъ уподобиться муміи, покоящейся въ саркофагѣ, не подвергаясь измѣненіямъ.

«Оставимъ же—заключаетъ г. Лесевичъ—метафизикамъ изощряться надъ всякаго рода волашюками и признаемъ тотъ ясный и очевидный фактъ, что народный языкъ будетъ тѣмъ священнымъ стягомъ, подъ сѣнью котораго только и возможно приближеніе къ лучшему, свѣтлому будущему. Въ народномъ языкѣ сказывается духовная жизнь народа, его надежды, его идеалы. Не преобладанія жаждетъ онъ, а только проведенія въ народную среду свѣта общечеловѣческихъ идей, высшихъ благъ всесвѣтной культуры. Не подавлять его, а блюсти, дѣлать, охранять подобаетъ всякому, кому благо народа дороже всего».

Польскій король Янъ Казиміръ, Хмельницкій и греки.—Въ іюнь 1653 года Янъ Казиміръ отрядилъ къ трансильванскому князю

Георгію Ракочя посла Андрея Морштына съ предложеніемъ военнаго союза для противодѣйствія дальнѣйшимъ замысламъ Б. Хмельницкаго. Не лишена интереса тайная инструкція Морштыну, гдѣ королемъ намѣчены главные доводы въ пользу союза. Изъ инструкціи этой, между прочимъ, видно, что Янъ Каз. рассчитывалъ на Ракочя, главнымъ образомъ какъ на представителя за интересы рѣчи посполитой предъ турецкимъ султаномъ. Необходимо было, съ одной стороны, запугать самого Ракочя возрастающимъ могуществомъ Хм—го, виды котораго прострпались, будто-бы, и на захватъ Трансильваніи, съ другой—огнать у Хм—го помощь татаръ, съ третьей—не допустить его до тѣснаго союза съ Москвою. Методъ, которымъ предполагалось убѣдить турецкаго султана, избранъ слѣдующій: польскій и трансильванскій послы должны были разъяснить султану, до какой степени опасно для Турціи могущество Хм—го, дать понять, что козацкое возстаніе главнымъ образомъ и возникло изъ-за постройки козацкой крѣпости, имѣвшей цѣлью прекратить набѣги козаковъ на турецкія владѣнія; что вѣроломство козацкаго гетмана заставило будто-бы Москву отказаться отъ связей съ нимъ, не смотря на общность вѣры и обряда. «Туркамъ—продолжаетъ инструкція—слѣдуетъ также обратить вниманіе на подвластныхъ имъ грековъ, чтобы, увлеченные примѣромъ удачнаго возстанія Хм—го, и они не замыслили чегонибудь».

Король не считаетъ, что такимъ предостереженіемъ наноситъ вредъ грекамъ, ибо онъ увѣренъ, что для грековъ легче перевоспитать владычество турокъ, нежели тираннію Хмельницкаго.

Какъ видно, король Янъ Казимпръ, въ заботахъ о собственной безопасности, принималъ къ сердцу и интересы турецкаго султана, какъ возможнаго политическаго пособника въ борьбѣ Речи посполитой противъ козачества, и потому рискнулъ усилить свои доводы ссылкой на опасность для султана со стороны схизматиковъ-грековъ (Szilágyi Sándor, «Erdély» etc., t. I. Budapest, 1890 г., стр. 271—274).

Сообщ. Н. М.

Предполагаемое изданіе сказокъ. — Отдѣленіе этнографіи Императорскаго Русскаго географическаго общества признало своевременнымъ приступить къ изданію полнаго собранія народныхъ сказокъ—великорусскихъ, малорусскихъ, бѣлорусскихъ и угрорусскихъ. Извѣстный трудъ А. Н. Афанасьева («Народныя русскія сказки») слѣдался теперь библиографическою рѣдкостью, и послѣ него не было

предпринимается подобнаго изданія, а между тѣмъ собраніе и записываніе народныхъ сказокъ не прекращалось. Многія изъ нихъ напечатаны въ повременныхъ изданіяхъ, столичныхъ и провинціальныхъ, но не мало хранится въ рукописяхъ у отдѣльныхъ собирателей и въ архивахъ ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ въ Императорскомъ Русскомъ географическомъ обществѣ. Для возможнаго объединенія этого разрозненнаго матеріала, для обработки его и для обсужденія вопроса объ изданіи, при отдѣленіи этнографіи учреждена, подъ предсѣдательствомъ В. И. Ламанскаго, особая коммиссія, секретаремъ которой состоитъ Ѳ. М. Истомина. Лица, которыя пожелали бы содѣйствовать въ этомъ начинаніи Императорскому Русскому географическому обществу, могутъ сообщать свои новыя записи или старыя рукописныя сборники народныхъ сказокъ великорусскихъ, малорусскихъ (какъ изъ нашей Украины, такъ и изъ Буковины, Галичины и Угорщины) и бѣлорусскихъ—въ распоряженіе коммиссіи, направляя ихъ въ С.-Петербургъ, въ отдѣленіе этнографіи Императорскаго Русскаго географическаго общества.

Даніиль Гавриловичъ Лебединцевъ. (*Некрологъ*).—Талантливая семья священника с. Зеленаго, звенигородскаго уѣзда, кіевской губерніи, отца Гавріила Лебединцева, къ которой принадлежалъ покойный основатель «Кіевской Старины» Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ, мало по малу вымираетъ и сходитъ съ жизненнаго поприща. Недавно мы помянули скончавшагося протоіерея Петра Гавриловича, теперь приходится отмѣтить смерть другого брата—Даніила Гавриловича, почившаго въ С.-Петербургѣ 13-го марта въ чинѣ тайнаго совѣтника и въ должности помощника управляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ военнаго совѣта. Покойный, какъ и всѣ его братья, родился въ с. Зеленой 17-го декабря 1821 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Богоулавскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ окончилъ курсъ семинаріи и академіи въ Кіевѣ, получивъ ученую степень магистра богословія. Службу свою, продолжавшуюся болѣе пятидесяти лѣтъ, Дан. Гавр. началъ учителемъ кишиневской духовной семинаріи, затѣмъ съ 1851 г. служилъ въ военномъ вѣдомствѣ, занимая разнообразныя должности: старшаго редактора бывшей кодификаціонной коммиссіи, члена бывшаго военно-кодификаціоннаго комитета и съ 1888 г. помощника управляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ военнаго совѣта. Онъ принималъ участіе въ разрѣшеніи разнообраз-

ныхъ вопросовъ законодательнаго характера, касавшихся военнаго вѣдомства, въ разработкѣ положенія о всеобщей воинской повинности и др. Живя вдали отъ Малороссіи, онъ никогда не переставалъ любить ее и охотно поддерживалъ сношенія съ земляками. Онъ былъ другомъ Шевченка и Костомарова, отъ которыхъ у него осталась интересная переписка и рисунки, набросанные покойнымъ Шевченкомъ. Съ Н. И. Костомаровымъ Дан. Гавр. совершилъ, между прочимъ, поѣздки на о. Валаамъ. Онъ не былъ чуждъ и литературныхъ занятій: въ «Русской Старинѣ» были напечатаны многія его историческія справки и воспоминанія. Какъ человѣкъ, Дан. Гавр. отличался замѣчательной добротой и готовностью помочь въ бѣдѣ. Умеръ Дан. Гар. безсемейнымъ. Одинъ нашъ пріятель, присутствовавшій на его похоронахъ, пишетъ намъ: «Заглянулъ я на похороны Дан. Гавр. Лебединцева, котораго давно зналъ, и ужаснулся, какъ печальны похороны одинокаго человѣка, какимъ былъ онъ... Подобную острую грусть я рѣдко когда испытывалъ».

Егоръ Степановичъ Гордѣнко. (*Некрологъ*) 5 марта скончался въ Харьковѣ мѣстный домовладѣлецъ и землевладѣлецъ Е. С. Гордѣнко, пользовавшійся широкой извѣстностью, какъ общественный дѣятель. Недаромъ называли его Несторомъ харьковскаго земства и городского управленія! Родился Егоръ Степановичъ въ 1812 году въ Харьковѣ, гдѣ прошелъ гимназическій и университетскій курсы. По окончаніи университета въ 1832 году, онъ занялъ профессорскую кафедру по химіи и фармакологіи. Выйдя въ отставку въ 1855 году въ званіи ординарнаго профессора, онъ посвятилъ себя работамъ по разнымъ общественнымъ учрежденіямъ, служа по выборамъ въ качествѣ депутата отъ дворянства, а затѣмъ, при освобожденіи крестьянъ, члена крестьянскаго присутствія. Когда введены были земскія учрежденія въ 1865 г., онъ занялъ должность предсѣдателя харьковской уѣздной земской управы, а въ 1871 году, при введеніи новаго городского положенія, перваго городского головы въ Харьковѣ. Не долго (2½ года) пробылъ онъ въ роли головы, отказавшись отъ этой должности за недостаткомъ силъ и здоровья, но оставался много лѣтъ гласнымъ думы, равно какъ и виднымъ земскимъ дѣятелемъ, всегда живо интересуясь всѣми движеніями общественной мысли и принимая горячее участіе во всѣхъ дѣлахъ роднаго ему края.

Сверхъ такого непосредственнаго участія въ земскихъ и городскихъ дѣлахъ, Егоръ Степановичъ Гордѣенко щедро жертвовалъ и своимъ матеріальными достатками на пользу общую. Такъ, имъ пожертвовано было болѣе 40 тысячъ рублей на школы харьковскаго уѣзднаго земства, 18 тысячъ на кустарно-земледѣльческія выставки того-же земства; предпринялъ онъ также на свой счетъ составленіе и изданіе исторіи харьковскаго земства за первое 25-тилѣтіе его существованія, нѣсколько тысячъ пожертвовалъ харьковской думѣ для выдачи наградъ прислугѣ и проч. Такая долговременная и живая общественная дѣятельность, конечно, дала ему много матеріала для его, конечно цѣнныхъ, мемуаровъ, которые переданы имъ харьковскому университету для опубликованія ихъ, когда настанетъ для того удобный моментъ.

Нашъ журналъ, посвященный изслѣдованію судебъ минувшаго въ жизни Украины, считаетъ своимъ долгомъ помянуть кончину одного изъ почтенныхъ сыновъ ея, имя котораго заняло уже видную страницу въ исторіи родного края.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе марта мѣсяца въ редакцію поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: отъ свящ. Н. Бутовскаго и Хмелевскаго—по 1 руб.; отъ г. Уманскаго—50 к.; отъ О. Р. Рильскаго—2 руб.—всего 4 р. 50 к., что вмѣстѣ съ прежними 667 р. 2 к. (см. № 3), составитъ 671 р. 52 к., которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв. Изслѣдованіе М. И. Лилеева. *Вып. I. Кіевъ, 1895 г. XII+596 стр.* ¹⁾.

Трудъ г. Лилеева раздѣляется на семь главъ. Въ I-й главѣ онъ старается опредѣлить время происхожденія Стародубскіхъ и Черниговскихъ раскольничьихъ слободъ (1—67); во II-ой главѣ рассматриваетъ условія поселенія и первоначальной жизни великороссійскихъ раскольниковъ въ Стародубскихъ и Черниговскихъ слободахъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка (68—132); III-ья глава посвящена организаторамъ раскола въ Стародубѣ и на Вѣткѣ (133—209); IV-ая глава представляетъ судьбу Вѣтки и Стародубья въ періодъ 1711—1735 (210—287); V-ая посвящена самому печальному періоду въ исторіи Вѣтки и мѣстнаго раскола—преслѣдованіямъ, обрушившимся въ цар. Анны Ивановны на пограничныя мѣстности, не принадлежавшія Россіи,—Вѣтку (шоголовная выгонка, учиненная полк. Сытинымъ), въ предѣлахъ Польши съ одной стороны (1735 г.), съ послѣдовавшими затѣмъ въ раскольничьихъ слободахъ розысками полк. Радищева (1738—39), и нападеніемъ на поселеніе ихъ въ Гурлеѣ (1740), въ предѣлахъ Валахіи, съ другой, которыя навсегда оставили память въ исторіи раскола, и затѣмъ—дальнѣйшей судьбѣ Вѣтковскаго и Стародубскаго раскола до перенесенія «столицы старовѣрства» въ Стародубе, въ 1765 г. (288—404). Въ главѣ VI-ой авторъ излагаетъ исторію дьяконовщины на Вѣткѣ въ Стародубѣ, нашедшей

¹⁾ Двама годами раньше имъ издана книга—Новые матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв. Собраны М. И. Лилеевымъ. Кіевъ 1893, ххш+278.

здѣсь приюгъ собѣственно съ конца 30 хъ годовъ XVIII стол. (405—458). Наконецъ VII-ая глава представляеть очеркъ управленія и правительственныхъ мѣръ относительно стародубскихъ и черниговскихъ раскольниковъ до временъ Екатерины II (458—535).

Въ настоящее время авторомъ изданъ первый выпускъ его труда, оканчивающійся приблизительно началомъ царствованія Екатерины. Впрочемъ, самъ авторъ нигдѣ не обозначаетъ точно ни раздѣленія своего труда на извѣстныя части, ни дѣленія предлагаемой имъ исторіи вѣтковскаго раскола на соотвѣтствующіе періоды. По нашему мнѣнію, первою опредѣленною гранью такого дѣленія могло бы быть признано или начало царствованія Екатерины II, какъ существенно измѣнившее внутреннюю политику правительства въ отношеніи къ расколу, или введеніе единовѣрія въ стародубскихъ слободахъ (1786). Между тѣмъ авторъ доводитъ въ нѣкоторыхъ главахъ обзорніе событій до 1768—69 гг. (стр. 391—397), а въ другихъ сообщаетъ данныя за все время цар. Екатерины II (128—128, 257—258, 288, 347, 359, 438). Только заключительная фраза какъ будто бы даетъ право думать, что онъ заканчиваетъ первую часть своего труда открытіемъ Екатерининской коммисіи, въ которую были внесены «пункты 1754 г.» о положеніи раскольниковъ въ Малороссіи (353—355), но существеннаго вліянія означенная коммисія, какъ извѣстно, на судьбу раскола не имѣла и потому указанный терминъ едва ли можетъ имѣть значеніе въ этомъ отношеніи.

Взглядъ автора на характеръ самой работы выраженъ имъ ясно и опредѣленно. «Наша задача, говоритъ онъ, на основаніи всѣхъ указанныхъ источниковъ и пособій, ближайшимъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы свести имѣющіяся уже данныя о мѣстномъ расколѣ въ одно цѣлое, провѣрить ихъ *строго научнымъ методомъ исторической критики*, сопоставить вновь открытое съ раньше извѣстнымъ, и такимъ образомъ представить возможно полную въ настоящее время картину событій, относящихся къ мѣстной исторіи раскола, въ послѣдовательной связи и съ изложеніемъ всѣхъ подробностей и причинъ, породившихъ тѣ или другія явленія. Словомъ мы сдѣлали то, что могли, чтобы представить дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно выяснилось въ данную минуту» (стр. xi). Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается, что далеко не всѣ изъ предшествовавшихъ очерковъ и изслѣдовавій по исторіи мѣстныхъ сектъ удовлетворяють требованіямъ исторической точности и научнаго безпристрастія (стр. x).

Къ сожалѣнію, авторъ не всегда выдерживаетъ строго-научный тонъ, хотя, повторяемъ, онъ этого желаетъ достигнуть и стремится къ тому. Такъ, на стр. 283—287 онъ уже самъ рисуетъ «не высокую общественную и частную нравственность слобожанъ», какъ необходимую черту сброднаго населенія бѣднаго средствами и потому готоваго на всякія преступленія. Но во 1-хъ судебныхъ дѣла, которыми пользуется для этого авторъ, матеріалъ односторонній, который можно подобрать съ указаннымъ характеромъ и для мѣстнаго населенія; а во 2-хъ «сатира» («Седмитолковый Апокалипсисъ») всегда заключаетъ въ себѣ свойственныя этому роду произведеній обобщенія, хотя и рисующія извѣстныя стороны быта. Что же касается отзывомъ мѣстнаго населенія о «москаляхъ», то они въ означенномъ свидѣтельствѣ (А. Левшинъ, Письма изъ Малороссіи, Харьк. 1816; Кіев. Стар. 1892, XXXVI, 231) относятся къ великороссіянамъ вообще, а не къ старообрядцамъ данной мѣстности въ частности, причемъ необходимо имѣть въ виду замѣчаніе самого автора, что масса русскаго люда поселялась въ раскольничьихъ слободахъ вовсе не по однимъ религіознымъ мотивамъ и только потомъ постепенно ассимилировалась съ кореннымъ слободскимъ раскольничьимъ населеніемъ (стр. 268). Нерасположеніе мѣстнаго населенія къ раскольникамъ коренилось, независимо отъ того, на болѣе опасной почвѣ—экономической. Какъ извѣстно, при всѣхъ неблагопріятныхъ политическихъ условіяхъ, имъ удалось отстоять свою независимость отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, монастырей и администраціи. Понятно, что они являлись здѣсь людьми нежелательными и непріятными, какъ и вообще «бѣгле» крестьяне, причинявшіе не мало хлопотъ населенію (269—271¹).

Еще рѣзче и неблагопріятнѣе въ этомъ отношеніи представляетъ авторъ «безпоповцевъ» (338—347); но данныхъ для подобной характеристики онъ не сообщаетъ, кромѣ описанія ихъ догматиче-

¹) Уже въ 1717 г. полк. Лукьянъ Жоравка жаловался гетману такъ: „и если раскольникамъ яко теперь расшпряться въ полку нашемъ доущено будетъ, много съ полчанъ отъ утиску ихъ куратися жилищъ своихъ мусать, поневажъ они самовольне що хотять, чинять, а справедливости никто на нихъ поискати не можетъ, чога самъ дознаваемъ и дознаю“ (Чтен. въ Общ. истор. и древн. російск. 1884, см. II стр. 2, гдѣ помѣщены и другія жалобы на раскольниковъ; а также описаніе Старой Малороссіи, II, 443—444, 458—461). Антагонизмъ на почвѣ религіозной еще больше долженъ былъ поддерживаться подобными отвашеніями (у автора 453—468, 511).

скихъ отличій и особенностей, а между тѣмъ въ этой именно средѣ воспитался извѣстный раскольничій писатель Иванъ Алексѣевъ, пропагандистъ брачной жизни въ безпоповщинѣ, человекъ любознательный и книжный и пользовавшійся значительнымъ вліяніемъ на другихъ (349). Иногда авторъ называетъ вѣтковскихъ монаховъ огульно «лжемонахами и лжемонахинями», хотя въ числѣ ихъ несомнѣнно были и лица стараго постриженія (373).

Предлагая весьма обстоятельный очеркъ внѣшней исторіи мѣстнаго раскола отъ времени его возникновенія въ означенномъ районѣ, его различныхъ толковъ, ихъ ученій, догматическихъ и обрядовыхъ споровъ, взаимныхъ отношеній слободъ и мѣстнаго населенія, управленія и отношенія къ расколу правительственной власти, авторъ, по нашему мнѣнію, недостаточно обратилъ вниманіе на экономическія условія быта раскольничьихъ общинъ и велико-русскаго населенія въ предѣлахъ означенной мѣстности.

Повидимому авторъ склоненъ думать, что неудовлетворительное нравственное состояніе раскольничьихъ общинъ находилось даже въ непосредственной связи съ ихъ бѣдностью, а эта послѣдняя въ свою очередь стояла въ связи съ скудостью почвы сѣверной части Малороссіи (284). Но въ его собственной книгѣ мы находимъ факты, противоположные такому заключенію. Такъ, на разныхъ страницахъ своего изслѣдованія онъ упоминаетъ о богатствѣ вѣтковской церкви (стр. 183—185) въ моментъ ея погрома (1735), о дѣятельныхъ и оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ между Вѣткой и Стародубьемъ (204), о широкомъ фундаваніи (1717) ихъ монастыря (269—240); о томъ, что гомельскіе раскольники (въ 30-хъ годахъ XVIII стол.) и численностію, и богатствомъ даже превосходили вѣтковскихъ (358); что вскорѣ послѣ перваго погрома, насильственно понесеннаго раскольниками (1735), въ возстановленной Вѣткѣ устроилась большаѣ, богатоукрашенная часовня и вокругъ нея обширная обитель (до 1200 однихъ монаховъ, не считая прислуги), а затѣмъ и женскій монастырь; что вновь построенная церковь превзошла (1759), по своимъ размѣрамъ и богатству прежнюю, благодаря поддержкѣ со стороны московскихъ и калужскихъ благотворителей (365). Въ 1765 г. послѣ 2-ой выгонки, произведенной въ 1764 г. генер. Масловымъ (361, 394), вслѣдствіе измѣнившихся къ нимъ отношеній правительства, раскольники могли предпринять весьма дорого стоившую перевозку церкви и монастыря (Покровскаго) изъ Вѣтки въ Стародубье и затѣмъ въ теченіе 20—30 лѣтъ устроить здѣсь до 20 церквей, 16 часовень съ

колокольнями, 2 безиоповщинскихъ монастыря и 4 поповщинскихъ, не говоря уже о множествѣ небольшихъ пустынь и скитовъ, находившихся чуть-ли не при каждой слободѣ (396—397). Наконецъ самое исканіе епископа, которымъ давно задалось зарубежные раскольники (184, 296, 313, 358, 407—408, 415, 417, 441, 450), въ началѣ 80-хъ годовъ сопровождалось весьма значительными денежными расходами (Макарій, Ист. раскола, 390).

Въ виду этихъ фактовъ, намъ кажется слѣдовало бы обратить особенное вниманіе на распространеніе и значеніе торговли въ средѣ вѣтковскихъ и стародубскихъ раскольниковъ, которая дала имъ столь значительныя средства и быть можетъ обезпечивала ихъ отъ еще горшихъ послѣдствій, чѣмъ пресловутая выгонка 1735 года¹⁾. Нѣкоторые изъ этихъ фактовъ, заимствованные отчасти изъ архивныхъ источниковъ, а отчасти изъ печатныхъ матеріаловъ, приведенные у автора, скорѣе всего характеризуютъ составъ населенія въ стародубскихъ слободахъ, а не ихъ матеріальное благосостояніе (стр. 82—87); а между тѣмъ, благодаря указаннымъ средствамъ, зарубежные раскольники могли поддерживать обширныя связи и оказывать даже рѣшительное вліяніе на своихъ единомышленниковъ въ предѣлахъ Россіи. Такъ, не говоря собственно о ремеслахъ и мастерствахъ, которыми занимались слободскіе жители, уже въ началѣ XVIII стол. имѣются свидѣтельства о значительной торговлѣ коноплянымъ масломъ, солью, рыбой, легтемъ, кожевенными товарами (юфтью), полотномъ, воскомъ, медомъ, мѣхами, красными товарами, привозными изъ Россіи. Торговныя связи ихъ простырались съ одной стороны до предѣловъ Германіи, а съ другой—до Крыма и русскихъ городовъ, лежавшихъ по Волгѣ. Во 2-й половинѣ XVIII в. стародубскіе бунцы возли за границу, преимущественно въ Силезію, дорогія мѣха и юфть (камскую)²⁾, а сюда (на 2 ярмарки) привозились товары главнымъ образомъ изъ Риги и Москвы и уже отсюда они развозились мѣстными торговцами по всей Малороссіи. Стародубское кунечество славилось своимъ богатствомъ, а стародубскіи ярмарки, можно сказать, были первыми украинскими ярмарками. Познакомившись ближе съ югомъ Россіи, великорусское кунечество высмотрѣло и другіе удобные рынки: Кролевецъ, Ромны, Сумы, Харьковъ. Въ Ригѣ и Архангельскѣ покупались преимущественно сукна, рыба и вино³⁾. Уже въ 1718 г. въ

¹⁾ Они содѣйствовали здѣсь распространенію русскихъ рукавицъ и обуви деревянныхъ ложекъ, саней телѣгъ и т. п.

²⁾ Черниг. Губ. Вѣд. 1852, № 40, стр. 440; Опис. Стар. Малороссіи, I, 114.

³⁾ Опис. Стар. Малороссіи, 114—115, 136.

Клиивцахъ посвяляется кожевенный заводъ москов. купца Осокина, перешедшій затѣмъ къ братьямъ Соболицыковымъ (1724), которые, кромѣ того, имѣли лавки съ мѣхами и полотнами въ Нѣжинѣ. Раскольники содержали и мыльные заводы (Опис. Стар. Малороссіи, I, 108). Въ Глуховѣ, Борзнѣ и др. мѣстахъ также находились лавки, принадлежавшія купцамъ раскольникамъ. И гетманъ Скоропадскій признавалъ (1719), что, не смотря на ограничительныя мѣры, направленныя противъ торговли москвитянъ и раскольниковъ въ частности въ Малороссіи, она не сокращалась, а все болѣе расширялась (84). Съ другой стороны, любопытно признаніе православнаго миссіонера Іосифа Рѣшилова (1723), старавшагося о всевозможныхъ стѣсненіяхъ раскольниковъ, что они «не такъ держатся за свое зловѣріе раскольническое, яко за *интересъ*». Раскольники содержали постоянные дворы въ малороссійскихъ городахъ, чѣмъ облегчали доступъ сюда своимъ единовѣрцамъ изъ Великороссіи (Лукьяновъ, Рус. Арх. 1863, 33—34), а также, мѣняльные столы въ своихъ лавкахъ (Лилеевъ, 84). Такое значеніе Стародубья не укрылось отъ вниманія Петра В. и въ 1712 г. Сенатъ, отрявляя нарочнаго агента въ Стародубъ и др. малороссійскіе города для заключенія подряда на доставку селитры и пороха, предписывалъ ему «между тѣмъ въ Стародубѣ и другихъ, гдѣ онъ обрѣтаться будетъ, мѣстахъ, провѣдывать, почему пынѣ русскіе или и тамошніе кушечкіе и иныхъ чыновъ люди пенку¹⁾, юфть и сало въ отпускъ къ городу Архангельскому, и въ Ригу, и въ Королевецъ (Кёнигсбергъ) подрядомъ и собою дѣлають и покупають и какимъ образомъ и на которыя мѣста въ Ригу и въ Королевецъ кто свои товары на продажу отправляютъ, также почему пынѣ на Украинѣ золотые и ефимки покупають, и мочно ли ихъ закупить довольное число на деньги или на мѣну какихъ товаровъ противъ пынѣшней московской цѣны дешевле и свободно, о томъ потому-жъ надлежитъ ему писать въ канцелярію Сената». (Проток. Прав. Сената, изд. Ак. Наукъ, т. II, ч. II, 435). Въ томъ же 1712 г. купецъ Стрежневъ, служившій агентомъ у оберъ-коммиссара Соловьева и ведшій значительную заграничную торговлю, жаловался, что, при проходѣ шведовъ, въ Стародубѣ сожжено у него 650 пудовъ пеньки (ibid, ч. I, 271). Вяземскій кунецъ Болотниковъ закупалъ постоянно товары въ Стародубѣ в Нѣжинѣ,

¹⁾ О продажѣ (1707) малорос. землевладѣльцами пеньки и кудели въ Архангельскъ (причемъ возчиками служили москвичи и казужане) см. Сулимовскій Архивъ, стр. 168—170. Ср. Опис. Стар. Малороссіи, I, 93—95.

откуда обязанъ былъ доставлять ихъ въ Ригу (III, ч. I, 351). Въ малороссійскихъ городахъ во время ярмарокъ покупались золото, серебро, ефимки и старыя деньги на денежные дворы. (III, ч. II, 748, 1033; IV, ч. I, 386). Видно также, что нѣкоторые иностранные купцы (Любсь, Гутвель) посылали закупать пеньку прямо въ Малороссію; но въ 1714 г. Петръ В. писалъ: «Господа Сенать! До насъ дошло, что вы опасаетесь запретить для тамошняго волного народу и въ томъ ни малой нѣтъ причины, ибо когда Рига была за шведами, тогда изъ черкасскихъ городовъ, а именно изъ Стародуба и изъ другихъ знатныхъ, какъ пеньку, такъ и прочіе товары въ Ригу возить было заказано, а велѣно возить къ г. Архангельскому; того для и нынѣ заказать мочно, о чемъ пошлите въ Кіевскую губ. указъ, дабы накрѣпко того смотрѣли, чтобъ пеньки, юфти и сала, кромѣ пристаней нашихъ, не возили и никуда не отпускали, чего для и мы отъ себя къ гетману писали» (ibid., IV, ч. I, 79¹). Тѣмъ не менѣе, прежнія сношенія мѣстныхъ купцовъ даже непосредственно съ иностранными рынками проложались²).

Вотъ почему извѣстный историкъ кн. М. М. Щербатовъ, въ своей «Статистикѣ», писанной въ 1776—77 гг., замѣтилъ, что «сіи слободы богатятся великою ихъ торговлею изъ Польши» (Чтен. въ Общ. истор. и древн. Рос. 1859, III, с. 18). «Кромѣ условій мѣстной природы, говоритъ одинъ изъ историковъ этого края, развитію промышленности въ Стародубскомъ полку въ значительной степени способствовали великорусскіе раскольники, начавшіе здѣсь селиться въ XVII в., которые, видя скудость почвы для хлѣбонашества, стали посредниками при сбытѣ продуктовъ мѣстной промышленности между производителями и потребителями. Выгодные результаты этого посредничества обусловили съ своей стороны быстрое развитіе раскольничьихъ слободъ и превращеніе ихъ въ мѣстные торговые и про-

¹) Стародубскимъ и малороссійскимъ купцамъ, которые возили свои товары въ Архангельску (съ 1701 г.), Петръ В. даровалъ право беспошлинной торговли, (Матер., изданные Судисникомъ, II, 209).

²) Такъ, въ 1719 г., въ числѣ обвиненій, выставленныхъ при Скоропадскомъ противъ полк. Жоравки читаемъ: „П. 8. Еще за Мазепа въ году 1701, зайшла грамота монаршаа о непропуску зъ неякою до Кролевца Прусского, а п. полковникъ въ году 1713 посвзвалъ зъ своею пенкою Петра гречина при иныхъ купцахъ стародубскихъ за границу до Кролевца. Давидъ, сетенецъ полковничій, такожъ въ прошломъ 1718 г. зѣвою пенку пропусвалъ за границу до тогожъ Кролевца“ (Опис. Стар. Малороссіи, I, 42).

мышленные пункты». (Опис. Стар. Малороссіи, I, с. 111). Подтвержденіе этому факту мы находимъ въ наказахъ депутатамъ малороссійскихъ городовъ въ Екатерининской комиссіи. Представляя крайній упадокъ этихъ послѣднихъ, мѣстные купцы и мѣщане утверждали, что, благодаря торговлѣ великорусскихъ и пюгородныхъ купцовъ, а также раскольниковъ, которые ничто иное какъ великорусскіе выходцы, мѣстная торговля унала, а они мѣстные купцы «прежняго промыслу своего лишились». Такъ, въ Стародубѣ и его уѣздѣ, великороссійскіе купцы и ихъ прикащики, помимо мѣстныхъ горожанъ, скупали у владѣльцевъ пеньку, воскъ, медъ, масло (олей), звѣрей и отпускали ихъ къ портамъ; въ городахъ же, вмѣсто склада своихъ товаровъ въ гостинныхъ дворахъ и торговли оптомъ (по таможен. уставу 1755 г.), они купили себѣ мѣщанскіе дворы, выстроили лавки и вели оптовую и розничную торговлю, не встрѣчая со стороны городскаго управленія надлежащаго запрещенія (Сослов. нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской комиссіи Киев. Стар. 1891, т. XXXII, 88—89). Запорожье, въ свою очередь, хлопотало о томъ, чтобы задержать предполагаемое переселеніе раскольниковъ на запорожскія земли (ib. 250). И самъ авторъ говоритъ: «Въ настоящее время старообрядческія слободы Черниговской губ., знаменитыя нѣкогда своимъ упорствомъ въ расколѣ, не менѣе знамениты своею промышленностью и торговою дѣятельностью. Благодаря имъ сѣверная часть губерніи приняла теперь рѣшительно промышленный характеръ» (стр. 57, 85). Понятно, почему Петръ В., предпочитавшій выгоды матеріальнаго благосостоянія метафизическимъ тонкостямъ, рѣшилъ оставить ихъ на прежнихъ мѣстахъ и освободить отъ зависимости мѣстныхъ державцевъ, вопреки настояніямъ, шедшимъ съ разныхъ сторонъ (64—65).

Такимъ образомъ постепенно, но послѣдовательно и прогрессивно шло увеличеніе матеріальныхъ средствъ въ раскольниковыхъ слободахъ, особенно послѣ благосклоннаго отношенія къ ихъ положенію Петра III и Екатерины II. Дѣйствительно описъ г. Стародуба и раскольниковыхъ слободъ 1781 г. свидѣтельствуетъ уже о томъ цвѣтущемъ состояніи, котораго достигли, благодаря мирному развитію, означенныя общины (Опис. Стар. Малороссіи, I, 136, 242; II, 445—465): капиталы ихъ значительно возрасли; расширились внутреннія и виѣшнія сношенія (Москва, Петербургъ, Орелъ, Калуга, Кіевъ, Кременчугъ, Харьковъ и др.; Рига, Варшава, Вильна, Кѣнигсбергъ, Данцигъ и др.), появились новыя производства, связан-

няя съ стремленіемъ къ внѣшнимъ удобствамъ¹⁾. Если къ этому прибавить, что при обыскахъ обыкновенно находили у раскольниковъ книги и рукописи (у автора, стр. 24—26, 219—221, 257, 336, 383, 449, 455 и др.²⁾, что въ средѣ ихъ была распространена грамотность (152, 234, 572) и несомнѣнно существовалъ интересъ къ религіознымъ вопросамъ, хотя по своему понимаемымъ, въ чемъ не отказываетъ имъ и авторъ (338), то едва ли жизнь означенныхъ общинъ можетъ представляться лишь съ одной печальной стороны (456); а безуспѣшность миссіонернаго дѣла противъ раскола въ значительной степени объясняется отсутствіемъ просвѣщенія въ средѣ духовенства.

Несомнѣнно, что успѣхъ раскола въ предѣлахъ Малороссіи и Польши въ значительной степени поддерживался крестьянской колонизаціей, со времени прикрѣпленія крестьянъ въ Московскомъ государствѣ, а затѣмъ, благодаря политическимъ условіямъ этого послѣдняго, которыя, въ свою очередь, содѣйствовали значительному движенію русскаго населенія на западную границу (стр. 76).

Появленіе раскольниковъ въ предѣлахъ Украйны, согласно показанію лѣтописи Самовидца, относится ко времени непосредственно слѣдовавшему за московскимъ соборомъ 1666—67 гг. (131—132; у автора, 23). Къ сожалѣнію авторъ не свелъ всѣхъ данныхъ о постепенномъ ростѣ раскольниковыхъ поселеній, а приводитъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ своего изслѣдованія (37, 64, 73—74, 89—81, 121; 126—131, 377, 473, 495). Тѣмъ не менѣе хотя и трудно дать точную цифру количества раскольниковъ въ разные періоды, и прежде всего влѣдствіе подвижности этого населенія, однако, не смотря на неоднократныя «выгонки», оно постоянно возрастало. Такъ, вскорѣ послѣ выгонки 1735 г., вѣтковцы вновь оправились и заселили Вѣтку (302, 361, 384, 436). Въ царствованіе импер. Елисаветы не разъ поднимался вопросъ о выселеніи раскольниковъ въ Россію; до-

¹⁾ Такъ, въ сел. Клиндахъ, по той же описи, нѣкоторые изъ его обывателей дѣлали для жителей и др. расколы. слободъ *отмѣннаго качества печи*, на подобіе калужскихъ (Опис. Стар. Малор., II, 464).

²⁾ „Въ раскольниковыхъ монахахъ и скитахъ вѣрѣдко сосредоточивалось огромное количество старопечатныхъ книгъ и рукописей“, говоритъ авторъ. Въ 1735 г. полковникъ Сытинъ отобразъ въ вѣтковскомъ Покровскомъ монастырѣ 682 книги, не считая брошюръ.

бывался того же гетманъ Разумовскій и малороссійская старшина, хлопотали объ этомъ и сами раскольники; но старанія ихъ не имѣли успѣха (Лилеевъ, 505—511, 533). Въ 1752 г. русскій посланникъ въ Константинополь Обрѣзковъ предлагалъ: «Впрочемъ для наполненія Новой Сербіи народомъ и чтобъ въ постройкѣ для охраны этой страны крѣпостей убытка не было, не благоугодно ли будетъ вызвать бѣжавшихъ изъ Россіи раскольниковъ, *которыми наполнены мноія превеликія деревни по польской границѣ и ниже по Днѣстру*» (Соловьевъ, ХХШ, 188). А въ самомъ началѣ своего царствованія Екатерина II писала архіеп. Димитрію Сѣченову слѣдующее: «Я къ вамъ посылаю генераль-прокурора съ письмомъ отъ нашихъ переселившихся въ Польшу раскольниковъ, и желаю о семъ знать ваше мнѣніе. Ихъ до трехсотъ тысячъ и нѣтъ надежды, чтобъ они возвратились въ Россію, еще менѣе къ православію, покажѣтъ они тамъ. Я бѣ желала изыскать способы къ тому и другому, и для того вручитель сего имѣетъ съ вашимъ пресв. говорить и посовѣтовать». (Сборн. Р. И. О., X, 259). Слободскихъ раскольниковъ къ нач. цар. Екатерины II насчитывали 15884, а въ 1790 г. уже до 50000 чел. (Щекатовъ, Словарь геогр. Рос. имперіи, 1262; Филаретъ, Ист. статис. опис. Черниговской епар., I, 151; авторъ, 129).

Книга автора, будучи посвящена одному изъ выдающихся эпизодовъ въ исторіи раскола, принадлежитъ къ небольшой серіи изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью изученіе мѣстнаго раскола и между прочимъ весьма цѣнныхъ по извлеченію любопытныхъ и важныхъ матеріаловъ изъ мѣстныхъ архивовъ. Вообще, литература изслѣдована авторомъ въ достаточной полнотѣ. Благодаря собранному матеріалу, ему удалось выяснить выдающуюся и важную роль Вѣтки и Стародубья въ общей исторіи раскола. Не менѣе подробно представлена имъ раскольничья полемическая литература, хотя не всегда точно опредѣляется ея характеръ, какъ было указано автору въ одной рецензій на его сочиненіе¹⁾. Точно также авторъ признаетъ важное колонизаціонное значеніе раскольничьихъ скитовъ (213), огромное хозяйственное, промышленное и даже воспитальное значеніе этихъ послѣднихъ среди мѣстнаго населенія (214—215), хотя и менѣе останавливается на этихъ вопросахъ или съ недостаточною полнотою освѣщаетъ ихъ. — Не можемъ однако не отмѣтить весьма существеннаго пробѣла въ его

¹⁾ Новый трудъ по исторіи раскола, П. С. Смирнова (Храст. Чтен. 1895, №№ 11 и 12, стр. 536—547).

трудѣ а именно преобладаніи виѣшней исторіи надъ внутренней: чертъ этой послѣдней собрано гораздо менѣе, при томъ авторъ судить о ней иногда по отрывочнымъ, случайнымъ фактамъ, но отчасти, быть можетъ виною здѣсь былъ тотъ архивный матеріалъ, которымъ пользовался авторъ. «Записокъ современниковъ и безпристрасныхъ постороннихъ наблюдателей, говоритъ онъ, почти не имѣется, а если есть немногія современные записки, то онѣ касаются болѣе виѣшней стороны жизни слобожанъ, чѣмъ внутренней» (307). Изслѣдованіе автора представляетъ убѣдительное подтвержденіе того общепризнаннаго историческаго факта, что религіозныя преслѣдованія обыкновенно не достигаютъ своей цѣли... По этому поводу онъ говоритъ: «Извѣстно, что религіозными преслѣдованіями скорѣе достигается противоположная цѣль, нежели та, которая имѣется въ виду, потому что такими преслѣдованіями возбуждается ревность проповѣдниковъ и послѣдователей гонимой вѣры. Такъ было и въ данномъ случаѣ. И въ Стародубѣ преслѣдованіе слободскихъ раскольниковъ, поповцевъ по преимуществу, «проискиваніе» ихъ бѣглыхъ поповъ, повлекло за собою не соединеніе ихъ съ православною церковью, а усиленіе и распространеніе безпоповщины, которая въ своихъ взглядахъ на православную церковь и православную власть суровѣе и фанатичнѣе послѣдователей поповщины. Съ этимъ выводомъ нельзя не согласиться».

В. Иконниковъ.

О малороссійскихъ переписныхъ книгахъ 1666 г. Вит. Эйгорна. *М. 1895. 8 д. л. 9 стр.¹⁾*

Когда въ 1665 г. Брюховецкій согласился на обложеніе малорускаго нопольства денежными поборами въ казну государеву, то потребовалась подворная перепись этого нопольства; посланы были въ Малороссію переписчики, и въ 1666 г. произведена была перепись, которая должна была представить точныя свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи каждаго плательщика, чтобы «на основаніи этихъ свѣдѣній отвести его къ тому или другому разряду, по количеству слѣдовавшихъ съ него сборовъ». Переписаны были «всякіе чины жи-

¹⁾ Отдѣльный оттискъ изъ Читаній въ общ. историч. и древн. россійск., 1895 г. кн. 4.

лецкихъ промышленныхъ и тяглыхъ людей, а въ селахъ и деревняхъ врестьяне и бобыли по именамъ, кто именно какими угодья владѣють и сколькими волами и коньми пашню кто пашеть и своими ль или чужими, oprичъ козаковъ и козацкихъ земель и угодій». Также переписаны были «належащія къ городамъ, селамъ и деревнямъ угодья: рѣки, озера, рыбныя ловли, бобровыя гоны, звѣринныя стояла и боргныи ужожи и пасеки, и мельницы, и рудни и пныезаводы». Перепись 1666 г. нѣсколько извѣстна уже по тѣмъ отрывкамъ, которые привезены изъ нея Костомаровымъ въ «Руниѣ» относительно Переяславскаго и Нѣжинскаго полковъ. Костомаровъ заимствовалъ свои отрывки изъ найденныхъ имъ въ Моск. арх. мин. юстиціи неполныхъ переписныхъ книгъ, которыя послѣ окончанія переписи, привезены были въ Москву и сданы въ малороссійскій приказъ. Кромѣ напечатанныхъ Костомаровымъ отрывковъ, остальные переписныя книги оставались въ неизвѣстности. Въ послѣднее время нашелъ значительную ихъ часть г. Эйнгорнъ, о чемъ и сообщаетъ въ названной брошюрѣ. Найдено описаніе Стародубскаго полка, оказавшееся въ моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, а въ архивѣ министерства юстиціи оказались: часть Нѣжинскаго полка (Батуринъ, Бахмачъ, Ковотопъ, Нов. Млины), часть Черниговскаго, часть Полтавскаго и полныя описанія полковъ: Кіевскаго, Лубенскаго, Миргородскаго и Прилуцкаго. Какія именно включаютъ въ себѣ свѣдѣнія переписныя книги, это видно изъ приведенныхъ г. Эйнгорномъ отрывковъ, къ сожалѣнію очень коротенькихъ. Вотъ одинъ такой отрывокъ: «Города Батурина мѣщанинъ Климъ Лукьяновъ, у него два сына Левка и Лучка, пашенной человекъ, пашеть четырьмя волами, у него жъ конь для промыслу, конемъ не пашеть; положено на него денежнаго оброку 8 алтынъ 2 денги, а по малороссійски полконы. Мѣщанинъ убогій человекъ Степанъ Григорьевъ, у него два сына Ивашка да Васка, живетъ въ чужой избѣ; положено на него денежнаго оброку 3 алтына 2 денги, а по малороссійски ползолото. Мѣщанинъ Василій Семеновъ, ремесленной человекъ, кушнеръ, цехмистръ, бездѣтвъ, положено на него денежнаго оброку 10 алтынъ, а по малороссійски полтареля...»¹⁾

Къ этимъ свѣдѣніямъ г. Эйнгорнъ добавляетъ, что нѣкоторымъ восполненіемъ ненайденныхъ переписныхъ книгъ можетъ служить «кон-

¹⁾ „Талеръ“ имѣлъ два значенія: для обозначенія крупной заграничной серебряной монеты—*талеровъ* (при чемъ добавлялось: *битыхъ талеровъ*) и для означенія счета копѣекъ; въ послѣднемъ случаѣ талеръ означалъ 60 коп., какъ жопъ—50 коп. Такъ и здѣсь: 10 алтынъ—полталера, т. е. 30 коп.

путь, выраженный по росказаню ясневелможного его мил. п. гетмана на виконане присяги противно маестату его царского пресвѣтлого величества въ року 1676, въ мѣсяцѣ февралѣ». Этотъ «комнута» за-ключаетъ въ себѣ списокъ малороссіянь, присягавшихъ, въ февралѣ 1676 г. новому царю Федору Алексѣевичу.

Несомнѣнно, что указываемыя г. Эйнгорномъ переписныя книги заключаютъ въ себѣ чрезвычайной важности матеріалъ для изученія экономической жизни лѣвобережной Малороссіи въ годъ очень близкій къ 1654 г. Правда, въ началѣ 60-хъ годовъ XVII вѣка гетманщина сильно пострадала отъ разоренія, которымъ сопровождалась междоусобица непосредственныхъ преемниковъ Богдана Хмельницкаго, при чемъ во многихъ изъ поселеній южныхъ полковъ сильно измѣнилась численность жителей сравнительно съ моментомъ переяславскаго договора, но въ полкахъ сѣверныхъ разореній почти не было и ихъ населеніе оставалось, слѣдовательно, въ томъ же почти положеніи, какъ было и въ 1654 г. Такимъ образомъ переписныя книги Стародубскаго, Черниговскаго и значительной части Нѣжинскаго полковъ даютъ матеріалъ, по которому можно представить экономическое положеніе посполитаго населенія сѣверной Малороссіи въ моментъ ея присоединенія къ Россіи. Знанія же наши по этому предмету въ настоящее время, какъ извѣстно, скудны до чрезмѣрности. Нельзя поэтому не желать скорѣйшаго обнаруженія переписныхъ книгъ и конечно удобнѣе всего было бы явиться имъ—продолженіемъ «Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи», замершихъ на XV-мъ томѣ. Приготовить къ печати переписныя книги, вѣроятно, не отказался бы г. Эйнгорнъ, заявившій на будущій кіевскій съѣздъ вопросъ о малорусскомъ посольствѣ по даннымъ переписи 1666 г. Будемъ надѣяться, что «Археографическая коммиссія» обратитъ свое вниманіе на этотъ важный для южнорусской исторіи памятникъ.

А. Л.

Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV. Царствованіе императора Александра I, (съ 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по дѣламъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. СПб. 1896. *

Вошедшіе въ настоящую часть IV тома Архива Государ. Сов. журналы описаны въ той же системѣ, которая принята была въ

предшествующихъ частяхъ того-же изданія, приче́мъ въ журналахъ не допускалось никакихъ измѣненій въ слогъ, за исключеніемъ исправленія явныхъ ошибокъ. Всѣ журналы сгруппированы по предметамъ и заглавію, въ каждомъ отдѣлѣ, помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ, съ необходимыми подъ строкой поясненіями, съ указаніемъ №№ Полн. Соб. законовъ, подъ которыми помѣщены упоминаемыя въ журналахъ правительственныя распоряженія; свѣдѣнія же о Высочайшихъ утвержденіяхъ имѣній Государств. Совѣта извлечены изъ меморій общаго собранія Г. С. Въ особомъ приложеніи помѣщены указатели: 1) именъ личныхъ, 2) географическій и 3) предметный.

Редакціей этой части завѣдывалъ членъ археографической коммисіи Г. Ф. Штендманъ.

Изъ журналовъ совѣта, помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ, имѣютъ отношеніе къ задачамъ «Кіевск. Старины» постановленія совѣта по нижеслѣдующимъ дѣламъ:

1) 1824 г. ноября 10. По прошенію вдовы полковника Лазаря Текелли, Марѳы, о дозволеніи ея зятю, маіору Куракину 2-му, принять фамилію Текелли и именоваться Куракинымъ-Текелли.

2) 1819 г. мая 19.—Объ опекунствѣ надъ имѣніемъ, оставшимся послѣ коллеж. ассесора Ивана Заруднаго, въ Слободско-Украинской губерніи.

3) 1815 г. сентября 30.—По дѣлу вдовы генераль-аншефа графа Станислава-Щенснаго Потоцкаго († 1805 г.), графини Софіи, урожденной Дечеличе, отказавшейся отъ представленія отчетовъ по управленію имѣніемъ ея малолѣтнихъ дѣтей.

4) 1816 г. февраля 10.—О дозволеніи продажи части имѣнія малолѣтнихъ дѣтей умершаго († 1812 г.) графа Владимира Потоцкаго, на уплату его долговъ.

5) 1818 г. ноября 28.—О дозволеніи продажи изъ имѣнія въ Волынской губерніи несовершеннолѣтнихъ дѣтей умершаго князя Александра Саиѣги, оставшагося послѣ кончины жены его, княгини Теофилы, урожденной княжны Яблоновской, 2,200 душъ на уплату долговъ по закладнымъ.

6) 1819 г. марта 27.—О разрѣшеніи продажи недвижимаго имѣнія въ г. Кіевѣ и въ кіевской губерніи малолѣтнихъ дѣтей умершаго коллеж. ассесора Григорія Бунге, имѣвшаго братьевъ Ѳедора и Христіана, для уплаты долговъ.

7) 1817 г. апрѣля 5.—По прошенію полковника польскихъ войскъ, графа Александра Ходкевича, о распространеніи учрежденной въ Царствѣ Польскомъ надъ слабоумнымъ братомъ его, графомъ Юсифомъ Ходкевичемъ, опеки на имѣнія его въ кіевской и волинской губерніяхъ.

8) 1821 г. октября 20.—Объ опекѣ надъ слабоумнымъ помѣщикомъ волинской губерніи Константиномъ Міончинскимъ.

9) 1814 г. мая 28.—По дѣлу о претензіи помѣщика Забѣлло на козаковъ сосницкаго повѣта с. Хлопянниковъ въ порубкѣ ими Хлопяницкаго лѣса.—Село Хлопяники, съ прочимъ имѣніемъ, принадлежало, по пожалованію, гетману Апостолу. На землѣ означеннаго села, Апостоль поселилъ д. Долгую Греблю, которая впоследствии досталась Скоропадскому, а отъ него продана Забѣллѣ, предъявившему искъ къ хлопяницкимъ козакамъ за произведенную ими въ 1798 г. порубку, за которую черниговскими судебными властями было положено на нихъ взысканіе; въ 1814 г. было отказано Забѣллѣ въ его претензіи.

10). 1817 г. февраля 1.—По дѣлу объ отсужденныхъ изъ владѣнія подпоручицы Безобразовой земляхъ по р. Хопру съ поселенными на нихъ малороссіянами.

11) 1813 г. февраля 20.—О возвращеніи маіору Алексѣеву бѣглого крестьянина его изъ с. Покровской Богачки, хорольскаго уѣзда, Трофима Кравца, поселившагося въ 1795 г. въ казенномъ селѣ Романковѣ екатеринославской губерніи.

12) 1816 г. ноября 9.—По дѣлу генераль-маіора Курнакова съ графомъ Артеміемъ Ивановичемъ Воронцовымъ о спорныхъ малороссійскихъ крестьянахъ, Филиппѣ Насоченкѣ и Семенѣ Зайченкѣ, занимавшихся чумачествомъ и записанныхъ раньше въ имѣніи гр. Воронцова, с. Ивановѣ тамбовскаго округа, и поселившихся потомъ въ слободѣ Мачеховѣ черкаскаго уѣзда, принадлежавшей Курнакову.

13) 1812 г. февраля 15 и мая 9.—По дѣлу графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго съ переяславскимъ монастыремъ о земляхъ при м. Яготинѣ, с. Годуновеѣ и х. Лозовомъ ярѣ.

14) 1816 г. ноября 16.—По дѣлу графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго съ коллежскимъ совѣтникомъ Иваномъ Губицемъ, о правѣ владѣнія урочищемъ Шершчевая Дуброва въ почепскомъ уѣздѣ.

15) 1819 г. іюня 2.—По дѣлу титулярнаго совѣтника Павла Войновича съ войсковыми обывателями валковскаго уѣзда харьковской губерніи о землѣ при слободѣ Коломаки валковскаго уѣзда.

16) 1811 г. августа 10.—Объ отобраніи отъ пробоща (приходскаго священника) Розалевича земли, принадлежащей г. Ушицѣ.

Н. С.

Черниговская памятка. Карманная справочная книжка на 1896—7 годъ съ рисунками, чертежами, таблицами въ текстѣ, календаремъ и адресъ-календаремъ. *Черниговъ 1896. Стр. 252+88+96+32+X.*

Книжка эта составлена по общему типу губернскихъ памятныхъ книжекъ. Кромѣ календарныхъ и адресныхъ свѣдѣній она заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи, относящіяся къ области «Кіевской Старины»:

1) *Развалины Юрьевой божницы въ с. Старогородкѣ остерскаго уѣзда.* М. Константиновича.—Статья эта перепечатана изъ «Кіевск. Стар.» 1896 г. № 11 (ноябрь).

2) *Бѣловѣжскія колоніи въ борзенскомъ уѣздѣ.* Александра Ковалевскаго.—Интересный очеркъ возникновенія нѣмецкихъ колоній въ глубинѣ Малороссіи. «Императрица Екатерина II въ 1763 году обнародовала Высочайшій манифестъ о вызовѣ иностранцевъ для заселенія Саратовскихъ степей. Дѣло переселенія и всесторонняго устройства этихъ колонистовъ было поручено канцеларіи опекунства иностранныхъ поселенцевъ, при чемъ всѣ колонисты первоначально были привозимы въ *Петербургъ* и уже оттуда партіями развозились на предназначенныя для нихъ земли. Когда этихъ колонистовъ накопилось такое количество, что ихъ уже было болѣе чѣмъ достаточно для предположеннаго населенія пустыхъ мѣстъ *Саратовской* губерніи, то по волѣ Императрицы часть изъ нихъ изъ *Петербурга* была прислана въ распоряженіе малороссійскаго генераль-губернатора, генераль-фельдмаршала графа *Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго* для поселенія ихъ въ Малороссіи. Это было въ 1767 году. Мѣстомъ для устройства новыхъ поселеній колонистами *Румянцевъ-Задунайскій* избралъ такъ называемую Бѣловѣжскую степь, принадлежавшую до того времени малороссійской генеральной артиллеріи, для лошадей которой она служила пастбищемъ.

Стень эта, въ нынѣшнемъ *Борзенскомъ уѣздѣ Черниовской губ.*, въ разстояніи 30 верстъ отъ г. *Бораны* (бывшаго тогда сотеннымъ мѣстечкомъ), 40 вер. отъ м. *Батурина* и 18 в. отъ м. *Иваницы*, представляла собою ровную, низкую и безлѣсную площадь. Привезенные туда колонисты, въ числѣ болѣе 800 душъ, всѣ были изъ нѣмецкой земли и различнаго вѣроисповѣданія: римско-католическаго 317 душъ (обоего пола), лютеранскаго 500 душъ и реформатскаго, т. е. кальвинистовъ — 43 душъ).

Изъ этихъ колонистовъ образовано было 6 поселеній: 1) *Екатеринополь*, 2) *Бѣловѣжская колонія*, 3) *Гроссъ-Вердеръ*, 4) *Клейвъ-Вердеръ*, 5) *Калчиновка* и 6) *Рундевице*. Всѣ постройки и сооруженія въ этихъ поселеніяхъ были сдѣланы на счетъ казны и обошлись въ 83000 рублей. Въ эпоху *Румянцева* колонисты управлялись по особому уставу, изданному для нихъ на нѣмецкомъ языкѣ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о бѣловѣжскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ интересующіеся предметомъ могутъ найти въ книгѣ А. М. Лазаревскаго: «*Нѣжинскій полякъ*», К. 1893, стр. 131—135, и въ книгѣ А. А. Веллцна: «*Нѣмцы въ Россіи*», Спб. 1893, стр. 40—43 и 50.

3) *Историческія замѣтки о нѣкоторыхъ селахъ черниовской губерніи*. А. Л. — «Предлагаемыя замѣтки», по словамъ ихъ автора, «не заключаютъ въ себѣ какого либо систематическаго описанія, а составляютъ отрывочныя свѣдѣнія о томъ или другомъ селѣ, имѣющія значеніе какъ для исторической топографіи, такъ и для исторіи землевладѣнія данной мѣстности. Источникомъ предлагаемыхъ замѣтокъ служилъ преимущественно матеріалъ архивный». Описаны такимъ образомъ поселенія: *Рогоща*, *Суличовка*, *Старый Бѣлоусъ*, *Новый Бѣлоусъ*, *Жукошки*, *Яновка*, *Сядричи*, *Юрьевка*, *Рябцы*, *Гучинъ*, *Ямище*, *Лиственъ*, *Бобровица*, *Брусловъ*, *Березавка*, *Лопатинъ*, *Тереховка*, *Черторійка*, *Рѣпки*, *Каменка*, *Старые Яриловичи*, *Новые Яриловичи*, *Буянки*, *Свиконухи*, *Гусеенка*, *Маслоковка*, *Челѣговка*, *Голубичи*, *Церквище*, *Постовица*, *Вербичи*, *Великая Весь*, *Осиаки*, *Сибережъ*, *Звиничевъ*, *Роище*, *Слободы Ропсская*. Всѣ эти поселенія расположены въ черниговскомъ и городницкомъ уѣздахъ. Исторію нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ поселеній можно прослѣдить далѣе въ глубь вѣковъ, чѣмъ это сдѣлано въ «Замѣткахъ», благодаря появленію въ свѣтъ «*Актовъ Литовской Метрики*», изданныхъ проф. *Ө. И. Леонтовичемъ* (Варшава, 1896 г.). Относительно поселеній *Рогощи* и *Сибережи* имѣется въ «*Актахъ*» Леонтовича (стр. 123, № 314) слѣдующій документъ отъ 22 августа 1496 г.: «Самъ Алек-

сандръ Божію милостію. Былъ намъ чоломъ подъялючій Виленскій Богданъ Павловичъ и повѣдалъ передъ нами, штожь отчина его и дѣдина, имѣнія въ черниговскомъ повѣтѣ есть на имя *Сибрежь* а Заболовесье зъ бобровыми гоны у въ обрубѣ, а селища *Рюощ* а Заменайловище и бортная земля, и былъ намъ чоломъ, абыхмо тые его имѣнія подтвердили ему нашимъ листомъ. И мы тые вси имѣнія, отчину и дѣдину его, люди, и селища, и земли пашные, и бортные, и бобровые гоны подтверждаемъ ему симъ нашимъ листомъ... Мѣстностью по р. Бѣлоусу (с. с. *Старый* и *Новый Бѣлоусъ*) въ XV-мъ вѣкѣ владѣлъ черниговскій бояринъ Иванъ Григорьевичъ Цыбъ. Грамотой отъ 31 октября 1495 г. великій князь литовскій Александръ утвердилъ эти имѣнія за племянникомъ жены боярина Цыба княземъ Петромъ Михайловичемъ Масальскимъ «со всеми доходы и платы, и зъ ловы звѣринными и рыбными, и зъ бобровыми гоны, какъ держалъ *небошникъ Ивашико*... Скоро князь Масальскій въ свою очередь умеръ и его имѣнія великокняжеской грамотой отъ 11 февраля 1496 года были утверждены зо дворянникомъ Андреемъ Дрожкою (стр. 87, № 223, и стр. 92, № 235).

4) *Народныя пѣсни*.—Прплагаемыя народныя пѣсни черниговской губерніи собраны по распоряженію г. черниговскаго губернатора *Е. К. Андреевскаго* чинами полиціи отъ мѣстныхъ жптелей и отъ лицъ, занимающихся записываніемъ пѣсенъ. Пѣсенъ было доставлено болѣе 500; получивъ такой большой сборникъ, г. начальникъ губерніи обратился къ г. директору народныхъ училищъ черниговской губерніи *Петру Васильевичу Евстафьеву* съ покорнѣйшей просьбой прочесть ихъ, разсортировать, сдѣлать выборку и оставить для напечатанія въ «Памяткѣ» только такія, которыя стоятъ того.

Результатомъ благосклоннаго вниманія многоуважаемаго Петра Васильевича явился предлагаемый вниманію читателей сборникъ, очищенный отъ всего такого, напечатаніе чего могло бы считаться почему бы то ни было неудобнымъ».

Пѣсни расположены по уѣздамъ: 1) Нѣжинскій уѣздъ, 2) Борзенскій уѣздъ, 3) Глуховскій уѣздъ, 4) Мглинскій уѣздъ, 5) Городнянскій уѣздъ, 6) Стародубскій уѣздъ, 7) Козелецкій уѣздъ, 8) Новгородсѣверскій уѣздъ, 9) Черниговскій уѣздъ, 10) Кролевецкій уѣздъ; изъ остальныхъ пяти уѣздовъ черниговской губерніи нѣтъ образцовъ пѣсенъ. Пѣсни записаны съ соблюденіемъ мѣстнаго выговора и рисуютъ до нѣкоторой степени пеструю картину разнообразныхъ говоровъ черниговской губерніи. Онѣ снабжены примѣчаніями, но, къ сожа-

лѣнію, въ этихъ примѣчаніяхъ не дано указаній, какія пѣсни были уже напечатаны въ существующихъ сборникахъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ, и какія появляются въ печати впервые; въ примѣчаніяхъ обыкновенно передается прозой содержаніе пѣсни и отдѣливается эстетическое ея значеніе въ такихъ, напримѣръ, выраженіяхъ: «Довольно складная пѣсенка, хотя и не во всѣхъ стихахъ выдерживаетъ стройный метръ»... «Мотивъ этой семейной, довольно складной пѣсни грустный, безотрадный»... «Текстъ пѣсни горячій, темпъ быстрый, тонъ задорный и юмористическій, хотя юморъ совершенно особенный»... «Пѣсня полновѣсна по содержанію, а грустный тонъ и стройный размѣръ напрашиваютъ на заунывный напѣвъ, который, вообще говоря, характеризуетъ народныя семейныя пѣсни»... «Топъ повѣствованія таковъ, что производитъ впечатлѣніе сильное, но не тягостное»...

Приведенные примѣры достаточно характеризуютъ научные приемы черниговскаго комментатора пѣсенъ. Къ «Памяткѣ» приложены: 1) Факсимиле собственноручнаго письма (1691 г.) святаго Феодосія Углицкаго къ знатному войсковому товарищу Ивану Петровичу Забѣлѣ (род. 1665†1703), владѣльцу с. Обтова (кролевецкаго уѣзда), 2) портретъ св. Феодосія Углицкаго, 3) видъ развалины Юрьевой божницы, 4) виды черниговскихъ соборовъ: Спасо-Преображенскаго и Борисо-Глѣбскаго, 5) Карта Черниговской губерніи и 6) планъ гор. Чернигова. Кромѣ того имѣются снимки пиконъ, сооруженныхъ жителями черниговской губ. въ память кончины императора Александра III и бракосочетанія царствующаго Государя.

А. С.

П. Я. Армашевскій и Вл. Б. Антоновичъ. Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя въ истор. обществѣ Нестора лѣтописца въ мартѣ 1896 года. Съ двумя рисунками. (Кіевъ 1897). Стр. 87. Цѣна 75 к.

Небольшая по объему книжка эта весьма богата содержаніемъ. Здѣсь въ сжатыхъ очеркахъ сдѣланъ генеральный смотръ всѣмъ существеннымъ добыткамъ науки въ области археологіи, топографіи и исторіи кіевской территоріи и ея ближайшихъ окрестностей отъ временъ доисторическихъ до XIII ст. Г. Армашевскому принадлежатъ весьма интересный и цѣпный очеркъ геологической и палеонтоло-

гической исторіи этой мѣстности. Послѣ тщательной сводки добытыхъ уже данныхъ, проф. А. приходитъ къ положительному заключенію о существованіи здѣсь человѣка уже въ т. наз. палеолитическую эпоху, одновременно съ мамонтомъ, представителемъ послѣдниковой фауны. Появившись въ кievской мѣстности въ раннюю пору послѣдниковой эпохи, доисторическій человѣкъ прололжалъ здѣсь оставаться и въ эпоху неолитическую. Исслѣдованіе породъ, гдѣ найдены орудія первобытнаго человѣка этихъ эпохъ, заставляеть автора думать, что если періодъ исторической жизни человѣка въ кievской территоріи долженъ быть исчисленъ приблизительно въ 2000 лѣтъ, то періодъ доисторическаго его существованія здѣсь обнималъ промежутокъ времени въ нѣсколько разъ большій.

Двѣ лекціи проф. Антоновича: «Кіевъ въ дохристiанское время» и «Кіевъ въ княжеское время» отличаются обычными для этого изслѣдователя блестящими достоинствами: богатствомъ содержанія и необыкновеннымъ умѣньемъ передать это содержаніе въ немногихъ словахъ. Характеризуя находки неолитической эпохи на кievской территоріи, авторъ, между прочимъ, обстоятельно указываетъ на значеніе для доисторическаго человѣка кievскихъ пещеръ, переходитъ затѣмъ къ находкамъ т. наз. скифскаго періода, даетъ этнографическій очеркъ мѣстности, отводитъ надлежащее мѣсто легендѣ о первыхъ кievскихъ князьяхъ и заканчиваетъ первую лекцію обзоромъ топографіи древнѣйшаго Кіева. Въ такомъ-же порядкѣ—изложенія археологическаго, историческаго и топографическаго—представлена картина Кіева княжескаго времени. Передать въ библиографической замѣткѣ содержаніе этихъ лекцій, суммирующихъ плоды многолѣтнихъ изысканій, считаемъ совершенно невозможнымъ: интегресующійся предметомъ пусть прочтетъ книгу.

Жаль, что въ книгѣ встрѣчается немало досадныхъ опечатокъ.

Н. М.

Обзоръ журналовъ.

Русская Старина 1897 г. № 1—3.

Письма и записки имп. Екатерины II. Между прочимъ, нѣсколько писемъ о дочери К. Г. Разумовскаго Елисаветѣ, лишенной званія фрейлины за интригу съ гр. Апраксинымъ, влослѣдствіи постригшейся въ Кіевѣ во Фроловскомъ монастырѣ и бывшей его игуменьей (№ 2).

Изъ прошлоу русскаго консульства въ Яссахъ, А. Гирса. Свѣдѣнія о назначеніи, послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, перваго консула Лашкарева и о секретномъ порученіи ему, касающемся архимандрита Дамаскіа. Въ приложенномъ прошеніи послѣдняго сообщаются интересныя подробности о секундъ-маіорѣ Назаріи Каразинѣ (отецъ основателя Харьковскаго университета), который являлся къ Д. съ тайными порученіями русскаго правительства и жилъ въ монастырѣ въ монашескомъ платьѣ (№ 2).

Рескриптъ Екатерины II гр. П. А. Румянцеву (9 окт. 1791) о присылкѣ изъ Нѣжина мальчика грека лѣтъ 10—14 «который зналъ бы свой языкъ» для услугъ в.к. Константину Павловичу (№ 3).

Къ біографіи гр. Н. П. Румянцева, М. А. Веневитинова. 1) Записка о днѣ рожденія графа; на основаніи его писемъ, это—3 апрѣля 1754. 2) Пожертвованіе Р—мъ Харьковскому коллегіуму ста медалей съ изображеніемъ дяди его кн. Д. Голицына, «между прочими предметами благотворительности особенное имѣвшаго попеченіе о Харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ», для выдачи ежегодно пяти лучшимъ воспитанникамъ, а также 2000 рублей—на изготовленіе медалей и другія нужды коллегіума. 3) Учрежденіе Р—мъ въ 1805 г. въ память отца его фельдмаршала П. А. Р—ва, при гробѣ его въ Кіево-печерской Лаврѣ, коллегія изъ шести военпослужившихъ съ назначеніемъ имъ пенсіи по 1000 р. каждому¹⁾ (№ 3).

Къ біографіи пр. Декурова. Письмо Рувича къ министру народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицыну (10 марта 1823) съ представленіемъ Д. къ ордену св. Анны 2-й съ брилліантами, какъ «профессора не по имени, который сдѣлалъ-бы честь и Парижскому университету и который тогда, когда разносятся по всей Европѣ вопли безбожія и возмущенія, не боится проповѣдовать ученіе религіозное и монархическое» (№ 3).

Титанроу въ 1825 г. Н. К. Тильдера. Подробный рассказъ о кончинѣ имп. Александра I (№ 1).

Воспоминанія Е. Ю. Хвоцинской (рожд. кн. Трубецкой). Въ началѣ описывается семья генеральши Дуниной (прабабушки автора), жившая при ней въ с. Водолагахъ, харьковской губ. и состоявшая изъ 6 дочерей, 24 внуковъ и 76 правнуковъ; патриархальная жизнь семьи, разнообразившаяся путешествіями на богомолье—преимущественно въ Кіевъ, гдѣ жили родственники Бердяевы (посѣщеніе схимника Пароенія). Одна изъ дочерей Д. была замужемъ за Бахметевымъ; отъ этого брака родилась мать автора. Отецъ ея, извѣстный музыкантъ Ю. И. Галицынъ, служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при Харь-

¹⁾ Послѣдній документъ былъ напечатанъ полностью еще въ 1826 г. митр. Евгеніемъ въ „Описаніи К.-Ц. Лавры“, стр. 167—170.

ковскомъ генераль-губернаторѣ кн. Н. А. Долгорукомъ; въ мемуарахъ описано оригинальное сватовство его (въ Вололагахъ) и вѣнчаніе (въ Харьковѣ, въ 1843). Статья не окончена (№ 3).

Александръ Григорьевичъ Тройницкій. (Одесскій періодъ его службы)
А. Ѳ. Шидловскаго. Т. происходилъ изъ стариннаго козацкаго рода; родился въ Одессѣ въ 1807 г., воспитывался въ Одесскомъ благородномъ институтѣ (впослѣдствіи Ришельевскій Лицей). Службу началъ при томъ же институтѣ, затѣмъ служилъ въ одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, былъ цензоромъ и секретаремъ цензурнаго комитета, служилъ въ управленіи одесскаго градоначальства и т. п., впослѣдствіи Т. былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и однимъ изъ дѣятелей крестьянской реформы. Кромѣ біографическихъ данныхъ о Т. статья заключаетъ свѣдѣнія объ одесской журналистикѣ 20—30-хъ годовъ. Т. былъ первымъ редакторомъ издававшихся «подъ вѣдѣніемъ новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора» (гр. Воронцова) двухъ газетъ: «Одесскій Вѣстникъ» и «Journal d'Odessa». По ходатайству гр. В. редакціи разрѣшено было составлять самостоятельныя политическія обзорѣнія и печатать иностранныя корреспонденціи, при чемъ цензура газетъ поручена была ихъ редактору д. с. с. Т.—му. Когда, послѣ перехода гр. В. на Кавказъ, его преемникъ затруднялся сохранить за газетами эти льготы, гр. В. исходатайствовалъ въ III отд. С. Е. В. капцеляріи ихъ подтвержденіе (№ 2).

Письма П. Т. Морозова къ А. Г. Тройницкому. Кое какіе факты, преимущественно литературнаго характера, изъ жизни Одессы въ 30 и 40 годахъ (№ 1).

Первое знакомство Гоголь съ Пушкинымъ и А. О. Россетъ. В. Авенаріуса. Авторъ старается точно опредѣлять день встрѣчи Г. съ П. и Р. Съ П.—мъ Г. могъ встрѣтиться или у Плетнева въ среду 5 мая 1831 г., или у Жуковского въ субботу 8 мая; Р. увидѣлъ Г. на урокѣ у Балабиныхъ («замѣтилъ его и тотчасъ узналъ хохла») въ четвергъ 6 мая, а на другой день П. и Ж. «схватили его и повезли во дворецъ къ Александрѣ Осиповнѣ» (№ 2).

Мировой судъ въ Подоліи (изъ записокъ и воспоминаній мирового судьи) И. Н. Захарьина (Якунина). Гл. I—V. Г. Захарьинъ, когда (въ 70 годахъ) состоялось назначеніе его мировымъ судьей Литинскаго округа, «жилъ отъ Подоліи за тысячу слишкомъ верстъ и не имѣлъ никакого представленія о томъ, гдѣ именно находится его участокъ». Конечно, ему «не легко было оріентироваться» въ непривычныхъ для него условіяхъ, и онъ съ безгнѣвностью настоящаго петербургскаго чиновника описываетъ два города, куда привела его судьба—Бердичевъ и Литянь. Статья имѣетъ анекдотическій характеръ, но представляетъ большой интересъ по сообщаемымъ въ ней фактамъ. Сначала изображается провинціальное чиновничество (ловелась-губернаторъ

М—ичъ; полицейскій надзиратель Жав—скій, нашедшій убѣжище отъ возмездія за свои преступленія въ принятіи духовнаго сана: окончилъ курсъ семинаріи). Затѣмъ авторъ изображаетъ своихъ сотоварищей судей; это — честолюбивый полякъ, взяточникъ—поповичъ и сибаритъ—вѣмецъ; рассказывая о плутняхъ второго, З. замѣчаетъ: «было-бы конечно немислимо существованіе такого судьи, если-бы ему пришлось быть избираемымъ» ... Наконецъ, изображаются мѣстные адвокаты — вѣмецъ, еврей, русскій и полякъ, послѣдняго З. называетъ «самый приличный, самый симпатичный и самый достаточный»). Приводятся наиболѣе характерныя дѣла — кражи, въ томъ числѣ конокрадство и лѣсныя порубки, и ростовщичество; при этомъ сообщается много бытовыхъ подробностей. Мимоходомъ упоминаются Н. П. Пироговъ и П. П. Демядовъ кн. Савъ - Донато (анекдотъ о ревизіи Литинскаго, полицейскаго управленія (№ 2 и 3).

Кромѣ того въ Р. Ст. продолжалось печатаніе *Записокъ Михаила Чайковскаго* (№ 2).

Историческій Вѣстникъ 1897 г., № 1—3.

Замѣчательныя русскія женщины. Графиня М. А. Румянцева (1698—1788). В. О. Михневича. Гр. Румянцева ур. Матвѣева (внучка Артамова Сергѣевича) въ молодости пользовалась расположеніемъ Петра В., который и устроилъ бракъ ея съ Р—мъ. «Отъ этой связи, по предавію, родился знаменитый впослѣдствіи фельдмаршалъ гр. П. А. Румянцевъ». Въ статьѣ сообщаются между прочимъ подробности о жизни Р—вой въ Малороссіи, въ то время когда мужъ ея былъ правителемъ Малороссіи, и объ имущественныхъ дѣлахъ ея и ея знаменитаго сына. Къ статьѣ приложенъ портретъ (съ оригинала принадлежащаго кн. Кочубею (№ 1).

Заиробный журналъ Пушкина.—Б. В. Глинскаго. Исторія Пушкинскаго «Современника» подъ ред. Шлетнева. Интересны свѣдѣнія объ участіи Гоголя въ основаніи и изданіи журнала и о послѣдующемъ разочарованіи въ немъ, а также объ оставленіи Квиткою сотрудничества въ журналѣ (№ 1).

Кіевскіе безпорядки (изъ воспоминаній очевидца) А. М.—Рассказъ очевидца о крестьянскихъ волненіяхъ въ кіевской губерніи въ 1855 г. (авторъ—офицеръ участвовавшій въ усмиреніи крестьянъ). Подробно описано нападеніе крестьянъ на м. Корсунъ, усмиреніе возстанія и послѣдовавшія экзекуціи. Упоминаются и другіе эпизоды, между прочимъ возстаніе въ кіевскомъ уѣздѣ, усмиренное полк. Волковымъ (полковой товарищъ ген-губ. кн. Васильчикова, разжалованный въ солдаты и опять выслужившійся). Причина возстанія, по словамъ автора, та, что «кіевскіе крестьяне, не смотря на вѣковое закрѣпо-

щеніе, по преданіямъ считали себя козаками». Вообще «народъ во многомъ отличался отъ крестьянъ великорусскихъ; онъ безспорно былъ нравственнѣе, честнѣе и благоразумнѣе ихъ во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло не касалось завѣтной ихъ мечты о волѣ» (№ 3).

Заокеанская Русь (соціалогическо-описательный очеркъ) графа Деливы (Е. Н. Митросова). Гл. I. Въ преддверіи «Новаго Сельта». Въ этой главѣ идетъ рѣчь о русскомъ населеніи Нью-Йорка. Авторъ дѣлитъ его на три «разновидности»: русь російскую (всего 150 чел.), галицкую и угорскую (вмѣстѣ 6000 чел.) и изображаетъ его религиозное, соціальное и экономическое состояніе. Кромѣ того статья изображаетъ жизнь русскихъ евреевъ въ Нью-Йоркѣ (болѣе 200000 чел.), изъ которыхъ наиболѣе интеллигентная часть (до 50000) «сознаетъ, признаетъ и именуетъ себя русскою, живо интересуется Россією и русскими дѣлами и искренно любитъ Россію», — а также сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о полякахъ (которыхъ въ Нью-Йоркѣ до 30000 чел., а во всей Америкѣ до 1½ милл. Гл. II. *Русь въ славянскомъ штатѣ.* «Славянский штатъ» — это Пенсильванія, въ которой славяне составляютъ преобладающую часть населенія и живутъ большая часть русскихъ эмигрантовъ. Пенсильванія — центръ каменноугольной промышленности, и славянскіе эмигранты, гонимые нуждою, составляютъ почти единственный контингентъ рабочихъ въ подземныхъ «каменноугледомняхъ». В. ч. (мало)русскихъ рабочихъ — выходцы изъ Лемковщины (з. часть русскихъ Карпатъ), галицкой или угорской. Начало эмиграціи относится къ половинѣ 70-хъ годовъ; въ 1884 г. русская община г. Шенандоа обратилась къ львовскому уніатскому митрополиту съ просьбою о назначеніи священника. Назначенный тогда же св. Иванъ Волянскій былъ первымъ организаторомъ (мало)русской общины въ Пенсильваніи. Въ 1887 г. на помощь ему присланы были св. Зинонъ Ляховичъ и студентъ львовскаго университета Владимиръ Сѣменовичъ. Первымъ дѣломъ В—го было построеніе русской церкви въ Шенандоа, по образцу которой впоследствии были построены церкви въ г. Jersey City, Kingston, Freeland, Shamokin и Minneapolis. При первой церкви основано было братство, имѣвшее значеніе общества взаимопомощи единоплеменниковъ и единовѣрцевъ; затѣмъ учреждены были: русская школа, народная читальня, типографія, газета («Америка» — первая русская газета въ Америкѣ), рабочее общество «Ридарі праці» (отдѣленіе обще-американскаго союза «Knights of labour»), драматическое общество, коммерческая компанія (отдѣлъ галицкой «народной торговли»). Въ началѣ 90 годовъ являлась потребность въ болѣе широкой народной организаціи. Первымъ выразителемъ ея является св. Теофанъ Одушкевичъ, устроившій «соединеніе греко-каатолическихъ братствъ». Учрежденіе это, впрочемъ, не принесло ожидаемыхъ результатовъ, такъ какъ приставшіе къ нему словаки и угро-русы

исказили планы основателей. Въ составъ братства принимаются не только русскіе, но и словаки, принадлежащіе не только къ греко-уніатской, но и къ римско-католической церкви, и не принимаются русскіе, исповѣдующіе православленное или протестантское ученіе. Хотя «чиновственнымъ» языкомъ считается малорусскій, но большинство членовъ употребляетъ языки мадьярскій и словацкій. Органъ «Соединенія» — «Американскій Русскій Вѣстникъ», наполненный проповѣдями и дифирамбами «священникамъ, дьякамъ и пѣвчоучителямъ», печатается на русскомъ и словацкомъ языкахъ. — Галицкіе русины подъ руководствомъ св. Константкевича и Одушкевича организовали другое общество «Русскій Народный Союзъ»; задачи его: 1) добро моральное Руси въ Америкѣ, 2) матерьяльная ей помощь; первое достигается изданіемъ газеты («Свобода»), устройствомъ русскихъ читаленъ, школъ, изданіемъ книгъ, чтеніемъ лекцій и т. п., второе — организаціею взаимопомощи. Членомъ союза м. б. всякій христіанинъ русской народности. Всѣ учрежденія «Союза» устроены болѣе цѣлесообразно, чѣмъ въ «Соединеніи». Органъ Союза — газета «Свобода» (издававшаяся въ Тамокинѣ, а недавно перенесенная въ Мошть-Кармель) издается на малорусскомъ языкѣ при сотрудничествѣ галицкихъ писателей (Франко, Чайковскій, Павликъ). Союзъ хотѣлъ организовать помощь вновь прибывающимъ русскимъ эмигрантамъ, но встрѣтилъ помѣху со стороны Соединенія. Тѣмъ не менѣе Союзъ вступилъ въ сношеніе съ Канадскимъ правительствомъ относительно направленія русской эмиграціи въ Канаду, какъ страну наиболѣе удобную для галицко-русскихъ поселенцевъ. Не смотря на существованіе двухъ названныхъ обществъ, большинство русскихъ стоятъ еще внѣ союзовъ: въ Соединеніи 2000 русскихъ (изъ 4000 его членовъ); въ Союзѣ 1000. Так. обр. изъ 200 т. русскихъ только 3 т. участвуетъ въ союзахъ, что весьма печально отражается на благосостояніи и культурѣ американской Руси (№ 1—3).

Некрологи: М. О. Микѣшина; П. Г. Лебединцева; И. И. Малышевскаго и Н. А. Оаворова (№ 2 и 3).

Въ отдѣлѣ «*критика и библиографія*» отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) «Кіевъ, его святыни и памятники. Составилъ проф. Н. П. Петровъ. Редакція В. И. Шемякина. Спб. 1896.—2) Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи Ал. Лазаревскаго. Вып. III. К. 1896.—3) В. П. Авенаріусъ. Гоголь гимназистъ. Спб. 1897 (№ 2).

Еще по поводу „Бѣлорусскаго Полѣсья“ г. Довнаръ-Запольскаго.

Такъ какъ нѣкоторыя обстоятельства заставили меня уѣхать далеко отъ Россіи, въ Сирію, то лишь къ началу 1897 г. мнѣ удалось получить 28-ю книгу «Этнографическаго Обзорѣнія» и убѣдился,

что статейка г. Довнара-Занольскаго, грубо направленная противъ меня за мой безпристрастный отзывъ о его книгѣ, уже напечатана (см. «Этн. Об.», кн. 28, стр. 196—202). Говорю: «уже», какъ о предметѣ раньше мнѣ извѣстномъ. И дѣйствительно: для помѣщенія этой статейки въ «Этнографическомъ Обзорѣніи» понадобилось мое согласіе, которое я и далъ съ полной готовностью. Изъ послѣдняго факта читатель можетъ заключить, большое ли значеніе придаю я упомянутой статейкѣ г. Довнара. Я, впрочемъ, былъ увѣренъ, что г. Довнару, когда онъ хладнокровно выкинетъ въ свое опроверженіе, самому станетъ совѣстно пускать его въ печать и что мнѣ не придется вторично указывать ему на его неспособность писать о филологическихъ предметахъ. Но разъ онъ не посовѣстился, то не мѣшаетъ пригляднуться къ тому, что онъ написалъ.

Напомню читателю, изъ-за чего сыръ-боръ загорѣлся. Въ среднѣ 1895 года г. Довнаръ-Занольскій издалъ книгу: «Бѣлорусское Полѣсье». Здѣсь напечатано не мало новыхъ ибсеней и даны интересные свѣдѣнія о говорѣ Цинчуковъ. Это дѣлаетъ книгу г. Довнара цѣнной, но по своей обработкѣ она представляетъ чистѣйшій хаосъ: ибсени разбросаны безъ логической системы, діалектологическіе факты изложены курьезнымъ способомъ, словарь—также нѣчто безпорядочное. Въ этомъ смыслѣ, т. е. и похвальномъ, и порицательномъ, я и написалъ о книгѣ свою рецензію въ «Кіев. Стар.» (1896, янв.),—рецензію, столь неугодную г. Довнару. Главнымъ источникомъ промаховъ г. Довнара я считалъ то обстоятельство, что онъ не филологъ и не грамматистъ,—потому то его сообщенія, неразъ очень цѣнныя, изложены въ такой формѣ, которая вызываетъ улыбку («Кіев. Стар.», стр. 32). Замѣтимъ, что и самъ г. Довнаръ говоритъ: «Что я не филологъ и не грамматистъ,—это вѣрно. Но я вовсе не претендовалъ дать обработку логическаго и филологическаго матеріала, заключающагося въ моемъ сборникѣ. Я считалъ и считаю обязанностью этнографа сообщить то, что онъ знаетъ о говорѣ, свести матерьялъ для того, чтобы облегчить обработку его для спеціалиста. Я это и сдѣлалъ въ самой скромной формѣ. Далѣе, если я все таки сдѣлалъ «очень цѣнныя сообщенія», то считаю свою задачу, какъ этнографа, выполненной» (Этн. Об., кн. 29, стр. 197). «Словарь писалъ я не для учащихся, а для ученыхъ» (стр. 201), которые, очевидно, сумѣютъ разобраться во всякомъ хаосѣ... Но затѣмъ, послѣ такого сознанія, которое воиждѣ совпадаетъ съ сущью моей рецензіи, г. Довнаръ все же не желаетъ «сидити та нерыцатыси», а старается таки заявить

себя филологомъ и грамматистомъ и нападаетъ на мои чисто филологическія замѣчанія, усматривая въ нихъ даже личныя выходки противъ себя. Въ отвѣтъ на послѣднюю догадку замѣчу, что и съ г. Довнаромъ почти не знакомъ и не имѣю никакихъ основаній относиться къ нему недоброжелательно (напротивъ: «Дай йому Боже довгий викъ та журавлинный крикъ!»). Скажу даже больше: когда у насъ въ этнографическомъ отдѣлѣ обсуждался вопросъ о томъ, заслуживаетъ ли книга г. Довнара преміи или нѣтъ, я ни однимъ словомъ не отозвался противъ присужденія. Изъ желанія не повредить г. Довнару я молчалъ даже тогда, когда одинъ изъ авторитетнѣйшихъ судей, присутствовавшихъ на засѣданіи, замѣтилъ, что въ филологическомъ отношеніи книга г. Довнара въ высшей степени странна, и отозвался о ней въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, чѣмъ вносилъ цѣвѣя я въ своей рецензій. Sapiienti sat.

Однако посмотримъ, за что именно остался недолюбенъ г. Довнаръ на мою рецензію и почему онъ возражаетъ противъ нея. Я ужъ упомянулъ, что особенно наивна и курьезна въ его книгѣ филологическая обработка. Курьезы эти, думалось мнѣ, болѣе чѣмъ ярки и понятны не только спеціалистамъ, а даже гимназистамъ 4-го класса, изучившимъ элементарныя учебники. Поэтому, давая въ «Кіевской Старинѣ» рецензію на «Бѣлорусское Полѣсье», я ограничился простымъ выписываніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ этой книги и ставилъ въ скобкахъ восклицательный знакъ. Это подаетъ поводъ г. Довнару сказать теперь (loc. cit. стр. 196), будто я, посредствомъ фигуръ вопрошенія и восклицанія, стараюсь убѣдить читателя въ незнаніи г. Довнара; онъ называетъ это «лирическими отступленіями по адресу не содержанія книги, а ея составителя» (стр. 202). Можно сомнѣваться, понимаетъ ли г. Довнаръ значеніе слова: «лирическій», но не стоитъ вывѣать въ этотъ вопросъ. Я прошу г. Довнара понять лишь, что мнѣ стало бы *совестно* передъ читателями «Кіевской Старины», если бы я вздумалъ растолковывать имъ азбучныя истины, давно имъ извѣстныя. А если г. Довнару онѣ, какъ видно, неизвѣстны, то совѣтую ему навѣста нужныя справки, ну, хоть въ «Этимологіи» Кирпичникова и Гилярова и въ «Славянской грамматикѣ» Колосова, и тогда онѣ уразумѣетъ, что означаютъ мои восклицательныя знаки при выпискахъ изъ книги: «Бѣлорусское Полѣсье» ... Г. Довнаръ и самъ, впрочемъ, понимаетъ недѣльность хогъ нѣкоторыхъ изъ своихъ объясненій. Выше я ужъ отмѣтилъ одно его оправданіе: «я писалъ для ученыхъ, не для учащихся»,—а ученые, конечно, и въ недѣлициѣ

разберутся. Есть у него и другое оправданіе: ошибки, отмѣченныя мною (по крайней мѣрѣ четыре изъ нихъ), должны быть считаемы за *опечатки*. Для удостовѣренія, что это *опечатки*, г. Довнаръ сообщаетъ, что онѣ помѣщены въ особомъ спискѣ, вклеенномъ въ концѣ книги: «Бѣлорусское Полѣсье»; встати онъ проситъ «сдѣлать соотвѣтственныя поправки тѣхъ, кто пріобрѣлъ его книгу безъ листковъ» (l. cit., 198), и называетъ мои замѣчанія, относящіяся къ четыремъ якобы «опечаткамъ», «довольно страннымъ приемомъ». Я долженъ сказать, что здѣсь, со стороны г. Довнара, мы имѣемъ дѣло или съ недоразумѣніемъ, или съ крайней наивностью, или (чему вѣрить не хочется) съ поступкомъ болѣе чѣмъ страннымъ, просто неблаговиднымъ. Расскажу, какъ было дѣло. Въ экземплярѣ «Бѣлорускаго Полѣсья», который я купилъ въ сентябрѣ 1895 года и по которому я тотчасъ же сталъ писать рецензію для «Кіевской Старины», не было никакого списка *опечатокъ*, ни рукописнаго, ни печатнаго. Надѣюсь, г. Довнаръ не вздумаетъ меня оснаривать, такъ какъ и самъ онъ признается (стр. 198), что *нѣсколько* экземпляровъ (интересно бы знать, сколько именно!) пошло въ продажу безъ листковъ, а въ другомъ мѣстѣ онъ, какъ мы знаемъ, проситъ «сдѣлать соотвѣтственныя поправки тѣхъ, кто пріобрѣлъ его книгу безъ листковъ». Затѣмъ, ужъ въ концѣ октября 1895 года, г. Довнаръ приподнесъ мнѣ отъ себя одинъ экземпляръ книги. Такъ какъ я раньше имѣлъ ужъ свой собственный экземпляръ «Бѣлорускаго Полѣсья» и ужъ сдѣлалъ на немъ много помѣтокъ карандашемъ (для рецензіи), то, признаюсь, я даже не разглядывалъ поднесеннаго и только черезъ два мѣсяца случайно узналъ отъ г. Довнара (уже разсерженнаго), что онъ сдѣлалъ собственноручныя рукописныя поправки и что четыре изъ курьезовъ, отмѣченныхъ мною въ рецензіи, были исправлены рукой автора еще, какъ видимъ, въ октябрѣ. Впрочемъ, скажу откровенно: если бъ даже я и замѣтилъ чернильныя исправленія въ поднесенной мнѣ отъ автора книгѣ, то все равно я счелъ бы себя вправѣ обратить вниманіе на *такія* исправленія: вѣдь купленный мною экземпляръ ясно свидѣтельствуетъ, что *продажные* экземпляры, назначенные для обращенія въ публикѣ, никакихъ такихъ поправокъ на себѣ не имѣютъ. Въ срединѣ ноября 1895 г. рецензія моя была послана въ редакцію «Кіевской Старины», но я еще и послѣ того, даже въ декабрѣ, видѣлъ книги Довнара въ прежнемъ состояніи, безъ приложенія списка *опечатокъ*. Только въ январѣ стали циркулировать вдругъ экземпляры «Бѣлорускаго Полѣсья» со

вклеенными списками «опечаток»¹⁾, под которыми стояла дата: «Кіевъ, 28 сентября». Оставляя въ сторонѣ вопросъ, зачѣмъ г. Довнару вообще понадобилось ставить подъ печатками дату, зададимъ лучше другой вопросъ: «Зачѣмъ онъ поставилъ эту дату *заднимъ числомъ*?» Не берусь догадываться, потому что и боюсь догадываться. Или... не для того ли это сдѣлано, чтобы внушить другимъ мысль, будто я, когда писалъ рецензію, несомнѣнно ужъ имѣлъ экземпляръ съ указаніемъ *опечатокъ*?... Но нѣтъ! нѣтъ! Такой нелитературный пріемъ былъ бы чудовищень!... Нѣтъ! я предпочитаю ни за что не вѣрить такой ужасной догадкѣ и ограничусь констатированіемъ одного лишь факта, что, когда я писалъ рецензію, то въ продажѣ ходили *неисправленные* экземпляры книги г. Довнара, и я, какъ рецензентъ, обязанъ былъ именно такіе то рецензовать.

Словарь пинскаго говора у г. Довнара-Запольскаго такъ же хатичень, какъ все сочиненіе, и никуда не годенъ въ филологическомъ отношеніи. Если бы г. Довнаръ ограничился простымъ переводомъ словъ, то еще можно бы примириться, но онъ, напр., вздумалъ сочинять несуществующія формы (напр., н. н. «велищиться»), вздумалъ пускаться въ очень наивныя этимологическія объясненія²⁾ и т. п. Все это я подчеркнулъ въ «Кіевской Старинѣ» въ своей рецензіи и прошу читателей еще разъ взглянуть въ нее. Г. Довнаръ, какъ человѣкъ несвѣдущій въ филологіи и незнакомый съ филологическими терминами, не могъ *понять* моихъ замѣчаній, и потому теперь въ своемъ отвѣтѣ возражаетъ мнѣ совершенно не впопадъ. Онъ, помнится мнѣ, сказалъ, что «тяти» происходитъ изъ «тнути» (не наоборотъ!), и сблизилъ этимологически (не семасіологически!) «тнути» съ «твнути» (тронуть); я ему объяснилъ въ рецензіи, что такая этимологія неумѣстна, а онъ мнѣ теперь возражаетъ: «Народъ не знаетъ этимологическихъ законовъ!». Выходитъ по малорусской

¹⁾ Приглашая читателей полюбоваться, что это за „опечатки!“ Онѣ ясно обличаютъ въ авторѣ человѣка, который съ непривычки не въ состояніи понимать самаго простаго филологическаго языка. Напр., работы Карскаго, на которыя ссылается г. Довнаръ, ясно указываютъ, что „му“ въ „ходитыму“ есть глаголь, и все же г. Довнаръ называетъ это суффиксомъ. Полнѣйшая неспособность разбираться въ филологическомъ чтеніи!

²⁾ Сейчасъ ниже читатель увидитъ, что г. Довнаръ смутно представляетъ себѣ значеніе слова: „этимологія“ и даже отверщается отъ нея. Тѣмъ не менѣе объясненіи его носятъ характеръ этимологическій. Какъ же это такъ? Повторяется, видно, здѣсь та же исторія, что и съ Мольеровскимъ *bourgeois gentilhomme*’омъ, который говорилъ цѣлый вѣкъ своей прозой, не зная, что это проза.

пословиць: «на вгороди бузина, а въ Києви дядько». Можно ли, послѣ того, спорить противъ возраженій г. Довнара? Я лучше всего посоветую г. Довнару взять въ руки элементарную грамматику, подучить ее, узнать, что значить «этимологія» и другіе філологическіе термины, — авось послѣ того онъ научится *понимать* філологическій языкъ; тогда, чаю, и самъ онъ уразумѣетъ свою «на вгороди бузину». А до тѣхъ поръ объяснять ему его філологическія ошибки я считаю трудноватымъ. На одно изъ горькихъ замѣчаній г. Довнара можно, однако, дать разъясненіе и теперь, такъ какъ его можно понять и безъ знанія грамматики. Я, просматривая словарь г. Довнара, увидѣлъ, что авторъ, поставивши возлѣ нѣсколькихъ (шести) пинскихъ словъ соотвѣтственныя польскія слова и выказавши такимъ образомъ свое явное желаніе не избѣгать польскихъ параллелей, не отмѣтилъ такихъ же параллелей при многихъ другихъ словахъ, гдѣ онѣ, такъ сказать, сами просились на перо; сверхъ того къ глаголу «зятхнуты» г. Довнаръ не могъ придумать параллели: «westchnąć», а привелъ существительное: «westchnienie». На этомъ основаніи я позволилъ себѣ замѣтить: «Кажется, впрочемъ, что г. Довнаръ-Запольскій владѣетъ польскимъ языкомъ не свободно». Г. Довнаръ-Запольскій нѣсколько разъ съ горечью упоминаетъ объ этомъ моемъ замѣчаніи. На стр. 196 онъ говоритъ: «Странно, какъ подобнаго рода свѣдѣнія могли попасть въ рецензію г. Кр.: очевидно, онъ ихъ почерпнулъ изъ какихъ либо стороннихъ источниковъ». На стран. 197-й: «Рецензія г. Крымскаго изобилуетъ различными замѣчаніями, относящимися не къ книгѣ, а къ ея составителю» (Откуда маѣ сіе?! Гдѣ эти личныя замѣчанія, да еще взобилующія??). На стр. 200-й онъ опять возвращается къ моему выраженію: «Кажется г. Довнаръ владѣетъ польскимъ языкомъ не свободно» и опять настоятельно повторяетъ: «Это одно изъ стороннихъ свѣдѣній». На стран. 202-й онъ повторяетъ еще разъ, что я на него нападаю, пмѣя «стороннія свѣдѣнія». Я объяснилъ уже, почему я позволилъ себѣ усумниться въ польскихъ знаніяхъ г. Довнара. Очень жалѣю, если нечаянно попалъ въ самое больное мѣсто автора. Для утѣшенія повторю ему его же мудрое изреченіе: «Не знать чего нибудь — вовсе не бѣда» (стр. 196). Но смѣю его увѣрить, что никакихъ «стороннихъ свѣдѣній» о немъ, г. Довнаръ, не имѣю. Никогда ни съ кѣмъ я не имѣлъ чести говорить о г. Довнарѣ-Запольскомъ, никогда мнѣ и въ голову не приходило избирать его сюжетомъ разговора, да и вообще (не во гнѣвъъ будь сказано г. Довнару-Запольскому) никогда и нигдѣ я не слышалъ,

чтобы о немъ чтонибудь говорили... Другое постороннее свѣдѣніе г. Довнаръ усмотрѣлъ въ моей фразѣ: «Авторъ — практическій знатокъ діалектовъ». Г. Довнаръ на это заявляетъ: «Вѣроятно, это одно изъ стороннихъ свѣдѣній: я не имѣлъ случая высказать своего практическаго знанія діалектологіи» (стр. 197). Опять могу дать честное слово г. Довнару, что еще никогда и ни отъ кого не слышалъ мнѣнія о г. Довнарѣ какъ о практическомъ знатокѣ діалектовъ: это мнѣ самому такъ показалось, когда я читалъ его книгу. Но теперь, когда г. Довнаръ запальчиво увѣряетъ (стр. 199), что у пинчуковъ слово «вродливый» значитъ «дородный» (т. е. толстый), я охотно отказываюсь отъ своей догадки и буду впредь относиться къ сообщеніямъ г. Довнара съ большою осторожностью.

Замѣтивши, что г. Довнаръ объясняетъ множество *обычныхъ* малорусскихъ словъ по словарю бѣлорусскому и по сборникамъ пѣсенъ бѣлорусскихъ, я съ изумленіемъ написалъ въ своей рецензій: «г. Довнаръ—Запольскій, повидимому, искренне убѣжденъ, что за немногими исключеніями весь лексическій репертуаръ пинчуковъ—бѣлорусскій, а не малорусскій!» Изумленіе мое простекало отъ того, что самъ г. Довнаръ, на стр. XXVII своей книги, призналъ говоръ пинчуковъ за малорусскій (это я отмѣтилъ въ самомъ началѣ своей рецензій). Теперь г. Довнаръ недоволенъ на мои слова и для доказательства, что пинскій говоръ онъ считаетъ за малорусскій, а не за бѣлорусскій, ссылается именно на стр. XXVII своей книги. Недовольство г. Довнара было бы основательно, если бы къ его книгѣ можно было примѣнять законы логической послѣдовательности. А ея у него нѣтъ. Вѣдь, сказавши на стр. XXVII, что пинскій говоръ относится къ малорусскимъ, г. Довнаръ все же назвалъ свою книгу «*Бѣлорусскимъ* Полѣсьемъ». Почему же я не смѣлъ предположить такого же логическаго скачка и въ «Словарѣ» а тѣмъ болѣе—встрѣчая объясненія общеизвѣстныхъ малорусскихъ словъ словаремъ бѣлорусскимъ? Да и вообще говоря: смѣю ли я ожидать логики отъ того автора, который, по его собственному заявленію (стр. 202), допускаетъ логичность только для большихъ сочиненій, а по отношенію къ маленькимъ считаетъ ее за излишнюю роскошь, который дѣлитъ пѣсни на лѣтнія, женскія и чумацкія, который считаетъ себя вправѣ писать хаотически и ненаучно на томъ основаніи, что его сочиненія „предназначаются не для учащихся, а для ученыхъ“?! Сважу встать, что не понимаю, какъ даже поднялось перо у г. Довнара, чтобы писать хоть одно слово въ оправданіе чудовищнаго дѣленія пѣсенъ на лѣтнія,

женскія и чумацкія. „Сборникъ мой такъ невеликъ, что я не счелъ нужнымъ вводить какую-нибудь другую классификацію», говоритъ г. Довнаръ (стр. 202). Въ истинномъ ученомъ обязательность научности прямо *внѣдрена*; ученый, просто въ силу безсознательнаго требованія своей природы, и строчка не можетъ напечатать безъ соблюденія научности, онъ не можетъ слѣдовать правилу, что *«Iedes Thierchen hat sein Manierchen»*

Я разобралъ отвѣтъ г. Довнара. Какъ изъ моей прежней рецензій въ «Кіевской Старинѣ», такъ и изъ нынѣшней читатель видятъ, насколько г. Довнаръ имѣетъ понятіе о филологіи въ частности и о наукѣ вообще. Просто изумляешься его отвагѣ, съ которой онъ позволяетъ себѣ раздавать другимъ патенты на научность и ненаучность и величать свою книжку «ученымъ трудомъ». (стр. 199). Это по пословицѣ: Не хвалить насъ люты, Гапко, дакъ самы похвалимось» Чтобы передъ нами еще рельефнѣе обрисовался научный обликъ г. Довнара, коснемся еще двухъ «пассажей» въ его статейкѣ.

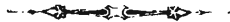
«Что касается словаря Желеховскаго, незнакомство мое съ которымъ г. Крымскій подкрѣпляетъ восклицательнымъ знакомъ, то всѣмъ хорошо извѣстно, что этотъ словарь, напечатанный въ Галиціи, въ Россію не допущенъ къ обращенію» (стр. 201). Мимоходомъ скажу, что это не всѣмъ извѣстно. Я, наир., получилъ словарь Желеховскаго черезъ цензуру совершенно свободно, и притомъ—какъ частное лицо. Знаю, что и другіе также получали «Словарь» и полагаю, что легко его могъ бы себѣ выписать и г. Довнаръ. Если же онъ думалъ, что обыкновенной публикѣ нельзя имѣть Словаря Желеховскаго, то развѣ не могъ обратиться къ специалистамъ-филологамъ, которые имѣютъ законное право держать всѣ сочиненія, необходимыя по ихъ специальности? Г. Довнаръ говоритъ, что онъ искалъ: «А что я его искалъ, объ этомъ кое-кому изъ моихъ читателей извѣстно». Вольно жъ было г. Довнару разыскивать словарь Желеховскаго у какихъ-то невѣдомыхъ своихъ читателей, а не обратиться, наир., къ Р. Θ. Брандту! Не въ этомъ впрочемъ суть, а въ томъ, насколько научна отговорка: «Не нашель,—значить можно и безъ того обойтись». А должно бы быть иначе: «Не нашель *нужнаго* научнаго пособия, такъ и не берись за дѣло не по силамъ, или не претендуй по крайней мѣрѣ на научность».

Научность г. Довнара видна и изъ его работѣннаго, чисто безсознательнаго преклоненія предъ авторитетомъ. Онъ обо мнѣ съ ужасомъ говоритъ: «Мимоходомъ здѣсь же достается профессору (даже *pleco* ti-

tulol) А. И. Соболевскому и вставлено общаніе «поговорить» о книгѣ академика (о, ужасъ!) Шахматова за ихъ смѣлость писать о малорусскомъ языкѣ» (стр. 196). Въ концѣ выписки мы, при случаѣ, можемъ отмѣтить или ошибку, или передержку: я вѣдь негодовалъ на названныхъ ученыхъ не за ихъ «смѣлость писать о малорусскомъ языкѣ», а за ихъ склонность тельковать о малорусскомъ языкѣ *не изучивши* его. Но г. Довнаръ такъ туго понимаетъ все относящееся хоть немного къ филологіи, что я охотно прощаю ему извращеніе моей мысли, а обращаю вниманіе читателя собственно на наивный ужасъ г. Довнара: «г. Соболевскій—профессоръ, а г. Шахматовъ—академикъ,—и подпте же: находится дерзкій человекъ, еще не державшій магистерскаго экзамена, а готовый противъ нихъ писать!». Если бы г. Довнаръ могъ судить о филологіи, то, быть можетъ, и самъ легко замѣтилъ бы, что сочиненія проф. Соболевскаго страдаютъ крайней тенденціозностью, прямо бросающей въ глаза, а если бы прочиталъ «Исслѣдованія въ области русской фонетики» акад. Шахматова, то прочиталъ бы и откровенное сознаніе самого автора, что его сочиненіе—мало продуманное, и что съ живыми русскими нарѣчійми онъ мало знакомъ. Но и помимо этого я принужденъ сообщить г. Довнару бавальную истину, что человекъ, любящій науку и дорожащій наукою, не долженъ смотрѣть со слѣпымъ довѣріемъ на титулъ «профессоръ» или «академикъ», а долженъ критически провѣрять все, долженъ прежде всего смотрѣть, гдѣ истина, гдѣ правда, и долженъ помнить, что какъ профессора, такъ даже академики способны ошибаться.

Чтобы г. Довнаръ пришелъ въ еще большій ужасъ, я возобновляю передъ читателями «Кіевской Старины» общаніе *поговорить* съ ними поподробнѣе о трудахъ г.г. Соболевскаго и Шахматова въ самомъ ближайшемъ времени.

А. Брымскій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Открыта подписка на новое, роскошно иллюстрированное изданіе А. Ф. Девриена.

АТЛАСЪ БАБОЧЕКЪ ЕВРОПЫ

И ОТЧАСТИ РУССКО-АЗІАТСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ.

Составленъ по Э. ГОФМАНУ. Обработанъ и дополненъ, примѣнительно къ русской фаунѣ, Н. А. ХОЛОДКОВСКИМЪ, профессоромъ Императорской Военно-Медицинской Академіи и доцентомъ С.-Петербургскаго Лѣснаго Института.

Выходить въ 10 выпускахъ въ большомъ форматѣ (in 4°); каждый выпускъ будетъ состоять изъ 24 страницъ текста и изъ 7—8 раскрашенныхъ таблицъ, представляющихъ всего 1965 видовъ бабочекъ и гусеницъ, изображенныхъ съ природы, съ передачей полного колорита и въ самомъ точномъ исполненіи. Такихъ таблицъ всего будетъ въ изданіи 72. Первый и второй выпускъ вышли въ свѣтъ въ январѣ и февралѣ 1897 г., слѣдующіе—ежемесячно. Все изданіе закончится въ октябрѣ 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на это изданіе, съ пересылкой или доставкой 10 выпусковъ, 14 рублей.

По желанію подписчика и во избѣжаніе излишнихъ хлопотъ при пересылкѣ денегъ,—сумма эта можетъ быть взыскана наложеннымъ платежемъ, при доставленіи первыхъ выпусковъ.

Принимается кромѣ того подписка на льготныхъ условіяхъ съ уплатою по 1 руб. 50 коп. за каждый выпускъ, по мѣрѣ его выхода. Сумма

эта (я 10 коп. комиссіи почтовому вѣдомству) можетъ быть налагаема на каждый высылаемый подписчику выпускъ.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Лица, не имѣющія сношеній съ ближайшими книжными магазинами, могутъ высылать свои требованія непосредственно къ издателю, АЛБФРЕДУ ФЕДОРОВИЧУ ДЕВРИЕНУ, В. О., Румянцевская площ., свой домъ, въ С.-Петербургѣ.

ривъ Одарію Семеновну, что всѣ, въ томъ числѣ и она, происходятъ отъ не-христіанъ, потому что въ древнія времена всѣ народы были прежде не христіане; но трудолюбивая Одарія Семеновна, соглашалась съ послѣднимъ, никакъ первому вѣрить не хотѣла, и православное свое происхожденіе весьма крѣпко защищала.

Часу въ одиннадцатомъ утра, возвратился п. полковникъ.— П. Галошкевичъ и служители встрѣтили его на крыльцѣ. Одарія Семеновна и панночки въ гостинной ожидали прихода его. Дочь и племянница недолго оставались тутъ, но поцѣловавши руку полковника и отвѣтивши на два-три вопроса его, удалились въ свою комнату. Остались Дарья Семеновна и п. Галошкевичъ.

— Долго загулялись, добродѣю, въ городѣ, началъ п. Галошкевичъ.

— Да, п. Галошкевичъ. Было много дѣла. Ты, я думаю скучалъ?—

— Какъ же не скучать, добродѣю? Безъ васъ, кажется, въ домѣ пусто.— Не кажите, сего, п. Галошкевичъ, подхватила Одарія Семеновна, которая съ нетерпѣніемъ слушала уже сей разговоръ,— слава Богу, у насъ въ домѣ не пусто. Панночки всегда въ домѣ, и я, нечего вамъ говорить, не сидѣла подъ замкомъ! Правда, что безъ пана, не такъ весело въ домѣ, но все жъ таки не пусто! А коли вамъ скучно съ нами, было вамъ ѣхать въ городъ съ вельможнымъ паномъ! Вы все привыкли съ панами быть вмѣстѣ, такъ нечего вамъ оставаться съ нами, п. Галошкевичъ, и вельможному пану было бъ веселѣе съ вами. Дѣла же вамъ въ домѣ немного и мы бы управились сами.

— Одарія Семеновна! отвѣчалъ п. Галошкевичъ, у васъ свое дѣло, а у меня свое. П. полковнику знать про то, гдѣ мнѣ оставаться надо.

— Полно, полно, сказалъ полковникъ.— Вы поссоритесь, да забудете дать мнѣ водки. Кажется, Одарія, что пора намъ выпить по чаркѣ и закусить. У тебя вонечно есть пироги.

Одарія Семеновна вышла сейчасъ изъ комнаты, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія къ завтраку.—

— Видно у васъ не ладно было, сказалъ п. полковникъ къ п. Галошкевичу?

— По прежнему, добродѣю. Кажется и ясно на дворѣ, а смотришь и набѣжить туча.

— Я надѣюсь, п. Галошкевичъ, что ты, какъ умной человѣкъ, будешь со всего этого смѣяться.

— Ваша вельможность знаетъ, что съ бабами тоже что на морѣ не знаешь, когда настанетъ буря.—

— Но мы къ этому привыкли. Надобно же и Одаріи Семеновѣ дать волю!

— Конечно, добродѣю, я бы желалъ, чтобы ваша вельможность, нѣсколько ее поудержали, но въ этомъ будь ваша воля! Иногда бываетъ мнѣ и не вмоготу переносить ея затѣйливости, и мнѣ кажется, что Одарія Семеновна должна бы изъ уваженія къ в. в. не давать такой воли своему языку. Для чести вашего знатнаго дому, должна бы она быть поскромнѣе, и я боюсь, чтобы злые люди не вынесли чего худого, видѣвши своевольство Одаріи Семеновны... Надобно конечно сознаться, что Одарія Семеновна у вашей вельможности вѣрная слуга и не всякой можетъ похвалиться такою неутомимою и честною ключницею.

Причина, по коей и. Галошкевичъ перемѣнилъ такъ внезапно конецъ своего разговора, была то, что онъ въ это время слышалъ, что Одарія Семеновна подхалила къ той комнатѣ, гдѣ онъ съ п. полковникомъ бесѣдовалъ. Трудолюбивая ключница явилась въ это время съ подносомъ, на которомъ стояло нѣсколько карафинчиковъ съ водою разныхъ цвѣтовъ и разныхъ качествъ и серебрянными чарками. Вскорѣ затѣмъ лакеи принесли хлѣбъ, балыкъ, икру паюсную, приливную осетрину, печеную рыбу и пироги. Панночки тоже вышли къ завтраку.

— В. в., такую добрую водку не вездѣ въ городѣ ипли, сказалъ п. Галошкевичъ п. полковнику, когда тотъ наливалъ чарку.

— Правда твоя, и. Галошкевичъ. Выпей же и ты за здоровье Одаріи, которая намъ такія славныя водки дѣлаетъ.

П. Галошкевичъ подступилъ къ столу и взялъ за карафинчикъ, которой обыкновенно разчетливая ключница для него и подобныхъ ему ставила. Но Одарія Семеновна, которой на ту пору понравилась похваля водкѣ и которая слышала послѣднія слова п. Галошкевича на счетъ ея сказанныя, остановила его.

— Нѣтъ, и. Галошкевичъ, сказала она, для панскаго ирѣзда выпейте чарку кардамоновой. Я тоже выпью за ваше здоровье. Запеканку и полыннюю настойку будемъ мы съ вами пить въ другое время. Вы же, п. Галошкевичъ, недавно жаловались на нездоровье, а я благодаря Бога, людямъ помогаю. При старой паніи, вѣчная ей память, продолжала Одарія Семеновна, выпивая водку, а также понаучилась лѣчить людей и не проходитъ дня, что бы ктонибудь изъ нашего и ближнихъ селъ не приходилъ за лѣкарствомъ. П. знатной бунчуковый товарищъ, хотъ и завелъ въ Глуховѣ аптеку, но какъ

видно не всё туда ходятъ за лѣкарствами. И мнѣ кажется, добродѣю, что вы напрасно такъ много передали туда денегъ за заморскія лѣкарства. Благодаря Бога, мы аптеки прежде не знали, а все таки своего вѣку доживаемъ.

— Я очень вѣрю, добрая моя Одарія, что ты лѣчишь мастерица, но ты не можешь имѣть нужныхъ всѣхъ лѣкарствъ, которыя находятся въ аптекѣ.—Но поговоримъ о другомъ. Ты знаешь, что послѣ завтра я именинникъ. Ко мнѣ назвались многіе гости пріѣхать, поэтому и я самъ многихъ звалъ, и я думаю, что у насъ будетъ человѣкъ 50.

— Воля ваша, добродѣю, а коли бы старая пани была жива, то она бы васъ побранила. Не то чтобы она гостямъ была не рада, и я милости прошу чужихъ людей, но надобно бы вамъ было, добродѣю, загодя дать мнѣ знать. Вы сами знаете, что день не годъ, и не мѣсяць. Въ одинъ день не много сдѣлаешь. Я не забыла на послѣ-завтра, но не чаяла, что у васъ будетъ такъ много гостей. Пятьдесятъ человѣкъ не пять и не десять. Правда, что за годъ до смерти старой пани случилось тоже, что неожиданно наѣхало почти столько же на ваши именины, и я помню сколько я тогда понабѣгала.

— Однако, любезная Одарія Семеновна и я помню тоже, что благодаря твоимъ стараніямъ все хорошо было и ты не посрамила день моего ангела.

— Ну п. Галошкевичъ, выпьемъ еще по чаркѣ. Послѣ такихъ жирныхъ широговъ не худо. Одаріи будетъ хлопотъ довольно, а мнѣ надо поговорить съ тобою о дѣлахъ.

— Я думаю, Лукьянъ, сказала Одарія Семеновна въ старому креденцарію (буфетчику?), который за нѣсколько предъ тѣмъ минутъ вошелъ въ гостиную, чтобы прибрать завтракъ, я думаю, что п. Галошкевичъ столько же разумѣетъ дѣла, какъ и мы съ тобою, и кажется не для чего бы ему такъ надуваться, когда панъ позоветъ его на совѣтъ.

— Правда ваша, Одарія Семеновна, пусть уже нашъ братъ, которой не выходитъ изъ креденца, —мы конечно дѣлъ не знаемъ,—но мнѣ кажется, что вы, Одарія Семеновна, завѣдывая столько лѣтъ всѣмъ дворомъ весьма, бы могли подать иногда и лучшіе совѣты, чѣмъ п. Галошкевичъ.

— Конечно, Лукьянъ, мы таки что нибудь знаемъ, отиѣчала ключница, наливая рюмку водки и подавая Лукьяну, сверхъ того, какъ будто у пана нѣтъ другихъ грамотныхъ людей... Писарь Горбатый я думаю и самого п. Галошкевича загналъ бы въ тупикъ. А покупки, для которыхъ всегда посылаютъ п. Бандуру, и всякой изъ насъ не хуже бы сдѣлалъ.

— Правда ваша, Одарія Семеновна. Я право не знаю, на что пану нужна эта Бандура? Хоть бы она играла, какъ при Мазепѣ, а то все молчить.

— Не скажу того, пане Лукьяне, хоть и не играетъ, да и не молчить. Ты думаешь, черезъ кого выходить во дворѣ каламутины? Черезъ кого другого, какъ не чрезъ п. Галошкевича. Я бы его двухъ дней въ дворѣ не задержала. На что таки держать такого дармоѣда, на котораго столько надобно кошту. Что жъ будешь робить съ паннами? Но коли бы они насъ слушались, да почаще спрашивались, то едва ли не лучше бы у нихъ все было, и едва ли не больше бы водалось у нихъ денегъ.

ГЛАВА III.

Наступилъ день именинъ полковника. Слышкомъ бы много было описывать всѣ труды и приготовленія, сдѣланныя къ сему дню неутомимую Одаріей Семеновной. Она не спала ни днемъ, ни ночью, и если она не свалилась съ ногъ, то это потому только, что домашнія хлопоты были ей стихіей. Скорѣе бы могла она сдѣлаться больною, еслибы отняли у нея возможность предоставлять ногамъ и языку своему безпрестанное движеніе, и безъ всякаго сомнѣнія, если бы трудолюбивая ключница не имѣла къ сему охоты, то все бы могли устроить и съ меньшимъ шумомъ и съ меньшею бѣготнею. Должно однако сознаться, что въ старину всякой необыкновенный съѣздъ гостей навлекалъ въ домъ множество заботъ, ибо тогда не пришло еще время, когда господа стали поставлять свои дома на такую ногу, что почти безъ приготовленія могли принимать гостей. Прежде жили весьма просто, и какъ скоро праздникъ оканчивался и оставался хозяева одни, то всѣ лучшія вещи, серебро, стекло, посуду и прочее прятали въ кладовыя. Посему то, когда ожидали какого праздника въ домѣ, столько было труда все это (нужно было?) вытаскивать изъ кладовыхъ и сундуковъ, вытирать вымывать, чистить. Не знаю осуждать ли это должно или слѣдовать сему? по крайней мѣрѣ, нечего сему удивляться, ибо всакой вѣкъ имѣетъ свой обычай. И въ древности римляне изумлялись, что при дворѣ царей македонскихъ употребили самые драгоценныя приборы и украшенія не для параду и чрезвычайныхъ случаевъ, какъ то дѣлалось придворѣ александрійскомъ, но ежедневно и запросто.

Гости начали съѣзжаться. Всѣ не принадлежавшія къ высшему классу, поставляли въ обязанность пріѣхать къ знатному пану какъ можно

раньше, и хотъ они отправились на обѣдъ, но пріѣжали уже въ девять часовъ утра. Это были: п. Горошковскій-Бобъ, отставной войсковой товарищъ, п. значковый Грачь, мелкопомѣстные сосѣди п. полковника, которые обыкновенно ближайшаго богатаго пана считала своимъ патрономъ, оказывали ему всякое уваженіе и побаивались, чтобы на случай вельможному пану не пришла охота на ихъ счетъ округливать своихъ владѣній!—П. полковника симъ упрекать недѣзя было и сосѣди жившіе въ одномъ селѣ съ нимъ и поблизу, на него не жаловались и его почитали. Сверхъ сихъ ранопрѣхавшихъ, вскорѣ явились канцеляристы изъ коллегіи и генеральнаго суда, которые оказывали п. полковнику услуги по дѣламъ его въ сихъ присутственныхъ мѣстахъ, и потому всегда имѣли право бывать у п. полковника, и хорошо пранимаемы были. Всѣ эти гости, по раннему своему пріѣзду, могли бы быть нѣсколько обременительны хозяину, еслибы они были взыскательны, но они довольствовались въ боковой комнатѣ бесѣдою п. Бандуры Галошкевича и гостепрѣимствомъ Одаріи Семеновны, которая въ подобныхъ случаяхъ была ласкова и привѣтлива. Въ ожиданіи пріѣзда пановъ и начала настоящаго угощенія, она потчивала гостей водкою и закускою, такъ что гости ея нимало не были въ накладѣ отъ позднаго пріѣзда знатнѣйшихъ гостей. Наконецъ, часу въ двѣнадцатомъ начали съѣзжаться вельможные паны, генеральная старшина: п. обозный генеральный Яковъ Лизогубъ, войсковые генеральные судьи—Акимъ Горленко и Федоръ Лысенко, прежній генеральный судья Михайло Забѣла, генеральный бунчужный Даміянъ Оболонскій, асаулы: Петръ Вальковичъ и Яковъ Якубовичъ, генеральный хорунжій Николай Ханенко, исправлявшій должность подскарбія генеральнаго п. Яковъ Марковичъ, полковникъ лубенскій п. Петръ Апостоль, п. Галаганъ, п. Полуботокъ, п. Михайло Скоронадскій, п. Ив. Гамалѣя и нѣкоторые другіе. Великороссійскіе члены войсковой канцеляріи и генеральнаго суда тоже прибили: бригадиръ Ильинъ, полковникъ Челнщевъ, Тютчевъ, Семеновъ. Богатѣйшіе паны пріѣзжали въ каретахъ, берлинахъ съ позолоченными украшеніями, съ вензелями на дверцахъ, выбитыми маленькими мѣдными гвоздями, цугомъ въ шорахъ съ красными обшивками, съ *люцами и кантарами*. Ожидали только пріѣзда бывшаго тогда главнымъ начальникомъ Малороссіи генералъ-лейтенанта Бибикова ¹⁾ и п. генеральнаго писаря Андрея Безбородка, замедлившихъ потому, что въ тотъ день пришла

¹⁾ Назначенъ правителемъ Малороссіи весной 1742 г. Во время его правленія, пріѣзжала императрица Елисавета въ Глуховъ, по пути въ Кіевъ. Бибиковъ на правительствѣ и умеръ, въ маѣ 1745 г. Днев. Зап. Яг. Марковича, II, 223.

изъ Петербурга почта. Изъ дамъ были немногія, только двѣ ближайшія родственницы полковника: пани Яковлева Чарнишъ и пани Иванова Яворская. Первая изъ нихъ приняла на себя и должность хозяйки. Хотя люди одинъ на другаго не похожи, но трудно было бы сыскать двухъ женщинъ между собой болѣе различныхъ. Пани Яковлева не мало не отступала отъ старинныхъ малороссійскихъ обычаевъ и потому имѣла она гродетуровую двучинаго цвѣта юпку и оксамитный зеленый кунтушъ, на шеѣ видна была часть тонкой сорочки, которая застегивалась заюпкой; на головѣ былъ корабликъ, середина коего была парчевая, а края бархатные черные. Волосы всѣ были подобраны подъ корабликъ. Въ языкѣ она тоже не дѣлала никакого измѣненія, равно и во всѣхъ заведеніяхъ прежнихъ. Пани Иванова напротивъ имѣла особенную охоту возиться и знаться съ супругами великороссійскихъ господъ. Незавѣстно, что было побудительною сему причиною. Нѣкоторые пани можетъ быть и несовсѣмъ справедливо утверждали, что пани Иванова имѣла отъ сего нѣкоторыя выводы, и что честолюбіе ея во многихъ случаяхъ отъ сего знакостра выгривало. Но какъ бы то ни было, всѣ великороссійскія дамы очень съ нею были дружны и часто случалось, что вновь пріѣзжавшія были уже съ нею знакомы посредствомъ своихъ знакомыхъ, которые прежде ихъ были въ Малороссіи. Пани Иванова была между малороссіянами и великороссіянами нѣчто среднее, какъ въ отношеніи языка, такъ и въ отношеніи одѣянія и прочихъ обычаевъ. Она уже не носила ни кораблика, ни кунтуша, но чепцы и нѣмецкія платья. Въ нарядахъ однако было ей гораздо легче подражать, нежели въ языкѣ. Великороссійскія дамы дружески шутили при странномъ для нихъ произношеніи нѣкоторыхъ словъ, особливо тѣхъ, гдѣ малороссіине произносятъ букву *ь* какъ *и*, а потому пани Иванова была на счетъ сего въ большомъ затрудненіи, и стараясь избѣжать ошибокъ, впадала въ другой родъ неправильнаго произношенія, произнося часто *ь* тамъ, гдѣ въ обоихъ нарѣчіяхъ употребляется *и*. Она всегда говорила *Чернышовъ, кибьтка, зьма*. Странности тогда не такъ замѣтны были, сверхъ того не одна пани Иванова подражала уже обычаямъ русскихъ; были и другія паніи и высшаго разряда. Въ Глуховѣ съ давнихъ уже лѣтъ жилали знатныя русскія дамы, княгиня Шаховская, Румянцева, княгиня Борятинская, Неплюева, которыя пріѣзжая изъ столицъ, безъ сомнѣнія имѣли большое вліяніе на обычаи и нравы общества, какъ то всегда бываетъ.

Наконецъ увидали карету генерала Бибикова. Всѣ засуетились, вышли на встрѣчу и провожали его съ...¹⁾

¹⁾ На этихъ словахъ рукопись кончается.

ЗАПИСКА
О
МАЛОРОССІЙСКИХЪ ЧИНАХЪ

АДРІАНА ИВАНОВИЧА ЧЕПЫ.

(1809 г.).

Послѣ изданія въ 1783 г. дворянской грамоты, малорусская козацкая старшина оставила прежнія заботы о доказательствахъ своего шляхетства, полученнаго де отъ польскихъ королей, а поспѣшила записываться въ „дворянскія родословныя книги“, хорошо уразумѣвъ какія значительныя права она получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ. Сначала, казалось, что дворянство получить не трудно, но скоро „герольдія“ сталъ дѣлать затрудненія, находя что не всѣ козацкіе чины даютъ право на записку въ дворянскія книги. Мѣстные историки стали возражать, приводя историческія доказательства о значеніи козацкихъ чиновъ. Изъ такихъ доказательствъ до настоящаго времени извѣстны двѣ записки: одна, принадлежащая В. Г. Полетикѣ, уже напечатанная (Кіевск. Стар. 1893 г., янв., прилож.) а другая, печатаемая здѣсь, написана А. И. Чепю, извѣстнымъ „любителемъ отечества своего“. *Записка* Чепы печатается по ея подлиннику, находящемуся въ библіотекѣ кіевского университета, куда она поступила вмѣстѣ съ бумагами М. О. Судьенка. Подробности о составленіи этой записки—см. въ перепискѣ Чепы съ Чарнышемъ и Полетикою, напечатанной В. П. Горленкомъ ¹⁾.

¹⁾ „Кіевск. Старина“ 1893 г., январь, стр. 46 и слѣд.

Записка о преимуществахъ чиновъ малороссійскихъ. Сочинена по препорученію г. малороссійскаго полтавскаго маршала Василія Ивановича Чарныша статскимъ совѣтникомъ Адріаномъ Чепюю. 1809 года, февраля 18 дня.

Указъ правительствующаго сената по герольдін, что малороссійскіе чины не такіе, коимъ дворянскою грамотою присвоено дворянское достоинство—несогласенъ съ малороссійскими привилегіями и высочайшими грамотами. Сіе доказывается слѣдующими обстоятельствами.

1-е.

1. Малая Россія есть часть Русскаго царства или великаго княженія Кіевскаго. Народъ, населяющей оную, есть древній русскій ¹⁾. Она съ 1240 года силою отторжена татарами; потомъ, подвергнута польской коронѣ до 1654 года. При такихъ перемѣнахъ, подъ чужимъ игомъ, сохранила она отъ временъ древняго русскаго правленія православною вѣру, русскій языкъ, имена городовъ и нѣкоторыхъ селеній, древнія права, уставы, привилегіи, обычай и раздѣленіе состояній народа. Въ такомъ положеніи она соединилась попрежнему съ всероссійскою державою, удержавъ учрежденное въ ней во время польскаго владѣнія ²⁾ военное правленіе и рыцарство, или войсковые чины ³⁾.

¹⁾ Нѣкоторые лѣтописатели малороссійскіе выводятъ происхожденіе народа, нынѣ населяющаго Малую Россію, одни отъ кимировъ, другіе, толкуя имя козакъ, полагають ихъ отъ козаръ и прочая, но все то несправедливо: одни берутъ очень издалека, а другіе говорятъ безъ основанія. Гетьманъ Хмельницкій въ универсалѣ 1648 г. мая, 19, къ малороссійскому народу, называетъ Малую Россію предковъичною отчизною ихъ, а славныхъ и валечныхъ руссовъ предками ихъ.

²⁾ 1576 года королемъ Стефаномъ Баторіемъ.

³⁾ Въ прошеніи гетьмана Хмельницкаго и чиновъ войсковыхъ ихъ царю Алексѣю Михайловичу, 1654 года февраля 17 дня, написано. „Пожаловавъ, ущедрить права, уставы и привилегіи отъ всякіи свободы и державы добръ отъ духовныхъ и мирскихъ людей во всякомъ чинѣ и преимуществахъ сущихъ, елико кто имаше отъ

2) Рыцарство или малороссійскіе войсковые чины—были слѣдующіе: гетманъ, писавшійся войскъ запорожскихъ и обѣихъ сторонъ Днѣпра, генеральные старшины: обозный, судьи два, а иногда одинъ, подскарбій, писарь, асауловъ два, а иногда одинъ, хоружій, бунчучній, и принадлежащіе вѣдомству гетмана бунчуковые и войсковые товарищи и войсковые канцеляристы. Особо того: генеральной артилеріи асаулъ, хоружій и атаманъ, полковіе старшины: полковникъ ¹⁾, судья, обозный, писарь, асаулъ, хоружій и принадлежащіе вѣдомству полковника: значковые товарищи, сотенные старшины, сотникъ и атаманы городовые и сотенные или куренные, писарь, асаулъ и хоружій.

3. Важность и власть сихъ чиновъ въ народѣ малороссійскомъ доказывается обширностію сихъ должностей и именно: гетманъ былъ главнокомандующій войскомъ и главноуправляющій доходами, земскою управою и полиціею; имѣлъ власть награждать за заслуги деревнями и чинами, яко то: значковыми, потомъ войсковыми и потомъ бунчуковыми товарищами. Генеральные чины имѣли власть по-

вѣковъ, отъ князей и пановъ благочестивыхъ и отъ королей польскихъ, въ государствѣ руссійскомъ выданныхъ отъ нихъ же. Мы кровь свою проливаемъ отъ дѣдовъ и пращѣдовъ тѣя содержаще и пагуби я не допускающе“.

Въ томъ же прошеніи, въ изображеніи общація царя Алексѣя Михайловича чрезъ присланнаго отъ него, написано: „большими вась, рече, свободами, державами и добрами пожалуетъ его царское величество, паче королей польскихъ и князятъ древнихъ русскихъ, точію челомъ бійте“. Изъ упомянутаго универсала гетмана Хмельницкаго, 1648 года, мая 18 дня, видно, что каждый король давалъ Малой Россіи подтвержденіе ея правъ и протчая.

Примчаніе. Кромѣ статута, двухъ королевскихъ и Зборовскихъ пунктовъ, не находится древнихъ общихъ уставовъ ²⁾ и привилегій князей русскихъ и литовскихъ, хотя, повидимому, были оныя. По преданію же извѣстно, что привилегіи и грамоты во время войнъ съ татарами и турками, послѣ Хмельницкаго бывшихъ, вніе утрачены а вніе измѣнивкомъ Мазеномъ со всею архивою къ шведамъ увезены, поелику присланы отъ царя Алексѣя Михайловича къ Хмельницкому для принятія и присяги бояринъ Бутуранинъ, стольничій Алферовъ да думной дьякъ Допухинъ упоминали объ нихъ въ увѣреніи Хмельницкаго и старшины, то можетъ быть и получили съ оныхъ копія, можетъ быть всѣ они отыщутся между дѣлами посольскаго приказа того времени въ государственной иностранной коллегіи, изъ коей въ послѣдующее время присланы имѣющіеся въ малороссійской архивѣ копія съ договорныхъ пунктовъ гетманскихъ.

¹⁾ Изъ прописанныхъ чиновъ генеральные и полковники подлежали высочайшему утвержденію, а о полковой старшинѣ и сотникахъ гетманъ долженъ былъ доносить императорскому величеству съ описаніемъ ихъ служебъ и достоинствъ.

²⁾ Г. А. господиновъ Полетика подъ словомъ *уставы* разумѣетъ конституціи коронныя польскія. Письмо его 1772 года, генвара 31.

собляющую гетману. Полковые чины командовали въ полкахъ, кои были конные, и полковою артиллерією, а сотенные чины—нѣсколькими сотнями реестровыхъ козаковъ и тоже сотенною артиллерією. По мѣстному раздѣленію сего края было полковъ двадцать до 1711 года, въ каждомъ неравнымъ числомъ, отъ 2150 до 9096 человекъ реестровыхъ козаковъ, кромѣ охочихъ полковъ, шести конныхъ и пѣшихъ. При военной службѣ сихъ чиновъ, они имѣли сборъ казенныхъ доходовъ, земскую управу и полицію, даже и въ оставшихся съ 1711 года десяти полкахъ до 1769 года, то есть до устроенія урядовъ земскихъ по статуту.

4. Сіи чины въ прежнія времена, до 1765 года, выбираемы были отъ всего войска, по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ избираемаго, съ уваженіемъ заслугъ предковъ его, хотя тогда и козаки имѣли право быть выбираемы въ чины, но требовалось, чтобы они оказали особливныя способности и заслуги главѣйшія.

5. Сіи то чины съ войскомъ малороссійскимъ бывши въ поляковъ, служили имъ оплотомъ противъ татаръ и турковъ, и военными подвигами своими пріобрѣли отъ нихъ подтвержденіе древнихъ ихъ преимуществъ, уравненіе съ шляхетствомъ и присвоеніе имъ права книги статута, но послѣ оказанныхъ имъ притѣсненій, они, командуя козаками, со многими пролитіемъ крови своея на тридцати шести сраженіяхъ, свергнули иго притѣснителей своихъ поляковъ и Малую Россію, прародительскую отчизну всероссійскихъ монарховъ, повергнули къ подножію престола ихъ.

6. Царь Алексій Михайловичъ, «яко орелъ на птенцы своя возделѣ», принялъ ихъ подъ высокодержавную свою руку 1654 года. Съ того времени они, находясь въ природномъ своемъ подданствѣ, всероссійскимъ самодержцамъ всегда служили вѣрою и правдою; возмущенія къ несчастію извнѣ коварствомъ навѣяемыя, они тогда же отражали и истребляли вооруженною рукою и всегда оставались вѣрными подданными всероссійскимъ монархамъ. Съ того же времени служили имъ во всѣхъ бывшихъ Россіи войнахъ съ татарами, турками, поляками, Персією, шведами, при взятіи городовъ Смоленска, Азова, Очакова, Хотина и прочая. Содержали пограничную стражу, а паче отъ бывшихъ татаръ; всегда во всемъ были послушные исполнители, что только благоугодно было высочайше повелѣлъ имъ: командированы были съ козаками для строенія разныхъ крѣпостей внутри и внѣ Малой Россіи, для копанія пограничныхъ линій, Ладожскаго канала и дѣланія плотины на рѣкѣ Сулакѣ, а въ 1739 году, во всю зиму, по-

лонили ледъ на рѣкѣ Днѣпра, отъ Кіева даже до самой львів, чтобъ не перешли татары; не имѣли никогда отставки, служили во всю жизнь на собственномъ содержаніи.

7. Покойный господинъ генераль-фельдмаршалъ, сенаторъ, малороссійскій генераль-губернаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ Задунайскій, во время царствованія безсмертной славы государини императрицы Екатерины Великія, за увольненіемъ гетмана, выходясь по высочайшему опредѣленію шефомъ и главнокомандующимъ малороссійскими войсками, поступалъ по высочайшей волѣ и намѣреніямъ ея величества; по ея повелѣнію; безъ сомнѣнія, на высочайшемъ соизволеніи основанному введенъ порядокъ согласно россійскимъ узаконеніямъ, то есть: малороссійскіе воинскіе чины уже не были избираемы по удостоеніямъ отъ команды производимымъ и повышаемы по разсмотрѣнію заслугъ не только удостоенныхъ, но и предковъ ихъ, но къ казеннымъ должностямъ выбираемы были собраніями чиновъ по полкамъ и повѣтамъ, яко то: въ предводители шляхетства, въ члены и должности судовіе, земскіе и градскіе, по статуту; для собранія и храненія казенныхъ податей въ повѣтовые комисары, въ каждый повѣтъ по одному, изъ осѣдлыхъ и вмуществомъ небѣдныхъ бунчуковыхъ или войсковыхъ товарищей, для счета въ кассиры по одному изъ значковыхъ товарищей, и для письма или въ писари по одному изъ полковыхъ канцеляристовъ. По учрежденію реченнаго главнокомандующаго, 1765 года, сентября 9 дня, къ новоучрежденной онимъ же главнокомандующимъ съ 1765 года и высочайше утвержденной коной почтѣ, въ почтмейстеры изъ войсковыхъ или значковыхъ товарищей, сначала 15-ть человекъ, а въ теченіи времени, по усмотрѣнію надобности, умножены почтовые мѣста, кои заняты сими же чиновниками, и въ смотрители коронныхъ имѣній.—Сверхъ того, изъ сихъ же малороссійскихъ чиновниковъ опредѣляемы были отъ главнокомандующаго въ члены: въ генеральныя—скарбовую канцелярію и счетную комиссію, въ полковыя счетныя же комиссіи, для присутствія въ учрежденной въ Глуховѣ главнокомандующимъ же съ 1778 года для воинскихъ процессовъ комиссіи, одинъ изъ генеральныхъ старшинъ и нѣсколько бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей, а за аудитора и для письма—изъ канцелярскихъ служителей. Вообще же для исполненія бывшихъ въ военныя времена разныхъ отъ земли нарядовъ: фуръ воловъ, погонщиковъ и прочая, и для изслѣдованій на мѣстѣ, въ случаѣ преступленія должностей, командируемы были наипаче бунчуковые, войсковые

и значковые товарищи. И всѣ чины малороссійскіе, по повелѣнію того же главнокомандующаго 1778 года данному, занимаясь службою, не должны были обовязываться посторонними дѣлами.

8. Сіи чины всегда заслуживали къ себѣ высочайшее и всемплоствѣйшее вниманіе и благоволеніе всѣхъ съ того времени царствовавшихъ самодержцовъ всероссійскихъ. Сіе гласятъ всѣхъ ихъ высочайшія грамоты съ подтвержденіемъ имъ правъ и преимуществъ данныя; многія высочайшія ихъ грамоты писаны на имя чиновъ войсковыхъ, даже до куреннаго атамана, и во многихъ изъ оныхъ удостоены они названія вѣрнолюбезныхъ подданныхъ.

2-е.

Отъ изданія первой грамоты короля Сигизмунда 1563 года, кою подтверждены малороссійской войсковою старшиной, или рыцарству, ихъ прежнія права, вольности, обычаи и преимущества,— до состоянія высочайшаго имяннаго отъ 28 іюля 1783 года указа, по коему они переименованы въ великороссійскіе чины, протекло 220 лѣтъ, а до сего указа правительствующаго сената, по геролдін послѣдовавшаго къ уничтоженію сихъ чиновъ, 7-го ноября 1807 года, прошло 244 года, но со времени присоединенія ихъ подъ всероссійскую державу, съ 1654 года, уже 155 лѣтъ, никогда не оказано сумнѣвія и не сдѣлано опроверженія на ихъ преимущества; и они пользовались ими по высочайшимъ подтвержденіямъ всѣми царствовавшими самодержцами всероссійскими. Сверхъ того, оныя высочайшею ихъ властію и постановленныхъ отъ нихъ начальниковъ усовершенствованны и умножены, ибо что

1, пользовались они всѣми шляхетскими преимуществами точно такъ, какъ Россійскіе дворяне и чины по табели о рангахъ установленныя;

2, удостоены высочайше уравненіемъ между нѣкоторыми чинами ихъ;

3, признаваемы были достойными къ уравненію и награжденію ихъ введенными въ Россію по примѣру прочихъ европейскихъ державъ чинами, и наконецъ—

4, они дѣйствительно переименованы въ великороссійскіе большею частію военные чины такимъ порядкомъ, какъ бы и прежніе ихъ малороссійскіе были классные.

На сіи четыре положенія имѣются слѣдующія доказательства.

На первое. 1-е. Въ Малой Россіи чиновники войсковые изъ незапамятуемыхъ временъ владѣли деревнями и прочими недвижими имѣніями по предкамъ, по пожалованію за службы и по благоприобрѣтенію. Они имѣли, по высочайше утвержденнымъ докладнымъ пунктамъ 1729 года августа 22, позволеніе покупать въ Россіи маестности и прочія недвижими имѣнія и быть во всемъ противъ великороссійскихъ вотчинниковъ,—право, которое тогда однимъ россійскимъ дворянамъ принадлежало.

2-е. Многіе изъ малороссійскихъ военныхъ чиновниковъ, по подобію бывшихъ въ Россіи для чина дворянскаго помѣстцевъ, имѣли ¹⁾ ранговныя деревни даже до открытія тронхъ малороссійскихъ намѣстничествъ, а вообще всѣ чиновники, за умноженіе заслугъ, получали отъ гетмановъ, а потомъ отъ всероссійскихъ самодержцовъ, имѣнія потомственно, какъ въ Россіи дворянамъ жалованы были помѣстья въ вотчины.

3-е. По таковымъ преимуществамъ въ Малороссіи войсковыхъ чиновниковъ, совершенно сходственнымъ съ шляхетскими, уже не было между ими и нѣкоторымъ числомъ шляхетства изъ Польши переселившимся, никакого различія: всѣ они равно и вновь за службы получившіе чины, по древнему обычаю, выборомъ и производствомъ, коихъ полагается токмо малое число, пользовались одинаково правами и преимуществами шляхетскими, всѣмъ имъ, женамъ ихъ и дѣтямъ присуждаемо было по рѣшеніямъ всѣхъ урядовъ, прательствующаго сената и иногда по высочайшимъ конфирмаціямъ, безчестье въ статутѣ шляхетскому состоянію положенное, и поелку тѣхъ, другихъ и третьихъ обязанность была служить во всю жизнь, то по умноженіи заслугъ и отличностей каждаго изъ нихъ, имѣли они равное право на всѣ чины, достоинства и награжденія.

4-е. При военномъ управленіи Малой Россіи, когда признано необходимо нужнымъ учредить земское правосудіе, то и произведено оное, 1763 года. По статуту узаконенно: занимать всѣ земскія должности рыцарству и шляхетству. Малороссійскіе войсковые чиновники безъ всякаго сумнѣнія о ихъ шляхетскихъ преимуществахъ выбраны въ оныя, утверждены отъ начальства и поступили: генеральнаго суда въ депутаты въ каждомъ полку, въ два подкоморскіе и въ два земскіе суды и въ нѣжинскомъ въ три, въ каждый судъ: по одному подкоморому, по одному судьи и по два подсудка, по одному ли-

¹⁾ Изъ высочайшаго манифеста при грамотѣ о дворянствѣ.

сарю и по одному возному, да въ каждомъ полку въ гродскій судъ: по одному писарю, по одному возному, а въ каждую сотню по одному возному же. Сверхъ того, изъ нихъ же избираемы были, вмѣсто маршальскаго чина, по статуту положеннаго, въ каждомъ повѣтѣ по одному предводителю шляхетства.

5-е. По иманному высочайшему рескрипту къ господину генералу фельдмаршалу, сенатору и кавалеру графу Петру Александровичу Румянцову Задунайскому послѣдовавшему, онъ имѣлъ штатъ шефа малороссійскихъ войскъ, котораго класные военные чины: одинъ генераль и два флигели адъютанты, оберъ-аудиторъ, секретарь, регистраторъ, переводчикъ, фурьеръ и нижніе чины—наполняеми были преимущественно изъ чиновниковъ малороссійскихъ.

6-е. Ея императорское величество высочайше и всемилостивѣйше соизволила повелѣть оному господину генералъ фельдмаршалу и кавалеру, отъ 2 маія 1767 года, нѣсколько изъ малороссійскихъ лутшихъ фамилій дѣтей обоего пола прислать къ опредѣленію въ кадетскій корпусъ и общество благородныхъ дѣвиць. Онъ представилъ ея величеству, 1768 года, генваря 6 дня, дѣтей малороссійскихъ чиновниковъ при всеподданнѣйшемъ своемъ донесеніи и при двухъ о числѣ ихъ спискахъ; они приняты безъ всякаго сумнѣнія о ихъ шляхетствѣ, и съ того времени понинѣ всегда были принимаемы въ корпусы и прямо въ службу; служили и нынѣ служатъ въ сухонутной арміи, въ артилеріи, въ флотѣ и въ штатской службѣ, вездѣ во многомъ числѣ, на такихъ точно преимуществахъ, какъ прочіе россійскіе дворяне. Изъ нихъ примѣчательнѣйшіе состоятъ нынѣ въ службѣ: контръ-адмиралами Михайловскій и Коробка, и оба за отличныя заслуги, всемилостивѣйше награждены орденами: Михайловскій—св. Анны первой и св. вел.-мучен. и побѣдон. Георгія четвертой степени.

7-е. Во время открытія въ Малой Россіи троякъ намістничествъ, покойная государиня императрица Екатерина Вторая чеченному главнокомандовавшему малороссійскими войсками сообщала, при рескриптѣ 1781 года октября мѣсяца, проектъ главы о дворянствѣ для руководства его и дворянскихъ предводителей съ ихъ обществами въ разборѣ дворянства. Основываясь на ономъ, какъ главнокомандующій, такъ и предводители съ обществомъ, не встрѣтили ни малѣйшаго сумнѣнія въ допущеніи пмѣющихъ малороссійскіе чины къ выборамъ и поступленію въ должности, означенныя въ высочайшемъ о губервіяхъ учрежденіи, они тогда утверждены начальствомъ. Въ бывшіе послѣ того выборы, были избираемы, какъ должно, подѣ

надзираємъ господь генераль-губернаторовъ или губернаторовъ, были утверждаемы, служили и получали даже ордены св. равноапостольнаго князя Владиміра, какъ за отличія, такъ и за тридцатипятилѣтнюю службу, коей большая часть продолжена была въ малороссійскихъ чинахъ. Нѣкоторые изъ нихъ опредѣляемы были въ коронную службу губернаторами, вице-губернаторами, экономіи директорами, совѣтниками, ассесорами, прокурорами, стряпчими и прочая, и повышаемы были въ чины по табелю о рангахъ установленные и ниже произведены къ мѣстамъ секретарямъ.

8-е. По основанію вышеупомянутаго проекта главы о дворянствѣ и по изданной потомъ всевысочайшей и всемилостивѣйшей грамотѣ о дворянствѣ, тѣ малороссійскіе чины по заслугамъ предковъ ихъ и ихъ самихъ и по привлекеніямъ и высочайшимъ грамотамъ, емъ вообще пожалованнымъ, дворянскими комиссіями трохъ малороссійскихъ губерній внесены въ дворянскія родословныя книги.

На второе. 1-е. Гетманъ графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій въ представленной имъ на высочайшее разсмотреніе табели о чинахъ малороссійскихъ, въ 1756 году, положилъ чинъ войскового товарища считать не ниже сотничьяго.

2-е. Высочайшимъ пмяннымъ указомъ, даннымъ сенату въ 10 день ноября 1764 года, повелѣно: членамъ (кои по статуту избирались на всю жизнь) считаться заурядъ; подкоморымъ—первымъ по полковникѣ, судьямъ земскимъ—съ першостатейными бунчуковыми товарищами, по старшинству, подсудкамъ—съ бунчуковыми же товарищами второстатейными; писарямъ земскимъ—по старшинству противъ полковыхъ асауловъ, а вознымъ—первымъ предъ сотникомъ малороссійскимъ.

На третье. 1-е. 1733 года государственная иностранная коллегія, по прошенію гетмана Апостола, въ мнѣніи своемъ полагала обозному генеральному: «надлежитъ имѣть рангъ генераль маіора или бригадара, двумъ судьямъ генеральнымъ, одному подскарбію, одному писарю, двумъ асауламъ, одному хоружему и одному бунчуковому—рангъ подполковничья; десяти полковникамъ—не менѣе ранга россійскаго подполковника, бунчуковымъ товарищамъ—ранги маіорскіе, полковникамъ компанѣйскихъ охочихъ полковъ, артиллеріи генеральной асаулу и хоружему, въ полкахъ малороссійскихъ, обозному, судьи, писарю, асауламъ и хоружимъ—рангъ капитана-порутчика, сотникамъ полковымъ и городовымъ—противъ подпорутчика или прапорщика; сотенной и городовоі старшинѣ, тоестъ атаману, хоружему, асаулу и писарю—противъ вахмистра». Но сіе предположеніе

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаются критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

МАЙ
1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОСТРОЖСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ШКОЛА.

(Историко-критическій очеркъ).

Судьба острожской школы представляет одинъ изъ интереснѣйшихъ, хотя, къ сожалѣнію, мало выясненныхъ и мало извѣстныхъ эпизодовъ исторіи западнорусскаго просвѣщенія. Хотя XVI и XVII-му вѣкамъ исторіи Западной Россіи очень посчастливилось, такъ какъ десятки томовъ Актовъ, Памятниковъ, Архива и т. п. изданій, вышедшихъ до настоящаго времени въ свѣтъ, даютъ богатѣйшій матеріалъ для характеристики почти всѣхъ сторонъ политической, гражданской, церковной и вообще культурной жизни западнорусскаго народа и общества, надъ чѣмъ и потрудились уже немало изслѣдователей,—школьный вопросъ все еще играетъ роль пасынка. Имъ во всей его широтѣ до сихъ поръ не занялся ни одинъ историкъ западнорусскаго народа и до сихъ поръ для него не приготовлены матеріалы, въ родѣ германскихъ Monumenta pedagogica... Впрочемъ, мы почти убѣждены, что едва-ли и возможно изданіе хотя бы одного тома такихъ чисто педагогическихъ матеріаловъ: ихъ дошло до насъ очень немного. Особенно же сильно страдаетъ отъ скудости ихъ исторія острожскаго училища, несмотря на то, что оно въ теченіе полустолѣтія было одной изъ виднѣйшихъ нашихъ школъ, стоявшихъ на стражѣ православія и русско-народности, противъ которыхъ вели систематическую борьбу

католики и протестанты, избравшіе для того въ числѣ другихъ орудій—просвѣщеніе.

Вопросъ объ острожской школѣ распадается въ нашемъ изслѣдованіи на слѣдующіе частнѣйшіе вопросы: I) Происхожденіе острожской школы, II) Характеръ ея, III) Внѣшняя исторія и IV) Виднѣйшіе представители острожской учености.

I.

Основателемъ острожской школы былъ кievскій воевода, извѣстный князь Константинъ (Василій) Константиновичъ Острожскій, который открылъ ее около 1580 г. Въ настоящее время это положеніе можно считать за историческую истину. Но въ литературѣ дата основанія острожской школы колеблется такъ сильно, что между предѣльными пунктами времени, указываемыми для этого событія, находится промежутокъ ни болѣе, ни менѣе какъ въ цѣлое столѣтіе. Нѣкоторые историки относятъ его въ самому началу XVI ст. или даже къ 1498 г., связывая учрежденіе школы съ именемъ Константина Ивановича Острожскаго, а князю Константину Константиновичу приписывая преобразование ея въ высшую, подѣ влияніемъ люблинской уни, грозившей православной вѣрѣ и русской національности¹⁾. Но нѣтъ рѣшительно никакихъ слѣдовъ существованія острожской школы ранѣе 1581 г. и тѣмъ менѣе можно настаивать на основаніи ея кн. Константиномъ Ивановичемъ. Та надгробная надпись, въ которой профессоръ вилецкаго университета Ярошевичъ видѣлъ доказательство своего положенія объ учрежденіи школы этимъ княземъ²⁾, едва-ли можетъ убѣдить насъ въ этомъ: текстъ,

¹⁾ Волинскія губ. вѣдомости, 1864, № 15. *Проф. Петровъ*, „Очеркъ Исторіи православной школы на Волынѣ“ въ Трудяхъ кiev. дух. академіи, 1867, I, 181. 182 *Архим. Арсеній*, „Патріархъ Кирилъ Лукарскій и его заслуги для прав. церкви, изд. 2, 1881 г., стр. 75 (Первое изданіе книжки вышло въ 1870 г. подѣ фамиліей свящ. Брянцева).

²⁾ *Jaroszewicz*, *Obraz Litwy*, III, 82 и прим. 90 на 216 стр. Надпись, на которую ссылается онъ, помѣщена въ „Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ“, I, 403, прим.: „Константинь Иоанновичъ князь Острожскій, Гетманъ вел. Княжества Литовскаго, Защищеніемъ Восточнаго благочестія и храбростію въ бра-

ея показываетъ, что она не современна смерти К. И. Острожскаго, а, быть можетъ, только нѣсколькими годами моложе стихотворной эпитафіи печерскаго монаха Аѳанасія Кальнофойскаго, который распространилъ ея содержаніе¹⁾. Эту надпись можно отнести къ концу XVI или началу XVII ст., когда значеніе училища настолько выяснилось предъ сознаніемъ западноруссовъ, что имъ казалось немыслимымъ, чтобы не заботился о просвѣщеніи такой идеальной князь, какимъ представлялся К. И. Острожскій. Въ силу этого и Кальнофойскій приписалъ Константину Ивановичу заботливость объ образованіи; мало того, въ своей эпитафіи онъ заставляеть князя „для людей рыцарскихъ оставить въ Марсовоѣ Академіи копыя съ саблями,“ что является уже чистымъ анахронизмомъ, такъ какъ учрежденіе рыцарской школы, проектированное для Украины въ 1594 г. кievскимъ католическимъ епископомъ Іосифомъ Верещинскимъ²⁾, должно относить ко времени никакъ не ранѣе 1633 г., когда коронаціонный сеймъ согласился устроить ее во Львовѣ³⁾.

Но и кромѣ того есть положительныя данныя, удостовѣряющія, что основателемъ острожской школы былъ князь Константинъ Константиновичъ,—основателемъ, а не преобразователемъ. Таково, прежде всего, ясное, хотя и не опредѣляющее точно времени учрежденія училища свидѣтельство одного изъ виднѣйшихъ членовъ львовскаго братства Юрія Рогатинца. „Черезъ долгій часъ, говоритъ онъ въ „Перестрогѣ“, написанной въ первые годы XVII ст., святѣйшіе патріархове папства нашего не навѣжали особами своими, толко чрезъ посланцовъ своихъ... Того часу, по зезволенію Божиємъ, благовѣрный князь Константинъ Кон-

нѣхъ пресловутый, многія церкви Божія, ради отроковъ училища, страннопріимнымъ немощныхъ ради, въ княженіи своемъ Острожскомъ и въ стольномъ градѣ Литовскомъ Вильнѣ создавши, вторую Геосиманію пресвятая Богородицы Печерскія домъ учредилъ пребогато, въ немъ же яко вѣторъ именитый, по представленіи своемъ сподобися положень быти 1533“.

1) Терапоруга, 1638 стр. 34.

2) „Кievская Старина“, 1894, I, 228.

3) Volumina legum, III, 37°. Лукашевичъ отрицаетъ, впрочемъ, что она тогда же была заведена (Historya szkół w Kóromie i w. ks. Litewskim. Poznań, 1849, I, 441. 442).

стаптинувичъ умыслилъ утвердити православную вѣру, предками своими вездѣ уфундованную. И напервѣй старался у свят. патріарха, абы ся здѣ дидаскаловъ ко розмноженію наукъ вѣрѣ православной зослалъ; а онъ на то маетностями своими ратовати готовъ и доложенья ихъ на то не жалуеть, яко южъ *збудовалъ школу*, шпиталь и маетностями ихъ надарилъ, и такожь Словенскую и Грецкую у Острогу заложилъ друкарню, обралъ со благословеніемъ и зосланіемъ патріарха вселенского, и тое все заложилъ * ¹⁾ Подобнымъ же образомъ говорить объ основаніи острожской школы Константиномъ Константиновичемъ Іаковъ Суша, холмскій уніатскій епископъ: по его словамъ, князь воздвигъ (egexit) въ Острогѣ школу (palaestram) не только славянскаго языка, но и латинскихъ и греческихъ наукъ, въ которой воспиталъ многочисленную русскую молодежь, какъ дворянскаго, такъ и плебейскаго происхожденія ²⁾.

Для насъ нѣтъ сомнѣнія, что острожское училище получило начало при Константинѣ Константиновичѣ, но когда именно?

Здѣсь, прежде всего, должны быть отвергнуты 1593 и 1595 годы, указываемые писателями, ставящими учрежденіе острожской школы въ связь съ попыткой князя К. К. Острожскаго парализовать стремленіе высшаго русскаго духовенства къ уніи съ римской церковью ³⁾, такъ какъ мы еще задолго до обнару-

¹⁾ А. З. Р., IV, стр. 205. 206. Въ пользу авторства Юрія Рогатинца по отношенію къ Перестрогѣ высказываются такіе историкъ, какъ г. *Ио. Франко* и недавно скончавшійся *А. Брикнеръ*, (Franko, „Z dziejów synodu Brzeskiego 1596 r.“ Kwartalnik historyczny, 1895 zesz. I, 19—22. Brückner A., „Spory o unię w dawn. j literaturze“ Kwart. hist., 1896, zesz. III, 600. 605).

²⁾ *Susza*, Saulus et Paulus, Romae, 1666, p. 15, 16 (Въ 1864 г. іезуитъ Мартыновъ перевадалъ это сочиненіе подъ заглавіемъ „Vita M. Smotriscii, austroge Iacobo Susza).—Г. Лукьяновичъ, новѣйшій историкъ острожской школы, снискозь лицъ, на маѣніяхъ которыхъ онъ опираеть мысль объ основаніи ея К. К., а не К. И. Острожскимъ, доводитъ до послѣдняго времени, называя въ числѣ ихъ Нѣсецкаго, Стебельскаго, Сарчинскаго, Гарашевича (1862.). („Къ вопросу объ острожской школѣ“— Волынскія епарх. вѣдом., 1881 г., 772—774).

³⁾ *Lukaszewicz*, Dzieje kościołów wyznania Helweckiego w Litwie, I, 81, Ejusdem, Hist. szkół, I, 350. 351. *Елещевскій*, „Мол. Смотрицкій“ (Прав. Обзор., 1861, июль, 115. Кирило-Мееодіевскій сборникъ, изд. И. Мартынова, I (1863), пред. XXIII. XXIV *Stecki*, Wolyń, 1864, I. 139 *А. Гожалчинскій*, „Іезуатскія школы въ юго-западной Россіи“ (Гр. кiev. дух. академ. 1864, II, 119). Всѣ эти писатели идутъ, очевидно, вслѣдъ за Сумей (о. с., 15).

женія владыками *униональных* тенденцій встрѣчаемъ упоминаніе о ней. Это — свидѣтельство извѣстнаго дипломата іезуита Антонія Поссевина. Ознакомившись по пути къ королю Стефану Баторію и царю Ивану Васильевичу, примирить которыхъ онъ былъ посланъ, съ положеніемъ церковныхъ дѣлъ въ зап. Россіи, Поссевинъ писалъ въ концѣ 1581 г., что „князья русскіе, каковы (напр.) Слуцкій и Острожскій, имѣютъ свои типографіи и школы, которыми далеко и широко распространяется схизма“¹⁾.

Конечно, нужно положить по меньшей мѣрѣ два или три года для того, чтобы вновь учрежденная въ Острогѣ школа дѣйствительно могла получить такое значеніе для православія. Но нельзя слишкомъ далеко отодвигать начало ея отъ 1581 г., т. е. къ 1570 г. или даже еще ранѣе, какъ дѣлаетъ г. Лукьяновичъ, помѣщающій его между 1554 и 1564 годами. Противъ послѣдней даты говоритъ какъ отсутствіе другихъ доказательствъ, такъ и невѣрность того положенія, на которомъ она опирается. Именно г. Лукьяновичъ, повѣривъ Стебельскому, что „три сына Константина—Константинъ, Янушъ и Александръ въ малолѣтствѣ получили образованіе въ острожскихъ школахъ, основанныхъ ихъ отцомъ для изученія различныхъ языковъ, преимущественно же латинскаго, греческаго и славяно-русскаго“, хронологически вычислилъ, что это могло совершиться въ промежутокъ времени между 1554 и 1564 годами²⁾. Но насколько хорошо былъ осведомленъ объ этомъ предметѣ самъ Стебельскій, видно изъ сопоставленія этого его извѣстія съ другимъ, по которому князь К. К. Острожскій поручилъ воспитаніе и образованіе трехъ своихъ сыновей Максиму (Мелетію) Смотрицкому³⁾. Между тѣмъ по-

¹⁾ „Habent ii Duces, quales sunt Ostrogiae et Slucensis, typographias et scholas, quibus longe lateque schisma fovetur“. Commentarius primus de rebus Moscoviticis ad religionem spectantibus (Starzewski, Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, t. II, 236—О слуцкой школѣ исторія не сохранила болѣе указаній.

²⁾ *Stebelski, Geneal gia xx. Ostrogskich*. III. 112, Вол. епарх. вѣд., 1881 г., 772—775 (ср. 767—769).

³⁾ *Dwa wielkie światła na horyzoncie Polockim...* Tomik I, 1781. Opisania autorów. Smotrzycki Melecynsz.

слѣдній родился только около 1578 г. и былъ, слѣдовательно, моложе своихъ мнимыхъ учениковъ ¹⁾).

Относя учрежденіе острожской школы ко времени „около 1580 г.“, мы понимаемъ эту дату такъ, что она можетъ захватывать нѣсколько лѣтъ, предшествовавшихъ этому году. Мы склонны ставить основаніе школы въ связь съ устройствомъ въ Острогѣ типографіи, нужды которой, быть можетъ, и вызвали въ жизни училище. Правда, намъ не извѣстено точно и годъ основанія типографіи. Мы можемъ только предполагать, что мысль о послѣдней возникла у князя Острожскаго не ранѣе 1575—1576 г. г., т. е. не ранѣе сближенія его съ Иваномъ Федоровымъ, первымъ русскимъ книгопечатникомъ.

Діаконъ Ив. Федоровъ ²⁾ повился въ предѣлахъ западной Россіи въ 1565 году, когда онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Петромъ Мстиславцемъ, спасти свою жизнь отъ ярости московской черни, оказавшейся еще не въ состояніи оцѣнить блага Гуттенбергова изобрѣтенія. Оба эти „святителя словесныхъ сѣмянъ“ нашли на первыхъ порахъ пріютъ у пана Ходкевича и въ его имѣніи Забудовѣ (въ нынѣшнемъ бѣлостокскомъ уѣздѣ) напечатали въ 1568—9 г. г. Учебное Евангеліе, замѣчательное, между прочимъ, тѣмъ, что при изданіи его впервые былъ возбужденъ вопросъ о переводѣ его „на простую молву“, т. е. на народную, западнорусскую рѣчь. Послѣ удаленія Мстиславца въ Вильну, Федоровъ одинъ издалъ Апостоль и затѣмъ удалился во Львовъ, такъ какъ Ходкевичъ оказался болѣе не въ силахъ поддерживать типографію. Во Львовѣ Федорову стоило большихъ трудовъ, немалыхъ слезъ и моленій на холѣняхъ завести свою „друкарню“. Но въ ней онъ напечаталъ только Апостоль (1574) и затѣмъ долженъ былъ заложить ее

¹⁾ *Голубевъ*, Кіевскій митрополитъ Петръ Могилъ и его сподвижники, I, 92. Младшій изъ трехъ сыновей Константина Константиновича Александръ въ 1592 г. уже женился. (*Monumenta confraternitatis Staurogigianaе Leopoliensis*, I, № 257).

²⁾ Источниками для исторіи Ив. Федорова служатъ предисловіе его къ Апостолу 1574 (Львовъ) и нѣкоторые документы, обнародованные А. С. Петрушевичемъ (Ив. Федоровъ, русскій первопечатникъ, 1883, Львовъ), г. Пташницкимъ (Русская старина, 1884, мартъ), проф. Малышевскимъ (Чтенія въ историч. Общ. Нестора лѣтописца, VII, отд. II).

жидамъ. Въ это то время съ нимъ и познакомился кн. Острожскій, давшій ему должность справцы Дерманскаго монастыря, что произошло до марта 1575 г., когда мы впервые видимъ Федорова въ этомъ званіи ¹⁾. Послѣ сентября 1576 г. діаконъ Федоровъ жилъ уже въ Острогѣ, откуда онъ, какъ слуга (*famulus*) князя, совершаетъ поѣздки въ Львовъ, Валахію и Турцію, быть можетъ, уже съ цѣлю подготовленія матеріаловъ для напечатанія Библии ²⁾.

Изъ предисловія къ острожской Библии 1581 г. мы узнаемъ, что изданію ея предшествовали многочисленныя сношенія князя съ константинопольскимъ патріархомъ, съ папой, съ греческими, сербскими и болгарскими монастырями, гдѣ К. К. Острожскій искалъ какъ „зводовъ добре исправленныхъ“, такъ и „людей наказанныхъ въ писаніяхъ святыхъ еллинскихъ и словенскихъ“. Но если сличеніе редакцій библейскаго текста и приготовленіе Свящ. Писанія къ печати было совершено этими „книгоцѣями“, то во всякомъ случаѣ князю предстояла необходимость образовать у себя постоянный контингентъ справщиковъ, чѣмъ обуславливалось самое существованіе типографіи. При томъ же князь понималъ, что одно изданіе книгъ безсильно въ борьбѣ съ „лютими волками певѣрія“, подрывавшими православное благочестіе, и что едва ли не главную силу иновѣрцевъ составляли школы. Да впрочемъ, князю Острожскому не пришлось долго думать надъ тѣмъ, какъ пособить горю православной церкви: ему помогъ въ этомъ іезуитъ Петръ Скарга, знаменитый польскій проповѣдникъ, занимавшій одпо время должность ректора виленской коллегіи и академіи. Съ Скаргою Константинъ Константиновичъ познакомился въ Львовѣ, при погребеніи своего родственника Яна Христофора Тарновскаго, поговорилъ съ нимъ о соединеніи церквей и пригласилъ къ себѣ въ Острогъ. Все это дало Скаргѣ поводъ посвятить князю свое сочиненіе: „*O iedności kościoła Bożego pod iednym pasterzem u o Greckim od*

¹⁾ Чтенія въ Общ. Нестора лѣтоп., VII, отд. II, 98. 99. Ср. Волна. губ. вѣд. 1847, № 23 и Вол. еп. вѣд., 1873, стр. 291.

²⁾ Рус. Стар., 1884, мартъ, 463—468. Чт. въ общ. Нестора лѣтоп., VI, отд. II, 105—108.

tey iedności odstąpieniu“ (Wilno, 1577). Конечно, Острожскій прочелъ эту любопытную книгу и обратилъ должное вниманіе на слѣдующія драгоцѣнныя, хотя нѣсколько утрированныя замѣчанія автора. Русь, писалъ Скарга, не имѣетъ проповѣдниковъ; въ ней „Wszystka nauka upadła, a popi zchłopieli, y nigdy z nich takiej, iakiej trzeba, pociechy owce mieć nie mogą“. „А gdy kacerstwo nastanie, bronić się pasterze nie mogą, ani umieją, ani owiec od błędów wybawić mogą. Wilkom się nie odeymą, y owce pogubią, y sami siebie na koniec“. Попы, продолжалъ онъ, не знакомы съ славянскимъ языкомъ, не говоря уже о греческомъ, котораго греки по зависти не дали имъ, какъ не дали своихъ школъ. Совершенно иначе поступаетъ римская церковь, которая, какую бы страну ни просвѣтила крещеніемъ, сейчасъ (будто бы) устраиваетъ въ ней латинскія школы, чтобы въ каждомъ народѣ прививались науки и вѣра чтобы не слабѣла отъ невѣжества и ученые чтобы выходили на защиту ея въ каждой націи... ¹⁾).

Что, дѣйствительно, означенныя мѣста повліяли на кн. Острожскаго, видно изъ позднѣйшаго его заявленія, по которому причиной „скорбей, ситованія и бѣдъ“, окружившихъ со всѣхъ сторонъ православную церковь, было то, что „устали учителя, устали проповѣдachi слова Божого, устали науки, устали казанья“... ²⁾).

Такимъ образомъ, если вѣрны наши догадки о вліяніи типографіи Острожской и сочиненія Скарги на учрежденіе въ Острогѣ школы, то придется признать 1577 г., какъ *terminus auctem* поп острожскаго училища.

II.

До сихъ поръ спорятъ о томъ, что такое представляла изъ себя острожская школа—академію-ли, духовную семинарію, училище свободныхъ наукъ, или, наконецъ, низшее училище.

¹⁾ Памятники полемической литературы въ Западной Россіи, II, 484—486.

²⁾ Памятники полемической литературы, III 583 (id. А. З. Р., IV, № 45).

Нѣкоторые историки увѣрены, что въ Острогѣ была академія въ нашемъ смыслѣ слова, и распространяются въ перечисленіи предметовъ преподаванія и знаменитыхъ профессоровъ ея ¹⁾. Но, кажется, означенные историки хотятъ уподобиться въ данномъ случаѣ натуралисту Кювье, который по одной кости животнаго возстановлялъ цѣлый скелетъ его: и они по одному-двумъ случаямъ употребленія названія „академія“ въ приложеніи къ острожской школѣ ²⁾ хотятъ возстановить, или, точнѣе, создать сложный строй жизни университетскаго заведенія. Совершенно правъ поэтому г. Лукьяновичъ, когда отрицаетъ возможность дѣлать на означенномъ основаніи тотъ выводъ, что острожская школа была академіей по своей программѣ. Но онъ совсѣмъ не правъ, когда, основываясь, между прочимъ, на научномъ характерѣ того сочиненія Гер. Смотрицкаго, въ которомъ сдѣлана замѣтка объ академіи, хочетъ доказывать, что она имѣла отношеніе собственно къ ученому острожскому кружку, обязан-

¹⁾ Таковы, напр., авторъ статьи о кн. Острожскомъ въ Прав. собесѣдникѣ, 1858, I; Архим. Арсеній (о. с.); г. Браццевъ (Исторія литовскаго государства). Послѣдній, повторивши старій взглядъ на основаніе острожской школы кн. Константиномъ Ивановичемъ и на преобразование ея его сыномъ, считаетъ ее, влѣдъ за архим. Арсеніемъ, академіей и даже выше виленской. „По количеству предметовъ и обширности ихъ преподаванія, а также составу профессоровъ—говоритъ онъ—академія острожская превосходила виленскую іезуитскую академію. Въ академіи острожской преподавались: славянскій, греческій и латинскій языки, богословіе, философія, риторика, поэзія, исторія, медицина и естественныя науки (последнихъ двухъ наукъ въ вилен. академіи не было)“. Во главѣ академіи стоялъ ученѣйшій мужъ своего времени Кириалъ Лукарьскій, при которомъ академія острожская „поставлена была высоко и слава о ней гремяла по всему Западу. Многіе западные ученые пріѣзжали въ Острогъ, чтобы послушать лекціи знаменитаго ректора“ (414). Къ сожалѣнію, не указаны ни мѣстоименіе, ни программы „академіи“, ни другіе источники сообщенныхъ интересныхъ данныхъ... Академіей же считаютъ острожскую школу и новѣйшіе изслѣдователи западнорусскаго образованія, напр. г. Мировпольскій (Очеркъ исторіи церковно-приходской школы отъ ея возникновенія на Руси до наст. времени, III, 11).

²⁾ Эти случаи суть слѣдующіе. Въ 1587 г. Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій на своемъ сочиненіи: „Ключъ царства небеснаго“ сдѣлалъ помѣтку: „Написано у Академіи Острожской“ (Арх. юго-запад. Россія, ч. I, т. VП, пред. XIII—XV). Затѣмъ, въ 1598—9 г. г. еп. Ипатій Потѣй въ своемъ „Описаніи на листъ псалма кн. Острожскаго“ догадывается, что послѣдній „есть ученъ академіи острожской“ (Пам. Полем. Лят., III, 1053).

ность большинства членовъ котораго „состояла въ трудахъ болѣе серьезныхъ и полезныхъ въ то время, чѣмъ обученіе въ школѣ, какъ папр.—въ написаніи тѣхъ или другихъ ученыхъ трактатовъ, могущихъ противостать, по своимъ достоинствамъ, трактатамъ враговъ православія и т. п.“. Никакъ нельзя, говоритъ онъ, этого кружка ученыхъ людей, эту „академію наукъ“, отождествить съ высшимъ училищемъ и отъ названія перваго заключать къ существованію втораго (школы)¹⁾. Но если г. Лукьяновичъ отрицаетъ приложимость названія „академія“ къ острожской школѣ, то мы думаемъ, что оно не относится и къ кружку ученыхъ. Въ то время при дворахъ многихъ вельможъ существовали такіе кружки, но никогда они не назывались академіями. Были они у виленскаго воеводы Николая Радивилла Чернаго (въ Вильнѣ, Брестѣ, Несвижѣ), у Яна Костки, севдомирскаго воеводы, въ Ярославѣ²⁾, у кн. А. М. Курбскаго и у другихъ. Мало того. Въ XVI ст., по словамъ г. Кулиша, „каждая типографія была ученый, по тому времени, кружокъ, собиравшійся около печатнаго станка и шрифтовой кассы; каждая представляла собою, въ миниатюрномъ видѣ, академію свободныхъ наукъ“³⁾, и между тѣмъ ни къ одному изъ этихъ кружковъ не прилагалось означенное названіе. Слову „академія“ тогда принадлежало опредѣленное значеніе высшаго училища. И если въ іезуитскомъ учебно-воспитательномъ планѣ дѣлается уклоненіе отъ этого смысла, то опять не въ пользу г. Лукьяновича: здѣсь академіями называются собранія новиціевъ (*scholastici*), принадлежащихъ къ тому или другому классу или факультету, для частныхъ учебныхъ упражненій и для подготовки къ педагогической дѣятельности⁴⁾. Наконецъ, что г. Лукьяновичъ напрасно увлекся своей идеей объ острожской академіи, какъ кружкѣ ученыхъ, соединенныхъ въ своихъ работахъ единствомъ направленія, дававшагося кн. Острожскимъ, который, по нему, сто-

¹⁾ Вол. еп. вѣд., 1881, 775.776.

²⁾ *Baliński i Lipiński*, wyd. I-e, П., 653. 654.

³⁾ *Исторія возрожденія Руси*, II, 330.

⁴⁾ *Ratio et institutio studiorum S. J. Regulae academiae*, 1.

ялъ во главѣ „совѣта“,—видно и изъ указываемаго проф. Мальшевскимъ факта работы этихъ ученыхъ—независимо другъ отъ друга ¹⁾).

Безъ сомнѣнія, слово „академія“, употребляемое Смотрицкимъ, имѣло отношеніе къ училищу, какъ и выраженіе еп. Ипатія: „учень академии островъское“ и какъ приписка къ „Отпису на листъ Потѣя“ (1598 г.): „Писанъ у Острогу, у школъ Кгреткой Острозской“ ²⁾. Но мы не думаемъ, однако, чтобы оно дѣйствительно соответствовало предмету. Во 1-хъ, учрежденіе академій въ польско-литовскомъ государствѣ обусловливалось королевской или папской привилегіей настолько, что безъ согласія короля или папской привилегіей настолько, что безъ согласія короля даже литовскіе протестанты во главѣ съ Николаемъ Радивилломъ Рыжымъ, виленскимъ воеводой, не могли и не посмѣли возвести своего виленскаго училища на эту степень ³⁾. А мы не видимъ, чтобы князь Острожскій получилъ или даже хлопоталъ о королевской привилегіи. Во 2-хъ, съ появленіемъ академіи неразрывно связано представленіе объ извѣстныхъ правахъ, между прочимъ, о правѣ раздачи ученыхъ званій, не говоря уже о высшихъ наукахъ въ программѣ. Ничего подобнаго мы не усматриваемъ въ исторіи острожскаго училища. Въ 3-хъ, легко понять, что Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій называлъ острожское училище академіей не потому, что оно было ею, а по чувству довольства имъ, гордости имъ и, быть можетъ, изъ желанія видѣть его таковою. Въ 4-хъ, свидѣтельство Ипатія Потѣя не можетъ быть принимаемо во вниманіе въ виду того, что онъ нѣсколько ниже въ томъ же „Отписѣ“ называетъ острожское училище „Колеюжомъ“, т. е. коллегіей, а еще ниже—просто школой ⁴⁾, и это тѣмъ болѣе, что тонъ его болѣе ироническій, чѣмъ серьезный. Въ 5-хъ, при буквальномъ пониманіи выраженій Гер. Смотрицкаго и Ип. Потѣя является необъяснимою слѣдующая фраза въ письмѣ Юсифа Рутскаго къ Н. Хр. Радивиллу: „Pan wojewoda Kiiow-

¹⁾ Апокрисисъ, изд. 1870 г., пред. XXVІІ, прим. 4.

²⁾ П. П. Л., III, 381.

³⁾ *Theiner. Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae*, III, № 39. *Lukassowicz, Dziś je kościół wyznania Helweckiego w Litwie*, I, 62. 63.

⁴⁾ Пам. П. Л., III, 1073. 1115.

ski jakies akademyie na Wołyniu fundować chce, rozestał po Grecyji o professory“... ¹⁾). Письмо это писано изъ Рима въ 1603 г.; но если у князя Острожскаго уже въ 1587 г. была академія, то зачѣмъ ему понадобилась новая? Въ 6-хъ, наконецъ, противъ того, что острожская школа была академіей, говоритъ и названіе одного изъ ея учителей „дьякъ“, прилагавшееся обычно въ то время къ учителямъ низшихъ и среднихъ православныхъ училищъ: „Тимошей Анничъ, діакъ школы русской Острожской“ ²⁾).

По сохранившимся историческимъ свидѣтельствамъ острожская школа по своей программѣ и постановкѣ дѣла была *среднимъ училищемъ*, но никакъ не низшимъ, какъ доказываетъ тотъ же г. Лукьяновичъ, вопреки большинству историковъ. Мы должны остановиться на опроверженіи и эгого мнѣнія г. Лукьяновича и на обоснованіи своего положенія, при чемъ намѣрены вести то и другое параллельно и въ порядкѣ аргументовъ нашего автора.

Г. Лукьяновичъ пытается прежде всего опровергнуть значеніе извѣстнаго свидѣтельства Поссевина. Онъ утверждаетъ, что выраженіе „питається схизма“, употребленное Поссевиномъ въ приложеніи къ острожской школѣ, отнюдь не возвышаетъ послѣдней надъ прочими современными западнорусскими училищами, о которыхъ писалъ Одерборнъ, такъ какъ программа ихъ, будь она, какъ слѣдуетъ, выполняема, была вполне достаточна, чтобы сообщить питомцамъ стойкость въ вѣрѣ и умѣренное упорство въ истинности своихъ религиозныхъ убѣжденій и традицій“ и, такимъ образомъ, дать поводъ и ихъ считать питательницами схизмы ³⁾). Но если острожскую школу нужно поста-

¹⁾ Голубевъ, Петръ Могила, прилож., стр. 180.

²⁾ Такъ подписался онъ самъ на Евангеліи, пожертвованномъ имъ вмѣстѣ съ Ѳ. П. Гарабурдой въ троицкую церковь дерманскаго монастыря, 5 мая 1584 года (Голубевъ, „Археологическая записка о памятникахъ старины, находящихся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ волынской епархіи“, Тр. кievской духовной академіи 1876, I, 626).

³⁾ Вол. еп. вѣд., 1881, 769. 770. Павелъ Одерборнъ, евангелическій пасторъ въ Литвѣ, писалъ въ 1581 г. въ Германію къ Давиду Хитрею, что въ русскихъ школахъ, которыя всегда находятся при церквахъ, обучаютъ славянской грамотѣ, молитвамъ къ Пресв. Дѣвѣ и св. Николаю, нѣсколько измѣненному апостольскому сим-

вить на одну доску съ первоначальными, то почему Поссевинъ упомянулъ только о ней да еще о слудкой? Затѣмъ, какъ могли программы низшихъ школъ давать ручательство въ православныхъ убѣжденіяхъ своихъ учениковъ, если въ нихъ не преподавался даже катихизисъ?

Далѣе г. Лукьяновичъ представляетъ въ пользу своего мнѣнія три положительныя свидѣтельства. Во 1-хъ, онъ указываетъ на то, что „Перестрога“ назвала острожскую школу просто школой, т. е. низшей. Но терминъ „школа“ совершенно безразличенъ по отношенію къ обозначенію училищъ низшихъ и среднихъ. Онъ прилагается, напр., къ лудкой школѣ, въ которой изучались и древніе языки и польскій ¹⁾. Съ другой стороны и львовская школа, которую „Перестрога“ противопоставляетъ будто бы острожской, говоря о преподаваніи въ ней „вызволеньхъ (т. е. свободныхъ) наукъ“ ²⁾, на самомъ дѣлѣ не всегда такъ называется. При томъ же „школа“ въ разсказѣ „Перестроги“ объ острожскомъ училищѣ, судя по ходу изложенія, должна быть понимаема, какъ школьное зданіе, а не какъ учебное учрежденіе. Тѣмъ менѣе можно настаивать на выраженіи Перестроги, что авторъ ея тутъ же ведетъ рѣчь объ опытныхъ дидаскалахъ, людяхъ ученыхъ и о размноженіи наукъ вѣрн православною: все это не совсѣмъ приложимо къ первоначальной школѣ. Въ пользу того, что острожское училище было не низшимъ, говоритъ и сообщеніе Перестроги о попыткѣ канцлера Яна Замойскаго пригласить извѣстнаго протосингела Никифора въ свою академію: „Того протосингела видячи гетманъ коронный Замойскій, якъ великоѣ ваги былъ у поганъ, а вѣдаючи отъ него, же въ справахъ духовныхъ до Руси идетъ и *мшиканье у Острогу для отправованья наукъ вызволеньхъ мпти хочеть*, ижъ самъ въ дому своемъ коштомъ и накладомъ вели-

волу (т. е. икеео-цареградскому) и псалмамъ Давида и что катихизиса не преподають въ нихъ (De russorum religione, ritibus naptiarum, funerum, victu, vestitu etc. Et de Tartarorum religione ac moribus epistola ad D. Chytraeum recens scripta 1582, pp. 10. 11 (неуномер.).

¹⁾ Памятки вѣрск. комис., I, № 9, § 4.

²⁾ А. З. Р., IV, стр. 206.

кимъ уфундовалъ колегіумъ, обѣщавался ему то зъезднати у короля, его милости и всее Рѣчи-посполитой, и жъ яко онъ есть великимъ протосингеломъ, такъ и се здѣ надъ всѣми духовными у папствѣ коронномъ, зверхность зуполную и опатренье мѣсти будетъ“¹⁾). Силу этого доказательства г. Лукьяновичъ пытается парализовать такимъ соображеніемъ: Никифоръ, говоритъ онъ, могъ не знать, что за школа въ Острогѣ, и потому такъ выразился, а послѣ, когда побывалъ тамъ, уже поворилъ, что былъ въ Острогѣ „для науки детокъ“²⁾). Но если допустить, что эта разница въ выраженіи зависитъ не лично отъ автора Перестроги, то какъ можно предполагать что Никифоръ не зналъ, куда ѣдетъ? Онъ объ острожскомъ училищѣ слышалъ уже давно и уже давно отвѣчалъ согласіемъ князю К. К. Острожскому на его приглашеніе преподавать въ немъ³⁾). Наконецъ, г. Лукьяновичъ можетъ быть побить имъ же собраннымъ оружіемъ. Такъ, ссылаясь на свидѣтельство Суши, онъ самъ замѣчаетъ, что оно даетъ право признать острожскую школу по курсу преподаванія высшею. Таковы же приводимыя имъ выраженія Нѣсецкаго и Гарасіевича⁴⁾).

Второй аргументъ, представляемый г. Лукьяновичемъ въ пользу того, что острожское училище было будто-бы низшимъ, еще слабѣе, чѣмъ его соображенія по поводу свидѣтельствъ Поссевина и автора Перестроги. Именно—онъ указываетъ на то, что получившіе здѣсь образованіе не ограничивались имъ. Такъ, Януша Острожскій былъ отправленъ въ нѣмецкія земли, Мелетій, Смотрицкій въ виленскую іезуитскую академію, а послѣ—въ заграничныя⁵⁾). Но неужели г. Лукьяновичъ сталъ бы дока-

¹⁾ А. З. Р., IV, стр. 213.

²⁾ Вол. еп. вѣд., 1881, 777, прим. 1.

³⁾ „Але протосингелъ наючи розказанье патріаршее на баченю и то, же тамъ обезпачилъ князя Острожского, и жъ и туо справу духовную оторавовати мѣлъ и дидакаломъ быти у Острогу обьячалъ еще отъ кількохнаста лѣтъ, не хотѣлъ того учинити, а такъ отъ благословеннаго мѣсца и отъ православнаго князя индѣ перейли и тые науки свої выдвати чужимъ не извоилъ“ (А. З. Р., IV, 213, 214).

⁴⁾ Вол. еп. вѣд., 1881, 772, 773.

⁵⁾ Вол. еп. вѣд., 1881, 813, 814. Мы уже видѣли, что Януша Острожского нельзя относить къ числу воспитанниковъ острожской школы: уже въ 1577 г. ему было

зывать на этомъ основаніи, что и виленская академія не была академіей, ибо ея студенты (тогъ же Смотрицкій, напр.) ѣздили по окончаніи ея въ заграничные университеты? Въ тотъ вѣкъ богатая молодежь посѣщала по очереди чуть ли не всѣ извѣстнѣйшіе университеты, оставаясь въ нѣкоторыхъ изъ нихъ по нѣскольку лѣтъ.

Большей сложностью отличается третье доказательство г. Лукьяновича, заключающееся въ сравненіи острожской школы съ львовской. Первая де по своей научной постановкѣ была ниже львовской, о чемъ, кромѣ Перестроги, свидѣлствуетъ письмо К. Б. Острожскаго къ львовскому братству (1592 г.), въ которомъ князь выражаетъ опасенія за православныя убѣжденія своего сына, Александра, поселившагося въ Ярославѣ у своего тестя Яна Костки, католика. Нашъ авторъ дѣлаетъ отсюда такой выводъ. Если князь надѣется на львовское братство, что оно своими учителями укрѣпитъ его сына въ правленіи, то, значитъ, въ львовской школѣ было болѣе опытныхъ преподавателей, чѣмъ въ Острогѣ, а это указываетъ на болѣшую широту ея программы. А если въ Острогѣ была „скудость учителей“, то не есть ли это прежде всего намекъ на то обстоятельство, что учителями до сего времени состояли здѣсь южноруссы, подготовлявшіеся на Востокъ, и это не служить ли доказательствомъ, что острожская школа была низшей, если въ ней не нашлось чело-вѣка для прикомандированія къ кн. Александру? Въ острожской школѣ, продолжетъ г. Лукьяновичъ, не нашлось людей, способныхъ къ изданію славянской грамматики, хотя кн. Острожскій, котораго, конечно, огорчилъ упрекъ Сварги православнымъ въ неимѣніи ея, и пытался сдѣлать это; и чего не могъ достигъ у себя—повліялъ, чтобы это было сдѣлано во Львовѣ, гдѣ было болѣе способныхъ и научно-подготовленныхъ людей.. Но львовская школа была выше острожской не только по контингенту учителей, но и по своей программѣ: воспитанники ея болѣе знакомы съ греческимъ языкомъ и литературой, ибо

22 года (Голубевъ, археол. замѣтка о древн. надписяхъ на стѣнахъ межирѣчской церкви, —Тр. кiev. дух. акад., 1876, II, 220—222).

они переводятъ съ греческаго патріаршія посланія; въ острожской же академіи не было даже греческаго шрифта, но не нерадѣніемъ князя это объясняется, а тѣмъ, что въ Острогѣ въ немъ не было и нужды,—здѣсь не было надобности въ греческихъ книгахъ, слѣдовательно по нимъ и не учились здѣсь ¹⁾).

Но если и допустить, что программа львовской школы была шире и научная постановка лучше, чѣмъ въ острожской, то даетъ ли это право причислять послѣднюю къ низшимъ? Малѣйшее уклоненіе училища отъ типа средней школы къ лучшему развѣ могло бы служить доказательствомъ того, что оно превратилось въ академію и наоборотъ? Но коснемся подробностей этого аргумента.

Мы уже говорили, какъ нужно смотрѣть на умолчаніе Перестроги о „вызволеньхъ наукахъ“ въ Острогѣ: оно совершенно случайно и тѣмъ менѣе обязываетъ насъ дѣлать угодный г. Лукьяновичу выводъ, что Никифоръ, по той же Перестрогѣ, ѣхалъ въ Острогъ преподавать именно свободныя науки. Письмо же кн. Острожскаго отъ 1 декабря 1592 г. ²⁾ можетъ свидѣтельствовать только о томъ, что къ этому году острожская школа по какимъ то причинамъ упала и ослабѣла учеными силами, о чемъ есть и другія свидѣтельства. Если князь Острожскій не издалъ славянской грамматики, то не потому, что у него не было знающихъ людей, которые могли бы составить ее, а просто потому, что это, очевидно, не входило въ планы князя, и это подтверждается тѣмъ фактомъ, что и существовавшую въ Острогѣ рукописную славянскую грамматику князь не пытался печатать, а передалъ ее въ Вильну по просьбѣ тамошнихъ жителей, которые и издали ее въ 1586 году ³⁾. Наконецъ, если Кон-

¹⁾ Вол. еп. вѣд., 1881, 814—818.

²⁾ Текстъ письма напечатанъ въ Собр. соч. Максимовича (I, 190), въ Вол. губ. вѣдомостяхъ (1868, № 53), въ Monumenta Confraternitatis Staurop. Leopoliensis (I, № 257).

³⁾ Одинъ изъ двухъ известныхъ экземпляровъ этой грамматики находится въ Петербургѣ и принадлежитъ Императорскому обществу любителей древней письменности. Для знакомства съ современнымъ положеніемъ вопроса объ авторѣ и переводчикѣ этой грамматики совѣтуемъ прочесть статью г. В. Малачина: „Грамматика Іоанна Экзарха болгарскаго“ (Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, 1883, Спб.).

стантинъ Константиновичъ, дѣйствительно, хотѣлъ поднять перчатку, брошенную русскому народу Скаргой, то почему г. Лукьяновичъ думаетъ, что грамматикъ долженъ былъ написать ктонибудь изъ учителей школы? Почему бы князь Острожскій не поручилъ этого дѣла кому либо изъ членовъ ученой академіи, организацію которой г. Лукьяновичъ такъ тщательно изслѣдуетъ,—той академіи, въ составъ которой, по его же словамъ, „входили представители всѣхъ отраслей тогдашней науки—медицины, астрономіи, астрологіи, философіи, *филологіи*, богословія, проповѣдничества¹⁾).

Ошибается г. Лукьяновичъ, когда увѣряетъ, что въ Острогѣ не было греческаго шрифта. Письмо кн. Острожскаго, на которое онъ ссылается²⁾, не подтверждаетъ его мысли. Если князь просилъ у львовскаго братства греческаго шрифта, то потому, „ижь на тотъ часъ литеръ готовыхъ грецкихъ не мѣлъ“, т. е., очевидно, онѣ были набраны для другихъ книгъ, а тутъ непредвидѣнно потребовалось поскорѣе напечатать „Розмову блаж. Мелетія противу схизматикомъ и прочимъ сектаторомъ написаную“. Литеры князь просилъ только для этого и по напечатаніи „Діалога“ обѣщаль отослать ихъ обратно. Подобнымъ образомъ онъ просилъ львовянъ въ концѣ 1596 г. „позичити писма грецкого и словенского для выдрукованя синоду Брестского... обещуючи въ цѣлости назадъ съ подякованемъ отослати все“³⁾. Или быть можетъ, г. Лукьяновичъ станетъ опять увѣрять, что въ Острогѣ въ 1596 г. не было ни греческаго, ни славянскаго шрифта? Что греческій шрифтъ былъ въ острожской типографіи съ самаго начала, въ этомъ удостовѣряетъ насъ какъ Новый Завѣтъ 1580 г., оканчивающійся фразой: „Доѣа тѣ соу-

¹⁾ Вол. еп. вѣд., 1881, 862—864.

²⁾ А. З. Р., IV, № 148 (id. Временникъ института Ставропигійскаго, 1867). Въ А. З. Р. письмо датировано 1600—1601 г., но правильнѣе отнести его къ 1603 г., какъ это сдѣлалъ Зубрицкій въ Лѣтописи Львов. братства (Журн. М. П. Пр., 1849, ч. 62, стр. 90). „Діалогъ п. Мелетія вышелъ въ свѣтъ въ Острогѣ въ 1605 г.

³⁾ Письмо Юрія Рогатинца изъ Острога въ Львовъ 1596 г. 9 дек. (Крыловскій А. С., Акты, № 58. „Акты“ эти составляютъ Приложение къ имѣющему вышій въ свѣтъ изслѣдованію г. Крыловскаго, посвященному исторіи львовскаго братства. Ознакомленіемъ съ ними мы обязаны любезности самого А. С. Крыловскаго).

τάζοντι ἄπαντα ἀμήν“ такъ и Библия 1581 г.: въ ней молитва къ Богу и начало сливающагося съ нею предисловія отъ лица кн. Острожскаго напечатаны на греческомъ и славянскомъ языкахъ, равно какъ и послѣсловіе Іоанна Ѳедорова, датированное 12 авг. 1581 г. Наконецъ, за это говорить и свидѣтельство Перестроги что князь „Словенскую и *Грецкую* въ Острогу заложилъ друкарню“.

Такимъ образомъ, соображенія г. Лукьяновича не выдерживаютъ критики и не доказываютъ того, что острожская школа была низшей. Странно, въ самомъ дѣлѣ, думать, что среди тѣхъ многихъ ученыхъ, о которыхъ говоритъ Зіхарія Копыстенскій ¹⁾, не было школьныхъ учителей; трудно допустить, чтобы князь Острожскій не воспользовался ихъ познаніями и усердіемъ для устройства приличной школы, если не академіи, и не сдѣлалъ у себя того, въ чему побуждалъ другихъ.

Правда, г. Лукьяновичъ не отрицаетъ въ кн. Острожскомъ желанія „возвысить школу если не до уровня высшихъ заграничныхъ школъ. то среднихъ, имѣющихъ спеціальною цѣлью—подготовленіе способныхъ и опытныхъ служителей церкви и вѣры“. Князь пытался, по крайней мѣрѣ, ввести здѣсь классическіе языки, которые, по Сушѣ и Стебельскому, будто бы и дѣйствительно здѣсь преподавались... Но „нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства помѣшали осуществленію намѣренія князя“. Впервые подобное намѣреніе созрѣло у него въ то время, когда п. Іоакимъ далъ львовскому училищу свой новый (?) уставъ. Кн. Острожскій, бывшій съ 1585 г. въ близкихъ отношеніяхъ съ львовскимъ братствомъ, не могъ-де не видѣть пользы отъ наукъ и задался самъ цѣлью возвысить свое училище. И вотъ онъ

¹⁾ Найдовалися на дворѣ его (кн. Острожскаго) и мовцы оному Димосеюсови ровни, и Сафанове и иные розличныи любомудрци. Найдовалися и докгорове славни, въ Греческомъ, Славенскомъ и Латинскомъ языкахъ выщѣщоныи. Найдовалися и математикове и астрологове преныборныи, межи когорыми овъ презацный математикъ, философъ и астрологъ, Янъ Литось, который календарь новый славне зганизъ, и перомъ доводне презъ дружъ показалъ, же есть омыльный“. „Церкви и дворъ того княжати полныи (были) православныхъ учителей евангелскихихъ и апостолскихихъ, полныи богослововъ истинныхъ... знающихъ богословію и вѣру правую“... („Паливодія“, П. П. Л., I, 1136. 1137).

просить папу ок. 1587 г. прислать ему значительное число священниковъ (карѣановъ) для семинаріи, которую онъ началъ закладывать въ своемъ имѣніи. Приводя это свидѣтельство секретаря папскаго нунція въ Польшѣ кардинала Болонетто, г. Лукьяновичъ такъ его комментируетъ: такъ какъ школа въ Острогѣ въ это время несомнѣнно существовала, то выраженіе „началъ закладывать“ обозначаетъ не моментъ основанія школы, а преобразование ея по образцу заграничныхъ, возведеніе ея на степень католическихъ семинарій, среднихъ учебныхъ заведеній¹⁾.

Фактъ, о которомъ рассказываетъ Спанюки (секретарь нунція Болонетто)²⁾, если не ошибаемся, произошелъ въ 1583 г., когда кн. Острожскій замыслилъ соединеніе русской церкви съ римской. Безъ сомнѣнія, на него уже оказали влияніе въ этомъ направленіи Скарга и Антоній Поссевишъ, чрезъ котораго князь и началъ было переговоры съ папой Григоріемъ XIII³⁾. А въ 1583 г. Константинь Константиновичъ и лично обратился къ папѣ. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Будучи въ Краковѣ, князь повстрѣчался съ папскимъ нунціемъ, епископомъ массанетскимъ и разговорился съ нимъ на современную тему—о соединеніи церквей. Нунцій жаловался на людей, которые сѣяли раздоры между греческой и римской церквями, и князь Острожскій съ увлеченіемъ заявилъ, что онъ ничего такъ не желаетъ, какъ единенія и согласія всѣхъ христіанъ, за что онъ и жизнь готовъ отдать. Нунцій подхватилъ это заявленіе князя и, давъ ему обѣщаніе помощи и отъ себя и отъ папы, вѣроятно, тутъ-же указалъ въ числѣ средствъ для осуществленія идеи объ униі—передачу острожской школы въ подходящія руки. И вотъ князь пишетъ изъ Кракова же 8 іюля 1583 г. посланіе п. Григорію. Указавши въ началѣ поводъ къ нему и поблагодаривши папу за присылку чрезъ Діонисія Па-

¹⁾ Вол. еп. вѣд., 1881, 775. 818. 819.

²⁾ R. lasce nuncjuszdow apostolskich, I, 459. 460.

³⁾ Ш. П. Л., III, 195—198 (Рѣчь королевскихъ пословъ на соборѣ 1596 г.). Къ этому же времени, вѣроятно, относятся и переговоры К. К. Острожскаго объ униі церквей съ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, о которыхъ вспоминаетъ авторъ Антирисиса (Ш. П. Л., III, 589).

леолога Библии, кн. Константинъ просилъ его на первыхъ порахъ снабдить острожскую коллегію учеными и испытанными людьми—греками и греческой вѣры, которые бы могли переводить греческія книги на славянскій языкъ или, если это окажется невозможнымъ,—на латинскій ¹⁾). Григорій XIII въ своемъ отвѣтномъ посланіи (3 сент. 1583 г.) „весьма охотно“ обѣщаль князю дать ученыхъ грековъ и все, что покажется необходимымъ ²⁾). Но уже отсюда видно, что пользоваться сообщеніемъ Спаннови г. Лукьяновичъ не имѣлъ права: рѣчь здѣсь идетъ совсѣмъ не о преобразованіи низшей острожской школы въ среднюю, а о томъ, чтобы острожской коллегии, т. е. среднему учебному заведенію, дать латинскую закваску...

Другую попытку такого преобразованія нашъ авторъ видитъ въ сношеніяхъ кн. Острожскаго съ восточными патриархами, въ результатѣ чего и было прибытіе въ Острогъ ученыхъ грековъ Кирилла и Никифора, въ качествѣ руководителей князя въ школьномъ дѣлѣ ³⁾). Но въ такомъ случаѣ г. Лукьяновичу нужно согласиться, что попытка князя, дѣйствительно, удалась и признать его школу средней...

Но кромѣ отрицательныхъ—по отношенію къ доказательству г. Лукьяновича—соображеній, мы можемъ привести еще нѣсколько положительныхъ свидѣтельствъ и доводовъ въ пользу

¹⁾ *Theiner, Annales ecclesiastici*, III, № 41, p. 431. Здѣсь же помѣщено письмо къ папѣ отъ 6 іюля кн. Юрія Слуцкаго, тоже на тему о соединеніи церквей, и чѣсто письмо, сообщающее интересныя, хотя далеко не всегда вѣрныя, свѣдѣнія о князьяхъ Острожскихъ и Слуцкихъ. Такъ, здѣсь говорится, какъ о фактѣ, о принятіи уніи кн. К. Острожскимъ со всѣмъ домоу, о ревностномъ желаніи князя Константина и его братьевъ Януша (?) и Георгія (Слуцкаго?) привести къ уніи весь русскій народъ, объ устройствѣ ими въ Острогѣ коллегии, гдѣ бы юности, учаемые іезуитами по греческому образу, готовились къ просвѣщенію согражданъ, и типографія для печатанія твореній св. отцовъ на греческомъ, русскомъ и латинскомъ языкахъ, о совѣтѣ кн. Слуцкаго вунцію отарить въ Слуцкѣ епископскую казюдру для греческаго обряда, а въ Острогѣ—патріаршую. Несомнѣннъ во всемъ этомъ одинъ только фактъ—принятіе кн. Янушемъ католичества въ 1583 г. (*ibid.* № 42: донесеніе объ этомъ папѣ львовскаго архіепископа).

²⁾ *Ibid.*, № 48.

³⁾ Вол. еп. вѣд., 1881, 820.

того, что острожское училище съ самаго начала своего существованія было выше, чѣмъ бывшія на Руси до него.

5 мая 1581 года изъ острожской типографіи вышла „Хронологія Рымши“, небольшое (2 страницы) стихотворное, расположенное по мѣсяцамъ изложеніе нѣкоторыхъ событій библейской исторіи¹⁾. Острожская типографія была заведена, какъ соглашается и г. Лувьяновичъ, для высшихъ интересовъ православія,—для изданія богослужебныхъ и богословско-полемиическихъ книгъ. Но какое значеніе могло бы имѣть это небольшое „писаніе Андрея Рымши?“ Не есть ли это ученическое произведеніе и первый, такъ сказать, литературный плодъ острожской школы? Даже если считать его по нѣкоторому знакомству автора съ библейской хронологіей и еврейскимъ языкомъ произведеніемъ учителя, оно во всякомъ случаѣ сохраняетъ характеръ школьной работы, а не ученой. Но и такая работа возможна ли въ элементарномъ училищѣ?

Затѣмъ. Въ 1588 г. владимирскій епископъ Θεодосій Лазовскій порѣшилъ вмѣстѣ съ капитулой, „за напомнимъ велиможного пана Костентина княжати Острозьского“, ремонтировать и благоустроить соборную церковь во Владимирѣ. „При той же церкви и замочку, говорится далѣе въ ихъ письменномъ обязательствѣ, хотимъ науку дѣтокъ малыхъ, для чого, абы ховано два бакаляры, такихъ, жебы оденъ училь по грецку, а другій пословенску; а на школу детемъ до науки поступили есмо избу мурованую въ замочку, и другую избу деревеную ба-

¹⁾ Вотъ подлинное оглавленіе этого произведенія: „Которогоса м-ца што за старыхъ вековъ дѣло короткое описаніе“. Начинается оно такъ.

„Мца сентебра погребренску еяль

Просто вресень.

Двадцать четвертого мца сентебра

Дороблеъ еросолияъ сталаъ речъ добра.

Послѣдняя строфа:

Мца августа, погребренску авъ

Либо авъ, просто серпень.

Въ томъ месенъ заровъ оумерь бжїи ерен,

Того собѣ наприкладъ ты поно завждъ мел.

Августа, ̑. дия.

(Экземпляръ Спб. Импер. публ. библіотеки. См. также *Каратаевъ*, Опис. славяно-русскихъ книгъ, напечат. кирил. буквами, I (1883), стр. 217—219).

каляромъ до мешъканя“¹⁾). Трудно допустить, чтобы князь Острожскій проявилъ такую заботу о школьномъ образованіи во Владимирѣ, не устроивши того же въ Острогѣ. Скорѣе можно думать, что и самая возможность найти для новой школы „людей научныхъ“ и, въ частности, „бакаляра“ греческаго языка обусловливалась тѣмъ, что острожское именно училище уже успѣло подготовить такихъ людей и что, слѣдовательно, въ немъ съ самаго начала преподавался греческій языкъ. За послѣднее говорить и слѣдующій фактъ. Запорожскій гетманъ Петръ Коначевичъ Сагайдачный, который, какъ достовѣрно извѣстно, учился въ острожской школѣ²⁾ въ концѣ XVI ст.³⁾, умирая, завѣщаль 1½ тысячи злотыхъ львовскому братству съ тѣмъ, что 150 злотыхъ ежегоднаго процента съ нихъ назначались спеціально „на выхованье ученого майстра, въ греческомъ языке бѣглого“⁴⁾). Но едва ли онъ сталъ бы выражать такую заботливость объ успѣхахъ греческаго языка въ Западной Россіи, если бы самъ не былъ знакомъ съ нимъ. А знакомство-это онъ могъ почерпнуть, конечно, только въ Острогѣ.

Что съ самаго начала существованія острожскаго училища въ программу его были введены греческій языкъ и высшія науки, это видно и изъ житія Іова Клягиницкаго, который учился здѣсь въ зрѣлыхъ лѣтахъ и несомнѣнно отсюда вышелъ съ знаніемъ этого языка, которое усовершенствовалъ послѣ, проживая на Аѳонѣ⁵⁾). Преподавался онъ и послѣ, почему школа вообще назы-

¹⁾ Арх. ю.-в. Р., ч. I, т. I, № 55.

²⁾ Вирши Кассіана Саковича на смерть Сагайдачнаго (*Голубевъ С. Т. Исторія кiev. дух. акад., прил. стр. 29*).

³⁾ Умеръ онъ въ 1622 г. и не видно, чтобы въ молодыхъ лѣтахъ.

⁴⁾ Запись душеприказчиковъ гетмана — и. Іова Борецкаго и гетмана Олифера Остаповича Голуба (*Максимовичъ, Собр. соч., I, 317 и сл.*).

⁵⁾ Зоря Галицкая яко Альбумъ, 1860, 228. 229. 249. Авторъ Житія іером. Ігнатій изъ Любарова, младшій современникъ Іова, не опредѣляетъ, когда и чему именно учился онъ въ Острогѣ, но даетъ драгоценныя косвенныя указанія. Іовъ послѣ домашняго воспитанія „данъ бысть въ наученіе книгамъ“, потомъ учился въ увескомъ монастырѣ, откуда и „устремился къ богоспасаемому граду Острогу, до совершеннѣйшихъ наукъ“. Это могло произойти до 90-хъ годовъ XVI ст., ибо, живя въ Острогѣ, онъ „списа (и) псалтыри князю младому Александру“, который въ 1592 г. переселился уже въ Ярославъ. Вѣроятно даже, что и до 1586 г., когда было

валась греческой. Такъ, въ одномъ острожскомъ изданіи есть помѣта: „Писанъ у Острогу, у школы *Кирицкой* Острозской“¹⁾.

Но здѣсь преподавался и латинскій языкъ. Между 1628—1633 г. г. появился памфлетъ (въ формѣ богослужебныхъ пѣсень) на Мелетія Смотрицкаго, около этого времени перешедшаго въ унию. Въ концѣ его помѣщенъ „синаксарь“, въ которомъ говорится, между прочимъ, что Герасимъ Смотрицкій „имяше сына именемъ Мексентія или Максима въ благочестіи и наказаніи книжномъ и граматичномъ, славенски, гречески и латински воспитанна, иже и града Вилна достигъ въ тамошней Академіи Езуитской латинскую философію учися наверхаль“²⁾. Въ какомъ году это произошло—неизвѣстно. Іаковъ Суша сообщаетъ, что Смотрицкаго отправилъ въ виленскую академію кн. Острожскій въ 1601 г.³⁾ Но не совсѣмъ вѣроятно это извѣстіе въ виду возраста М. Смотрицкаго (ему въ то время было около 23 лѣтъ), съ другой стороны—уже 16 апрѣля 1600 г. Мелетій Смотрицкій поступилъ къ Соломирецкимъ въ качествѣ домашняго учителя⁴⁾. Но какъ бы то ни было, въ Вильнѣ Смотрицкій началъ не съ перваго класса, не съ грамматики, а, вѣроятно, опредѣленъ былъ на философскій факультетъ. А въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ уже знать латинскій языкъ и, слѣдовательно, онъ изучилъ его въ Острогѣ. Но если бы кто вздумалъ сослаться на свидѣтельство Суши, что Эразмъ (Герасимъ) Смотрицкій отдалъ двухъ своихъ сыновей для воспитанія и обученія Кириллу Лукарису, у котораго Мелетій и могъ частнымъ образомъ изучить древніе языки, то противъ этого говорить сообщеніе того же Суши, что кн. Острожскій, ревнуя объ утверженіи русской схизмы, воздвигъ въ Острогѣ училище не только славянскихъ, но и греческихъ и латинскихъ наукъ и ректоромъ

учреждено львовское братское училище: иначе Іовъ искалъ бы въ немъ „совершеннѣйшихъ наукъ“. Во всякомъ случаѣ Іову шелъ тогда четвертый десятокъ лѣтъ (онъ умеръ въ 1621 г., нѣтъ около 70 лѣтъ; стр. 260).

¹⁾ П. Ц. Л., III, 381.

²⁾ Киев. еп. вѣд. 1875, 564.

³⁾ Saulus et Paulus, p. 16.

⁴⁾ Борзубаховская хроника (*Кулишъ*, Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, I, 74).

этой „гимназіі“ назначилъ Гер. Смотрицкаго¹⁾. Свидѣтельство Суши здѣсь такъ ясно и рѣшительно, что одно можетъ опровергнуть и это предположеніе и всю гипотезу г. Лукьяновича. Не даромъ и самъ М. Смотрицкій выдѣляетъ острожское училище изъ ряда другихъ, ставя его на одну доску съ львовскимъ и виленскимъ, которыя, безъ сомнѣнія, принадлежали къ среднимъ²⁾.

Наконецъ, доказательствомъ того, что острожская школа была не низшей, что въ ней преподавались и свободныя науки, служить поэма Пе(н)кальскаго „De bello Ostrogiano“ (1600). Пенкальскій, сказавши о процвѣтаніи острожскихъ бібліотеки и типографіи, говоритъ о музахъ, поселившихся въ Острогѣ, объ Аполлонѣ, который, оставивъ возлюбленный Делось, переселился сюда вслѣдъ за музами со всѣми своими атрибутами, о храмѣ его, наполняемомъ все новыми и новыми поколѣніями юношей, которыхъ онъ готовится вѣнчать вѣчно зеленѣющими лаврами, растущими на новомъ Геликонѣ... Конечно, все это—поэтическія фигуры, но даже для поэта съ самой необузданной фантазіей было бы верхомъ напыщенности и страшной натянутости усвоить Острогу значеніе новаго Геликона, если бы въ немъ была только первоначальная школа. Вѣдь странно было бы прилагать всѣ эти фигуры къ училищу, описанному хотя бы Одерборномъ. Нужно, слѣдовательно, признать, что въ Острогѣ была школа средняя, гимназія, въ которой преподавались и свободныя науки, и языки. И, дѣйствительно, Пенкальскій называетъ острожское училище „треязычной гимназіей“, а нѣсколько ниже предлагаетъ Вольти радоваться: „Острожскій домъ даетъ тебѣ треязычный лицей (trilingue Lycaeum). Прими начатки, можетъ быть послѣдуетъ большее: не презирай ученыхъ богинь, не отвергай музъ, ибо нѣтъ ничего славнѣе благородныхъ искусствъ“ (Artibus ingenuis, nilest praeclarius unquam)³⁾. Какіе это были языки, авторомъ не указано, но можно думать, что

¹⁾ Saulus et Paulus, 15. 16. 87.

²⁾ Paraensis, 32.

³⁾ De Bello Ostrogiano ad Pianctos cum Nisoviis, libri IV. A Simone Pecalidis Artium Baccalaureo conscripti. Cracoviae, 1600, pp. 10 и 25 (нечисл.).

это были славянскій, греческій и латинскій—первый и второй по своему значенію для православной русской церкви и народности, второй и третій—по своему значенію въ той системѣ гуманитарнаго образованія, какая въ XVI в. исключительно господствовала на всемъ пространствѣ Европы, гдѣ только просвѣщеніе поднялось надъ тѣмъ уровнемъ, который называется грамотностью. И эти именно языки указываются какъ Сушей, такъ и позднѣйшими уніатами. Когда въ XVIII ст. возникъ процессъ между могилевскимъ епископомъ Георгіемъ Конисскимъ и полоцкимъ уніатскимъ архіепископомъ Смогоржевскимъ, уніатская сторона, коснувшись личности кн. К. К. Острожскаго, заявляла, что послѣ брестскаго собора 1596 г. онъ, склонявшійся прежде къ уніи, теперь пламенѣя въ ненависти къ апостольскому престолу, заложилъ въ Острогѣ для поддержанія православія публичныя школы славянскаго, греческаго и латинскаго языковъ, пригласивъ кальвинистовъ, лютеранъ и аріанъ, магистрами и ректоромъ поставилъ великаго и почтеннаго человѣка Герасима Смотрицкаго¹⁾.

При всемъ томъ мы не рѣшаемся указывать въ подробностяхъ ни программы преподаванія, ни распредѣленія занятій по классамъ и днямъ недѣли, ни школьныхъ порядковъ острожскаго училища: до насъ не дошло ни одного памятника въ родѣ уставовъ братскихъ школъ, на основаніи котораго можно было бы сдѣлать это. Изображать же устройство его и внутреннюю жизнь по „Порядкамъ“ братскихъ школъ, руководясь соображеніемъ, что острожское училище послужило образцомъ для послѣднихъ и что за единство ихъ уставовъ ручается единство руководителей-грековъ и, въ частности, п. Кирилла Лукариса²⁾, мы не можемъ въ виду того, что у насъ нѣтъ опредѣленныхъ

¹⁾ Архивъ гр.-уніат. митрополитовъ, кн. V, № 346. Увага 3, ф. 19 об. (ненумеров.).

²⁾ Прав. собес., 1853, I, 536. 537. Тр. кіевсь. дух. акад., 1867, I, 183. Архиван. Арсеній аргументируетъ эту мысль тѣмъ, что уставъ лужской школы былъ данъ будто бы п. Кирилломъ, который, безъ сочинѣнія, изложилъ въ немъ тѣ самыя правила, которыя проводилъ въ жизнь во время своего ректорства въ Острогѣ (о. с., 76. Ср. *Соколовъ*, Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII в., М. 1830, стр. 427).

данныхъ для установленія факта вліянія острожской школы на братскія и для выясненія сравнительной степени участія грековъ въ устройствѣ той и другихъ школъ. Что касается братскихъ школьныхъ уставовъ, то ни львовскій, ни лудскій не носятъ слѣдовъ вліянія острожскаго училища. Да и обстоятельства ихъ происхожденія не даютъ поводовъ думать это. Львовскій уставъ, первоначальная редакція котораго была написана на греческомъ языкѣ¹⁾, былъ составленъ во Львовѣ въ 1586 г. Авторомъ его изъ двухъ возможныхъ—антіохійскаго патріарха Іоакима и Арсенія, архіепископа елассонскаго—мы считаемъ послѣдняго: безъ сомнѣнія, п. Іоакимъ обозначилъ бы въ началѣ его свое имя, какъ это обыкновенно дѣлалось при выдачѣ оффиціальныхъ документовъ такими важными лицами, между тѣмъ греческій текстъ начинается прямо съ правилъ. Впрочемъ, мы не отрицаемъ вліянія на содержаніе „Порядка“ и самихъ львовскихъ мѣщанъ, знакомство которыхъ съ строемъ жизни львовской католической каедральной школы и сознаніе насущныхъ духовныхъ нуждъ православнаго русскаго народа оставили здѣсь нѣкоторый отпечатокъ. Вліаніе это еще болѣе сказалось во второй редакціи устава, какою былъ русскій переводъ его, сдѣланный въ томъ же 1586 г., съ нѣкоторыми измѣненіями—и формальными, и по существу. Очевидно, львовское братство, руководясь данными опыта, хотя и кратковременнаго, вновь пересмотрѣло всѣ стороны училищной жизни, но не всѣ ихъ регламентировало уставомъ: „А обычае всея школы и порядки вси, выразилось оно, въ семь листѣ много бы писати²⁾. Третья редакція львовскаго устава имѣетъ на себѣ дату 1592 г., въ какомъ году она была утверждена константинопольскимъ патріархомъ Іереміей, терновскимъ архіепископомъ Діонисіемъ и епископомъ Анѳимомъ. Она извѣстнѣе другихъ, такъ какъ въ наши дни много разъ была печатаема³⁾. Она обыкновенно датируется 1588 годомъ,

¹⁾ *Diplomata statuaria a patriarchis orientalibus confraternitati stauropigi nae Leopoliensi a. 1586—1592 data, cum aliis litteris coaevis et appendice, 1896, № 6.*

²⁾ *Diplomata statuaria, № 6, славянскій текстъ.*

³⁾ Въ 1863 г. ее опубликовалъ покойный Я. О. Головацкій въ Галичанинѣ и отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „Порядокъ школьный или уставъ ставропольскій“.

но ошибочно, такъ какъ фраза въ началѣ ея: „„,совершеніемъ и утверженіемъ вселенскаго патріарха Іереміи, архієпископа Константинополя Новаго Рима и всего Орону великия церкви Константинопольскія, ровъ ѿѿїї“,—относится къ факту подтвержденія п. Іереміей не устава, а школы: „составиша оучилице“, говорится вслѣдъ за нею. Наконецъ, четвертая редакція его есть то, что обыкновенно называютъ вторымъ луцкимъ школьнымъ порядкомъ¹⁾. Такъ какъ она, по сравненію съ третьей, которая до послѣдняго времени только и была извѣстна, представляетъ немало перемѣнъ, и такъ какъ она въ „Памятникахъ“ носитъ имя п. Кирилла Лукариса, то нѣкоторые и утверждаютъ, что она—уставъ, вновь данный луцкой школою этимъ патріархомъ, который нѣкогда былъ острожскимъ ректоромъ. Но на самомъ дѣлѣ она есть почти буквальное воспроизведеніе второй редакціи львовскаго устава, хотя и неизвѣстно, ни когда луцкое братство ею обзавелось, ни когда получило подтвержденіе ея отъ п. Лукариса. Луцкимъ уставомъ въ собственномъ смыслѣ были „Правъ школы греко, латино-словенскои Луцкои, артикулы“²⁾, составленные, кажется, послѣ 1624 г., въ связи съ передачей братскаго училища въ завѣдываніе духовной половины братства³⁾. Въ содержаніи „Артикуловъ“ можно усмотрѣть слабые слѣды устройства мѣстной іезуитской коллегіи, но нельзя даже предполагать вліянія устава острожскаго училища, которое въ тому времени если не прекратило еще своего существованія,

гійской школы во Львовѣ 1586 г.⁴⁾ Въ томъ же году эта редакція была перепечатана въ Вѣстникѣ Западной Россіи (чартъ), откуда была позаимствована въ А. Ю. и З. Р., II, № 154, причемъ и тамъ и здѣсь почему то поставленъ 1684 годъ. Послѣдній разъ она воспроизведена въ *Diplomata statuaria* съ факсимиле подписи игумена и ректора львовской школы Ф. Кассаниды, внесеннаго въ 1602 г. въ „Альбомъ института старопопигійскаго“ ея текстъ съ подтвержденіями восточныхъ святителей.

¹⁾ Памятники кievской временной комиссіи, I, № 10.

²⁾ *Ibid.*, № 9. Здѣсь они названы первымъ луцкимъ уставомъ на томъ основаніи, что въ луцкомъ сборникѣ, откуда они позаимствованы, они стоятъ прежде „Порядка“ школы. На томъ же основаніи ихъ такъ понимаютъ и историки, въ родѣ г. Демкова, который въ своей книгѣ—„Исторія русской педагогикъ“ (Ревель, 1896) даетъ переводъ „перваго“ и „втораго“ луцкаго уставовъ (I, 146 и слѣд.).

³⁾ П. Б. К., I, № 8.

то уже готовилось перейти изъ бытія въ небытіе или въ бытіе историческое только...

Но это длинное отступленіе, имѣющее цѣлью убѣдить читателя въ томъ, что уставы острожской и братскихъ школъ составлялись независимо другъ отъ друга, не желаетъ утверждать его въ мысли, что между ними не было рѣшительно ничего общаго. Ту и другія школы вызвало къ жизни стремленіе лучшихъ западноруссовъ уберечь священнѣйшее достояніе народа отъ покушеній на нихъ враговъ, уберечь путемъ проясненія историческаго самосознанія и укрѣпленія нравственно-религиозныхъ устоевъ его. Отвращаясь отъ католиковъ и протестантовъ съ ихъ губительной для православія наукой, вв. Острожскій, какъ немного позже братства, долженъ былъ искать просвѣщенія въ противоположной сторонѣ, откуда Русь познакомилась и съ самимъ православіемъ,—на Востокъ. И, дѣйствительно, первыми учителями и руководителями острожской школы были „Греческіе дидаскалы“ (*didaskalos*), за которыми князь послалъ къ патріарху, уже устроивши училище ¹⁾. Но и помимо пріѣзжихъ грековъ вв. Острожскій могъ имѣть учителей изъ грековъ, жившихъ въ Острогѣ и населявшихъ тамъ цѣлую улицу ²⁾. „Не новина отъ часовъ давнихъ бывати грекомъ у Острогу“, замѣчаетъ авторъ *Черестроги* ³⁾. Но исторія сохранила имена только двухъ грековъ—преподавателей острожской школы: Кирилла Лукариса и Никифора.

Въ нашей литературѣ высказана и поддерживается мысль, что для князя Острожскаго при устройствѣ имъ своей школы образцами служили иновѣрныя коллегіи. Такъ, проф. Петровъ категорически заявляетъ: „Школа (острожская), безъ сомнѣнія, основана по примѣру аріанскихъ (т. е. соцініанскихъ) и католическо-іезуитскихъ и въ противодѣйствіе имъ“ ⁴⁾. Другіе изслѣдователи увѣряютъ насъ, что образцомъ для православныхъ за-

¹⁾ А. З. Р., IV, 205. 206.

²⁾ *Перлиштейнъ*, Описаніе г. Острога (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1847, № 4, отд. IV, 138).

³⁾ А. З. Р., IV, 216.

⁴⁾ *Батюшковъ*, Волянь, 139.

паднорусскихъ школъ вообще и для острожской въ частности послужили школы протестантскія. И. Соколовъ, а за нимъ г. Ильинскій доказываютъ эту мысль тѣмъ, что въ эпоху заведенія православными своихъ школъ въ зап. Россіи такъ сильно процвѣтали протестантскія, что поневолѣ должны были повліять на внутреннее устройство нашихъ учебныхъ заведеній, особенно при условіи тѣхъ хорошихъ отношеній, которыя существовали тогда между протестантами и православными. Что до грековъ, которые преподавали въ Острогѣ, то и они не могли подорвать вліянія протестантской учебной системы, такъ какъ сами они учились въ Германіи, при упадкѣ просвѣщенія на Востоцѣ. Такъ что, можно думать, сами протестанты, когда князь Острожскій сталъ искать для своей школы православныхъ учителей, рекомендовали ему грековъ—воспитанниковъ германскихъ университетовъ. Въ такомъ предположеніи утверждаетъ нашихъ изслѣдователей то полное сходство, которое они находятъ въ устройствѣ протестантскихъ гимназій и острожской школы. Курсъ наукъ, методы преподаванія, классная дисциплина и вообще весь педагогическій строй и даже религіозно-нравственный строй острожскаго училища—все это замѣчательно близко подходитъ къ устройству и духу реформатскихъ гимназій...¹⁾

Но все это—не болѣе какъ голословныя фразы. Въ основѣ ихъ—одни только апріорныя соображенія о возможности вліянія протестантскихъ школъ на наши. Вліянію этому открытъ былъ доступъ только позднѣе, а не въ эпоху возникновенія острожской школы. Не могъ же кн. Острожскій, учреждая училище, перенести въ него сразу и учебный строй иновѣрныхъ школъ, и формы ихъ жизни, разъ было уже удостовѣрено, что отпаденіями отъ православія своихъ сыновъ Русь была обязана не чему другому, какъ наукѣ, культивируемой въ католическихъ и протестантскихъ коллегіяхъ. При томъ же Скарга подсказывалъ князю, что причины упадка православной церкви заключаются, между

¹⁾ Соколовъ о. с., 425—427. Ильинскій, Вол. еп. вѣд., 1891, 820. 821 (Юго-западное русское общество и его умственное и религіозно-нравственное состояніе въ XVI и первой половинѣ XV в.) и 1893, 966. 967 (Большой Катехизисъ Лаврентія Зиданія, какъ учено-литературное произведеніе).

прочимъ, въ невѣжествѣ ея пастырей и паствы по отношенію къ греческому и славянскому языкамъ и ихъ литературамъ: нужно было, слѣдовательно, прежде всего обратить вниманіе на нихъ. А инструкторы греки, разумѣется, должны были придать всей жизни новаго училища—и вѣшной и внутренней—строй греческо-православный...

Впрочемъ, мы далеки отъ мысли, что будто острожская школа навсегда заключилась въ кругъ греческо-славянскихъ наукъ и навсегда осталась чужда тѣмъ просвѣтительнымъ вліяніямъ, какія неслись съ Запада Европы. За послѣднее говорить, съ одной стороны, прямыя выше приведенныя свидѣтельства о введеніи въ ея программу латинскаго языка и о преданіи ей характера школы свободныхъ наукъ¹⁾, съ другой—сношенія кн. Константина Константиновича съ Римомъ по вопросу о реформѣ училища въ униональномъ духѣ²⁾ и его отношенія къ протестантамъ и ихъ просвѣтительной дѣятельности. Известно, что князь Острожскій относился очень одобрительно къ образовательнымъ стремленіямъ протестантовъ, въ частности соцініанъ, и ставилъ ихъ въ укоръ бездѣятельности православной іерархіи. 25 марта 1595 г. онъ писалъ брестскому епископу Ипатію Потѣю: „А што ся тычетъ зъездовъ, абы были такие у насъ, яко у тыхъ, што ихъ зовемо некрещчоными людьми: арърыаны, новокрещенцями, геретиками, которые, коли зъедутся, все постановятъ и держать; знать, же не їздятъ на банъкеты,

¹⁾ Система такъ называемыхъ семи свободныхъ наукъ, которой въ теченіе многихъ вѣковъ слѣдовала европейская педагогика во всѣхъ странахъ, дѣлилась на *trivium* и *quadrivium*. Къ первому принадлежали: грамматика, риторика и діалектика, ко второму—арифметика, геометрія, музыка и астрономія.

²⁾ Мы не будемъ однако увѣрять, что папа дѣйствительно прислалъ въ 1583 г. въ острожскую школу своихъ учителей—іезуитовъ ли то, или питомцевъ аеанасьевской коллегіи. И едва-ли симпатія князя къ Риму пережили этотъ годъ: скоро послѣ того онъ склонился на сторону протестантовъ, которыхъ онъ въ письмѣ къ своему внуку Янушу Радивилу отъ 14 апр. 1585 г. называетъ „истинными исповѣдниками Христа“ (*Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., № 6). Но еще ранѣе того кн. Острожскій развилъ свою противокатолическую дѣятельность и проявилъ свою ревность къ православію въ такой сильной степени, что это-то, по свидѣтельству Спаньони, и послужило однимъ изъ двухъ препятствій къ избранію его въ польскіе короли послѣ бѣгства Генриха Валуа (*Relacye mencyuszdw apostolskich*, I, 460).

ани на опилства, не на фальше, ани на здрады, але штобы до skutку речей святоблिवыхъ и побожныхъ приходили: для того тогда у нихъ школы, друкарнѣ и шпитали всюды, и казнодѣевъ множество, безъ личбы“¹⁾). Симпатіи кн. Острожскаго къ протестантамъ и высокое мнѣніе его объ ихъ учености доходили у него до того, что онъ пользовался ими для полемики съ латинянами. Такъ, по его порученію нѣкій Метовилло, соцініанинъ, написалъ сочиненіе противъ латинянъ, которое не было напечатано только потому, что вызвало страшное удивленіе и вмѣстѣ негодованіе со стороны друга Острожскаго кн. А. М. Курбскаго²⁾). Впослѣдствіи такое же порученіе князь далъ другому протестанту Хр. Бронскому, издавшему подъ псевдонимомъ Христофора Филалета Апокрисисъ³⁾). Неудивительно послѣ всего этого, если въ острожской школѣ преподавали протестанты⁴⁾). Къ князю Острожскому, по нашему мнѣнію, всего болѣе приложимо свидѣтельство уніата Дубовича о нѣкоторыхъ знатныхъ панахъ, которые жертвовали большія средства, чтобы поднять образованіе среди русской молодежи и которые приглашали въ свои школы учителей изъ нѣмецкихъ еретическихъ коллегій⁵⁾). Не чуждались учителей-протестантовъ и братскія школы, напр. виленская⁶⁾), но и тамъ и здѣсь все вліяніе ихъ органичивалось развѣ только расширеніемъ учебныхъ программъ въ пользу свѣтскихъ наукъ съ сообщеніемъ имъ латинскаго характера. Внутренній же строй училищъ долженъ былъ остаться тотъ же.

Б. Харламповичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ П. П. Л., III, 599.

²⁾ Сказанія кн Курбскаго, изд. П (1842), 281 и слѣд.

³⁾ Мы не можемъ не повѣрить частнымъ заявленіямъ автора Антиприсиса, что Филалетъ—явный еретикъ (П. П. Л., III, 667. 669. 721).

⁴⁾ Архивъ б. греко-уніат. митрополитовъ (въ Архивѣ Св. Синода), кн. V, № 346, Uwaga 3, f. 19. *Pelesz*, Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom, II, 461.

⁵⁾ *Dubowicz*, Hierarchia, 1644, str. 194.

⁶⁾ А. З. Р., IV, № 217. П. П. Л., I, 285.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦЬКИЙ¹⁾.

Исторична драма, въ V-ты дѣяхъ и 6-ты одминахъ, зъ апофеозомъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ ЗЪ I-ои ОДМИНЫ Ш-иѢ ДІИ:

Фирлей—вельми кравій, регементаръ,

Адамъ Мысль—Брацлавскій воевода;

Заремба,

Ясмисль,

Ржевуській,

Чавлиньскій,

} — військова шляхетна старшина;

Елена,—уже жінка Чавлиньського;

Юза,—її служанця,

Ярема Вышневацькій—князь.

Гонецъ.

Гайдукъ.

Шляхта, військові панн і панів.

Діється у Збаражѣ.

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 4.

ДІЯ ТРЕТЯ.

1-ша адміна.

Кругла сала въ Збаражскимъ замцѣ. На першимъ плани колоны й склепниня. Попидь колонами кашапы. Все вбрано зоружимъ. Зправа видь зрытеливъ высоке креселко; поручь черезъ увесь князь стоять ливколомъ друга, выжчь. Двери просто—вхидии праворучь—до молеельни; ливоручь—до поковъ, въ пышными зависама.

ВЫХИДЪ 1.

(Елена и Юзя).

(Пры пиднятти зависы, чуты зь молеельни органъ и гуртовый спивъ).

*(За кономъ) Гуртъ. Пидь покровъ твій, свята Панно,
Прыбигаемо нещасяи;
Збороны насъ одь напастей,
Порятуй одь стрилъ ворожыхъ,
Крый одь наглои насъ смерты!*

Юзя *(йде до молеельни, мочыть св. водою голову и стае на коліна)*. Пань-Езусъ! Матко свьента, змылуйсь!

(Изъ молеельни выходыть въ слезахъ Елена).

Юзя *(пиддержуе її)*. Що зь вами, пани кохана?

ЕЛЕНА. Ахъ, Юзю! Тамъ правылы литію... Пробоць казань чытавъ... щобъ сповидалысь вси и готувалысь до смерти... щось чекае страшне!

Юзя. Охъ, Езусъ-Марія! пронаци мы! по мисту стоять лементъ... Кара, кара Божа!.. Усюды смерть...

ЕЛЕНА. Смерть? Я не хочу выраты!.. Рано... рано!.. Не важылася я... жыття мени слалось квиткамы...

Юзя. Заспокойтесъ, пани! Може ще зглянется надъ нами
Панна свята...

(Юзя веде Елену въ слезахъ и садовитъ на канати, пидъ
колонами).

(Чуты спивъ) Гуртъ. Колю й грихъ на насъ тяжіе,
Зглянсь на наши дрибни слезы
И пробачъ рабамъ покирнымъ:
Ты еси бо ласка й мылость
Споконъ вику и до суду!

Елена. Ни, ни!.. Не зглянется!.. Я не можу нести що
дня таку муку.. Тремты за кожу хвылыну... Прислухайсь до
стогону, до певельного гуку гармать... Ахъ! Чы-жъ сподивалась
я такого.

Юзя. Хто-жъ мигъ и пречуваты, моя пани ласкава? Спо-
чатку складалося все такъ гарно й щасливо: вельможный панъ
навить шлюба зъ панією узявъ...

Елена. А якъ-же-бъ иначе?

Юзя. Ну, зъ бранкамы, пани, часомъ не церемонятся...

Елена. Зъ бранкамы, зъ хлопкамы... а не зъ панею
Еленою! Я знаю силу своей красы и дешево-бъ ии не продала
зроду! Я бъ и сывого, упартого Богдана заставыла женытись...
тилькы доля поманыла на' инче...

Юзя. О, моя пани дробга, маешъ рацію! Такои яснои зори
на циле крулевство нема... и вси мусылы бъ передъ панією до
нигъ падаты.

Елена. Я про те й марыла, а доля мени зраду ковала.
(Замыслюется). Жорстоко тоди Стась учынивъ: всю челядь пере-
бывъ... а хлопчыка Андрія на моихъ очяхъ канчукамы замор-
дувалы... Стара няня кынулась обороняты,... а ий проломыли ве-
лепомъ голову... Ухъ! Я ажъ зомлила... Може за це й кара?

Юзя. За схызмативъ? що пани гадае?

Елена. Все-жъ люде... и отъ теперъ страшный Богданъ
помстытсѣ и змыва кривью весь край! И все те—черезъ мене...
(Лама руки).

Юзя. Не побывайтесь, пани кохана: то-жъ не по панській воли вчынылось...

Елена. Але я вмовылась... втекла... и доля одурыла мене, одурыла, насміялася! Старый сычъ теперь гетьманомъ-королемъ, усе тремтыть пидъ его булавою, а мій магнатъ у пастци, мовъ тхирь!.. Намъ у вичи дывытся смерть, або й катування лыхи...

Юзя. О, Ченстоховська Божа Матя! Змылуйся!

(Пауза. Органъ грае).

Елена. А якъ думаешь, Юзю,—якъ бы Богданъ піймавъ мене,—убывъ-бы. замучывъ?

Юзя (*зрадившы думци*). Ни, пани! Якъ Бога кохамъ, ни!

Елена. Але винъ ревныый.. гоноровытый.. не перемигъ бы безчестя...

Юзя. Панъ Гетьманъ безъ памъяты коха мою пани.. Одынь поглядъ—и его сердце ростане, якъ вискъ...

Елена. Его сердце не зъ воску, а зъ крыци...

Юзя. У панськыхъ рукахъ и крыця розмьякне...

Елена. Охъ, чи такъ же?

Юзя. Та чи видомо-жъ гетьману, що пани по своїй воли втекла? Паню взято насылкомъ, гвалтомъ... Я бъ присягнулась...

Елена. Та чи коха ще мене Богданъ?

Юзя. Чи-жъ здола хто панію зацураты?

Елена. Ты пидлещуешь... а колы-бъ не такъ свлалося, я бъ сіяла теперь владою.. а тутъ... Ахъ, яки докучлывы думвы печуть мени мозокъ! (*Чуты стукитъ*).

Юзя. Идутъ сюды!

Елена. Тыхо! (*Прятаилысь*).

Выхидъ 2.

(*Ти-жъ и Чаплинськый, Ржевуськый, Заремба та Ясинськый*).

Чаплинськ. Не знае, панство, для чого насъ заволано тутъ?

Ясинськый. Військова рада.

ЗАРЕМБА. Ни, лицарство хоче пана (*показуе на Чаплинської*) наставити гетьманомъ...

ЧАПЛИНСЬК. Вишь, пане, цо? Я змигъ-бы нымъ буты, бо естемъ уродзый, гоноровый шляхтычъ, а вацпану—зась!

ЗАРЕМБА. Та звисно, куды-жъ Волянському тутуру, тапнутысь до Лытовської жерткы!

РЖЕВУСЬКИЙ. До правды! Чаплинськихъ зъ пять панъ за себе схова...

ЧАПЛИНСЬК. Пане! Чаплинський ще не ховався ниде зроду!

РЖЕВУСЬКИЙ. О? такъ?

ЯСИНЬСЬКИЙ. И по ровахъ бувалысьте, пане...

ЧАПЛИНСЬК. Протестуюсь!

ЯСИНЬСЬКИЙ (*пидходить близько*). То я лгу, пане?

ЧАПЛИНСЬК. (*назадъ*). Я не кажу... але... пану може... здалось... (*Смигъ*).

ЕЛЕНА (*Юзи*). Зъ его кепкують... а винъ...

ЮЗЯ. То лицарськи жарты.

ЗАРЕМБА. Одначе, панове, рада радю, а моя утроба тежъ просыть рады: тра-бъ по чарци...

ЧАПЛИНСЬК. Панъ тилькы про черево й дба...

ЗАРЕМБА. А про ворогивъ панська турбація: за такимъ лицаремъ я можу спати спокійно!

ЧАПЛИНСЬК. А що-жъ, пане, ваши Потоцькы та Калиновськы наброили? Одобралы есте памъяткового пры Курмейкахъ, Жовтыхъ водахъ та Корсуни...

ЯСИНЬСЬКИЙ. А для чого-жъ панъ не прылетивъ туды зъ своимъ завзяттямъ и хыстомъ, а десь тынявся по закуткахъ?

ЧАПЛИНСЬКИЙ. Я.. пры справи бувъ... на Волини.

ЯСИНЬСЬКИЙ. А не въ Чыгырыни? Не пры своимъ старости? Гай, гай!

ЕЛЕНА (*Юзи*). Винъ мене ратувавъ...

ЮЗЯ. А теперъ на пана напасть...

ЗАРЕМБА. Панъ зъ Чыгырына тикавъ зъ здобыччю...

РЖЕВУСЬКИЙ. А! зъ красною Еленою? Але Парысови, колы нымъ статы хотилось, повинно-бъ буты у першимъ вогни... а не по задвиркахъ...

ЧАПЛИНСЬК. То клямство, пане!

РЖЕВУСЬКЫЙ (*підходитъ*). Що—о?

ЗАРЕМБА (*тежэ*). Чи панъ не вкравъ Елены?

ЯСИНСЬКЫЙ (*тежэ*). Чи не злодіяцькымъ гвалтомъ и нападомъ на самыхъ бабъ?

ЧАПЛИНСЬК. (*одступа*). Панове, проше! Що-жъ то? Чаплинському ще не впало брата гвалтомъ серце кобиты: кожна сама кыдалась... Звычайна шляхетська потиха...

(*Елена, якъ опечена, схоплюється. Юзя удержує*).

ЯСИНСЬКЫЙ. А черезъ ту потиху циле пецло спалахнуло.

РЖЕВУСЬКЫЙ. И черезъ бабу... та шляхецька кровъ ричкамы тече!

ЧАПЛИНСЬК. Панове! Колы-бъ я те пречувавъ...

(*Елена крикнула и закрыла выдъ; але органъ залушывъ и покрыкъ*).

ЯСИНСЬКЫЙ. То зробывъ-бы панъ друге паскудство?

ЧАПЛИНСЬК. Я поражуюсь зъ вами, панове, за це описля!

ЯСИНСЬКЫЙ. А вже-жъ: перше Богданъ Хмельницькый поражується съ паномъ...

РЖЕВУСЬКЫЙ. О, шкуру зъ живого здере!

ЗАРЕМБА. Ходимъ до костела: тамъ и воевода, и регемтарь. (*Вси заходять*).

ЧАПЛИНСЬК. Що-жъ це? Смерть? Не мывучи тортуры? О, трыста дьяблывъ!.. треба тикать... и найхутче!.. Дизнавсь про потайный лазъ... Де моя Леся?.. Чи брата ии?.. Певно тамъ... (*Иде въ костелъ*).

В ы х и д ь 3.

(*Елена и Юзя*).

ЕЛЕНА. Мене ганеблють! Усю ту кровъ на мою голову лють? (*Истерично рыда*).

ЮЗЯ. Пани! Ластивко моя! Не дймайте тимъ словамъ виры!

ЕЛЕНА. Чого-жъ вони все на мене звертають, чого? Самы розлютувалы звиря... самы запалыли пожежу—и на мене! А

мій Стась... ой, такъ не по шляхетськи... терпыть зневагы... хывується... Охъ, якъ боляче! отуть горыть... (*Показує на серце*).

Юзя. Панъ не хоче дратувати ихъ, щобъ на паню не ремствоваы...

Елена. Та панъ самъ готовъ у мене кынуты каменемъ... Ни, Юзю, ни! Колы сміются надъ любымъ подружжамъ, то чоловікъ не рахує... Стась не любить мене... Жалкує, що взявъ... У! Дурна я, дурна! Такъ мени й треба!

Юзя. Пани здалось такъ...

Елена. А колы любить, то ще гирше, ще гдше! (*Рве платокъ*).

Юзя. Заспокойтесь, пани!

Елена. Не можу, не можу!.. Тхирь! Курополохъ!!

Юзя. Пани себе тилькы змордує...

Елена. А! Провлятая! (*Зрива перлы и кыда*). Слухай, Юзю! Вони тутъ збираються... на раду... Я хочу знаты... слухаты... де-бъ тутъ?

Юзя (*кынувши окомъ*). Пани за тыми зависаы може сховатысь.

Елена. Спусты ихъ! (*Ховається*).

(*Юзя, зачувшы органъ на видпустъ, выходить у двери*).

В х и д ь 4.

Фирлей, Кысылъ, Вышневецкый, Чаплинскый, Заремба, Пробошъ, Ясинскый и друа шляхта.

Фирлей (*сида на кресли; поручъ зъ нымъ Пробошъ*).

Шановнее, ясновельможне панство!

Я склыкавъ васъ на раду вѣйськову:

Держатысь бильшь у Збаражи несыла.

Бракує въ насъ и хлиба, и воды,

Та и прыпасу боевого—годи!

У десять разъ сыльніцый ворогъ насъ

Стысь въ лещетахъ; обвалени окопы

И ранаы ажъ свитать скрызъ муры...

Що намъ чыныть, преславни воеводы?
 Чи поляггы усимъ тутъ до ноги,
 Чи мисто здать?

ЧАПЛИНСЬК. Ганеба, встыдь, панове!
 РЖЕВУСЬКЫЙ. Це нашъ Кодакъ!
 ЯСИНСЬКЫЙ. Тутъ зброи повный складъ.
 ВЫШНЕВЕЦЬК. Цю тверджу здать—то видчыныть ворота
 У саме сердце Польши!..

ЧАПЛИНСЬК. Езусъ-Панъ!
 ПРОВОЩЪ. О, *virgo divina!* Pro nobis oga!
 ФИРЛЕЙ. Такъ щожь чыныть?
 ВЫШНЕВЕЦЬК. Коронне вѣйско тутъ;
 Мы злучымось и цей ворожий табирь
 Розирвемо на два шматкы...

ФИРЛЕЙ. Я жду
 Видь короля вистокъ; але, мій княже,
 У его силы жменя...

ВЫШНЕВЕЦЬК. А мои
 Гусары?

ЧАПЛИНСЬК. Я-бъ и зъ жменею тыхъ левивъ
 Розпудывъ хлопивъ...

ЗАРЕМБА. Може, пане, бабъ? (*Смихъ*).

ЧАПЛИНСЬК. Цо, пане?
 ЗАРЕМБА. То, що Збаражъ—не Суботивъ!
 ПРОВОЩЪ. О, *illustrissimi!*
 ФИРЛЕЙ. До рады васъ прошу!

Его-мосць князь провадыть ждаты круля;
 Але якъ ворогъ ждаты не дае,—
 И за годыну, ясне панство, тутъ
 Загоготыть пекельвий бенькетъ смерти!

ВЫШНЕВЕЦЬК. Ии зустріть не хоче пышный панъ?
 ФИРЛЕЙ. Образа, княже! Мы не разъ ій въ вичи
 Дывылыся... Тутъ не про себе ричь:
 А чи гараздъ останне вѣйско наше
 На гибель дать?

- ВЫШНЕВЕЦЬК. Тагъ крыжемъ полягты
Передь лыхымъ бунтовныкомъ и хлопомъ?
- РЖЕВУСЬКИЙ. О, краще смерть!
- ЯСИНСЬКИЙ. Пся кривъ!
- ЧАПЛИНСЬК. На пали ихъ!
- ЗАРЕМБА. Машъ рацію, хоробрый пане, тилькы
Звершы ии...
- ЧАПЛИНСЬК. Не катъ я...
- ЗАРЕМБА. А Парысь?
- ЧАПЛИНСЬК. Я зъ паномъ завтра...
- ПРОВОЩЪ. Не змагайтесь, диты!
Тяжку годуу Богъ намъ посыла,
Що не сповняли мы наказивъ Папы:
Не вырвалы мы схизмы, а вогонь
Очыстивъ бы ихъ, гришныхъ, и настала-бъ
Скрызъ кательцьва вира...
- ФИРЛЕЙ. Зъ цего й брань.
Знялась братерська...
- ЧАПЛИНСЬК. Якъ? Браты намъ хлопы?
- ВЫШНЕВЕЦЬК. Лайдаки! было!
- ФИРЛЕЙ. Добры воякы,
Що боронили польскій край видъ турка.
- ВЫШНЕВЕЦЬК. У Польши есть лыцарскый, славный мечъ!
- ФИРЛЕЙ. Оборонивъ винъ насъ пры Жовтыхъ водахъ,
Пры Корсуни...
- ВЫШНЕВЕЦЬК. Ньестеты! Выни вы,
Паны мосциви, а не вйсько! Зроду
Вы про вйну не дбали и въ гадкахъ:
На роскошахъ розпестывши всю сылу,
За клочча вы вважали козака,
Мовъ на бенъкетъ ишли его караты,
А въ клочки тимъ зъявылась сыла й васъ
Перевернула, та й пишла пожаромъ...
Хто на чоли поставлений бувъ тамъ?
- ФИРЛЕЙ. Ти, що не разъ служылы Марсу славно!
- ВЫШНЕВЕЦЬК. Та й виддалысь въ лабеты козаку...

- Фирлей. Фортуна зла и ненадійна зрада.
- Чаплинськ. И необачный выбирь ватажживъ...
- Заремба. Але, панове,—що було—мынуло,
А мы теперь даремно гаемъ часть:
Богданъ влетыть и насъ живыхъ пошеварыть,
Мени-жъ свого жаль сала, дали-бугъ!
- Ржевуськый. А панъ przyбавъ его...
- Ясинськый. Зъ цеберь...
- Заремба. Тымъ бардзій!
- Провощъ. Salutio ex coelo!
- Заремба. Треба намъ
На часть хочъ замырытысь.
- Кысиль. Ясне панство!
Дозвольте ричъ держаты.
- Де-хто. Кто? Кысиль?
- Други. Мы ради вчуть и пана воеводу.
- Кысиль. Якъ сытая, непорана земля
Лышь будягы замисць пшеници родыть,
Такъ вода въ насъ безерайя, золота
Не на корысть иде, а на сваволю...
- Вышневецъе. Зневага то!
- Чаплинськ. Ганеба!
- Провощъ. Панъ-схызмать.
- Кысиль. Такъ, я схызмать, я грецького закону,
А серцемъ я щыришь за васъ полягъ.
И боляче люблю свою краину!
Сто литъ тому, передъ Жыгмондомъ ще,
Украина еднатысь стала зъ Ричю—
И справа йшла любесенью, безъ чварь.
Риднылысь мы, росла на сылахъ Польща,
И богативъ та цвивъ нашъ пышный край...
Коли це вразъ—чи то пекельна заздрить,
А чи пыха безглузда—збылы гвалтъ:
Паны пишы забрать козачи добра,
Ксензы взядысь имъ виру поламать—
И занялося пекло! Панство, друзи!

Одумаймось, не лыймо дарма кровъ,
 Одсахнемось одъ гвалту та розбою:
 Нехай любовь прыспыть оту злону
 И заживыть ойчизни тяжки раны!

Вышневецк. Пань гетьманъ тежъ одной думы?

Фирлей.

Такъ!

Вышневецк. Щобъ бунтарямъ дать пильгу й одростыты
 Ще пазури та зубы на панивъ?

Фирлей.

Князь помылывсь... Теперь вони лышь можуть
 Намъ пильгу дать... а вашъ вогонь та мечъ
 Змягъ розъярыть приборканого звира,
 А не спыныть...

Кысиль.

Панове! Fiat рах!

Вышневецк. Якъ мыръ? На чимъ? На тимъ, що Хмель зъ
 насъ правывъ?

Шляхетство дать значнымъ лейстровыкамъ,
 Знести уси костелы на Вкраини
 И выгнаты котолыкивъ, жыдивъ?

Провощъ.

Езусе-Пане! „Свѣнта вара“ гыне!

Ржевуськый. Знуцаются надъ Sacramentum псы!

Кысиль.

А хто жыдамъ дававъ церкви въ аренду?

Одни.

Этъ, то пся кривъ...

Други.

Схызматамъ мукы!

Провощъ.

Amen!

Фирлей.

Король того не хоче...

Чаплинськ.

Що тамъ круль?!

Ржевуськый. Мы самы крули!

Ясинськый.

Шляхтычъ на загроди

И воеводи ривень, пане!

Други.

Такъ!

Провощъ.

Едыный лышь надъ вси владыка—Папа.

Де-хто.

Схызмативъ бытъ! До пекла ихъ!

Чаплинськ.

Завстыдъ

Лякатысь намъ!

Вышневецк.

Тымъ бардзій, що е помичъ!

Одни. По згоди въ насъ однимуть хуторы
И все добро...

Други. Ганеба! Veto! Veto!

Фирлей. Панове! Дайте слово! Це не сеймъ!
Забулысьте, що я Коронный Гетьманъ
И власть моя...

Бильшына. Той зрадныкъ, хто—за миръ!
Конецпольскый, Заремба, Кысиль (*встають и до шабел*).
До зброи!

Вышневецк. и де-хто. Вментъ!
Провощъ (*стае міжъ нихъ*). О, найясниша Панно!

Вихидъ 6.

(*Тиждь и гонецъ*).

Гонецъ. Лыста прыславъ ось найяснишый Круль.
Фирлей. Отъ певна намъ и рада, и надія.

(*Чыта нервово. Все сразу прытыкли*).

О, горе намъ? Кара насъ божый гримъ...
Розбитый Круль!

Все. Коронне вйско згыбло?

Фирлей. Лягло усе... Може й яснийшый Круль...

Все. Погыбель намъ!

Провощъ. Voluntas tua fiat!

(*Пауза*).

Заремба. Що-жь намъ чыныть?

Кысиль. Зъ Богданомъ Хмелемъ миръ.

Фирлей. Тымъ вызволимъ мы круля изъ лабетивъ...

Заремба. Такъ нарядыть до Хмеля посланця...

Ясинськый. А пидкупыты-бъ?...

Заремба. Хмеля? Тамъ и прорва!

Винъ Польшу всю ковтне...

Ржевуськый. А то татаръ:

Ти продадутъ и батька за дукаты!

Ясинськый. Напевне такъ, та треба и значныхъ...

- Провощъ. Выговського... винъ зъ шляхты...
- Фирлей. Ни, Тетерю!
- Чаплинськ. И опукаты потимъ...
- Провощъ. Клятву ту
Зъ схызматамы ламать зволяе Папа...
- Вышневецък. Шельмовство то!
- Чаплинськ. Зъ-пидъ гвалту слово—дымъ.
- Вышневецък. Шляхетське слово есть святыня, пане!
- Фирлей. Що-жь, лыцари?
- Кысиль. Мырытыся мерщій!
- Заремба. Щобъ вымовыть въ Богдана хочъ що-небудъ
Прынаду-бъ треба и ему...
- Ясинськый. Яку-жь?
- Провощъ. In coelo spes.
- Вышневецък. Не згоденъ я! Кризъ лавы
Зъ гусарами прорижусь...
- Кысиль. Марный бій...
Тамъ сылы—тьма!
- Вышневецък. Мои гусары—левы!
- Кысиль. И ихъ згубыть?
- Вышневецък. За те славетна смерть!
- (До Чаплинського). Зи мною панъ?
- Чаплинськ. То „рызыка“ велька...
- Заремба. А якъ хвалывсь!
- Ясинськый. Звытяжець бабъ, дитей!
- Заремба. Его-бъ оддать Богданови въ заставу...
- Де-хто. Винъ бучу знявъ...
- Други. Нехай и вызволя!
- Чаплинськ. На Бога! Панство! Що-жь то?
- Вышневецък. Гайда въ поле!
За мною!
- Чаплинськ. Тамъ видыма смерть...
- Вышневецък. (выходючи). У! Тхирь!!
- Де-хто. Шкодлывый кить, а на розправу—заець!

В ы х и д ъ 7.

(*Тижъ и Гайдукъ*).

Г а й д у к ъ. Ворожи скривъ шыкуются повкы
И оточають Збаражъ.

П р о в о щ ъ. Finis! Finis!

О д н и. Рятуймося!

Д р у г и. Погыбель, смерть намъ всимъ!

К ы с и л ь. Спустыты стагъ!

Д е-х т о. Чаплинського виддаты!

Ч а п л и н с ь к. Ой, змылуйтесь, мои паны ясни!
Тортуры... смерть...

П р о в о щ ъ. Панове! Слушна рада:
Чаплинського визьме для мукъ Богданъ,—
И постраждать—то честь: едынъ—за мнози!
Але щобъ бильшь Богдана вдовольнить,
То виддамо назадъ ему Елену.

Ф и р л е й. Правдыва ричъ, свята!

Ч а п л и н с ь к. На вищо-жъ я?
Невже, паны... дасте вы... шляхту хлопуг?
Богдану треба жинкы... хай бере!
Поплить ему Елену вже... на втиху...
На мене-жъ згляньтесь...

Ф и р л е й. Жинку панъ дае?

Ч а п л и н с ь к. Такъ, такъ... даю... Везить ему Елену!
Наскучыла... натышывсь—та й-уже!

В ы х и д ъ 8.

(*Тижъ и Елена*).

Е л е н а (*хутко и гордо выходячы зза зависы*).
Я чула все—и соромъ крые щокы,
Що я змогла такого покохать!
Вы свій языкъ оманю мастылы

И зброились у мужнисть хвастивну...
 (Показуе на сердце). А тутъ у васъ—гниздо гыдекои жабы,
 Де кублытся зрадецьтво, лжа и страхъ...

(Чаплинський хоче щось сказати).

Видь мене геть, мерзотній недолюдеу!
 Безчесныба не хочу й слухать я!

(Чаплинський тирнувъ у юрбу и втикъ).

А вы, мизерніи нащадкы сылы й славы,
 Звеличени безсыллямъ та стыдомъ
 И гризны лышь на похвалкы та зъ кволымъ...
 Вы дужому велоняетесь до нигъ:
 За спокій свій, за ласощи й розпусту
 Готови вы оддаты й честь свою,
 И честь жоны и навить дони цноту,
 Абы самымъ закрытысь одъ биды...
 Надъ инчымы гвалть... неслава... и публика
 Вамъ за нивець... Що вамъ живочый стыдь?!...
 Такъ! Я пиду въ ворожий станъ Богдана,
 И колы-що въ грудяхъ его не лидь,
 То буду я надъ Краемъ пануваты!

(Вси остовпили).

(З а в и с а).

ДІЕВИ ЛЮДЕ ДО 2-ої ОДМИНИ Ш-ої ДІИ.

Богданъ Хмельницький — гетьманъ;
Тетеря, — полковникъ, близько до гетьмана лице.
Выговський — писарь, при Богдани;
Богунъ
Кривонось }
Нечай } — полковники;
Морозенко }
Чарнота }
Тышко — синъ Богдана;
Бандуриста — сивый дідъ;
Джура,
Ясинський — посланецъ польський;
Елена Чаплинська — бывша коханка Богданова;

Козаки, гайдуки.

Діється підъ Збаражемъ.

2 ОДМИНА.

(Середина намета Хмельницького, доволі розкишана: турецькі кавани, столи; багато дорогом зброю. Вийстя вхидне и наліво до спальня).

В х и д ь 1.

(Тетеря и джура).

ТЕТЕРЯ. Ясновельможный Гетьманъ де?
ДЖУРА. Въ покои,
Я ось готую зброю.
ТЕТЕРЯ. Сповисты,
Що я прыйшовъ...
ДЖУРА. Въ ту-жь мить, вельможный
пане!
ТЕТЕРЯ. А чи въ гумори Его мосць?
ДЖУРА. Вони
Щось гнивалмсь страшенно на Чарноту.
ТЕТЕРЯ. Визьмы соби на шапку—ось дувать...
Ты хорошунъ и славный въ мене хлопець!
(младыть) Ну, а про що розмова йшла? Не чувъ?
ДЖУРА. Про то... эге-жь, здається.. про Чаплинськихъ.
ТЕТЕРЯ. А сердывся?.. Ось ще тобі дукать. (Дае).
ДЖУРА. Лыбонь про те, що винъ не розшукае...
Ажь стукалы по столу кулакомъ.
ТЕТЕРЯ. На стежечку! (Дае якусь монету).
ДЖУРА. Спасыби, ясный пане! (Выходыть).
ТЕТЕРЯ. Ну, це гараздъ! Тепера знаю я,
Що въ сывого горыть вогнемъ ще рана,

И не вгасывъ и побидный гукъ...

Се буде зновъ мени пляхомъ въ те сердце.

ДЖУРА (*ввыход.*). Ясновельможный гетьманъ пана жде.

(*Тетеря иде до спальни, а джура прыбира наметъ и выбиа часамы у станъ.*)

В ы х и д ь 2.

(*Богданъ, Тетеря и джура.*)

ГУРТЪ (*недалеко за кономъ спива.*)

Ой, Богдане-тату!
Вернувъ нашу хату—
Щасты тобі Боже!
Не забуде зроду
Корсунь, Жовти воды—
Кодло все вороже!

БОГДАНА (*голосъ*). Вына сюды и люльку!

ДЖУРА. Заразь, вымыть,

Ясновельможный гетьмане и пане!

ГУРТЪ.

Та немає лучче,
Та немає краще,
Якъ у насъ на Вкраини,—
Що немає жыда,
Що немає Ляха,
Та не буде й уни!

БОГДАНА (*голосъ*). Щобъ румака готовылы!

ДЖУРА. Въ сидли

Вже винъ стоить, ясновельможный пане!

ТЕТЕРЯ (*выходить улесмыво за Богданомъ*).

Твои лысты збентежылы всю червь:
Покынувъ скрызъ славетный панъ—крамницю,
Клавешъ—пкыво гончаръ—свои поршкы

- Загонами шыкуется весь людъ
И полумьямъ шляхы соби проводить.
- Богданъ.** Гараздъ, гараздъ! Хай свитють ворогамъ:
Згадається имъ унія й Суботивъ!
- Тетеря.** Одно тилькы: озвирена юрба,
Зъ пьяныхъ очей не розбера никого...
И всихъ ланивъ, бодай-бы-то й свои—
У пень руба, а добра геть руйнуе!
- Богданъ.** Що діять? Въ выхъ—вся сыла...
- Тетеря.** Та лыха!
Колы въ гребляхъ вода, то зерно меле,
А якъ прорне, то понесе и млынъ...
- Богданъ.** Та млынъ отой зъ греблями й е неволя:
Нехай знесе—поставымо другый...
А паводи теперь спыняты годи!
Я обидявъ голоти вси права,
Зривняты чернь зъ лейстровыками навить.
И тымъ пиднявъ супроти ворогивъ
Таку страшну необориму сылу...
- Тетеря.** О, що й казати! Твій розумъ, що орель...
Але-жь и те: обидянкы—цицянкы!...
Бо смы ты, що ясный гетьманъ знявъ,
На вси боки пекельпи й небезпешни:
Татарынъ зчирь, розсатаявила чернь...
- Богданъ.** Такъ скривдыть ихъ ище небезпешнише!
Зъ ляхомъ-панкомъ тра впоратыся першъ...
- Тетеря.** Пожежа йде... людъ на татаръ лютуе,
А старшына на люгъ... и гвалтъ росте...
Не захотять панства тернить Содому...
- Богданъ.** Та такъ-то, такъ; але теперь не часъ
Вудылами спыняты буйни кони:
Ище кругомъ насъ ворогъ оточа...
Звоюемо, тоди й за хатни справы...
- Тетеря.** Та чи дадуть-же закрыиыты мыръ?
Загавкають...
- Богданъ.** Чого?

- Тетеря. Та на ту згону:
Татары й чернь бажають Польшу всю
Розграбты...
- Богданъ. Я йду давить сваволю
Напастныкивъ—магната и ксендза,
А не зныщать безвнынй людъ и врюля,
Обраного по нашій воли...
- Тетеря. Такъ...
- Богданъ. А е въ старшынь, що за розбои ради...
Не зигнуть, ни! Цупкый удавъ Богданъ!
- Тетеря. Тоби Господь надавъ високу долю:
Украину ты вызволишь цилкомъ,
Збудуешь тутъ вельке, славне панство...
И хто-то зна...
- Богданъ. Чымъ дали, брате, въ лисъ—
Тымъ бильшь думокъ іспевныхъ...
- Джура. Ясный гетманъ,
Полковныкы-паны...
- Богданъ. Просы, просы!
(Тетеря виходить).

Выхидъ 3.

(Кривоносъ, Морозенко, Нечай).

- Вси. Чоломъ тоби, ясновельможный батько!
- Богданъ. Здорови, диты, лицари-орлы!
Що доброго?
- Кривоносъ. Одъ башты ажъ до ричы
Ворожіи гарматы вси мовчать,—
Хоть заразъ можно добувати мисто.
- Богданъ. Зацпыло?
- Морозенко. Шкереберть вси!
- Богданъ. Гараздъ!
- Нечай. А я ще скрызъ околыци пошарпавъ.

- Кривонось.** Отъ жаль, що я мижъ вами тамъ не бувъ—
Эхъ, зъ хлопцями мы погуляли-бъ ловко.
Що за бенькетъ, якъ мисто все пала,
А вороги, мовъ смерть, блиди трясутся...
Запалышь люльку зъ вогныща, та знай
Тилькы крычышь: „а ну-те, хлопци, шпарче,
Пиддайте жару, не жалійте рукъ,
Та прыговорюйте—„за те вамъ и за тее!“
- Морозенко.** Ажъ духъ зрыва! Такъ въ сичу-бъ и махнувь!
Богданъ. Завзяти вы, полковныкы, занадто:
Якъ такъ чыныть—пустыня буде скривъ...
Та й не впада, панове, будь жорстовымъ:
Лежачого уже, мовлявъ, не бють.
- Нечай.** А насъ ляхы—якъ завжды шанувалы?
Кривонось. Четвертувалы, шкварылы въ быкахъ...
А надто той Ярема, песъ пекельный...
Ну й допадусь!
- Богданъ.** Такъ мы-жъ, бра, не ляхы!

 Выхидъ 4.

(Тижъ и Богунъ)

- Вси.** Богунъ! Богунъ!
Богданъ (обнима). Витаемо звытяжца!
Богунъ. Товаришамъ и батькови чоломъ!
Ище привизъ братамъ я трохи славы!
Вси Тоби хвала!
Богданъ. Якъ справывсь, роскажы!
Богунъ. Пидъ Зборовымъ було коронне війсьво.
Мы-жъ у ночи болото перейшлы,
Та й вдарылы налетомъ зъ Тугай-Бесемъ...
Не ждалы насъ видтиль паны-ляхы—
Шатнулыся у ростиць и до лясу
Вси кынулысь... А мы ихъ на вздогинъ
Давай докшыть та сикты на капусту:

Все поле вкрывъ блавать и аксамыть,
 Сто двадцать мажъ обозу захопылы!
 Богданъ Теперьъ, браты, вся Польша у ногахъ;
 Здобудемо за двѣ годины Збаражъ—
 И до Варшавы просто на ихъ сеймъ!
 Все. Хвала, хвала!!
 Богунъ. Ухъ, славно, батьку любый!
 Богданъ. Венгерського намъ, джуро, пиднесы!
 Кривоносъ. Горилкы краще, гетьмане!
 Морозвнцо. А правда,—
 Выно квасокъ.
 Нечай. Не пройме козака.
 Богданъ. Ну, подавай скаженои, щобъ грала
 Та пивылась...
 Кривоносъ. Ця розворупитъ кровъ.

(Налывають кубкы, розносять).

(Видно, що за шатромъ Тетеря спыня чогось Чарноту).

Богданъ. За козакивъ, за славне Запорожжя!
 Богунъ. За Украину—матирь!
 Нечай. За нашъ стягъ,
 Щобъ за годьну надъ Збаражемъ маявъ!
 Богданъ. Дай Господы! Теперь на Збаражъ! Гей
 Коня мени! *(Кривоносъ выходить).*

В ы х и д ь 5.

(Тижъ и Тетеря).

ТЕТЕРЯ *(хутко входить и тихо Богданови).*

Я маю новыну...

Богданъ. А що таке?

ТЕТЕРЯ *(одводять его напередъ).* Дизнався я, гетьмане,
 Що въ городи Чаплинськи!

Богданъ. О? Невже!

- Тетеря. Ихъ выдадутъ гетьману, колы мисто
Ощаднмо...
- Богданъ. Що діяты?... Бижи, скажи мерщій,
Щобъ привелы... Хай посланци прыбудуть.
Обохъ! Обохъ!! (Тетеря виходыть).
- Нечай. Що-жь, батьку нашъ, рушать?
Богданъ, Трывайте ще... я дамъ, панове... гасло...
Богунъ. Тутъ вправытесь, братове, и сами,
А въ помичъ намъ дай, батьку, тысячъ зо тры,
То короля въ полонъ заберемо.
- Богданъ. Щобъ маестать? Его яснійшу мосць?!
Да не коснется вашъ повикъ и палець
Священной парсоны короля!
Король—нашъ панъ; ему—мы вирни слугы:
Не на его повстали мы,—на сеймъ!
- Богунъ. А за-що-жь винъ ишовъ насъ воюваты?
Богданъ. Ну... дуки вся... и Ричъ те вымага...
Нечай. Не вмеръ Даныло—трясця задавила!
Богунъ. Этъ, що й казать, хйба не одынъ чортъ,
Чи батька разъ у лоба, а чи й двичи?
- Богданъ. Мы захыстымъ Его Крулевську Мосць,
А винъ за те насъ возвелычыть гойно...
- Нечай. Та мы теперъ взяли права й самы!
Морозенко. А ихъ почоть и шана на сто-биса?
Богунъ. Насъ звелычае шабля, а не круль!
Богданъ. О, слипачи! Не мечъ царства буде,
А певный глуздъ у справахъ обчеськыхъ:
Безъ головы—никчемни рувы й ноги!
Я владою, наданною мени,
Всимъ бороню на Короля вдаряты...
Теперъ якъ разъ намъ можно мыра взять,
Корыстного для насъ и для Вкраины...
Того я й жду видъ миста посланцивъ...
- Богунъ. Якъ? Збаража не будемъ добуваты?
Нечай. Та ты-жь подавъ до бою вже наказъ?
Морозенко. Це штука!

- Богданъ. Я.. не хочу марно лыты
Ридной крови... бо здадуть и такъ...
- Богунъ. Эй, гетьмане! Упустышь тилькы добу
И часъ дасы спочыты ворогамъ:
А якъ бува ляхъ въ руки насъ піймае,
То жодной ощады вже не жды!
- Богданъ. Провчылы мы магнативъ... часъ и згоди!
- Богунъ. Уся Волянъ, Украина й Подоль,
Колы зовсимъ мы не задавимъ ляха,
У пазуряхъ застогне й зарыда
И прокляне своихъ бративъ на вики!
- Нечай. Мы власными кистками вкрылы край
И зъ пивъ-шляху звертаты-бъ-то?!
- Морозенко. Не згода!
У пень рубать всіхъ нашихъ ворогивъ!
- Богданъ. Забулысьте, панове, що я гетьманъ
И на вйни мій голось—всимъ законъ!
До лавъ уся, и ждаты мого наказу!
(*Вси понуро виходять*).

В х и д ь 6.

(*Богданъ самъ*).

- Богданъ (*вслидъ*). Не похылыть, панове, вамъ мене!
Згартовава на крыцію въ мене воля,
И буде такъ, якъ поришыть Богданъ!
Вамъ хочется гармыдеру й сваволи,
Не вдастся, ни! Я певне право й ладъ
Постановлю, збудую на Вкраини...
Вже кайданы розбыти... часъ-пора
Прыкроиты ій власную одежу...
Тилькы беда, що всякъ бажа своего...
И мозокъ схне, якъ погодыть бажання?
(*Пройшовся, потыраючи лобъ, и сивз, замыслывся. Пауза*).
Чи не чыню я кривды?.. Та неже

За ту красу продамъ я Украину? (*Встае*).
 О, ни! Шельмовство причь!.. Уже наставъ
 Справдешній часъ дать мырѣ... Я, безъ прынады,
 Зъ ныхъ выправлю для Украины все!
 У справахъ цыхъ не зрушыть мене баба!
 (*Пройшовсь*).

Та й то ище: мо, знажують ляхы,
 Щобъ выграты годину?! О, не раджу
 Мене дурыть!.. Все въ попилъ поверну,
 Церетрошу остатнюю цеглыну,
 Жывого пса и кишки не лышу!..
 Ни, тамъ вона!.. Якъ тутъ пече у грудихъ...
 Зирвали зновъ зъ старои раны струпь...

В ы х и д ь 7.

(*Богданъ и бандурыста*).

Б а н д у р ы с т а. Бувай здоровъ, нашъ батьку, нашъ гетьмане!

Б о г д а н ь (*обнима*). А, друже мій? Видкиль? Колы? Куды?

Б а н д у р ы с т а. Изъ Кыива сюды. Тоби владыка

Благословення нерухоме пле.

Б о г д а н ь. Зъ смыреніемъ и благостю прймаю.

Б а н д у р ы с т а. Ты знявъ меча за виру пресвяту,

За ридный людъ, знеможенный у мукахъ—

И по церквахъ зновъ дзвоны загулы,

И людъ оживъ, повеселивъ, одягся...

Вся Русь тоби низенько бѣ чоломъ

И молятся за гетьмана-зборонця.

Б о г д а н ь. Спасыби їй! Спасыби диточкамъ!

Для мене то найкраща нагорса!

Б а н д у р ы с т а. Тоби до рукъ Господь давъ гризный мечъ,

Такъ не зверны-жъ зъ високой дороги

Ни рады добръ, ни рады власныхъ втихъ;

А памьятай, що лышь свята потреба

Здола замыть пролыту людську кровъ.

- БОГДАНЪ. Твои слова цілющою росою
На душу впали...
- БАНДУРЫСТА. Тамъ ихъ и ховай,
Та бережы, щобъ не розвіявъ витерьъ.
- БОГДАНЪ. Ховатыму.
- БАНДУРЫСТА. Спины ты татарву:
Розкынулось хыжацтво геть по краю,
Плюндрое все и спильныкивъ своихъ
Бере въ ясырь... Тикають бидни люде
Геть ажъ за Псло, въ Московськи вже степы...
- БОГДАНЪ. Вида изъ нею...—помичъ и руина...
- БАНДУРЫСТА. Невира бачъ и хрестъ...
- БОГДАНЪ. То до часу,
А мы теперь въ колодочки вже вбылись,
И безъ неvirъ замицнемо права...
Готую я щось инше Украини...
- БАНДУРЫСТА. Увесь народъ надію поклада,
Що вызволышь видъ рабства та неволи.
- БОГДАНЪ. Україну я високо здіму,
Дай тилькы часъ... (*Тетеря виходить*).
- БАНДУРЫСТА. А вже бъ пора нещасній,
Зруйнованій, знесыленій въ биди—
Спочыть певнишь, загоить тяжки раны!
- БОГДАНЪ. Такъ... але ты здорожывсь... одпочынь!
Гей! Нагодуй и дай прытулокъ, джура!

(*Богданъ обнима старця. Джура выводить его пидъ руки*).

Выхидъ 8.

(*Богданъ и Тетеря*).

- БОГДАНЪ. Ну що? Якъ тамъ?
- ТЕТЕРЯ. Все сповнять, лєкъ бажавъ.
- БОГДАНЪ. Коли жъ, коли?
- ТЕТЕРЯ. Вже пбиздъ рушывъ зъ миста...
- БОГДАНЪ. Де? Тутъ уже?

ТЕТЕРЯ. Ще йдуть за валдмъ,
 Але на башти билый стягъ вже мае.
 БОГДАНЪ. За пивъ годыны... певно будуть?
 ТЕТЕРЯ. Такъ.
 БОГДАНЪ. А въ пѣиздп...
 ТЕТЕРЯ. Прымитывъ, есть и пани...
 БОГДАНЪ. И пани есть? Мій друже, мій Стешкѣ...
 Я щось хотивъ сказаты... не згадаю..
 Щось кровь мени ударила въ виски...
 Перехыливъ венгерського падъ миру!
 (*Одкрыва притолу й повертається до повитря*).
 ТЕТЕРЯ. Охъ, Боже мій! Може подать воды?
 БОГДАНЪ. Ни, байдуже! На витри заразъ пройде...
 ТЕТЕРЯ. Спочывъ бы панъ...
 БОГДАНЪ. Ото ще! Не малый!
 (*Підходить*) Я дуже радъ... тоби я дуже радый...
 Умієшь ты розважыты нудьгу...
 (*Обнима*) На перстияъ цей видъ щырои любви...
 ТЕТЕРЯ. О, гетьмане, мій батьку дорогой,—
 Для мене то, ясновельможный, щастя!

В ы х и д ъ 9.

Тижъ и Джура, а потимъ Выговський.

ДЖУРА. До мылости гетманської прыйшовъ
 Выговський панъ...
 БОГДАНЪ. А, пысарь? Хай иде!
 (*До Тетери, що хоче йты*) А ты куды?
 ТЕТЕРЯ. На чаты. (*До себе*) Не люблю я
 Пысарчука... За шкапу въ татарвы
 Богданъ узывъ до послугъ цѣго лыса...
 Не всыдить намъ обомъ въ однимъ мишку...
 (*Пишовъ*).
 ВЫГОВСЬКЪ. (*Низько кланяется*) Вельчнёму, вельможнійшому
 пану ...

- Богданъ. Здоровъ, здоровъ! Ну, якъ тамъ въ тебе, що?
 Выговськ. Молдавського господаря Лупула
 Прийшли листы: вита тебе, якъ братъ,
 И помочи проты Волохивъ просыть,
 Що нападомъ на край его идуть.
- Богданъ. Послать мерщій господарю потугы:
 Собратови доклады воза слидь
 Выговськ. Во-истину. Май, пане, на увази,—
 Въ господаря красуня е дочка...
 Чи не гараздъ було бь, зь нымъ пориднытысь?
- Богданъ. Тымка послать... ця думка не пуста...
 Выговськ. За нею вслидъ ще лыне шырша...
 Богданъ. Годи!
- Ты знажувешь...
 Выговськ. Я вказую мету,
 Куды сягнуть могущымъ лѣгомъ можна:
 Вчынышы мыръ преславный зь королемъ,
 Панъ впорядыть безладдя на Украини,
 Молдавію ще визьме пидь крыло,
 Заручыты сусидными панствамы,
 Й сю булаву зминя на... берло...
- Богданъ. Цыты!
 Не ворушы такыхъ гадокъ, бо зь чаду
 Лышь голова макитрытыся...
- Выговськ. Слаба,
 А не така, якъ въ велетня—Богдана!
- Богданъ. Змиркуемо... Ты одпышы листы!

(Выговскый кланяется и выходитъ).

Выхидъ 10.

(Богданъ, а потимъ джура).

- Богданъ. А чомъ не такъ? Фортуна намъ слуге...
 Тымка женыть, Молдавію здобуть...

- случить Волощину, Мультианщину, Вкраину...
 Самому стать... Ху! Ажъ морозъ пишовъ,
 И до горы пиднявся волосъ... Джуро!
 Давай вына, бандуру!... Що смутный?
 Ясновельможный гетьмане, за домогъ:
 Тамъ ненька е, сестра... а чи й живи?
- Джура.
- Богданъ (*прыраючы на бандури*).
 Не соромъ пакъ журытысь козакови!
 Повернемось мы зъ славою назадъ...
 Розвеселысь! Бачъ, гетьманъ твій радіе...
 Джура. Даи Господы намъ швидче въ Чыгырынъ,
 А славному ще бильше, бильше славы!
- Богданъ (*побренькавши, вытывъ кубокъ, зновъ побренькавъ*).
 Ни, щось мене не слухае струна,
 Третьты рука, третьты щось тутъ у грудихъ...
 (*Джура выходить; вбиа Тымко*).

В х и д ь 11.

(*Богданъ и Тымко*).

- Тымко. Ты, батьву, зновъ догоджуешь ляхамъ
 И выпустыть ихъ хочешь изъ лабетивъ,
 Коли й король...
- Богданъ. Про ёго й дбаю я.
 Мы въ вирности ему запрысгались!
- Тымко. Все ремствують, що гасла не даешь,
 Що миста братъ не хочешь черезъ бабу...
- Богданъ. Зацплю имъ! У пельку вбью поклепъ!
 Мени здають все мисто... миру просять...
- Тымко. Але дають Елену ще за те...
- Богданъ. Украдене, свое я правлю...
- Тымко. Тату,
 Я бъ и не взявъ, пробачъ мени...
- Богданъ. А якъ?
 Лышывъ бы тамъ у ворога на втиху?

- Тымко. Повисывъ бы на шыи у ляха,
А злодія бѣ посадовывъ на паяю!
- Богданъ. И тилькы бѣ то? Злодюга того вартъ;
Але вона насылкомъ, гвалтомъ взята...
Якъ боронить себе змогло бѣ дивча?
- Тымко. Вона сама втекла! по своій воли...
- Богданъ. Не може быть!
- Тымко. Я знаю, батьку, це:
Умовылась зъ Чаплинськымъ...
- Богданъ. А-а! гадюка!
Мени цѣго ты перше не казавъ!
- Тымко. Не хтивъ вразыть... Вона мене умысне...
Ни въ чимъ не слидъ дѣйматы виры ій!
Дурманить все...
- Богданъ. Але почимъ ты знаешь?
- Тымко. Упевнывся цымъ сердцемъ... Охъ, не вирь—
Ни пестошамъ, а ни слезамъ—одурить:
Прыгорнется, а нижъ въ руци хова—
И сонного зрадливо нымъ ударить...
Душа іи неvirна, якъ та ничъ!
- Богданъ. Ты щось таишь?... (*Скаженіе*).
- Тымко. Не вирь, не вирь ій, батьку
За пазуху гадюкы не беры...
О, я бѣ такихъ спикъ на вогни и попилъ
Розвіявъ бы на витри по степену
Щобъ не було й заразы!
- Богданъ. (*хапа его за руку*). А! тварюко!
Невже? Невже?!
- Тымко. Одвивъ мене Господь...
- Богданъ. Убью, якъ пса! (*замирається булавою*).
- Тымко. Я не боюся смерты—
Гриха не мавъ...
- Богданъ. Але на батька йшовъ!
- Тымко. Не видавъ я...
- Богданъ. Такъ видала жъ гадюка!
- Тымко. Вона лыбонъ, щобъ очи одвести...

- Богданъ. О, каторжни!
Тымко. Я въ тимъ безвиненъ, батьку!
Богданъ. Клянись мени!
Тымко. Уснимъ, що е святе—
И матери могылою сырою!
(Пауза).
- Богданъ. Збырайсь мерщій, въ Молдавію рушай!
Тымко. Чого?
Богданъ. Зъ повкомъ, господарю на помичъ...
Въ его дочки ты сердце завою!
Тымко. Въ пресвитлои? Це поглумъ нади мною!
Чи гляне жъ пакъ вона на козака?
Богданъ. На козака? На гетьманського сына!
Тымко. Ярема князь туды небога шле...
Богданъ. То шо, якъ князь? Помиратысь здолаю!
Я чобитомъ Ярему розчавлю,
Я поведу въ Молдавію сто тысячъ,
Я пышный край въ руину оберну—
А дочку ту въ господаря дистану!
Тымко. Хай буде такъ, якъ твоя воля...
Богданъ. Вмыть
Готуйсь въ походъ!
Тымко. Просты й пробачъ, мій батьку!
Богданъ. Бувай здоровъ!... Я распорядкы дамъ... *(Тымко
выходить).*

В ы х и д ь 12.

(Богданъ и Джура).

- Богданъ. Тымко поклявсь... Его языкъ ще зроду
Не знавъ брехни... Але вона, вона!
Зъ отцемъ жыла, до сына зальцялась,
А ворога маныла до жагы...
И той влестывъ, пидбывъ ии до зрады!
Ну, допадусь до харцызякы я—

У! проводи у пекло бучни справлю!
 На вугиляхъ пектыму день у-день,
 Мотатыму на мотовылахъ жылы,
 Собакамы...

Джура (*входитъ*). Жде пани й посланци!
 Богданъ. Впусты іи, а посланцавъ тихъ згодомъ...
(*Джура пишовъ*).

Черезъ хвылыну, черезъ мыть одну...
 Побачу зновъ мою побыту квитку...
 (*Хапається за груди*). Огутъ пече, немовъ смола кыпять;
 Але здавись и здержся въ гниви серце,
 Помстись гараздъ, не похопись судомъ!

Выхидъ 13.

(*Елена и Богданъ*).

Елена (*у французскій сукни, запята чорнымъ флеромъ*).

Мій таточку, сподиваний, коханий!
 Богданъ. Подали геть! Видъ пани ляхомъ тхне
 И щокы ще палають одъ цилункивъ.
 Елена. О, я безвынна...
 Богданъ. Сылою-бъ то взявъ?
 Елена. О, гвалтомъ... я боролась до загыну...
 Богданъ. Та й обьяла въ знесмыловци ляха
 Зрадливою, продажною рукою
 Й на лишко зъ нымъ покирлыво пишла,
 Всмихаючысь голубыла катюгу?
 Елена. О, Боже! Ни!.. Яка страдныця я!
 Мене взяли, якъ бранку до свитлыци,
 Сторожею обставылы мене,
 Щобъ не змогла на себе зняты руки...
 О, скилькы слизь я нышкомъ пролыла
 И скилькы мукъ перенесла, мій орле!
 Богданъ. Подумаешъ, якъ настраждалась—страхъ...
 На ласоцахъ ясновельможна пани!

- Елена. Я зъ голоду хотила смертъ принять,—
Ажъ десять днй и риски въ ротъ не брала...
- Богданъ. Не выдко щось по паніи поста...
- Елена. Мене слабу... безъ памяти звинчалы...
- Богданъ. Ну, заразъ-же и розговилысь...
- Елена. Охъ,
Хочъ пашануй мене, вельможный пане!
Нихто мени тамъ не подавъ руки:
Я день и пичь Богдана выглядала,
Щобъ вызволивъ нещасну изъ тюрьмы,
Я думкамы тебе шукала всюды,
Я серденькомъ зъ тобою лышь жыла...
- Богданъ. Може зъ Тымкомъ? Чи не забулась пани?
- Елена. Тымко... якъ сынъ коханого отця...
Бувъ риднымъ тежъ... его любила кревно...
- Богданъ. А бильше ни? (*люто*) Якъ здержала земля
Тебе, лыху? У пекли, въ пекли мисце...
На покути!!
- Елена (*гордо*). Тепера мою честь
У багныщи, въ смитти топтаты вильно:
Хто захысть дасть мени видъ влямства, лжи?
Я тутъ сама передъ судомъ жорстокымъ...
Давы, топчы!.. Бо не яка й хвала
Надъ жинкою безсылою звучатысь!
- Богданъ. Лукавышь все! (*Тыхо*) Несмыла вирить ій,
А въ душу крадется той чаривнычый голось.
- Елена (*на колінахъ*). О, гетьмане, мій соколе ясный!
Поглянь, поглянь на свою бидну Лесю.
Невже въ тебе и жалоштивъ нема
До ясочки, що такъ тебе кохала?
- Богданъ. Кохала?.. Встань!
- Елена. Не встану: краще вбій,
А не карай мене презырствомъ, пане:
Накатувалася я вже черезъ край!
- Богданъ. Уставь, устань... (*На бикъ*). Я зъ сердцемъ не
здолаю,
Ножами зновъ пробьете скризъ воно...

- ЕЛЕНА (*рыда*). О каторжна, пекельна моя доле!
 Одъ мылого насылкомъ однялы—
 И той теперь ногою видпыхае!
- БОГДАНЪ. Сважы, чи е въ твоєму серци Богъ?
 (*Хана їм за руку*). Чи хочъ одна слеза твоя правдыва?
 Чи зъ устъ твоихъ злитае тилькы лжа?
- ЕЛЕНА. Клянусь усимъ... тебе кохаю...
- БОГДАНЪ. Правды!
 На макивку благаю правды я!
 За неѣ все—и хutory, й палацы,
 И вси скарбы... й жыття свое виддамъ!
- ЕЛЕНА. Тебе люблю...
- БОГДАНЪ. Поглянь мени у вичи!..
 Якъ темно въ ныхъ... ни промина...
- ЕЛЕНА. Тебе,
 Мій соколе, носыла завжды въ серци...
 Для мене ты... все щастя... цилый рай!
- БОГДАНЪ (*одпыха*). И въ рай отой другого ты пустыла?
 Ха, ха, ха, ха! Брехня! Брехня! Брехня!!
- ЕЛЕНА. Пропала я!
- БОГДАНЪ. Устаньте! Не впадае
 Вельможній паніи валатысь у ногахъ...

В ы х и д ь 14.

(*Тижъ та Ясинський, Выговський, Богунъ, Нечай и Тетеря*).

- ЯСИНСЬКИЙ. Король и Ричъ преславна, посполита
 Ласкаво шлють вельможному лыста.
- БОГДАНЪ. Зъ шанобою й покирністю прыймаю:
 Я знявъ меча на нашихъ ворогивъ,
 А королю я бувъ слугою вирнымъ. (*Чыта*).
- ЯСИНСЬКИЙ. Преславна Ричъ и ясный круль—одно!
- ВЫГОВСЬКИЙ. Якъ сонця свить и тучи-хмары буря:
 Те—пожывля, а це—усе зныща..
- ЯСИНСЬКИЙ. Та компарація-жь не рація, панове!

Нечай. Та рація—у насъ, у печинкахъ!
 Богунъ. Коли король и вы, вельможни дуки—
 Едына ричъ, то й шана вамъ одна!
 Богданъ. Полковники, вгамуйте супереки!
 (*Цилуе листъ*). Яснійший круль ласкаво пыше намъ,
 Що гнива винъ на насъ не покладае,
 А править лышь, щобъ мы свій гризний мечъ
 Усунулы на спочывъ въ шабельгасы...
 До згоды мы й душею...

Нечай. Який мырть?!
 Богунъ. Умовыны яки дадутъ магнаты?
 Богданъ. Побачымо... а покы-що—вына!
 Елена. Пусты мене, вельможный нашъ гетьмане.
 Нечай (*Чарнота*). Це та?
 Чарнота. Лыбонъ.
 Тетеря. Хороший шмать...
 Богунъ. Бабій!

Богданъ. Зостанься тутъ намъ келехы сповняты...
 Хочъ панія Чаплинській и завстыдъ,
 Та щожъ робить,—тра послужыть и хлопамъ.

Богунъ. Кепкуе винъ?
 Други. Такъ, батьку нашъ, гараздъ!
 Елена. Хочъ пошануй пры людихъ... честь лыцарська...
 Богданъ. Не вамъ про честь, вельможна пани, знать!
 Елена. Зяуцаетця! (*Плаче*).

Выговськый (*на бинъ*). Яка роскышна краля!
 Богданъ (*гризно*). Выно пиднось! Я двичи не кажу!

(*Елена хытається. Джура и Выговський помагають*).

Богданъ. Буди несешъ? Незграбка! Били руки
 Не на пуття выкохувала ты!
 Елена. О, змылуйся! Повись мене хочъ заразы,
 (*Рыда*) Та не глузуй!
 Богданъ (*пиднима келихъ*). За здравье Короля!
 Всеи. Хай викъ живе й пануе! Слава, слава!!

БОГДАНЪ (*Еленѣ*). Визьмы ковши!

ЕЛЕНА. То джура твій...

БОГДАНЪ. Ни тхы!

ЕЛЕНА (*гордо*). Я не слуга, я не проста рабыня

Я шляхтыча Коронного жопа!

БОГДАНЪ. А гетьмана налижнця!

ВЫГОВСЬКЫЙ (*сплеснувъ руками*). Нещасна!

ЕЛЕНА (*зомлила*). Ой! (*Гистерика. Коло неї Вывовський и Джура*).

НЕЧАЙ. Добре! Такъ!

ЧАРНОТА. Якъ въ око улипывъ!

БОГДАНЪ. А що-жь Чаплинського не видно межы вами?

ЯСИНСЬКЫЙ. Чаплинського нема—утикъ...

БОГДАНЪ. Утикъ?

Побачымо! Ну, де ваши уклады?

ЯСИНСЬКЫЙ. Прыймы, вельможный пане... ось (*подае*).

БОГДАНЪ (*тупнувъ ногою, мало ихъ не вырыва*). Не панъ,—

Ясновельможный гетьманъ я! (*Чыта зъ смихомъ*).

БОГУНЪ (*зъ Нечаемъ и Чарнотою осторонь*). Ще й дмутса!

ЯСИНСЬКЫЙ (*тыхо до Тетери*).

Де-бъ зъ паномъ намъ побачытысь?

ТЕТЕРЯ. Въ яру.

ЯСИНСЬКЫЙ. Рятунокъ есть?

ТЕТЕРЯ. Пидмажешъ,—то пойдешъ...

БОГДАНЪ (*кризно*). Жартуете зи мною вы, чи що?

Щобъ все було, якъ до повстання малось?

И пильгы лышъ,—що бильшь лейстровыкывъ?!

БОГУНЪ, ТЕТЕРЯ. Не диждутся!

НЕЧАЙ и ЧАРНОТА. Не буде цего зроду!

БОГДАНЪ (*рве папиръ*). Отъ вашъ укладъ! Пидъ ноги я топчу.

Не вамъ мени умовыны пысаты!

Пры Корсуни, пры Жовтыхъ водахъ я

Вамъ пропысавъ ихъ шаблею своею!

ВСИ. Такъ, гетьмане, такъ, батьву мій, Бигъ-ме!

БОГДАНЪ. Я побреду въ крови хочъ по колина,

Переверну Варшаву, Польщу всю,

А повалю въ смиття вашу гордыню
И настопчу ногою...

ЕЛЕНА (*лама руки*).

Езусъ-Панъ!

БОГДАНЪ.

Вы думалы мене купыты вею?
Даремна ричъ! Козацьку лышь цыху
Цотишыть хгивъ,—абы шляхетна пани,
Паплюга крадена,—за наймычку була!

ЕЛЕНА.

Охъ, смерть моя! (*Пада*).

БОГДАНЪ.

Зомлила?.. Нижна дуже!

ВОИ.

Душа-козакъ! Хвала тобі и честь!!

(*З а в и с а*).

ДІЇВИ ЛЮДЕ ДО ЧЕТВЕРГОЇ ДІЯ:

Богданъ Хмельницький—гетьманъ;
Выговський—генеральный писарь;
Елена Чаплинская—жінка Богданова;
Ганна Золотаренко—вихованка его;
Хведиръ Золотаренко—її братъ;
Катря—дочка Богданова;
Чарнота
Тетеря } — полковники;
Богунъ }
Заремба—посланецъ польскій;
Пани Заремба—его жінка;
Пробошь—іезуитъ;
Бандуриста—сывезній дідъ;
Гайдуци—1-й и 2-й.

Українки, паніи, старшина, шляхетство, гости, музика;
Посланци—турецкій и молдавскій.

Діється въ Смилянському замку після Зборовського миру.

ДІЯ ЧЕТВЕРТА.

(Роскышна сая въ кугути ренесанса. По обиручь одь рампы йдутъ у глыбыню колоны, выжь якими стоять фигуры; посередени водометь. За першою саяю йде друга, обмежовуючысь трѣма аркадами; у тамъ-ній саяи выдео накрыти пышно столы; на нихъ срибна и золота посуда, канделябры, кубки и инше. У першій саяи на переднімь кону справа рундукъ, на ему тронъ зъ балдахыномъ, убравый стягами, корогвами, бунчуками; колоны тежь повбырани у одбыти ворожи корогвы и зброю. Надъ аркадами хоры, а на выхъ музыка. Посередини высыть пышна люстра. Багато свитла).

В ы х и д ь 1.

(Богданъ сыдыть на кресли пидъ балдахыномъ, пры всихъ клейнодахъ; за нимъ татары, гайдуки и почтг; дали справа-жъ пивколомъ стоять--Ганна, Катря, значни козачкы, паніи и панны; а по обиручь креселка—Выловський и Тетеря. Навпроты злива: передъ трономъ-- посланци, близьче ще—тры джуры зъ подушками, на якихъ лежать почотни подарунки Богданови—зброя, булавы, мантии и т. п.; дали за ними—значна старшына и козацтво.

Просто супроты рампы—бурсачый хоръ).

(Пры пиднятти зависы, Богданъ робыть рукою знакъ: посланци, поклонившысь одходють, нибы писля „прыему“; джуры тежь зъ подарунками видходють).

Б о г д а н ь. Яснійшіи, велычни посланци,
Намыслы преславныхъ потентативъ!
Шановная, козача старшына
И дороги та пышни мои гости!
Всихъ дякую я щыро за ту честь,
Якою вы мене ушанувалы,
И радисно оповицаю васъ,

Що мы вѣйну скинчылы *victorioso*
 И всунулы въ пихвы на спочывъ мечъ:
 Зъ полякамы мы въ Зборови недавно,
 На славу намъ, скрипылы вичный мыръ;
 А отъ теперь зъ господаремъ Молдавськымъ
 Погодылысь и, колы Богъ зволя,
 То маемо и пориднытысь навить,
 На щастя—намъ, Украйни—на добро,—
 Узять дочку господаря Лупула
 За сына нашого, хороброго Тымка.
 Пора прыйшла спочыты Украйни
 Видь злыгодень, напастей, мукъ и бидь...
 Прывивъ Господь вступыты намъ въ свою хату...
 Але не я це чудо сотворывъ:
 Я тилькы бувъ слугою щиро-вирнымъ
 Громадській воли; пидвелась вона,
 Польшула на ворогивъ несытыхъ—
 И пала вразъ надломава пыха!
 Вамъ—слава й честь! А намъ—служыты до вику
 Мой земли и возвелычыты вкрай
 Укохану и славному нашу веньку!
 Гетьманови и батьку слава й честь!!
 Хоръ *(спива)*. Велычае твою славу святоруськый край,
 Що скинчывъ вѣйну криваву, спорудывъ намъ рай:
 Роздаывъ главу ты змію, знявъ зъ насъ кайданы
 И ватхнувъ въ сердца надію на щаслывы дни!
 Всеи. Слався, слався, нашъ гетьмане,
 Вызвольтель христіянъ!
 И хвалу тоби и шану
 Шлють державци зъ усихъ странъ!
 Богданъ. Спасыби вамъ! Теперь, вельможне панство,
 До трапезы ласкаво васъ прошу,
 А описля й ногамъ дамо роботу!

*(Показуе рукою велычне на друму само; пары пышно идуць, за
 ними й хоръ. Богданъ зупыня турецького посланця).*

Выхидъ 2.

(Богданъ, Выговський и турецькый посланецъ).

Богданъ. Я зъ радистю й утихою райською
Довидався, що прыхылывсь султанъ
Узяты насъ пидъ свою дужу руку;
Але про це оголошу числя.

Посл. турецьк. Твій розумъ—панъ, якъ мисяць середъ ночи!

(Богданъ запрошуе рукою, и посланецъ иде до 2-ои сали).

Богданъ Ты прыготуй султанови листы
(Выговському). Покирніи, ласкави...

Выговськ. Чи додаты
Про Молдаванъ, що воювали мы
Султанови народъ пидвильный?

Богданъ. Треба;
Ты выправдысь... на мылость Его здайсь...

Выговськ. А князеви Рагоци що?

Богданъ. Найщырше
Бажаемо зъ нымъ силы зъединить,
Щобъ помочи дававъ намъ всюды... Врешти
Пообицая ему... такъ... на здогадъ
И польськую корону...

Выговськ. Ясный пане,
Въ тебе орлыный поглядъ... А ляхамъ
Що виднысать—и сейму, й Казиміру?

Богданъ. Що ясный круль для насъ одъ Бога панъ,
И мы ему повикъ покирни слугы,
Що рады й Крымъ для его звоювать...

Выговськ. А свитлому Московському цареви?
Видь его все идуть до насъ листы,—
Що виць бы-то спріяе намъ всимъ серцемъ...

Богданъ. А виднышы, що сердце и душа
До свитлого, немовъ до батька, лынуть,—
Готови мы, мовлявъ, усихъ неvirь

Величному царю пидъ ноги вынуть,
И преклонить свое чоло на вишь...
ВЫГОВСЬК. Ясновельможный батьку, не цурайсь
Высокой своей доли! Вгору
Ты вознесешъ себе и ридный край,—
Тилькы не плкѣй фортуни добрій въ виши!
Прыспы усихъ, на сылахъ окрипысь,
А потимъ всихъ пересвары, то й зловышь
Въ коломути рыбину...

БОГДАНЪ. А бува,

Щобъ не пійматы рака...

ВЫГОВСЬК. О, гетьмане!

Невже тебе...

БОГДАНЪ. Ни, бачу, що Господь

Мени надавъ до рукъ стерно высоке:

Молдавщина, Волощина—за насъ,

Ясный султанъ дае свои потугы,

Изъ Польщею, що хочешъ, те й чыны,

Украину хочъ одягай въ порфѣру...

ВЫГОВСЬК. Тоди вже ця зальшня булава...

БОГДАНЪ. И я-бъ оддавъ ии напевно пану ..

ВЫГОВСЬК. О, гетьмане, мій доброчынце! Часъ

Наставъ дерзати! Теперь якъ дзвинь твій голосъ

Гуде й луна,—и видъ Карпатськыхъ гирь

Его чутно ажъ до Днипра-Славути:

Синопъ сидый, Бахчысарай, Стамбуль

Прокынулись одъ чаривного сону

Й дывуючысь, прыслухують ему...

Москва схля до насъ прыхыльне вухо,

А пышніи Варшава, Кракивъ, Львивиъ

Тремтять зъ страху и ждуть нового пана...

(Богданъ замыслыся; Выговський тихо видходить за аркаду).

БОГДАНЪ. Такъ, я стою пры владѣ, на чоли,

Вознесенный такъ высоко надъ людомъ,

(Пауза)

Ажъ голова йде коломъ одъ страху,
 Щобъ стримголовъ зъ вершыны не упасть.
 Чи думавъ я, безсылый лейстровыкъ,
 Окрывдженный, ограбленный панамы,
 Осміяный въ Варшави й на суди,
 Видпомстыты въ сто кратъ своимъ судигамъ?
 Чи я гадавъ, добувши въ скрути мечъ,
 Безылою, хочъ вирною рукою,
 На ворога всесыльного въ бою,
 Передъ якимъ тремтили маестаты,—
 Щобъ гору взять въ неривній боротьби?
 А отъ знялысь зи мною разомъ хвыли,
 Зъ пролытыхъ тутъ людськихъ, кривавыхъ слизъ
 И понесли мене на верховыни...
 Я влычъ гукнувъ—и людъ увесь повставъ,
 Я мечъ пиднявъ—и ворогъ впавъ одъ маху!
 Я, мовъ Давыдъ на Голяфа йшовъ,
 И янголы направили правыцю...
 Такъ, Богъ мени судывъ високу путь,
 И поведу я ридный край до славы!..

(Повертається и гордо йде до трапезной сали).

В ы х и д ь 3.

*(Заремба и Провоць).*Провоць *(выходити зъ правой арки зъ Зарембою).*

Завважывъ панъ—и тронъ уже воздыгъ!
 Постановывъ якусь почесну варту
 Не зъ козакывъ, а зъ туркывъ, чи зъ татарь...
 Ище-бъ, мій всѣнже, скрызъ царська пышнота:

З А Р Е М Б А.

Ище-бъ, мій всѣнже, скрызъ царська пышнота:
 Се Конецпольскихъ палацъ,—взявъ Богданъ
 Его зъ мистечкомъ Смилою за Збаражъ.

В с и *(за аркадою).* За здравіе гетьмана! Слава й честь!!Б о г д а н а *(голосъ).* За здравіе усихъ васъ, пышни гости!*(Музыка гра).*

- Провоощъ. Якъ пазуришь люцшыру не втять,
То проглыне винъ Польшу...
- Заремба. О, замиры
Въ его страшни! Хлопысько, бунтовныкъ
Теперь царемъ зорыть...
- Провоощъ. И Польша й вара
Загнупуть вкрай!
- Заремба. Нашъ сеймъ уже ршывъ
Зламаты миръ... Орударъ Вышневецькый...
- (Блакаючы переходять салю и зупыняются наливо ближче).*
- Богдана *(голосъ)*. За ридный край! За славу его путь!
Чарноты *(голосъ)*. За козакивъ! За Запорожжа! Слава!!
- Хортъ. Слався, слався, нашъ гетьмане,
Вызволытель християнъ!
И хвалу тоби и шану
Шлють державци зъ усихъ странъ!
- Провоощъ. А збутысь бы... ad patres?... Зъ ласкы папы
Господь простыть...
- Заремба. О, трудна ричъ; хочъ бы
Намъ языка гутъ маты...
- Богдана *(голосъ)*. Де Елена?
Гукните мерщій вельможну до послугъ!
- Провоощъ. Отъ нашъ языкъ... Господь намъ посылае!
- Заремба. Довидайтесь про вйско и про чернь!
- (Заремба вертається до столу въ ливу, меньшу арку. Провоощъ иде ему вслідъ и зупыняється за колоною край арки).*
- Богданъ *(идь чаркою, показується въ середній аркади)*.
Чого жъ не йде! Повлыкаты мени заразы!
(Джура побигъ через салю).

Выхидъ 4.

(Богданъ и Ганна).

- Ганна *(идход)*. Мій таточку! Не звить іи на глумъ,
На привселюдный посмихъ, на знущання...
- Богданъ. А якъ вона зневажыла мене?
Черезъ гадюку...

ГАННА.

Такъ, але то рвіа
Бентежыть все незважену любовь...
Вгамуйтеса!... О, батьку! Духъ величній
Не здатенъ же на помсту дрибязну...

БОГДАНЪ.

Ты, горлыце, за неи ще благаешъ?
Ну, то нехай хочъ выйде до гостей,
Та весело, безъ слизъ...

ГАННА.

Я їй скажу це.

(Ганна иде, нбы їи стриты, а Богданъ вертаетса назадъ).

ХОРЪ *(спива)*.

Слався, слався, нашъ гетьмане,
Вызвольтель христіянъ!
И хвалу тобі и шану
Шлють державци зъ усихъ странъ!

Выхидъ 5.

(Ганна и Богунъ).

ГАННА *(зупынылась на переднімъ кону, зажурена)*.

Ии коха...—то незагійна рана,
Якъ и моя!... Охъ дядьку, друже мій!
Тоби дарма и правда, й щыре сердце,
Тоби одна лышь прымха дорога:
Сезъ розуму ты хылылся до того,
Хто одыха зъ ненавистю тебе,
А хто готовъ оддать и сердце й душу,
Й жыття цилкомъ за тебе,—то тому
Въ подяку ты чи й усмихнешся любо?
Що жъ? Доля знать така!... Жывы, терпы
И хороны видъ мыру въ серци мука!...

(Замыслылась).

БОГУНЪ *(тыхо надходить до Ганны зъ трапезной сали)*.

Пробачъ мени, що нытку перерву
Твоихъ думокъ, моя кохана панно!

ГАННА *(здриннулась)*. Ахъ, лыцарю, мій орле...

- Богунъ. Такъ давно
 Не бачувъ я тебе, що видъ грызоты
 Ажь занимивъ..
- Ганна. Спасыби... я... не вартъ!
- Богунъ. За цилый свить!... Але ты стала тыха...
 И мовъ смутна... змарнила навить...
- Ганна. Я?
- Богунъ. То такъ... пусте... тривога въ лыхолиття...
 Ни, горлыце, я бачу, що грызе
 Тебе нудьга... и въ очихъ одблыскъ муки...
 Скажы мени, лебидонько, зъясуй!
- Ганна. Ты не вважай...
- Богунъ. Може яку зневагу
 Ты терпышь тутъ? Хочъ словомъ нагякны,
 И я тому зневажынку, клянуса,—
 Хто бь винъ не бувъ, хочъ першый побратымъ,—
 А голову ему знесу за тебе!
- Ганна (*полохливо*). Ни, ни... не те!... Хиба самы себе
 Не можемо мы грызты?
- Богунъ. Безъ прычины
 Не думаю...
- Ганна. Вамъ, славнымъ воякамъ,
 И въ сичахъ е розвилля та утиха,
 И у ковши вы тощете нудьгу,
 А нашому серденьку—сыротыни—
 Судылася сумна самотына!
- Богунъ. Ты думаешъ, що я за ци тры roky
 Одно—буивъ? О, не дай Богъ кому
 Те вынести, що я ношу на`серци!
 Не видавъ я, куды шиурнуть нудьгу,
 Чымъ одирвать грызоты вйдни кигти?
 Я кыдався у пекло, у вогонь,
 Мижъ хмары стрилъ, мижъ посвысть куль воро-
жыхъ,
 Цидь блискавки гартованыхъ мечивъ...—
 Такъ ждана жь смерть видъ мене скрыз тикала...

И отъ я зновъ, змурдованый, стою
Передъ тобою, панно...

Г а н н а.

Мылый Боже!

Що чую я? Невже, на горе й жаль,
Я надала орлу-славути муки?
Якый-же то недоли лютый жарть!
Чымъ видплачу выну тоби, козаче?

Б о г у н ь.

Колысь давно.. я на здогадъ мовлявъ,
Що сердце се тобою тильки й бьется...
Мени жъ на те сказала ты: „не часъ
Про сердце дбать, колы гуде скризь буря!“
Але теперь та туча грядова
Пролынула и сяе знову сонце...

Г а н н а.

А зъ сонцемъ зновъ надія розцвита...

Б о г у н ь.

Колы вона морозомъ не прыбыта?...
О, не вражай! Смолою тутъ выпыть...
Мовчаты билышъ не маю сылы й воли!

Г а н н а.

Не треба!... Ой!... Не говоры!...

Б о г у н ь.

Шкодá!

Мене въ сю мыть мовчанья задавило-бъ!
Тебе, тебе, мій ввите чаривный,
Кохаю я надъ все жыття, надъ волю,
Надъ славоньку, надъ радости земни:
Твій образъ живъ давно въ моему серци,
Винъ гривъ ему до ридного любовь,
Винъ порывавъ мене завзятамъ въ сичи,
Винъ надыхавъ на душу молитвы...
Ни середъ бурь, ни середъ хвиль пожежи,
Ни въ галаси смертельной борни,
Ни въ стогови несказанной муки—
Винъ не зныкавъ...

Г а н н а (на бикъ).

О, горе!... Боже мій!

Б о г у н ь.

Убий мене, це сердце розшматуй,—
Надъ сылу вже мени его носыты—
Безъ памъаты, шалено, запально

Одну тебе на свити я кохаю,
Тебе одну.. (*Ганна плаче*).
Ты плачешь? Може я
Чымъ уразывъ тебе?

Ганна (*утира очи*). Ни, мій козаче!
Богунъ. Такъ слово жъ хочъ промовъ мени... Скажы,
Чи розтрощыть въ черепья мени буйну,
Чи одигрить надію въ серци?
Ганна (*важно зитха*). Охъ! (*Пауза*).
Богунъ. Чого-жъ мовчышь? Не бійся, бый одразу—
Стричались мы зъ смертю на вику—
Не мучъ... скажы, який вырокъ я маю..
Надію хочъ не одбирай...

Ганна. Якъ жаль
Мени себе, коханий брате, друже!
Яки слова... який душевний палъ!
Навищо я такъ пизно ихъ спизнала?...
Але теперъ те сердце золоте
Водыты грихъ! Забудь мене, козаче!
Не можу я надіи навить дать..
Тебе люблю, якъ велетня, якъ брата,
Для инчого-жъ я мертва...

Богунъ. И за те
Спасыби!... Що-жъ? Спасыби хочъ за щырсты!
Не марыты про щастя харпакамъ,—
Воно панамъ одсужено въ цимъ свити,—
Мы-жъ пасынкы у доли... Ну, прощай!
Пидъ шаблями знайду льбонь пораду..
(*Хутко виходыть*).

Ганна (*въ роспачи*). Ой! Що-жъ чыныть?... (*лама руки*).
Богуне! Друже мій!!
(*Выбиша вслидъ*).

ВЫХИДЪ 6.

(Елена и Провоцъ).

Провоцъ *(забачывшы, выходить зза аркы, на зустричъ Елены).*

Святой Отець, непогришымый Папа
Тоби свое благословення шле.

Елена. О, всенже мій! Тяжка мени покута:
Богданъ той—катъ... *(плаче).*

Провоцъ. Ты Божый хрестъ взяла,
Выборнее святой церкви чадо,—
И слёзы ти, якъ перлы дороги,
Скрасять винець царський святой Панны...

Елена. Нема вже й сыль знуцання тутъ несты!

Провоцъ. Позбудь кативъ и вызволы ойчызну
Видъ гибели...

Елена *(зъ жахомъ).* Ай!!

Провоцъ. Прыгадай Юдифь...

(На крыкъ выходить Ганна и зверта увагу, прислуха).

Ганна. Нема его... Але то зъ кымъ Елена?

Елена. Пиднять ножа?... Морозыть сердце жахъ!...

Провоцъ. Юдифь питы въ ворожий станъ ришылась
На глумъ, на смерть—за людъ и свьентый храмъ
И голову злобытелю видтяла:
За те и ныни, й присно, и повикъ
И имъя шануе церква Божа... *(Передае до рукъ
їй зъ папирци отруту).*

О, стань-же ты Юдифью й задля насъ!

(Иде, оглядаючысь, до трапезной).

ВЫХИДЪ 7.

(Елена, Ганна и джура).

Ганна. Трутызна? О, злочыństwo! *(Подалась хутко впередъ).*

Елена *(стоитъ зъ папирцемъ).* Що чыныты?

Тутъ смерть у руци.. Тремтыть у мене все..
И крыгою узався мени мозокъ...

ДЖУРА (*ставыть жбанъ и кубкы на столи*).

Ясновельможный наказавъ, щобъ вы
Несли гостямъ на шану ціи кубкы..
Ось сповыште и цей гетьманський кившъ...

ЕЛЕНА.

Щобъ я... сама? Ему?... Нечыста сыла
Цю руку пха...

ДЖУРА (*кепкуючы*).

Сегодня жъ свято! (*Видходыть*).

ЕЛЕНА (*решуче, навиженно*).

Такъ!

Але бодай, чи не прощальне свято?
Останній разъ сей мисяць, свидокъ злий,
Буде вбачать отугъ мою публику,
Не разъ, не два байдуже сонце те
Ховалося и зза гаивъ вставало—
Якъ слёзы я ковтаю кривляни
Та видъ образъ кусаю соби руки..
Васъ всихъ втопыть змогла бъ я въ тыхъ слё-
захъ...

Наставъ же часъ и мой помсти! Годн
Терпиты бильшъ,—натерпилась у край..
Хочъ цымъ жыттямъ огыдлымъ постаткую
Мой земли, мой ойчизни.. (*Хоче всытаты*).

ГАННА (*поривнычо хапа іѣ за руку*). Стій!

Ты зрадыця!

ЕЛЕНА (*кыда папирецъ, який розпорошывсь*). Ой, змылуйсь!

ГАННА.

Душогубка!

Наважылась кого ты отруить?!

ЕЛЕНА.

О, пошануй! То порошокъ до перливъ..
До золота...

ГАННА.

Довидаемось... гей!! (*Руша впередъ*).

ЕЛЕНА (*заступа дорогу*). Стій! . Зглянь!! Тоби мене якъ разъ
згубыты...

ГАННА.

А ты кого наважылась згубыть?
Збавытеля? Надію нашу й славу?

Те сердце, що дорожче надъ уси,
Що былося за наше щастя й бьется?
ЕЛЕНА. За ей мосци щастя...

ЕЛЕНА.
ГАННА.

Хто бь казавъ?
Прыкнутысь ще хочется святою...
За ей мосци! Такъ, якъ винъ тебе
Любывъ—кохавъ, та и теперъ кохае,—
Нихто бь не змигъ! А ты за те, змя,
Ненавыдышь ще батька?

ЕЛЕНА (*сатаніючы*). Я ривную...

ГАННА. Ха, рвія ще!!

ЕЛЕНА (*зухвало*). Ну й дарма!... А за що жь,
За що жь мени Богдана такъ любыты?
За те, що взявъ дытнюю мене
И спокусывъ лестывымы словамы?
За те, що серци молодого палъ
Не помыривсь зъ морозомъ смертодайнымъ,
Чы пакъ за те, що прывселюдно, скрызъ
Мене на глумъ, на поввилъ винъ выводить?

ГАННА.

Не такъ, не те! Лукавышь, пани, все!
Чи не сама жь ты способивъ шукала,
Збентежыты его вельчній духъ?
Чи не сама жь ты вкралась ему въ душу
Прынадамы фальшывои жагы?
Для сего ты уси жилочи чары
Напрудыла: моторнысть, жарты, смихъ,
Прываблыви зитхання, скрытый стогинъ
И продаву за ласоци слёзу?
Ты всымъ отымъ прычепурылась пани,
Щобъ досягнуть корыстной меты!
Колы жь его, Богдана, щыре сердце
Ссалахнуло пидъ проминемъ красы,
То чымъ ему виддячыла за ласку?
Израдою гыдкою?...

ЕЛЕНА (*змишавшысь*). То напасть...

Тамъ гвалтъ вчынывсь...

Г А В Н А. А, чулы мы и знаемъ!

Такой же гвалтъ, якъ нынѣкъ продаешъ
Его й нашъ край...

Е Л Е Н А. Навикы мене збутысь

Бажаешъ ты...

Г А Н Н А. Зрадныци плата—смерть!

Е Л Е Н А (*ирко*). Ха, ха, ха, ха! Який вырокъ правдыый!

Ты сывому загоишь рану вмытъ,
Прываблыви для его ликы знайдешъ,
Якыхъ винъ першъ у мене лышь шукавъ:
Теперь тоби, мій безсторонній суде,
Утихою вже буде моя смерть...

Г А Н Н А. Мерзота!...

Е Л Е Н А. О, хапайся мене збутысь:

Помихою твоимъ замирамъ я...

Г А Н Н А. Якымъ, якымъ?

Е Л Е Н А. Помстытысь ты бажаешъ

За любощи зневажени свои:
Тебе зрыва и рвія, и жадоба
Черезъ мій трупъ до булавы сягнуть...

Г А Н Н А. Ты поклесомъ свою гыдоту крыешъ!

Е Л Е Н А. Такъ наступай ногою: я слаба,
Видъ катувань моя й краса злыняла,
Ты жъ дидови загары додасы
И чарамы первотными напоишь
Якъ свижа ще коханка...

Г А Н Н А. Цани, лжешъ!

Богдана я, якъ велетня шаную
И якъ отца, якъ Божый даръ, люблю;
Але не тымъ мизернымъ захоханнямъ,
Яке на мыть лышь гріе нашу кровь,—
А всимъ жыттямъ и цилюю душею,
Безъ задросты до любощныхъ утихъ!..
До кары ты не пидешъ черезъ мене—
Не плакався на руку цю ниhto;
Але его не дамъ я на погыбель

И захыщу! Колю ты хочеш жыть,
То йдь мерцій на хутирь, бо зрадныци,
Отрутныци не потерплю.. Йды причь!

(Показуе рукою. Елена, схылывши голову, выходить).

В ы х и д ь 8.

(Ганна, Богданъ, Тетеря, Катря и вси гости).

(Музыка почына полонеза. За дверыма гамъ).

БАНДУРЫСТЫ (голосъ). Мене пустить?

ГАЙДУКЪ.

Куды?

БАНДУРЫСТА (голосъ).

Та вже жь сюды!

ГАЙДУКЪ. Никого бильшь не велено пускаты!

(Прывыня мицинише двери).

(Богданъ выступа въ першій пари; за нимъ—значне панство; Выговський съ Катрею. Ганна стоить осторонь).

БОГДАНЪ (по закинченни полонеза, клыняючысь пани Заремби).

Учора Марсь, а нынькы рай Кыпрыдынъ...

ПАНИ ЗАРЕМБА. Тутъ рай, а скрызъ розводить пекло хлопъ!

БОГДАНЪ. Не може быть,—я строги давъ наказы!

ПАНИ ЗАРЕМБА. Лыбонь за ниць гетьманський голосъ имъ!

(Видходять дам).

КАТРЯ. Я й танцивъ сихъ не знаю...

ВЫГОВСЬК.

Эгъ, ходыты...

КАТРЯ. Щось знай нове...

ВЫГОВСЬК.

Це-жь польський полонезъ...

КАТРЯ. Ненавыжу... то черезъ ту все... тато...

ВЫГОВСЬК.

И ремство скрызъ...

КАТРЯ.

О, Боже бороны! (Заходють).

ГАННА (проходять зъ Богданомъ).

Елена просытся пойхаты...

БОГДАНЪ.

У Польцу?

ГАННА.

На хутирь хочъ...

БОГДАНЪ.

А тутъ не до смаку?

В ы х и д ь 10.

(Тижъ, безъ Чарноты й Тетери).

Богданъ. Нечынства тутъ! шынокъ явйсь!
 Выговськ. Чарноту

Допоють тамъ до безчуття...

Богданъ. Було-бъ

Спровадыты къ нечыстїй неньци...

Выговськ. Пане

Яснїйшы мїй! Счынылы-бъ гвалть страшний;
 Тра обачнишь поводитыся зъ ними:
 Козакъ прывыкъ до вильной гульни...

Богданъ. Але часъ знать, що я вже имъ не ривня!
 Зъ усихъ усюдь я чую, що й теерь
 Сзавольства йдутъ, розбой по Украйни..
 Я закриплю и право певне й ладъ!

Де-хто *(заду)*. Ого! Чи ба, якъ вышкырае зубы!

Други *(лухо)*. Побачымо! *(Видходять до другои сами, куп-
 чатся й гомонять)*.

В ы х и д ь 11.

(Тижъ и джура).

Джура *(подае лысть)*. Видъ гетьманенка лысть!

Богданъ. А! Видъ Тымка?

Джура. Эге, ясновельможный!

*(Богданъ чита. Выговськый стоить осторонь. Въ трапезній
 гоминъ росте)*.

Богданъ. Такъ оттакъ поплечныкы мой,
 Помогачи моимъ тяжкымъ зусылямъ—
 Украйну зъ панствамы поривнять?
 Имъ благо що?—Свою лышь тишыть волю,
 Топтатъ законъ; а хто стоить надъ нимъ,
 Той—ворогъ имъ! Того вже геть пидъ лаву?!
 Я тилькы й дбавъ—пидняты имъ права,

Нобилитасъ ще дати, якъ повсюды;
 Я совистю своею поступивсь
 И слово те, що давъ народу, сплямывъ,—
 Все задля нихъ, все имъ-же на користь,—
 Вони-жъ за те, на мене чернь бунтують...
 Я имъ гадавъ освіту дать и блискъ,
 Зривнять цилкомъ зъ лыцарствомъ найпыш-
 нишимъ,
 Щобъ въ супрязи Вкраину возвышати—
 Вони-жъ мене втоптыть готови въ ложци...
 Отъ и звирайсь—все зрада, всюды лжа--
 И самъ одынь держись на высокости:
 Не выстачыть ни влады, ни снагы
 Те погодыть, що погодыть несыла...
 И крадется въ мій мозокъ вже морозъ...
 Що-жъ? Попустыть вудыла необачнымъ
 И видступыть? Зректысь ти меты,
 Куды я бривъ въ крови ажъ по волина?
 Ни, стрепенись, Богдане! Булава
 На те въ рукахъ, щобъ нею быть незрячыхъ,
 Озвиреныхъ сваволею... Бурьянъ
 Зъ кориннямъ рвуть на хлибородній ниви...
 Карать на смерть—и завтра-жъ!

Выговськ. (*пидходить*). Якъ? Кого?

Богданъ. Израдныка гетьманського Сулыму:
 Винъ посягнувъ на булаву мою
 И хтивъ Тымба посадовыть на чоли;
 Але мій сынъ его приславъ сюды,
 Видтявши першъ изводныку правыцю...

Выговськ. Встае беда... (*Де котри наблѣжаються*).

Богданъ. И мы опражемъ!

У дыбы взять гадюку! Завтра кара!

Де-хто. На мылость!

Ганна (*пидбига*). Ой, яка тамъ кара ще?

Мій таточку, голубчыку!

Богданъ.

Ничого...

Звычайна ричь... Пусте! Мазура грай!
 Сегодня мы зійшлись повеселытысь,
 А завтра вже про справы будемъ дбать, --
 Бо кожному довліе дневи злоба...

(Музыка почына граты; але никто не ршається танцюваты).

Выхидъ 12.

(Тижъ и Богунъ та Бандурыста).

Чарнота *(иде до дверей, за якими чуты гамъ).*

А хто тамъ, гей?! Ходы сюды на баль!
 Тутъ панський пыхъ...

Богданъ.

Защипте ему рога!

Богупа *(голосъ)*. Якъ не пускаты?

Гайдукъ.

Не велено!

Богунъ *(розчыня натыскомъ двери)*. Такъ вдержъ!

Богданъ. Хто сміе тутъ галасуваты?

Богунъ *(підходить, за нимъ бандурыста)*. Я!

А чи тоби видномо есть, гетьмане,

Що діється по України скризъ?

Вся старшына и кательцька й наша

Поспильство зновъ у плуга запряга;

Хто самохить въ ярмо не ложыть шыи,

Того на смерть катують шельмакы...

Богданъ.

А чыныть що значимъ твоя голота,--

Не палыть въ пень, не грабыть, не вбыва?

Богунъ.

Що дывного! Боронытса видъ гвалту,

Напастьныкамъ ветъ-за-ветъ оддае:

Зламать ляха допомогло поспильство

И кровію купыло вси права...—

Его-жь товчуть... Встае скризъ ремство, буря;

Людъ скрывдженный зъ України тика

Въ Московщыну... Сулыма тежъ не встоявъ...

Пробачъ ему: винъ чесный сичовыкъ!

- БОГДАНЪ. Винъ зрадныхъ злый!
- ТЕТЕРЯ. И гетьману й Украйни!..
- ЧАРНОТА. Лысце, пше! Не слухай, батьку... ни!
Сулыма-братъ... Тетерю хай на палю...
Хай крутытся... якъ крутыть тутъ хвостомъ...
- ВЫГОВСЬК. Нашъ батьку, зглянс! Покарано Сулыму...
- БОГДАНЪ. Що збувь руки? То зрадыку за жаргъ!
- ГАННА. О, гетьмане! Май ласку! Черезъ край
Вже напылась крови и слизь Вкрайна...
Прсты, пробачъ Сулыми! (*Пада на колени*).
- БОГДАНЪ (*пиднима її*). Зоре, встань!
- ЧАРНОТА. Не бійсь, не дамъ я друга на поталу... (*Гинни
рыда*).
- Вси. Ясновельможный! Вси бьемо чоломъ!
- БОГУНЪ. Коля душа твоя бажае крови—
Мене скарай: я краю послужывъ,
Такъ послужу ще й козаку-славути!
- БОГДАНЪ. Я розберу це дило...
- БОГУНЪ. Ты ляхамъ
Звиряешся зновъ, гетьмане нашъ любый,
И черезъ ихъ набрехы чынышь судъ...
Не доконавъ до щенту ты магнативъ
И мыромъ давъ зновъ сылу ворогамъ,
А на твій мыръ не важуть королята!
- БОГДАНЪ. Не може быть!
- БОГУНЪ. А виръ мени, що такъ!
Ярема князь яки звирощтва чыныть:
Волынь усю геть выголывъ до пня—
И немовлять, и всихъ старыхъ катуе,
Попивъ чесныхъ змурдове на смерть,
Провирчуе свердламы ихни очи,
Долотамы втына имъ языкы!
- Вси. Страшенна ричъ!
- БОГДАНЪ. Посланныче видъ Польщи!
Пытаю я, що сее вызнача?

ЗАРЕМБА. Я одибравъ наваза въ цю хвылыну,
Якымъ король мене оповица,
Що зъ гетманомъ поломано вже згоду,—
И Польща вся на васъ вѣйною йде...

БОГДАНЪ (*люто*). Іуды! Пеш! Узять его въ зализа!

ЗАРЕМБА. Я—посланецъ!...

БОГДАНЪ (*тупа ногою*). Закатувать на смерть!

(*Зарембу схопылы; его пани рыда. Вси збентежени*).

ЧАРНОТА. А що... звирявь?

БОГУНЬ. Не докинчывъ?!

БОГДАНЪ (*хапается за голову*). Шельмовство!

БАНДУРИСТА (*выступа посередъ всихъ*).

Тепера самъ, одступныче, карайсь,

Бо преступивъ ты заповитъ одъ Бога:

Винъ давъ меча за виру пресвяту,

За добуття побраттямъ меньшымъ доли,

А ты свою гордыню тишыть хтивъ?

Ты не вважавъ, чого бажае матиръ,

Знеможена на ранахъ, на слѣзахъ—

И самъ теперъ накликавъ ридній муки.

Ну и несы жъ ии все горе самъ,

Не сподивайсь ни звидѣиль мылосердя:

На небесахъ гнивъ праведный достыгъ...

Вже одвернувъ Господь видъ тебе око:

Ударыть гримъ на голову твою—

И порохомъ розвѣются замиры!

(*З а в и с а*).

ДІЕВИ ЛЮДЕ ДО V-ою ДІИ.

Богданъ Хмельницький—гетьманъ;

Выговський—генеральн. писаръ;

Золотаренко { — полковникъ;

Богунъ {

Ганна—сестра Золотаренка;

Цыганна—стара ворожбытка;

Джура,

1, 2, 3—козаны,

1, 2, 3—поранени,

Гайдуки, татаре, вистовники.

Діється підъ мистечкомъ Берестечкомъ, въ 1651 р.

ДІЯ П'ЯТА.

Лагеръ пидъ Берестечкомъ.—Річка Стырь зъ круглыхъ берегахъ, покритыхъ лисомъ; навдали иріе Берестечко. Справа—наметъ Богдана; злива—меньшій наметъ; за ними—друли. Доба обидня. Спочатку ясно, а дали винъ темніе видъ хмары и мги.

Выхидъ 1.

(За Богдановымъ наметомъ стоить татарська сторожа; де-яки зъ нихъ сидять, лежать и поють. Кругъ меньшого намета й за ними розжынулись коло казанка малёвнычымы купапы козакры. Дали по кручахъ стоить вартови).

(1, 2, 3 и инии козакры та татаре).

Козакры *(спивають)*.

Заспивачъ. Ой не знавъ козакъ, та не знавъ Сохронъ,
Якъ славонькы нажыты...

Гуртъ. Гей зибравъ вѣйсько славне, запорожське,
Та й пишовъ орду быты.

Заспивачъ. Ой у недилю рано-пораненьку
Сохронъ изъ ордою стявся...

Гуртъ. А въ понедилокъ, въ обидню годьну
Самъ у неволю попался...

Заспивачъ. Ой и ты, козаче, козаче Сохроне!
А де жъ твои прегромки рушныци?

Гуртъ. Гей, мои рушныци въ хана у свитлыци,
Самъ я, молодъ, у темныци!

2-й козакъ. Готовый вулишь! Выймайте ложки!

Де-хто. Горилкы бъ хочъ по чарци...

1-й козакъ. Онъ татарва лыга чыхыръ.

3-й козакъ. Який тамъ чыхыръ? Просто ракiю!

1-й козакъ. Тобъ-то нашу преподобныцю?

3-й козакъ. Эге-жъ! И закона своего не додержуютъ... ну, якъ же на такихъ покладатись?

2-й козакъ. А козачій гетьманъ вже не козакамъ виры дїйма, а невири...

Де-хто. Ото-бо-й ба!

(Почынають коло казана йисты. Татаре частують вартовыхъ. Одынъ татарынъ почына граты на зурни, други підспивують).

Гурть *(спива)*. Минь эль хамде лилянъ

(Татарськый). Туйганча осадымъ;

А шабъ туй масанъ

Я лабъ туй масанъ!

.

1-й козакъ. Ачъ, якъ व्यюгъ,—мовъ вовкы у пылышкы.

2-й козакъ. Ажъ сумъ наводять...

1-й козакъ. Може черезъ нихъ и Богданъ нашъ завжды зажуреный? То було перше—бевькетуге, спива; поведе окомъ—орель билозорець; гукне на кони—земля двыгтыть... а теперь усе осторонь...

3-й козакъ. И до вїйска не вчаща,—все зъ знахарьками, та чаклунами: якась его дума гнитыть, ажъ змарнивъ...

1-й козакъ. Я знаю яка: винъ потурчывся и насъ потурчыты хоче, дакъ чорты теперь у печинкахъ его й силы... и въ ночи не дають спаты...

Де-хто. Невже? Святъ, святъ зъ нами!

2-й козакъ. Якъ? Насъ потурчыты? Що ты верзешъ?

3-й козакъ. Мы былыся за земли, за виру благочесну, грецьку кровь лылы, щобъ уші збутыся, а теперь бы то... нѣ-тоби!—въ бусурмены пошытысь?! Та такого бъ гриха не вдержала и земля!

Де-хто. И пекло завалывъ бы!

(Татаре пѣяни лягають спаты).

В ы х и д ь 2.

(Тижъ и Ганна).

1-й козакъ. Онъ панночка, зирныця наша!

2-й козакъ. Правда,

Такои вже души и не знайты:

Пеклуется про насъ, якъ ридна ненька,

За хворымы и день, и ничъ впада,

Й смертельному патхне надію тыху...

Ганна *(кланяется)*. Добрыдень вамъ, братове! Хлибъ та силь!

В си. Чоломъ тоби!

3-й козакъ. Отъ, хлибъ сухой...

1-й козакъ. Ой, зъ ласкы-бъ,

Хочъ чымъ-не-чымъ горлянку промочыть!

Ганна. Въ походи жъ вамъ заказано вжываты?

2-й козакъ. Мы стоимо безъ дила...

1-й козакъ. Та й не всимъ:

Онъ татарви, такъ батько нашъ спріяе.

2-й козакъ. Невгодни мы... а ти ажъ попылысь

И розляглысь, пробачъ, немовъ ти свмни...

3-й козакъ. Мы батькови лобамы здобулы

И славу й честь...

Ганна. И винъ васъ всихъ шануе...

Тенерь же щось немовъ тилькы слабый...

Но чарци жъ слидъ... *(Дае гроши)* Ось за его

здоровье!

1 и 2 козакы. Спасыби! Отъ, такъ панва!

Други. Ге, сестра!

В си. За гетьмана й за тебе, наша зоре!

(Весело, шуртомъ выходють).

Ганна. Якъ ремство скризъ на батька накыпа,

Зрына що-дня наклепъ, невдача, зрада...

Охъ, одверны, мій Боже, гнивъ одъ насъ

И ласкою окрый твого выбравця!

ВЫХИДЪ 3.

(Выговський и Ганна).

ВЫГОВСЬКІЙ. Вельможная панявка моя зновъ
По табору лѣбонь слабыхъ шукала?

ГАННА. Навидалась, и, слава Богу, трехъ
Нечаянныхъ вже бачыла пры дили,
На мылицяхъ...

ВЫГОВСЬКІЙ. Ты, панночко, свята
Заступниця намъ, хворымъ...

ГАННА. Годи, пане!
Я не люблю цыхъ лестоцивъ; усякъ,
Хто чымъ здола, повиненъ послужыты
Украини и сиротамъ їи:
Вы—шаблямы, мы—доглядомъ... а врешти,
Коли бува настане скрутъ страшный,—
Украинкы выраты чесно вміють!

ВЫГОВСЬК. Хвала, хвала!

ГАННА. Що, гетьманъ якъ? Слабый?

ВЫГОВСЬК. По трапези заснувъ винъ... та натура
Мицна въ его, якъ крыця...

ГАННА. Але й та
Зигнулася...

ВЫГОВСЬК. Не тиломъ винъ недужый...

ГАННА. Душею... такъ! И рана та тяжка!

ВЫГОВСЬК. Панъ гетьманъ самъ...

ГАННА. О, на орла, я знаю,
Коли ему пострелено крыло,
Готови вси шулики напосисты.

ВЫГОВСЬК. У гетьмана суть певни друзи...

ГАННА. Ни!
Одни его думокъ не розуміють,
Други-жъ—соби на думци...

В ы х и д ь 4.

*(Тяжъ и Богунъ та Золотаренко).*В ы г о в с ь к . *(уледивши).*

А, Богунъ!

И Хведирь!

Г а н н а .

Братъ!

Б о г у н ь .

Де гетьманъ ясновельможный?

В ы г о в с ь к .

Ще почыва...

Б о г у н ь .

А есть недобра висть:

Ляхы идуть, уже стоять за гаемъ...

З о л о т а р .

А крымскій ханъ непевный...

В ы г о в с ь к .

О! Невже?

Б о г у н ь .

Кругомъ его такъ и витае зрада...

Хочъ бы прйшовъ зъ пидмогою Тымко,—

А то сыдыть на хутори безъ дила

Та мачуху видъ когось стереже...

А мы сами опынымось въ лабетахъ!

З о л о т а р .

И ханъ продасть...

Г а н н а .

О, Диво пресвята!

Ще догрызе Богдана...

Б о г у н ь .

Може, панно;

Але йде ричъ про вйсько наше все:

Тутъ тысячи, десятки тысячъ марно

Погнуть вразъ,—и тяжчи кайданы

Навикъ тоди скують козачу волю!

Г а н н а

О, доля всихъ—то перпа ричъ...

В ы г о в с ь к .

Пань

Полковныкы! Пока ясновельможный

Одпочыва,—обрадымось; тоби жъ,

Моя хороша панно, я бъ порайвъ

Зъ обозными до замку поспышеть...

Тутъ небезпешно...

Г а н н а *(показуе на Золотаренку).* Я его сестра!

Братъ не тикавъ ище николи зъ сичи,—

Не буду й я ховаться зъ страху,—

И колы смерть, то смило гляну въ вичи!

Золотар. (*обнима ю*). Ты честь моя!

Богунъ.

И доля всихъ! Коны

Въ Украинюкъ таке левине сердце,—

То ворогъ намъ ніякій не страшный!

(*Выговський, Золотаренко и Богунъ зъ коню выходятъ*).

В ы х и д ь 5.

(*Ганна сама*).

ГАННА.

Повстало все... Зновъ лихо тяжке суне...

Невже таланъ Богдана видцуравсь,

И батько нашъ, мій велетень, схитнется

Видь бурь и хмарь, що облягають край?

Не разъ, не два винъ мирявсь зъ нымы гризно,—

Чого-жь теперь нудьга мене бере

И мовъ струна порвалась въ моиъ сердци?

(*Замыслылась*) Не вирю я, щобъ видступивсь Богданъ

Одъ тыхъ думокъ, яки носивъ у сердци:

То выгадки папастныкивъ лыхыхъ...

И не чужыхъ, а побратимивъ навить,

Бо задросты жало имъ дошкуля:

Воны добро, що винъ вчынивъ, нехтують,

А вергають на его все лыхе...

Така то скрызъ на сему свити правда!

Чого жъ Богданъ не мовъ бы то глухий:

То не зверта увагы на наклепы,

То у ковши розважуе нудьгу?...

Ёго гнитыть якась страшна грызота,—

Чи сердця жаль, а чи незбутнисть думъ?

А може ще все журытся за... тою?...

О, доле зла, запроданго слипа!

Завищо такъ мене ты не злюбыла?—

Одна нудьга и мука нависна!...

Рятуй мене видъ неи, Маты Божа!

Загой ёму ту рану уразну,

Що день-у-день величній духъ руйнує!...
 (Пауза). Охъ, орле мій! Розиравъ ты крыла зновъ
 И ворогивъ шугни геть зъ Украини!
 За тебе я молюсь буду вккъ...
 А ты не знавъ... не знатимешъ николи:
 Ты звирыся зрадливійшій краси,
 Що й зрозумить величчя не здолала!

(Сиди зажурина. Кинъ, видъ змары и млы, сутеніе).

В и х и д ь 6.

(Ганна и Богданъ).

Богданъ (збентежений). Гей, гайдуки! Де вы? Померлы вся?

Ганна (схопылась). Мій батьку!

Богданъ. Хто? Хто тамъ?

Ганна. Це я, небога...

Богданъ. Охъ, руку дай... мени щось не гараздъ...

Ганна. Крый Господы! Я заразъ... (Хоче бити).

Богданъ. Ни, не выдай!

Де джура мій?

Ганна (бе въ долони). Гей, джуро!

Джура (выбила). Я!!

Ганна. Мерщій

Воды подай вельможному гетьману!

(Пидъ руку садовитъ). Спочыньте тутъ!.. Чоло у васъ, якъ жаръ...

Пропасныця, чи може огневыця?

Не дай Господы!

Богданъ (до джуры зъ водою). Поставъ тутъ кившъ и йды!

(По выходи джуры). Охъ, тяжко якъ!!

Ганна. Та що вамъ е, мій тату?

Богданъ. Зъ того часу, якъ бандурыста-дидъ
 Мени прорикъ Небесный гнивъ и кару,
 Душа моя бентежытся зъ страху...

На серци нудь, въ очахъ кривави плямы
 И стукотыть сумлиня у выскы...
 Г а н н а. Богъ жалислывъ... Той не вчынивъ злочинства,
 Кто вызволивъ зъ неволи ридный край...
 Не шарпайте зневиррямъ своего сердца,—
 Зневирря—зло...

Б о г д а н ъ. Не сыла! И виномъ
 Не можу я залыть страшнои боли
 Та тяжкого на серци пречуття...
 Отъ, наступа ршуча мыть у брани,
 А я зъ нудьгы и руки опустывъ,
 И не знайду колышнѣи видвагы,
 Бо сердце все сточылы робакы:
 Воно пыта що-дня и що-хвылыны,
 Навищо я змывъ кривью ридный край?
 Чи вызволивъ тымъ людъ свій изъ неволи,
 А чи завивъ ще въ гирши кайдапы?
 И все мени передъ очыма мріе,
 А надто ще на самоти, смеркомъ:—
 То нибы я стою уже въ Варшави,
 Прыкованый до карного стовпа...
 Кругомъ—каты... влищи... смола и пали...
 Надкола гогоче хыжый людъ
 И радо жде тыхъ ватувань...

Г а н н а. О, Боже,
 Не доведы!

Б о г д а н ъ. А то,—немовъ бы вразъ
 Зъ пекельныхъ путь зирвется туча-буря,
 И розжене сполохану юрбу,
 Мене жъ зпесе зъ майдану, якъ быльну,
 Й почне крутыть у темряви нимій...
 Ажъ бѣ мени у вуха дыкый стогинъ,
 По всихъ моихъ суреляхъ оддае...

Г а н н а. Вы, батьку мій, думкамъ дады знать волю,
 А ихній гвалтъ вогнемъ займае кровь
 И навлыка хворобу...

Богданъ.

О, смертельно!...

А то мени ввыжається, що я
Стою одиць на высочезній скели...—
Ни хмаронькы!.. И въ яснызій мли
Уси край зъявляються на очи:
На схидь мыгыть сывызною Днипро,
На пивдень геть сыпіе Чорне море,
На заходи срибломъ блыстыть Карпатъ,
На пивночи боры Ниманьски мріють,
А навкругы красується, пыша
Роскишный край, окутанный гаямы,
Виерезанный стежкамы ясныхъ водъ,
Оквиченый вишневымы садкамы...
Украина?

Ганна.

Богданъ.

Але уся въ крови:

Замисто сель—чорніють скризь руины,
Замисто пивъ—биліють скризь кисткы...

Ганна.

Ворожи бильшь... але, мій батьку любый,
Якъ выкупить ту волю безъ крови?

Богданъ.

Охъ, рыбонько, багато вже... западто!...

Мени не разъ здається, ныбы тивъ
Одъ хмаръ лягла по цилій України,
А прыдывлюсь—не хмары то сумни,
А сарана, крюкы, шулики, галичь—
И вси летять на нашъ веселый край!

Ганна.

О, Господы, мій мылосердный Боже!

Богданъ.

За нымы вслидъ—плачь, стогинь, лементъ,
гвалтъ,

Хыжацькый крыкъ и сатаныньскый регить...
Вогонь пала, червони языкы
По хуторахъ и по садкахъ мыгочуть,
А дымъ влубкомъ—задушлывыи, чадный—
Скризь котытся, шидносытся до неба
И стыскуе у персахъ моихъ духъ,
Мовъ каминемъ могыльнымъ... Питъ холодный
Вкрыва чоло... а въ серци ныбы нижь...

- Г а н н а. По знахарьку пиду я... хай одшепче:
Напастныкы на васъ нагналы сумъ
И випъ стыска клищами ваше сердце...
- Б о г д а н ь. О, такъ стыска, що я бѣ раднишый бувъ
Зъ моихъ грудей те сердце заразы вырвать
И розчавить погамы... бо на що
Воно здалось никчемне та безсыле?
Никому вже воно не дороге!
- Г а н н а. Ни, тату, ни!
- Б о г д а н ь. Мени вси зневирають,
Я самъ себе ненавижу... Зъ симьи
Лыхи висткы, некельни...
- Г а н н а. Про Елену?
- Душею я давно постерегла,
Що черезъ ту зомлилы сердцемъ... Тату!
Невже ланцюгъ навикы прыкувавъ
Вашъ славный духъ до отія никчемы?
Та васъ вона не цинить, не коха...
Крыжына, лідь у неи замисть сердца!
- Б о г д а н ь. О, лідь!... Змія! Гадюка! Тутъ, оттутъ
Впъялась мени своимъ жаломъ двоистымъ
И труить кровь...
- Г а н н а. Такъ одирвить їи:
Не вартъ вона, щобъ вашъ величній духъ
Грызотамы за Бо-зна-що нудывся,—
Богдана вся Украина коха
И простяга зъ зализъ до батька руки!
- Б о г д а н ь. Такъ! Вынепъ я, бо непыку забувавъ
Я иноди для гадыны тіеи...
Я одибравъ два тыжни видъ Тымка
Лыста отутъ: винъ про ту видьму пыше,
Що мовъ вона... повіл...
- Г а н н а. Не нове!
- Б о г д а н ь. Ты знаешь що?
- Г а н н а. А хочъ бы й панъ Чаплинський!
- Б о г д а н ь. О, гаспыдъ той! (Скрегоче зубамы).

Ганна.

Зъ очей полуду знявъ...

Але жъ вона, на що змняла батька?
На стоптану брыдоту...

Богданъ.

И теперь

Спизналась, мовъ паскудныця, зъ геваломъ...

Ганна (*сплеснула руками*)

О, Господы!

Богданъ (*На сердце*). Такъ, тутъ кыпыть смола...

Я напысавъ Тымкови, щобъ признався,
Допевннвся, пймавъ на вчннку злимъ
И сповистывъ.. Але не сыла ждаты..
Щось порыва мене туды летить,
Досвидчаться й натишытысь на кари,
Та на такій, щобъ самъ Ярема зблндъ.
Охъ, якъ вона мене катуе люто,
Ажъ мозокъ схне!.. Тутъ доля на вази
Украины, а я злыденнымъ сердцемъ
Въ Суботови... коло тїи зміи!
И не зберу думокъ, бо розлетилысь..
Щекельный жартъ! Я дужыхъ подолавъ,
Перемогты жъ себе не маю сылы!

Ганна.

Бо дужчи всихъ...

Богданъ.

О, пекло! Всихъ чортывъ

Часамы я готовъ на неи склыкать,
Щобъ зъ пымы вразъ закатувать лыху,
А потимъ зновъ, якъ ту красу згадаю,—
То и себе-бъ для неи скатувавъ..
Стыдота! глумъ! Щобъ козаку—за бабу..
Гыдую я... банитую себе...—
А отъ визьмы жъ!..

Ганна.

То чары, тату, чары:

Вона лыбонь зъ нечыстымъ наклада
И розставля пасткы на вашу душу..
Вась окурыть хочъ ладаномъ святымъ
Та Богови..

Богданъ (*хмуро*). Богъ видступывсь видъ мене...

О, порятуй! Якый страшный вырокъ!

Ганна Нема кінця безмежвій ласци Божій...
 Богданъ. Ты херувимъ... тебе послало небо...
 Едына ты утиха, вирный другъ!
 Ганна. Очъ, орле нашъ! Розставъ ты крыла знову
 И шулякивъ зъ Украйны геть шугны!
 За тебе я... й на тебе я молюся...
 Богданъ. О, свите мій! Ты пропнемъ живышь
 Мои тяжки, непереможни раны,—
 Ты, зировько, у серци топышь лідъ,
 Женешъ за души ничъ темну, непрозору...
 На що про що... мени те некло зновъ,
 Колы тутъ рай? (*Трыма Ганну за руку*).
 Ганна. Ой, Боженьку! Дай слы!
 Тебе... весь вить... (*Цилуе ему руку и выбиға*).

Выхидъ 7.

(*Богданъ, Выговський и потимъ Богунъ*).

Богданъ (*злякано до Выговського*). Га? Що? Лыхе? Давно ты
 Вже не несешъ орадисныхъ вистокъ...
 Выговськ. Чымъ выненъ я?
 Богданъ. Я певно выпенъ—знаю:
 Теперь за все, Богдапе, одвитуй!
 Ну, швидче—що? Бунты, свавольства, зрады?!
 Выговськ. Жартують все зъ папами козакы:
 Нечай спалывъ и сплидрувавъ Немыривъ,
 Верныгора...
 Богданъ. На пали ихъ, катюгъ!
 Воны весь край повериуть на руину!
 Выговськ. Тавъ, гетьмане!
 Богданъ. Велы мерцій!.. Тривай,
 У справахъ цыхъ—не потурагы гниву,
 А розуму спытагысь перше тра...
 Богунъ (*надходить*). Ясновельможный гетьмане! Для чого
 Ты видиславъ одъ броду два повеы,
 И одчынывъ ляхамъ ворота въ табиръ?

- Богданъ. Тамъ Тугай-Бей зъ татарами...
- Богунъ. А що,
Якъ винъ ляхивъ пропустить?
- Богданъ. Схаменыся!
Мій побратымъ, мій спильныкъ?
- Богунъ. Нышкомъ винъ
Стосункы ма зъ ляхама...
- Богданъ. Клямство, пане!
- Богунъ. Ще мій языкъ одъ роду не брехавъ:
Я бъ вырвавъ самъ его за тее...
- Богданъ. Брате!
Не може быть, щобъ Тугай-бей, мій другъ,
Якого я у смерти двичи вырвавъ,
Мене продавъ!
- Богунъ. А якъ звельть Гирей?
Та й въ Збаражи хто насъ нагнувъ до згоды,
За лядськіи талары,—чы-жъ не винъ?
Того й прошу, щобъ свою власну варту
Туды пославъ...
- Богданъ. Я верховодаръ тутъ
И керувать не розучывся, Йване!
- Богунъ. Ну, такъ дывысь, гетьмане, якъ бува,
Не дай Господь, насъ Тугай-бей израдыть,
То військо все погыне, и вына
Тоди впаде...
- Богданъ. На мене? Добре знаю:
Я всимъ—чоло!
- Богунъ. Мы—серце, и вмирать
(выходючи). За ридный край, за нашу честь мы вміемъ...
- Богданъ. Невже и тутъ?
- Выговськ. Прыйшовъ зъ Стамбулу лысть,
Въ якимъ султанъ кормить тебе за зраду,
Що молдаванъ пошарпавъ...
- Богданъ. Отъ, въ чимъ ричь!
О, вси на насъ!... Такъ отъ яки мы левы
И велетни, що марылы сами

Перевернуть усихъ народивъ долю,—
А насъ цькують зъусюды, мовъ собакы!
Що-жь дѣяты? Де наша буйна сыла?
Хто вкравъ ии?

ВЫГОВСЬК.

Сусиды...

БОГДАНЪ.

Ни, самы

Розвіялы...

ВЫГОВСЬК.

Всему выною зрада

Та спильныкы лыхи.

БОГДАНЪ.

Отъ, въ тимъ-то й ричь,—

На спильныкивъ не покладайсь у справи,
А на свою лышь правду й власну миць...
А де вона, якъ въ хати пекло й чвары?

ВЫГОВСЬК.

Не прыврутывъ ты цупко...

БОГДАНЪ.

Чымъ и якъ?

(Пройшовся).

Чи лейстровыхъ посполствомъ, чи голоту
.лейстровыкомъ? Отъ тутъ-то й скруть! А ты-бъ
Порадивъ чымъ? Мовчышь... Думкы розбиглись!..
Де-бъ помочи?... (Пауза) ты вчора говорывъ,
Що видъ царя прыйшли лысты ласкави...
Такъ! Тилькы тамъ!... Самимъ—загнѣ!... Готуй
Ты посланцивъ въ Москву... мерщій: я заразъ
Самъ напишу до свитлого царя
Про спилку зъ нымъ... Щобъ швидче давъ пид-
могу...

ВЫГОВСЬК.

Въ Москву пословъ?

БОГДАНЪ.

Въ Москву, кажу, въ Москву:

Туды й безъ насъ втекло цивъ Украины...

ВЫГОВСЬК.

Ой, боязко зъ тимъ спильныкомъ...

БОГДАНЪ.

А зъ кымъ?

Зъ католыкомъ, чи знову зъ бусурманомъ?

Не ввирылась ще ихня крывда, ни?

А тутъ скрипя едына, грецька вира,

За котру людъ кистками полягавъ...

Доволи вже руинъ, пожежь и крови!

ВЫГОВСЬК.

Якъ панський зволь...

Богданъ.

Примушенный... Хапайсь!

(Выловський выходитъ).

Богданъ.

Теперь всего видь доли сподиватысь—
 И горлыци ще очи заклюють!
 Давно було—весь Кыйвъ зъ корогвами
 Мене стричавъ; народъ валявъ въ ногахъ.
 И велычавъ збавытелемъ ойчизны!
 А отъ теперь скризь ремство та злоба,
 И проклянуть ще свого батька диты!
 Чого-жь кругомъ зъ моихъ думокъ росло
 Одно лыхе та невсыпуще горе?
 Такъ, я добра простоти не вчынывъ,
 И зважывся лышь на свою гордыню,
 Що маревомъ все типшыла пыху?
 Видь мене й Богъ одвивъ свою правыцю,
 И праведень Твій присудъ иресвятый!
 Що завтра жде?! *(Замыслюется).*

Выхидъ 8.

*(Богданъ, знахарька и козаки).*1-й козакъ *(тягне зъ 2-мъ цыганку)*. Не опынайся, краде!

2-й козакъ. До дерева!

Цыганка. Ой, змылуйтесь, паны!

Богданъ. Що тамъ за гвалтъ?

1-й козакъ. Піймалы заразъ шпыга,
Вельможнійшый!

Богданъ. Ведить его сюды!

Цыганка *(въ ноги)*. Згляньсь, папочку! Нехай дитей не вбачу,
Нехай нискомъ я роспадусь, колы
Й на думци шо! *(Цилуе ноги)*.Богданъ *(про себе)*. Облыччя мовъ знаѣме...*(До неи)*. У Смилы ты була?

Цыганка. Була, була!

И гетьманъ тамъ таъ обдарывъ ласкаво...

БОГДАНЪ. Се ты мени гадала?

ЦЫГАНКА. Я!

БОГДАНЪ (*до козаківъ*). Пустить! (*Маха щобъ ишли*).

ЦЫГАНКА. Ой, Господы! Ховай тебе видъ лыха!
Щобъ щаснымъ бувъ та уродливимъ вѣкъ,
Щобъ не взяла ни шабля, а ни куля,
Щобъ ворогивъ пидъ ноги скризъ топтавъ!

БОГДАНЪ. Спасыби! Встань! Колысь гадала щастя...

ЦЫГАНКА. Ой, гетьмане вельможный, шаблю дай!

БОГДАНЪ (*соби*). Чи зновъ зырнуть у вичи хыжій доли,
Чи краще—ни?... А може.. (*До неї*) На, дывысь!
Охъ, Боже мій!

ЦЫГАНКА (*злыва щось на шаблю*).

БОГДАНЪ. Що, що?! Кажы!

ЦЫГАНКА. Не треба!

БОГДАНЪ. Кажы, не бійсь!

ЦЫГАНКА. Не слыуй!

БОГДАНЪ. Смерть моя?

ЦЫГАНКА. Не те... не смерть... ты самъ ще будешъ жыты...

БОГДАНЪ. Такъ що-жь, кажы!

ЦЫГАНКА (*тремтыть*). Сегодня хмара та

У знахарства всю одибрала сылу...

БОГДАНЪ. Я хочу знать! Велю! Кажы-жь!.. Ни, цыть!

(*Махнувъ рукою*). Иды соби до отого намету. (*Цыганка тишла*).

Якъ тяжаромъ гвитыть мене мій грихъ!..

(*Наступа хмара и мла. Чуты часамы здалеку гуркитъ*).

БОГДАНЪ. Бида гряде... Не смерть, а гирше смерти!

Вже може тутъ? Бодай-бы хочъ скорышь

На голову упала мени кара:

Що часу ждаты—втомылася душа!

Якъ мертво скризъ; насовуется хмара;

Всю землю геть уккрыла сыва мла

И койтєя лєчєвнє щось надокиль—

Мовъ наступа день страшного суда!

(*Чуты гуркитъ*) Чи гримъ луна? Чи здалеку гарматы?

Ни, тыхо... (*Гуркитъ*) Зновъ? Гей, гайдѹкы, скуды!

(*Стреля въ пидстоля*). Поснулы вы? Чи кынулысь на втевы?
 Хтось гупотыть? Якъ Каинъ я тремчу,—
 Такъ все мене полоха и вражае...
 Де-жь сыла, де? Невже ии цилкомъ
 Загарбало поточене сумлиння?!

(*Козакы, гайдуки, вартови шыкуются у лавы. Гримъ и пострилы*).

Выхидъ 9.

Гонецъ (*обша*). Ясновельможный гетьмапе! Ляхы
 Ударылы на табирь нашъ зза броду;
 Вже Дженджелій сиче ихъ.
 Богданъ (*до себе*). Вдарывъ гримъ—
 И судъ наставъ! (*Крычыть*) Коня, коня! До зброи!!
 (*Сиди й добува шаблю*) Рушай у лёгъ! За мною, козакы!
 Згадаймо имъ Кодакъ и Жовти-воды!!

(*Вси за Богданомъ рушають; поручъ его—стягъ и бунчукъ*).
 (*Якый часъ на кону пусто; де-хто перебига. Чуты гукъ сичи,
 пострилы, гримъ*).

Выхидъ 10.

(*Ганна и цыганка*).

Цыганка (*выбига*). Ой, лелечко! Ой, мативко! Куды
 Сховаться? (*Бига*) Скризь скаженіе пекло!
 Ганна (*выбига*). Вси кынулысь у сичу... Гетьманъ де?
 Хто бига тутъ?
 Цыганка (*лама руки*). Охъ, смерть иде! Я, панно!
 Ганна. Чѣго ты тутъ наклыкуешъ биду?
 Не гнулося лыцарство й не погнется:
 Де гетьманъ—тамъ и слава!
 Цыганка. Не теперь...
 Ганна. Ты видаешъ? (*Блыскавка*).
 Цыганка. Я знахарька й гадала...
 Ганна. О, горе намъ! (*Зновъ блыскавка и гримъ*).

Цыганка.

Ой, краще нагла смерть,

А вижъ до рукъ тымъ ворогамъ упасть! (*Забѣла*).

Ганна (*зъ слезамы пада на колѣна*).

О, Господы! На наши слёзы взгляньсь.

И поверны гнивъ праведный на ласку!

Своихъ дитей видъ гибели рятуй!

Пошлы зъ небесъ на помичъ херувимивъ

И рызою окрый твого раба:

Ты давъ есы свѣй мечъ ему до брани,

Просты-жъ выны и духъ ему озброй

На вызволь насъ одъ ворогивъ несытыхъ!

Выхидъ 11.

(*Тижъ и козакы зъ пораненымы*).

Ихъ вѣдутъ
и несутъ
на нарахъ.

1 раненый. Братци!... Добыйте!

2 раненый. Воды!.. Хочъ крапельку!

3 раненый. Охъ, не помыняйте лыхомъ... Смерть!

Ганна (*подбѣла*). Захарько! Сюды мерцій! Несить зъ намету того пасы! Воды! Сюды владить! (*Порається*).

Цыганка (*надходить*). Пусты, панцю: я вмію кровъ замовлять.

(*Пиднимається буря и дощъ*).

Ганна. Гараздъ! (*До другои юрбы*). Якъ тамъ, братци?

4 раненый. Золотаренко й Богунъ пробылысь до Дженджелія, але ворогъ перемога сылою.

Ганна. А гетьманъ де?

4 раненый. Тамъ рижется; ёго билый кинь блискавкою лита по ворожихъ лавахъ.

Ганна. Козакы-жъ не гнутся?

4 раненый. Крый Боже!.. Тилькы Гурський щось не тее..

(*За раненымы бижать купы козачи. За третими—найбільша*).

1-й козакъ. Пидъ гетьманомъ коня вбыто!

Ганна (*сплеснувши рукамы*). Мылосердый Боже! А гетьманъ?

2 — *Козакъ*. Гурськый подавезя! Пустывъ ворогивъ!

Багато (бижать). Зрада, зрада! Татыры видсунулись, тикають! Хто въ Бога вируе, рятуйтеся!

Ганна (выхоплюе у раненого шаблю и зупыня юрбу).

Куды зайци? Своихъ повынуть въ скрути?

Таварышивъ? Срамотній глумъ и грихъ!

Назадъ уси до сичи! А ни кроку!

Самъ Богъ кара полохунивъ лыхыхъ!!

(Юрба шаражнулася, розступылася пивколомъ).

В ы х и д ь 12.

(Тижъ и Богданъ).

(Завдали посередь кола зъявляється Богданъ; голова ему безъ шлькы, повязана хусткою, въ крови. За нымъ несуть коруговъ зъ розбитымъ держаломъ. Ганна, уздрившы, опустила й шаблю. Вси остовпылы. Буря, дощъ, блискавыци; голосъ сичи наблыжається. Видъ Берестечка зарево пожежи).

Богданъ. Погыбель! Смерть! Така певельна зрада!
 Гуда самъ здригнувся-бъ одъ жаху!
 Не вирывъ я... черезъ мою горлыню
 Братерська кровь ричкамы зновъ тече!
 Ламається тамъ воля... и кайданы,
 Кайданы ждуть! Усимъ, усимъ—ярмо!
 Будь проклять часъ, колы з свитъ побачывъ,
 Колы мене впершъ маты сповыла!
 Гей! Сповистить Золотаренка й Носа
 Щобъ одійшли видъ броду... Дарма лять
 Не треба кровъ,—встояты-жъ намъ не сыла...
(Вистови бижать).

Ганна. Не побывайтеся,—багыку! Воля Бога:

Винъ побидывъ, та Винъ и вознесе!

Богданъ. Мене карай! Завищо-жъ ихъ караешъ?

Чымъ выневъ людъ? Хиба, щобъ ихня кровь

Пекла вогнемъ жерущымъ моетило?!

Г А Н Н А. Не рвить себе? Охъ, лелечко! Зъ чола
 Ажъ рыне кровъ... Я хочъ обмыю рану!
 Б О Г Д А Н Ъ. Нехай горычъ, нехай вона зія,
 Бо все идно—чоло се палыть соромъ,
 А печинкы—гадюча, чорна кровъ!
 (*Зрива пов'язку*). Публика! Глумъ! До звиря сироманця
 Тивать въ боры! Хай теренъ тило рве.
 Нехай знесе чупрыну буйный витерь,—
 Вона теперь ганеба на чоли!

В ы х и д ь 13.

(*Тижъ и джура зъ лыстомъ*).

Д Ж У Р А. Яснійшому прыбигъ ось лыстъ изъ дому?
 Б О Г Д А Н Ъ. А!зновъ... Подай! (*Бере*). Видъ сына, видъ Тымка...
 (*Зрива печатку, пробша*).

І К О З А К Ъ. Лыбонь спишыть зъ пидмогою...
 Д Р У Г И. Колы-бъ-то!

Б О Г Д А Н Ъ (*несамовыто*). Повисывъ?! Ай!! На матеръ руки знявъ?!
 Замурдувавъ сынъ батька?! Пекло, де ты?
 Сюды! До насъ! Такого ще смиху
 Надъ всимъ.. святымъ... не бачыло ты зъ вику!
 (*Сатаніе*). Коня мени! Въ Суботивъ! (*Лама руки*). Охъ,
 дарма!

Нема ін!.. Могыла и публика!..
 Куды-жъ мени? На що я? (*Добува шаблю*).
 Надто муку!

В ы х и д ь 14.

(*Тижъ и Богуна зъ де-кымъ*).

Б О Г У Н Ъ (*вбила скажено*). Де той Богданъ? Де гетьмамъ сла-
 в н ы й н а ш ь ?
 Хиба на те тоби дали мы владу,
 Щобъ кыдавъ насъ невири иидъ ярмо?

Ганна.

О, пошануй!

(Богданъ стоитъ нерухома).

Богунъ.

Нечуте лыходїйство!

Навмысно винъ поставивъ на крыло
 Татарына, що ткавъ намъ вышкомъ пуга,
 Не на бративъ,—на Ирода звирявсь!
 И отъ теперь, якъ скоилося лыхо,
 Ище повкы назадъ свои бере,
 А насъ, бойцивъ, на смерть выдыму кыда!

Богданъ.

О, добывай! Твоя рука тяжка...

Не те я хтивъ...

Богунъ.

Про себе дбавъ, безумче?!

Иды-жь, поглянь на те, що ты вчынивъ:
 Бративъ-орливъ, зборонцивъ чесныхъ краю,
 Зъ усихъ бокивъ уккрылы ворогы,—
 И зъ славою летять козачи души
 До праведныхъ Небесъ... а ни одынъ
 Не видступа й на крокъ видъ того пекла!

Богданъ.

Орлы мои! О, проклять, проклять я!

Юрба козакивъ *(вбѣга)*. Зновъ ворогивъ насунула тьма темь!

Вже знемога у сичи наша сыла!

Богунъ.

А! зрадыку! Продавъ есы Ляху

Черезъ татаръ и волю й Украину—

Здыхай же й самъ! *(Добува шаблю).*

Юрба.

Смерть, смерть ему!

Ганна *(заступа Богдана)*.

Мене

Ты перше вбий, а потимъ вдарь у груди,

Яки за насъ винъ смерти пидставлявъ;

Вкрый соромомъ бездолля!!

Богунъ.

Ни,—могылу!..

Теперь—кишець!! *(Опуска шаблю).*Богданъ *(рве на соби волосся)*. О, розступися, земле,

И проглыны у надра мене, пса,

Щобъ не бруднивъ и смитныць своимъ падломъ!

Я, проклятый и Небомъ, и людьмы!

Господь змицывъвъ потугы намъ у брани,
 А я... спьянивъ одъ славы и хотивъ
 Тилькы соби украсты ласку Божу!
 Слипый робакъ! Я въ думку соби взявъ,
 Що самъ здійму на плечи Украину—
 И нахопывъ на тысячи ноживъ...
 Та ще вмшавъ до ныхъ и власни мукы...
 Я мечъ збруднивъ? (Лама). Не гетьманъ бильше я!

(Оюля перса). Якъ ласкы жду—убийте мене, друзи!

Вси. (Зрушени) Жывы, жывы, нашъ батьву!

Ганна.

И веды

До пристани Вкраину!

Богунъ.

Твоя скорбъ

Знаймуе ще души вельку сылу:

Свой земли послужишь ты... Браты!

За мною вси! На выручву Гетьмана!!

У! Дорого себе мы продамо!!

(Кыдається; за нымъ уси. Богданъ хытається; Ганна, рыдаючи, и цыпанка его пиддержують).

(З а в и с а).

А п о ф е о з ъ.

(По спуску зависы музыка заразъ проводыть сумну мелодію, яка проясняется въ шыроку течію зъ народныхъ писень и розростається до шыро-народнёго гимна „Гей не дывуйте“... Тутъ зьявляется-пышина жыва картына—„Переяславська рада“).

З а в и с а.

М. И. Старицкій.

Кыивъ. 12 Сичня,

1896 р.

ЮНЫЕ ГОДЫ П. А. КУЛИША.

2 февраля 1897 года, въ хуторѣ Матроновѣ, близъ Борзны, скончался на 78 году отъ рожденія П. А. Кулишъ.

Въ 1882 году, спустя слишкомъ 20 лѣтъ послѣ смерти Т. Г. Шевченка, мнѣ удалось собрать по разнымъ періодическимъ изданіямъ отрывочныя свѣдѣнія о жизни поэта и напечатать полный, по возможности, сводъ матеріаловъ для его біографіи. Нынѣ я приступаю къ обнародованію матеріаловъ для біографіи другого украинскаго писателя—последняго изъ славной триады 40-хъ годовъ—спустя всего три мѣсяца послѣ его кончины, надѣясь, что мой усиленный трудъ вызоветъ въ печати болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни покойника и его болѣе чѣмъ полувѣковой дѣятельности литературной.

На этотъ разъ я ограничусь сообщеніемъ свѣдѣній, касающихся юныхъ лѣтъ жизни П. А. Кулиша, для чего, помимо моего личнаго знакомства съ покойникомъ въ разные періоды его жизни, послужили мнѣ „Воспоминанія дѣтства“ самого П. А., составляющія III-й томъ Повѣстей, написанныхъ имъ въ Тулѣ, а также рассказы друга его, Ивана Филипповича Хильчевскаго.

П. А. Кулишъ родился 26 іюля 1819 года въ м. Воронежѣ, глуховскаго уѣзда черниговской губерніи. Дѣтство его, до поступленія въ училище, какъ видно изъ его „Воспоминаній“, протекло въ хуторѣ.

...„Кругомъ нашего хутора, говоритъ онъ, не было ни одного значительнаго имѣнія, котораго владѣлецъ былъ бы знакомъ съ культурною жизнью большого города... Отецъ мой, какъ и его сосѣди, были прямые потомки тѣхъ козаковъ, которые приобрѣли право дворянства, не усвоивши себѣ привычекъ образованной жизни. Они какъ будто еще вчера скинули старосвѣтскіе жупаны и надѣли запоздалаго покроя сюртуки... Я не очень сильно привязанъ былъ къ дому родительскому, потому что у меня не было матери: родной кровъ и мать—эти два понятія одно съ другимъ неразлучны. Я лишился матери (изъ фамиліи Гладкихъ) въ самомъ раннемъ возрастѣ и взросъ одиночимъ мальчикомъ въ обществѣ отца, который горячо любилъ меня, но утомлялъ чтеніемъ переплетеннаго въ кожу Державина и ариѳметическими задачами“...

На 10-мъ году мальчикъ былъ отвезенъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, въ 30 верстахъ отъ Воронежа, для опредѣленія въ училище, помѣщавшееся въ одномъ и томъ же старомъ деревянномъ домѣ съ четырехклассною (тогда) гимназіей, и пристроилъ его на квартирѣ у своей старой знакомой—офицерской вдовы Хлопотыхи, въ Варваринскомъ приходѣ, довольно далеко отъ училища, до котораго по косогорамъ и промоинамъ добраться было не легко. Домикъ вдовицы, нахлобучивъ темную позеленѣвшую крышу, стоялъ на косогорѣ, подпертый со стороны оврага толстыми сваями. Сада при немъ не было, но за домомъ, на крутомъ оврагѣ, зеленѣлъ огородъ, напоминая сады Семирамиды. Невеселое обиталище! „Я предвидѣлъ много печальныхъ дней, говоритъ П. А. въ своихъ воспоминаніяхъ: когда я буду сидѣть одинъ у окна, глядѣть на глухой переулочекъ и думать о нашемъ хуторѣ, о его зеленыхъ пригоркахъ и высокихъ дубахъ“. Но ознакомившись поближе съ обитателями этого мрачнаго жилища, онъ утѣшился.

У Хлопотыхи была 16-лѣтняя дочь Оеклуша, дѣвица веселая и живая, да квартирантъ, солидныхъ лѣтъ чиновникъ уѣзднаго суда, посвятившій мальчугана въ особаго рода спортъ—„щупанье“ или „печурованье“ раковъ въ рѣкѣ Деснѣ и ея притокахъ. Живописное мѣстоположеніе Новгородъ-Сѣверска, напо-

минающее въ миниатюрѣ Кіевѣ, произвело на воспріимчивую душу мальчика сильное впечатлѣніе. „Никогда, говоритъ онъ, я не могъ равнодушно видѣть этой рѣки, въ багрянцѣ запада колеблющейся легкими струями, какъ живое золото. Чудно мѣнялся въ ея всколыханномъ зеркалѣ опрокинутый пейзажъ города“.

Такъ какъ мальчикъ былъ нѣсколько подготовленъ дома, то онъ счастливо избѣжалъ „первѣйшаго“ (приготовительнаго) класса, съ его свирѣпымъ учителемъ Ильею Семеновичемъ и поступилъ прямо въ первый классъ повѣтоваго училища, гдѣ преимущественно священнодѣйствовалъ смиренный наставникъ Яковъ Яковлевичъ Игнатьевъ, по прозванію Бруль, преподавая четыре предмета: ариѳметику, нѣмецкій языкъ, чистописаніе и рисованіе. Здѣсь Кулишъ особенно сблизился, до дружескихъ отношеній, съ Діонисіемъ Подпужниковымъ, года на два старше его, который снабжалъ его книжками и рассказывалъ весьма занимательныя исторіи. Хотя П. А. для успѣшнаго прохожденія премудростей 1-го класса, казалось, довольно подготовленъ былъ дома, но для того, чтобы угодить Я. Я—чу, требовалось кое-что иное. Достаточные родители, при возвращеніи дѣтей съ каникулъ и праздничныхъ отпусковъ, дѣлали ему разные подарки, главнымъ образомъ живностію и мучицей. Это называлось у насъ: побывать у г. учителя съ почтеніемъ, что не преминулъ учинить и батюшка Кулиша; послѣ чего ученіе мальчика пошло какъ по маслу.

При поѣздкахъ въ отпуски П. А. лишень былъ удовольствія счастливцевъ-товарищей—возвращаться въ объятія матери, послѣ долгихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ за учебниками. Скучному училищному быту, одинокой жизни дома и отсутствію материнскихъ ласкъ П. А. приписывалъ раннее развитіе въ себѣ симпатіи ко всему, что манитъ сердце.

Но вотъ прошелъ и годъ послѣ вступленія мальчика въ училище, и такъ какъ онъ изучилъ до послѣдней цифры все, что было написано для 1-го класса въ „синей тетрадѣ“ Я. Я—ча, извѣстной у насъ подъ названіемъ „арифметички“, то его перевели во второй классъ, но въ этомъ классѣ „синяя тетрадка“ заговорила такимъ темнымъ языкомъ, что нашъ Панько очутился

въ числѣ послѣднихъ учениковъ. Дѣло въ томъ, что первыя четыре дѣйствія были ему достаточно извѣстны еще дома, въ хуторѣ: не даромъ онъ исписалъ два грифеля, сидя надъ задачами; а когда дошло дѣло до дробей, то въ цѣломъ классѣ г. учителю могъ удовлетворительно отвѣчать одинъ только Діонисій Подпрудничковъ, вызубрившій до послѣдней цифры все, содержимое въ синей тетрадкѣ, чего не могъ достигнуть Кулишъ, не обладавшій въ дѣтствѣ механической памятью, и потому онъ у Я. Я—ча находилъ на худомъ счету. Но заботливый родитель и тутъ поспѣшилъ къ нему на помощь. Чтобы поправить дѣло, другого средства не оставалось, какъ ублажить учителя. Отцу и удалось упросить Я. Я—ча принять мальчика на квартиру, предложивъ ему третью часть получаемаго имъ жалованья, т. е. 116 руб. асс. въ годъ, да разной провизіи на 100 руб. асс.; при чемъ условлено было: пройти съ Панькомъ 2-ю часть ариметики, упражнять его въ нѣмецкомъ языкѣ и заниматься съ нимъ рисованіемъ. И началась для мальчика совершенно иная жизнь.

Домъ Игнатьева стоялъ, что называется, *на отшибѣ*. По обѣимъ сторонамъ его шли улицы безъ домовъ, а сзади былъ глубокой оврагъ, поросшій орѣшникомъ, за которымъ видны были на далекое разстояніе поля. Въ домѣ, кромѣ хозяина и такой же старой сестры его Марѳуши, никого не было, и живому, впечатлительному отъ природы мальчику пришлось проводить время съ этими двумя холодными и черствыми существами, вдали отъ товарищей—точно какъ бы его посадили подъ строгій караулъ. Но какъ бы то ни было, а успѣхи П. А., подъ руководствомъ Я. Я—ча, пошли быстро.

Хотя мы съ Кулишомъ учились одновременно въ одномъ и томъ же заведеніи, но ни въ одномъ классѣ намъ не пришлось сидѣть вмѣстѣ, по той причинѣ, что въ то время, когда я съ великимъ трудомъ преодолевалъ „первѣйшій классъ“, онъ поступилъ въ первый и потомъ ушелъ отъ меня впередъ почти на два года. Такъ что, когда я перешелъ въ IV классъ, онъ оканчивалъ уже V. Тамъ онъ пріобрѣлъ между товарищами репутацію сочинителя и искуснаго рисовальщика. Его рассказы изъ быта воронежскихъ обывателей и изъ народныхъ легендъ родного

хутора, изъ которыхъ нѣкоторыя, переработанныя, впоследствии попали въ „Кіевлянинъ“ М. А. Максимовича, предсказывая въ немъ будущаго бытописателя. Кромѣ того, Кулишъ до страсти предавался рисованію, а такъ какъ учитель Кирилловъ, по прозванію Шатъ и самъ недалеко ушелъ въ этомъ предметѣ, то П. А. съ товарищемъ своимъ по классу, Семеномъ Готовымъ, заключили союзъ взаимопомощи: Готовъ отлично рисовалъ пейзажи, а Кулишъ былъ искусный жанристъ, ловко изображавшій живыхъ людей,—поэтому, не ожидая указаній со стороны преподавателя, они сами себя совершенствовали. Не посѣщая иногда уроковъ, подъ предлогомъ болѣзни, цѣлую недѣлю, они запирались въ квартирѣ и рисовали, поправляя одинъ другому свои работы. Плодомъ такихъ упражненій было не малое количество акварелей, ходившихъ по рукамъ между учениками; а у преподавателя латинскаго языка І. А. Самчевскаго висѣла въ гостиной большая картина подъ стекломъ, представлявшая городъ Новгородъ-Сѣверскъ, нарисованная Готовымъ съ соборной колокольни а vol d'oiseau.

Такъ какъ искусство рѣдко уживается съ наукой, то нашъ Кулишъ, увлекшись живописью и сочинительствомъ, не могъ успѣвать въ наукахъ и окончилъ свое гимназическое образованіе пятымъ классомъ. Это случилось въ 183^{5/6} году.

Увольнившись изъ гимназіи, П. А. не вернулся къ отцу, а сталъ искать кондиціи у помѣщиковъ, чтобы заработать денегъ и поступить въ университетъ, что у насъ не рѣдко практиковалось между бѣдняками, не рассчитывавшими на родительскую помощь. По тогдашнимъ правиламъ воспитанникъ среднеучебнаго заведенія, не окончившій полнаго курса, могъ поступить въ университетъ по экзамену, но не иначе, какъ по истеченіи такого времени, какое требовалось для окончанія полнаго курса, а такъ какъ Кулишъ вышелъ изъ V класса, то онъ имѣлъ право поступить въ университетъ не ранѣе двухъ лѣтъ. И вотъ, проживая въ продолженіе этого времени по деревнямъ у помѣщиковъ, въ качествѣ домашняго учителя ¹⁾, подготавливая дѣтей къ вступ-

¹⁾ Такъ, намъ извѣстно, что П. А. Кулишъ былъ въ этотъ періодъ, между прочимъ въ домѣ помѣщика А. Ильшенка.—*Ред.*

ленію въ училище, онъ и самъ готовился къ экзамену въ университетъ; предаваясь вмѣстѣ съ тѣмъ неудержимой страсти къ собиранію пѣсенъ и народныхъ преданій, а входя такимъ способомъ въ общеніе съ народомъ, онъ имѣлъ полную возможность достигнуть глубокаго знанія народной жизни и языка, которымъ владѣлъ впослѣдствіи въ совершенствѣ, какъ никто изъ современныхъ ему украинскихъ писателей (кромѣ, разумѣется, Шевченка).

Въ архивныхъ бумагахъ б. лица кн. Безбородка остались слѣды пребыванія Кулиша, въ качествѣ канцелярскаго чиновника, въ лицейскомъ правленіи около 1837/8 года, при директорѣ Эвекладѣ.

Въ 1839 году, какъ извѣстно, былъ вновь открытъ университетъ Св. Владиміра послѣ временнаго его закрытія, и П. А., хотя и выдержалъ экзамень удовлетворительно, но, по недостатку документа о дворянскомъ его происхожденіи, не допущенъ формалистомъ ректоромъ К. А. Неволинымъ къ слушанію лекцій. Лишенный такимъ образомъ университетскаго образованія, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ С. Д. Носу, онъ съ горечью вспоминаетъ объ этомъ прискорбномъ фактѣ: „Черниговскія власти могли бы, если бъ захотѣли, разыскать мои документы по моему указанію, да мій панотець зоставсь десятилиткомъ безбатченкомъ, тымъ и не зумивъ описля спонукаты герольдію, колы и я отъничого не вдіавъ. Тымъ часомъ ректоръ Неволинъ—той що не схотивъ бачиты ридной матери, злыденной вдовыци-попади и выславъ їй 25-рублевый папирецъ,—присипавсь до мене, щобъ дворянській протоколъ написано б. въ Черныгови на мое, а не на панотцеве имъя, а поки що не дозволивъ мени слухаты дальше лекціи, а я, *resumiatum causa*, не мигъ узаты на себе „гиркои по судахъ волокиты“.

Въ 1840 году наступила и моя очередь поступить въ университетъ. Приѣхавъ въ Кіевъ по Днѣпру на лодкѣ изъ остерскаго уѣзда, я присталъ на Подолѣ напротивъ Бурсы и, оставивъ свою мизерію подъ надзоромъ моего случайнаго спутника Гриця, отправился на Печерскъ искать земляковъ. Встрѣтившись въ царскомъ саду съ студентомъ Ив. Долинскимъ, я, по его указанію, скоро отыскалъ квартиру своихъ сѣверянъ, П. А. Кулиша и

П. О. Чуйкевича. Неразлучные друзья-земляки жили на Графскомъ переулкѣ, позади извѣстнаго въ то время виннаго магазина Финке, надъ Провальемъ. Замѣтивъ изъ первыхъ же моихъ словъ, что я совершеннѣйшій провинціалъ—простота, котораго на каждомъ шагу въ незнакомомъ большомъ городѣ каждый могъ обмануть, добрый мой землякъ П. А., отложивъ въ сторону своего „Огненнаго Змія“—повѣсть, которую онъ писалъ для „Кіевлянина“—поспѣшилъ накинуть на себя сюртукъ и отправился со мною нанять извозчика для перевозки засвѣтло моего скарба съ Подола. Приѣхавъ на пристань и забравши сундукъ, я вернулся на квартиру студентовъ и остался у нихъ ночевать. На другой день поутру мы съ П. А. отправились искать квартиру. Небогатое студенчество большею частію ютилось тогда на Провальѣ (что нынѣ за Удѣльною конторой)—небольшомъ фольваркѣ, находившемся вблизи университета, при спускѣ къ Днѣпру, и состоявшемъ тогда изъ нѣсколькихъ десятковъ домиковъ съ огородами и садами, тянувшимися къ самому обрыву. Между домами шла неровная, изрытая ручьями улица. Тутъ-то мы и нашли квартиру за 25 руб. асс. въ мѣсяць съ малороссійскимъ борщомъ, чаемъ и мытьемъ бѣлья.

Между тѣмъ землякъ мой, не будучи въ состояніи добыть требуемый ректоромъ документъ, находясь около двухъ лѣтъ въ весьма неопредѣленномъ положеніи и сверхъ того, небезпеченный матеріально, по необходимости долженъ былъ оставить университетъ, получивъ, по рекомендаціи б. ректора Максимовича, въ 1842 году должность преподавателя русскаго языка въ Луцкомъ дворянскомъ училищѣ. Тамъ молодой человекъ сошелся съ учителемъ Иваномъ Филипповичемъ Хильчевскимъ. Будучи на 10 лѣтъ моложе своего сослуживца, П. А. былъ ему многимъ обязанъ и въ матеріальномъ и въ умственномъ отношеніи, найдя въ немъ опытнаго руководителя и друга.

Во время кратковременнаго пребыванія въ Луцкѣ, Кулишъ, при своихъ громаднхъ способностяхъ, приобрѣлъ массу научныхъ свѣдѣній. Большая училищная бібліотека, обогащенная конфискованными, по распоряженію генераль-губернатора Бибикова, бібліотеками волинскихъ магнатовъ, съ дорогими и рѣд-

кими изданиями и состоявшая изъ 15,000 томовъ, весьма много способствовала расширенію умственнаго кругозора Кулиша и дала ему возможность пополнить пробѣлы недоконченнаго образованія. Въ библиотекѣ между прочимъ находилось полное собраніе романовъ Вальтеръ-Скотта на французскомъ языкѣ. По свидѣтельству Хильчевскаго, Кулишъ пріѣхалъ въ Луцкъ съ весьма жалкими познаніями во французскомъ языкѣ¹⁾, но по истеченіи трехъ-четырехъ мѣсяцевъ онъ сталъ свободно читать Вальтеръ Скотта и въ подражаніе его роману „Карль Смѣлый“ тогда же началъ писать свой собственный историческій романъ „Михайло Чернышенко“. П. А. изумлялъ Хильчевскаго необыкновенной быстротой и легкостью литературныхъ работъ своихъ: въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ онъ исписывалъ цѣлыя страницы изящнымъ почеркомъ, безъ малѣйшихъ помарокъ. Не менѣе удивлялъ онъ своего пріятеля и искусствомъ передавать бумагѣ разныя житейскія сцены и портреты окружающихъ лицъ. Такъ, однажды, во время прогулки, друзьямъ встрѣтилось семейство полковника Д—ва. Какъ самъ полковникъ, такъ и все его семейство было весьма малаго роста. Вернувшись съ прогулки, П. А. нарисовалъ ихъ всѣхъ въ видѣ курочекъ-королекъ, предводимыхъ пѣтушкомъ и подписалъ: „Луцкая миниатюрная аристократія“.

Между знакомыми Хильчевскаго было не мало поляковъ, съ которыми онъ, подъ давленіемъ уѣздной скуки, скоро сблизился, познакомивъ съ ихъ семействами и своего юнаго сослуживца, который и жилъ вмѣстѣ съ нимъ на одной квартирѣ. Живая и дѣятельная натура Кулиша, среди серьезныхъ умственныхъ занятій, давала ему возможность находить время и для развлеченій. Влюбился онъ, на весьма впрочемъ короткое время, разомъ въ двухъ дѣвицъ, извѣстныхъ у него подъ №№ 1 и 2, недоумѣвая, какому изъ этихъ номеровъ отдать преимущество. Болѣе другихъ, повидимому, ему приглянулся № 1—племянница

1) Не зналъ онъ, при поступленіи на службу, и другихъ иностранныхъ языковъ; потомъ изучилъ: англійскій, нѣмецкій, итальянскій, испанскій, всѣ почти славянскіе языки, и изъ древнихъ-латинскій и древне-еврейскій.

бывшаго профессора химіи въ университетѣ Св. Владиміра Эмерита Зиновича, доживавшаго свой вѣкъ въ Луцкѣ.

Кулишь, по словамъ Хильчевскаго, своею обаятельною личностію воскрешалъ для него родную Малороссію. Говорилъ онъ постоянно чистѣйшимъ украинскимъ языкомъ, какимъ въ ополяченномъ краѣ не говорилъ никто. Живя душа въ душу, друзья чувствовали себя вполне счастливыми и довольными судьбой.

Но спокойствіе и тихое теченіе ихъ жизни въ скромномъ уѣздномъ городкѣ продолжалось не долго. Въ срединѣ года въ луцкое дворянское училище былъ назначенъ новый смотритель, нѣкто Глибовскій, изъ Чернигова, по протекціи родственника И. Г. Кулжинскаго, директора Клеванской гимназіи (переведенной потомъ въ Ровно). Несимпатичная и невѣжественная личность новаго начальника поселила между педагогами разладъ. Особенно ожесточенную войну повелъ съ смотрителемъ *горячій* и ветерпѣливый Кулишь ¹⁾.

Борьба началась изъ-за того, что смотритель сдѣлалъ неумѣстное замѣчаніе бібліотекарю Хильчевскому, что онъ оставляетъ въ бібліотекѣ по цѣлымъ днямъ Кулиша одного. Помимо всего этого, учителя открыли въ своемъ начальникѣ весьма неблагоприятныя качества: онъ бралъ взятки и отъ родителей учениковъ, и отъ квартиросодержателей. Не стерпѣвши такого безобразія, педагоги отправили попечителю кн. Давыдову коллективную просьбу—избавить училище отъ такого позора. Результатъ этой просьбы былъ тотъ, что Глибовскаго куда-то убрали, но вслѣдъ за тѣмъ Хильчевскаго деградировали по службѣ, перемѣстивши его изъ дворянскаго Луцкаго въ Роменское уѣздное училище, (куда онъ впрочемъ не поѣхалъ подъ предлогомъ сдачи бібліотеки, и былъ переведенъ чрезъ полгода въ Черно-Островское дворянское училище), а Кулиша перевели въ Кіево-Подольское дворянское училище, и онъ оставилъ Луцкъ, прослуживъ тамъ всего лишь одинъ годъ. Но и въ Кіевѣ служба его

¹⁾ „Я не люблю горячаго кулишу!“—сострялъ Глибовскій.

—„Бо собаки не люблять горячаго“—отпарировалъ ему П. А.

продолжалась не долго; въ недалекомъ будущемъ его ожидала профессорская кафедра въ университетѣ Петербургскомъ. Но.. не такъ воно склалось, якъ ждалось...

Ректору Петербургскаго университета П. А. Плетневу понадобился учитель русскаго языка для студентовъ-инородцевъ, и, по рекомендаціи помощника попечителя кievскаго учебнаго округа М. В. Юзефовича, должность эта предложена была Кулишу. При письмѣ своемъ къ Плетневу Юзефовичъ приложилъ 5 главъ ненапечатаннаго еще романа „Черная Рада“, какъ доказательство совершеннаго знанія русскаго языка рекомендуемымъ лицомъ.

По пріѣздѣ въ столицу, П. А., до пріисканія квартиры, поселился у Плетнева, который просто очарованъ былъ его личностію. Въ письмѣ своемъ къ К. Я. Гроту онъ отзывается о немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ: „милый молодой человекъ, интересный и наружностію, и чистотою души, и умомъ“.

Настоящая служба въ столицѣ П. А. считалась въ пятой гимназіи съ жалованьемъ 2250 р. ас., да отъ университета ему было назначено 1200 р. ас. Въ такихъ условіяхъ прошло около двухъ лѣтъ. Затѣмъ въ началѣ 1847 года состоялась командировка Кулиша за границу для изученія славянскихъ языковъ; но до отъѣзда онъ завернулъ въ Малороссію и женился въ хуторѣ Мотроновѣ на сестрѣ своего университетскаго товарища Александрѣ Михайловнѣ Бѣлозерской и съ молодой женой отправился въ путь черезъ Варшаву. Между тѣмъ въ это самое время въ Кіевѣ разыгралась Кирилло-Меѳодіевская драма, и нашъ Кулишъ, не доѣхавъ до границы, арестованъ въ Варшавѣ и по опредѣленію слѣдственной комиссіи сосланъ на жительство въ Тулу, гдѣ пробылъ около четырехъ лѣтъ.

М. Чалый.

НАДЪ ВЕЛИКИМЪ ЛУГОМЪ ДНѢПРОВСКИМЪ.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ).

Часть долины нижняго Днѣпра, извѣстная подъ названіемъ „Великаго луга“ вмѣщаетъ много слѣдовъ прошлой судьбы примыкающихъ южнорусскихъ степей. Наиболѣе выразительными и близкими для насъ являются здѣсь остатки Запорожской старины.

Излагаемый ниже матеріалъ о выдающихся остаткахъ старины въ области „Великаго луга“ распредѣляется въ порядкѣ достопримѣчательныхъ мѣстностей въ части Запорожья, исключительно по берегамъ Днѣпра ниже г. Александровска (еватеринославской губ.). Очагами Запорожской старины, естественно, являются здѣсь мѣста Запорожскихъ сѣчей.

Въ настоящемъ отрывкѣ „изъ путевыхъ замѣтокъ“ мы общимъ видѣнное и слышанное нами около 10 лѣтъ тому назадъ, по возможности въ связи съ живой средой, хранящей слѣды прежняго быта...

Отъ г. Александровска до г. Никополя оба берега Днѣпра отличаются довольно монотоннымъ характеромъ. Правый сравнительно высокій берегъ лишь изрѣдка пересекается широкими ложбинами балокъ, лишенныхъ здѣсь обычной красоты рѣчныхъ долинъ. Только изрѣдка замѣчаетъ глазъ на правомъ „козацкомъ“ берегу старыя, подавшіеся подъ бременемъ лѣтъ, еще „запорожскіе“ дубы. Лѣвый берегъ Днѣпра представляетъ здѣсь

почти сплошное море бѣлаго съ желтоватымъ отливомъ песку. Мертвымъ представляется это „татарское“ побережье между синимъ небомъ и могучимъ Днѣпромъ, шумно катящимъ волны и богатырски роющимъ лѣвый берегъ.

Высадившись въ Никополѣ, прежде всего мы добивались до мѣста „Мыкытыного Рога“, на которомъ, по мнѣнію изслѣдователей Запорожья, была Запорожская сѣчь. Съ однимъ Никопольскимъ старикомъ матросомъ пришли мы на высокій берегъ днѣпровскаго протока Орловой и узнали, что мѣста, гдѣ стояли кошемъ древніе козаки, уже нѣтъ теперь, такъ какъ оно размыто Днѣпромъ: „вода забрала“; старикъ еще помнитъ холмикъ надъ кручею съ небольшою капличкой на мѣстѣ старой Запорожской церкви ¹⁾. На томъ мѣстѣ давно уже бушуютъ волны глубокаго Днѣпровскаго протока, всякій годъ все дальше размывающаго высокій Никопольскій берегъ. О подробностяхъ жизни запорожцевъ на Микитиномъ Рогѣ нашъ собесѣдникъ ничего интереснаго не сообщилъ намъ, выражая сожалѣніе и какъ бы оправдываясь передъ нами, что „замолоду“ онъ не вслушивался въ рассказы своего дѣда про Запорожцевъ. Передалъ онъ довольно распространенныя въ этихъ мѣстахъ и неоднократно записанныя уже легенды о храбрости и неустрашимости запорожцевъ, о богатствѣ края въ то время, когда они здѣсь жили, и проч.

Но всѣ эти рассказы, неотличающіеся опредѣленностью сопровождались осторожнымъ старикомъ вставками: „кажутъ люди, а Богъ его зна, якъ воно було“.

На пути къ окопамъ въ юго-восточной части Никополя на городскомъ выгонѣ обращаетъ на себя вниманіе огромный, крутой курганъ.

Курганъ этотъ, одинъ изъ 12 расположенныхъ въ безпорядкѣ на высокой плоскости почти надъ самымъ Днѣпромъ, называется „Высокою могылюю“. Курганъ дѣйствительно высокъ достигая черезъ вершину 120-ти шаговъ. Съ вершины его от-

¹⁾ Нынѣшняя Никопольская церковь, уже очень ветхая, построена въ 1792 году.

крывается необыкновенно широкой горизонтъ: отсюда видны Старая сѣчь, Каменный затонъ, огромное Бѣлое озеро и крутая гора Мамай-Сурка, кажущаяся съ вершины кургана грандіознымъ трезубцемъ; огромное пространство Великаго луга съ густою сѣтью безчисленныхъ Днѣпровскихъ протоковъ, видно отсюда, какъ на ладони. Стоя на вершинѣ этого кургана, понимаешь не только его похоронное, но и стратегическое значеніе въ ту пору, когда сосѣднія степи кипѣли войной. Пригоднымъ въ стратегическомъ отношеніи могъ быть этотъ курганъ и въ то время, когда близъ Никитинога Рога стоялъ козацкій лагерь въ гетманство Самойловича.

Слѣды, правдоподобно, этого послѣдняго лагеря и уцѣлѣли до нашихъ дней нѣсколько въ сторону на юго-западъ отъ описаннаго кургана, на мѣстѣ Никопольскаго владбища. Мѣсто, занятое окопами, тянется, насколько намъ удалось прослѣдить, на протяженіи 1½—2 ввадр. верстъ. Окопы представляютъ осунувшіяся малозамѣтныя насыпи съ такими же рвами. Схему окоповъ, во многихъ мѣстахъ покрытыхъ густымъ „вишникомъ“ и мѣстами совсѣмъ прерывающихся подъ различными вліяніями въ 2 протекшія столѣтія, опредѣлить теперь довольно трудно. Впослѣдствіи мы нашли лишь описаніе этихъ окоповъ, напечатанное о. Карашнымъ въ „Трудахъ Одесскаго общ. исторіи и древностей“.

При содѣйствіи мѣстнаго священника была осмотрѣна нами утварь Никопольской церкви, въ которой сохранилось довольно много предметовъ отъ времени Запорожья. Предметы эти много разъ уже описывались, какъ и тѣ „сволоки“ изъ запорожскихъ куреней, которые до настоящаго времени уцѣлѣли въ двухъ хатахъ Никопольскихъ старожилонъ. Перемѣщеніе значительной части церковной утвари изъ сѣчевой церкви въ Никопольскую, а также и сѣчевыхъ построекъ въ Никополь побуждаютъ заключать, что Никополь послѣ атакванія Покровской сѣчи и бѣгства запорожцевъ за Дунай сдѣлался важнѣйшимъ центромъ оставшагося на мѣстѣ козачества.

Изъ Никополя лежалъ намъ путь на мѣсто Новой Сѣчи (Покровской), отстоящей отъ этого города верстъ на 20. Прохо-

дили мы сперва черезъ село Лопанку, тянущуюся въ длину верстъ на 7. За Лопанкой дорога въ Покровское идетъ привольною, слегка холмистою, степью, усѣянною многочисленными небольшими курганами. При входѣ въ Покровское, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе каменный крестъ, поставленный надъ могилою кошевого Степана Гладкаго. Въ усадьбѣ церковнаго дома находился остатокъ старины запорожской: намъ здѣсь показали не глубокую, почти доверху засунувшуюся яму на мѣстѣ стоявшей здѣсь Сѣчевой пушкарни. Былъ съ нами и церковный староста, старикъ съ сѣдой бородой и длинными, совершенно бѣлыми волосами, напоминавшій своимъ лицомъ „лицъ“, какіе встрѣчаются на иконахъ старинныхъ иконописцевъ. Старикъ этотъ разсказывалъ намъ: что мы стоимъ на мѣстѣ той самой „ямы“, въ которой заключались провинившіеся сѣचेвики по приговорамъ старшинъ. Въ Покровской церкви съ особымъ почетомъ хранятся кіотъ, сооруженный отаманомъ Брюховецкаго куреня Василюмъ Шиломъ въ 1769 г., небольшая икона Покрова Богоматери, со святыми въ одеждѣ запорожцевъ, какъ и въ Никопольской церкви, и 5 „стояновъ“ у западной церковной стѣны, предназначавшихся нѣкогда для стоянія въ церкви сѣчевыхъ старшинъ¹⁾ Сохранилось много ризъ, подризниковъ и другихъ церковныхъ облаченій, оставшихся еще отъ времени запорожцевъ. На хорахъ сложены старыя запорожскія иконы безъ всякихъ слѣдовъ живописи, разрушенной временемъ; здѣсь находятся остатки самыхъ древнихъ ризъ, а также старыя желѣзные подсвѣчники, деревянныя тарелки и прочая очень древняя утварь. Изъ этихъ остатковъ старины останавливается вниманіе между прочимъ на листѣ въ деревянной рамкѣ, гдѣ написаны ноты съ текстомъ церковной пѣсни: „О тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь“. Надъ этимъ пылью покрытымъ листомъ бумаги нѣкогда трудился какой-нибудь старецъ, учитель Сѣчевой школы, для того, чтобы торжественно выставять ее передъ хоромъ пѣвчихъ въ Сѣчевой церкви.

¹⁾ Стояны—полушкафы съ круглымъ вырѣзомъ въ верхней доскѣ высотой около 2 арш. .

Прощаясь съ нами, церковный староста задумчиво спросилъ: „Такъ вы, паньчи, Запорожье прыйшли одшукувать?“. Мы промолчали, а старикъ продолжалъ: „То-то й писня йе старынна: „Сплюндрувалы Запорожье, а колысь буде треба“. По указанію церковнаго старосты отправились мы на мѣсто древней сѣчевой церкви, занятое въ настоящее время огородомъ одной крестьянской семьи, въ которой по словамъ старосты была словоохотливая старуха, хранившая въ своей памяти Запорожскія преданія.

Прійдя и расположившись подъ хатой на отдыхъ, въ огородѣ завидѣли мы „каплицу“, какія обыкновенно ставятся на мѣстахъ престоловъ прежде существовавшихъ церквей. Скоро подошла къ намъ старуха, державшаяся, какъ хозяйка „осели“. Поздоровавшись, мы вынуждены были прежде всего разувѣрять нашу собесѣдницу, что мы не гробокопатели. Дѣло въ томъ, что покровскіе жители при нашемъ появленіи въ село приняли насъ за гробокопателей, вспоминая пребываніе здѣсь нѣкоторыхъ туристовъ, раскопавшихъ нѣсколько запорожскихъ могиль.

Старуха повела насъ къ капличкѣ, тщательно выбѣленной, съ заново-выкрашенной желѣзной крышей, и вообще содержимой съ большимъ вниманіемъ.

„Пидъ велькый праздыкъ и покадымо тутъ, а литомъ Богу помолимось“, говорила старуха, когда мы остановились у каплицы.

Въ разговорѣ со старухой заинтересовало насъ частое употребленіе качественнаго прилагательнаго „бравый“. Придавала она ему значеніе хорошаго, прочнаго, дорогаго и во многихъ другихъ положительныхъ смыслахъ. Очевидно, слово это на мѣстѣ былой сѣчи—прямое наслѣдіе „браваго“ козачества. На это козачество подъ конецъ и перешель разговоръ. Но въ памяти старухи остались только смутные обрывки тѣхъ сказаній, какія когда то приходилось ей слышать о запорожцахъ. Вотъ одинъ изъ подобныхъ отрывковъ: „Найшло москаля, яєъ травы. Тоди въ кручу на Пидпыльни такы залызы тры козакы, тай перекыдають бомбы одынъ другому, а дали и важуть кошовому:

позволь, батьку—отамане, москаля протурты. А винъ не позво-
львѣ,—тай то й не стало запорожъя“.

По указанію старухи отправились мы въ одну усадьбу, гдѣ
должны были найти слѣды запорожскаго вала. Напасть на эти
слѣды было не трудно, такъ какъ и теперь валы эти довольно
высоки. Мы обратились къ хозяину одной изъ хатъ, примыкавшей
къ мѣсту, гдѣ валъ этотъ наилучше сохранился. Новый нашъ
собесѣдникъ, человекъ среднихъ лѣтъ, рассказалъ намъ, что въ
этихъ валахъ находятъ много бомбъ, мѣдные „гузи“ (пуго-
вицы), гончарныя люльки, различныя пряжки и т. д.

О запорожцахъ и этотъ нашъ собесѣдникъ не умѣлъ раз-
сказать чтонибудь законченное и правдоподобное. „Харак-
терныки были запорожци, кажутъ стари люде,—та таки, що
посли ихъ и на свити не стало тми поведенці: простелють
було свыту на Пидпильній, поставлятъ барыло зъ горилкою и
коряки заберуть,—сядутъ кружкомъ на свити, пльвуть вуды
треба, и горилку пьютъ. Отаки были запорожци,—вовы щось
зналы“.

Назначеніе осматриваемыхъ валовъ было ясно: эти валы,
оглябая мѣсто Старой Сѣчевой церкви на недалекомъ отъ него
разстояніи, обоими концами опирались въ рѣку Пидпильну; оче-
видно, это были валы, окружавшіе внутренній городокъ Сѣчи.
Подъ конецъ обследованія вала мы заговорили о томъ, что хо-
рошо было бы провести конецъ дня у когонибудь изъ сельянъ,
чтобы услышать воспоминанія о запорожцахъ и старинныя ко-
зацкія пѣсни. Долго перебиралъ нашъ собесѣдникъ въ памяти
покровскихъ цѣвцовъ, и наконецъ остановился на Дубыныхъ.—
„Ота заспивае, якъ схоче,—тамъ такихъ щырыхъ запорожскихъ
писень знае, що и дидь теперъ мало який знае; и гласомъ Богъ
надилывѣ, по батькови,—такий спивака бувъ покойный, що
вславывся на всю округу. Дубыныха, бачте, мени родычекою до-
водится, то часомъ въ кумпанствѣ приходилось писень ии
чуты... Та чи розбере ии охота спивать въ Петривку?“

Пошли попытать счастья.

Дубыныха—вдова, мать большой семьи. Просторная хата,
комора изъ брусевъ, 2 повитки въ глубинѣ двора свидѣтель-

ствоваѣи объ умѣньи Дубыныхъ справляться съ хозяйствомъ; да это видно было и по ея энергичному лицу. Мы пришли въ то время, когда хозяйка занята была приготовленіемъ борошна для печенья хлѣба на другой день. Это въ селѣ важное дѣло, при которомъ не обращаютъ вниманія на случайныхъ гостей. Не записали мы отъ Дубыныхъ ни одной пѣсни; по случаю поста она наотрѣвъ отказалась пѣть, а рассказывать пѣсни на словахъ она не могла, такъ какъ пѣсенныя слова она легко припоминала только при пѣніи.

Поздно вечеромъ мы возвратились въ гостепріимный домъ священника. На другой день мы осматривали бывшую запорожскую бухту, находящуюся неподалеку отъ церкви. Въ настоящее время—эта бухта представляетъ круглое саженой 50 въ діаметрѣ озеро, обмелѣвшее отъ ежегоднаго замуливанія; но узкій протокъ и теперь соединяетъ этотъ слѣдъ бухты съ рѣчкою Пидпильною, такъ что общее очертаніе бухты вполнѣ сохранилось,—маленькій каючокъ и теперь изъ Пидпильной свободно проходитъ черезъ узкій, неглубокій протокъ въ бывшую сѣчевую гавань, куда въ былыя времена заходили и суда греческихъ купцовъ, приплывавшихъ изъ-за моря. Отсюда въ каюкѣ по Подпильной отправились мы въ городище, находящееся близъ Покровскаго въ великомъ лугѣ. Городище очень старинное; такъ прозвали эту мѣстность съ незапамятныхъ временъ.—(Чертевь А., Новая Сѣчь). Городище находится на островѣ, который обтекаетъ съ двухъ сторонъ рѣчка Пидпильна, дѣлающая здѣсь крутой поворотъ на западъ, съ третьей стороны къ острову примыкаетъ протокъ „Похылова ричка“, соединяющая Пидпильну и Базавлукъ, а съ 4-й—узкій въ настоящее время безымянный протокъ, соединяющій Пидпильну съ Похыловою. Островъ этотъ занимаетъ площадь десятинъ въ 50, представляя на большую половину низменность, обыкновенно заливаемую въ весеннее половодье. Остальная часть острова, къ которой и относится названіе „городище“, довольно возвышенна; эта часть острова выступаетъ постепенно поднимающимся мысомъ въ безымянный протокъ между Пидпильною и Похыловою. На возвышенности находится группа небольшихъ могилочъ, по величинѣ не отли-

чающихся отъ обыкновенныхъ могилъ на теперешнихъ кладбищахъ, кромѣ одной, разъ въ 6 большей, чѣмъ современныя могильныя насыпи. Другихъ слѣдовъ пребыванія людей на островѣ нѣтъ. Ни теперь, ни въ прежнее время, сколько запомнятъ Покровскіе старожилы, не находили здѣсь никакихъ остатковъ старины. Наибольшая могила разрыта кладоискателями, но могильныя кости, правдоподобно, не выброшены,—выбрасывать кости изъ могилъ считается здѣсь тяжкимъ грѣхомъ, и если въ поискахъ за кладомъ докапываются до костей, то обыкновенно немедленно снова ихъ зарываютъ. Это городище не описывается ни въ одномъ изслѣдованіи, можетъ быть, потому, что на немъ не сохранилось никакихъ остатковъ далекой старины (могила на городищѣ могутъ относиться къ позднѣйшему періоду запорожья). Но городище это стоитъ вниманія изслѣдователей: быть можетъ, этотъ островъ, лежащій между Пиднильной и Базавлукомъ, и есть тотъ самый Базавлукъ, на которомъ Эрихъ Лассота нашель въ 1594 г. лагерь запорожцевъ.

Изъ городища черезъ великій лугъ мы направились на Базавлукъ съ тѣмъ, чтобы побывать на старожитномъ запорожскомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ с. Грушевка херсонскаго уѣзда. По дорогѣ предположено было завернуть въ одну плавню въ глубинѣ великаго луга, гдѣ сидѣлъ при рыбномъ заводѣ самый старый дѣдъ изъ покровскихъ стариковъ. „Керовнычый“ нашъ, не смотря на свои 14 лѣтъ, оказался большимъ знатокомъ безчисленныхъ протоковъ въ великомъ лугѣ, и каюкъ, искусно направляемый, быстро скользилъ по водѣ изъ одного протока въ другой подъ зелеными вербами, сплошь почти покрывающими низкіе плавневые острова. Мы причалили къ небольшому острову. Возлѣ куреня на солнышкѣ грѣлся сѣдой дѣдъ Иванъ Покотыло, на попски котораго мы и отправились въ плавни.

Дидъ Покотыло пѣть не могъ по старости, а словами пересказалъ намъ двѣ пѣсни особенно любимыя на быломъ запорожьи: „Ой изъ-за горы, зъ лыману витерь повивае“ и „Ой, Боже жъ нашъ милостывый, що намъ, братця, теперь наробылы“.

Немного спустя мы были уже за Базавлукомъ въ селѣ Грушевкѣ. Направились мы къ хатѣ крестьянина Ханенка, въ

усадебѣ котораго осмотрѣли каменный крестъ надъ братчикомъ Григоріемъ Нивитовичемъ. Видѣли здѣсь и другой запорожскій крестъ, стоящій нынѣ на старомъ кладбищѣ. Грушевцы тоже приняли насъ за кладонскателей, допуская, что мы пришли изъ за Дуная, такъ какъ теперь разстояніе не можетъ служить препятствіемъ: „железный кинь скоро домчыть“. Убѣдить въ дѣйствительной цѣли нашего прибытія на запорожское „кышло“ намъ не удалось, и старинной козацкой сабли, хранившейся у одного здѣшняго жителя намъ не показали, повидимому, изъ опасенія, что-бы она не была нами отобрана, что, къ сожалѣнію, случилось здѣсь съ древностями, особенно, если на слѣды ихъ нападалъ кто-нибудь изъ чиновниковъ. Въ семействѣ, гдѣ мы тщетно справлялись о козацкой саблѣ, былъ старикъ, которому считали больше ста лѣтъ. Старикъ этотъ еще свободно двигался, но могъ только дѣтей ниньчить. За этимъ занятіемъ мы и застали его въ садикѣ за хатою. Когда заговорили со старикомъ, онъ какъ будто не понималъ насъ. Только спустя нѣкоторое время старикъ началъ отвѣчать на наши вопросы. Заговорили, наконецъ, о запорожцахъ. Лицо старика засвѣтилось радостью, рѣчь оживилась, и онъ долго рассказывалъ намъ о мести запорожцевъ Савѣ Чалому за руйнованье запорожскаго „гарду“, о походахъ козацкихъ въ Польшу, объ удали запорожцевъ, о богатой добычѣ, съ какой они назадъ возвратились въ свое Запорожье. Рѣчь старика сопровождалась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ речитативомъ текста изъ козацкихъ думъ и пѣсень. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда еще служила ему память, онъ былъ, по словамъ пожилаго уже его сына, большимъ знатокомъ старинныхъ пѣсень и мастеромъ пѣть ихъ. Мы вслушивались съ огромнымъ интересомъ въ это едва внятное пѣніе, переполненное самымъ глубокимъ чувствомъ.

На слѣдующій день былъ осмотрѣнъ нами наружный сѣчевой валъ, защищавшій Сѣчь со стороны степи,—онъ тянется на краю нынѣшняго села Покровскаго, верстахъ въ 2 отъ мѣста старой сѣчевой церкви.

Мы двигались дальше за село по направленію къ плавнѣ (на сѣверо-западъ), куда привлекали насъ слѣды запорожскаго

зимовника у огромнаго стараго дуба, единственнаго на всемъ побережьи покровской плавни. Подъ дубомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ была землянка, можно видѣть теперь почти засунувшуюся отъ времени яму, поросшую крапивою и камышемъ; вблизи этой ямы находится другая продолговатая, вѣроятно, слѣдъ погребка для пчель. Вокругъ этой мѣстности растетъ много старыхъ дивихъ грушъ и замѣтны пни когда-то росшихъ здѣсь яблонь. По дорогѣ встрѣтили мы объѣздчика, который и рассказалъ намъ преданіе объ этомъ зимовникѣ. Преданіе это довольно типично, какъ легенда о кладѣ, и мы его приводимъ.

Въ этомъ зимовникѣ жилъ, будто-бы, очень богатый, но скупой запорожець. Денегъ своихъ онъ не пожертвовалъ ни на церковь, ни въ монастырь, и доживалъ вѣкъ, какъ самый послѣдній сиромеха. Былъ у этого запорожца молодыкъ, присматривавшій за его хозяйствомъ. Этотъ молодыкъ зналъ, гдѣ старый запорожець закопалъ свой кладъ, но зналъ также и то, что кладъ этотъ заклятъ, такъ что и брать его опасно. Когда умеръ запорожець, молодыкъ придумалъ взять окоченѣвшую руку запорожца, чтобы его же рукою взять его кладъ. Разрывая кладъ, знавшій заклинанія молодыкъ приговаривалъ, „чья рука загрибала, та и одгрибае и мени дае“. „На цей часъ, рассказывалъ объѣздчикъ, нагодився запорожець зъ другого зимовника, прогнавъ того молодыка и гроши отдавъ на церковь. Отакъ дидъ було розказують про цей зимовникъ“.—На четвертый день нашего пребыванія въ Покровскомъ оставляли мы это село съ объемистыми тючками, нагруженными пулями, запорожскими кафлями, люльками, древними монетами (башлычеамы), гузами и тому подобными предметами запорожской старины.

Изъ Покровскаго прямая дорога въ д. Капуловку, на мѣстѣ Старой (Сѣрковой) Сѣчи. Въ Капуловкѣ, въ усадьбѣ крестьянина Николая Мизая, находится: „Сиркова могыла“. Могила славнаго запорожскаго кошеваго Сѣрка представляетъ значительный холмъ, въ нѣсколько десятковъ разъ превосходящій величиною обыкновенную современную могилу. Могила, въ чести владѣльца усадьбы, содержится въ большомъ порядкѣ: вокругъ нея разсажены тополи, осокоры и шелковичныя деревья съ кустами

сирени и крыжовника. Могила поросла зеленой травой съ душистымъ „чебрыцемъ“ и выросшею кой-гдѣ стройной нехворощью. На востокъ отъ могилы надъ Чертомлыкомъ раскинулись капуловскія хаты; за Чертомлыкомъ протянулись безконечныя плавни—Великій лугъ, „батько запорожскій“; въ направленіи къ юго-востоку виднѣлись верхушки вербъ, растущихъ на Старой козацкой Сѣчи. Тихо на могилѣ. Только перешептываются листья на осокорахъ, развѣсившихъ свои вѣтви надъ могилой, да созрѣвающіе колосья на полѣ, раскинувшемся къ западу за могилою, будто смущенно переговариваются другъ съ другомъ, будто шепчутся о своей долѣ, которая привела ихъ рости близъ могилы славнѣйшаго козака.

Послѣ могилы Сѣрка посѣщено было нами небольшое запорожское кладбище, на которомъ находится теперь 4 каменныхъ креста, поставленныхъ надъ козаками, опочившими въ 1728 и 1729 году. Здѣсь погребены козаки, умершіе во время „агорянскаго плѣна“, какъ выражались запорожцы о времени существованія запорожскаго на татарской сторонѣ въ нынѣшнихъ Алешкахъ таурической губерніи. Очевидно, они завѣщали себя „поховать въ ридну землю“. О такихъ завѣщаніяхъ говоритъ Скальковскій въ своей исторіи Новой Сѣчи и Стороженко въ своихъ путевыхъ замѣткахъ.

Впослѣдствіи мы встрѣчали въ Капуловкѣ въ усадьбѣ крестьянъ запорожскіе кресты съ чуть примѣтными надписями на нихъ. Подробно они описаны въ запискахъ Стороженка и въ трудѣ Эварницкаго о запорожьи.

Съ запорожскихъ могилъ прямой путь на островъ Старой Сѣчи, которую мѣстные жители называютъ Главною Сѣчью, столицею запорожскою. На Покровскую Сѣчь мѣстные жители смотрятъ, какъ на второстепенный центръ Запорожья. „Настояща Сичъ на острови у Капуловци“, не далеко отъ того мѣста „де Сарко похованный“.

Такой взглядъ на Старую и Новую Сѣчь объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Старая Сѣчь дѣйствительно окружена ореоломъ славы козацкой. Живя въ Новой (Покровской) Сѣчи, запорожское товарищество никогда не достигало той мощи и

значенія у сосѣдей, съ какими являлось оно отъ времени непобѣдимого въ войнахъ Сѣрка и до удалаго Кости Гордѣенка, послѣдняго кошевого на Старой запорожской Сѣчи. Въ Покровской Сѣчи вольности козацкія чѣмъ дальше, тѣмъ больше урѣзывались. Потому и симпатіи тѣснимой и недовольной военной запорожской общины могли быть направлены исключительно къ Старой Сѣчи. Такое отношеніе со времени Новой Сѣчи могло переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію и дойти до нашихъ дней. Къ тому же Старая Сѣчь особенно богата различными остатками старины, какъ современной запорожской, такъ и относящейся къ предшествующимъ эпохамъ, не различаемымъ теперешними жителями Сѣчей.

На сѣчевомъ островѣ еще и теперь находятъ очень много монетъ то изъ низко-пробнаго серебра, то изъ металлическаго сплава, имѣющаго видъ олова; преобладаютъ монеты татарскія второй половины 16-го и первой половины 17-го вѣка: изрѣдка встрѣчаются монеты литовскихъ князей (Витовта) и царей русскихъ (Ивана Грознаго, Петра Великаго и проч.). Эти монеты вываливаются изъ острова въ рѣку, и на берегу р. Лопанки послѣ половодья капуловскія дѣти обыкновенно собираютъ ихъ въ значительномъ количествѣ. Въ д. Капуловкѣ мѣстные жители тоже довольно часто находятъ стрѣлы разныхъ величинъ и видовъ, древнія кольца и пряжки, рукоятки кинжаловъ, наконечники копій и проч. Всѣ эти предметы, между которыми встрѣчаются относящіеся къ бронзовому вѣку, мѣстными жителями принимаются за запорожскую „старину“ и еще больше увѣриваютъ авторитетъ Старой Сѣчи.—Э! тутъ Сичъ была не проста,—разсказывалъ намъ въ Капуловкѣ одинъ старикъ,—якъ почнуть було отъ съ того боку зъ Мамаевой горы (Мамай Сурка—гора на Таврической сторонѣ противъ Капуловки) палыть татары, то кошевый було выйде, подывытся, закруте носомъ, тай каже: тай воняють же вражи сыны! (тобъ то татары). А нуте лишъ, хлопци, возьмить гакивныци та задайте имъ доброго перцю!“

Названіе „Сиркова Сичъ“ приурочивается теперь исключительно къ небольшому острову, возвышенному на сѣверо-западъ и низменному въ юго-восточной своей части. Островъ этотъ

находится въ Великомъ лугѣ на виду д. Капуловки; отъ берега, гдѣ расположена Капуловка, отдѣляется о-въ широкимъ протокомъ Днѣпра рѣчкой Лапанкой, омывающей западную сторону острова; сѣверо-восточная часть острова омывается Чертомлыкомъ, восточная—рѣчкою Скарбною, представляющею близъ острова неглубокое мѣсто, извѣстное также подъ названіемъ Скарбнаго; южная часть острова омывается очень глубокимъ и необыкновенно быстрымъ протокомъ Днѣпра, рѣчкою Павлюкомъ. Сѣчевой островъ лежитъ, такимъ образомъ, на средоточіи днѣпровскихъ протоковъ въ великомъ лугѣ. Мѣстные старожилы говорятъ, что въ старину за время Сѣрка островъ этотъ былъ возвышеннымъ мысомъ, далеко выдающимся въ великій лугъ; при отакованіи Сѣчи, при кошевомъ Костѣ Гордѣенкѣ, запорожцы перерѣзали мысъ со стороны степи глубокой канавой,—съ того времени и образовался здѣсь сѣчевой островъ. Протокъ между капуловскимъ берегомъ и островомъ долгое время былъ не широкимъ и не глубокимъ,—умершіе не такъ давно старики и старухи переходили на островъ по кладкѣ. Неширокая сперва рѣчка Лапанка обратилась въ очень внушительную по ширинѣ и глубинѣ рѣчку на глазахъ современныхъ старожиловъ д. Капуловки. По разсказамъ этихъ старожиловъ, сѣчевой островъ въ прежнее время былъ значительно больше по пространству; но съ каждымъ годомъ его все больше и больше размываютъ многоводные днѣпровскіе протоки. Въ послѣдніе годы размывается сѣчевой островъ не такъ сильно, такъ какъ по краямъ его выросли вербы, скрѣпляющіе корнями материкъ острова; вербы и осокори теперь, какъ вѣнокъ, окружаютъ сѣчевой островъ. Но и оточенный деревьями островъ, занимающій площадь около 5 десятинъ, все же размывается, и если не принять мѣръ, то одинъ изъ важнѣйшихъ южно-русскихъ историческихъ памятниковъ съ теченіемъ времени можетъ быть окончательно размытъ днѣпровскими водами. На возвышенной части острова, и теперь представляющей „кручу“, поднимающуюся надъ водою до 4 сажень, по преданію, стояла до передвиженія запорожцевъ въ Алешки сѣчевая церковь. Отъ нея не осталось и слѣда. Видны теперь въ этой части

острова, два вала длиною сажень въ 15 съ примыкающими къ нимъ совсѣмъ почти осунувшимися рвами, и нѣсколько ямъ, вырытыхъ, правдоподобно, руками кладонскателей. Эта обнаженная поросшая полынью часть острова и теперь выразительно возвышается среди плавней, потянувшихся къ югу и востоку за край горизонта. Почва на островѣ сплошь песковатая; верхній слой возвышенной части острова, по всѣмъ видимостямъ, насыпной: нѣсколько лѣтъ назадъ копали здѣсь яму для ледника, и въ глубину до 2 сажень копали рупенную землю; признакомъ такого происхожденія сѣчевой кручи служитъ также то, что на этой части острова совсѣмъ не растетъ трава. Недавно были попытки еврея арендатора рыбныхъ ловель построить на сѣчевомъ островѣ рыбный заводъ; постройка эта была пріостановлена, такъ какъ сѣчевой островъ, какъ историческій памятникъ, составляетъ государственное достояніе.

Въ огородахъ капуловскихъ крестьянъ намъ пришлось затѣмъ видѣть слѣды сѣчевыхъ валовъ и почти заровнявшіяся уже ямы, гдѣ стояли, по преданію, запорожскіе курени.

Плавни Великаго луга представляютъ чудную картину въ іюньское утро. Все здѣсь, вмѣстѣ съ только что вставшимъ солнцемъ, дышетъ спокойствіемъ. Зеркальная поверхность воды также неподвижна, какъ и отражающіяся въ ней вербы и протянувшееся надъ ней голубое небо и легкій нѣжный ласкающій воздухъ свѣжаго утра. Вдали турчатъ дикіе голуби, соловьи разливаются самыми разнообразными трелями; вотъ закувала кукушка, гдѣ-то въ тростникѣ закахкала дикая утка,—все пространство плавней, куда достигаетъ глазъ и слышитъ ухо, звучитъ дивнымъ концертомъ; только тоскливый голосъ „кряка“ да пронзительный крикъ иволги время отъ времени нарушаютъ этотъ чудный концертъ. Прозрачныя воды днѣпровскихъ протоковъ неподвижны. Время отъ времени болотное насѣкомое коснется гладкой поверхности воды и, упавъ на воду, образуетъ концентрическіе круги, которые все растутъ и растутъ и затѣмъ исчезаютъ; изрѣдка какая нибудь рыба плеснетъ на поверхности воды и на время оставить на ней свой свержающій слѣдъ, а тамъ опять все спокойно. Солнце уже поднялось и смотреть съ

высоты лазурнаго неба. По прежнему все кругомъ неподвижно, какъ и тотъ прибрежный камень-великанъ, къ которому при-слонился каюкъ рыболова. Камень, извѣстный подъ названіемъ „Строцева камня“, вполне гармонируетъ съ нѣмой картиной Великаго луга, когда съ наступленіемъ дня умолкаютъ пернатые обитатели плавней. Сложилъ ли свою голову у этого Камня Строць, сраженный татарами, или скрывалъ здѣсь свое добро въ трудное время для сѣчеваго братства, или по другой какой-либо причинѣ названъ такъ камень въ Скарбномъ, объ этомъ ничего не говоритъ народное преданіе.

Вечеромъ мы были въ хатѣ Федосія Ткаченка; въ сѣняхъ пылалъ яркій огонь „на кабыци“ передъ которой на низенькихъ скамеечкахъ и вербовыхъ обрубкахъ кружкомъ сидѣло за ужинномъ цѣлое общество, состоящее изъ двухъ крестьянскихъ семей и насъ двухъ. Шли разговоры о рыбѣ, объ арендныхъ платахъ. Кацуловская рыба въ вяленомъ видѣ, а иногда свѣжая отправляется въ города Никополь, Александровскъ и другіе. Мало по малу разговоръ перешелъ на тему обычную, когда бывають на мѣстахъ запорожск. Сѣчей „городовыки“,—тему о запорожцахъ. Сосѣдъ нашего хозяина Федосія рассказалъ, что онъ слышалъ отъ своего отца о сѣчевикахъ. Онъ рассказывалъ объ ихъ удали и молодечествѣ, о тѣхъ гульбищахъ, какія устраивались въ Сѣчи послѣ того, какъ козаки возвращались съ богатой добычей изъ турецкой или татарской стороны. Просидѣли мы тамъ до поздней ночи, и крѣпителенъ былъ сонъ подъ „пологомъ“ близъ хаты, подъ развѣсистой грушей. Пологи здѣсь являются незамѣнимыми приспособленіями противъ комаровъ.

На слѣдующій день мы предполагали быть на пасѣкѣ дѣда Гопа, но такъ какъ уже наступила жатва, то намъ не удалось подыскать спутниковъ, которые съумѣли бы пробраться по безчисленнымъ протокамъ въ плавняхъ, къ мѣсту его пасѣки. Дѣдъ Гопъ, по слухамъ, интересовалъ насъ знаніемъ старинныхъ запорожскихъ пѣсенъ и своею необычною для старика веселостью.

Вотъ отчего мы весь этотъ день проходили по селу, знакомясь съ Кацуловкою и ея жителями. Древности всякаго рода,

у кого онѣ были, показывались намъ непринужденно и обыкновенно уступались за небольшую плату. Попало къ намъ нѣсколько предметовъ запорожскаго быта: рукоятка кинжала, наконечникъ „спыса“ и пр.

Осмотрѣли мы Капуловскія хаты, которыя въ архитектурномъ отношеніи и по убранству не отличаются отъ хатъ, обыкновенно встрѣчающихся въ Полтавщинѣ, откуда преимущественно и переселились въ Капуловку предки нынѣшнихъ жителей этой деревни. Большинство Капуловцевъ, несмотря на благоприятныя природныя условія мѣстности, крайне бѣдны. Объясняется это тѣмъ, что здѣшніе крестьяне не привыкли смотрѣть на хлѣбопашество, какъ на главную статью хозяйства, и ведутъ въ большинствѣ случаевъ незначительную запашку, чему способствуетъ отчасти и 4-хъ—десятинный надѣлъ ихъ, занимающій неполнѣ удобную для хлѣбопашества землю. Прежде имъ свободнѣе было заниматься рыбною ловлею и охотой, а также пользоваться топливомъ и сухимъ кормомъ для скота изъ Великаго луга, въ которомъ къ тому-же въ прежнее время и выпасы для скота были вольны. Въ послѣднее десятилѣтіе экономическія условія для капуловцевъ значительно измѣнились къ худшему: всѣ рыбныя ловли заарендованы, охота не свободна, за каждую копну осоки нужно платить, и выпасы обходятся дорого... Хозяйства Капуловцевъ въ настоящее время переживаютъ кризисъ вслѣдствіе невозможности получать обезпеченіе изъ Великаго Луга и непреодолимой трудности для большинства капуловскихъ хозяйствъ обезпечить себя хлѣбопашествомъ въ размѣрѣ, достаточномъ для удовлетворенія текущихъ нуждъ.

Въ послѣдній день нашего пребыванія въ Капуловкѣ Федосій Ткаченко устроилъ званый вечеръ, на который онъ пригласилъ сосѣдей съ козацвой, какъ онъ выразился, „удачей“. Цѣли старыя козацкія пѣсни, одну изъ которыхъ въ новомъ варьянтѣ мы помѣстимъ въ слѣдующей книжкѣ.

Л. Падалка.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЬ СОЛОМОНЪ.

„Ще царь Соломонъ и на свитъ не народывся, а вже почавъ войну въ черевѣ своей матери. Маты за те дуже ёго не любыла и якъ породыла та подывылася на свое дытя, то сказала:

— Ой, певне зъ ёго ничего не буде... На що воно судне?..

Вона приказала поклыкаты кухара и сказала кухару:

— На, оце дытя, зарижь его, выймы сердце, зготуй, то я зьимъ. Кухарь взявъ, понисъ дытя на кухню ризаты, а Соломонъ каже:

— Не робы ты того, пошкодуй... Зарижь лучше собаку, ад выймы сердце и зготуй мой матери, а мене отдай ковалю. То и маты найистя и мени буде добре.

Кухарь такъ и зробывъ: зловывъ собаку, заризавъ еи, доставъ сердце, зготувавъ и прынисъ до дворця, а Соломона то отдавъ ковалю, пошкодувавъ...

Несе винъ страву до царицы.

— Ой, не несы, каже цариця... Собака бувъ, то собакою и смердыть. Визьмы выкинь собакамъ.

Кухарь выкинувъ. Прыйшовъ царь зъ походу. Дошла до ёго чутка, що цариця вродыла сына. Поспишивъ винъ до-домы тай пытае:

— Де мій сынъ? каже.

— Понесли ёго въ теплу воду помыты, каже цариця, а tymъ часомъ поклыкала вона кухара и сказала ему:

— Я чула, що у нашего коваля вродывся сынъ. Бижи хутнійшь и визьмы ёго до дворця. Скажи, що царь такъ прыбазавъ.

Той такъ и зробывъ, бо въ коваля таки въ той часъ вродывся сынъ. Подывывся батько на сына:

— Гарный, каже, хочъ и не выдае ни на мене, ни на матусю. Щобы се таке значило?

Ничого. Отъ, росте коваливъ сынъ у царя, а царскій сынъ Соломонъ у коваля. Пройшовъ де якій часъ... Повыросталы вже чималмы диты. Коваливъ сынъ у царя вйшовъ дурный; учать ёго, учать—винъ ничого не тямить; а царскій сынъ у коваля зъ каждымъ днемъ стае все розумнійшимъ... Якъ дошовъ Соломонъ до литъ, то, бувало, пожене зъ хлопцями товаръ пасты на поле и крычить:

— Гей хлопци—молодци! Нехай товаръ соби самъ па-сется, а вы збирайтеся до мене. Будемо въ москали учитыся...

Сберутся хлопци. Винъ ихъ всихъ поставыть въ шеренгу и давай ихъ муштруваты и направо, и наливо... Звычайно, якъ-же въ москаляхъ учатся: и сюды, и туды, и направо кругомъ.

Ажъ йиде разъ царь зъ своимъ сыномъ коло того мисца и бачить, Якъ Соломонъ зъ хлопцями справляется. Казавъ фурману статы, и здывовався.

— Чій ты сынъ? пытае.

— Коваливъ.

Царь ще бильше здывовався, що у коваля такій сынъ.

А царскій сынокъ седыть въ брычци и не дывытся на москаливъ, а поглядае соби въ лись.

— Тату, каже, я хочу въ лись.

Царь приказавъ, щобъ фурманъ йихавъ въ лись. Пойихалы воны въ лись. Зобачивъ сынокъ товсту сосну, тай каже до батька:

— Правда, тату, що зъ сеи сосны було-бъ добре уголье?..

Звычайно, коваливъ сынъ про свое и пытае, до своего кортыть. Царь дуже розсердывся и казавъ йихаты назадъ, до-домы. Йиде и все думае: „що то таке значить, що у мене сынъ такій дурный, а у коваля розумный?“

Ничого. Отъ, грався разъ Соломонъ зъ хлопцями въ вйсько, и не вгодывъ ему еденъ хлопецъ. Ставъ хлопецъ дуже сперычатыся зъ нимъ за щось тамъ таке... Соломонъ дуже роз-

сердывся и приказавъ того хлопця повисыты на смерть. Повисылы хлопця. Дошла чутка до батька, що его сына повисылы. Пишовъ батько до царя и скаржится:

— Такъ и такъ, каже, коваливъ сынъ мого сына повисывъ. Засуды ёго по закону. А то одъ ёго хрещеному миру житья не буде.

Царь приказавъ своимъ слугамъ поклыкаты Соломона. Прийшылы до Соломона царски слуги и влычуть:

— Царь, кажутъ, приказавъ...

— А що мени царь? отвитывъ Соломонъ. Царь те саме, що и я. Не боюся я вашого царя. Не велька винъ мація.

Прийшылы тни тай кажутъ:

— Не хоче иты Соломонъ. Я, каже, самъ соби царь.

Тоди царь посилае другій разъ вже не слугъ, а своего начальчыка, що управлявъ дворцемъ.

— Прыведы, каже, его непременно.

Пишовъ управляющій. Соломонъ въ те саме время грався въ москали. Начальникъ передавъ ему царскій приказъ.

— Скажи царю своему, отказавъ Соломонъ, що я учу своихъ москаливъ и що мени нема часу, а якъ кончу ученіе, то може прійду.

Такъ и передалы царю. Царь пытае жинки:

— Що то таке, що нашъ сынъ то такеій дурный, а коваливъ такеій розумный?

— Чи я знаю...

Жде царь Соломона. Не иде Соломонъ, тай годи... Нема що, треба самому царю до его йты. Иде царь на поле до Соломона.

А Соломонъ не хтивъ бачытыся зъ царемъ, передягнувся за старця и втикъ.

Шукавъ царь Соломона, шукавъ... и догадався напоследокъ, що то чоловікъ не простый, бо дуже щось розумный и занадто хитрый. Казавъ винъ зибраты всехъ князивъ, графивъ зъ цілого своего царства и дати раду, якъ бы то пойматы того хлопця ковалёвого сына. Зобрались князи и графы зъ цілого царства. Посадывъ ихъ царь за стіль, нибы обидаты, чи що, и казавъ

даты имъ дуже довгїи ложки, такъ що набраты въ ложку можно, а до рта достаты—а ніякъ, бо дуже довга ложка. Сыдять графы, думаютъ, думаютъ, захочется имъ йисты... набраты—наберутъ, а зъисты—неможна до рта дотягты. Що тутъ робыты? Ажъ входить до нихъ, въ дворець старенькій дидокъ и просыть „Христа ради“, хлиба шматокъ.

— Ой, иды соби, сто-недуга, кажутъ ему лыхи графы, бо отъ мы хоть и велики паны хочемо йисты, та не можемо, а ты такій сякій волоцюга!

— Хоть я и волоцюга, каже Соломонъ, бо то бувъ винъ, але розумнійшій видъ васъ панивъ; а вы хоть и велики паны, а про те дурны. Такій предъ вами добрый обидъ и не знаете, якъ его зъисты.

— А щожъ мы зробымо, колы таки провляты ложки. Ось дывысь...

— А вы еденъ другому въ ротъ ложкою черезъ стиль, тай найистеся.

Графы здывовались. „Ото, думаютъ соби, стильки седьмо та думаемо, а не догадалыся такой простой ричи“. Такъ вони и зробылы. Сталы вони соваты еденъ другому ложкою черезъ стиль тай найилыся. Найившыся пытають старця,—повеселїйшалы трохи,—звисно чоловікъ найистеся.

— Ну, колы ты такій розумный, кажутъ, то скажи намъ ще одну ричь: якъ намъ слыты того Соломона, ковалевого сына и де винъ теперь живе?

— Розумны люде перше нагодують чоловіка, потымъ пытають; а вы перше пытаете. Такъ не годытся... каже имъ Соломонъ.

Нагодовалы вони Соломона и зновъ пытаются его, якъ бы то зловыты того Соломона и де винъ теперь живе?

Дойивъ Соломонъ мыску зъ борщомъ тай пытае ихъ:

— Бувъ тутъ борщъ и булы галушки?

— Булы, кажутъ графы.

— А теперь нема?

— Ну, нема.

— Отъ такъ и Соломонъ бувъ винъ тутъ, тай нема.

Взявъ свою клюку и, опираючись, вставъ и пишовъ помалу, нибы и взаправди старый дидокъ, що просыть мылостыню.

Ажъ входить царь въ дворець, бачить—все изъидено.

— А хто вамъ показавъ йисты? пытае.

— Старый дидокъ якійсь бувъ, то винъ показавъ.

— А що винъ казавъ?

Тыи розказалы.

— То бувъ самъ Соломонъ, каже царь. Чому вы его не затрималы?

И давъ царь прыказъ, щобъ по цилому его царству було шукано Соломона—старого дидка. А Соломонъ, провидавши про тее, перебрався за купця и йиздыть соби по свити.

Казавъ царь золотого плуга зробыты и склыкавъ всякъхъ золотаривъ зъ цилого царства, щобъ оцинылы того плуга, щобъ узналы, чи е ему—тому плугови—яка цина, чи нема. Отъ, зобралыся на раду золотари и здывовалыся:

— Нема, кажуть, ему цины на земли. Ще такого плуга и на свити не було, такого дорогого. Що може быты дорожше такого плуга?

Але трапывся тутъ еденъ заморьскій купецъ, подывывся винъ на плуга, тай каже

— Ничого сей плугъ не вартъ, бо имъ не можна земли робыты. Хлебъ а вода—дорожче сего ни нащо нездатного плуга.

Подывовалыся золотари, попробовалы ораты, неможна ораты, бо золото мяене и не може ворочаты землю такъ, якъ железный плугъ.

— А таки правда, кажуть, не можно ораты. Що жъ намъ зъ нымъ робыты?

— А що робыты? Визьмить его да продайте, то будете маты добры гроши.

Такъ и зробылы. Ажъ прыйшовъ царь.

— Ну, що? пытае.

— Плугъ ничого не вартъ, кажуть ему, бо якъ бы винъ бувъ железный, то-бъ имъ можно-бы ораты, а золотый ни на що не здатный.

— Хто вамъ се сказавъ?

— Еденъ купецъ, тутъ бувъ...

— Чому жъ вы его не затримали? Тожь-то бувъ Соломонъ.

Давъ царь другій приказъ, щобъ такого-то и такого купця затримати, якъ хто встрине де-небудь. Сталы шукаты, не можна найти купця, бо Соломонъ вже перебрался за иншого, за майстра. Повисывъ соби пылу, взявъ долото, сокиру и пишовъ шукаты роботы, звычайно майстеръ.

Прошовъ рикъ. Приказавъ царь строиты соби новый дворець. Складывавъ всехъ майстривъ зъ цилого свита и почалы воны роботу.

Прыйшлося оброблюваты камни, щобъ класты ихъ въ стину. А камни булы велики и дуже тверды, и ништо не знавъ, якъ ихъ обшлифоваты. А Соломонъ надійшовъ, подивывся.

— Тыфу, каже, велика мація. Ци каминя ничего не вартъ обробыты.

— Дуже ты розумный, кажутъ ему. А ну, попробуй!

— А що мени за те дасте?

— 100 рубливъ.

— Добре.

Прымоствися Соломонъ. Доставъ зъ запазухи такого камня,— бувъ, бачте, въ его такій кампль—шлифиръ, що имъ каминня шлифують. Ну, то доставъ винъ того камня, прымирывъ... Поведе разъ—сторона и одлетыть, поведе другій—и другая одлетыть. Такъ и обшлифовавъ.

— Ото, лыхо ма, кажутъ муляри, тожь то мы стилькы взылыся—монялыся коло тыхъ камнивъ и ничого не могли зробыты, а винъ такъ хутко справывся

— Якъ ты называешся?—питають его.

— Я премудрый майстеръ, каже Соломонъ, бувъ бы ще премудрійшій, якъ бы нашовъ бильшь такихъ дурнивъ, якъ оце вы...

Нема що, треба дати ему сто рубливъ. Далы. Взявъ гроши Соломонъ и втикъ. Розказалы царю про такого-то майстра. Розсердывся царь, що его не затримали.

Дали, ще розказують, що Соломонъ достававъ морську глыбину въ желізній дижци, на ланцугу. И якъ шовъ на дно, то попавъ на рака, а думавъ що на корчи. Ракъ каже:

— Премудрый Соломонъ, чого хочеш—того не доставнешъ, бо якъ черкну своюю клешнею, то ты тутъ на дни и останешся.

— Ничого, каже Соломонъ, я выберуся. Якось то воно буде.

Ракъ якъ черкнувъ, ланцуга перетявъ, Соломонъ и остався въ мори. Думае, якъ бы то ему теперь выбратися. Ажъ плыла щука рыба, морська,—дуже великая; зобачила, що Соломонъ въ дижци сидыть.

— Премудрый Соломонъ, каже морська щука, я тебе глыну тай зымъ и пропадешъ и слиду твого не буде на земли.

— Ничого, каже Соломонъ, не пропаду. Якось то воно буде.

Глынула щука рыба чрезъ свою пасть и опенився Соломонъ въ рыби. Начавъ винъ въ середини дуже пекты, щука и здохла. Море стало граты, мертва щука и выплыла на верхъ. Йихалы рыбаки. Соломонъ ставъ имъ крычаты, щобъ его ратовалы. Вони почулы, зловылы щуку, распоролы живота, ажъ тамъ Соломонъ. Такъ винъ и спасся...

Потимъ, Соломонъ задумавъ змираты высоту небесную. Зловывъ винъ велику пташку, сивъ на ней, взявъ зъ собою дванадцать бочокъ мяса, тай полетивъ. Летивъ, летивъ тай добрався вже до самого неба. Ажъ обзывается хтось зъ неба.

— Премудрый Соломонъ, каже хтось, дуже далеко вже ты залетивъ. Пропадешъ ты тутъ зовсимъ, бо якъ спыхну я тебе зъ неба, той твои кости розсыплются.

Ставъ летиты Соломонъ назадъ и все кормыть свою пташку мясомъ. Колы не хватае вже пташци мяса.

— Премудрый Соломонъ, каже пташка, давай мени мяса, бо я не здужаю, не втримаю и цущу тебе.

А мяса вже нема, все вышло. Отъ Соломонъ одризавъ лытки у своихъ ногъ и дае пташци.

— Яке смачне мясо, каже пташка, ты скільки не дававъ, то ще такого не було. Ще давай мени.

— Колы нема. То послідне.

— Ну, колы нема то пуцу и пропадешь.

— Ничого, якость то воно буде.

Ставь скидаты птахъ Соломона зъ своей слыны, а Соломонъ ухватывся за хвоста. Не можна его скынуть а-нигъ. Тавь и долетивъ до земли. Птахъ той здохъ, а Соломонъ остався живъ.

— То що?!... То ще розказують, що нибы премудрый Соломонъ мирявъ свить, хтивъ, бачте, найты, де ему кинець. Пишовъ въ одну сторону, а вернувся въ другую, обійшовъ кругомъ и сказавъ, що свиту винця нема, що свить безконечный. Оттого-то Соломона и малюють на книжкахъ завше зъ кружкомъ на голови, якъ нибы яблоко¹⁾.

Дуже розумный бувъ Соломонъ—напысавъ винъ велику книжку зъ свого розуму и въ тій книжци перепысавъ все, що есть на свити божому: и звиривъ, и птахъ, и всяке болото на земли. И всихъ чортивъ—то винъ также перепысавъ. „Мій батько перепысавъ, каже, всихъ людей, а я чортивъ всихъ запышу“. Въ его бувъ ще такой перстень и въ тому перстени була велика сыла надъ чортами. Надъ птыцами и рыбами винъ мавъ также велику сылу. Перевертався винъ, якъ треба було, и въ щуку, и въ сокола, и въ лебеда, и во все, що хтивъ. Языкъ пташки и всякого звира винъ также досконально знавъ. Знавъ винъ вси прыговоры, заговоры, вмивъ личиты всяку хоробу лучше надъ всякого фершала. Знавъ Соломонъ колы буде кинець свита, але никому того не казавъ. И суды всяки винъ розважувавъ межъ звирами, мовъ межъ людьмы. Якъ часомъ коняка зъ конякою, або собака зъ собакою сперычатыся стануть, заразы—до Соломона. Винъ розсудыть и що прыкаже, такъ завше по его и выйде. Звири его завше слухалы, мовъ люде свого царя. Вмивъ винъ

¹⁾ Нельзя сказать, чтобы гадальниа книжки лубочнаго изданія съ изображеніемъ Соломона были очень распространены въ ровенскомъ уѣздѣ среди простаго народа. Эти книжки хотя привозятся на ярмарку въ значительномъ количествѣ, но раскупаются народомъ въ очень небольшомъ количествѣ, такъ какъ охотниковъ до печатнаго слова пока еще очень мало въ народѣ, слабо чувствующемъ влеченіе въ грамотѣ. „Салимона“ (такъ называетъ польскую гадальную книжку) астрѣчаютъ шрѣдка въ грамотной семьѣ.

ризы загадки загадоваты и огонь зъ земли добуваты, и вирѣвки зъ писку плесты и нитки зъ дыму сукаты и ризне... ризне...

То все запысано въ тыхъ книжкахъ, що премудрый Соломонъ напысавъ, але ты книжки давно загубылыся. Але колысь то воны найдутся. Якъ ихъ вже найдуть, то люде зъ того часу мабуть порозумнійшають трохи“.

(Записано въ м. Степани, ровенскаго уѣзда, волинск. губ.).

II.

Народная фантазія издавна съ особенною любовью останавливалась на Соломонѣ. Ни одно библейское лицо ветхаго заѣта не сосредоточивало на себѣ столько вниманія народа, какъ царь Соломонъ. Названіе этого царя сдѣлалось ходячимъ, нарицательнымъ именемъ—символомъ необыкновенной мудрости.

Что способствовало обилію народныхъ вымысловъ о Соломонѣ?

Во первыхъ, большая типичность этого царя сравнительно съ другими библейскими лицами. Личность и дѣянія Соломона въ Св. Писаніи эпически опредѣлены, психологически закончены.

Во вторыхъ, характеръ Соломона, выдающійся изъ ряда библейскихъ характеровъ. Житейскій тактъ, богатство пракческаго смысла, столь необходимаго въ обыденной жизни, — составляютъ отличительныя черты этого характера. Въ дѣянїяхъ царя Соломона много точекъ сопрякосновенія съ дѣйствительностью, съ жизнью, съ бытомъ. По библии, царь Соломонъ, на примѣръ, очень богатъ. Народъ развилъ эту черту и свои идеальныя мечты о богатствѣ, о лучшемъ имущественномъ бытѣ воплотилъ въ своемъ богачѣ Соломонѣ. Далѣе, царь Соломонъ—практикъ, его никто не обойдетъ, скорѣе онъ всѣхъ обойдетъ, „надуеъ“. Практическая мудрость, именно въ этомъ площадномъ, обыденно-житейскомъ смыслѣ, и представляется для крестьянина особенно желанною. Крестьянину, при его невѣжествѣ, приходится самому до всего доходить своимъ разумомъ и извиваться въ жизни на всѣ лады... Крестьянинъ, какъ извѣстно, не задумается солгать, притвориться незнающимъ того или другого,

вообще, поступить смотря по обстоятельствамъ, если это нужно. Эти потребности житейскихъ увертокъ прекрасно символизированы въ народномъ Соломонѣ. Соломонъ, по смыслу народныхъ сказаній, является самымъ идеальнымъ практикомъ въ ходячемъ смыслѣ этого слова. Нужды нѣтъ, что многіе поступки его практики носятъ далеко не безупречный характеръ въ нравственномъ смыслѣ... Далѣе. Царь Соломонъ особенно хорошо суды судить. Онъ обладаетъ именно тою судейскою мудростью, какой, по взгляду крестьянина, такъ недостаетъ въ томъ судѣ, въ который онъ идетъ судиться. Въ судахъ Соломона мы не видимъ ни юридической подготовленности, ни формальныхъ проволочекъ, ни какихъ либо канцелярскихъ осложнений; судъ дѣлается просто, т. е. именно такъ, какъ народъ желалъ-бы, чтобы онъ производился и въ настоящее время. Особый видъ премудрости царя Соломона народъ видитъ въ пониманіи имъ тайнъ природы, въ умѣнны владѣть ея силами, въ заклинаніяхъ, въ заговорахъ, въ леченіи разныхъ болѣзней, въ умѣнны изгонять демоновъ, въ чтеніи и составленіи книгъ (составленіе книгъ—это недостижимая для народа степень мудрости) и, наконецъ, въ пониманіи языковъ звѣрей, птицъ, въ подчиненіи ихъ своимъ прихотямъ и въ знаніи будущаго. И все это перенесено на Соломона—идеаль мудрости. Онъ и лѣчитъ, и заклинаетъ, и изгоняетъ демоновъ, и книги разныя составляетъ, и языкъ птицъ, звѣрей знаетъ; онъ пользуется ими какъ хочетъ: летаетъ на птицѣ, плаваетъ въ щукѣ; наконецъ, онъ знаетъ все будущее... И не даромъ оракуль лубочнаго изданія называется въ народѣ Соломономъ.

Общимъ основаніемъ для перенесенія на Соломона всего, что считается мудростью на землѣ, могли служить слова священнаго писанія, такъ характеризующія Соломона: „и даде Господь смыслъ Соломону и премудрость многу зѣдо... и исполния разума Соломонъ паче разума всѣхъ древнихъ сыновъ и паче всѣхъ мудрыхъ египетскихъ. И изглагола Соломонъ три тысящи притчей и быша пѣсни его пять тысящъ. И глагола о древахъ, отъ кедра, иже въ Ливанѣ, и даже до иссопа, исходящаго изъ стѣны, и глагола о скотѣхъ и о птицахъ и о гадахъ и о рыбахъ. И прихождаху вси людіе слушати премудрость

Соломона ¹⁾“. Каждую черту библейскаго текста народъ развилъ въ своихъ разсказахъ. Идолопоклонство Соломона не вошло въ составъ характеристическихъ чертъ народнаго представленія о Соломонѣ. Эту черту народное сказаніе оставляетъ, на нее почти не обращается вниманія. Почему? Потому что эта черта не имѣетъ практическаго значенія въ общемъ типѣ царя, даетъ мало точекъ сближенія съ дѣйствительностью. Въ фантастическомъ образѣ Соломона только то жизненно и поддерживается народной фантазіей, что болѣе или менѣе практично и вытекаетъ изъ обыденныхъ интересовъ жизни, тѣсно связано съ его житейскимъ бытомъ. Въ этомъ—особенность сказанія о царѣ Соломонѣ сравнительно съ другими народными сказаніями, напр., съ сказаніемъ о Христѣ, антихристѣ и др. Въ этихъ послѣднихъ сказаніяхъ болѣе отразились особенности *теоретическаго* міросозерцанія народа; въ сказаніяхъ о Соломонѣ вылились, главнымъ образомъ, его *практически-жизненные* идеалы.

III.

Древнія сказанія, съ которыми соединено имя Соломона, сначала существовали независимо отъ библейской почвы. Они имѣютъ длинную исторію. Начавшись своей основой въ неясныхъ, туманныхъ сагахъ дальняго востока—въ буддійскомъ и иранскомъ эпосѣ, они, подъ вліяніемъ библейской исторіи, приняли болѣе опредѣленные очертанія и перешли въ Европу съ именемъ Соломона. Библейскія историческія сказанія о Соломонѣ въ связи съ восточными легендами дали матеріалъ для талмудическихъ сказаній. Евреи талмудисты детально разработали соломоновскія сказанія и внесли въ нихъ немалую долю своихъ произвольныхъ вымысловъ. При своей крайней, уродливой фантастичности, талмудическія сказанія о Соломонѣ отличаются еще мелочностью и педантизмомъ, на который особенно былъ способенъ умъ буквалиста іудея. Талмудическія сказанія въ свою очередь дали основаніе, съ одной стороны, магометанскимъ сказаніямъ и вошли

¹⁾ 3 Царств II, 35; IV, 29—34.

въ Коранъ, а съ другой, не остались безъ вліянія на складъ христіанскихъ апокрифическихъ сказаній. Сказанія о Соломонѣ являются на западѣ раньше, чѣмъ на востокѣ. По разысканіямъ А. Н. Веселовскаго, апокрифы о Соломонѣ становятся извѣстными въ концѣ V вѣка и уже въ это время римская церковь возстала противъ этихъ сказаній¹⁾. Въ западной литературѣ апокрифическія сказанія о Соломонѣ дали романскому воображенію неистощимый матеріалъ для разныхъ легендарныхъ сказаній и вошли въ разные сборники,—напр., въ „Gesta Romanorum“, въ французскіе—„Contes“ и „Fabliaux“. Эти же сказанія составили предметъ средневѣковыхъ мистерій. Папы запрещали распространеніе сказаній о Соломонѣ и вносили ихъ въ „Index librorum prohibitorum“²⁾. Что касается нашихъ славянскихъ сказаній, то письменныя повѣсти о Соломонѣ въ видѣ болѣе или менѣе цѣлаго связнаго разсказа встрѣчаются въ славянскихъ хронографахъ и палейхъ очень рано—въ XIV—XV вв. Какъ излюбленные сюжеты воображенія, эти повѣсти пережили длинный процессъ своего эпического развитія и въ XVII в. приняли форму цѣлаго пестраго романа, полнаго анекдотовъ, прибаутокъ, загадокъ, замысловатыхъ реченій и пр. Раньше, чѣмъ сказанія вошли въ составъ письменной литературы, они были предметомъ народныхъ устныхъ разсказовъ. Но въ какое именно время эти сказанія вошли въ кругъ славянскихъ народныхъ разсказовъ,—этого не рѣшаетъ даже специалистъ соломоновскихъ сказаній А. Веселовскій. Въ редакціяхъ народныхъ сказаній о Соломонѣ позднѣйшаго періода онъ различаетъ двѣ группы: западно-латинскую и византійско-славянскую. Преимущество вымысла и поэзіи по словамъ Веселовскаго, принадлежитъ западу³⁾. Буслаевъ считаетъ повѣсти о Соломонѣ „иностраннымъ происхожденія, вѣроятно, греческаго, но съ значительными передѣлками и подновленіями на русскій ладъ. Разрѣшеніе загадокъ и остроумныя

¹⁾ Веселовскій „Славян. сказанія о Соломонѣ“. „Кіев. Стар.“ 1887 г. іюнь—іюль, стр. 265.

²⁾ Порфирьевъ. „Апокриф. сказ. о ветхозавѣтн. лицахъ и событ. Казань 1872 годъ стр. 127.

³⁾ „Кіев. Стар.“ 1887 г. іюнь—іюль 265 стр.

изреченія, вставляемыя въ нарочно придуманныя для нихъ событія, составляютъ главный интересъ этихъ разсказовъ“¹⁾.

Самая точная и самая обстоятельная редакція сказанія о Соломонѣ издана Николаемъ Тихонравовымъ въ „Лѣтописяхъ русской литературы и древностей“²⁾. Затѣмъ, сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, „о судахъ царя Соломона“ изданы въ „Памятникахъ отреченной русской литературы“³⁾. Разнородныя повѣсти и басни о царѣ Соломонѣ собраны Пыпинымъ въ „Памятникахъ старинной русской литературы“⁴⁾. По рукописямъ соловедской библіотеки эти сказанія изданы Порфирьевымъ⁵⁾. Малорусскія соотвѣтствующія сказанія изданы у Драгоманова въ „Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ“⁶⁾. Исслѣдованія и пособія для изученія повѣстей о Соломонѣ—значительны. Исторія развитія сказаній о Соломонѣ обстоятельно изложена въ сочиненіи А. Веселовскаго: „Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ“. Спб. 1872 г. Въ XL томѣ записокъ Академіи наукъ въ 1881 году Веселовскій помѣстилъ большую дополнительную статью о „повыхъ данныхъ къ исторіи соломоновскихъ сказаній“. Сказаніямъ о Соломонѣ посвящено, далѣе, изслѣдованіе А. Пыпина въ IV томѣ, VII выпускѣ „Извѣст. Акад. наукъ“ 1855 года: „Старинныя сказанія о царѣ Соломонѣ“. Объ этихъ же сказаніяхъ см. въ сочиненіи Н. Порфирьева „Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ“. Казань. 1872 г., въ „Историческихъ очеркахъ“ Э. Буслаева т. I. Спб. 1862 г. и др.

1) Буслаевъ: „Историч. очерки“ т. I. стр. 599.

2) „Лѣтопися“. 1862 г. т. IV стр. 112—153. „Новѣсти о царѣ Соломонѣ“.

3) Т. I. 1863 г. стр. 254—272.

4) Вып. III 1862 г. стр. 51—71.

5) Порфирьевъ: „Апокриф. сказ. о ветхоз. лицахъ и событіяхъ“. Собрн. отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ. т. XVII, № 1. Спб. 1877 годъ стр. 240—241, 260—261.

6) Драгомановъ „Малорусск. народн. преданія и разсказы“. Кіевъ, 1876 годъ стр. 89—109.

IV.

Повѣсть, записанная нами въ ровенскомъ уѣздѣ волынской губерніи, представляетъ несомнѣнный этнографическій интересъ какъ нѣкоторыми оригинальными чертами содержанія, значительно дополняющими извѣстныя сказанія о Соломонѣ, такъ и формою выраженія, представляющею стилистическія особенности сѣвернаго волынскаго малорусскаго нарѣчія.

При сравненіи нашего сказанія съ извѣстными уже въ литературѣ повѣстями о Соломонѣ, оказалось нѣсколько общихъ по своему содержанію параллелей и варіантовъ. Небезъинтересно прослѣдить главныя изъ этихъ мѣстъ въ порядкѣ хода нашего сказанія.

Общимъ начальнымъ мотивомъ всѣхъ сказаній о Соломонѣ слѣдуетъ считать недовольство матери своимъ сыномъ Соломономъ. Причины недовольства матери на Соломона въ общемъ представляются одинаково всѣми сказаніями, но въ частностяхъ разнятся. Мать не взлюбила своего сына за насмѣшливое отношеніе къ женскому уму, который, по однимъ сказаніямъ, Соломонъ вѣсилъ съ песьимъ...¹⁾, а по другимъ—съ ключемъ²⁾. Нерасположеніе матери къ Соломону, когда онъ былъ еще въ ея чревѣ, очень характерно изображено въ разказѣ Руданскаго у Драгоманова. „Повненька була Соломона маты, и прыходыть до неї идна пани и просытєя сховать видь пана. Царыця сховала, ажъ тутъ незабаромъ прыходыть и панъ тай пытає: „чи не було, каже, жинки, у ясної царыци?“.—Не було, пане, каже царыця“, а изъ неї Соломонъ и промовляє:—„не слухай, каже, моеї мамы, бо и мама така сама якъ и твоя жинка!“ Такой то бувъ Соломонъ и ще Богъ знає де“³⁾. Въ Лѣтописяхъ русской литературы Тихонравова, основаніемъ недовольства матери Соломона на своего сына—показано знаніе интимныхъ продѣлокъ своей матери и

¹⁾ Памяти. стар. рус. лит., вып. Ш, стр. 63; Лѣтописи рус. лит. в древн. Тихонравова т. IV. 1862 г. стр. 112, 113, 123; Малор. народн. пред. и разказы Драгоманова стр. 105.

²⁾ Драгоманова: Малорус. народ. преданія, стр. 99—100.

³⁾ Драгоманова: Малорус. нар. пред. стр. 99.

гласное изобличеніе ея въ безпутномъ поведеніи ¹⁾). Наше сказаніе прибавляетъ ко всему этому еще новый мотивъ: мать не влюбляла сына за то, что онъ, будучи еще въ ея чревѣ, „точиль войну“, имѣлъ неуживчивый характеръ.

О замѣнѣ Соломона сыномъ кузнеца — въ „Лѣтоп. рус. литературы“: „и найде бояринъ дѣтище у нѣкогого челоувѣка кузнецова сына въ образѣ царевича Соломона и принесоша его къ царидѣ Вирсавіи“ ²⁾). Давидъ сталъ наблюдать за дѣтскими играми своего маленькаго сына. Онъ очень удивился, когда увидалъ, что его сынъ „постави стулъ и повелѣ отрокомъ доспѣти молоты деревяны и нача на стулѣ ковати. И видѣ царь Давидъ, смутися умомъ“ ³⁾). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ кузнечное ремесло считается достойнымъ занятіемъ для Соломона: Соломонъ добровольно занимается кузнечествомъ. Соломонъ „якъ взявъ молотъ, та якъ ударе, а те кувадло такъ и зашумило въ землю и сама кузня роввалылась“ ⁴⁾).

Прощаніе со слугой, которому велѣно бросить Соломона въ море, очень трогательно и очень подробно изображено въ „Повѣсти о царѣ Соломонѣ“, изданной Тихонравовымъ ⁵⁾). Здѣсь передается характерный разговоръ между Соломономъ и Ачкилой, которому приказано погубить Соломона; причеиъ Соломонъ изображается глубоко вѣрующимъ въ провидѣніе, которое не допуститъ его до безвинной гибели.

Сходно передаются въ сказаніяхъ слова Соломона слугѣ: „и рече царевичъ Соломонъ боярину своему Ачкилу: поиди, бояринъ, возьми пса играющихъ съ сукою и заколи его и вынь изъ него сердце и испеки и принеси матери моей и даждь ей,

¹⁾ Тихонравова: Лѣтописи русской литер. т. IV. 1862 г. ст. 122.

²⁾ Лѣтоп. рус. литературы Тихонрав. т. IV, стр. 124; сравн. у Драгоман. „Малорусскія народы. пред.“ стр. 100; „Памяти. старин. рус. литерат.“ Пинина вып. III, 64 стр; Веселовскаго: „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ“. Спб. 1873 г. стр. 53.

³⁾ Лѣтоп. русск. литерат. 1862 г. т. IV. стр. 131.

⁴⁾ Драгомановъ стр. 107.

⁵⁾ Лѣтоп. рус. литер. т. IV. 1862 г. 126—126 стр.

да ясть¹⁾. „Видрижете палець, безъ его я обійдуся, а сердце выймить у собаки тай занесить до мамы. Мама не признае“²⁾.

Очутившись на свободѣ, царевичъ Соломонъ началъ суды творити: „собравъ крестьянскихъ дѣтей, множество отроковъ, а самъ царемъ у нихъ бысть, а иныхъ дѣтей воеводами поставляюще, а иныхъ въ суди; а иныхъ служивыми людьми постави и служебники. И потомъ возгради себѣ градъ на древесѣхъ плетеныхъ вельми мудро“³⁾. Суды, какъ занятіе Соломона,—самый любимый мотивъ какъ народныхъ, такъ и апокрифическихъ сказаній⁴⁾. Соломонъ изображается судьей не только надъ людьми, но и надъ животными⁵⁾.

Вынужденный скрываться, Соломонъ переодѣвается „за дидеа“, иногда за пастуха, за купца, за коваля и др. Соломонъ, какъ ницій—мотивъ извѣстный многимъ сказаніямъ. „И принде Соломонъ въ царство Кытозрасово, аки прохожей старецъ милостыню собирать“⁶⁾... при этомъ предъ воротами каждаго дома онъ говорилъ: „я Экклезіастъ, былъ царемъ Изравля во Іерусалимѣ“⁷⁾. По другимъ сказаніямъ,—какъ и по нашему,—онъ тщательно скрываетъ свое настоящее имя и званіе. „И вопросы о имени, и рече Соломонъ:—„имя мое—Разумникъ нарицаюся“⁸⁾.

Нашъ рассказъ о павахъ за столомъ съ длинными ложками очень схожъ съ такимъ же рассказомъ у Драгоманова: и сыдять гости надъ тою стравою тай кунають. Вже й царови паскучило лывытыся, и пишовъ винъ на часокъ до царыци. Ажъ тутъ раптомъ показався Соломонъ. „А чому, каже, не йисте вы, люде?“—Та якъ же жъ тутъ йисти, заговорили люди, колы ложки таки прокляти!—„То годуйтея якъ диты ложками черезъ стиль!“⁹⁾. Кажется,

¹⁾ Лѣтоп. русск. литературы 1862 г. т. IV, стр. 125—126.

²⁾ Драгоманова стр. 100.

³⁾ Лѣтоп. русск. литер. 1862 г. т. IV, стр. 130.

⁴⁾ У Драгоманова 108—109 стр.; Памяти. стар. русск. литер. III, 55—57; Лѣтоп. рус. лит. IV, 1862 г. 130—131 стр. 134—137 и др.

⁵⁾ Лѣтописи рус. литер. IV т. 134—137 стр. (Здѣсь же приложенъ рисунокъ суда Соломона надъ животными).

⁶⁾ Лѣтоп. рус. литер. т. IV. 60 стр. Сравни у Драгоманова 106 стр.

⁷⁾ Порфирьевъ „Апокриф. сказанія“ 73 стр.

⁸⁾ Лѣтоп. русск. литер. IV т. 1862 г. 130 стр.

⁹⁾ Драгоманова—100 стр.

этотъ разсказъ представляетъ особенность нашихъ малорусскихъ сказаній. Въ апокрифическихъ памятникахъ сѣверной руси онъ не разсказывается такъ типично. Къ чисто малороссійскимъ особенностямъ сказаній о Соломонѣ пр. Сумцовъ относитъ также то мѣсто (не встрѣчающееся у насъ), гдѣ разсказывается, какъ Богъ послалъ святыхъ на землю просить людей, чтобы ктонибудь отдалъ часть своей жизни Соломону (ему было назначено жить только три года), и одна баба согласилась отдать ему 50 лѣтъ ¹⁾).

Отвѣтъ Соломона, когда ему предложено было опѣнить золотой плугъ, въ малороссійскихъ сказаніяхъ передается въ такой формѣ: „гнивайтесь—не гнивайтесь, а я вамъ правду скажу, що якъ въ маю не буде ни капли дощу, то винъ (плугъ) не вартъ и сего куска хлиба, що я доидаю“ (купцы съ плугомъ застаютъ Соломона на полѣ пастухомъ, ѡшпимъ хлѣбъ ²⁾). Въ другихъ сказаніяхъ посланные застаютъ Соломона при очень циничной обстановкѣ, хотя и возмущающей вкусъ будуарнаго читателя, но за то очень характерно рисующей дородное малорусское остроуміе ³⁾... Въ сказаніяхъ Тихоуравова вмѣсто плуга—колымага ⁴⁾).

О камнѣ Шамирѣ—въ „Памятн. отреч. литерат.“: „есть ноготь птичь малъ во имя шамиръ“ ⁵⁾). Въ сказаніяхъ подробно разсказывается, гдѣ хранился этотъ камень (у Асмодея) и какихъ трудностей стоило Соломону добыть его ⁶⁾). Подъ „шамиромъ“ въ данномъ случаѣ естественнѣе всего видѣть алмазъ, которымъ легко обдѣлывается стекло и рѣжутся драгоценные камни.

Но особенно много вариантовъ находимъ въ разсказахъ о необыкновенной чудодѣйственной, магической силѣ Соломона.

¹⁾ „Кіевск. Стар.“ 1887 г. іюнь—іюль 266 стр. (статья Сумцова: „Очеркъ исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ“).

²⁾ Драгомановъ: „Малорусск. народн. предан. и разсказы“ стр. 101 сравн. стр. 106 разсказъ, записанный въ с. Михайловкѣ, маріупольскаго уѣзда, екатеринославск. губ.).

³⁾ Драгомановъ 106—107 стр.

⁴⁾ Лѣтоп. русск. литер. т. IV. 1862 г. 113 стр.

⁵⁾ Памятн. отречени. литер. Тихоурав. т. I, 256 стр.

⁶⁾ Порфирьевъ: „Апокриф. сказанія“. 71—73 стр.

Обиліе разсказовъ этого рода показываетъ, что воображеніе авторовъ особенно было заинтересовано въ разработкѣ этихъ сюжетовъ. Въ повѣстяхъ, напримѣръ, разсказывается, какъ „царь Соломонъ полетѣ къ поднебесью яснымъ соколомъ... Пойде по землѣ лютымъ звѣремъ... поплы щукою въ море“¹⁾. Царица раздумываетъ, какъ бы ей уйти отъ Соломона: „пойти... по землѣ, и царь Соломонъ лутымъ звѣремъ догонитъ; а подынешь (она говоритъ посланнику, который пришелъ похитить ее) меня на пчелиныя крылья, — и царь Соломонъ яснымъ соколомъ долетитъ, а въ водѣ щукою догонитъ“²⁾. Такъ и случилось. Не найдя царевны, „Соломонъ царь ростужился и въ кручину впалъ, и полетѣ Соломонъ подъ небеса яснымъ соколомъ, и не обшелъ ея подъ небеснымъ облакомъ, но пошелъ по землѣ лутымъ звѣремъ, и не обтече нигдѣ, и поплыветъ въ море щукою, и въ море не нашель, и бысть Соломонъ царь въ великой печали“³⁾.

„Пусти Господь перстень Соломону, и обладаетъ бѣсы всѣми“⁴⁾. Соломонъ заклинаетъ демоновъ, чтобы они добыли ему древо Господне, утонувшее въ рѣкѣ Иордани: „Завѣзую васъ азъ печатію Господнею, еже ми дасть богъ: „идете, идете, имете звзвршіе и за корень и принесете ми“⁵⁾. По древнѣйшимъ преданіямъ востока, Соломонъ зналъ языкъ всѣхъ птицъ и животныхъ и со всѣми свободно могъ разговаривать;—владелъ способностью вызывать демоновъ и заставлялъ ихъ производить разныя трудныя работы; онъ составилъ книгу заклинаній для изгнанія демоновъ и для врачеванія разныхъ болѣзней⁶⁾. Въ „іудейскихъ древностяхъ“ Иосифа Флавія говорится о Соломонѣ — какъ о волшебникѣ и чародѣѣ, производящемъ чудеса. „Я самъ видѣлъ, разсказываетъ Иосифъ Флавій, одного изъ моихъ соотечественниковъ, по имени Елеазара, который испѣлялъ страждущихъ злыми духами... Къ носу бѣснующагося онъ привлады-

¹⁾ Лѣгон. рус. литер. Тихонрав. т. IV. 1862 г. 118 стр.

²⁾ Памяти. стар. русск. литер. вып. III, 67 стр.

³⁾ Памяти. стар. рус. литер. вып. III. 67 стр.

⁴⁾ Памяти. стар. русск. литер. III, 7.

⁵⁾ Буслевъ: „Историческіе очерки“ I, 490.

⁶⁾ Порфирьевъ: „Апокриф. сказ.“ 71, 25, 92—93 стр.

валъ перстень, на которомъ была вырѣзана часть корня, указаннаго Соломономъ, и чрезъ обояніе его изъ поздрей извлекалъ демона... Бѣснующійся падалъ на землю, а онъ заклиналъ злаго духа... и при этомъ произносилъ имя Соломона¹⁾. На магическомъ перстнѣ Соломона четыре раза было вырѣзано имя Божіе. Перстень давалъ ему власть надъ всею природою²⁾. Въ вѣрнѣ, въ 21 главѣ Богъ такъ говоритъ Соломону: „мы подчинили Соломону бурный вѣтеръ, онъ дулъ, по его повелѣнію, въ благословленную нами страну... И между демонами мы подчинили ему тѣхъ, которые ныряли для ловли ему жемчуга и исполняли другія его порученія. Мы сами наблюдали за нимъ“. Власть Соломона надъ звѣрями очень типично представлена въ „повѣсти о царѣ Соломонѣ“³⁾.

Объ измѣреніи Соломономъ высоты неба и глубины моря находимъ сходный разсказъ у Драгоманова,—въ разсказѣ Руданскаго: „Якъ ставъ (Соломонъ) на царство, то ѣ задумавъ измираты небо. Зробивъ соби такого плуга, тай ставъ на крузи пидійматысь на небо. И ото уже пиднявся у самую хмару, а святыи Петро ходыть у хмари тай до него ѣ каже: „Стань, Соломоне! тутъ твоя граныця, а то дали якъ пидешъ, той не вернешься“... Спустывся Соломонъ тай думаетъ соби: „не змиравъ я неба, хочъ змираю море!“ И зробивъ соби шклянную хату, сивъ у ню, тай казавъ себе на миранимъ ланцуху спускаты въ море. Ото его спускають, тай спускають, ажъ лизе до него морській ракъ. (А морськіи раки таки здорови, що два чоловика на соби кожный потягне). Ото и каже винъ до Соломона:—„Соломоне, Соломоне! не змираешъ ты мора! Двадцять литъ шукавъ я колысь дна, та ѣ то не найшовъ... Повертайсь ты назадъ“... Послухавъ Соломонъ тай выйшовъ изъ мора, а тутъ ему уже небагато ѣ жыты оставалось“⁴⁾.

¹⁾ „Древности“ Г. Флавія, кн. VIII гл. II Сравн. у Порфирьева „Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ“, стр. 261.

²⁾ Порфирьевъ „Апокрифич. сказанія“ 74, 75 и 76 стр.

³⁾ Тихомировъ: „Лѣтописи русск. литерат. IV, 1862 г. 134—136 стр.

⁴⁾ Драгомановъ: стр. 102. Сравнить съ сказаніемъ, записаннымъ въ шаріупольскомъ уѣздѣ, екатеринославск. губ. у Драгоманова стр. 107—108.

Замѣчательно, что въ нашемъ сказаніи ничего не говорится о смерти Соломона,—вошедшей въ многія сказанія. Типичный малорусскій вариантъ смерти записанъ въ разсказѣ Рудяцкаго. Совершенно опускается также въ нашемъ сказаніи постройка знаменитаго Соломонова храма.

V.

Сказанія о Соломонѣ дошли до насъ въ формѣ повѣстей. Духовныхъ стиховъ, въ которыхъ бы изображался Соломонъ, подобно тому какъ въ нихъ изображаются другія библейскія лица и событія (напр. дѣва Марія, Лазарь, Рождество, страданія Спасителя и др.), почти нѣтъ въ народѣ. „Соломоновская сага не проникала глубоко въ народный стихъ“, говорилъ А. Веселовскій. „Пѣсни о Василіѣ Окульевичѣ, пѣсня-побывальщина о Соломонѣ и слѣпомъ становятся чѣмъ то среднимъ между былинною и собственно духовнымъ стихомъ и лишены его религіозной назидательности“¹⁾. Сказанія о Соломонѣ—сюжетъ очень неблагоприятный для народнаго духовнаго стиха. Въ духовномъ стихѣ народъ привыкъ выражать большею частью серьезно-глубокомысленные сюжеты и вдохновенно-пророческія чувства (напр., въ стихахъ о страшномъ судѣ и раѣ). Внѣшняя форма выраженія народной фантазіи является не случайной оболочкой идеи, а ея органической существенной принадлежностью. Позволимъ себѣ остановиться на этой особенностях народнаго поэтическаго творчества, чтобы выяснитъ, почему сказанія о Соломонѣ не вошли въ духовные стихи.

Насколько духовные стихи выражаютъ возвышенное понятіе, вполне достойное предметовъ библейскихъ событій, послужившихъ сюжетомъ стиховъ, настолько сказанія прозаическія отступаютъ отъ высокаго стиля и впадаютъ часто въ легкій, обмѣнный, иногда даже шутливый тонъ. Случаи обратнаго употребленія прозы и духовнаго стиха встрѣчаются какъ исключеніе. Стоитъ только сравнитъ наши малорусскіе духовные вирши, ко-

¹⁾ Веселовскій: „Разысканія въ области русскаго духовн. стиха“ т. V стр. 73.

лядки, пѣсни, имѣющія своимъ сюжетомъ то или другое библейское событіе,—съ прозаическими разсказами одного содержанія, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго. Какою, напримѣръ, величавостью дышутъ эти слова общеизвѣстной народной коляды, слышанной нами въ волынской губерніи въ такой формѣ:

Бачить Богъ, бачить Вседержатель,
Що весь мiръ погибаетъ,
Архангела Гавріила
Въ Назаретъ посилае.
Благовистникъ въ Назарети,
Стала слава у вертепи...
О пресладкій Визлаеме
Отверзи врата едема... и т. д. ¹⁾.

Совершенно противоположнымъ характеромъ отличаются народныя легендарныя сказанія о рожденіи Спасителя, выраженные въ прозаической формѣ ²⁾.

Или сравнимъ разсказы о сотвореніи міра въ прозѣ и стихахъ. Разсказы прозою отличаются большей или меньшей степенью игривости, пикантности и мѣстами юморомъ. Тутъ больше простора для вставокъ, случайныхъ уклоненій въ сторону отъ главной темы разсказа, больше соблазна для разсказчика разойтись по своему ³⁾. Иной характеръ имѣютъ духовные стихи о сотвореніи міра. Здѣсь опредѣленная мысль слагается въ опредѣленную форму, не допускающую грубыхъ уклоненій. Напримѣръ:

Якъ то було спрежде якиа
Зачатіе свита;
Выграло синее море и т. д. ⁴⁾.

Даже въ томъ случаѣ, когда духовный стихъ по своему содержанію очень близко подходитъ къ прозаической по-

¹⁾ Сравнить у Безсонова; т. IV стр. 108.

²⁾ Наприм. у Драгоманова; стр. 109 („Иисусъ Христосъ въ асляхъ“).

³⁾ Наприм., Сказанія о происхожденіи міра у Драгоманова, стр. 89; „Кіевск. Стар.“ 1887 г. май. (Сообщеніе Ю. Олгаржевскаго — „Изъ народныхъ повѣрій“); у Чубянскаго I стр. 142 и др.

⁴⁾ „Кіевск. Стар.“ 1887 г. іюнь—іюль стр. 242.

вѣсти—до тожества фѣбулы, вышеозначенная разниця между стихомъ и повѣстью значительна. Напримѣръ:

Рече Господь до св. Петра:
 — „Пурны, Петре, на дво въ море;
 Достань, Петре, жовтого писку,
 Та посій по всему свиту,
 Сотвори, Петре, небо и землю,
 Небо зъ звездами,
 Землю зъ квітами“.
 Петро пурнувъ и дна не доставъ,
 И писку не взявъ,
 И свита не сіявъ ¹⁾).

Сравнить съ галицкой колядкой, записанной Головацкимъ:

„Колысь то було зъ початку свѣта
 Подуй же, подуй, Господи, зъ духомъ святымъ по землѣ
 Втоды не було неба ни земли
 Неба ни земли нимъ сине море...
 А середь моря та два дубойки
 Сѣли упали два глубойци,
 Почали собѣ раду радити
 Раду радити и гуркотати;
 Якъ бы маємо свѣтъ основати?
 Спустиме мы ся на дно до моря:
 Вынеме си дрибного писку ²⁾).

Тѣ же мотивы составляютъ содержаніе и соотвѣтствующихъ прозаическихъ рассказовъ у Чубинскаго, Драгоманова. Но эти послѣдніе рассказы значительно отступаютъ отъ тона рѣчи духовныхъ стиховъ и часто сбиваются въ анекдотическую форму легкаго рассказа.

Также—о первыхъ людяхъ у Чубинскаго: „Письня объ Адами и Еви“ ³⁾, двѣ пѣсни въ „Каликахъ переходжихъ“ ⁴⁾... сравнить съ соотвѣтствующими прозаическими сказаніями.

Или сравнить, наприм., „Пѣсню о страшномъ судѣ“ (записанную Стецкимъ на Волини) съ рассказомъ о томъ же предметѣ у Чубинскаго ⁵⁾).

¹⁾ „Кіевск. Стар.“ 1887 г. іюнь—іюль 242 стр.

²⁾ Варенцовъ: „Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ“ Спб. 1860 г., стр. 240—241; у Буслаева „Историч. Очерки“ I, Спб. 1861 г. стр. 148 и 149.

³⁾ Т. I, стр. 147 и 148.

⁴⁾ Т. VI, стр. 261.

⁵⁾ Т. I, стр. 220—221.

Или—поэтическія лучшія малорусскія пѣсни о страшномъ судѣ, записанныя въ Галиціи ¹⁾, съ очень сходными прозаическими разсказами въ „Запискахъ о южной Руси“ Кулиша ²⁾.

Понятно послѣ этого, почему Соломонъ съ своими валеядоскопически пестрыми, забавными похождениями не могъ занять мѣста въ духовномъ стихѣ.

Ф. Бударинскій.

¹⁾ Головац. II, стр. 156, 235, 236.

²⁾ Т. I, стр. 307—308 и въ „Филологич. Записк.“ 1878 г. т. IV, стр. 101; „Кіевск. Стар.“ 87 г. ноябрь 427 стр.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ журнала „Русское Обозрѣніе“ (мартъ, 1897 г.) помѣщена княземъ Н. Шаховскимъ интересная статья, озаглавленная „Памяти П. А. Кулиша“. По сознанию самого автора, онъ лично не зналъ и никогда не видалъ почтеннаго старца, но состоялъ съ нимъ въ перепискѣ въ теченіе слишкомъ трехъ лѣтъ, начиная съ іюня мѣсяца 1893 года, когда труды по собиранію матеріаловъ для жизнеописанія Н. П. Гилярова-Платонова натолкнули его на необходимость обратиться съ нѣкоторыми вопросами къ П. А. Кулишу. „Отзывчивость (продолжаетъ авторъ), съ которою Пантелеймонъ Александровичъ отнесся къ занимавшимъ насъ вопросамъ, и особенный характеръ добродушія, мягкости и нѣкоторой торжественности, въ соединеніи съ душевнымъ жаромъ, коими проникнуты были его письма, возбудили въ насъ живой интересъ къ личности маститаго трудолюбца. Мы не удержались на почвѣ нашихъ размысканій о Гиляровѣ и коснулись въ перепискѣ съ Кулишемъ и другихъ предметовъ. Полученныя отъ него письма раскрыли передъ нами своеобразный міръ идей и чувствованій, въ которомъ жилъ покойный, и обнаружили неизвѣстныя намъ стороны его дѣятельности“. Отрывки и выдержки изъ этой переписки и составляютъ главное содержаніе статьи князя Шаховскаго. Приводимыя имъ письма П. А. Кулиша по большей части представляютъ настолько важный интересъ для біографіи недавно скончавшагося украинскаго историка и литератора, что мы не

считаемъ себя въ правѣ обойти ихъ молчаніемъ и не подѣлиться выдержками изъ нихъ съ читателями нашего журнала.

Наиболѣе раннія по времени автобіографическія воспоминанія Кулиша въ этой перепискѣ относятся къ 1845—47 годамъ, къ его пребыванію въ Петербургѣ и литературнымъ занятіямъ подѣ дружественнымъ вліаніемъ и покровительствомъ тогдашняго ректора С.-Петербургскаго университета П. А. Плетнева. Недавно въ нашемъ журналѣ¹⁾ были помѣщены выдержки изъ переписки Я. К. Грота съ Плетневымъ, весьма характерно рисующія отношенія послѣдняго къ Кулишу. Любопытно дополнить ихъ отзывомъ самого П. А. Кулиша о тѣхъ же отношеніяхъ: „Я (пишетъ онъ кн. Шаховскому), будучи неопытнымъ и, можно сказать, порченнымъ юношей - провинціаломъ, попалъ въ руки несравненному П. А. Плетневу, и онъ пересоздалъ меня такъ, что, отправляя за границу въ 1847 году, писалъ Жуковскому: „посылаю тебѣ другого себя“.—„Во время нашихъ ежедневныхъ прогулокъ, въ промежутокъ между сномъ и завтракомъ, незабвенный Петръ Александровичъ любилъ вдаваться въ свои воспоминанія о быломъ вообще, и многое, никому неизвѣстное, рассказывалъ мнѣ о живомъ еще тогда Гоголѣ. Когда Гоголь столь неожиданно и рано пересталъ дивить и смущать насъ разнообразными видѣніями своими, я не замедлилъ изложить на бумагѣ тѣ изъ воспоминаній о немъ Плетнева, какія считалъ своевременными среди свѣжихъ сожалѣній Гоголевыхъ читателей.

„Сдержанность моя заслужила одобреніе Плетнева. Кой о чемъ распространился онъ тутъ же на словахъ и, когда я вводилъ въ рукопись недостающее въ ней, благодушный мой Менторъ, съ юношескою петерпѣливостью, раза два посѣтилъ меня, выслушивалъ мои вставки и диктовалъ мнѣ новыя.

„Когда же, наконецъ, мои воспоминанія были напечатаны, передо мною растворились многія незнакомыя двери, согласно желанію Плетнева. Нерѣдко мои изысканія происходили въ его присутствіи, и такимъ образомъ исчерпали мы въ Петербургѣ

¹⁾ „Кіев. Стар.“ декабрь 1896 г.

разказы и рукописи, относящіеся къ жизни почившаго среди насъ гениальнаго человѣка.

„Петербургскіе знакомые посодѣйствовали мнѣ въ эксплуатаціи и Москвы въ томъ же родѣ. Тамъ я былъ знакомъ еще съ 1848 г. съ Хомяковымъ, который, будучи знаменитъ, посѣтилъ меня, невѣдомаго почти никому изгнанника, въ Тулѣ и старался разсѣять мою тоску зимнею охотой у себя въ деревнѣ. Въ Москвѣ жилъ и мой другъ О. М. Бодянской. Онъ познакомилъ меня со всесторонне чувствующимъ, истинно русскимъ и истинно великорусскимъ домомъ Аксаковыхъ. Въ С. Т. Аксаковѣ нашель я чудо изъ чудесъ—юношу въ сѣдинахъ, горячаго ко всякой полезной предприимчивости. Для скопированія множества писемъ Гоголя, писанныхъ къ Аксаковымъ и добытыхъ при ихъ посредствѣ отъ другихъ лицъ,—гостилъ я у нихъ въ деревнѣ по нѣскольку недѣль, и здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-либо, позналъ цѣну великорусскому народу, собирателю нашей расторгнутой Русской земли.

„Среди этой образцовой во многихъ отношеніяхъ семьи сподобился я познакомиться дружественно и съ великимъ по русскому духу и русскому уму человѣкомъ, Никитою Петровичемъ Гиляровымъ-Платоновымъ, замученнымъ въ самомъ цвѣту нравственныхъ силъ не понимавшими его властителями и судьями. Но объ этомъ Ильѣ-Муромцѣ духовной дѣятельности предоставимъ распространиться перу, передъ которымъ я сторонюсь почитательно.

„Записки о жизни Гоголя“ заслуживаютъ вашего чтенія, какъ рѣдкая книга, которую отъ начала до конца прочитывалъ я С. Т. и К. С. Аксаковымъ, которые не оставляли ничего, требующаго не только фактической, но и стилистической поправки. Иногда любезный богамъ и смертнымъ старецъ вскакивалъ съ плетенаго своего кресла и прикрикивалъ на меня, какъ на школьника: „И что это вы вдаетесь въ реторику! пишете такъ просто, какъ со мною говорите“. Я же, помня словеса великаго поэта-царя: „предъ мудрымъ склони голову—пускай онъ своимъ укоромъ обливаетъ ее, какъ олеомъ“ (не помню подлинника славянскаго)—помня сіи спасительныя для меня словеса, я вновь

писаль отмѣченное мѣсто и вновь прочитываль краснорѣчивому въ простотѣ своей Нестору написанное, доколѣ не удостоивался одобренія“.

„Въ то время племянникъ Гоголя, студентъ Московскаго университета, Трушковскій, предпринялъ было уже изданіе сочиненій своего дяди по матери, *in octavo* (которое вскорѣ вышло въ свѣтъ подъ моею редакціей), но заболѣлъ и долженъ былъ прекратить работу въ самомъ ея началѣ. Однако-жь онъ успѣлъ собрать множество писемъ Гоголя и къ Гоголю. Весь Аксаковскій кружокъ заговорилъ, что и безъ болѣзни Трушковскій (давно уже покойный) *не обладаетъ энергіей труда, необходимой для такого предпріятія*,—тѣмъ болѣе, что, по смерти знаменитаго автора, спросъ на его сочиненія былъ очень великъ, а это составляло немаловажную заботу въ имущественномъ отношеніи для наследниковъ Гоголя.

„Этимъ путемъ автографы поэта, находившіеся въ рукахъ у Трушковскаго, и всѣ относящіеся къ нему рукописи перешли въ мои руки, и я перенесъ изданіе въ Петербургъ, гдѣ заставилъ работать параллельно нѣсколько типографій.

„Правительство, изображаемое цензурой, ни въ чемъ не препятствовало мнѣ. А что въ письмахъ Гоголя сдѣлано множество пропусковъ, то на этомъ настаивалъ П. А. Плетневъ, какъ человѣкъ съ общественнымъ и литературнымъ тактомъ, дабы не тронуть щекотливой струны въ чьемъ-либо умѣ и сердцѣ. Всѣ эти пропуски были у меня помѣчены систематически французскими буквами, и этотъ ключъ для будущаго открывателя по-смертныхъ сенсацій присоединенъ мною къ автографамъ и копіямъ писемъ, вмѣстѣ съ которыми и данъ по принадлежности наследникамъ Гоголя.

„Но, въ общему нашему сожалѣнію, провинціалы—наследники великаго человѣка не умѣли хранить національнаго сокровища и довели его до исчезновенія въ нѣмой вѣчности. Мой систематически составленный ключъ канулъ также въ вѣчность,—и самыя благородныя усилія моего московскаго друга Вл. Ив. Шенрока возсоздать его въ цѣлости остались безуспѣшными.

„Наслѣдники Гоголя до такой степени не понимали своей хранительной функціи, что когда всѣ рукописи и бумаги ихъ благодѣтеля исчезли съ его походнымъ чемоданомъ изъ-подъ кровати его матери (что произошло спустя много лѣтъ послѣ передачи безцѣннаго скарба наслѣдникамъ поэта)¹⁾, одна изъ сестеръ его, Ольга Васильевна, спрашивала у меня письменно: не у меня ли остался этотъ скарбъ?!²⁾).

„Вотъ все, что въ состояніи отвѣчать страдающій инфлюэнціей человѣкъ здоровому, которому желаетъ выполнить предпринятое, широко задуманное, благородное дѣло во славу своего собственнаго и нашего русскаго имени.

„Благодарю Бартенева за его память обо мнѣ и почетное для меня приношеніе³⁾. Да не можетъ ли онъ снабдить меня тѣмъ ливрезономъ *Русскаго Архива*, въ которомъ напечатана процедура допроса и суда надъ нами? Вообще я желалъ бы собрать все, что мнѣ самому напоминало-бы о забытыхъ обстоятельствахъ, именахъ, датахъ моего существованія, которое дало бы мнѣ возможность уразумѣть яснѣе внѣшній міръ“.

Просимый „ливрезонъ „*Русскаго Архива*“ былъ посланъ Кулишу, и въ отвѣтъ послѣдовало слѣдующее письмо его:

„Благодарю, благодарю за присылку статьи обо мнѣ, напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ*! Меня интересуетъ, что и въ молодости я уже принадлежалъ не къ худшимъ людямъ. Все это мною позабыто въ толкотнѣ житейскихъ интересовъ.

„Послѣдній (VІІ) томъ біографіи Погодина я получилъ и читалъ о себѣ какъ о какомъ-то неизвѣстномъ. Но память моя, роняя по дорогѣ жизни многое, хранитъ характеристическія черты такихъ, напримѣръ, заслуженныхъ людей, какъ почтениѣйшій Михаилъ Пегровичъ. Когда скончалась его жена, онъ тотчасъ написалъ къ Максимовичу письмо, достойное человѣка съ душой и сердцемъ. Но тотъ же Максимовичъ рассказывалъ мнѣ о немъ

¹⁾ Храню документальное извѣстіе объ этомъ въ собственноручномъ письмѣ ко мнѣ Анямъ Васильевнѣ Гоголь.

²⁾ Храню и этотъ документъ.

³⁾ П. И. Бартеневъ послалъ А. П. Кулишу книжку *Русскаго Архива*.

ужасы чужедной жизни, представителемъ которой былъ онъ по наслѣдству отъ отца—крѣпостнаго прикащика, проглотившаго цѣликомъ своего неопытнаго барина съ его имѣніемъ и тѣмъ домомъ на Дѣвичьемъ полѣ, который добрые люди сдѣлали извѣстнымъ всей Россіи. Это повѣствованіе не мѣшало Максимо-вичу отвѣчать на сердечное письмо сердечно и эксплуатировать „любезнаго академика“ въ пользу своего кармана и своей „суетной славы“¹⁾.

Къ отношеніямъ своимъ къ Плетневу Кулишъ не разъ возвращается въ письмахъ своихъ къ намъ.

„Во время оно бесѣдовали мы—писалъ онъ—о томъ-о семъ въ маленькомъ кружкѣ Плетнева, котораго я восхищалъ, бывало, знаніемъ не только Пушкина и Жуковскаго наизусть, но и такихъ поэтовъ, о которыхъ никто изъ его кружка не слышалъ. Онъ меня очень любилъ и не разъ восхищалъ, обращаясь къ представителямъ тогдашняго молодого поколѣнія: „вотъ какъ надобно изучать русскую словесность!“.

„Въ оный памятный мнѣ вечеръ, когда я разсмѣшилъ Плетневскій кружокъ стихотвореніемъ, какого никто и вообразить не могъ, напечатаннымъ да еще въ гимназической хрестоматіи, („Опытный способъ Россійской Словесности“), именно вотъ какимъ:

Пень ко небу гласъ возноситъ
И еще Перуна просить:
Сжался, боже, надо мной!
Въ грустахъ провождай вѣки,
Наслаждался, стена,
Всѣхъ несчастій человекъ
Злополучіе меня...

и т. д.

„Когда (продолжаю) мы, люди, по собственному мнѣнію, умные, были въ самомъ веселомъ расположеніи духа по милости литературнаго глуца, входитъ графъ Толстой (Левъ), въ сопровожденіи Панаева, который и возвѣстилъ намъ имя, сдѣлавшееся наконецъ столь знаменитымъ. Я и Плетневъ одинаково прези-

¹⁾ Эти строки очень характерны, но не по отношенію къ Максимо-вичу, въ бѣдности прожившему чуть не всю вторую половину своей жизни, а по отношенію къ лицу, дававшему такую характеристику.—*Ред.*

рали Панаева,—и было за что (читайте мой рукописный „Омутъ“ въ редакціи *Русскаго Обозрѣнія*)¹⁾). Я и Плетневъ почувствовали отвращеніе къ пятну, которымъ его развязно-дружеская манера быть съ графомъ Толстымъ помрачила чистоту неизвѣстной еще намъ личности. Но тѣмъ не менѣе мой Менторъ спѣшилъ познакомиться меня съ новымъ дѣятелемъ слова, мысли и чувства. Манера графа Толстаго обращаться съ юношей, о которомъ въ нѣсколькихъ словахъ сказано было много, и сказано чело-вѣкомъ высшаго свѣта, не того, о которомъ его ближайшій другъ написалъ:

И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

эта манера никогда не изгладилась изъ памяти моего ума и сердца. Я былъ и есмь—критикомъ, беспощаднымъ къ произведеніямъ Толстаго, и беспощадность моя, соединявшая во-едино *поэта, умствователя и челоуька*, сдѣлала изъ меня чу-до,—чудо незнанія и нежеланія знать множайшія изъ его про-изведеній.

„Еслибъ я прочелъ послѣднія произведенія Толстаго, я бы на нѣсколько часовъ лишилъ себя способности сосредоточиться всецѣло на томъ предметѣ (переводъ книгъ Св. Писанія), кото-рый обширностью и глубиной своего значенія требуетъ отъ меня такого тихаго дружескаго обмѣна сочувствій, какимъ я наслаж-дался ежедневно по утрамъ, гуляя регулярно по граниту, освя-щенному для насъ обоихъ прикосновеніемъ ногъ великаго поэта и великаго челоуьколюбца“.

Изъ VП книги „Жизни и трудовъ Погодина“, соч. Н. Бар-сукова, изданной въ 1893 г., князь Шаховской почерпнулъ из-вѣстіе, что за полвѣка предъ тѣмъ, въ 1843 году, Кулишъ вы-ступилъ на литературное поприще повѣстью изъ малороссійскаго быта, подъ заглавіемъ: *Михаилъ Чернышенко или Малороссія 80 лѣтъ назадъ*“. Съ этою литературною золотою свадьбою онъ поздравилъ юбиляра и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ желаніе по-знакомиться съ самой повѣстью. Отвѣчая на это привѣтствіе, Кулишъ писалъ:

¹⁾ Повѣсть эта начата печатаніемъ въ той же книгѣ „Русскаго Обо-зрѣнія“.—Ред.

„Я получаю *Историческій Вѣстникъ* и *Русское Обозрѣніе*, но узнаю только изъ вашего почтеннѣйшаго письма, что въ VII томѣ прекрасной книги Барсукова идетъ рѣчь о моемъ вступленіи на литературное поприще въ 1843 году. Отъ всей души благодарю за привѣтствіе съ литературною моею свадьбой. Оно тѣмъ дороже для меня, что пришло изъ враждебнаго лагеря... Какъ это грустно, что лагерь, къ которому я дружелюбно примкнулъ опытомъ „*Исторія Возсоединенія Руси*“, называю—и какъ политикъ, и какъ историкъ—враждебнымъ! Въ 1860-хъ годахъ я поработалъ съ княземъ Черкасскимъ и Милютинымъ надъ уравнивающимъ русскаго элемента съ польскимъ ревностно; но ихъ преемники сдѣлали едва не австрійскимъ подданнымъ чело-вѣка, одушевленнаго непостижимымъ для нихъ русскимъ патриотизмомъ. *Задача международнаго равновѣсія* до сихъ поръ сіяетъ передо мною путеводною звѣздой. Насколько позволяли мои обстоятельства, я, въ хуторскомъ одиночествѣ, подготовилъ къ обработкѣ въ большихъ библіотекахъ девять томовъ, такъ называемаго, исправленнаго и дополненнаго изданія *Исторіи русскаго возсоединенія*, но увы! существую въ вѣкъ, который продолжаетъ смотрѣть на меня какъ на чело-вѣка вреднаго,—продолжаетъ смотрѣть даже глазами русской прессы.

„Вы отзываетесь о моей первой повѣсти съ трогательнымъ для столѣтняго (почти столѣтняго) чело-вѣка вниманіемъ. Она была напечатана въ Кіевѣ въ 1843 году отдѣльною книгой. Черезъ 40 лѣтъ по ея написаніи извѣстный книгопродавецъ О. М. Вольфъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ издать собраніе моихъ сочиненій, написанныхъ не помалорусски. Я жилъ тогда обонполь политической пропасти, и, такъ какъ, по его же плану, за моими великорусскими сочиненіями должны были послѣдовать изданія малорусскія, въ томъ числѣ и иллюстрированныя (у меня сохранилась блестящая надеждами программа покойнаго Вольфа), то мнѣ представлялась возможность устроить нѣчто полное для *уравниванія русскаго элемента съ польскимъ въ Малороссіи австрійской*, т. е. продолжать начатое во время моей варшавской службы дѣло русскаго возсоединенія, прерванное внезап. смертью Милютина. Мой черновой набросокъ проекта этого возсоедине-

нія сдѣлался въ рукахъ чиновниковъ - рабовъ орудіемъ сатрапскаго увольненія меня отъ службы, а внезапная смерть Вольфа (rescipiunt causa) не дала мнѣ возможности проводить мою идею въ жизнь среди австрійской Руси. Къ этому присоединилась и энциклика римскаго папы, о которой, по случаю напечатанія моей переписки съ Крашевскимъ, я помѣстилъ мое заявленіе въ галицко-русской газетѣ *Народъ* 1892 года. Противъ зловредной папской энциклики протестовалъ я въ 1882 году нѣмецкою брошюрой: *Auferstehung des Rutzki und Kuncsewitsch in Galizien*. Одновременно съ этою брошюрой долженствовалъ появиться въ Лейпцигѣ малорусскій текстъ моей брошюры. Но лейпцигскій книгопродавецъ Герардъ возвратилъ мнѣ мою рукопись, отказавшись печатать ее на мой счетъ, „потому-что она была конфискована въ Вѣнѣ“. Этотъ курьезъ хваленаго свободомыслія нѣмецкаго посылаю вамъ на нѣкоторое время. Желалъ бы я, чтобы его прочелъ кто-нибудь изъ моихъ земляковъ, способный судить, до какой степени малорусскій языкъ, испробованный мною на Библии, Шекспирѣ, Байронѣ, Гёте, Шиллерѣ, Гейне, способенъ вести про съ римскими клерикалами.

„Библия была переведена мною на нашъ старорусскій языкъ вся, но книги *Ветхаго Завета у меня сгорѣли*. Новый Заветъ приобрѣтенъ британскимъ библейскимъ обществомъ и *поддерживаетъ русский элементъ въ австрійской Малороссіи, на зло польско-іезуитскимъ политикамъ*. Я впрочемъ не сожалѣю объ утратѣ моего перевода ветхозавѣтной Библии, благодаря великодушному труду оксфордскихъ ориенталистовъ, изъ которыхъ многіе отъ преутомленія пожертвовали жизнію. Если бы кто-нибудь изъ русскихъ обоюдонаціональныхъ патриотовъ (отъ нихъ же первый есмь азъ) *sine ira et studio*, устроилъ компромиссъ между мною и британскимъ библейскимъ обществомъ,—я бы отложилъ въ сторону мое хуторское изученіе Ренановъ да Тэновъ для того, чтобы давать ежедневно по нѣсколько листовъ душеспасительнаго и языковоспитательнаго чтенія моимъ землякамъ, которые, въ лицѣ своихъ книжниковъ, фариссеевъ и садукеевъ, фабрикують козако-гайдамацкую литературу, подъ деви-

зомъ „Недоросля“: *мнѣ, батюшка, повѣрь, все то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.*

„По приобрѣтеніи библейскимъ обществомъ Новаго Завѣта, вель я переговоры съ резидирующимъ въ Вѣнѣ министромъ Миллардомъ, но этотъ господинъ, по моему мнѣнію, не вполне соотвѣтствуетъ своей профессіи. Если бы глубокоуважаемое мною общество благоволило адресоваться ко мнѣ изъ Лондона,—я настолько знаю англійскій языкъ, чтобы вести съ нимъ переписку непосредственно.“

„Вотъ въ какой дикій лѣсъ завелъ я васъ! Изображеніемъ такой дичи въ Англіи среднихъ вѣковъ очаровалъ и ободрилъ меня Тэнъ, въ своей *Histoire de la Litterature Anglaise.*“

„Изъ учтивости къ вашему любезному освѣдомленію о моей повѣсти, посылаю вамъ „*Михайла Чарнышенка*“. Я сократилъ его по желанію харьковскаго переводчика на малороссійскій языкъ. Этому переводчику обязанъ онъ и своимъ неуклюжимъ переплетомъ. Пускай не брезгаютъ книгой-провинціалкой столичные жильцы вашихъ книжныхъ шкаповъ, и сохраняютъ ее въ своей изящной средѣ до чаемаго нами малороссами воскресенія мертвыхъ и несомнѣнной жизни будущаго вѣка. Амины!“

Какъ извѣстно, повѣсть „*Михайло Чарнышенко*“ начинается восторженнымъ описаніемъ стариннаго быта Малороссіи, полнымъ горячаго сочувствія къ славнымъ витязямъ Украины, къ ея „поэмѣ-исторіи“ и ко всѣмъ особенностямъ ея своеобразной минувшей жизни. Теперь, въ зависимости отъ рѣзко измѣнившихся историческихъ возрѣній автора, этотъ хвалебный гимнъ Малороссіи въ ея прошломъ не долженъ былъ уже появляться въ новыхъ изданіяхъ повѣсти—ни въ предполагавшемся Вольфовскомъ, ни въ харьковскомъ переводѣ. Зачеркнувъ въ посланномъ князю Шаховскому экземплярѣ „*Мих. Чарнышенка*“ начальныя страницы повѣсти, П. А. Кулишъ написалъ на ихъ поляхъ слѣдующія слова:

„При свѣтѣ объективнаго изученія родной старины параллельно съ чужою стариною все это сдѣлалось *миражемъ*,—хотя въ малорусской читающей публикѣ большинство предпочитаетъ „прежняго“ Кулиша нынѣшнему. Но премудрость оправдается

отъ чадъ своихъ“. А въ письмѣ онъ прибавилъ къ этому: „Дорожу всего больше словомъ правды о нашей польско-русской старинѣ, перелѣбанной шиворотъ на выворотъ съ легкой руки геніальныхъ неучей Гоголя и Шевченка“.

На просьбу кн. Шаховского разъяснить, что разумѣль Кулишъ подѣ словами въ предыдущемъ письмѣ: „задача междунациональнаго равновѣсія“, онъ отвѣтилъ письмомъ отъ 21 августа 1893 года:

„Задача междунациональнаго равновѣсія, писалъ онъ—у меня значитъ возвращеніе къ праву жизненнаго равенства, нарушенному между старою и новою Русью, то-есть между Малою и Великою Россіей, вслѣдствіе татарскаго погрома и возвышенія Литвы да Польши на степень культурныхъ народовъ, по милости нашихъ старорусскихъ предковъ, именно тѣхъ изъ нихъ, которыхъ обѣ сосѣднія національности ассимилировали съ собою. Литва, собственно говоря, была та же Рус., въ минимальной численности, родная той Руси, которую монголы частью прогнали на Клязьму, частью прижали къ Угорскимъ горамъ. Что касается Польши, искусно, по-римски присоединившейся къ литворуссамъ, то она втянула въ свою народность все талантливое, знатное и богатое въ нашей старорусской предковщинѣ. Когда бѣ послѣ ея захвата просѣять неравныя по крупности и достоинству зерна польской пшеницы сквозь политическое рѣшето, то въ немъ осталась бы только русская часть представителей польскаго ума, польской знатности, польскаго богатства. Но политическое рѣшето, равнозначашее съ международною динамикой, избрѣтено такъ поздно, что остающіяся въ немъ крупныя, благородныя и дорогія зерна, будучи разсѣяны самою доброжелательною рукою по варягорусскимъ займицамъ, производили бы уже не русское, а польское племя. Такъ оно было и было такъ въ самый разгаръ борьбы съ латино-польскимъ элементомъ за „древне-русское благочестіе“, когда князь Константинъ-Василій Острожскій, отправляя своего первенца въ чужіе края, напутствовалъ его словами: „помни, мой сынъ, что ты полякъ“.

„Нося въ умѣ подобныя воспоминанія, заговорщикъ и *гетманъ* 1847 года очутился у кормила верховной власти въ Варшавѣ, вмѣстѣ съ потомкомъ знаменитыхъ князей Черкасскихъ, и служба была для него дѣломъ второстепеннымъ, хотя, по множеству его работъ (между прочимъ болѣе 70 томовъ редактированнаго имъ русскаго перевода „Административныхъ Постановленій Царства Польскаго“) князю Черкасскому и казалось, что онъ „абсорбированъ“ (всеподданнѣйшій докладъ о назначеніи *ex-гетману* жалованья *ad personam*). Свидѣтельствомъ идеи, дѣйствительно абсорбировавшей его, была (и безъ сомнѣнія сохранилась въ государственномъ архивѣ) рукопись его подъ заглавіемъ „Русь и Польша“, которую докладывалъ Милютинъ Императору Александру II¹⁾ и сообщилъ официально въ Варшаву о благосклонномъ отзывѣ Его Величества, и импровизированный имъ потомъ „*Холмскій календарь*“, съ его статьей о *Польшѣ и Россіи*²⁾, и наконецъ „Исторія Возсоединенія Руси“, которой начало подъ заглавіемъ „Колонизація Русскихъ пустынь“, напечатана въ *Вѣстникъ Европы*. Зловреднаго заговорщика 1847 года абсорбировала исторія, какъ основаніе русской политики относительно Польши и той Россіи, которая по своему разрушительному вліянію на судьбы Польши и созидательному на судьбы великаго Русскаго міра, не совсѣмъ вѣрно называется Малою.

„Старанія наши объ уравниженіи польскаго элемента съ русскимъ (согласно динамикѣ народностей) на древне-русской этнографической почвѣ, которая въ до-владимірскую старину простиралась за Краковъ, были остановлены внезапною смертыю Милютина и торжествомъ сторонниковъ графа Берга надъ сторонниками князя Черкаскаго.

„Теперь, кажется, я облегчилъ вамъ то, что вы столь для меня лестно называете изученіемъ меня, чтобъ вполне освоиться

¹⁾ Это было сдѣлано безъ всякаго намека со стороны автора. (Прим. Кулиша).

²⁾ Я не былъ еще тогда директоромъ духовныхъ дѣлъ, и князь Черкасскій былъ пораженъ этой книгой, а о моей статьѣ думалъ, что ее написалъ Костомаровъ (печальное доказательство того, какъ иногда популярности, отравляя умъ писателя, дѣйствуетъ и на умы неотравленные). (Его же примѣч.).

съ моиими взглядами. Но прежде чѣмъ приняться за чтеніе моеи напечатанной въ 1874 и 1877 годахъ книги („Исторія Возсоединенія Руси“), благоволите прочитатъ прилагаемое при семъ предисловіе ¹⁾, чтобы не читать, а развѣ перелистывать „Исторію Возсоединенія Руси“, такъ какъ въ ней, рядомъ съ мыслями вѣрными, печаталось и такое, чего теперь я уже не напечаталъ бы. По пословицѣ *est modus in rebus*, которою незабвенный князь Черкасскій ободрялъ меня въ служебныхъ бременахъ, не всегда удобоносимыхъ (онъ прочилъ меня на свое мѣсто,—*heu! pos hominuli...*), я сдѣлалъ значительные успѣхи не только въ его служебномъ дѣлѣ, но и въ моемъ собственномъ. Такъ по крайней мѣрѣ хочется думать во исполненіе заповѣди апостольской: „духа не угашайте, Богу (исторической правды) служите прилежно“.

„Что касается вашего благосклоннаго мнѣнія о моей первой повѣсти, то оно даетъ мнѣ смѣлость обнаруживать передъ вами родительскую слабость къ одному изъ моихъ дѣтищъ. Въ собраніи позднѣйшихъ моихъ повѣстей (четыре томика) прочитайте когда нибудь „Феклушу“. Я потому глажу ее въ настоящемъ случаѣ по головкѣ, что она обратила на себя вниманіе двухъ почтенныхъ представителей соперничающихъ народностей,—любез-

¹⁾ Предисловіе къ такъ называемому „второму исправленному и дополненному изданію Исторіи Возсоединенія Руси“:

Три тома „Исторіи Возсоединенія Руси“, вышедшіе до сихъ поръ въ свѣтъ, были написаны при самыхъ неблагопріятныхъ для автора обстоятельствахъ. Видоизмѣнившись вмѣстѣ съ теченіемъ жизни, эти обстоятельства не позволяли, однакожъ, ему продолжать его работу даже и въ видѣ такого „наброска“, каковымъ назвалъ онъ ее въ „Предупрежденіи“ къ 1-му тому. Но, не желая разстаться съ дорогою для него идеей русскаго возсоединенія, онъ, вдали отъ библиотекъ и людей ученыхъ развилъ ее, насколько могъ, въ книгѣ, на которую смотрѣлъ, какъ на программу будущей своей работы и которая напечатана въ „Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“, подъ заглавіемъ „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ (три тома). Получивъ наконецъ возможность пользоваться историческими источниками, учеными пособиями и бесѣдой съ компетентными людьми, авторъ принялся за свою прерванную работу съизнова и продолжаетъ ее, подъ названіемъ второго исправленнаго и дополненнаго изданія такъ, какъ будто всѣ семь томовъ (въ числѣ ихъ и 1-й томъ „Матеріаловъ для Исторіи Возсоединенія Руси“) не бывали еще въ типографіи.

наго моему сердцу цензора моего,—Лажечникова, и лучшаго изъ друзей козацкаго потомка, Грабовскаго, польскаго критика и беллетриста.

„При мысли, что вы будете читать „Записки о Южной Руси“, а въ нихъ и мою дружелюбную прю съ Грабовскимъ, прю козака съ паномъ и русича съ ляхомъ, я обращаю къ вамъ слова царя и пророка: „Грѣхъ юности моя и невѣдѣнія моего не помяни, по милости твоей помяни мя“. Мы ошибались оба; но таковъ былъ тогда періодъ польской и польско-русской археографіи. Мы спорили о документѣ, поддѣланномъ во времена Мазепы, будучи не въ состояніи видѣть поддѣлку. А впрочемъ я доволенъ „Записками о Южной Руси“, которыя оцѣнилъ по достоинству и всячески содѣйствовалъ ихъ пропуску въ свѣтъ С. Т. Аксаковъ. Доволенъ и вмѣстѣ горюю невыразимо, что, когда были собраны мною матеріалы для I тома (предметъ восхищенія Грабовскаго, какъ потомъ и Аксакова), господа профессора кіевскаго университета, Максимовичъ и Домбровскій, отнесли къ нимъ крайне тупо, чѣмъ и затормозили мой способъ народоизученія. Это тѣмъ болѣе для меня горестно, что *моихъ* пріемовъ не унаслѣдовалъ никто, а самъ я, даже и при умственномъ свѣтѣ Грабовскаго, не въ такой степени цѣнилъ сокровища моихъ бесѣдъ съ простолюдинами, чтобы, ради новыхъ поисковъ, жертвовать всѣми прочими интересами жизни, подобно евангельскому покупщику поля съ безцѣннымъ кладомъ. Но исторія нашихъ словесныхъ кладовъ—длинная исторія...

„Въ то время я познакомился съ Грабовскимъ и долго гостилъ въ его прекрасномъ сельскомъ домѣ; мы сразу сдѣлались друзьями до конца жизни. Для васъ не безынтересно будетъ знать, что Грабовскій за нѣсколько лѣтъ до моей службы подъ начальствомъ князя Черкаскаго, будучи правою рукой маркиза Вьелепольскаго, звалъ меня въ Варшаву и предлагалъ мнѣ поселиться у него во дворцѣ, какъ прежде я жила въ Чигиринѣ по нѣсколькимъ мѣсяцевъ,—съ тѣмъ, что мнѣ будетъ предоставлено такое мѣсто по службѣ, какового я самъ пожелаю. Внезапная смерть Грабовскаго, какъ и Милютина, остановила меня. Но и Милютинъ съ своей стороны убѣждалъ меня ѣхать

въ Варшаву словами: „вамъ надобно только поставить ногу въ стремя etc“... Ни тотъ ни другой не знали, что въ варшавскихъ рукописяхъ я вычитаю исторію русскаго воссоединенія, о которой, я увѣренъ, оба вели бы со мною дружескую прію; но меня въ Варшаву влекла всего больше извѣстная мнѣ еще въ Кіевщинѣ бібліотека, завѣщанная графамъ Красинскимъ псевдографомъ Свидзискимъ, съ которымъ я былъ близко знакомъ при посредствѣ Михаила Грабовскаго. Кстати характеризовать вамъ этого поляка и католика. Онъ былъ графъ по наслѣдству, а не потому, чтобы его титуловали въ разговорѣ, но отказался отъ своего титула, предоставивъ пользоваться имъ другою линію Грабовскихъ.

„Я злоупотребляю вашимъ вниманіемъ въ моихъ припискахъ. Но онѣ проясняютъ въ моемъ умѣ драгоценную память объ одномъ глубоко начитанномъ въ богословіи старикѣ, который любилъ меня за любопытство, съ которымъ я слушалъ его широковѣщанія, и прозвалъ меня „юноша съ сѣдиной“. Этотъ почтенный человекъ бывало извиняется, что, дряхлѣя, не можетъ уже писать ко мнѣ длинныхъ писемъ, и тутъ же наполняетъ свои листки столькими приписками, что по малорусской пословицѣ „курицѣ негдѣ клюнуть“.

Послѣдніе годы жизни Кулиша, какъ извѣстно, были посвящены переводу на малорусскій языкъ книгъ Ветхаго Завета. Этотъ трудъ, среди деревенскаго одиночества, наполнялъ душу старца покоемъ и тишиной.

„Моя и моей Сестры Милосердія (такъ наз. онъ жену свою) жизнь—писалъ онъ намъ,—представляетъ реакцію дисгармоническому обществу и дисгармонической массѣ. Живопись, музыка, наука, поэзія и религія—вотъ органы примиренія нашего съ общественною и антиобщественною жизнью. Въ настоящее время въ вашей душѣ водворяетъ гармонию Библія, которую перевожу на оригинальнѣйшій изъ всѣхъ славянскихъ языковъ. Пять книгъ Моисеевыхъ и Иисуса Навина книгу прикрѣпилъ уже я къ бумагѣ самымъ пріятнымъ для меня способомъ. Такіе французы, какъ

Верне и такіе нѣмцы, какъ Рейсъ и Каутчъ, услаждали мой отдыхъ своими комментаріями, а работа надъ словомъ доставляетъ мнѣ столько гармоническаго удовольствія, что ни задушевная мысль о возрожденіи Руси, ни переписка съ друзьями (ихъ у меня всего два—три человекъ), ничто не превышаетъ этого самоудовлетворенія. Пока не кончу предпринятый переводъ, чувствую себя неспособнымъ къ другимъ занятіямъ и удовольствіямъ“.

„Передъ мною—пишетъ Кулишъ въ другомъ письмѣ,— знаменитые библисты Каутчъ, Рейсъ, Верне, а передъ глазами души моей такой переводъ Библии, какого не удостоена ни одна гонимая народность... Развѣ это недостаточно извиняетъ меня за то, что наши вредные въ прошломъ пріятели и безвредные въ настоящемъ враги поляки называютъ *gubaszność*? Можетъ быть, и слѣдовало насъ притѣснить за Шевченка, Костомарова и тавихъ байструковъ ихъ, какъ Мордовцевъ, но преслѣдовать меня за мою любовь (NB и знаніе) малорусскаго элемента было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно. Но эта грусть положила сегодня перо уже на 15 стихъ (главы III-й) четвертой книги Моисея. Съ точностью машины, сработанной въ Лондонѣ, она, эта горькая, но почему то и сладостная, грусть отчеканиваетъ ежедневно *minimum* по шести столбцовъ достопочтеннаго Оксфордскаго изданія Библии, и переводъ мой, съ помощью Божіей, появится заграницею ливрезонами въ 500 экземпляровъ, имѣющими цѣлью вызвать замѣчаніе земляковъ, а пожалуй и филологовъ“.

„Можетъ быть, вы получили мой стихотворный переводъ „Книги Товитовыхъ словесъ“. Книги Іова и „Псалтырь“ давно уже мною переведены въ стихахъ и, будучи отвергаемы нашими книжниками и фарисеями, поучаютъ самарянъ“.

Желая дать русскому обществу вѣрное понятіе о положеніи русиновъ въ Галичинѣ и полагая, что литературная форма повѣсти представить наилучшій путь къ тому, чтобы заинтересовать русскихъ читателей и привлечь ихъ вниманіе къ зарубежной Украинѣ, П. А. Кулишъ задумалъ написать повѣсть, пра-

வில்ньё—переработать прежде написанный имъ очеркъ, называвшійся въ первой редакціи „Искра любви“, въ большую повѣсть, главное дѣйствіе которой происходитъ въ Галиціи, почему и повѣсть названа имъ „Владимірія“. Но съ этимъ трудомъ Кулиша приключился особый случай, о которомъ онъ подробно передаетъ въ письмѣ къ кн. Шаховскому слѣдующее:

„Присоединенная къ древнѣйшимъ русскимъ Займищамъ Червоная прикарпатская Русь, именуемая часто Подгорьемъ, и нѣкоторыми писателями называемая Владимірією (Ладомирія), продолжаетъ представлять, въ своемъ двойномъ славянскомъ населеніи печальное зрѣлище борьбы, которая завершилась у насъ воссоединеніемъ такъ называемой (не совсѣмъ конкретно) Малороссіи съ Великою Россіей. *Принимая въ этой исконной борьбѣ дѣятельное участіе по предмету освобожденія малорусскаго языка отъ польщизны, русскаго сознанія—отъ внушаемой русинамъ поляками отчужденности, а древняго русскаго „благочестія“—отъ римскаго „нечестія“* (какъ мы бывало называемъ латинство да уніатство), написалъ я нѣчто въ родѣ повѣсти подъ видомъ „посмертныхъ записокъ моего пріятеля“, озаглавивъ ихъ „Владимірія“, и послалъ мою рукопись (въ трехъ тетрадахъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 200 листовъ) бывшему издателю *Гражданина* въ полное распоряженіе. Но, какъ это съ русскими людьми бываетъ часто, своя своихъ не познаша. Въ теченіе цѣлаго года я не получилъ никакого отвѣта. Не отвѣтилъ князь Мещерскій и потомъ на два письма Вл. Ив. Шенрова. Когда, наконецъ, изданіе газеты перешло къ Филиппеусу, тотъ моему петербургскому уполномоченному говорить, что князь не передалъ ему рукописи „Владимірія“.

Оказалось по справкѣ, что кн. Мещерскій какъ-то затерялъ эту рукопись. Поскорбѣвъ объ утратѣ, Кулишъ предпринялъ въ 1894 году тяжелый для своего преклоннаго возраста трудъ восстановления повѣсти по оставшимся черновымъ наброскамъ. Работѣ помогла инфлуэнца, уложившая старца въ постель и оторвавшая его на время отъ перевода Библии. „1-е мая—писалъ онъ намъ—праздновалъ я въ одиночкѣ съ моимъ alter ego по

случаю совершеннаго окончанія и переписки на-бѣло 20 главъ „Владиміріи“. „Се зачатъ и болѣ, и роди беззаконіе“... Симвъ прекраснымъ стихомъ принужденъ я характеризовать мою беззаконную работу,—беззаконную въ томъ смыслѣ, что „праведнику законъ не лежитъ“, а „дураку законъ не писанъ“. У меня и праведникъ, и дуракъ сошлись лицомъ къ лицу, какъ это увидите окончательно изъ XX главы (содержащей въ себѣ 40 листовъ). И вотъ, совлекшись (буквально такъ) съ одра болѣзни, кой-какъ сидя и полулежа, принялся я возстановлять мою „Искру любви“ по черновой рукописи, которая, кромѣ нѣсколькихъ листовъ, какъ-то сохранилась у меня. Что это была за работа, вы увидите по моему сувениру, по черновой рукописи, которую вамъ посылаю, какъ любителю напряженнаго труда.

„Мѣсяцы были зимніе, работалъ я и при дневномъ пасмурномъ свѣтѣ, и при свѣчахъ и лампѣ, зачеркивая то, что далось прочесть, дабы возможно было прочесть этимъ способомъ непрочитанное. Живу же я на свѣтѣ 75-й годъ, и потому страшно притупилъ остатокъ зрѣнія, которое одно только, яко близорукое, не дозволило мнѣ поступить въ Академію художествъ, рисовальщичку съ дѣтства такому, что когда я поступилъ въ гимназію, гдѣ учителемъ рисованія былъ академистъ,—онъ не повѣрилъ первому представленному ему мною рисунку карандашомъ и заставилъ меня повторить рисунокъ въ своемъ присутствіи.

„Вчитываясь въ хаотически писанную рукопись, я мысленно твердилъ: „сохрани, яко зеницу ока“ и продолжалъ однако мою работу до конца. Многое писанное при перепискѣ прямо набѣло я перезабылъ, и такъ мнѣ было трудно высказать забытое, что вмѣсто 240 листовъ я написалъ 278 и всетаки не могъ повторить утраченныхъ листовъ черной рукописи и того, что было въ ней писано неясно, часто карандашомъ полуистершимся, а часто такими намеками, по которымъ я могъ писать только на свѣжую память. Вы увидите, что нѣкоторые листки переписаны мною дважды, трижды и чегырежды. Все это потому, что я въ потемкахъ памяти искалъ потеряннаго“.

Независимо отъ повѣсти „Владимірія“, П. А. Кулишъ замыслилъ въ 1894 г. историческій романъ изъ недавняго прошлаго; выдержки изъ первой главы этого романа, присланныя кн. Шаховскому для прочтенія, помѣщены имъ въ концѣ статьи, посвященной памяти Кулиша.

Въ заключеніе приводимъ любопытные документы, извлеченные княземъ Шаховскимъ изъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія и относящіеся къ литературной дѣятельности П. А. Кулиша 1856—1858 годовъ.

Какъ извѣстно, по приговору особаго суда надъ участниками Кирилло-Меѳодіевскаго Общества“, въ 1847 году Кулишу было вовсе воспрещено писать и издавать свои сочиненія, а въ слѣдующемъ году хотя и послѣдовало разрѣшеніе продолжать ему литературныя занятія, но не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы онъ представлялъ свои сочиненія на предварительное разсмотрѣніе въ III отдѣленіе Собств. Е. И. В. Канцеляріи. Въ началѣ 1856 г. Кулишъ обратился къ управляющему этимъ отдѣленіемъ канцеляріи генераль-адъютанту Дуббельту съ просьбой объ исходатайствованіи для него права общей цензуры, съ освобожденіемъ отъ обязанности представлять свои сочиненія въ III отдѣленіе, такъ какъ это затрудняло его литературныя занятія при составленіи статей для періодическихъ изданій. Генераль Дуббельтъ, отношеніемъ отъ 4 апр. 1856 года, извѣстилъ министра Нар. Просвѣщенія, что, по всеподданнѣйшему его докладу, Государь разрѣшилъ печатаніе сочиненій Кулиша по разсмотрѣніи оныхъ въ обыкновенной цензурѣ, „съ тѣмъ только, чтобы цензоръ обращалъ на сочиненіе его строжайшее вниманіе“.

Вскорѣ послѣ этого освобожденія отъ спеціальной цензуры, Кулишъ представилъ въ общую цензуру статью свою „О причинахъ взаимнаго ожесточенія Поляковъ и Малороссіянъ въ XVII вѣкѣ. На этотъ разъ цензоромъ ея оказался самъ товарищъ министра Нар. Просвѣщенія князь П. А. Волконскій, потребовавшій въ статьѣ нѣкоторыхъ измѣненій. Представляя

статью въ исправленномъ, согласно указаніямъ кн. Вяземскаго, видѣ, Кулишъ писалъ ему отъ 16 декабря 1856 года:

„Я исправилъ, по указаніямъ вашего сіятельства, мою рукопись, смягчилъ нѣкоторыя выраженія (для большей видимости красными чернилами) и прибавилъ на стр. 246 нѣсколько предварительныхъ словъ, въ которыхъ приписываю намъ, Русскимъ, готовность выслушивать терпѣливо и внимательно мнѣнія иноплемennныхъ и иновѣрныхъ писателей для полного уразумѣнія истины. Такое великодушіе со стороны людей право правящихъ необходимо для того, чтобы исторія и критика получили у насъ все свое достоинство, и я думаю, что, кто бы ни былъ моимъ читателемъ, всякому будетъ пріятно сознавать себя неліцензіяннымъ судьей, который готовъ выслушать все изъ любви къ истинѣ. Облекши такимъ образомъ судей своихъ во все величіе безстрастнаго ума, я слѣпо нанечаталъ бы все безъ исключеній, что сказано Грабовскимъ. Дѣло въ побужденіяхъ писателя; а побужденія Грабовскаго относительно Россіи такъ чисты, что у поляковъ—фаватиковъ онъ считается *измѣнникомъ*. Имя его не ново въ нашей литературѣ. Въ 1845 году П. А. Плетневъ помѣстилъ въ *Современникъ* два прекрасныя письма его о Гоголѣ и Пушкинѣ. Писатель съ такимъ глубокимъ сочувствіемъ ко всему достойному въ Россіи и съ самостоятельнымъ взглядомъ на исторію и поэзію заслуживаетъ уваженія нашей цензуры, и его голосъ, свободный, не стѣняемый установленными у насъ мнѣніями, будетъ способствовать къ оживленію дѣятельности умовъ Русскихъ.

„Вчера при свиданіи съ вашимъ сіятельствомъ я осмѣлился войти къ вамъ съ просьбой ускорить возвращеніе моей рукописи въ Московскій Цензурный Комитетъ. Благосклонное вниманіе вашего сіятельства ободряетъ меня повторить ее письменно, такъ какъ эта статья должна закончить 2-й томъ *Записокъ о Южной Руси*, которыхъ выходъ только отъ нея зависитъ“.

Рукой кн. Вяземскаго написано на этомъ письмѣ: „По моимъ замѣчаніямъ авторъ сдѣлалъ измѣненія въ своей рукописи и въ настоящемъ видѣ она можетъ быть напечатана“.

Успѣхъ *Записокъ о Южной Руси* одушевилъ „горячаго Кулиша“ на предпріятіе болѣе широкое—онъ вознамѣрился издавать журналъ, посвященный „южно-русской“ жизни. Въ 1858 г., 25 окт. вошелъ онъ о семъ съ прошеніемъ къ министру Народнаго Просвѣщенія Ковалевскому.

„Въ 1856 году, писалъ онъ,—предпринялъ я изданіе *Записокъ о Южной Руси*. Я объяснилъ цѣль этого изданія въ предисловіи къ первому тому слѣдующими словами:

Съ нѣкотораго времени въ образованномъ классѣ сѣверорусскаго населенія пробудилось особенное желаніе узнать поближе Малороссію или Южную Русь, эту богатую дарами природы и историческими воспоминаніями страну, о которой такъ много говорятъ и пишутъ. Съ другой стороны, уроженцы Малороссіи начали чувствовать живѣе прежняго жажду самопознанія, которая выражается множествомъ книгъ по предмету мѣстной исторіи и этнографіи, изданныхъ въ послѣднее время въ Кіевѣ, Одесѣ, Харьковѣ и другихъ южно-русскихъ городахъ. Удовлетворяя этому двойному требованію, я предпринялъ издать въ неопредѣленномъ количествѣ томовъ *Записки о Южной Руси*, въ которыхъ бы каждый просвѣщенный русскій человѣкъ имѣлъ энциклопедію разнообразныхъ свѣдѣній о народѣ, говорящемъ языкомъ южно-русскимъ.

„Въ *Русской Бесѣдѣ* 1857 года (кн. III) я опредѣлилъ полнѣе взаимныя нужды и сочувствія обитателей сѣвернаго и южнаго краевъ Россіи. Тамъ, между прочимъ, сказано у меня о Гоголѣ (стр. 239): „Назначеніе Гоголя было внести начало глубокаго и всеобщаго сочувствія между двухъ русскихъ племенъ, сѣвернаго и южнаго. Русская литература со времени Гоголя сдѣлалась родственнѣе прежняго для малороссіянъ: они въ ней увидѣли себя въ настоящемъ и прошедшемъ. Съ другой стороны великороссіане, посредствомъ сочиненій Гоголя, какъ бы вновь узнали, полюбили и приобрѣли душой Малороссію“.

„Побуждаемый выраженнымъ въ этихъ строкахъ сочувствіемъ къ тѣсному нравственному соединенію обоихъ русскихъ племенъ, я напечаталъ два тома *Записокъ о Южной Руси* и, къ

удивленію своему, получили отъ разныхъ лицъ такое множество матеріаловъ для слѣдующихъ томовъ, что изданіе ихъ, безъ содѣйствія подписчиковъ оказалось для меня невозможнымъ въ денежномъ отношеніи. Поэтому я имѣю честь обратиться къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбой—разрѣшить мнѣ изданіе журнала въ томъ же духѣ, что и *Записки о Южной Руси*, но въ болѣе разнообразномъ составѣ. Потребности современнаго общества указываютъ мнѣ на необходимость помѣщать въ предполагаемомъ журналѣ повѣсти и романы изъ южно-русской жизни, статьи о сельскомъ хозяйствѣ, торговлѣ и промыслахъ въ Южной Россіи, а также статьи критическія о произведеніяхъ русской и иностранной словесности и разныя замѣчанія о вопросахъ, интересующихъ современное общество. Журналъ мой будетъ *чуждъ политики*, и такъ какъ его цѣль не столько спеціальная, сколько общежитейская и всего болѣе хозяйственная, то прошу дозволенія дать ему слѣдующее наименование: *Хата, южно-русскій журналъ словесности, исторіи, этнографіи и сельскаго хозяйства*“.

Министръ Народнаго Просвѣщенія свесся по вопросу о разрѣшеніи Кулишу издавать журналъ *Хату* съ главнымъ начальникомъ III отдѣленія и отъ послѣдняго (князя Долгорукова) получилъ слѣдующій „отзывъ“ (отъ 8-го декабря 1856, № 2.505):

„Имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что, принимая въ соображеніе свѣдѣнія о губернскомъ секретарѣ Кулишѣ, изложенныя въ отношеніи предмѣстника моего отъ 30 мая 1847 года, № 897, къ бывшему тогда министру Народнаго Просвѣщенія, графу Уварову, и имѣлъ также въ виду приведенныя въ отношеніи моемъ къ вашему превосходительству отъ 4 іюня сего года, за № 1210, статьи, напечатанной здѣсь въ прошедшемъ году, въ типографіи *Кулиша*, книги „Грамматка“, которыя, если книга эта имъ самимъ издана, ясно доказываютъ, что онъ въ литературной своей дѣятельности слѣдуетъ прежнему направленію, бывшему причиной особыхъ мѣръ, принятыхъ противъ него правительствомъ, я полагаю бы разрѣшеніе губернскому секретарю *Кулишу* изданія журнала отклонить“.

На основаніи этого отзыва Кулишу было отказано въ его ходатайствѣ. Но онъ былъ не изъ числа тѣхъ, у которыхъ отъ неуспѣха опускаются руки. Напротивъ, онъ неослабно продолжалъ собирать матеріалы для исторіи Малороссіи и представлялъ въ цензуру новыя монографіи. Объ одной изъ нихъ „Хмельничинѣ“ въ 1860 г. было разсужденіе въ Главномъ Управленіи Цензуры, гдѣ цензоромъ Никитенкой было высказано слѣдующее мнѣніе:

„По поводу внесенія въ Главное Управленіе Цензуры рукописи, подъ заглавіемъ: „Хмельничина“, изъ исторіи Малороссіи г. Кулиша, возникаютъ два вопроса: во-первыхъ, какъ смотрѣть съ цензурной точки зрѣнія на историческія сочиненія отдѣльныхъ частей Имперіи, бывшихъ нѣкогда въ извѣстной степени автономными, и во-вторыхъ, можетъ ли быть пропущенъ рядъ статей о Малороссіи, подобныхъ представленнымъ г. Кулишемъ.

„По первому пункту—цензура не можетъ и не должна препятствовать обнародованію спеціальныхъ сочиненій, касающихся разныхъ областей Имперіи, бывшихъ нѣкогда отдѣльными и нынѣ составляющихъ съ нею одно цѣлое, *если написаны чисто съ ученою и литературною цѣлію безъ всякой мысли о возможности ихъ самостоятельнаго существованія, безъ всякихъ сепаратическихъ ученій и намѣреній.* Въ литературѣ нашей много существуетъ монографій такого рода. Въ отношеніи собственно къ Малороссіи мы имѣемъ два большія историческія сочиненія: Бантышъ-Каменскаго и Маркевича, не говоря уже о недавно вышедшемъ въ свѣтъ трудѣ Костомарова *Богданъ Хмельницкій*. Исторія отечества нашего принимаетъ, какъ ручьи въ свой общій истокъ, всѣ частныя историческія изложенія и приобрътаетъ отъ нихъ полноту и ясность.

„Этимъ общимъ воззрѣніемъ долженъ быть разрѣшенъ и частный случай относительно историческихъ монографій, или всей будущей исторіи Малороссіи Кулиша. Доставленный имъ отрывокъ не даетъ еще возможности судить о значеніи его труда въ цѣломъ. Само собою разумѣется, что цензура, допускающая ихъ къ печати, на основаніи вышеприведеннаго правила,

должна не только не допускать въ этомъ направленіи ничего сепаратическаго, но обязана исключать и такія мѣста, какія замѣчены цензоромъ Бекетовымъ о *Хмельничинѣ*, и какія обозначены въ ней карандашемъ—мѣста, бросающія тѣнь на отношенія Малороссіи къ Россіи въ прошедшемъ. Цензоры тѣмъ осмотрительнѣе должны быть въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ Кулишъ пишетъ свои статьи съ цѣлью сдѣлать ихъ доступными массѣ народной“.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Два поддѣльныхъ историческихъ документа. Поддѣлка историческихъ документовъ существуетъ издавна и продолжается до нынѣ. Причины, вызывающія поддѣлки, различны; главною изъ нихъ конечно бываетъ *корысть*, но встрѣчается и другая,—такъ сказать, *патріотическая* любовь къ исторіи. По крайней мѣрѣ, эту послѣднюю причину встрѣчаемъ мы въ поддѣлкахъ малорусскихъ историческихъ документовъ. Старѣйшимъ изъ извѣстныхъ намъ этого рода поддѣльныхъ документовъ является извѣстный универсалъ «Стефана Криштофа зъ Острога и Остра Остринина», оказавшійся въ обоихъ извѣстныхъ спискахъ лѣтописи Величка и, кромѣ того, найденный въ одномъ изъ сборниковъ конца XVIII в. ¹⁾. Впервые обнародовалъ этотъ универсалъ Кулишомъ въ 1857 г., во 2-мъ томѣ Запис. о Южной Руси, и сопровождался обширными комментаріями издателя и польскаго ученаго Мих. Грабовскаго, считавшагося знаткомъ исторіи днѣпровскаго козачества. Указывая на историческое значеніе этого документа, оба комментатора нисколько не сомнѣвались въ его дѣйствительности. Напротивъ, Грабовскій даже подчеркиваетъ, что «невозможно подозрѣвать здѣсь какой-нибудь позднѣйшей поддѣлки», потому что—какъ «языкъ де, такъ и подробности тиранства претерпѣннаго отцомъ и братомъ гетмана Остриницы, все въ нихъ показываетъ, что лица и происшествія списаны съ натуры»... Интересенъ и отзывъ Костомарова. «Универсалъ гетмана Остринина—это большая драгоценность: и какъ историческій матеріалъ, и какъ письменный памятникъ XVII вѣка. Складъ его плавенъ, тонъ благороденъ, рѣчь жива и одушевлена» ²⁾... Мы не видѣли подлинника Величковой лѣ-

¹⁾ См. предисловіе къ т. IV-му Лѣтоп. Величка, стр. VII.

²⁾ Отеч. Зап. 1857 г., № 9, отд. 2-е, стр. 6.

тописи и ничего не можемъ сказать о внѣшнемъ видѣ этого «универсала», но одно надписаніе послѣдняго (двухъименность и указаніе на Острогъ и Остеръ) могло возбудить у названныхъ трехъ историковъ, если не сомнѣніе, то большое недоразумѣніе... Правда, языкъ въ «универсалѣ» *очень искусень*... Кулишъ, признавшій поддѣльность «универсала» чрезъ шесть лѣтъ послѣ его напечатанія, справедливо говоритъ, что языкъ этого документа совершенно сходенъ съ языкомъ лѣтописи Величка ¹⁾... Очень возможно, что «универсалъ» и сочиненъ этимъ первымъ «украинофиломъ» изъ *патріотическаго* желанія—рельефно изобразить тѣ насилія поляковъ, которыя вызывали козацкія возстанія до ноя. XVII в., но о сущности которыхъ у «истиннаго сына Малыя Россіи» не доставало свѣдѣній «небытности дѣла козацкихъ лѣтописцовъ»... Предположеніе это является тѣмъ вѣроятнѣе, что если поддѣлка универсала относится къ нач. XVIII в., то поводомъ къ ней могло быть Мазепино дѣло, будившее старую, уже улег-

¹⁾ Библиот. для Читен., 1863 г., октябрь (?), стр. 25—27. Указавъ свои соображенія относительно поддѣльности, К—шъ въ заключеніе говоритъ: „Читатель вправѣ теперь спроситъ меня: почему же не пришли мнѣ въ голову всѣ эти соображенія, когда я печаталъ универсалъ Острианицы въ *Зап. о Южн. Руси*? На это я отвѣчу: потому, почему не пришли они въ голову ни польскому писателю Мих. Грабовскому, который сообщалъ мнѣ для помѣщенія тамъ же замѣчанія свои на этотъ универсалъ, ни автору *Богд. Хмельницкаго*, который подробно разобралъ оба тома моего сборника въ *Отеч. Запискахъ*“. Отвѣтъ уклончивый... Прямой отвѣтъ заключался бы въ признаніи недостатка, въ 1857 г., у К—ша той *начитанности* въ историческихъ актахъ, которою онъ обладалъ шесть лѣтъ спустя... Таже причина ввела въ заблужденіе и Костомарова... Грабовскій былъ вообще малосвѣдущъ въ мѣстной исторіи.—Костомаровъ, въ своей исторіи Острианицы (Богд. Хмельн., изд. 1884 г., I, 178) вовсе не упоминаетъ о его „универсалѣ“, а рассказываетъ о бѣгствѣ его въ Чугуевъ, задается вопросомъ—толь ли это Острианица, который сражался съ поляками, такъ какъ послѣдній въ малорусскихъ лѣтописяхъ именуется де Стефаномъ, а бѣжавшій въ Чугуевъ зовется Яковомъ. Но дѣло въ томъ, что ни Самовидецъ, ни Грабляка Острианицу по имени вовсе не называютъ. „Межигорская лѣтопись (Сборн. лѣтоп., изд. Ком. для разб. др. акт.), изданная послѣ смерти Костомарова, Острианицу называетъ *Якомъ*, (стр. 96) А „Стефаномъ“—Острианица называется лишь въ *Исторіи Русовъ*, авторъ которой нарисовалъ такую страшную картину его казни (стр. 56), передъ которой описанныя въ „универсалѣ“ истязанія отца и брата Острианицы—совсѣмъ блѣднѣютъ... Но быть можетъ авторъ *Исторіи Русовъ* лишь продолжилъ фантазію сочинителя универсала и нашелъ нужнымъ рассказать то, чего Острианица самъ не могъ рассказывать... Если *Исторія Русовъ* написана Гр. А. Полетиюкомъ, то послѣднему „универсалъ Острианицы“ долженъ былъ быть извѣстенъ, такъ какъ онъ и въ спискѣ лѣтописи Величка, принадлежавшемъ Полетиюку, причѣмъ въ этомъ только спискѣ и сохранилось начало универсала.

шуюся было народную неприязнь къ полякамъ 1)... Неприязнь Величка къ личности Мазепы очевидна изъ его лѣтописи, хотя тутъ главную роль играютъ личныя отношенія лѣтописца къ своему патрону Кочубею.

Какъ бы то ни было, но мотивъ поддѣлки «универсала» Остриницы несомнѣнно *патріотическій*, при чемъ составителемъ его былъ человекъ близко знакомый съ разными хрониками, лѣтописями и универсалами.

Съ тѣмъ же мотивомъ поддѣлки мы знаемъ еще два документа, которые хотя и напечатаны, но въ такихъ издаціяхъ, что документа эти остаются, можно сказать, вполне неизвѣстными.

Первый документъ представляетъ собою духовное завѣщаніе Басанскаго сотника Клима Шаповаленка, которое и приводимъ здѣсь 2).

«1748 року, мая 17 дня. Нераздѣльней Тройцѣ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Рабъ божій Климъ Григоровичъ Шаповаленко, Переяславскаго полку сотникъ Басанскій, всему вѣйску и Запорижью, всѣй старшинѣ и казатству и всѣй черне, мешкуючей и жувучей коло Басани и въ Басани, о Бози радоватися желае.

Я, щирый слуга ея пресвѣтлому царскому величеству, а ясно-вельможныхъ панивъ гетьманивъ нелукавый рабъ, и всему вѣйску и козатству—кривный товаришъ, промѣшкавши многіе лѣта и доживши до ста четвертаго року, не чаю вже живота: жпзнь моя гасне и може завтра рано, але и ближе, могла—дружина, а живтый песокъ—родина моя! Близкіе и далекіе пріятели и друзи скоро стекутся ко мнѣ, но не привитатися, а на виць прощатися. Прощайте друзи, родичи и пріятели, близкіе и далекіе, прощайте и вы, которые близко мене сидѣли та лукавымъ окомъ на мене глядѣли. Прощайте и тіи, що меня магайбу давали та зло замышляли! Се отхожу на онъ свить! Всимъ вамъ миръ, любовь и благодать отъ Вседержителя Бога Отца оставляю. Но понеже я маю багацько добра и оставляю по соби, ягъ то: паханну въ поляхъ, лѣсахъ, грунтахъ и сѣножатахъ, наданныхъ по универсаламъ отъ ясневельможныхъ панивъ гетьманивъ, за щирую мою и панотца моего Григорія, сотника Басанскаго, п дѣда, ихъ пресвѣтлымъ царскимъ величествамъ, то все сіе, вси

1) Очень можетъ быть, что та же патріотическая тенденція создала въ лѣтописи Величка и другіе сомнительные ея акты, хотя послѣдніе требуютъ еще тщательнаго пересмотра. См. предисл. Костомарова къ его монографіи о Мазепѣ, стр. V.

2) Напечатано въ Черниг. Губ. Вѣд. 1850 г., № 19.

ножителъ, маестности и всяку рухладь, скоть, волю, кони и вывци, вѣтряныя и гребельныя мельницы и всю, яка по мнѣ есть одежда, заповѣдаю сыну моему еднородному, превелебному отцу Григорію Климовичу Шаповаленку, по матери Степановскому, ничеговскому ¹⁾, панотцю, кой тамъ отъ мене поселенъ на дидовскимъ грунти и живе, въ тымъ, жебы онъ вично за многогрѣшную мою душу молитвовався. А якіе въ-малы остались отъ поморщинъ (?) подданные, наданные по грамотамъ и универсаламъ, то мають быть вси на воли, а якіе перебигли за Кубань, та зновъ вернутса, то вси сія остаются за вичные часы реченному сыну Григорію въ его послушенстви. Тилько, якъ вернетса Бильченко и Науменко зъ Овдіемъ, то отшмаровать ихъ барбарами и отдать ихъ вично на пекарню брату жены моей, кіевскому полковому судьи пану Степановскому ²⁾. Адомашковскіе жъ и ларчевые кунгуши—матери его Степаниды и реброны, а также золоть-атласъ, каутаны, жалованные мнѣ и панотцю моему отъ ясневельможныхъ панивъ гетманивъ, отдать на ризы по церквамъ; а саеговые бекешы, славянки, киреп и черкески, персидскіе и мостровые (люстровые?) поясы продать на алтыны, або сестрицяиъ отдаты, або де хоче диты реченный сынъ Григорій, соби на поживанье. Сребло же, якъ то: чарки, мисы, куклики, вубки, корци и михалки, зморлованные разными походами дидомъ моимъ, отцемъ и мною, на сячахъ у влятыхъ шведивъ, ляхивъ и татаръ, для помноженья хвалы Божой и молитствія за многогрѣшную мою душу, п ихъ, по обѣщанію умершаго панотця моего, отдать маеть сынъ Григорій въ Выдубицкій монастырь. По смерти же моей по росписи, гдѣ въ пролозѣ начертанной, разобрать и роздать все реченное въ оной. А змійку-татарку положить зо мною въ могилу; тамъ вона за мене скаже и на лизи (на зализи?) своемъ правду и кривду покаже: якъ за виру и отчизну стояла и бусурмарскою кривью упивалась, а якъ вона мени попалась, про те шведъ п влятый Мазепа знае. Суди Боже его и мене на тымъ свити! Якіе жъ отъ пожежъ остались у мене денешы (?), яскованы въ церквахъ Яриловской ³⁾ и Басанской, то сынъ мой Григорій по смерти моей взявши, у себе захове. Равно и сю, другу вже

¹⁾ Село Ничеговка Козелецк. уѣзда.

²⁾ Иванъ Стопановскій былъ дѣйствительно кіевскимъ полков. судьей въ пол. XVIII в.

³⁾ Сочинитель, вѣроятно, написалъ Ярославской (с. Ярославка около м. Басани), а переписчикъ ошибся.

духовницю namесто сгорившей, получить долженъ, а копировку зъ ней послать въ Выдубицкій монастырь. А якъ може найдется перша духовниця, то по ней чинить все; а якъ не найдется, то по сей другой. А буди по указанному мною сынъ Григорій не учинить, а коли на лихву (?) не такъ зробить, то да караетъ его Господь Богъ и да падеть на него личное мое неблагословеніе. Аминь. (На подлинномъ тако:) Сію духовную въ тяжкой недужи, рукою своею, крестами утвердивъ, самъ панъ сотникъ Климы Григорьевичъ Шаповаленко; и сію духовную писавъ и рукоприложеніе зробивъ родычъ его полковой асаулъ Астафій Мироненко. Свиткомъ бувъ и рукоприкладство зробивъ войсковый товаришъ Ананій Рубецъ.

Свиткою бувъ хорунжіи Сава Почека.

Приведенный документъ напечатанъ въ губернской газетѣ, безъ всякаго объясненія — кѣмъ и откуда онъ доставленъ, причемъ редакция газеты, видимо, не сомнѣвалась въ подлинности документа и, вѣроятно, видѣла въ послѣднемъ «интересный» памятникъ по находящимся въ немъ подробностямъ. Не смотря на все стараніе поддѣлывателя, работа вышла грубая. У этого автора, какъ видно, *начитанность* въ старыхъ «шпаргалахъ» была весьма незначительная... Такія слова, кака: *мешкуючий, желеае, кривныи товарищи, малайба, паханина, грѣбельная мельница, кухлики* — указываютъ на полное невѣжество автора въ актовомъ языкѣ пол. XVІІІ в. — Трудно сказать — какой патріотическій мотивъ руководилъ сочинителемъ этого завѣщанія. Вѣроятно же всего, что ему пожелалось воспроизвести на бумагѣ тотъ козацкій духъ, который полны были, въ началѣ этого столѣтія, уста *дѣтей о своихъ отцахъ*. Мы не сомнѣваемся, что завѣщаніе сочинено въ началѣ настоящаго столѣтія по упоминанію въ немъ *славянокъ*, въ которыхъ именно въ это время стали щеголять «судовые паньчи»¹⁾. Указаннаго въ документѣ «завѣщателя» Клима Григорьевича Шаповаленка въ актахъ мы не встрѣчали, а былъ, при гетманѣ Апостолѣ, басанскимъ сотникомъ *Семенъ Климовичъ* (1728—734). Были затѣмъ въ Ст. Басанн и маленькіе «паньчи» Климовичи²⁾, конечно потомки сотниковъ. Очень можетъ быть, что ктонибудь изъ этихъ панковъ, любившій чтеніе

¹⁾ См. книжку „*Pro Domo:ua*“, стр. 74. „Судовыми паньчиами“ назывались въ Малороссіи, въ прежнее время, канцелярсты разныхъ тогдашнихъ „судовъ“.

²⁾ По вѣдомости 1861 г., въ числѣ старобасанскихъ дворянъ, владѣвшихъ хрѣпостными крестьянами, значится одинъ: А. Климовичъ, а у него — одинъ крестьянинъ...

старыхъ «шпиргаловъ», желая воскресить память своего предка, живое преданіе о которомъ еще не умирало, и написалъ это завѣщаніе... Во всякомъ случаѣ, корыстнаго мотива въ сочиненіи этого документа быть не могло, такъ какъ тутъ на первомъ планѣ желалось указать на пролітіе бусурманской крови въ сраженіяхъ со «шведомъ и клятымъ Мазею»...

Засимъ, приводимъ еще одинъ поддѣльный документъ, который напечатанъ въ 1872 г., въ Полтавск. епарх. вѣд., (№ 19), священникомъ с. Богушковой Слободы, о. Воспліемъ Знайковымъ, съ примѣчаніемъ, что документъ найденъ будто-бы «въ коллекціи разныхъ документовъ одного изъ прихожанъ».

«Тысяча триста сорокъ первого (1341) года, мая 13 дня. Мы нижеподписавшіеся, старіе и младіе, вси вздоймомъ, жители Богушковой Слободки, вѣдаючи въ томъ вѣднзначашомся году, за нашего тогдашняго житія и знанія, бывшую руину отъ нахождения татарской орды, немалого числа войска, при которомъ и самъ султанъ предводителемъ находился, въ якомъ находженіи повелѣніемъ султанскимъ наменовано было, по тогдашнимъ обычаямъ татарскимъ, всѣхъ жителей Богушковой Слободки, зъ женами и дѣтьми, въ неволю забрать и въ свои мѣста гнать. Но въ то время состоящій находящійся отецъ нашъ духовный, презвитеръ церкви Богушковой Слободки, честный отецъ Іоаннъ, прозываемый Мошко, по прошенію нашему всѣхъ общему, принявъ дерзость, оказалъ благодѣяніе и явилъ надъ всѣмъ Богушковой Слободки народомъ милосердіе, умоливши султана и все его воинство, далъ въ презентъ своихъ собственнихъ, золотую монетою самихъ червоннихъ, большое блюдо до пятнадцати тысячъ денегъ, и тими деньгами всѣхъ жителей Богушковой Слободки своею властною суммою отъ неволѣ татарской свободилъ. Которой суммы не взыска на насъ, намъ оную подарилъ; что отци наши и мы вси вѣдаючи таковое его отца Іоанна Мошки благодѣяніе и показанное милосердіе о скупленіи насъ всѣхъ, зъ женами и дѣтьми, отъ татарского нападенія, впредь даемо мощъ, владность и силу, чтобъ такъ, якъ онъ, отецъ Іоаннъ, владѣеть порохією, такъ бы по немъ, за таковое его благодѣяніе, все потомство его отъ рода въ родъ въ Богушковой Слободки, зъ усмотренія рукоположеніемъ архипастырскимъ, владность имѣли, а больше никто бъ зъ стороны не его рода, никакимъ образомъ, въ ту Богушковой Слободки парохію утрачатся не могъ и преиони не чинилъ. О томъ варуемъ и симъ нашимъ собственнымъ писмомъ впредь, хто бъ того хотѣлъ знать и вѣдать, у-

верждаемъ и нашимъ потомкамъ всѣмъ по насъ укрѣпляемъ и сіе народъ нашей сельской Слободки Богущковой, яко ми вси суще есми той церкви парохіане, фундатори и ктитори, сіе письмо ему, честному отцу Іоанну Мошки, даемо и во увѣреніе именами своими подписуемся, року и дня вышеписавнихъ. Къ сему писменному утверженію мы вси ниже по именамъ и прозваніямъ значащіеся, жители Богущковой Слободки, яко не умѣтніи (не умѣющіе) божественнаго писанія, святыми крестами подписуемся.

Фесько (Ѳеодосій) Илляшенко, атаманъ Богущковой Слободки † Овдій Красіонъ † Савва Романенко † Степанъ Чумаченко † Фесько Яковенко † Іванъ Ярмошенко † Федоръ Чорній † Гаврило Гвѣдій † Вареникъ † Максимъ Приступа †.

Какой мотивъ руководилъ сочинителя этого документа—угадать затруднительно... Могло случиться, что наслѣдники священника Мошки (если таковой дѣйствительно существовалъ и конечно не въ XIV, а, наур., въ XVIII вѣкѣ), думали съ помощью этого документа закрѣпить за собою «приходъ». Но такъ какъ священникъ о. Знайковъ ничего не говоритъ о существованіи этого своего предшественника, то вѣроятнѣе предположить, что и документъ о великодушїи Богущковскаго священника въ XIV в.—сочиненъ какимъ нибудь любителемъ мѣстной старины и сочиненъ по тому самому мотиву, по которому недавно сочинено на Волини нѣсколько историческихъ документовъ¹⁾... Поддѣлокъ историческихъ документовъ ради корысти—въ Малороссїи было *множество*. Сочинялись они главнымъ образомъ въ к. XVIII в. для доказательства дворянства. Поддѣлки этого рода были до того грубы, что уже въ тридцатыхъ годахъ историкъ малорусскаго дворянства выразился объ этихъ документахъ, что «строгая историческая критика не можетъ признать ихъ основательными»...

А. Л.

Благодарственное письмо кн. А. Меншикова кїевскому дворянству 6 ноября 1709 г. за поздравленіе съ полтавской побѣдой²⁾. *Отвѣтъ* сіятельнаго князя его милости Меншикова на

¹⁾ См. „Кїевск. Стар.“ 1896 г., октябрь—„Новыя открытія въ области древлеволинскаго бытописанія“.

²⁾ Подлинникъ, на польскомъ языкѣ, находится въ собранїи К. В. Болсуновскаго въ Кїевѣ. Подпись Меншикова сдѣлана по-русски. У подписи сургучная печать князя.

инструкцію ихъ милостей господъ пословъ воеводства кіевскаго: вельможнаго его милости пана на Стечанѣ Стецкаго, подчашаго, подстаросты гродскаго житомирскаго, и вельможнаго его милости пана Яна изъ Рыбна Рыбенкаго, мечника житомирскаго. Данъ въ Варшавѣ 6 дня мѣсяца ноября 1709 года.

«За поздравленіе съ счастливо одержанными триумфами надъ общимъ врагомъ найсвѣтлѣйшаго царя и рѣчи посолоятоу князь его милость благодаритъ не только господъ пословъ, но въ частности и все воеводство; благодаритъ онъ и за особенное почтеніе, которое свидѣтельствуется почтенное воеводство кіевское князю его милости публичнымъ посольствомъ, и за признаніе тяжкихъ его трудовъ (*facig*), которые *in aemolumentum Patriae*, подобно Сцеволю съ рукою въ огнѣ, и на будущее время никогда не перестанетъ нести, и какъ всѣмъ вообще, такъ въ частности каждому изъ вельможныхъ ихъ милостей обывателей воеводства кіевскаго свидѣтельствуется (князь) свою готовность ко всякимъ услугамъ и свою благожелательность (*rowolność*). Что касается выраженнаго ихъ милостями господами послами ходатайства относительно безопаснаго пребыванія (*mieszkania*) въ своихъ границахъ, то (князь) не только путемъ дѣйтельнаго и надлежащаго представленія навсѣтлѣйшему царю его милости, но и посредствомъ распоряженій силою принадлежащей ему военной власти приметъ соотвѣтствующія мѣры къ тому, чтобы отъ войскъ царя его милости не происходило ни малѣйшаго безпокойства (*turbulencij*); въ частности же относительно притѣсненій, которыя причиняются полкомъ его милости господина Палѣя, князь прикажетъ произвести разслѣдованіе *ad satisfaktionem* обиженныхъ и для предупрежденія какихъ либо другихъ злоупотребленій (*exorbitancij*), которыя могли бы *sequi*; точно такъ же князь его милость пишетъ и относительно достопочтеннаго о. Жораковскаго его милости князю Голлицыну о разслѣдованіи причиненныхъ обидъ въ Толокиѣ и Козяровскомъ влѣчѣ¹⁾, общая полное удовлетвореніе, если только злоупотребленія въ чемъ-либо подтвердятся; общааетъ также устранить притѣсненія и въ томъ, чтобы отъ отрядовъ на постоѣ и переходящихъ войскъ, насколько позволятъ обстоятельства, не происходило никакого отягощенія, особенно въ незаконномъ отбраніи лошадей, воловъ и провіанта, и если въ этомъ отношеніи будутъ дознаны какія бы то ни было злоупотребленія со стороны какихъ либо своевольныхъ отрядовъ, то всеконечно не минуть наказанія. Что

¹⁾ Толокунъ и Козаровича—дер. в село кіев. уѣзда.

все князь его милость *iterato* обѣщая, объявляетъ этимъ отвѣтомъ выданнымъ изъ его канцеляріи, который, для большаго значенія собственноручно подписавъ и утвердивъ своею печатью, вручаетъ вельможнымъ ихъ милостямъ панамъ посламъ. *Datum ut supra*. А. Меншиковъ.

Сообщ. Н. М.

Продажа кievскою дворянкою своей дочери въ крѣпостное состояніе. Въ 1806 г. жена кievскаго повѣтоваго штабъ-лекаря Ксенія Розлачева продала родную дочь свою Марію подъ видомъ крѣпостной дѣвки донскому козаку Фершалову за 90 рублей по формальному акту, съ перемѣною отчества. Но доносъ тит. сов. Ессенкова возникло судебное дѣло. Кievскій повѣтовый судъ оправдалъ Розлачеву, ссылаясь на установленную законами неограниченную власть родителей надъ дѣтьми. I департаментъ кievскаго главнаго суда утвердилъ этотъ приговоръ, съ тѣмъ однако измѣненіемъ, чтобы сдѣлать Розлачевой выговоръ съ отобраніемъ подписки, дабы впредь на то не отваживалась, а въ исправленіи дочери поступала-бы по 391 ст. губерн. учрежденія. Мнѣніе главнаго суда утверждено было кiev. гражд. губернаторомъ Павкратьевымъ, но затѣмъ по Высочайшему повелѣнію кievскій вице-губернаторъ Четвериковъ произвелъ новое разысканіе, и дѣло получило новый оборотъ. Оказалось, что Ксенія Розлачева, возненавидѣвъ свою дочь Марью за то, что она «открыла предъ отцомъ неприличное ей, Ксеніи, обращеніе съ однимъ мужчиною въ нарушеніи супружеской обязанности» и желая удалить дочь изъ своего дома, пользуясь слабостью и легкомысліемъ мужа, отсылала Марью два раза въ самомъ нищенскомъ одѣяніи въ Козелецкій дѣвничій монастырь для всевозможнаго тамъ изнуренія, неоднократно отдавала въ мѣщанскіе дома вмѣсто работницы, а въ августѣ 1806 г. безъ вѣдома мужа продала Фершалову съ правомъ перепродать ее желающимъ за ту же цѣну и просить о совершеніи на нее покупщику на законномъ основаніи у крѣпостныхъ дѣлъ крѣпости. Послѣ доноса Ессенкова, Розлачева — мать взяла дочь обратно, но въ 1808 году отдала ее одной изъ пріѣзжавшихъ въ Кievъ донской жительницѣ. Розлачева оправдывалась тѣмъ, что продажа Фершалову была фиктивная, исключительно для вразумленія безпутной дочери, но оправданія эти не подтвердились. Сенатъ призналъ фактъ продажи доказаннымъ и оправданія лживыми. Розлачева «вручила дочь свою дѣвицу яко бы

для устрашенія неизвѣстному мущинѣ, у коего и была она два дни, чего благонамѣренная мать не сдѣлаеть, да и не натурально, чтобы такими предосудительными средствами исправлять дѣтей отъ распутства». Поэтому Сенатъ полагалъ: «за такыя лживыя поступки, яко разрушающіе дворянское достоинство, на основаніи указа 1775 г. апрѣля 28 дня и по силѣ воинскаго 201 артикула в Высочайше жалованной дворянству грамоты 6 статьи, лишивъ ее, Ксенію, дворянства и носимаго по мужѣ званія, сослать въ Сибирь на поселеніе»; за несообразное съ существомъ дѣла и законами сужденіе присутствующихъ и секретарей, подписавшихъ рѣшенія по этому дѣлу, оштрафовать въ пользу государственныхъ доходовъ: повѣтоваго суда—100, а главнаго суда 1 департамента—500 рублями и подтвердить тѣмъ судамъ, дабы впредь въ положеніи по дѣламъ рѣшеній, согласнымъ съ обстоятельствами и силою законовъ, прилагали большое вниманіе, въ противномъ случаѣ присутствующіе съихъ мѣсть будутъ отрѣшены отъ должностей и преданы суду по законамъ: рѣшеніе кіевскаго главнаго суда публиковать повсемѣстно указамъ. «Пропустившему на такое неправильное рѣшеніе безъ вниманія бывшему кіев. гражд. губернатору Панкратьеву хоть бы и слѣдовало за то учинить замѣчаніе, но какъ онъ умре, то сіе и оставить». Дочь Розлачеву возвратить изъ Донской области къ отцу, если пожелаетъ и окажется въ бѣдномъ состояніи. «Касательно описанныхъ вице-губернаторомъ Четвериковымъ слабости и легкомысленности мужа подсудимой, кол. ас. Семена Розлачева, по причинѣ коихъ жена его производила въ дѣйство свои намѣренія на угнетеніе дочери, какъ онъ, Розлачевъ, служитъ штабъ-лекаремъ кіевскаго повѣта, представить разсмотрѣнію министра полиціи, способенъ ли онъ, Розлачевъ, за такимъ увѣреніемъ о слабости его, къ отправленію настоящей должности». Такъ какъ продажа Маріи Розлачевой происходила въ Кіевѣ въ домѣ купеческой жены Гудимовой, при ней, Гудимовой, при попадѣхъ Зѣнковой, вдовѣ Немѣровской, сержанской женѣ Антоновой и кол. рег. Голубовскомъ, изъ коихъ Гудимова принимала деньги отъ Фершалова для отдачи Розлачевой и дочь ея, отпуская къ Фершалову, одѣвала въ свое платье, Немѣровская по порученію отъ Розлачевой возила дочь ея въ Козелецкій монастырь, а послѣ изъ дому Розлачевой доставляла въ домъ Гудимовой для продажи Фершалову, Антонова была торговкою со стороны Фершалова, Зѣненкова по обнаруженіи уже фальшивой продажи ѣздила къ Фершалову и взяла отъ него дочь Розлачеву, Голубовскій же, зять Гудимовой, писалъ и

представилъ къ засвидѣтельствуванію въ повѣтовый судъ вѣрющее письмо отъ Розлачевой къ Фершалову, слѣдовательно знали о продажѣ матерью дочери въ видѣ дворовой дѣвки, но о семъ правительству не объявили,—то за таковое соучаствованіе съ Розлачевой предать всѣхъ ихъ сужденію надлежащаго присутственнаго мѣста по законамъ.

Докладъ сената утвержденъ импер. Александромъ I 22 августа 1810 года.

(Указъ прав. сената 19 окт. 1811 г. № 2215 малорос. полтав. губ. правленію)

Сообщ. Н. М.

Къ повѣрьямъ относительно пчелъ. Сельскіе пчеляки очень неохотно сообщаютъ свѣдѣнія о повѣрьяхъ и обрядахъ, касающихся пчелъ, сохраняя ихъ въ большомъ секретѣ, и въ этомъ—главная причина скудости такихъ свѣдѣній въ литературѣ. Предлагаемые матеріалы собраны въ м. Глодоссы елисаветград. у. тамошними парубками Х. I. Самойлюкомъ и К. Д. Морозомъ; оба они—сами пчеляки отчасти и потому ближе стоятъ и къ пчелякамъ изъ стариковъ, отъ которыхъ и получены сообщаемыя ниже свѣдѣнія. Послѣднія имѣютъ характеръ особаго календаря годового ухода за пчелами. Въ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова мы не нашли близкихъ вариантовъ имъ.

Въ праздникъ зачатія Анны (9 декабря) покупаютъ рыбу, вынимаютъ печенку, отрѣзываютъ голову и варятъ въ водѣ; отваромъ кропятъ въ пасѣкѣ, приговаривая: «шобъ у мойй пасици рон зачиналысь и бжолы, якъ рыба, розмножалысь».

На водосвятіе (5 января) берутъ полное ведро воды и никому не даютъ ни капли изъ этого ведра; это—для того, чтобы полная пасѣка была меда и чтобы чужая пчела не имѣла силы взять этотъ медъ. Этой водой кропятъ мѣсто, гдѣ думаютъ ставить пасѣку.

Когда начинаютъ весеннія работы, пчелякъ, выѣзжая въ поле, беретъ съ собою мѣшокъ, въ который забираетъ первый, попавшійся ему, муравейникъ и дома варитъ его въ меду, которымъ кормитъ пчелъ; это дѣлается для того, чтобы пчелы были многочисленны и трудолюбивы, какъ муравьи. Нѣкоторые кладутъ еще въ медъ крестообразную косточку изъ щучьей головы и щучьи зубы,—чтобы

пчелы хорошо откусывались при нападеніи чужихъ роень, — толченый перецъ — чтобы крѣпче были, горчицвить — чтобы были въ цвѣтущемъ состояніи. Медъ этотъ разводятъ крещенской водою, или рососою, собранною на Георгія, рано утромъ.

Примѣта: если на Явдоху (1 марта) солнечно и дуетъ южный вѣтеръ, — хорошо на пчелы.

Пчелъ нельзя вынимать изъ погреба въ день, когда празднуется память святаго мученика а то будутъ умирать и будешь съ ними мучиться; нужно вынимать, когда церковь поминаетъ преподобнаго и на полнолуіе, чтобы были полные ульи сотовъ и меда. Чаще вынимаютъ пчелъ на теплаго Олекса (17 марта).

Мертвыхъ пчелъ, сметенныхъ весною, закапываютъ въ землю или высыпаютъ въ закрытое мѣсто, куда никто не ходитъ; оставлять наружи мертвыхъ пчелъ грѣшно: пчела чистое животное, плодъ ея труда — воскъ — служить жертвою Богу.

Въ праздникъ Благовѣщенія (25 марта) пасѣчникъ до восхода солнца раздѣвается до-нага и три раза обѣгаетъ свою пасѣку, послѣ чего вколачиваетъ въ землю осиноый колышекъ: это для того, чтобы рой не уходилъ.

Въ степь вывозить стараются *на похвалу* (въ понедѣльникъ страстной недѣли), чтобы пчелы *хвалились* медомъ. Вывезя въ степь, стараются запрягать ульи получше въ бурьянъ или балку, чтобы поменьше попадались на глаза, а то «спристрятя», а еще и для того, чтобы весенній вѣтеръ не холодилъ ульевъ; лѣтомъ выставляютъ ульи на болѣе открытое мѣсто.

Во время роенія пчелъ, ульи смазываютъ посерединѣ матошныкомъ, запахъ котораго походитъ на запахъ пчелиной мажки и потому привлекаетъ рой.

Сообщ. В. Ястребовъ.

О стельной коровѣ. (Со словъ знахарки). Якъ первитка¹⁾ отелытся, то нужно взять айце куряче, выпустыть изъ его жовтокъ и билокъ, а потимъ въ шкаралупу надоить молозыва, а тоди взять та й закопать въ глухимъ кинци коло ворить, або коло хвирткы. Тоди

¹⁾ Съ первымъ теленкомъ. К. Д. Морозъ.

беруть макъ и силъ свячену ¹⁾ и обсыпають корову и ту мисцыну, де закопане молозыво въ яйци, и примовляють три раза: «хто цю силъ позбыра, той у моеи коровы корысть одбере, хто цей макъ переличыть, той мою корову обызвычыть». Тоди бере бидра и иде по воду до крыныци и молятся Оче нашу надъ крыныцею; якъ кончыть молитву, то каже: «добрый вечеръ тоби, крыныце (и вразуразъ каже: добрый *вечирь*, хоть бы и рано прыйшла). Оляныце, и ты, земля Тытіяно, и вода Оліяно, обмывайшь ты лугы, береги, обмый мою Хаву отъ лыхон твари! Якъ у крыныца вода прыбува, такъ у моеи Хавы дїиво прыбува. Я до тебе не прыйшла воды брать, а до тебе прыйшла мылосты прохать, великого здоху, товстого збору ²⁾, жовтого масла». Тоди бере воду и иде до дому, ни до кого не здоровкается и не обзывается, и кого зострине, то то й видьма. Якъ прынесе воду до дому, то одно видро ставыть пидъ корову и трошки подоить туды, такы все бере цыцькы навхрысть; тоди дае корови вышыть, а якъ не выпье, то помншае зъ кормомъ, шобъ иззила; а друге видро ставыть на зори ³⁾ на цилу ничъ и де-небудъ такъ, шобъ собака не могла напытса, и прыказуе: «вы, зори-зоряныци, васъ на неби три сестрыци, одна вычирня, друга полуношна, а третя свитова, дайте мени гоману ⁴⁾ на мое густе молоко, на бильый сыръ, на жовте масло». Рано корова выпыва видро. Счыстокъ бере (знахарка) въ зубы и обходыть три разы корову и по-пидъ нею три разы пролазыть въ одній сорочци, безъ очиыва и роснатлана, тоди счыстокъ оддається собаци, щобъ винъ иззивъ и изъ собаки видьма не возме вже корысти, особенно изъ пса. Тоди вертять дирочку въ рози и туду кладуть ладанъ и свяченый макъ и забывають осыковымъ колочкомъ, зробленнымъ изъ той гыльки, котора стояла на цокути на св. недилю (на Тронцу). Тоди доять молозыва, змишуютъ его зъ сажою и цидать крызъ осыкову дудочку, зроблену изъ осыкы и оддають корови. Така корова уже заправлена, у нея никто не одбере корысти (молока) и никто не наврочыть.

Записаль Б. Д. Морозъ въ м. Глодоссы елисаев. у.

Сообщ. В. Ястребовъ.

¹⁾ Освященную виѣсть съ паскою.

²⁾ Чтобы былъ толстый слой сливокъ. К. М.

³⁾ Подъ открытымъ небомъ. К. М.

⁴⁾ Я думаю, что—посудина. К. М.

Сборъ съ православныхъ помѣщиковъ на постройку Кіевскаго костела. Сущестующій въ Кіевѣ католическій костель св. Александра заложенъ въ 1817 году, но за недостаткомъ средствъ постройка его продолжалась очень долго, и хотя зданіе окончено было въ 1838 году, тѣмъ не менѣе еще въ теченіе четырехъ лѣтъ оны не могъ быть освященъ. Это непонятное равнодушіе къ своей единственной Кіевской святыни со стороны тогдашняго католическаго населенія, среди котораго въ тѣ времена числилось столько богатыхъ и вліятельныхъ людей, принудило наконецъ предводителей дворянства кіевской губерніи прибѣгнуть къ такой экстраординарной мѣрѣ, какъ раскладка потребной на окончаніе костела суммы между всѣми помѣщиками губерніи, безотносительно къ ихъ вѣроисповѣданію. Въ архивѣ известной основательницы кіевскаго Сулиминскаго дома для бѣдныхъ, Ульяны Степановны Ловцовой, по первому браку Сулиминой, владѣвшей м. Мотыжиномъ и другими деревнями въ кіевскомъ уѣздѣ, мы нашли слѣдующее официальное (на бланкѣ и за номеромъ) предложеніе отъ уѣзднаго предводителя дворянства, помѣченное 16 апрѣля 1842 года:

«Милостивая Государыня Ульяна Степановна!

Г. кіевскій губернский предводитель дворянства увѣдомилъ меня, что во время минувшихъ выборовъ гг. уѣздные предводители постановили: предложить гг. помѣщикамъ внести изъ каждаго уѣзда по 1200 р. ассигн. на пополненіе недостающей суммы къ совершенному окончанію уже выстроенной въ г. Кіевѣ католической церкви; а послѣ того, извѣщая меня, что уже многіе уѣзды внесли предположенныхъ деньги, и если прочіе уѣзды сіе исполнятъ, то богослуженіе въ той церкви начнетъ совершаться въ нынѣшнемъ году непремѣнно, просить моего ходатайства объ ускореніи взвosa помянутыхъ 1200 рублей ассигн. денегъ. Сообщая объ этомъ Вашему высокородію, я не нахожу нужнымъ принимать особеннаго по сему предмету ходатайства, ибо остаюсь въ полной увѣренности, что вы, милостивая государыня, по искреннему расположенію къ богоугоднымъ дѣламъ, охотно примете участіе въ пожертвованіи на изъясненную надобность и деньги не оставите прислать ко мнѣ въ возможной скорости. Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашего высокородія покоряѣйшимъ слугою *В. Бутовичъ*».

Чтобы оцѣнить всю необычайность этого обращенія, надобно знать, что и кіевскій уѣздный предводитель дворянства В. Бутовичъ

былъ человекъ православный, и У. С. Сулпина (въ то время вдова послѣ перваго брака), урож. Вишневская, не только изъ дѣда и пра-дѣда была кровной малороссіянкой, но сверхъ того такъ мало была расположена ко всему польскому и католическому, что, сдѣлавшись (путемъ покупки имѣній въ кievскомъ уѣздѣ) помѣщицей югозапад-наго края и присмотрѣвшись къ жалкому, униженному положенію православныхъ крестьянъ подъ властью польскихъ помѣщиковъ, пред-ставила въ 1853 г. на Высочайшее имя особую записку, въ которой доказывала крайнюю необходимость изданія спеціальнаго закона, чтобы помѣщики-католики были обязаны или принимать исповѣданіе, общее съ вѣрой ихъ крестьянъ, или продавать свои имѣнія въ казну, или же, въ крайнемъ случаѣ, владѣть населенными имѣніями не иначе какъ по особому, правительствомъ установленному, положенію, кото-рое совершенно исключало бы всякую возможность насилій и угне-тенія со стороны иновѣрныхъ владѣльцевъ по отношенію къ право-славному населенію края.

Сообщ. О. Л.

„Письмо изъ Житомира“. Въ 7 часовъ вечера въ по-мѣщеніи мужской гимназіи состоялось первое собраніе членовъ-учредителей возникающаго въ г. Житомирѣ «Общества изслѣдовате-лей Волыни». Въ засѣданіе прибыло 13 человекъ, выразившихъ со-чувствіе задачамъ организуемаго общества. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ директора мужской гимназіи П. А. Сидо-рова. Заслушанъ былъ проектъ устава общества и тѣ указанія на проектъ, которыя были сдѣланы присутствующими членами общества, и прочитаны замѣчанія на проектъ нѣкоторыхъ изъ отсутствующихъ членовъ, приславшихъ свои замѣчанія (професс. Антоновича, Гот-фрида Оссовскаго и др.). Измѣненія, которыя предположено сдѣлать въ уставѣ общества, напеч. въ октябрѣ прошлаго 1896 года, каса-ются многихъ параграфовъ проекта устава, но въ особенности они касаются § 5. По существу предметовъ, входящихъ въ кругъ занятій общества, оно по прежнему проекту раздѣлялось на слѣдующія четыре секціи: естественныхъ наукъ, антропологическая, экономическая и исто-рическая; по новой же редакціи: секція естественныхъ наукъ, къ которой отнесена и антропологическая, а затѣмъ—этнографическая, экономи-

ческая и историческая. Существенныя указанія измѣненій въ прежнемъ проектѣ сдѣланы въ засѣданіи г. О. И. Фотинскимъ и г. Григоріемъ Мачтетомъ.

Отъ души желаемъ процвѣтанія и успѣха возникающему обществу.

Отзывъ гр. А. К. Толстого о малорусской народной музыкѣ.

Въ одномъ изъ писемъ графа А. К. Толстого, напечатанныхъ въ апрѣльск. кн. Вѣсти. Евр. с. г., читаемъ: «мой двоюродный братъ ¹⁾ пріѣхалъ изъ Малороссіи и привезъ съ собою такіе великолѣпные національные мотивы! Они мнѣ перевернули сердце.... Никакая національная музыка не выразила свою народность съ такимъ величіемъ и силой, какъ малороссійская музыка, даже лучше великороссійской, которая такъ выразительна.

Слушая ее, ты бы постепенно видѣла открывающуюся передъ тобою всю исторію Малороссіи, ты бы лучше поняла характеръ народностей, чѣмъ читая Гоголя или Кониссваго» ...

Поправка.

Въ № 3 «Кіев. Стар.» за 1897 г. въ замѣткѣ «*Измѣненія текста «Энеиды» И. П. Котляревскаго*» вкралась при печатаніи ошибка. На страницѣ 74 въ примѣчаніи приводится точное заглавіе перваго изданія «Энеиды», при чемъ напечатано такъ: «*Малорусская Энеида*», «*Энеида на малорусскій языкъ переложиванная*». Это ошибка: въ книгѣ напечатано: «*Малороссійская Энеида*», «*на малороссійскій языкъ*». Хотя ошибка и небольшая, но все же считаемъ нужнымъ ее исправить, такъ какъ она относится къ книгѣ, имѣющей для насъ особое значеніе.

В. Гринченко.

¹⁾ Левъ Михайловичъ Жемчужниковъ?

БИБЛІОГРАФІЯ.

Звуковыя и формальныя особенности народныхъ говоровъ Холмской Руси. Обзоръ, съ приложеніемъ образцовъ народныхъ говоровъ. В. Шимановскаго. *Варшава. 1897. Стр. 11+106+XXXII.*

Авторъ названной книги говоритъ въ своемъ предисловіи къ ней, что «многія причины даютъ право Холмскимъ говорамъ на особенное вниманіе къ нимъ со стороны языковѣдовъ», съ чѣмъ, конечно, нельзя не согласиться, хотя авторъ и не даетъ спеціальнаго поясненія этихъ причинъ.

Изложенію особенностей «холмскихъ» говоровъ предпосланъ краткій перечень источниковъ, коими пользовался авторъ при составленіи своего труда. Они состояли главнымъ образомъ изъ свѣдѣній о мѣстныхъ говорахъ, доставленныхъ автору въ видѣ отвѣтовъ на разосланную имъ программу, а также изъ нѣкоторыхъ печатныхъ источниковъ. Свѣдѣнія перваго рода добыты авторомъ изъ указанныхъ имъ въ книжкѣ мѣстностей красноставскаго, бѣлгорайскаго, холмскаго и грубешовскаго уу. люблинской губ., радунскаго, бѣльскаго и влодавскаго уу. сѣдлецкой губ.

Обзоръ діалектическихъ особенностей языка этихъ мѣстностей, а равно и другихъ, населенныхъ южноруссами въ предѣлахъ люблинской и сѣдлецкой губ., состоитъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: фонетическаго (гласныя зв. 11—47 стр., согласныя 47—74 стр.) и морфологическаго (74—102 стр.) и заключается «общими выводами» автора (103—106 стр.).

Не входя въ разсмотрѣніе изслѣдованій автора о языкѣ названныхъ мѣстностей, мы отмѣтимъ только сдѣланные имъ изъ нихъ об-

щие выводы. Последніе сводятся у автора къ 4 главнымъ положеніямъ: Во 1-хъ, что общія черты разсматриваемыхъ говоровъ развились самостоятелно, а не подъ влияніемъ сосѣдней польской рѣчи. Воздѣйствію последней авторъ приписываетъ лишь употребленіе въ этихъ говорахъ «сложной формы прошедшаго времени» (напр. ходывзмъ= галицкому ходывъ—емъ и т. п.) ¹⁾ и отвердѣніе *р*. Такое мнѣніе объ этихъ явленіяхъ не ново, но нельзя сказать, чтобы оно отличалось критической доказательностію и обоснованностію. Дѣйствительное же влияніе польской рѣчи сказалось, повидимому, главнымъ образомъ въ замѣченныхъ авторомъ нѣкоторыхъ лексикальных заимствованіяхъ изъ последней. Во 2-хъ, что въ такъ называемой авторомъ «Холмской Руси» существуетъ собственно два говора (точнѣе бы сказать—двѣ группы говоровъ): собственно—холмскій и подляскій; при чемъ существенное отличіе послѣдняго отъ перваго составляютъ, по мнѣнію автора, *дифтонги* (*ia, ie, yo* и т. п.). Въ 3-хъ, что наиболѣе характерными особенностями этихъ говоровъ являются слѣдующія: а) такъ называемое авторомъ «пониженіе вокализма», выразившееся въ явленіяхъ перехода «широкихъ открытыхъ гласныхъ въ узкіе»: *я* (*a*) въ *e*, *o* въ *y* (взів вм. взяв, кузак вм. козак); хотя, какъ показываютъ данныя этихъ говоровъ, тотъ и другой переходъ представляютъ существенныя разницы въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ и не связаны другъ съ другомъ какимъ либо единствомъ общихъ фонетическихъ условій и факторовъ. (Есть вообще мнр. говоры, сильно развившіе одинъ изъ этихъ переходовъ и крайне ограничивающіе у себя другой); б) и в) «отвердѣніе» въ большинствѣ говоровъ гласныхъ *e* и *и*, а также—вообще—гласныхъ, явившихся на смѣну «основныхъ закрытыхъ *o, e* и *ь*»; хотя тутъ же говорится у автора, что гласные *e* и *и*, явившіеся не только на мѣстѣ *я* (*a*), но и на мѣстѣ основныхъ закрытыхъ *o* и *e*, звучатъ мягко; а звуки, замѣняющіе гласный *ь*, какъ видно изъ данныхъ языка, во многихъ разсматриваемыхъ говорахъ представляютъ только рѣдкое спорадическое отвердѣніе, и г) какъ на выдающіяся черты консонантизма, указано на «неустойчивость закона уподобляемости согласныхъ» (рідкий, а не ріткий, при лісти вм. лізти и т. п.), твердость *р* и «рацію» губныхъ передъ мягкими гласными «въ тѣхъ случаяхъ, когда въ в.-рус. это сочетаніе производится при посредствѣ *ь*» (*ью*, а не *ью* и т. п.), хотя означенныя черты, какъ извѣстно, не чужды также и другимъ мнр.

¹⁾ Эти и всѣ дальнѣйшія поясненія въ скобкахъ принадлежатъ намъ.

говорамъ. Авторъ говоритъ, что нѣкоторыя звуковыя особенности, родившіяся разсматриваемые имъ говоры съ бѣлорусскими, заставляютъ считать ихъ *переходными* отъ послѣднихъ къ малорусскимъ. Но если подобный характеръ можно приписывать, пожалуй, отчасти нѣкоторымъ подляскимъ говорамъ (и то какъ переходнымъ отъ малорусскихъ къ б. русскимъ, а не наоборотъ), то холмскіе говоры не даютъ для этого никакихъ основаній. Въ 4-хъ, наконецъ, что нѣкоторыя звуковыя и формальныя особенности всѣхъ этихъ говоровъ представляютъ болѣе или менѣе значительную давность. Къ таковымъ особенностямъ, восходящимъ, по утверженію автора, своимъ началомъ къ XII—XIII вв., относятся случаи: постановки *e* вм. *я*; замѣны *и* чрезъ *ы* и, наоборотъ, *ы* вм. *и*—послѣ гортанныхъ; «перегласованія закрытыхъ *о* и *е*»; появленія *у* вм. *о*; твердости *р*; написаній *ещя*, *вовыця*, *багать*; а равно постановки неорганическаго *ь* въ 1 и 2 лл. мн. ч. повел. накл. и вліянія формъ мягкаго склоненія прилагательныхъ на формы твердаго, которому авторъ приписываетъ (см. стр. 89) образованіе такихъ фф., какъ *білве*, *білв* вм. *білое*, а также *русэі* вм. *русоі*, *червопэю* вм. *червоною* и т. п. (по предполагаемой, должно быть, аналогіи съ такими фф., какъ *синее*; *синей*—*ею* или *чужее*; *чужей*—*ею*), тогда какъ, наоборотъ, въ этихъ говорахъ (см. стр. 90) *e* въ мягкомъ склоненіи само переходитъ въ *о* (*ѣ*): *синѣе*, *синѣй* и т. п.

Такъ какъ всѣ почти отмѣченныя здѣсь черты, съ одной стороны, въ той или иной степени, присущи также и разнымъ другимъ малорусскимъ говорамъ, а съ другой—не составляютъ въ одинаковой мѣрѣ общаго и наиболѣе характернаго достоянія всѣхъ разсматриваемыхъ авторомъ холмскихъ и подляскихъ говоровъ, то онѣ, очевидно, недостаточны для индивидуальной характеристики послѣднихъ (составлявшей однако, повидимому, спеціальную задачу автора) и по нимъ нельзя составить себѣ опредѣленнаго представленія о томъ, по скольку эти говоры выдѣляются въ какую либо особую группу, составляющую ли органическую часть малорусскаго діалекта, или являющуюся переходнымъ звеномъ отъ него къ бѣлорусскому діалекту, какъ это полагаетъ авторъ, но съ чѣмъ, какъ сказано выше, не возможно согласиться.

Привлеченные къ труду автора образцы говоровъ представляютъ значительный интересъ. Всѣ они записаны въ люблинской губ. (въ 6 мѣстахъ холмскаго у., 4-хъ грубешовскаго, 2-хъ бѣлгорайскаго и 4-хъ томашовскаго) и передаютъ живую рѣчь, повидимому, довольно

точно, хотя принятая для нихъ транскрипція не всегда выдержана съ надлежащею послѣдовательностію.

Во всякомъ случаѣ трудъ автора заслуживаетъ вниманія, и слѣдуетъ быть признательными ему за ознакомленіе публики съ мало изслѣдованными еще говорами этого окраиннаго угла Южной Руси.

К. М.

Записки наукового товариства імени Шевченка. *Виходять у Львові під редакцією Михайла Грушевського. Том XIV (1897, кн. VI) стр. 200.—Том XV (1897, кн. I). Стр. 190¹⁾.*

Какъ видно изъ напечатанныхъ въ XIV и XV т. т. «Записокъ» протоколовъ общихъ собраній членовъ «Общества имени Шевченка» 20 декабря 1896 г. и 2 февраля 1897 г., это симпатичное и въ высшей степени полезное научное учрежденіе переживало въ сказанный промежутокъ времени критическіе моменты, что обуславливалось особенностями галицкихъ отношеній. Судя по протоколамъ, въ средѣ членовъ общества рѣзко обнаружались два противоположныя теченія, и спокойной научной работѣ на полѣ родной литературы грозилъ неожиданный перерывъ. Какъ извѣстно, въ типографіи общества печатались до настоящаго года, между прочимъ, двѣ политическія газеты: «Діло» и «Батьківщина». Значительная задолженность редакціи «Діла» обществу по типографіи не разъ служила предметомъ обсужденія, но послѣ того, какъ въ газетѣ «Буковина» появились инсинуаціи по поводу отношеній «Общества» къ «Ділу», вице-президентъ галицкаго школьнаго совѣта заявилъ, что «Обществу» слѣдовало-бы отказаться отъ печатанія въ своей типографіи политическихъ газетъ, въ противномъ случаѣ правительство откажетъ Обществу въ субсидіи и въ печатаніи учебниковъ. Комитетъ общества послѣдовалъ этому приглашенію, но 15 членовъ заявили протестъ, и вопросъ былъ внесенъ въ чрезвычайное общее собраніе ⁸/₂₀ декабря 1896 г. Во время дебатовъ указывалось на то, что «Общество» вначалѣ основано было для содѣйствія малорусскимъ галицкимъ изданіямъ и что не слѣдуетъ допускать посторонняго вмѣшательства въ дѣла учрежденія; на это возражали, что сила солому ломить и что обществу трудно суще-

¹⁾ Отчетъ о прежнихъ 13 т. „Записокъ“ въ „Кіев. Стар.“ 1895 г. №№ 11 и 12, 1896 г. №№ 2, 5 и 10 и 1897 г. № 1.

ствовати без підтримки правительства при настоящемъ политическомъ положеніи галицко-русскаго народа, что отказъ въ печатаніи газетъ не равносильнъ нарушенію научной независимости «Общества» и т. д. На голосованіе поставлены были три резолюціи: перейти къ очередному порядку (40 голосовъ противъ 41); выразити порицаніе комитету за отказъ печатать «Діло» вслѣдствіе посторонняго давленія (13 противъ 63); поручити комитету продолжать печаніе «Діла и «Батьківщини» при условіи правильной уплаты (44 противъ 35). Послѣ такого результата голосованія комитетъ заявилъ, что не можетъ выполнятъ этого порученія, и сложилъ полномочія. Предсѣдатели секцій общества проф. Верхратскій, Грушевскій и д—ръ Франко также отказались отъ своихъ званій, признавая поведеніе комитета правильнымъ. Собраніе разошлось ничего не рѣшивши, а комитетъ оставленъ былъ временно до новаго собранія, которое состоялось 2 февраля 1897 года. Изъ представленнаго отчета за 1896 г., между прочимъ, видно, что общество получило субсидіи отъ министерства просвѣщенія 2000 гульд. и отъ школьнаго галицкаго совѣта 2500 гульд. Голова «Общества» г. Ал. Барвинскій возбудилъ предъ правительствомъ и рейхсратомъ ходатайство объ увеличеніи субсидіи до 5000 гульд., но въ бюджетъ 1897 г. субсидія вовсе не включена. Средства общества употреблены главнымъ образомъ на научныя изданія и литературную газету «Зоря», на изданія малорусской «Системы австрійскаго гражд. права» въ переводѣ покойнаго Алекс. Огоновскаго, на преміи за лучшія работы для «Зорі» и т. п. Обществу порученъ министерствомъ переводъ на малорусскій языкъ новаго устава австр. гражд. судопроизводства. Членовъ числилось 283. Бюджетъ за 1896 годъ составлялъ свыше 63½ тыс. гульденовъ.—На собраніи 2 февраля явилось болѣе 90 членовъ. Вмѣсто отказавшагося Ал. Барвинскаго головою общества избранъ проф. М. Грушевскій, который высказалъ, что всѣ свои силы положитъ на дальнѣйшее развитіе научной дѣятельности «Общества» въ виду громаднаго культурно-общественнаго значенія науки вообще и въ особенности для развитія галицко-русскаго народа. Декабрьское голосованіе показало, что такое направленіе не нашло должной оцѣнки въ большинствѣ собравшихся членовъ и что многіе готовы пожертвовать научнымъ значеніемъ «Общества» ради политической манифестаціи. Между тѣмъ, научное общество не можетъ служить ареною для политики, какими-бы похвальными чувствами послѣдняя ни руководствовалась. Если собраніе будетъ настаивать на декабрьскомъ рѣшеніи, то г. Грушевскій отказывается отъ участія въ Обществѣ;

не смотря на оказанную ему высокую честь. Онъ стоялъ и стоитъ на одномъ: научное общество для науки, исключительно. Дед. Романчукъ и д-ръ Лагодинскій заявили, что, подавъ голоса за г. Грушевскаго, человѣка далекаго отъ политики и отдавагося исключительно наукѣ, они желали поставить общество на чисто научную почву и устранить всякія политическія подозрѣнія.—Такимъ образомъ инцидентъ былъ исчерпанъ, и продолженіе научной дѣятельности «Общества» на текущей годъ обезпечено привлеченіемъ прежнихъ работниковъ на этомъ усыпанномъ терніями полѣ.

Въ настоящихъ двухъ томахъ «Записокъ» находимъ продолженіе монографій г. Конискаго по жизнеописанію Т. Г. Шевченка: «Тарасъ Шевченко во время пребыванія въ Петербургѣ» (1858 и 1859 г.г.) (XIV, 1—42) и «Послѣдняя поѣздка Т. Шевченка на Украину» (1859 г.) (XV, 1—35). Независимо отъ литературныхъ достоинствъ этихъ очерковъ, заслуга автора заключается въ тщательномъ подборѣ появившихся извѣстій о жизни поэта въ этотъ періодъ, извѣстій нерѣдко трудно доступныхъ, позабытыхъ, и въ умѣніи сгруппировать ихъ въ цѣльную картину. Безъ сомнѣнія, всѣ очерки г. Конискаго выйдутъ отдѣльной книгой, и тогда надѣемся дать о нихъ подробный отчетъ, дополнивъ нѣкоторыми новыми данными, которыми біографъ не могъ располагать по независящимъ отъ него причинамъ.

Изъ прочихъ статей «Записокъ» слѣдуетъ отмѣтить очеркъ г. Ом. Терлецкаго: «Козаки въ Бѣлоруссіи въ 1654—1656 г.г.» Авторъ съ большимъ вниманіемъ собралъ всѣ доступныя для него данныя для характеристики козацкаго и московскаго урядовъ въ занятой Бѣлоруссіи и Литвѣ и отмѣтилъ взаимно недружелюбное отношеніе ихъ какъ въ военной, такъ и въ мирной политикѣ, постоянную коллизію, которая готова была разразиться вслѣдствіе различія интересовъ и навыковъ той и другой стороны въ эту тяжелую пору нашей исторіи. Хотя статья г. Терлецкаго требовала-бы нѣкоторыхъ дополненій для большей наглядности поставленныхъ тезисовъ, но для этого необходимы архивныя изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе, поставленный авторомъ для обработки мало выясненный въ наукѣ вопросъ иллюстрированъ весьма добросовѣстно и статья читается съ живѣйшимъ интересомъ.

Г. С. Томашевскій, въ статьѣ: «Самуилъ Казимиръ Кушевичъ, райца львовскій, и его записная книжка» даетъ (XV, 1—24) не лишеныя интереса выдержки изъ неизданной книги Кушевича для характеристики быта и исторіи г. Львова въ эпоху Хмельницкаго. Книжка хранится въ бібліотекѣ института Оссолинскихъ. Судя по приведен-

нимъ выдержкамъ, которыя служатъ основой статьи г. Т., желательно было-бы полное изданіе этого любопытнаго памятника. Тому же г. Т-му принадлежатъ «Матеріалы для исторіи Хмельниччины» въ XIV т. «Записокъ», именно универсалы кн. Іер. Вишневецкаго, кн. Владислава Острожскаго и Заславскаго, Ст. Ляцкоронскаго, кор. Яна Казимира и М. Потоцкаго 1648—1650 г.г. къ шляхтѣ русскаго воеводства по поводу военныхъ сборовъ противъ Хмельницкаго. Матеріалы эти извлечены изъ львовскаго бернардинскаго архива и снабжены пояснительнымъ введеніемъ издателя.

Г. Грушевскій издалъ галицкій нѣсенникъ начала XVIII в. (XV, 1—48) и нѣсколько галицкихъ же духовныхъ виршъ, записанныхъ въ Яворовѣ въ 70-хъ годахъ (XIV, 1—16).

Въ отдѣлѣ библиографіи находимъ обзоръ содержанія болѣе 40 журналовъ и рецензіи на 53 книги, брошюры и статьи по исторіи и литературѣ южнорусскаго народа.

Н. М.

Руссія древности въ памятникахъ искусства, издаваемая гр. К. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ пятый. Курганы, древности и клады домонгольскаго періода. *Спб. 1897.*

Извѣстное изданіе гр. Толстого и пр. Кондакова, начатое еще въ 1889 г., все больше и больше приближается къ осуществленію основной задачи—«представить историческое образованіе и развитіе древне-русскаго искусства». За первыми тремя выпусками, посвященными классическимъ древностямъ южной Россіи, древностямъ скифо-сарматскимъ и древностямъ временъ переселенія народовъ, послѣдовалъ четвертый, посвященный христіанскимъ древностямъ Крыма, Кавказа и Кіева; теперь, послѣ довольно продолжительнаго перерыва, вышелъ выпускъ пятый, заглавіе котораго приведено выше. Настоящій выпускъ, предметомъ котораго служитъ изображеніе «жизни и быта древней Руси въ эпоху до нашествія монголовъ», представляетъ особенный интересъ не только для исторіи русскаго искусства, но и для русской исторіи вообще; онъ заключаетъ обзоръ всѣхъ археологическихъ находокъ домонгольскаго періода и попытку ихъ систематическаго объясненія.

Все сочиненіе можетъ быть раздѣлено на четыре части. Въ первой (стр. 1—48) заключается изложеніе общихъ соображеній ав-

тора о древне-Русскомъ искусствѣ и отразившейся въ немъ культурѣ дровяго періода; вторая (49—94) посвящена описанію замѣчательнѣйшихъ курганныхъ находокъ; третья (95—124)—описанію важнѣйшихъ кладовъ; наконецъ, четвертая (125—163) представляетъ попытку обобщенія и систематизаціи описанныхъ выше археологическихъ предметовъ. Такъ какъ основныя положенія автора изложены преимущественно въ первой и, отчасти, въ четвертой части, то, для ознакомленія съ содержаніемъ книги, мы остановимся исключительно на этихъ статьяхъ.

Высказавъ свое мнѣніе объ отсутствіи въ современной наукѣ ясныхъ представленій о бытѣ и культурномъ состояніи древней Руси, пр. Кондаковъ указываетъ на многочисленныя археологическія находки послѣднихъ десятилѣтій, какъ на драгоценный матеріалъ для пополненія указаннаго пробѣла. «Вся масса древностей, говоритъ онъ, открытыхъ и открываемыхъ вновь, уже теперь, при множествѣ всякаго рода пробѣловъ, если и не укладывается въ связную систему, о чемъ пока невозможно и помышлять, то все же поражаетъ наблюдателя своею видимою цѣльностью, своимъ ошутимымъ единствомъ» (стр. 4). «Но наблюдаемое нами единство русскихъ древностей, продолжаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не составляетъ однообразія, и потому слѣдуетъ считать, что разныя формы, вообще различныя культуры существовали одновременно, какъ существуютъ онѣ и теперь, но только взаимно соприкасаясь одна съ другою или обмѣниваясь взаимно предметами быта и искусства» (8—9). Изученіе всѣхъ этихъ формъ, едва только начатое, должно повести къ очень важнымъ выводамъ. «Исслѣдованіе о вещественныхъ древностяхъ слѣдуетъ поставить на почву анализа художественныхъ формъ въ ихъ историческомъ развитіи, выставить вопросъ о стилѣ предметовъ, ихъ группировкѣ съ этой стороны, о типахъ и ихъ происхожденіи, достигая общаго обзорнѣя предметовъ съ точки зрѣнія бытовой, торговой, сословно-гражданской, религіозной, а также художественной, вводя предметы русской древности въ общую науку исторіи искусства» (10). Возможный при настоящемъ состояніи русской археологіи отвѣтъ на поставленные вопросы и составляетъ задачу настоящаго труда.

Основное положеніе изслѣдованія состоитъ въ признаніи довольно высокаго уровня культурнаго развитія русскаго народа въ домонгольскій періодъ. «Въ собственно-русскихъ древностяхъ, по словамъ пр. К., нѣтъ вещей такъ называемаго примитивнаго характера» (10); напротивъ того, между ними встрѣчаются предметы, свидѣтель-

ствуючі о високої степені культури; при томъ многіе пзъ этихъ предметовъ—мѣстнаго производства; «самыя утонченныя художественныя производства существовали въ Кіевѣ, ими занимались русскіе мастера, и при томъ въ широкихъ размѣрахъ, и распространяли свое производство въ Рязань, Суздаль» (10). Стилъ художественныхъ и бытовыхъ предметовъ вырабатывался подъ вліяніемъ различныхъ народностей, съ которыми славяне послѣдовательно приходили въ соприкосновеніе. Поэтому развитіе древне-русскаго искусства представляеть смѣну трехъ типовъ—восточнаго, завесеннаго въ эпоху переселенія народовъ и затѣмъ поддерживаемаго торговыми сношеніями съ Среднею Азією, Кавказомъ, Персією, Малою Азією; типъ этотъ характеризуется развитіемъ т. наз. «звѣрнаго орнамента». Арабское вліяніе приноситъ съ собою орнаментъ геометрической и растительной (арабскъ). Впослѣдствіи преобладающимъ является византійское вліяніе, проникавшее сначала изъ Корсуна, а впослѣдствіи—непосредственно изъ Византіи. «Подъ именемъ «корсунскаго» въ древней Руси разумѣли все рѣдкое, изящное, но и чудное, старинное, и, въ отличіе отъ «цареградскаго», которое было символомъ утонченнаго, высокаго въ техническомъ отношеніи, «корсунское» было почти равнозначущимъ съ «архаическимъ» (26). Описавъ затѣмъ нѣкоторыя характерныя произведенія корсунскаго стила, авторъ переходитъ къ искусству византійскому и съ особенною подробностію останавливается на двухъ наиболѣе характерныхъ для этого искусства производствахъ—перегородчатыхъ эмалей и скани. Характеристика главныхъ типовъ русскыхъ древностей сопровождается описаніемъ нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся произведеній древняго искусства. Особенно подробно описаны два турьихъ рога въ серебряной оправѣ, найденныя въ Черниговѣ, которые пр. К. считаетъ произведеніемъ кіевскихъ мастеровъ IX вѣка, представляющимъ подражаніе восточному звѣрному стилю (14)—и Шапка Мономаха, которую онъ признаеть образцовымъ произведеніемъ византійскаго сканнаго дѣла XII ст., выполненнымъ не въ Константинополѣ, а «или въ Малой Азіи, или на Кавказѣ, или въ Херсонесѣ,—словомъ въ мѣстности, гдѣ византійское искусство XI—XII в. соприкасалось съ развитымъ арабскимъ орнаментомъ» (48).

Вторая и третья части сочиненія, какъ замѣчено выше, представляютъ описаніе различныхъ курганныхъ находокъ и кладовъ. Четвертая—даеть подробное описаніе и анализъ различныхъ художественныхъ формъ, встрѣчающихся среди курганныхъ находокъ и кладовъ; каковы—діадемы, гривны, бармы, цѣпи, серьги, перстни,

вѣнцы, фибулы, ожерелья, подвѣски, браслеты, пояса, капторги (коробочки), змѣвники.

Таково содержаніе книги. Обиліе изслѣдованнаго матеріала, множество цѣнныхъ замѣчаній объ отдѣльныхъ находкахъ, ихъ распредѣленіи по территоріи, сравнительное изученіе ихъ, дающее возможность объяснить ихъ происхожденіе, изслѣдованіе главныхъ художественныхъ формъ и стилей, наконецъ, попытка обобщить собранный матеріалъ въ одну по возможности цѣльную картину—все это придаетъ большой интересъ разсматриваемой книгѣ. Имя пр. Кондакова, давно уже пріобрѣтшаго извѣстность спеціальными изслѣдованіями по исторіи искусства, преимущественно византійскаго и русско-византійскаго, придаетъ книгѣ еще большее значеніе.

Но, на ряду со всѣми указанными достоинствами, не можемъ не указать и нѣкоторыхъ серьезныхъ недостатковъ. Всякому специалисту свойственно увлекаться своею спеціальностію и преувеличивать ея значеніе. Не свободенъ отъ подобнаго увлеченія и пр. Кондаковъ. Онъ придаетъ археологіи какое-то исключительное значеніе и съ одной стороны игнорируетъ труды изслѣдователей русской старины, не пользовавшихся данными археологіи, съ другой—на основаніи археологическихъ изслѣдованій приходитъ иногда къ положеніямъ, протыворѣчающимъ выводамъ другихъ ученыхъ о жизни русскаго народа въ древніи времена. Подтвердимъ сказанное фактами. Уже на первой страницѣ мы встрѣчаемъ полное игнорированіе трудовъ русскихъ историковъ. «Жизнь и бытъ древней Руси въ эпоху до нашествія монголовъ, говорятъ пр. К., представляютъ картину наиболѣе темную для историка, рисующаго доселѣ внутреннее состояніе русскаго общества въ это время сырыми, безжизненными тонами общихъ мѣстъ на темномъ фонѣ примитивнаго варварства. Какое-то безмолвное согласіе, установившееся издавна, и общій отказъ отъ надежды найти въ этой жизни какіе-либо важные интересы примиряютъ, въ данномъ случаѣ, между собою всѣхъ теоретиковъ» (1). Такое смутное представленіе о внутренней жизни народа авторъ объясняетъ тѣмъ, что «еще такъ недавно мы совершенно не знали русскихъ курганныхъ древностей». Мы рѣшительно затрудняемся понять приведенное разсужденіе. Если-бы рѣчь шла только о доисторическомъ бытѣ славянъ, то и въ такомъ случаѣ отзывъ пр. К. нельзя не признать преувеличеннымъ; но сказать, что жизнь и бытъ удѣльно-впчезово періода «рисуются до сихъ поръ сѣрыми безжизненными тонами общихъ мѣстъ»—значитъ совершенно игнорировать труды историковъ,

этнографовъ, юристовъ, историковъ литературы, относящіеся къ разсматриваемому періоду. Односторонность приведеннаго мнѣнія тѣмъ очевиднѣе, что самъ пр. К. «смотритъ на археологію русскихъ древностей, какъ на такого рода научную область, гдѣ все представляется въ крайней неполнотѣ, скорѣе даже отрывочности, а многое должно оставаться проблематичнымъ или и вовсе неизвѣстнымъ, и гдѣ поэтому не можетъ быть пока точныхъ опредѣленій времени и мѣста происхожденія предметовъ и формъ» (9).

Тѣмъ не менѣе пр. К., какъ мы видѣли уже изъ изложенія первой части его труда, находитъ возможнымъ теперь же сдѣлать нѣкоторые общіе выводы изъ разсмотрѣнныхъ имъ данныхъ русской археологіи. Выводы эти отличаются большою односторонностью и часто находятся въ противорѣчій съ выводами другихъ изслѣдователей русской старины. Мы не будемъ останавливаться на «археологическомъ славянофильствѣ», которымъ пронизаны многія разсужденія пр. К.; эта черта прекрасно охарактеризована въ рецензіи пр. Аучина ¹⁾. Но не можемъ не сказать, что большая часть положеній пр. К. представляется намъ или неясно сформулированными, или недоказанными. Главнымъ недостаткомъ сочиненія представляется намъ отсутствіе ясныхъ хронологическихъ указаній, приводящее иногда къ большимъ недоразумѣніямъ. Такъ напр., возставая противъ общепринятаго будто бы мнѣнія о примитивномъ бытѣ русскихъ славянъ въ эпоху образованія государства, пр. К. опровергаетъ это мнѣніе богатствомъ археологическихъ находокъ въ Россіи и существованіемъ въ Кіевѣ «самыхъ утонченныхъ художественныхъ производствъ» (10). Здѣсь, очевидно, имѣются въ виду перегородчатые эмали византійскаго типа; но изъ дальнѣйшаго изложенія мы видимъ, что пр. К. относитъ вліяніе византійскаго искусства къ XI и XII ст. (33), а не ко времени образованія государства. Правда, мы встрѣчаемъ у г. К. и попытку установить извѣстные періоды въ исторіи древне-русскаго искусства; но попытка эта сдѣлана въ очень неясной формѣ и не проведена черезъ все сочиненіе. «Для русской древности VIII—IX, X—XI, XI—XII ст.—говоритъ пр. К.—мы можемъ различить три особые типа, которые, господствуя въ данное время въ опредѣленномъ районѣ, распространяются затѣмъ шире, сливаются съ позднѣйшими или составляютъ

¹⁾ Русскія Вѣдомости 1897 г. № 105: „Крупный новый трудъ по исторіи русскаго искусства“. Въ этой статьѣ, написанной вообще въ сочувственномъ тонѣ, указаны и другіе недостатки сочиненія—преувеличеніе значенія археологіи, преждевременность нѣкоторыхъ выводовъ, крайне смѣлыя сближенія.

характерную примѣсь въ чуждой имъ мѣстности» (11). Но мысль эта не проведена въ послѣдующемъ изложеніи: такъ, на стр. 14 мы уже встрѣчаемъ отзывъ о русскихъ древностяхъ VШ—X ст., на стр. 33—XI—XII ст.; самое дѣленіе на три періода какъ-то ступшевывается и сводится, повидимому, къ двумъ — восточному и византійскому. Не давая точныхъ хронологическихъ опредѣленій русскихъ древностей, пр. К. не даетъ, и даже не пытается дать, опредѣленій этнографическихъ. Въ древній періодъ онъ находитъ невозможнымъ различать племенные особенности въ различныхъ могильникахъ (12), хотя другіе археологи, какъ извѣстно, довольно ясно установили типы погребенія и характеръ могильныхъ находокъ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, при чемъ нѣкоторые археологическія находки опровергаютъ огульное заключеніе пр. К. объ отсутствіи въ русскихъ древностяхъ вещей примитивнаго характера (напр., упоминаемая в пр. К. на стр. 69 глиняные горшки, сдѣланные *безъ юнчарнаго крута*). Впрочемъ, самъ пр. К. замѣчаетъ «въ извѣстныхъ мѣстностяхъ у Сѣверянъ и Древлянъ ¹⁾ особое характерное *оскуднѣе*, словно потокъ вещей откуда-то прежде шедшихъ (?) сталъ мелѣть» (12). Точно также не опредѣляются этнографически и даже не всегда группируются по мѣстностямъ находки болѣе поздняго времени (клады).

Большею опредѣленностью, какъ и слѣдовало ожидать, отличаются отзывы о произведеніяхъ русско-византійскаго искусства. Но и здѣсь не обходится безъ неясности и противорѣчій. Такъ, на стр. 33 читаемъ: «Въ средѣ монументальнаго искусства оказывается наиболѣе труднымъ отличить византійскій типъ отъ его русскаго варіанта, и пока приходится принимать, согласно со скудными и темными свидѣтельствами лѣтописей, что всѣ произведенія монументальнаго искусства выполнялись у насъ греками, выписными или наѣзжими мастерами и артелями или подрядчиками изъ Византіи, при чемъ мраморы привозились изъ проконесскихъ ломокъ уже вполне отдѣланными, а мусія покупалась пудами въ Константинополь, о чемъ есть прямые свидѣтельства, и исполнялась на мѣстѣ мозаичистами изъ Перы». Между тѣмъ относительно мелкихъ предметовъ искусства признается ихъ русское происхожденіе—главнымъ образомъ на основаніи характерной опіски въ надписи кіевской діадемы: О АГІО ПАВЪЛЪ. «Эта ошибка ясно выдаетъ работу русскаго мастера и въ этомъ отношеніи является по истинѣ драгоценнымъ свидѣтельствомъ того, что въ Кіевѣ русскіе мастера X и XI в. производили эмаль». (125). Но почему въ такомъ случаѣ не допустить *теперь же*, что русскіе мастера строили храмы и производили мозаичныя работы,

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ (стр. 68—69), описывая могильники Древлянъ, Радмицей, пр. К. ставитъ при именахъ этихъ племенъ вопросительные знаки.

что подтверждается характеромъ мозаикъ Зл.-Михайловскаго монастыря и ихъ славянскими надписями?

Не можемъ не указать и на вѣдшіе недостатки изложенія, отчасти общіе съ прежними выпусками—отсутствіе оглавленія и раздѣленія на главы, неполное соотвѣтствіе между текстомъ и рисунками (не всѣ рисунки объяснены въ текстѣ), отчасти новыя—отсутствіе какихъ бы то ни было указаній на литературу предмета.

Не смотря на всѣ указанныя недостатки, новое изданіе гр. Толстого и пр. Кондакова представляетъ цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу и заслуживаетъ самаго широкаго распространенія, какъ единственное сочиненіе, излагающее въ связной формѣ результаты множества археологическихъ изслѣдованій и представляющее первую попытку болѣе широкаго ихъ объясненія. Роскошная вѣдшность изданія, множество (225) прекрасно выполненныхъ рисунковъ, поразительно дешевая цѣна (1 р.) еще болѣе обезпечиваетъ успѣхъ книги, первые выпуски которой давно уже составляютъ библіографическую рѣдкость.

В. Щербина.

Старина и Новизна. *Кн. I. Спб. 1897 г.*

Недавно возникшее общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III предпріяло изданіе собственнаго органа, подъ названіемъ «Старина и Новизна», для періодическаго обнародованія собираемыхъ имъ историческихъ матеріаловъ, какъ для изученія недавняго прошлаго—жизни и царствованія императора Александра III, такъ и болѣе далекой отечественной старины. Предполагается помѣщать какъ обработанныя статьи, такъ и документы, снабженные необходимыми поясненіями. «Стар. и Нов.» будетъ выходить безсрочными выпусками по мѣрѣ накопленія матеріаловъ».

Судя по началу, изданіе это будетъ представлять значительный обще-историческій интересъ.

Въ настоящей первой книжкѣ его есть нѣкоторыя частности, имѣющія ближайшее отношеніе къ программѣ нашего журнала.

Въ одномъ изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ писемъ Н. М. Карамзина къ князю П. А. Вяземскому, помѣченномъ 25 февраля 1820 года, историографъ отмѣчаетъ объемъ своихъ знаній по исторіи евреевъ въ Россіи. «Въ изданной мною исторіи—говоритъ Н. М. Карамзинъ—помѣщено все *извѣстное мнѣ* (курсивъ подлинника) о жидахъ въ древней Россіи; что съ X в. видимъ ихъ въ Тавридѣ, на Кавказѣ, въ Кіевѣ, а съ XIII в. и въ сѣверной Россіи откупщиками нашей монгольской дани» и т. д.

Въ одномъ изъ писемъ князя П. А. Вяземскаго къ П. Я. Чаадаеву помѣщенъ восторженный отзывъ о Гоголѣ, съ предположеніемъ дать о немъ болѣе обстоятельный печатный отзывъ, что и было исполнено помѣщеніемъ статьи «Языковъ и Гоголь» — въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1874 г. (П. собр. сочин. кн. П. А. Вяземскаго, т. II, стр. 304—334).

Въ сборникѣ помѣщены также въ высшей степени интересныя письма братьевъ Орловыхъ къ гр. П. А. Румянцову.

По мнѣнію автора предисловія къ письмамъ, г. Барсукова, Румянцову тѣмъ полезнѣе было дружить съ Орловыми, которыхъ высоко цѣнила императрица Екатерина, что онъ самъ никогда не пользовался большимъ расположеніемъ и довѣріемъ Екатерины, которая такъ о немъ отзывалась: «онъ имѣетъ высокія достоинства, но двоякъ, и храбръ умомъ, а не сердцемъ», (Дневн. Храповицкаго, изд. Н. Барсукова, стр. 73).

Въ письмѣ, помѣченномъ іюнемъ 1769 г., графъ Григорій Орловъ поручаетъ вниманію Румянцова своего «генеральсь-адъютанта премьеръ-маіорскаго чина» Николая Шарыгина, желавшаго попасть въ число членовъ малороссійской коллегіи.

Въ письмѣ отъ 11 марта 1770 г. графъ Иванъ Орловъ пишетъ между прочимъ: «первое (письмо), отъ 10 января, съ госиодиномъ ассесоромъ Селецкимъ марта 8 получилъ, а второе, отъ 25 февраля, вчера. По первому я стараться буду, чтобы дѣти г. Селецкаго приняты были, сыновья въ кадетскій корпусъ, а дочь его въ Новодѣвичій монастырь (теперь Смольный институтъ), гдѣ, уповаю, и успѣю, по желанію вашему».

Иванъ Яковлевичъ Селецкій управлялъ однимъ изъ имѣній графа Румянцова, а братъ его, Лаврентій Яковлевичъ, въ 1786 году былъ малороссійскимъ почтъ-директоромъ.

Фактъ ходатайства Румянцова о дѣтяхъ Селецкаго важенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ заботливъ былъ онъ о близкихъ и нужныхъ ему людяхъ, что не забывалъ о нихъ, несмотря на заботы государственной важности.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что и нашъ журналъ сослужилъ маленькую услугу при составленіи первой книги «Старины и Новизны».

Въ прим. 116 къ письмамъ братьевъ Орловыхъ сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія о князѣ Платонѣ Степановичѣ Мещерскомъ, который былъ при Румянцовѣ членомъ малороссійской коллегіи и «усердѣйшимъ помощникомъ Румянцова въ его хозяйствѣ» по малороссійскимъ имѣніямъ, со ссылкой по этому поводу на статью А. М. Лазаревскаго о Румянцовѣ въ «Кіев. Стар.» 1896 г., декабрь, стр. 382.

Н. С.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

На дняхъ вышла въ свѣтъ книга:

ДРАМЫ И КОМЕДИИ И. ТОБИЛЕВИЧА

(Карпенка-Карого). Т. 1-й.

(Бурлака.—Бондаривна.—Розумный и дурень.—Наймычка.—Мартынь Бо-
руля). Ц. 1 р. 50 к.

**Печатается и въ непродолжительномъ времени
выйдетъ въ свѣтъ 2-й томъ.**

(Безтаганна.—Сто тысячъ.—Грахъ и поважня.—Малывода XVIII столѣття)
Ц. 1 р. 50 к.

Складъ изданія: Одесса, Пушкинская № 20.—Книжный магазинъ
Южно-русскаго общества Печатнаго дѣла Книгопродавцамъ обычная
услуга.

1835. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1897.

Большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала
«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», даетъ возможность, въ 1897 году, сдѣлать

важныя и существенныя улучшения въ изданіи, не бывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, не возвышая прежней скромной подписной платы, что, въ общемъ, дастъ гг. подписчикамъ—

— ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ —

1) еженедѣльный, семейный художественно-литературный журналъ иллюстрированныхъ номера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый номеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 2¹/₂—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками.

При номерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается:

- I. 52 номера—«Хроника событій за недѣлю».—II. 12 номеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—III. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—IV. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, сурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—V. 12 выюоекъ въ натуральную величину.—VI. Рисунки для вышиванія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—VII. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.)—VIII.

Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ

Ежемесячно будетъ выданъ одинъ номеръ журнала съ картинами извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько тоновъ цвѣтными красками (по образцу дорогихъ заграничныхъ иллюстрированныхъ изданій).

2) ежемѣсячное литературное приложеніе

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

Въ составъ которыхъ входятъ: новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, рассказы русскихъ и иностранныхъ писателей, а также стихотворенія научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.

Ежемесячно выходитъ одинъ томъ (между 1 и 10 числами) изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ

дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія, а не перепечатка старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно одинъ или два законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

Для 52 номеровъ «Живописное Обзоріе» и книгъ, приобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей.

Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ). «Лѣсъ дремучій», большой романъ.—Соловьевъ, Всев. Серг. (авторъ романовъ «Сергій Горбатовъ» и др.). «Угасшая звѣзда», романъ.—Полевой, П. Н. «Странный анекдотъ», большая повѣсть.—Ясинскій, І. І. («Максимъ Бѣлинскій») «Ясное утро». Большой романъ.—Случевскій, К. К. «Мой дядя». Рассказъ.—Чеховъ, А. П. «Контрабандисты», больш. ром.—Голицынъ, Д. П. князь «Муравлинъ») «Рѣзаниновы». Ром. изъ больш. свѣта.—Гнѣдичъ, П. П. «Чужое». повѣсть.—Волконскій, М. Н. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.—Станюковичъ. К. М. Рассказъ.—Баранцевичъ, К. С. Большой рассказъ.—Тихановъ. В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера») «Нехорошее дѣло», романъ.—Щегловъ-Леонтьевъ. И. Л. «Неудача», повѣсть.—Станицкій (А. Е. Головачева) «Любимица», повѣсть.—Величко, В. Л. «Принципы», рассказъ.—Бажинъ, Н. О. «Часть», повѣсть.—Мережковскій, Д. С. «Святой городъ», повѣсть.—Назарьева, К. В. «Болотные огоньки», большой романъ.—Рышковъ, В. А. «Старыя дѣвы», повѣсть.—Тангьева Е. А., княгиня. «Чужая тайна», большой романъ.—Лебедевъ, В. П. «Сирѣлецъ царя Алексѣя Михайловича», историческая повѣсть.—Леманъ, А. И. «Подвигъ», бол. ром.—Федоровъ, А. М. «Въ степи», бол. ром.—Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», ром. Чюмина, О. Н. «Злая чары», пов.—Красновъ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ.—Максимовъ, А. К. «Такъ суждено», большой ром.—Свѣтловъ, В. А. «Черный призракъ», повѣсть.—Заринъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ.—Будищевъ, А. Н. «Рѣка Калхаисъ», повѣсть.—Ежовъ, М. Н. «Случайные гости» повѣсть.—Меньшиковъ Н.—«Игра судьбы», романъ. Н. «Игра судьбы» ром.—Уманецъ, Е. О. «За что?», повѣсть. Гербановскій, Т. М. «Солинышко пригрѣло» рассказъ.—Якунинъ-Захарьинъ, И. Н. «Сноха» рассказъ.—Леонтьевъ, Н. В. «Бродяжка», рассказъ.—Гиппиусъ, З. Н. «Неуловимая» рассказъ.—Майковъ, М. «Друзья-соперники», рассказъ.—Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни».—Иловайскій, П. І. «Дочь ростовщика», романъ.—Сѣверцовъ, Г. Т. «Нравственныя калѣбки», повѣсть.—

Казибекъ, Юрій. Разказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Аванасьева, И. И. «Поворное наслѣдство», романъ и проч.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

На годъ съ доставкой и по Имперіи: 8 р.—Безъ доставки въ Спб. 7 р.—
въ Москвѣ 7 р. 75 к.

На полгода (съ доставкою по Имперіи) 4 р.—На три мѣсяца 2 р.—За границу:
на годъ—16 р. Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію
съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «Живописное Обзорѣніе», желающіе пріобрѣсти
новое художественное изданіе—библія въ картинахъ знаменитаго художника Г.
Дорэ» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к.
за экземпляръ съ доставкою, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ,
«Бурлаки на Волгѣ», «Аэонъ» и проч., уплачиваютъ за каждый экземпляръ
картины (съ доставкою)—одинъ рубль. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная контора журнала: Спб. невскій просп., д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылается бесплатно.

3 — 3

годъ изданія 85-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** годъ изданія 85-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета 1897.
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно въ двухъ изданіяхъ.

Первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата

СЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

Въ ежедневныхъ номерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся со-
бытіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важ-
ныя новости для столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣ-
дѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно
съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ
первомъ (большомъ) изданіи

◆ ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ И ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ. ◆

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты, годовые подписчики получаютъ:

- 1) 52 номера воскресныхъ приложений, печатаемыхъ на веленовой гла-
зированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала,

гдѣ помѣщаются романы повѣсти, рассказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

- 2) Двѣнадцать номеровъ «Моды и рукодѣлія», замѣняющіе «модный журнал».
- 3) Стѣнной календарь разсылается, какъ прибавленіе, при первомъ номерѣ газеты.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ числѣ 52-хъ безплатныхъ приложений всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» (первое изданіе), въ 1897 г., получаютъ:

Третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго писателя

А. МИХАЙЛОВА—„ГРѢХИ ПРОШЛАГО“.

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р.—На три мѣс. 2 р.—На одинъ мѣс. 1 р.

Разсрочка взносов допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

Второе изданіе газеты «Сынъ Отечества» выходитъ ежедневно. Въ номерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы—

ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНИЯМИ.

4 Каждый воскресный номеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, опечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества. **2**

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи):

На годъ 4 рубля. На полгода 2 рубля. На три мѣсяца 1 рубль.

Годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества“, въ 1897 году, могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

Новый большой художественный альбомъ—

„Виблія въ картинахъ знаменитаго художника П. Дорэ“

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ изящной оберткѣ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкою) 1 руб. 50 коп. Желающіе приобрести, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты

Ихъ Императорскихъ Величествъ, «Аеонъ», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою—одинъ рубль. Безъ доставки—75 коп.

Главная контора: Спб. Кіевскій пр., У аничкина моста д. № 68—40. Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются бесплатно.

3—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1897 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя и слѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученнымъ командировкамъ и извлеченіе изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о ввѣзъ появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнью коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнія преподаванія, расpredѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятки историческіе и литературныя съ научными комментаріями и памятки, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованныя.

Ученныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Θ. Мищенко.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-Петербургскія Вѣдомости“

въ 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ казенныхъ прибавленій. Съ казенными приб.
 на годъ. 6 мѣс. 3 мѣс. 1 мѣс. на годъ. 6 мѣс.
 Съ доставкой по гор. почтѣ. 16 р.—к. 9 р.—к. 4 р. 50 к. 1 р. 80 к. 18 р.—к. 10 р.—к.
 Съ пересылкою иногорода. 17 р.— „ 10 „ — „ 5 „ 50 к. 2 „ — „ 19 „ — „ 11 „ — „
 За границу 26 „ — „ 14 „ — „ 8 „ — „ 3 „ — „ 28 „ — „ 16 „ — „

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія ливні, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь Э. Э. Ухтомскій.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЖУРНАЛЬ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА“

въ 1897 году.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, о 15 до 20 листовъ, подъ редакціей проф. В. Н. Латкина

Отдѣлы журнала: 1) оригинальныя статьи, 2) хроника—законодательства, гражданскаго, и уголовнаго суда, экономическое и земское обозрѣнія, 3) критика и библиографія, 4) замѣтки и извѣстія, 5) приложенія.

Въ теченіе 1896 года въ журналѣ были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: Д. Дриля—Цѣлесообразна-ли современная ссылка въ качествѣ карательной мѣры; проф. В. Ивановскаго—Общія начала въ

устройствѣ губернскихъ властей; В. Каткова—Чехъ; М. Левитскаго—Къ вопросу о законахъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства: проф. А. Александренка—Тайный надзоръ за дипломатами въ XVIII в.; И. Кашкарова—Къ вопросу объ улучшеніи служебнаго быта кандидатовъ на судебныя должности; П. Коробки—Замѣтки мирового судьи; проф. А. Гольмстена—Три вопроса изъ литовскаго гражданскаго права; А. Левенстима—Докторъ Гроссъ и его проектъ улучшенія слѣдственной части; О. Пергаментъ—Новые австрійскіе проекты гражданскихъ процессуальныхъ законовъ; Н. Водовозова—Католическая школа въ политической экономіи; И. Баралевскаго—О судопроизводствѣ въ Приамурскомъ краѣ; Я. Гордынскаго—Практика судебно-административныхъ учреждений; Е. Васильковскаго—Недостатки устава гражданскаго судопроизводства; проф. В. Даневскаго—О необходимости преподаванія судебной медицины юристамъ; проф. В. Лебедева—Национализація земли и поземельная реформа; А. Тимофеева—Условное освобожденіе; Н. Максимова—О реформѣ судебныхъ учреждений въ степныхъ областяхъ; А. Лонгинова—Слабыя стороны проекта уголовного уложенія; А. Башмакова—Право представленія и поколѣнное преемство; И. Озерова—Сравнительная преступность половъ; А. Дукмасова—О надзорѣ за привлеченіемъ къ ответственности; Г. Вольтке—Объ указной долѣ овдовѣвшаго супруга; К. Дворжицкаго—Бродяги и законъ; В. Волжина—Процессуальный порядокъ уменьшенія наказаній по степенямъ; Н. Дружинина—Крестьяне и общее гражданское право; проф. Загоряскаго—Къ вопросу о пересмотрѣ нашего судебного права; Н. Полегаева—Граница уголовной ответственности душевнобольныхъ Ф. Клинберга—къ вопросу о преобразованіи предварительнаго слѣдствія; В. Волжина—Законы, карающіе нарушенія постановленій о лѣсахъ; М. Левитскаго—По поводу 6-ой статьи устава о цензурѣ; проф. П. Суворова—Монастыри и церкви, какъ юридическія лица; А. Лонгинова—Недостатки законоположеній о надзорѣ за судебными установленіями; М. Левитскаго—О судебной карьерѣ; Б. Боуффала—О пропинаціонномъ правѣ; М. Мыша—О личномъ цензѣ для участія въ городскихъ выборахъ; С. Саблера—Къ ученію о суверенитетѣ въ государствѣ; В. Ефимова—О послѣднемъ проектѣ межеваго устава; К. Чихачева—Объ юридической силѣ кассационныхъ рѣшеній; А. Леонтьева—Юрилическое положеніе мѣщанъ въ отношеніи къ домамъ въ городахъ; В. Каткова—Заключеніе договоровъ при посредствѣ электричества; В. Гессена—О прекращеніи подданства; Н. Полегаева—Душевная болѣзнь, какъ поводъ къ расторгненію брака; Л. Бѣлецкаго—Замѣчанія на проектъ уголовного уложенія; М. Ретвиха—По поводу статей 173—175 мирового устава; З. Корсака—Новыя работы по вопросу о первичной поземельной собственности; В. Волжина—Розыскъ обвиняемыхъ чрезъ публикаціи; В. Кобцева—къ вопросу о слабой уголовной репрессіи суда присяжныхъ; В.

Авимова—Патронать; Д. Никольскаго—XVI-ая сессія института междуна-
роднаго права и мн. др.

Цѣна за годовое изданіе:

Въ СПБ. безъ доставки	8 р.
Съ доставкою	8 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города	9 р.

Подписчики, желающіе получать сверхъ того рѣшенія кассационныхъ департаментовъ сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой и пересылкой 13 р. Подписка на рѣшенія отдѣльно, безъ журнала, стоитъ 4 р. Допускается разсрочка подписной платы. Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности, равно и учащіеся пользуются правомъ подписки за половинную цѣну, т. е., 4 р. 50 к. за журналъ и 8 р. 50 к. за журналъ съ кассационными рѣшеніями.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (СПБ. Новонсаакіевская улица, д. № 14, кн. 7) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ проф. *В. Н. Латкинъ*.

3—2

Годъ

въ 1897 году

третій

„ЖУРНАЛЬ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, выи-
гами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ Ян-
варя 1897 г.

- I. Узаконенія и распоряженія правительства.
- II. Приказы о движеніи по службѣ и наградахъ по вѣдомству Минис-
терства Юстиціи.
- III. Циркулярныя распоряженія Министерства Юстиціи.
- IV. Свѣдѣнія о занятіяхъ Высочайше утвержденной Комисіи по пере-
смотру законоположеній по судебной части.
- V. Статьи по вопросамъ научной и практической юриспруденціи пре-
имущественно въ области судоустройства, уголовного права и судо-
производства, гражданскаго права и судопроизводства, торговаго
права и судопроизводства, а также по межевому дѣлу.
- VI. Обзоръ выдающихся явленій изъ области судебной практики. По-
ложения, извлеченныя изъ рѣшеній Правительствующаго Сената.
- VII. Литературное обозрѣніе: а) критическіе отзывы о новыхъ книгахъ
и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ; б) текущій библиогра-
фическій указатель юридической литературы русской и иностранной

VIII. Обзоръ иностраннаго законодательства: подробныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ новыхъ законахъ, распоряженіяхъ законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ.

IX. Историческіе матеріалы; разныя извѣстія.

Въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» 1894—1896 г.г. были напечатаны статьи и замѣтки слѣдующихъ авторовъ:—Н. И. Архангельскаго, Н. И. Барковскаго, А. П. Башилова, С. В. Безобразова, С. А. Бершадскаго, Д. Б. Бера, А. М. Бобрищева-Пушкина, Л. С. Бѣлецкаго, Е. В. Васьковскаго, Г. Л. Вербловскаго, К. В. Верховскаго, М. М. Винавера, Б. Ю. Витте, кн. В. А. Волконскаго, А. К. Вульфerta, Н. Н. Галкина-Враскаго, А. Г. Гасмана, М. Е. Гегидзе, В. М. Гессена, С. К. Гогеля, И. М. Гордона, Д. Д. Гримма, М. О. Громницкаго, А. Г. Гусакова, В. В. Давыдова, В. П. Даневскаго, В. О. Дейтриха, Н. А. Дингельштедта, бар. Р. А. Дистерло, М. А. Дьяконова, Я. К. Есиповича, В. Р. Завадскаго, С. В. Завадскаго, А. И. Загоровскаго, И. П. Закревскаго, К. П. Змирлова, Н. И. Ивановскаго, Д. Д. Иванова, П. А. Ифлянда, А. И. Каминки, Н. П. Карабчевскаго, А. О. Кони, Н. М. Коркунова, П. П. Короновскаго, В. И. Курдиновскаго, А. А. Левенстима, А. О. Липскаго, А. В. Лихачева, В. И. Лихачева, П. А. Логанова, М. А. Лозина Лозинскаго, А. И. Лыкошина, П. Н. Миклашевскаго, Р. Р. Минцлова, М. И. Мыша, А. Н. Нейперта, В. М. Нечаева, С. П. Никонова, Э. Э. Пирвица, А. Ф. Поворинскаго, К. З. Постовскаго, Н. Г. Принца, Е. А. Пушкина, Н. М. Рейнке, А. К. Фонъ-Резона, Н. Ф. Селиванова, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, И. И. Соллертинскаго, В. Д. Спасовича, М. С. Студентскаго, А. Т. Тимановскаго, А. Г. Тимофѣева, С. Н. Трегубова, Н. А. Тува, Д. В. Туткевича, И. М. Тютрюмова, кн. Н. П. Ухтомскаго, И. Я. Фойницкаго, А. Г. Чайковскаго, Г. Ф. Шершеневича и др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяць съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяць съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10⁰/₀.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПбургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ *В. Ф. Дерюжинскій*.

3—2

ОБЪ ИЗДАНИИ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1897 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студенческой ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертации.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.

14. Учебные труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—официальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) неофициальную (статьи научнаго содержания), съ отдѣлами—критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обзорѣню выдающихся явленій учен й литературы (русской и иностранной), и научной хроники, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1897 году будутъ выходить въ концѣ каждого мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб., сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатику, въ книжный магазинъ его же, или посредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

СЪВЕРНЫЙ ВЪСТНИКЪ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ XII).

Въ 1896 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было, между проч., напечатано: «Карьера Струкова» Пов. Эртеля. «О Развитіи Русскаго Народнаго Хо-

заявствѣ Проф. К. Исаева. «Трильби». Ром. Ж.-лю-Морье. «Изъ писемъ Т. Н. Грановскаго». «Любовь и ревность у дѣтей» Д-ра В. Якубовича, «Въ дудкѣ» Пов. Вас. Немировича-Данченко. «О направленіяхъ современной Эстетики» Э. Радлова. «Quo Vadis» Ром. Ген. Севкевича. «Воспоминанія о А. И. Герценѣ» Н. Тучковой-Огаревой. «Любовь» ром. О. Шапирь. «Наслѣдственность пола» Е. Чинова. «Въ канканѣ» Пов. П. Боборыкина. «Дѣтство и отрочество П. И. Чайковскаго» М. Чайковскаго. «Двѣ повеллы: а) «Наука любви и б) Любовь сильнѣе смерти» Д. Мережковскаго. «Новѣйшая испанская литература» Проф. А. Шенелевича. «Зеркала» Пов. З. Гиппиусъ. «Сѣверный полюсъ и путешествіе Нансена» М. Венюкова. «Фридрихъ Ницше» Оч. Л. А. Саломэ «Жизнищная нужда рабочихъ классовъ» Д. Герценштейна. «Гоголь и А. О. Смирнова въ 1842—44 г.г.» В. Шенрока. «Новая французская школа въ музыкѣ» и «Ново-Германская музыка» А. Коптяева. «Александръ Дюма» и «Новыя теченія во Французскомъ романѣ» З. Венгеровой. «Новая побѣда науки» А. Гершуна. «Богъ театра» Разск. Я. Крюковского. «Идея Иліады» Н. Минскаго «Таможенное разоруженіе» В. Бирюковича. «Исторія одного идейнаго преступленія» Проф. И. Оршанскаго. «Письма къ М-те Виардо и Г. Флоберу И. С. Тургенева». «Искусство и дѣйствительность» Изъ соч. Дж. Рескина. «Реорганизація С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности» Н. Арефьева. «Къ звѣздамъ» Раз. Э. Сологуба. «Москва и Римъ» Проф. А. Брикнера. «Польскій публицистъ-художникъ» К. Льдова. «Тургеневъ и Толстой» Проф. Д. Овсяннико-Куликовскаго. «Новая женщина и разводъ» П. Тверскаго. «Женскіе типы въ трагедіяхъ Расина» Проф. Э. Батюшкова. «Сельско-Хозяйственные отхожіе промыслы» В. Бирюковича. «Плоскогорье» Ром. Л. Гуревичъ. «Нѣмецкій студентъ конца вѣка» Проф. А. Трачевскаго. «Атомизмъ и энергетизмъ» Проф. А. Введенскаго. «На конкурсѣ». Раз. А. Стерна., и мн. друг. — Стихи: Н. Минскаго, Д. Мережковскаго, З. Гиппиусъ, К. Льдова, К. Фофановъ, К. Вальмонта, Э. Сологуба, О. Чюминой и др.

Постоянные отдѣлы въ журналѣ:

I. «Вопросы самообразованія» (Статьи проф. Боргмана, проф. А. Козлова, проф. В. Шимкевича, проф. К. Поссе, проф. Л. Шенелевича, Н. Усова, проф. А. Брикнера и др. II. Областной отдѣлъ. III. Земскій отдѣлъ» (Статьи Земское и городское самоуправленіе» М. Стивала, «Земскіе финансы» В. Бирюковича, «Взаимное земское страхованіе» П. Ск--скаго, «Земское и городское самоуправленіе» П. Кузнецова и др.). IV. «Провинціальная печать» Л. Горева. V. «Внутреннее обозрѣвіе». VI. «За предѣлами европейской Россіи» (Статьи: «Въ Сибири», «Кому пръ свѣчать Сибирь?» «Земство въ Сибири», «Ссылка въ отдаленныя мѣста Сибири», «Земская школа въ Сибири» и др. Н. Арефьева. «Кавказъ» М. П., «При-

балтійскій край» П. К. «Привислянскій край» М. П. «Финляндскія дѣла» П. Кузнецова). VII. Кореспонденціи изъ-заграницы». VIII. Изъ жизни и литературы». IX. «Критика» X. «Библиографія». XI. «Литературныя замѣтки» А. Волинскаго (Статьи: «Власть тьмы», «Современная русская беллетристика», «Философскія теченія въ русской поэзіи», «Книга Кунно-Фишера о Шопенгауэрѣ», «Два послѣднихъ романа Золя», «Польскій романистъ Сенкевичъ и др.).

Подписная цѣна на журналъ понижена (безъ измѣненія объема и состава книжекъ). Разсрочка для иногороднихъ приспособлена къ удобствамъ почтовой пересылки денегъ:

Условія подписки:

	Годъ.	1/2 г.	1/4 г.	1 мѣс.
Для иногороднихъ . . .	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
» городскихъ (съ дост.) 11 »	5 »	50 к.	2 »	75 к.
» заграничныхъ . . . 14 »	7 »	4		

Подписка принимается; въ Гл. Конторѣ, Сиб., Троицкая, 9; въ Москвѣ, въ Отдѣл. Конт. книжн. магаз. К. Тихомирова, Кузнецкій мостъ; въ кн. маг. Карбасникова, «Новое Время», Печковской и др.

Редакторъ-Издательница *Л. Я. Гуревичъ*.

3—2

ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА

Екатеринославскія Губ. Вѣдомости.

«Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» выходятъ ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, въ форматъ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Неофициальная часть «Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостей» имѣетъ программу частныхъ газетъ—въ ней помѣщаются: телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ; передовыя по вопросамъ общегосударственной и мѣстной губернской жизни; статьи, касающіяся различныхъ отраслей общественной дѣятельности, науки, искусства, сельскаго хозяйства, прикладныхъ знавій и пр.; театральныя рецензіи; корреспонденціи изъ Екатеринославской губерніи и другихъ мѣстъ; обзорѣе печати; внутрениія и внѣшнія извѣстія; справочный отдѣлъ банковыя свѣдѣнія, вѣдомость о прибывающихъ грузахъ, списокъ назначенныхъ къ слушанію въ судѣ дѣлъ и проч.; въ фельетонномъ отдѣлѣ помѣщаются еженедѣльные обзоры мѣстной жизни и по Россіи, критическіе обзоры журналовъ, а также повѣсти и разсказы, переводные и ориги-

нальные. «Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» имѣютъ цѣлью служить главнымъ образомъ, мѣстнымъ интересамъ и нуждамъ, причѣмъ даютъ читателямъ и всѣ выдающіяся свѣдѣнія изъ русской и иностранной жизни.

Въ 1897 году въ «Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» еженедѣльно будетъ печататься, въ видѣ прибавленія, особый «отдѣлъ екатеринославскаго уѣзднаго земства» открываемый по ходатайству земскаго собранія, въ которомъ, помимо свѣдѣній о дѣятельности Екатеринославскаго уѣзднаго земства, будутъ помѣщаться свѣдѣнія, касающіяся вообще земскаго дѣла, народнаго образованія, медицины, а также по сельскому хозяйству, примѣнительно къ югу Россіи, по хлѣбной торговлѣ, найму рабочихъ и прочія полезныя для сельскаго населенія сообщенія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:

на годъ	8 р.		на три мѣсяца	2 р. 60 к
на полгода	4 р. 40 к.		на одинъ мѣсяць	1 р.

Преподаватели учебныхъ заведеній платятъ 6 руб. въ годъ.

Подписка принимается: а) въ конторѣ редакціи при Губернской Типографіи (Проспектъ), б) въ Екатеринославскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи и у Гг. частныхъ приставовъ г. Екатеринослава и г) у Гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Екатеринославской губерніи. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка: уплата производится по 1 руб. ежемѣсячно, начинается съ января.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“

на 1897 годъ

(ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ).

Журналъ «Труды Кіевской дух. Академіи» выходитъ по прежнему утвержденной программѣ—ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу—8 р. съ перес.

Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ и по изложенію доступнымъ большинству читателей, а также пе-

реводч твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльных оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ».

Указомъ св. Синода отъ 12го февр. 1884 г., подписка какъ на Труды, такъ и на «Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ», рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Труды Академіи за прежніе годы продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 г.г. по 6 р., за 1885—1895 г.г. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. всѣ экземпляры Трудовъ распроданы.

Въ Редакціи Трудовъ продаются еще слѣдующія изданія и книги.

„Воскресное Чтеніе за слѣдующіе годы существованія его при Академіи: за 1837го г. (г. I), 1841го (V), 1847го (XI), 1848го (XII), 1851го (XV), 1852го (XVII), 1856го (XVIII), 1858го (XIX), 1858го (XX), 1857го (XXI), 1860го (XXIV), 1861го (XXV), 1861го (XXVI), 1861го (XXVIII), 1862го (XXIX), 1866го (XXX), 1867го (XXXI), 1868го (XXXII), 1868го (XXXIII), 1870го (XXXIV), за 1879, 1880, 1881 1882 и 1883 г.г. Цѣна за каждый годъ по 4 руб. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятистолѣтія крещенія Россіи» (Сказанія о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ. Н. И. Малышевскаго. Владиміръ св., какъ политическій дѣятель. В. Е. Завитневича. Древнія изображенія св. Владиміра. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Его же, Слово сказанное 10 іюля 1888 г. В. О. Пѣвницкаго). Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднеству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія, м. кiev. (450 стр.). 2 р.

Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его же. (634, 8-о). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ: а) св. Кипріяна карфагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Іеронима стридонскаго, ч. 1—13 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—8—Ц на каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательнаго чтенія» (Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 г.г.). Изд. 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ—къ упогребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для выѣкласнаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для кивныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ) Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1 р. 70 к.;

т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й изд. 2-е, ц. 3 р.; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5-й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и назначеніе) Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р съ перес.

Буддизмъ и христіанство. Сравненіе легендарной исторіи и ученія Будды съ евангельской исторіей и ученіемъ нашего Господа І. Христа С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ѳ. С. Орнатскаго. Изд. 2-е, исправленное и дополненное, 1894 т. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника. В Ѳ. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней—въ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ.

Редакторъ проф. В. Пѣвницкій

3—2

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА въ 1897 году на Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Въ 1897 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концъ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляетъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виллюндъ (Уисала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсеевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ) Г. Е. Катанавъ (Омскъ), Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Н. М. Мартыяновъ, (Минусинскъ), В. А. Машковъ (Варшава) еписк. Никаноръ, П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Тецлоуховъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, проф. А. А. Штукенбергъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб. каждая книжка отдѣльно 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. въ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе бесплатно.

Подписныя суммы адресуются; Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Секретарь Общества *Н. Катановъ*.

2—2

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

въ 1897 году.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «Русская Старина», вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, сстиается и въ будущемъ вѣрнѣ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить чи-

тателей съ историческими дѣателями Русской земли. Редакціи не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполне обезпеченныхъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣателей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой. Подписка принимается въ Главной конторѣ журнала, въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, домъ № 145, кв. № 1.

Редакторъ *Н. Дубровинъ.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

и

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

1 «Церковный Вѣстникъ» — еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) «Христіанское Чтеніе» — ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи. *Примѣч.* Доселѣ «Христ. Чтеніе» издавалось по одной книжкѣ въ два мѣсяца. Съ будущаго 1897 года оно, въ удовлетвореніе желанія многихъ подписчиковъ, будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печ. листовъ. Цѣна на него остается прежняя, т. е. 5 рублей на годъ, и только подписчики, получающіе его совмѣстно съ «Церковнымъ Вѣстникомъ» за два рубля, приплачиваютъ на почтовый расходъ за шесть дополнительныхъ книжекъ одинъ рубль.

Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редакція издаетъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА

въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1,000 страницъ убористаго, по четкаго прифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подписчики на одинъ изъ нихъ — за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ приобрѣсть полное,

собрание творений одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собрание, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библиотечку богословской литературы ея золотого вѣка.

Въ 1897 г. будетъ изданъ третій томъ въ двухъ книгахъ, въ который войдутъ толкованія на разныя мѣста св. Писанія, бесѣды на разные случаи, а также письма къ діаконалисѣ Олимпіадѣ и вся остальная переписка св. отца.

Новые подписчики, жаждущіе получать и первые два тома, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ по два рубля за томъ, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ—по 2 р. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

а) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній Св. Іоанна Златоуста—6 р. 50 к.; за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ «Твореній Св. Іоанна Златоуста»—6 р. 50 к.

б) За оба журнала 8 (восемь) руб. съ приложеніемъ «Твореній Св. Іоанна Златоуста»—9 (девять) руб. съ пересылкой.

ЦѢНА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

За оба журнала 10 (десять) руб.; съ приложеніемъ «Твореній Св. Іоанна Златоуста»—11 р. 50 к.; за каждыя отдѣльно 7 (семь) руб.; съ приложеніемъ «Твореній Св. Іоанна Златоуста»—9 рублей.

За изящный англійскій переплетъ прилагать 50 коп.

Изгородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ Редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ.

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Пески, уголь 7-й улицы и Дегтярной д. № 26—30, кв. № 8), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при «Церковномъ Вѣстникѣ».

Редакторъ проф. А. Лопухинъ.

2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общесвенной

жизни. III. Обзорніе газетъ и журналовъ IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ «Южнаго края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» V. Последнія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ) VI. Мѣстная хроника VII. Наука и искусство VIII. Театръ и музыка IX. Отголоски (маленькій фельетонъ) X. Вѣсти съ юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XII. Внѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, последняя почта XIII. Фельетоны: научный, литературный, художественный и обществ. яной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника XV. Критика и библиографія XVI. Смѣсь XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ XVIII. Почтовый ящикъ XIX. Календарь XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный Край» будетъ печататься новымъ болѣе удобнѣе приспособленнымъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержанія газеты.

Подписная цѣна на 1897 годъ

Съ доставкою иногороднимъ:

На	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
	11	— 10	50,	10	— 9	20,	8	50,	7	80,	7	— 6
												— 5
												— 4
												— 3
												— 1
												50

Съ доставкою въ Харьковъ:

10 — 9 50, 9 — 8 35, 7 50, 6 75, 6 — 5 25, 4 50, 3 40, 2 40, 1 20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель *А. А. Лозебовичъ.*

Открыта подписка на 1897 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

(Изданія годъ восьмой).

Выходить въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, 1-го числа каждого мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Содержаніе журнала и въ 1897 году будетъ отличаться обычнымъ разнообразіемъ и полнотой. Кромѣ богатаго запаса беллетристическихъ произведеній (романовъ, повѣстей, рассказовъ, стихотвореніе и т. п.), приобрѣтены, между прочимъ, неизданныя Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, А. Н. Островскомъ (воспоминанія его секретаря), Воспоминанія покойнаго архіепископа Никанора, посмертныя статьи Ю. Н. Говорухи-Отрова (Ю. Николаева), письма М. В. Каткова, П. М. Леонтьева, И. С. и К. С. Аксаковыхъ, И. С. Тургенева, К. Н. Леонтьева, Н. П. Гилярова-Платонова, Н. С. Кухавовскій, А. И. Герцена, Н. П. Огарева и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и доставкой: на годъ -- 15 руб., на полгода 7 р. 50 к., на 3 мѣсяца -- 3 р. 75 к., на 1 мѣсяць 1 р. 25 к. За границу съ пересылкой 18 р.

Для лицъ духовнаго званія, для вв. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ -- 12 руб., 6 мѣс. -- 6 руб., 3 мѣс. -- 3 р., 1 мѣс. -- 1 р. За границу 15 р. съ пересылкой.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя бібліотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ въ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

ВВ. Годовые подписчики Русскаго Обозрѣнія, подписавшіеся одновременно и на газету Русское Слово (изданія годъ III), пользуются значительною уступкой, уплативъ за оба изданія (ежемѣсячный журналъ и ежедневную газету) всего только 16 руб. (вмѣсто 20) въ годъ

Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ обращаться (лично или письменно) исключительно въ наши конторы:

1) Москва. Русское Обозрѣніе (уг. Тверской и М. Гяѣздиковского пер., д. Спиридонова).

2) Москва. Русское Слово (Страстной бульваръ, д. Перлова).

Подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, съ разсрочкой же платежа просить адресоваться исключительно въ контору журнала.

Книги журнала за всѣ 6 лѣтъ съ основанія (1890—1895 г.г.) продаются въ конторѣ редакціи по 5 р. за годъ. За пересылку доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ шесть лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Редакторъ-издатель *Анатолій Александровъ*.

3—1

Открыта подписка на 1897 г.

на издающіеся безъ предварительной цензуры

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСХОДЪ“

и газету „Недѣльная Хроника Восхода“.

17-й годъ изданія,

Въ 1897 году журналъ „Восходъ“ и газета „Недѣльная Хроника Восхода“ будутъ издаваться по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ предыдущіе годы.

Редакція имѣетъ своихъ специальныхъ корреспондентовъ въ Палестинѣ, Аргентинѣ, Нью-іоркѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Римѣ и вообще во всѣхъ крупныхъ центрахъ Россіи и за границей.

Въ ближайшихъ книгахъ „Восхода“, между прочимъ, будетъ помещено:

Говолия. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Расина. Переводъ въ стихахъ О. Н. Чюминой. (Михайловой).—Къ исторіи еврейскихъ сектъ А. Я. Гарлави.—У мароккскихъ евреевъ. В. И. Немировича-Данченко — Письма о старомъ

и новомъ еврействѣ. С. М. Дубнова.—Бѣгство. Разсказъ. Бенъ-Амнѣ—Евреи въ Англіи въ послѣдніе три вѣка. М. И. Кулишера. Берлинскіе еврейскіе салоны. По вновь открытымъ рукописнымъ документамъ Проф. берлинскаго университета Людвигъ Гейгера.—(Переводъ съ рукописи).—Пятидесятилѣтніе учено-литературной дѣятельности проф. Д. А. Хвольсона. Барона Д. Г. Гинцбурга.—Институтъ ритуальной чистоты у евреевъ. Д-ра Л. С. Каценельсона.—Роза Майгольдъ. Романъ. С. О. Ярошевскаго.—Евреи въ лондонской національной галлерей, Раполортъ.—Профессоръ Гейнрихъ фонъ Трейчке и евреи. По поводу полного собранія соч. Трейчке. Проф. берлинскаго университета Л. Гейгера. (Переводъ съ рукописи).—Уриель Агоста. Историческая характеристика. И. Зангвилля.—Императрица Екатерина вторая и евреи. М. И. Кулишера.—Потомокъ крестоносцевъ. Очеркъ. Н. Пружанскаго.—Переписка объ упадкѣ Еврейства и способахъ его возрожденія. Макса Нордау. И. Зангвилля и др. и отвѣты С. Берифельда и Р. И. Сементковскаго.—Изъ юношескихъ воспоминаній. Фрица Маутнера (автора романа „Новый Агасферъ“). Переводъ съ рукописи.—О нѣкоторыхъ нуждахъ еврейскаго населенія Россіи. Д-ра С. О. Грузенберга.—Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ чертѣ еврейской осѣлости. Л. М. Браисона.—Хидь-Гадья. Психологическій этюдъ. И. Зангвилля.—Еврейки на берлинскомъ женскомъ конгрессѣ. Л. Винца.—Генеральша. Разсказъ доктора Н. Пружанскаго.—Хайбарскій ядъ. Изъ хроники VII-го вѣка. Поэма въ стихахъ. В. Лебедева.—Кромѣ того, въ распоряженіи редакціи имѣется еще много разныхъ беллетристическихъ произведеній: повѣсти, разсказы, очерки, а также стихотворенія С. Г. Фруга, К. М. Фофанова, Н. О. Чуминой, К. Н. Лодова, В. Лебедева, Н. Григоровича, А. М. Федорова и др.

Цѣна за годъ журнала *«Восходъ»* и газеты *«Недѣльная Хроника Восхода»* 10 р., на полгода 6 р., въ 3 мѣсяца 3 р. За-границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1 января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ; при подпискѣ 4 р., къ 1 марта 3 р. и къ 1 іюля 3 р.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Театральная площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Новые подписчики, желающіе получить первые 15 листовъ *«Иудейскихъ Древностей»* I. Флавія, благоволятъ прислать еще 1 р.

Новые подписчики, если они этого пожелаютъ, могутъ получать безплатно газету *«Недѣльную Хронику»* въ 1896 г., со дня полученія ихъ подписки.

Редакторъ-издатель *А. Е. Ландау.*

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

Подписная цѣна
со всѣми
приложеніями
на годъ **4** руб.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Подписная цѣна
со всѣми приложеніями
съ пересылкою
на три мѣсяца . . . **1** р.
главная контора
СПБ., Невскій, 28.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА

самостоятельный и безусловно независимый органъ печати, свободная отъ всякихъ мѣстныхъ вліяній, эта газета являетъ наиболѣе полнымъ

Выразителемъ нуждъ провинціи.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политическій, столичной и провинціальной общественной жизни, фельетона, корреспонденціи и пр.,—по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней принимаютъ участіе цѣлый рядъ.

Извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей,

произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемесячныхъ (толстыхъ) журналовъ.

Знамя газеты—(стоять вѣрнѣе за правду, законъ и достоинство Россіи, дѣйствуя примирительно во всѣхъ вопросахъ касающихся, какъ отдѣльныхъ классовъ населенія, такъ и народностей входящихъ въ составъ Русской Имперіи.

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И

на оветіа дни

какъ русской, такъ и иностранной политической и общественной жизни будутъ смѣщаться не только въ литературной части воскресныхъ номеровъ, но и въ самой газетѣ по мѣрѣ надобности нѣсколько разъ въ недѣлю или же

Е Ж Е Д Н Е В Н О .

ВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ

ВОСКРЕСНЫХЪ НОМЕРАХЪ

состоящихъ каждый изъ 12—16 страницъ (изъ коихъ 8—12 печатаются въ форматѣ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, на бѣлой гла-

звированной бумагѣ) въ наступающемъ году будутъ напечатаны, сверхъ
большого романа въ 3-хъ частяхъ

Г. И. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго)

„ТАЙНА ЗАГОРСКОЙ УСАДЬБЫ“,

новѣйшія беллетристическія произведенія слѣдующихъ извѣстныхъ русскихъ
писателей:

ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

большой романъ въ 3 частяхъ

„ЖЕРТВА ПОКАЯННАЯ“.

П. Д. БОБОРЫКИНА

рассказъ

„ДВѢ НАӨЕДРЫ“.

Кота Мурлыки (проф. Вагнера) повѣсть, «Доброе дѣло». Н. И. Мер-
дери, «Искательница», очеркъ изъ петерб. нравовъ. Л. А. Авиловой, раз-
сказъ «Злая воля». Б. С. Мережковскаго, историческая повѣсть «Микель
Анжело». Фёдора Сологуба, рассказъ «Женя». П. А. Сергѣенко, повѣсть
«Встрѣча».

Подписная цѣна на второе изданіе

„ВИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

со всѣми приложеніями и съ пересылкой въ Россіи:

На годъ 4 руб., на 3 мѣсяца 1 руб. ноябрь, декабрь, январь, на
мѣсяць 35 коп.

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій, 28:

3—1

Открыта подписка на 1897 годъ (восьмой годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1896 года въ «Русской Школѣ» были напечатаны между
прочимъ, слѣд. статьи: 1) Автобіографія Н. И. Пирогова; 2) Сельская
школа и учитель (Воспоминанія и замѣтки) К. Барсова; 3) Педагогиче-
скіе матеріалы. (Замѣтки и наблюденія начальнаго учителя К. Чернепцаго;

- 4) Изъ дневника учительницы воскресной школы К-ой; 5) Какъ мы устроили мужицкую академію. М. Слободанина; 6) Историческій очеркъ учреждений для воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. П. О. Каптерева; 7) Бъ годовщину дня рожденія Песталоцци. Л. Н. Модзалевскаго; 8) Ушинскій, какъ редакторъ журнала Мин. Нар. Просв. Я. Г. Гуревича; 9) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи (По личнымъ наблюденіямъ) М. А. Лялиной; 10) Вѣна, Цюрихъ, Женева (Педаг. замѣтки и впечатлѣнія). Е. Чебышевой-Дмитріевой; 11) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго. А. А. Красева; 12) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей А. С. Виринуса; 13) Нравственность у дѣтей и нравственное воспитаніе. Л. Е. Оболенскаго; 14) Педагогическая подготовка учителей за границею и у насъ. Д. Д. Семенова; 15) О подготовкѣ учителей для сельско-хозяйственныхъ школъ. И. И. Мещерскаго; 16) Мысли о современномъ воспитаніи. А. С. Симоновичъ; 17) Мысли женщины о постановкѣ средняго женскаго образованія. Кл. Фирмаковской; 18) Мысли Н. Н. Страхова о нашемъ среднемъ образованіи. В. Афанасьева; 19) Замѣтка по поводу статьи Даневскаго о «единой школѣ». Графа Павла Капвиста; 20) Возможно-ли и нужно-ли у насъ обязательное обученіе? В. П. Вахтерова; 21) Народныя чтенія. Его-же; 22) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. А. О. Гартвига; 23) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ разработкѣ московскаго земства Д. Д. Лобанова; 24) Сельскія школы и вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Финляндіи. В. Ю. Скалона; 25) Чему мы можемъ поучиться у американцевъ въ дѣлѣ организаціи начальной школы? В. И. Фармаковскаго; 26) Какія нужно произвести измѣненія въ курсѣ городскихъ училищъ по Положенію 31 мая 1872 г.? А. Раменскаго; 27) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. Я. В. Абрамова; 28) Воскресно-повторительная школа для учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. О. Х. Павловичъ; 29) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства. С. А. Бобровскаго; 30) Живое слово какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ. И. А. Анастасіева; 31) Педагогика какъ предметъ обученія въ женскихъ гимназіяхъ. С. Брайловскаго; 32) О гимназическомъ преподаваніи логики. Л. Рутковскаго; 33) Сравнительный способъ преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ А. А. Гофмана; 34) Неожиданныя темы. Ц. П. Балалона; 35) Объ изученіи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Ив. Созонтьева; 36) По таковленіи ип народному образованію земскихъ собраній въ 1895 года. И. П. Бѣлоконскаго.

Журналь выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣ десяти печатн. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—6 р. 50 к.;

для иногородних—семь руб.; за-границу—девять руб. Учители сельских школ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, вни иввающіа не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10⁰/₀. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, Гимназіа Гуревича), и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго времени».

Илѣются экземпляры и за предъидущіе годы (кромѣ 1890 г.) по означенной цѣнѣ.

Редакторъ-Издатель Я. Гуревичъ.

3—1

О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религиозныя, правовыя и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, связки легенды, пѣсни и проч.

Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаются критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ИЮНЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОСТРОЖСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ШКОЛА¹⁾.

(Историко-критическій очеркъ).

III.

Приступая къ положительному изложенію исторіи острожской школы, мы должны заявить, что располагаемъ очень небольшимъ количествомъ фактовъ, которые давали бы возможность представить связный и послѣдовательный, безъ всякихъ перерывовъ, рассказъ объ ея судьбѣ отъ начала ея существованія до исчезновенія съ исторической сцены.

Острожское училище, открытое въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ XVI ст., было первымъ православнымъ учебнымъ заведеніемъ, способнымъ удовлетворить назрѣвшую къ тому времени въ русскомъ народѣ потребность въ просвѣщеніи, и потому къ нему направилось многочисленное русское юношество, какъ дворянскаго происхожденія, такъ и крестьянскаго²⁾. Шли сюда учиться даже изъ Галиціи (Іовъ Книгиницкій) и Литвы (Андрей Рымша). На первыхъ же порахъ оно дало добрые плоды и настолько успѣшно стало осуществлять свою задачу—„размноженіе наукъ вѣры православной“, что уже въ 1541 году стало извѣстно съ этой стороны Антонію Поссевину.

Намъ думается, что въ связъ съ этими именно внутренними и внѣшними успѣхами острожской школы нужно поставить из-

¹⁾ См. „Киѣвск. Стар.“ 1897 г. № 5.

²⁾ *Suzza o. et. l. c.*

вѣстіе, извлекаемое изъ документовъ лудскаго архива, именно— что кн. К. К. Острожскій построилъ въ 1582 г. въ Острогѣ монастырь св. Троицы, завелъ при немъ госпиталь, училище и типографію и въ 1585 г. далъ въ фундушъ м. Суражъ, с. Туровъ, Оносковичи, Ходаки, Зѣньки, другіе Зѣньки, Изерно и Тетеревъ¹⁾. Такъ какъ типографія и училище существовали, безъ сомнѣнія, и до того, то это сообщеніе нужно понимать такъ, что въ троицкій монастырь они были переведены изъ старыхъ своихъ помѣщеній, что могло обусловливаться тѣснотой послѣднихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, можно думать, внѣшняя связь школы съ монастыремъ отразилась на всемъ строѣ ея жизни.

Въ первыя десять лѣтъ своей ученой и учебной дѣятельности острожскій кружокъ издателей и педагоговъ развилъ свою дѣятельность до того, что предсѣдатель его Гер. Смотрицкій уже могъ (конечно, не *de jure*) назвать острожскую школу академіей, быть можетъ, мечтая уже, вопреки увѣреніямъ Скарги, о возможности устройства славянской академіи²⁾. Къ этому то, вѣроятно, времени относится и свидѣтельство Перестроги: „Зачимъ православіе наше почало было просіявати яко солнце; люди учоные почали были въ церкви Божіей показоватися, учителя и строители церкви Божіей и вниги друкованые почали множитися: що бачучи св. патріархъ, тымъ частѣй призирати почаль и дидаסקалы мудрыми обсылалъ“³⁾. А что оно должно быть отнесено къ 80-мъ годамъ и что этотъ умственный подъемъ совершилъ кн. Острожскій, доказательствомъ этого и иллюстраціей къ словамъ автора Перестроги можетъ служить цитованный уже нами документъ—письменное обязательство владимирскаго епископа съ капитулой, въ которомъ они заявляли, что рѣшились „за напоменемъ“ кн. Острожскаго устроить школу съ двумя

¹⁾ *Свящ. Сендульскій*, С. Суражъ времен. уѣзда (Вол. ен. вѣд., 1873, 664). *Н. Теодоровичъ*, Описаніе волынской епархіи. II, 665, 666.

²⁾ „У nie było jeszcze na świecie, писалъ Скарга въ 1577 г., а ni będzie żadney akademiey, ani kollegium, gdzie by theologia, philozophia y inne wyzwolone nauki inzyum (т. е. не латинскимъ или греческимъ) się językiem uczęły y rozumieć mogły“ (И. П. Д., II, 485).

³⁾ А. З. Р., IV, стр. 206

„бакалярами“, а также завести „двохъ дьяконовъ и дьяковъ двоухъ albo трехъ, хлопять и спеваковъ килка“ и „двохъ казъ-подѣвѣвъ, для науки и проповеданя слова Божого“¹⁾). Мы не знаемъ ни дальнѣйшей судьбы владимирской школы, ни вообще практическихъ послѣдствій означенной записи²⁾, но дѣло теперь не въ этомъ, а въ самомъ содержаніи документа, который, свидѣтельствуя объ оживленіи церковной жизни въ одномъ изъ подвластныхъ кн. Острожскому городовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ видѣть, что у насъ уже въ 1588 г. явилась возможность имѣть людей „наученныхъ“ въ славянскихъ и греческихъ наукахъ и способныхъ учить другихъ. Эту возможность, безъ сомнѣнія, дала острожская школа (львовская школа была еще очень молода и городъ Владимиръ пока еще не входилъ въ среду ея вліянія), какъ она-же, конечно, могла удовлетворить и другую явившуюся въ то время потребность—въ хорошихъ проповѣдникахъ.

Но высшій расцвѣтъ острожскаго училища былъ уже и началомъ его паденія. Въ началѣ 90-хъ годовъ оно замѣтно ослабѣло научными силами и средствами. Составъ его преподавателей, восполнявшійся обыкновенно греческими дидаскалами, теперь сильно сократился, и уже 1 дек. 1592 г. кн. Острожскій въ письмѣ къ львовскому братству жаловался на недостатокъ учителей и великій умственный голодъ. Въ то же время въ письмѣ къ своему родственнику, владимирскому и брестскому епископу Ипатію Потѣю (1593 г.), онъ сѣтовалъ на общій упадокъ православнаго просвѣщенія,—на то, что „устали учителя, устали проповѣдачи слова Божого, устали науки, устали казанья“. Подъ вліяніемъ, между прочимъ, этой мысли онъ готовъ былъ даже присоединиться къ вновь обнаружившемуся тогда стремленію къ соединенію съ Римомъ. Посылая Потѣю, одному изъ

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. 1, т. 1, № 55.

²⁾ Едва ли преемникъ еп. Лазовскаго, въ руки котораго, по документу, должны были перейти чрезъ три года всѣ имѣнія, назначенныя на школу, проповѣдниковъ, благоустройство соборной церкви, способны были поддержать все это. А м. Макарій сомнѣвается даже, чтобы самъ Лазовскій могъ принести такую жертву, какъ отдача нѣсколькихъ имѣній (Исторія русской церкви, IX, 445).

выразителей этого стремления, условия унии, князь Острожский в числе их поместил оставление за русскими права (и обязанности) „закладанья школъ и наукъ вольныхъ, а зважа, для цвиченья духовнымъ... же быхмо мѣли учоные презвитеры и казнодѣи добрые: бо за тымъ, ижъ наукъ нѣтъ, великое грубіанство въ нашихъ духовныхъ умножилось“¹⁾. Но скоро онъ увидѣлъ тщетность надежды на помощь нашему просвѣщенію изъ Рима и опять сталъ искать средствъ къ упорядоченію церковной жизни и къ развитію просвѣщенія—на Востокѣ.

При константинопольской каеедрѣ въ то время находился въ качествѣ протосингела Никифоръ, „мужъ, исполненный всякой науки, въ богословіи духовной и внѣшней бѣглый“²⁾. Давно его знавшій кн. Острожскій пригласилъ его теперь въ свою школу въ надеждѣ поднять ее при его помощи на подобающую высоту³⁾. Никифоръ прибылъ въ Острогъ въ срединѣ 1596 г., но учительствовать здѣсь ему пришлось недолго: въ октябрѣ онъ предсѣдательствовалъ на брестскомъ соборѣ, а еще черезъ полгода былъ заключенъ въ маріенбургскій замокъ, по обвиненію въ шпіонствѣ... Формальное провозглашеніе брестской унии положило также конецъ и школьной дѣятельности въ Острогѣ Кирилла Лукариса, другаго грека, прибывшаго сюда нѣсколько ранѣе Никифора (подробнѣе о нихъ будетъ сказано ниже).

Острожской школѣ грозило совершенное паденіе. Въ это то время въ судьбахъ западнорусской церкви и русскаго просвѣщенія принялъ участіе антиохійскій патріархъ Мелетій Пигасъ. Ему было извѣстно, что западнорусское духовенство почти лишено средствъ получать образованіе, а Кирилле Лукарисъ могъ сообщить ему и о томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ очути-

¹⁾ П. П. Л., III, 583. 587 (id. А. З. Р., IV, № 45).

²⁾ А. Ю. и З. Р., I, № 210 (id. Monum. confrat. Leopold., I, № 256).

³⁾ Безъ сомнѣнія, Никифоръ былъ приглашенъ въ Острогъ еще задолго до указываемаго нами времени, лѣтъ за 10—15 до того (А. З. Р., IV, стр. 213. Странникъ, 1860, IV, 199, прим. 3), и тогда же изъявилъ согласіе быть здѣсь дидаскаломъ. Теперь, очевидно, онъ вторично былъ приглашенъ княземъ, иначе трудно допустить, чтобы онъ вздумалъ исполнить безъ новаго зова такъ давно данное имъ обѣщаніе.

лась острожская школа. И вотъ патриархъ шлетъ въ 1597 г. на Русь нѣсколько посланій, въ которыхъ убѣждаетъ завести епархіальныя училища—для образованія духовенства главнымъ образомъ. Князя же Острожскаго п. Мелетій просилъ прибавить ко всѣмъ трудамъ своимъ для истины и устройство школы, этой наилучшей ограды благочестія; а его казначею патріархъ внушалъ напоминать князю объ устройеніи училища и типографіи¹⁾.

Неизвѣстно, какъ отозвался К. К. Острожскій на убѣжденія п. Мелетія. Возможно однако, что благодаря имъ именно онъ вознамѣрился преобразовать свое училище въ академію, намекъ на каковое намѣреніе мы можемъ уже усматривать въ поэмѣ Пенкальскаго („Прими начатки, быть можетъ послѣдуетъ большее...“), но къ осуществленію котораго было приступлено позднѣе: свидѣтельство объ этомъ Іосифа Рутскаго относится къ 15 февраля 1603 года. По его же словамъ, въ проектированную академію стали стремиться юноши даже изъ римской аонасіевской коллегіи, въ которой „сосредоточена была вся греческая наука“. Но, быть можетъ, потому именно, что въ самой Греціи въ то время трудно было найти ученаго человѣка даже со свѣчей, какъ иронизируетъ Рутскій²⁾, проектъ кн. Острожскаго не былъ осуществленъ, хотя, повидимому, тогда же были выстроены особыя зданія для академіи³⁾.

Одновременно съ этимъ К. К. Острожскій проявлялъ заботливость о развитіи русскаго просвѣщенія въ православномъ духѣ и въ другихъ формахъ. 10 дек. 1602 г. его „повелѣніемъ“ вышла изъ острожской типографіи „книжица часословъ глаголемая,

¹⁾ *Мальшевскій*, Мелетій Пагасъ, П, № 18, 22, 23. П. Мелетію, конечно, было извѣстно о существованіи въ Острогѣ училища съ типографіей, и потому онъ говоритъ не объ устройствѣ новыхъ, а объ благоустроеніи унававшихъ старыхъ. Не правъ потому г. Лукьяновичъ, увѣряющій, что патриархъ требовалъ преобразованія низшей острожской школы въ среднюю съ классическими языками и другими науками (Вол. еп. вѣд., 1881, 823): древніе языки преподавались здѣсь и раньше.

²⁾ *Голубевъ*, Петръ Могіла, прилож., № 23.

³⁾ О нихъ находится упоминаніе въ „Инвентарѣ имѣній кн. Острожскаго“, составленномъ въ 1620 г.: „Tamże akademія, szkoła, drukarnia, i unsze budowania collegiackie polskie i ruskie“... (Ор. *Левицкій*, „Анна-Алоиза, княжна Острожская“, „Кіевск. Стар.“, 1883, 343, прим.).

оученія риди отрочать“. Въ томъ же году онъ превратилъ дерманскій монастырь въ училищный. Въ немъ и равнѣ монахи не чуждались книги и ученыхъ занятій¹⁾, теперь же кн. Острожскій реорганизовалъ его въ видахъ специальныхъ—преподаванія и развитія наукъ. По его мысли въ дерманскій монастырь могли быть принимаемы только тѣ, кто захотѣлъ бы подчиняться уставу, основнымъ требованіемъ котораго была забота о просвѣщеніи и наукѣ; способные обязывались учиться писменамъ славянскимъ, латинскимъ и греческимъ у лицъ восточнаго исповѣданія²⁾. Выбѣстѣ съ тѣмъ князь завелъ здѣсь типографію, начальникомъ которой былъ поставленъ пресвитеръ Даміанъ.

13 февраля 1608 г. скончался Константинъ Константиновичъ Острожскій³⁾, поручивъ всѣ просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія и лицъ, къ нимъ приставленныхъ, своему старшему сыну и наслѣднику Янушу, которому отдалъ ихъ въ „дозоръ, опеку и милостивую оборону“. Послѣдній, хотя давно уже перешелъ въ католичество, повидимому, не порвалъ всѣхъ связей съ православіемъ: онъ, по свидѣтельству Захаріи Копыстенскаго „шановаль“ и „величалъ“ вѣру своихъ отцовъ и „народъ свой Роскій любилъ“⁴⁾. Это же подтверждаетъ виленское братство въ посвященіи кн. Янушу изданной братствомъ въ 1608 году книги: „Αντιγραφη“⁵⁾. З. Копыстенскій свидѣтельствуется, что кн. Янушъ „тестаментъ пресвѣтлого родителя своего сохранилъ“, но какъ относился онъ къ училищу—не указываетъ. И нѣтъ никакихъ положительныхъ фактовъ его заботливости о немъ. А отрицательный—есть между тѣмъ. Такъ, утверждая въ 1618 г. суражскую фундацію своего отца, князь

¹⁾ Такъ, здѣсь въ 1599 г. переведена была съ греческаго на славянской языкъ „Пчела или собраніе стиховъ отъ богодухновеннаго писанія и внѣшнихъ учителей“ (Рукоп. Киево-печерской лаврской бібліотеки, № 58).

²⁾ П. К. К., IV, стр. 38. Въ этомъ—новое доказательство, что въ самой острожской школѣ преподавались древніе языки.

³⁾ *Latorisicis Ierlicza*, 1853. *Голубевъ*, Объяснительные параграфы по исторіи Зап.-русской церкви (Киев. еп. вѣд., 1893, стр. 99).

⁴⁾ П. П. Л., I, 1139. 1140.

⁵⁾ П. П. Л., III, 1154.

Янушъ доходы съ нея опредѣлили только въ пользу церкви и госпиталя, о школѣ не упоминая¹⁾.

Тѣмъ не менѣе и школа и типографія продолжали существовать и послѣ смерти ихъ фундатора. Изъ типографіи въ 1612 г. вышли двѣ книги—Полууставъ²⁾ и Часословъ, изданный съ соблюденіемъ извѣстныхъ критическихъ приѣмовъ, именно путемъ сличенія текстовъ, преимущественно греческихъ³⁾. И есть указаніе на то, что и теперь сохранялась прежняя связь типографіи съ школой, что знаніе греческаго языка, необходимое для первой, поддерживалось второй. Такъ, „во Острозѣ, во училищи къгреко-словенскомъ, мѣсица марта в 23 день, лѣта 1611“ переведена книга Θεодора Авукара, писателя IX вѣка, съ посвященіемъ перевода архим. Исаи Балабану: „Книга блаж. Феодора, нарицаемаго Авукара, епископа Карійскаго, противу различныхъ еретиковъ, іудей же и срацивъ, ново отъ еллинскаго языка на славенскій единымъ отъ спудеовъ училища острозкаго греко-словенскаго преведена“⁴⁾.

Дальнѣйшія упоминанія объ острожской школѣ мы находимъ въ цитованномъ выше „Инвентарѣ имѣній кн. Острожскихъ“ (1620) и въ Виршахъ на смерть гетмана Сагайдачнаго (1622 г.). Здѣсь говорится о кн. Острожскихъ, что они

...„ся въ наукахъ кожали,
 „На школы заетностей много фундавали,
 Абы ся млодь въ Наукахъ уцтивыхъ цвичила.
 Церкви, и тыжь Ойчизнѣ позитечна была.
 Дай Боже, бы тая тамъ Фундація трвала:
 Жебы ся отголь Хвала Божія помножала“⁵⁾.

Но желаніе автора Виршей не исполнилось. Переходъ Острога въ руки ярой католички Анны-Алоизы Ходъевичевой (до-

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 273.

²⁾ Вопросы Ельвино-Россійскіе, Супрасль, 1715 г., стр. 72 73. 104—106.

³⁾ „И то тежь вѣдати маешъ, ивъ въ томъ выданью зводу грецкого най-болше наследовано“, говорятъ издатели его (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс. 1888, I, 67, прим.).

⁴⁾ „Похвала Исаи Балабану 1611 г.“—Чт. въ Общ. Нестора Лѣтописца, VIII, отд. III, Матеріалы, стр. 33. 37 (см. также Строева Описаніе рукописей Царскаго, № 668).

⁵⁾ Голубевъ, Исторія кіевской духовной академіи, прилож. стр. 29.

чери кн. Алекс. Конст. Острожскаго) очень скоро отразился на положеніи здѣсь православія вообще и православнаго просвѣщенія въ частности. Уже въ 1623—4 г. мы видимъ сына одного изъ острожскихъ священниковъ Подвысоцкаго въ виленской школѣ¹⁾: очевидно, что мѣстная школа, претендовавшая нѣкогда на званіе академіи, или прекратила уже свое существованіе, или, лишенная средствъ, превратилась въ низшее училище. Одновременно съ этимъ (въ 1624 г.) княгиня основала въ городѣ іезуитскую коллегію, какъ разсадникъ католическаго просвѣщенія, съ общежитіемъ для бѣдныхъ дворянскихъ юношей. На содержаніе коллегии она записала цѣлый Княгининскій ключъ, состоявшій изъ десяти сель, къ которымъ въ 1626—7 г.г. присоединила еще нѣсколько деревень²⁾. Въ 1640-мъ же году Анна-Алоиза отдала коллегии св.-троицкій монастырь и всѣ его суражскія имѣнія³⁾. Если справедливо, что въ 1640 г. въ Острогѣ печаталась книга Никона Черногорца⁴⁾, то можно допустить, что до этого года въ монастырѣ существовала типографія, а можетъ быть, и школа.

IV.

Изъ той массы „различныхъ любомудрцовъ“, которые, по свидѣтельству Захаріи Копыстенскаго, украшали дворъ князя Острожскаго, до насъ дошли имена очень немногихъ и изъ нихъ далеко не всѣмъ мы имѣемъ право приписать учительство въ острожской школѣ или хотя бы болѣе или менѣе близкое отношеніе къ ней. Но такъ какъ и совершенно отрицать участіе

¹⁾ Рукописная книга Ае. Мяславскаго—Рукоп. Киево-печер. библ., № 20 доп. л. 102.

²⁾ *Stebelski, Przydatek do chronologii ks. Ostrogskich*, III, 137, 138. *H. Теодоровичъ*, Опис. волн. епархіи, II, 646. 647. Вол. еп. вѣд., 1868, №№ 55. 56. Крај, 1891, № 44, str. 21.

³⁾ Вол. еп. вѣд., 1873, 664. 665; 1883, 697. Крај, 1891, № 26, str. 20.

⁴⁾ *Максимовичъ*, Книжная старина южнорусская (Временникъ Москов. общ. исторіи и древн. россійскихъ, I, 1849, 7). *Wiszniewski, Historia literatury polskiej* VIII, 414. *Головацкий*, Дополненіе къ Очерку библиографіи Ундольскаго (Зап. Имп. академіи наукъ, XXIV, прилж. № 3, стр. 10).

большинства изъ нихъ въ трудахъ по устройству ея и преподаванію въ ней, какъ дѣлаетъ это г. Лукьяновичъ, мы не можемъ уже въ силу того нашего воззрѣнія, по которому острожская школа была среднимъ учебнымъ заведеніемъ, или, употребляя тогдашнюю терминологию, „школой вызволенныхъ наукъ“, и такъ какъ для насъ должны быть дороги имена людей, которые, быть можетъ, создали нашу западнорусскую образованность,—то мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ нихъ.

Первымъ ректоромъ острожской школы называютъ *Герасима Данилова Смотрицкаго*. Хотя мнѣніе это основывается на болѣе позднемъ свидѣтельствѣ Суши¹⁾ и не находитъ подтвержденія въ „*Obrobie Verificacy*“ (1621 г.), авторомъ которой считается сынъ Герасима—Мелетій Смотрицкій, хотя и былъ поводъ сказать объ этомъ²⁾,—его совершенно отвергнуть нельзя: замѣтка Г. Смотрицкаго: „писано у академіи Острозтѣй“³⁾ заставляеть думать, что онъ имѣлъ близкое отношеніе къ училищу.

До своего вызова въ Острогъ Гер. Дан. Смотрицкій былъ городскимъ писаремъ въ Каменцѣ Подольскомъ и пользовался громкой извѣстностью ученаго³⁾, что и побудило кн. Острожскаго пригласить его къ себѣ для работъ по изданію Библии⁴⁾.

¹⁾ „*Dux Ostrogiensis.. videos dictum Erasmus Smotrycki, vicecapitaneum Camenecensiam, eruditionis Ruthenos inter haud spernendae, autoritate sua tantum apud eum perfecit, ut relicto publico honore, (et)us) gymnasij Rectorem subierit*“ (Saulus et Paulus, 15. 16) Нужно однако замѣтить, что Суша относитъ основаніе училища и, слѣдовательно, ректуру Г. Смотрицкаго къ 90-мъ годамъ XVI ст. и потому уже сильно подрываетъ свое свидѣтельство.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VІІ, 429.

³⁾ Нѣкій современный Г. Смотрицкому польскій историкъ назвалъ его „*umiejętym w naukach greckich, łacinskich i języku słowiańskim*“ (Вол. еп. лѣд., 1881, 863). А Суша впоследствии охарактеризовалъ его, какъ чловѣка прекрасныхъ нравовъ и великой учености, ибо онъ былъ свѣдущъ въ латинскихъ, греческихъ и славянскихъ наукахъ, доказательствомъ чего служатъ его весьма полезная для всей Руси дѣятельность при переводѣ Библии съ греческаго и латинскаго языковъ на славянскій (о. с., 14).

⁴⁾ Неизвѣстно, когда это произошло. Возможно, что еще до 1576 г., если правдоподобно сообщеніе м. Евгенія: „Въ 1576 г. при К. Острожскомъ упоминается подскарбій Гер. Дан. Смотрицкій (Словарь писателей духовнаго чина, I, 96). Извѣстіе это, повидимому, находитъ въ связи съ Кепповскимъ сообщеніемъ, по ко-

Гдѣ онъ получилъ образованіе—не знаемъ; вѣроятно, у домашнихъ учителей: самъ онъ говоритъ о себѣ въ предисловіи къ Библии, что никогда не видѣлъ училища. Относительно общаго характера его дѣятельности въ Острогѣ мы имѣемъ свидѣтельство автора извѣстнаго памфлета на Мелетія Смотрицкаго: „Бысть въ та времена во Острогѣ мужъ именемъ Герасимъ, сынъ Даниловъ, Подолинникъ, з Смотровски, благочестивая мудрствуя и многу помощь и утѣху вѣрнымъ противу еретиковъ и отступниковъ писаними своими подаѣ“¹⁾.

Изъ такихъ „Писаній“ Г. Смотрицкаго, кромѣ предисловія къ Библии, тоже имѣющаго отчасти полемическій характеръ, извѣстенъ „Ключъ царства небеснаго“ (1587 г.)²⁾, являющійся отъѣтомъ на сочиненіе Бенедикта Гербеста, ректора ярославской іезуитской коллегіи: „Wiary kościoła Rzymskiego wywody. Greckiego niewolstwa Historia: dla jedności“. Захарія Копыстенскій даетъ видѣть, что у Гер. Смотрицкаго было еще одно сочиненіе. Сказавши въ своей „Палинодіи“ о деморализаціи тогдашняго православнаго духовенства, Копыстенскій продолжаетъ: „На што часовъ тамтыхъ пожилой годной памяти мужъ Гер. Дан. Смотрицкій поглядаючи а справы духовныи, ажъ наддеръ въ занедбане пущеніи, имъ далѣй, тимъ въ горшій нерядъ приходячи видячи, въ конецъ обаченся, ачъ не кунштовнимъ, еднакъ вѣршемъ Росскимъ на непорядни хиротонизанты и ихъ рукополо-

тому къ концу Апостола львовской печати 1574 г. приложена была королевская привилегія, подписанная кн. Вас. Острожскимъ и справщикомъ „подскарбимъ Гер. Дан. Смотрицкій“ (Ср. Ундольскій, Очеркъ славяно-русской библиографіи, № 74). Но Петрушевичъ дѣлаетъ такую поправку къ нему: „та ссылка (Ундольскаго) на Келлена невѣрна, ибо она относится до изданія Апостола, напечатаннаго, вѣроятно, въ Вильвѣ ок. 1576“. (Хронолог. росписъ церковныхъ и мірскихъ рус.-слав. книгъ, стр. 114). Мы искали означенной привилегіи въ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ Апостоловъ 1574 и 1576 гг. и не нашли.

¹⁾ Киев. еп. вѣд., 1875, 564.

²⁾ „Ключъ“ перепечатанъ по частямъ во II томѣ „Мелетія Пигаса“ и въ Арх. Ю.-З. Р., I, VII. Въ предисловіи въ послѣднемъ изданію г. Голубевъ доказываетъ, что извѣстное до того сочиненіе Смотрицкаго—„Календарь римски новы“ (Каратаевъ, № 116) есть только часть цѣлаго произведенія—„Ключъ царства небеснаго“.

женцы волашь и нарекаль“¹⁾). До насъ не дошло это стихотворное обличительное произведение Г. Смотрицкаго, но что его „вѣршь“ дѣйствительно не былъ „кунштovníмъ“, доказательствомъ этого можетъ служить его „двострочное согласіе“, помѣщенное вслѣдъ за предисловіемъ къ Библии и такъ начинающееся:

„Всякаго чина православный читателю
Г-ду Б-гу благодаренье воздаймо яко благодателю...“

Оно представляетъ похвалу кн. Острожскому, „которымъ явилась“ всесвѣтлыхъ писаній неизглаголанная сладость“ и котораго оно сравниваетъ съ св. Владимиромъ и Ярославомъ мудрымъ:

„Владимерь бо свои народъ крещеньемъ просвѣтилъ,
Константинъ же богоразумія писаніемъ освѣтилъ“ и т. д.

Усердіе Г. Смотрицкаго въ ученыхъ и учебныхъ трудахъ было таково, что кн. Острожскій подарилъ ему два села—Баклаевку и Борисовку²⁾. Годъ смерти его неизвѣстенъ. Полагаютъ, что онъ скончался около 1594 г., ибо въ это приблизительно время въ Острогѣ появляется Кирилль Лукарьсь, котораго называютъ преемникомъ Смотрицкаго по ректорству³⁾.

*Кирилль Лукарьсь*⁴⁾ родился 13 ноября 1572 года. Опекунъ его былъ извѣстный Мелетій Пигасъ, который направилъ

¹⁾ П. П. Д., I, 1057. Изъ Палинодіи это извѣстіе пошло въ Книгу о вѣрѣ, 1648, Москва (М. Евгеній, Словарь, I, 96). Левауитъ Мартыновъ, говоря о приписываемыхъ Мелетію Смотрицкому „Виршахъ на отступниковъ“, датируетъ ихъ почему то 1593 г. (Кирилло-Мееод сборникъ, I, пред. XXIV).—Вилецкое братство въ своей Оброніе Verificatiocy говоритъ о трехъ литературныхъ памятникахъ, оставленныхъ Гер. Смотрицкимъ, изъ которыхъ первый написалъ имъ для всѣхъ іерарховъ (przłożonum) русской церкви, хотя по имени посвящено одному изъ нихъ (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 429).

²⁾ *Susza*, o. et. l. c. Cf. Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 429.

³⁾ Вол. еп. вѣд., 1885, 293. Въ *Encyklopedya powszechna*, XXIII, 733, почему то указывается 1601 г., какъ годъ смерти Г. Смотрицкаго.—Авторъ латиноуниатскаго сочиненія „*Sowita wiła*“ (1621) называетъ Гер. Смотрицкаго попомъ: „*Paraszum pop, którego synem j st wasz Smotrystki*“, т. е. Мелетій (Арх. Ю.-З. Р., I, VI, 4:2). Если онъ не смѣшалъ Герасима Смотрицкаго съ братскимъ священникомъ Герасимомъ, то не натолкнетъ ли это извѣстіе кого-нибудь на выдасиеніе дальнѣйшей судьбы Гер. Смотрицкаго?

⁴⁾ Кромѣ цитованной книжки свѣщ. Браццева (послѣ-архим. Арсенія)—„Патр. Кирилль Лукарьсь“, этому патриарху посвящена еще монографія Алоизія Пихлера: „*Geschichte des Protestantismus in der orientalischen Kirche im 17 Jahrhundert, oder: Der Patriarch Cyrillus Lukaris und seine Zeit*. München, 1862“. Но первая устарѣла, вторая сверхъ того тенденціозна.

его для образованія въ Венецію и затѣмъ въ Падую, гдѣ и самъ нѣкогда учился. Пробывъ около четырехъ лѣтъ въ первой и около семи во второй, К. Лукарисъ изучилъ тамъ древне-греческій, латинскій и итальянскій языки, діалектику, риторику, метафизику и этику по Аристотелю¹⁾. Въ 1594 г. онъ былъ отправленъ п. Мелетіемъ къ кн. Острожскому и ко всѣмъ православнымъ западноруссамъ²⁾. Сообщая объ этомъ, Пихлеръ добавляетъ, что М. Пигасть назначилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Лукариса ректоромъ и профессоромъ виленской гимназіи. Но это извѣстіе ничѣмъ не подтверждается и, вѣроятно, въ основаніи его лежитъ смѣшеніе именъ Кирилла Лукариса и Кирилла Транквилліона Ставровецкаго, какъ открывается это изъ того, что нѣкоторые писатели начало ректорства Лукариса въ Вильнѣ относятъ къ 1592 году³⁾, т. е. къ тому именно времени, когда туда перешелъ изъ Львова Транквилліонъ⁴⁾. Въ силу этого же смѣшенія возникла мысль и о преподавательской дѣятельности Лукариса во Львовской школѣ въ 1591 г.⁵⁾.—Миссіей Кирилла Лукариса въ западной Россіи и въ Острогѣ было не учительство, но можно согласиться съ утвержденіемъ нѣкоторыхъ историковъ, что онъ въ 1594—6 г.г. преподавалъ въ острожскомъ училищѣ, въ виду того, что Мел. Смотрицкій называетъ себя его ученикомъ съ молодыхъ лѣтъ⁶⁾. Послѣ участія въ брестскомъ соборѣ въ октябрѣ 1596 года и осужденія Никифора, Кириллъ Лукарисъ удалился изъ Западной Россіи. Затѣмъ онъ слушалъ въ Виттенбергѣ и Женевѣ философскіе и богословскіе курсы и въ 1600 г. опять явился въ Россію, посланный п. Мелетіемъ съ письмами къ православнымъ князьямъ и протестантамъ, которые хлопотали въ это время о религіозной уніи съ православной

¹⁾ *Pichler*, 37, 38, 49, 61.

²⁾ „Мелетій Пигасть“, II, прилож. 2, стр. 2.

³⁾ *Weggerski*, *Slavonia reformata*, 1679; *Smithus*, *Collectanea de Cyrillo Lucario, patriarcha Constantinopolitano*, Dondini, 1708, p. 10; *Quistorpius*, *Ecclesia Graeca Lutheranizans, Lubecae*, 1723, p. 40.

⁴⁾ *Monumenta confraterintatis staurop. Leopoli*, I, №№ 201, 205, 209.

⁵⁾ *Архим. Арсеній*, о. с., 76.

⁶⁾ *Paraenesis*, 68.

церковью, и съ другими порученіями¹⁾. Въ этотъ разъ К. Лукарисъ прожилъ въ Острогѣ около двухъ лѣтъ²⁾, но учительствомъ въ тамошней школѣ едва-ли занимался: его должны были отвлечь отъ этого болѣе живые интересы...

Возвратившись въ Александрію, К. Лукарисъ занялъ по смерти Мелетія Пигаса тамошнюю патріаршую кафедру, а затѣмъ—константинопольскую. Борьба съ папистами, дружественныя отношенія къ протестантамъ, что вмѣстѣ съ изданнымъ въ Женевѣ подъ его именемъ кальвинскимъ катихизисомъ подало поводъ къ обвиненію его въ реформатствѣ, его низложеніе съ престола—всѣ эти факты имѣютъ общій церковный интересъ, но мы можемъ относительно ихъ замѣтить, что они не отвлекали вниманія К. Лукариса отъ западнорусскихъ церкви и школы. Онъ продолжалъ слѣдить съ большимъ участіемъ за развитіемъ у насъ школьнаго дѣла, которое теперь было въ рукахъ братствъ.

Извѣстность *Никифора*³⁾, какъ ученаго, началась въ Падубѣ, гдѣ онъ былъ „ректоромъ наукъ Еллинскихъ и Грецкихъ“. Послѣ того онъ въ теченіе семи лѣтъ состоялъ проповѣдникомъ при греческой церкви св. Марка въ Венеціи⁴⁾. Переселившись въ Константинополь, Никифоръ за свою ученость, соединенную съ твердостью въ православныхъ убѣжденіяхъ, въ 1592 г. былъ возведенъ въ званіе протосингела патріаршаго престола⁵⁾. Около этого же времени ему пришлось играть какую-то роль въ политическихъ дѣлахъ Валахіи, что очень дурно отозвалось на его судьбѣ. Бѣжавъ изъ тюрьмы въ Хотинѣ, куда посадилъ его

¹⁾ Мелетій Пигасъ, II, № 43.

²⁾ Pichler, 66. По Пихлеру, Кирилъ Лукарисъ жилъ у князя Острожскаго съ іюля 1599 года по мартъ 1601 г.

³⁾ Современныя свѣдѣнія о Никифорѣ и судѣ надъ нимъ заключаются въ слѣдственномъ дѣлѣ (А. З. Р., IV, № 117), въ Описаніи варшавскаго сейма 1597 г. (Петръ Могила, прилож., № 15), въ Ekthesis'ѣ, Перестрогѣ. О немъ писалъ: М. О. Кояловичъ (Странникъ, 1860, IV), г. Кудринскій („Кіев. Стар.“, 1892, іюнь).

⁴⁾ А. З. Р., IV, стр. 161. Петръ Могила, прилож., стр. 53.

⁵⁾ А. Ю. и З. Р., I, № 210 (id Monum. confg, I, № 256).

волошскій господарь¹⁾, Никифоръ направился въ Острогъ, посланный туда еще ранѣе патріархомъ по просьбѣ кн. Острожскаго. Въ Западной Россіи ему предстояло устроить нѣкоторыя „справы духовныя“, вызванныя тяготѣніемъ православныхъ владыкъ въ Риму. Онѣ, вѣроятно, препятствовали Никифору заняться, какъ слѣдуетъ, преподаваніемъ въ острожскомъ училищѣ, а скоро и совсѣмъ отвлекли его отъ педагогическаго дѣла. Между тѣмъ надъ Никифоромъ собиралась грозная туча. Еще на брестскомъ соборѣ королевскіе послы старались отвести его, какъ турецкаго будто-бы шпіона, отъ предсѣдательства и тогда же онъ былъ арестованъ и отданъ К. К. Острожскому на поруки²⁾. Поводомъ къ обвиненію его послужило такое обстоятельство. Въ Шаргородѣ у слуги кн. Острожскаго Яни, ѣхавшаго въ Валахию, были найдены письма съ рѣзкими отзывами о полякахъ (они назывались здѣсь не иначе, какъ псами и т. п.) и съ сильнымъ сочувствіемъ султану въ его замыслахъ противъ Польши. Никифоръ и былъ заподозрѣнъ въ авторствѣ этихъ писемъ. И хотя на варшавскомъ сеймѣ въ мартѣ 1597 г. Яни заявлялъ, что они были вручены ему какимъ-то грекомъ Пафнутіемъ, но не скрылъ, что это произошло по порученію самого Никифора. По королевскому приговору Никифоръ былъ заключенъ въ мальбургскую (или маріенбургскую) крѣпость, вблизи Данцига, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ былъ „уморенъ постомъ“, по выраженію автора Перестроги³⁾.

¹⁾ Петръ Могила, прилож., стр. 52. На варшавскомъ сеймѣ Никифора винили въ томъ, что онъ былъ въ Валахиіи шпіономъ турецкаго султана, что онъ ввелъ эту страну въ миллионныя долги и т. п. (*ibid.*, стр. 50).

²⁾ П. П. Л., III, 197—203. Петръ Могила, прилож., 48 стр.

³⁾ А. З. Р., IV, стр. 220. Нѣкоторые униатскіе писатели увѣраютъ, что м. Ипатій Потѣй изгналъ Никифора изъ Польши, подвергнувъ его только покаянію (*rokuta*) въ Мальборгѣ (*Susza*, о. с. *Stebelski*, *Dwa wielki światła...* Rozdz. II, 177 въ прим.). Но ихъ опровергаетъ самъ Потѣй, выразившійся въ письмѣ къ канцлеру Льву Сапѣгѣ (28 іюня 1605 г.), что онъ „na Malborgu zdescht“ (*Archiwum Sapiehanum*, I, № 561). Наконецъ, противъ нихъ свидѣлствуетъ пана Урбанъ VIII, который, требуя отъ короля Сигизмунда строгаго наказанія для убійцъ Иосафата Кузнецвича (1624), указывалъ, какъ на примѣръ надлежащаго отношенія къ схизматикамъ, на заключеніе Никифора „въ вѣчную темницу“ (*Соловьевъ С. М.*, *Исторія Россіи*, изд. 2, кн. II, 1469).

Въ 80-хъ годахъ XVI ст. въ Острогѣ дѣйствовалъ извѣстный уже намъ *Іовъ (въ мѣръ Іоаннъ) Княгиницкій*, о которомъ его біографъ іером. Игнатій изъ Любарова повѣствуетъ, что онъ, „устремившись“ въ Острогъ, „вдасъ себе въ училище и прилежаще ученію, яко вскорѣ быти ему въ мѣсто ученика учителемъ прочимъ“ (т. е. для прочихъ учениковъ). Мы не знаемъ однако, какъ долго учительствовалъ здѣсь Іовъ, что преподавалъ, и списаніе имъ псалтири для князя Александра относилось ли къ числу его обязанностей, или было знакомъ его любви и расположенія къ молодому князю. Изъ Острога Іовъ былъ посланъ Константиномъ Константиновичемъ на Аeonъ для передачи милостыни тамошнимъ монахамъ. Послѣ возвращенія въ Острогъ онъ вторично отправился на Востокъ, чтобы тамъ подвизаться на иноческомъ поприщѣ. 12 слишкомъ лѣтъ провелъ онъ тамъ. Послѣдніе годы жизни онъ посвятилъ распространенію монашеской жизни и учрежденію скитовъ и монастырей въ различныхъ мѣстахъ своей родины—Галиціи. Впрочемъ, нѣкоторое время онъ жилъ въ Дермани, куда былъ приглашенъ около 1603—4 г. Исаакіемъ святогорцемъ, тогдашнимъ справцей монастыря, для помощи при печатаніи „охтаевъ“¹⁾.—Однажды только Іовъ Княгиницкій выступилъ на сцену, какъ литераторъ. Это было въ 1619 г., за два года до его смерти. Кирилъ Транквилліонъ, начавшій свою карьеру въ львовской православной школѣ и окончившій ее въ Черниговѣ въ санѣ уніатскаго игумена, напечаталъ въ 1618 г. свое „Зерцало Богословія“. Выпуская въ свѣтъ эту первую русскую систему богословія, Кирилъ, естественно, нуждался въ авторитетномъ одобреніи ея и, написавши оглавленіе ея или то „исповѣданіе вѣры, по нему же и книгу составилъ“, послалъ его къ Іову Княгиницкому для рецензіи. Іовъ разсмотрѣлъ и—въ посланіи отъ 23 авг. 1619 г. совѣтовалъ не прежде книгу „въ типографію подать дондеже не изслѣдуется учеными и учтшими писанія книгъ отеческихъ: лучше замедлити и прославитися, нежели ускорити и обещеститися“, писалъ онъ, объясняя погрѣшности болѣе недосмотромъ и по-

¹⁾ Зоря Галицкая яко Альбумъ, 1860, 228 et passim.

спѣшностью, чѣмъ намѣреннымъ искаженіемъ истины ¹⁾). Но выходъ въ свѣтъ Зеркала предупредилъ написаніе рецензіи.

Въ числѣ ученыхъ дѣятелей острожской школы обращаетъ на себя вниманіе нѣкій „Клирикъ острожской церкви“, выступившій подѣ такимъ названіемъ въ своемъ „Отписѣ на листъ въ Бозѣ велебного отца Ипатія, Володимерского и Берестейского епископа, до ясне освещенного княжати Костентина Острозского, воеводы Киевского — о залецанью и прехвалаяню восточной церкзи, з' заходнымъ костеломъ унѣи або згоды, въ року 1598 писанный, черезъ одного наменшого клирика церкви Острозской въ тому же року отписанны“ ²⁾). Что онъ имѣлъ ближайшее отношеніе къ училищу, это открывається какъ изъ помѣты его на сочиненіи ³⁾, такъ и изъ свидѣтельствъ Мелетія Смотрицкаго и Суши ⁴⁾. Этого клирика означенные писатели, а также нѣкоторые другіе (авторъ Перестроги, Петръ Суромятникъ, ректоръ виленской униатской семинаріи, Левъ Кревза, Геласій Диплицъ) считаютъ авторомъ и приложенной имъ къ „Отпису“ „Исторіи о листрикійскомъ, т. е., о разбойническомъ Ферарскомъ або Флоренскомъ синодѣ, в' коротцѣ правдиве списаной“, хотя онъ самъ заявляетъ, что она давно уже была кѣмъ то составлена ⁵⁾). Какъ бы то ни было, анонимный клирикъ занимаетъ очень почетное мѣсто въ ряду тогдашнихъ православныхъ богослововъ. Мелетій Смотрицкій, по своемъ переходѣ въ унию, ставитъ его на ряду съ Ст. Зизаніемъ, Филалетомъ, Ортологомъ: всѣ эти „четыре новые богослова были для русскихъ какъ бы какими-то божественными оракулами“ ⁶⁾).

¹⁾ Петръ Могала, прилож., № 35.

²⁾ П. П. Л., III, 377 и слѣд.

³⁾ „Писанъ у Острогу, у школѣ Острозской“ (П. П. Л., III, 381).

⁴⁾ Смотрицкій называетъ Клирика дидаскаломъ, подобнымъ Ст. Зизанію, про-
визнутымъ арианскимъ духомъ (Apolo-gia, 96). „Anonymus clericus Ostrogiensis,
Doctorum Russiae ordine tertius (первые два русские ученые. Ст. Зизаній и Фила-
летъ), qui in gymnasio ejus civitatis, superstite Basilio Duce, praecipuum fuisse
ajunt didascalum (Смисла, о. с., 86, 87).

⁵⁾ П. П. Л., III, 412. Краткую исторію этого собора написала кн. Курбскій,
пользуясь трудомъ какого-то виленскаго субдіакона (Сказ. кн. Курбскаго, 294) и,
судя по началу, она же повліяла и на „Исторію“ „Клирика“.

⁶⁾ Patrologia, 6.

Каково настоящее имя „Клирика“—мы не знаемъ. Извѣстный историкъ Брикнеръ называетъ его Авраамомъ¹⁾. Но если г. Брикнеръ основывается на томъ, что его такъ называетъ Ипатій Потѣй въ своемъ отвѣтѣ на его „Отписъ“ („Отче Аврааме“, „Пане Аврааме“, П. П. Л., III, 1047), то онъ попалъ впросакъ. Дѣло въ томъ, что послѣдній однимъ изъ эпиграфовъ къ своему „Опису“ выставилъ слова Авраама изъ притчи о богачѣ и Лазарѣ: „Помяни, яко воспріялъ еси добра твои въ животѣ твоемъ“ (П. П. Л., III, 382). Потѣй усмотрѣлъ въ нихъ намекъ на себя, на свое прежнее высокое положеніе (онъ былъ сенаторомъ), и—постарался отплатить „Клирику“ за его попытку отождествить себя съ Авраамомъ: „А такъ, пане милый, Аврааме Острожский! пилнуй себе: жебысь и зъ Лазаромъ своимъ“ и т. д. (П. П. Л., III, 1047). Болѣе старо и болѣе распространено мнѣніе преосвящ. Филарета, отождествляющаго „Клирика“ съ острожскимъ *пресвитеромъ Василемъ*, въ нѣкоторыхъ своихъ изданіяхъ именуящимъ себя „наименшимъ клирикомъ“²⁾. Но послѣдній писатель, кажется, всюду выставляетъ свое собственное имя. Такъ, подъ сочиненіемъ „О единой вѣрѣ“ (Сборникъ, 1588 г.) онъ подписался: „Многogrѣшный и худшій въ христіанѣхъ, убогій Василій“³⁾. Тоже—въ „Правилѣ истиннаго живота христіанскаго“ (Псалтырь слѣдованная, 1598 г.), составленномъ „списваніемъ отъ святыхъ писаній и трудомъ многogrѣшнаго худьшаго въ христіанехъ, убогаго Василя“⁴⁾. Съ другой стороны, тогда какъ Василій выступилъ на литературное поприще уже въ 1588 г., относительно „Клирика“ Потѣй сильно увѣренъ въ томъ, что онъ *student akademiey slawney Ostrozskiey*, что онъ—„жакъ, почему и пишетъ по жаковски“⁵⁾. Во всякомъ случаѣ онъ въ литературѣ въ 1598 г. былъ *homo novus* и въ своемъ отвѣтѣ на его Отписъ Ипатій Потѣй называетъ его

¹⁾ „Spory o unię w dawnej literaturze (Kwartalnik historyczny, 1896, zes. III, 596. 598).

²⁾ Обзоръ русской дух. литературы, 1859, I, 171. Вол. еп. вѣд., 1881, 857.

³⁾ Ср. П. П. Л., II, 938.

⁴⁾ *Каратаевъ*, Описаніе..., I, № 158. Ср. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1888, I, 58, прим. 127.

⁵⁾ П. П. Л., 1054. 1115.

„никакимъ“ клирикомъ,¹⁾ а Потѣй могъ бы узнать въ немъ Василія... Наконецъ, мы не увѣрены даже, Василій точно ли былъ священникъ: самъ онъ такъ себя не называетъ, не называетъ его такъ и о. Залѣнскій, передающій извѣстіе о диспутѣ „православнаго богослова Василія изъ Острога“ съ іезуитами²⁾.

Но принадлежалъ ли Василій къ духовному званію или нѣтъ, мы не имѣемъ никакихъ основаній отождествлять ни его, ни „Острожскаго клирика“, съ которымъ его сливаютъ, съ священникомъ Васиіемъ, дѣятельнымъ членомъ виленскаго братства, подвергшимся гоненію отъ м. Михаила Рагозы въ 1595 году, какъ то дѣлаетъ преосв. Филаретъ, вводящій въ біографію „Клирика“ и ту подробность, что онъ нѣкогда былъ виленскимъ субдіакономъ, въ какомъ санѣ и написалъ будто бы „Исторію о Флорентійскомъ соборѣ“³⁾. Виленскій попъ и проповѣдникъ, анаематствованный вмѣстѣ съ Ст. Зизаніемъ м. Рагозой и присутствовавшій въ 1596 году на брестскомъ соборѣ подъ именемъ „Василія Троицкаго, братскаго виленскаго пресвитера“⁴⁾, продолжаетъ жить еще въ 20-хъ годахъ XVII ст.⁵⁾, тогда какъ относительно соименнаго ему острожскаго дѣятеля можно думать, что онъ умеръ скоро послѣ 1598 г., когда послѣдній разъ появилось въ печати его имя⁶⁾. При томъ же ничто не уполномо-

¹⁾ П. П. Л., III, 1041. Интересно сопоставить съ этимъ то мѣсто изъ Апологіи, гдѣ Диплацъ, защищая православныхъ писателей отъ обвиненія въ псевдонимности, говоритъ, что и авторъ „Антиграфи“ справедливо назвалъ себя „братомъ братства Виленскаго“ и тоже—Клирикъ Острожской церкви, если только возьмемъ это слово не въ точномъ смыслѣ, какъ въ канонахъ церковныхъ, а въ томъ, какой даетъ ему въ одномъ посланіи ап. Петръ (Antapologia, 1628, 604).

²⁾ *Ks. Stan. Zaęski T. J.* „Ску iezuici zgubili Polskę?“ Wyd. 3., Krakow, 1883, 121, примѣч.

³⁾ *Архіеп. Филаретъ*, о. с., I, 171. 172. Ср. *А. Никольскій* (Тр. кiev. дух. акад., 1862, II, 141, примѣч. 2), *Мартыновъ*, Кирилло-Мееод. сборникъ, I, 90, прим. 2.

⁴⁾ П. П. Л., III, 375 (id. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1879, I, Ekthesis, 30).

⁵⁾ Въ 1621 г. онъ выступаетъ, какъ „попъ Василій Игнатовичъ“, въ дѣлѣ о хиротоніи М. Смотрицкаго (Арх. гр.-ун. митроп., № 466), а въ 1624 г. является подъ монашескимъ именемъ Варлаама (Арх. гр.-уніат. митроп., № 506; ср. *М. О. Кояловичъ*, Лит. церк. унія, II, 353., 354). Повидному, онъ былъ живъ еще въ 1629 г. (Ekthesis М. Смотрицкаго, 1629 г.).

⁶⁾ Вол. еп. вѣд., 1885, 295.

чиваетъ насъ перемѣщать Василя изъ Вильны въ Острогъ, изъ Острога въ Вильну, оттуда опять въ Острогъ и, наконецъ, опять въ Вильну.

Возможно, что въ острожской школѣ учительствовалъ и *пре-свитерь Даміанъ*, настоятель никольской церкви, извѣстный какъ участіемъ въ брестскомъ соборѣ¹⁾ и... въ подвигахъ своего знаменитаго брата Северина Налевайка²⁾, такъ и литературными трудами. Впрочемъ, первое его литературное произведеніе представляетъ изъ себя работу далеко не оригинальную,—это былъ сборникъ изреченій, избранныхъ изъ Свящ. Писанія, св. отцовъ, да и то при помощи старыхъ сборниковъ въ родѣ Пчелы; самому Даміану здѣсь принадлежитъ, кажется, только западно-русскій переводъ славянскаго текста изреченій³⁾. То же можно сказать и о второмъ произведеніи пресв. Даміана, вышедшемъ въ 1607 г. изъ острожской типографіи:—„Лѣкарство на оспалый умыслъ чловѣчій“, и представляющемъ переводъ на церковно-славянскій и западно-русскій языки письма св. Златоуста къ мнху Теодору,—письма, къ которому приложенъ „Тестаментъ гречскаго цезаря Василя до сына своего Льва“, тоже съ переводомъ его „на простую мову“. Но едва ли Даміанъ самъ переводилъ „Тестаментъ“ съ греческаго языка: и до того существовалъ славянскій переводъ завѣщанія имп. Василя, и Даміану можно приписать только западно-русскій переводъ его⁴⁾. Что до „Листа“, то его могли перевести съ греческаго сотрудника Даміана по дерманской типографіи, гдѣ онъ одно время

¹⁾ П. П. Л., III, 335 (id. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1879, I, 6).

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., III, I, №№ 29. 31. 33. См. въ предисловіи объ участіи самого кн. Острожскаго въ набѣгахъ и грабежахъ братьевъ Налевайковъ, какъ одномъ изъ средствъ борьбы съ латино-уніатами... Впрочемъ, К. К. Острожскій въ письмѣ къ Хр. Радивилу отъ 3 марта 1596 г. клятвенно очищаетъ себя отъ обвиненія въ томъ, что будто онъ насильял Налевайка или зналъ объ его набѣдахъ (Рукоп. Импер. публич. библиот., Пол., 7, IV, № 223, л. 104).

³⁾ Сборникъ моск. Румянц. музея, относимый проф. Соболевскимъ ко второй половинѣ XVI в., л. 94: „Лекція словенскіе Златоустого, отъ бесѣдъ евангелскихъ отъ Иерея Наливайка избраніе“ (Замѣтка о малоизвѣстныхъ памятникахъ южно-западно-русскаго письма XVI—XVII вв. въ Чт. Общ. Нестора Лѣтоп., IX, 19).

⁴⁾ „Тестаментъ... по гречку написанный, а потымъ веснолъ зиншими писми на словенскій языкъ переложенный“ (стр. 130).

работалъ. Самъ же Даміанъ, кажется, совсѣмъ не зналъ греческаго языка. По крайней мѣрѣ, изданный имъ 6 февраля 1605 года „Листъ п. Мелетія“ къ Потѣю переведенъ не имъ, а львовскимъ учителемъ Іоанномъ Борецкимъ (впослѣдствіи митрополитомъ), о чемъ заявляетъ самъ Даміанъ:

....„Листъ той въ Египте Авсонскіи начертанный,
Роускимъ языкомъ в сарматехъ дарованный,
Борецкимъ надлерь аполловои воханнымъ
И въ парвассе на лоне моузъ вихованнымъ“.

Такимъ образомъ, ученость Даміана едва ли шла далѣе „славянскихъ наукъ“ и умѣнія писать стихи (Кромѣ стихотворнаго предисловія къ „Листу“ п. Мелетія, ему принадлежатъ посвященіе на гербъ кн. Острожскихъ и „Прозьба чительникови о часъ“—въ „Лѣкарствѣ“)¹⁾.—Какъ человекъ, Даміанъ Налевайко пользовался общими симпатіями, такъ что Мел. Смотрицкій сохранилъ къ нему уваженіе даже по своемъ переходѣ въ унию. Умеръ онъ въ 1627 г.²⁾.

Вопросъ о вѣроисповѣданіи автора „Апокрисиса“—*Христобора Филалета (Бронскаго)*, поднятый вслѣдъ за изданіемъ его книги, до сихъ поръ продолжаетъ возбуждать споры. Въ пользу его православія высказалъ вѣскіе доводы проф. Скабалановичъ въ своемъ сочиненіи „Объ Апокрисисѣ Хр. Филалета“; православнымъ и даже воспитанникомъ православныхъ школъ, хотя и довершившимъ образованіе за границей, считаетъ его проф. Малышевскій³⁾. Въ пользу неправославія—не менѣе сильные аргументы представилъ г. Голубевъ⁴⁾; къ нему присоединяется и г. Лукьяновичъ⁵⁾. Мы лично склоняемся къ послѣднему мнѣнію, побуждаемые къ этому, между прочимъ, тѣмъ упорствомъ, съ какимъ Ипатій Потѣй (если онъ былъ авторомъ Ан-

¹⁾ Преосвщ. Филаретъ считаетъ Даміана переводчикомъ съ греческаго не только означенныхъ произведеній, но и „Пчелы Автоіи и Максима, переведенной въ Дерманскомъ монастырѣ въ 1599 г.“ (о. с., I, 239).

²⁾ Рагаевскій, 7.

³⁾ Апокрисисъ, 1870, пред., стр. 33. 40.

⁴⁾ Тр. Кіев. дух. акад., 1876, янв., 139—147.

⁵⁾ Вол. еп. вѣд., 1881, 859.

тиррисиса) повторялъ, что Хр. Филалеть еретикъ¹⁾. Но кто бы онъ ни былъ, онъ первый осмѣлился печатно выступить противъ Скарги съ своей книгой, представляющей верхъ учености и исторической обстоятельности и основательности²⁾. Отношенія его къ острожской школѣ совершенно не извѣстны.

О другомъ иновѣрцѣ *Лятошъ* намъ извѣстно слѣдующее. Докторъ медицины и философіи краковскаго университета Іоаннъ Лятошъ (или Лятось), какъ человекъ нечуждый и математики, при введеніи въ Польшѣ календаря папы Григорія XIII, высказался печатно противъ него. Не знаемъ, кого сильнѣе всѣхъ задѣло это обстоятельство—краковскаго-ли архіепископа или краковскую академію, гдѣ Лятось состоялъ, кажется, профессоромъ³⁾, но только ему пришлось бѣжать изъ города, по свидѣтельству автора Антиррисиса⁴⁾. Изгнанникъ нашелъ убѣжище въ Острогѣ, гдѣ очутился не позже 1599 г., какъ это видно изъ того же Антиррисиса, и, вѣроятно, не задолго предъ этимъ. Но крайней мѣрѣ авторъ Перестроги, т. е. Юрій Рогатинецъ, бывшій въ концѣ 1596 года въ Острогѣ, не знаетъ его и называетъ „нѣякимъ Лятосомъ“⁵⁾. Живя въ Острогѣ, Лятось написалъ и напечаталъ въ Вильнѣ календарь на 1602 годъ, въ которомъ вновь высказался противъ реформы лѣтосчисления и новаго порядка празднованія Пасхи и который посвятилъ краковскому архіепископу Бернарду Мацѣевскому, при чемъ указалъ и на свои отношенія къ университету. Это побудило кор-

¹⁾ П. П. Л., III, 667. 669. 721.

²⁾ Дѣйствительно ли Бронскій получалъ отъ кн. Острожскаго, по порученію котораго написалъ Апокрисисъ, м. Вильскъ съ нѣсколькими селами на Украинѣ (*Stebelski, Dwa wieulki światła...* II, 174. 175 въ прим.),—мы не знаемъ. Въ „Старой Польшѣ“ Балинскаго и Лялинскаго такого мѣстечка нѣтъ. Извѣстіе Стебельскаго, кажется, заимствовано изъ Антиррисиса, гдѣ, впрочемъ, не указаны названія тѣхъ мѣстечекъ и селъ, которыми у автора Апокрисиса были „руце добре назавани“ (П. П. Л., III, 767. 769. Ст. Apologia, 46).

³⁾ Трактатъ Лятоса: „De mutationibus regnorum“ и его наблюденія надъ кометами и затмѣніями (*Starowolski, scriptorum polonicorum Eхатотѣс, ed. 1733, № 53*), вѣроятно, имѣли отношеніе къ его университетскимъ занятіямъ.

⁴⁾ П. П. Л., III, 773.

⁵⁾ *Крыловскій, Агты, № 52 (?)*. А. З. Р., IV, стр. 225.

порацію и архієпископа осудить 15 и 24 фєвраля календарь Лятоса, какъ „не необходимый и пригодный при томъ къ поддержанію схизмы“¹⁾.—Очень легко можно допустить, что познаніями Лятоса воспользовалась острожская школа: Лятось такъ долго прожилъ въ Острогѣ...

Къ числу несомнѣнныхъ дѣятелей острожскихъ типографіи и, вѣроятно, училища относится *Кипріанъ*, въ предисловіи къ Бесѣдамъ Златоуста на 14 посланій ап. Павла (Кіевъ, 1623 г.) характеризующійся, какъ „преподобный священноинокъ Кипріанъ, сущій отъ града Острога, мужъ въ Еллинскомъ діалектѣ искусный, въ Енетіихъ и Патавіи (т. е. въ Венеціи и Падуѣ) любовидствовавшій, въ св. горѣ Аѳонстѣй пожившій“. Пребываніе Кипріана въ образовательныхъ центрахъ зап. Европы и на Востокѣ, куда, возможно, онъ былъ отправленъ кн. Острожскимъ, сообщило ему такое знаніе греческаго языка, что на брестскомъ соборѣ онъ игралъ роль переводчика²⁾. Въ 1597 году мы его видимъ на Востокѣ³⁾, а еще чрезъ три года въ Острогѣ, живя въ которомъ, онъ написалъ греческіе посвятительные стихи на гербъ кн. Острожскихъ, помѣщенные на оборотѣ заглавнаго листа извѣстной поэмы *De Bello Ostrogiano*, 1600. Здѣсь онъ титулуется архидіакономъ. Около этого же времени онъ перевелъ съ греческаго языка на славянскій Златоустовскія Бесѣды на Павловы посланія, по порученію княгини Софіи Боговитиновны, волынской хорунжей. Но видѣть ихъ въ печати ему не пришлось (Пред. къ Бесѣдамъ, Кіевъ, 1623)⁴⁾. Кипріанъ скон-

¹⁾ *Wielewicki Jan T. I.*, *Dziennik spraw domu zakonnego oo. jezuitow u sw. Warbary w Krakowie* (*Scriptores rerum polonicarum*, X, 26. 27).

²⁾ П. П. Л., III, 335. 354 (ид Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1879, I, 5. 17).

³⁾ *Мамышевскій*, Мелетій Пигаць, II, №№ 21. 22.

⁴⁾ Свщ. Севдульскій уѣрляетъ, что переводъ этотъ былъ напечатанъ въ Рахмановѣ на средства кн. Вишневецкаго, подъ заглавіемъ: „Четырнадцать толкованій апостольскихъ посланій Іоанна Хризостома“ („М. Рахмановъ кременец. уѣзда“—Вол. еп. вѣд., 1871, 131). Мы болѣе вѣдѣ не встрѣтили указаній на это изданіе. Переводъ Кипріана, судя по предисловію къ Бесѣдамъ 1623 г., только теперь былъ напечатанъ, а въ Рахмановѣ было издано Учит. Евангеліе к. Ставровецкаго, составленное на основаніи этого перевода (см. Учит. Евангеліе 1619 г. съ посвященіемъ кн. Юрію Чарторайскому).

чался еще до 1610 г., если объ этомъ можно судить по слѣдующему замѣчанію нѣкогo писателя Макарія отъ 30 дек. 1610 года на спискѣ Кипріанова перевода 50-ти бесѣдъ блаж. Макарія: „Въ пресловушемъ градѣ Острогѣ бѣ нѣкто благочестивъ інокъ Кипріанъ, сый горя духомъ и отъ благоговѣинства своего, раченіемъ уязвися, повелѣніемъ благоч. князя сию душепачительную книгу, бесѣды блаженнаго отца святаго Макарія, главъ 50, преведе“ (Списокъ библіотеки Кіево-Софійскаго собора, № 49).

Какую роль игралъ въ Острогѣ упомянутый уже нами *Андрей Рымша*—намъ не удалось выяснитъ. Мы знаемъ только, что кромѣ Хронологіи онъ оставилъ еще нѣсколько слѣдовъ въ исторіи западно-русскаго просвѣщенія. Такъ, въ изданномъ Мамоничами въ 1585 г Сборникѣ онъ помѣстилъ свои стихи съ инициалами А. Р. на гербъ литовскаго канцлера Евстафія Волловича, а въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г. напечатана его „Эпиграмма“ на гербъ канцлера Льва Сапѣги, состоящая изъ 17-ти силлабическихъ двустижій¹⁾. Писалъ Рымша и прозой. Въ Вильнѣ въ 1585 г. вышло его сочиненіе: „Decreteros acroama, to jest, Dziesięcioroczne powieści wojennych spraw Krzyszt. Radziwilla²⁾. Въ это время Рымша состоялъ на службѣ Хр. Радивилла, какъ это видно изъ заголовка его переводнаго труда: „Chorographia albo Topographia. To jest, osobliwe a okolne opisanie ziemie s'więtey. Z łacinskiego języka na polski przetłumaczone przez Andrzeja Rymszą Litwina...“³⁾.

Заслуживаютъ, наконецъ, упоминанія еще три несомнѣнныхъ члена острожскаго ученаго кружка: *Тимошею Анничъ*⁴⁾, *Тимошею Михайловичъ*, составившій указатель къ Новому Завѣту

¹⁾ Статутъ 1588 г. перепечатанъ во *Временникѣ* моск. общ. ист. и древн. росс., кн. 19.

²⁾ *Finkel L. Bibliografia gistoryi polskiej*, I (1891), № 8482.

³⁾ Вторую часть книги составляетъ *Исторія Юсафа (Флавія) объ осадѣ и разрушеніи Іерусалима*. Первая часть—*Описаніе Палестины въ 1595 г.* была перешаана (*Wierzbowski Th, Bibliographia polonica XV ac XVI saec., № 2961*)

⁴⁾ *Тр. кiev. дух. акад., 1876, I, 626.*

1580 г. ¹⁾, *Григорій Голубниковъ*, списавшій въ 1593 г. Но-моканонъ ²⁾.

Извѣстны еще два воспитанника острожской школы—Максимъ (Мелетій) Смотрицкій и гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный. Первый изъ нихъ—лицо настолько значительное и съ нимъ связано столько историческихъ явленій самаго разнообразнаго характера, что мы не пытаемся говорить здѣсь о немъ.—Современное свидѣтельство объ образованіи Сагайдачнаго въ Острогѣ находится въ Виршахъ на его смерть, сочиненныхъ Кассіаномъ Саковичемъ, ректоромъ кіевскаго братскаго училища:—... „Вывоханъ въ вѣрѣ Церкви Восточней зъ лѣтъ дѣтинскихъ шоль потомъ до Острога, для Наукъ уцтивыхъ, которыи тамъ квитли, за благочестивыхъ княжатъ... Тамъ теды Конашевичъ часть немалый живши, и Наукъ въ Письме нашомъ Словенскомъ навывши, потомъ видячи ся бытъ способнымъ до мензства: шоль до Запроского Славного Рыцарства“ ³⁾. Къ характеристикѣ воспитательной стороны острожской школы служить и то, что этотъ славный гетманъ не оставался чуждъ интересамъ наукъ до конца своей жизни, поддерживая ее матеріальными пожертваніями. Такъ, онъ по завѣщанію отказалъ львовской школѣ полторы тысячи злотыхъ ⁴⁾ и „тысячій килка (на кіевскій братскій монастырь) офѣроваль а жебы тамъ науки фундовано жадалъ“ ⁵⁾.

¹⁾ Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1888, I, 90, прим. 141.

²⁾ Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1862, II, смѣсь. Номоканонъ этотъ сгорѣлъ въ 1812 г. вмѣстѣ съ другими рукописями проф. Баузе.

³⁾ *Голубевъ*, Ист. кіев. акад., прилож., стр. 29.

⁴⁾ *Максимовичъ*, Собраніе сочиненій, I, 377 и слѣд.

⁵⁾ Вирши К. Саковича. Изъ другихъ источниковъ мы также знаемъ, что Сагайдачный записалъ кіевскому братству, членомъ котораго онъ состоялъ со всѣми Запорожскими войскомъ, свое имѣніе и нѣкоторую сумму денегъ (*Голубевъ*, Исторія кіев. акад., прилож., 33. Лѣтопись событій въ юго-западной Руси въ XVII ст.—*Самуила Величка*. Кіевъ, 1848, I, прилож., стр. 50).—Въ письмѣ Литовскаго канцлера Льва Сапѣги къ полоцкому униатскому архіепископу І. Кунцевичу (1622) есть „предрагоцѣнное“ указаніе на одно сочиненіе Петра Конашевича (*Бамтышъ-Каменскій*, Исторія, извѣстіе о вознившей въ Польшѣ унія, 1805, стр. 77). Это сочиненіе, какъ догадывается м. Макарій, есть записка, поданная гетманомъ королю въ 1621 г., съ просьбой объ утвержденіи православныхъ владыкъ и о сверженіи униатскихъ (XI, 281, прим. 228).

Къ острожскимъ же воспитанникамъ причисляютъ Юва Борецкаго, Аванасія Филипповича, Леонтія Карповича, Дмитрія Самозванца¹⁾), но безъ твердыхъ историческихъ основаній.

Въ заключеніе мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ Константинѣ Константиновичѣ Острожскомъ, какъ одномъ изъ главныхъ виновниковъ того умственного движенія, которое охватило западную Русь въ концѣ XVI и началѣ XVII в. Лицо это, гражданскія и церковныя заслуги котораго такъ велики, что можно только удивляться, почему до сихъ поръ въ нашей литературѣ нѣтъ посвященной ему монографіи, въ которой его оцѣнка была бы сдѣлана вполнѣ безпристрастно, на основаніи всѣхъ доступныхъ и извѣстныхъ матеріаловъ,—лицо это въ послѣднее время сдѣлалось предметомъ нападковъ и упрековъ. Ему ставятъ въ вину его „политическую и религіозную безпринципность“, „постоянные переходы его изъ одного лагеря въ другой“, и, не обращая вниманія на то, что онъ сдѣлалъ и чего стоитъ сдѣланное, оцѣниваютъ его съ точки зрѣнія не сдѣланнаго, но что Острожскій могъ и долженъ былъ сдѣлать... Не наша задача вѣдаться со всѣми нападками на него г.г. Костомарова, Кулиша, Студинскаго и др.: это дѣло его будущаго біографа, который, конечно, не будетъ панегиристомъ, но едва ли оставитъ неопровергнутымъ большинство обвиненій, предъявленныхъ Острожскому. Мы желаемъ только сопоставить съ вышеизложенными нами фактами участія кн. Острожскаго въ судьбахъ западно-русскаго просвѣщенія слѣдующее обвиненіе г. Кулиша. „Кн. Острожскій, говоритъ онъ, отошелъ къ предкамъ, не обезпечивъ какимъ либо фундушемъ ни одного церковнаго братства, ни одного училища, ни одной типографіи, ни даже какого нибудь испытаннаго ревнителя народнаго просвѣщенія“²⁾). Сказать это—значитъ не знать историческихъ фактовъ или умышленно игнорировать ихъ. Неужели г. Кулишу представляется малымъ дѣ-

¹⁾ Максимовичъ, I, 183. Вол. еп. вѣд., 1875, 61; 1882, 52, прил. 1.

²⁾ Отпаденіе Малороссіи отъ Польши—Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1882, II, отд. III, 173

домъ устройство на частныя средства двухъ типографій съ двумя при нихъ учеными кружками, учрежденіе средней школы съ попытками возвести ее на степень академіи и съ обезпеченіемъ какъ ея, такъ и лицъ, приставленныхъ къ ней и къ типографіямъ? Вспомнимъ при этомъ, что кн. Острожскій проявлялъ заботливость о нуждахъ и успѣхахъ православнаго просвѣщенія и внѣ Острога. Такъ, въ 1572 г. онъ отдаетъ въ Туровѣ „землю пустую“ нѣкому Димитрію Митуричу съ тѣмъ, чтобы онъ, вмѣсто платы за нее, „порядне при церкви Божіей служилъ и пилновалъ и школу держалъ и уставникомъ былъ конечно“¹⁾. Въ 1588 году онъ убѣдилъ владимирскаго епископа Ѳ. Лазовскаго завести въ Владимирѣ греко-славянскую школу²⁾. Въ 1592 году онъ ходатайствовалъ вмѣстѣ съ Ѳ. Скуминымъ - Тышкевичемъ предъ королемъ Сигизмундомъ о дарованіи львовской школьѣ привилегіи на званіе школы свободныхъ наукъ³⁾. Онъ же, наконецъ, побуждалъ русскихъ владыкъ заботиться о развитіи образованія, и самое свое желаніе униі кн. Острожскій мотивировалъ заботой о поднятіи умственнаго уровня въ русскомъ народѣ. Быть можетъ, не все, что замышлялъ онъ, было выполнено и выполнено такъ, какъ ему хотѣлось и какъ нужно было бы, но и сдѣланнаго достаточно для того, чтобы благодарное потомство относилось къ нему съ тѣми же чувствами, какими окружали его современники...

К. Харламовичъ.

¹⁾ *Востоковъ*, Описаніе москов. Румянц. музея, стр. 127.

²⁾ Арх. Ю.-В. Р., I, I, № 55. По убѣжденію кн. Острожскаго въ 1588 г. владимирская соборная школа, исторически извѣстная и равнѣ (*Ор. Левинскій*, Историч. описаніе Владимиро-Волинскаго Успенскаго храма, 1892, 75 стр.), была преобразована.

³⁾ *Monumenta confraternitatis staurop.* Leopold., I, № 252.

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ¹⁾.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЦИНЫ.

ХІІ.

Длинной, но довольно узкой полосой разлился Масловъ ставъ между двухъ стѣнъ грабоватаго лѣса; къ югу онъ расширяется въ большое, круглое озеро, за которымъ вдали виднѣются легкія очертанія какого-то „палаца“, или замка, а къ сѣверу тянется длиннымъ ледянымъ паркетомъ и сливается съ свѣтло-зеленымъ, холоднымъ горизонтомъ. Тѣсною группой обступили деревья покрытое зеленоватымъ льдомъ озеро. Густымъ, мохнатымъ инеемъ осыпанъ дремучій и сѣдой лѣсъ. Межъ кудрявыми бѣлыми вершинами чернѣютъ изрѣдка отряхнутыя птицами прутья. Не шелхнется отяжелѣвшая подъ инеемъ былинка, не задрожитъ разубранная матовымъ серебромъ вѣтка... Сквозь молочный туманъ, застилающій небо, глядитъ, словно око совы, холодное солнце... Тихій, какъ зачарованный, стоитъ въ своемъ сказочномъ уборѣ безмолвный, таинственный лѣсъ...

Изъ широкой просѣвки, упиравшейся прямо въ озеро, выѣхали два всадника. У старшаго длинные усы и вихристыя брови зайндѣвѣли отъ инея; у младшаго усики серебрились тоже. На головахъ у нихъ были мѣдные шлемы съ крылышками; на латахъ за плечами такія-же латунныя крылья; руки и ноги до колѣнъ были закованы въ блестящую сталь; у лошадей голова и грудь тоже были покрыты широкими бляхами. Издали всадники казались средневѣковыми рыцарями, но, по чрезвычайно-пышному и излишне-обильному воору-

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 4.

женію сразу-же въ нихъ можно было признать польскихъ, его королевской милости гусарь.

— Фу-ты, чортъ побери меня со всѣми потомками!— буркнулъ сердито старшій, который былъ подороднѣе своего спутника, останавливая у оушки коня и окидывая взоромъ все ледяное пространство,—здѣсь, что-ли, велѣно строить войска?

— Такъ точно, пане ротмистре,—отвѣтилъ младшій,—по берегамъ узкаго рубана: тутъ внизу на льду и станеть между нами это быдло, а противъ него, на широкомъ озерѣ еще нужно поставить артилерію.

— Знаю и дивлюсь такимъ предосторожностямъ съ горстью безоружныхъ,—проворчалъ съ досадою ротмистръ,—мнѣ только неизвѣстно, это-ли самое мѣсто?

— То самое... это и есть Масловъ ставъ.

— А чтобъ имъ всѣмъ бестіямъ завалиться въ этомъ ставу,—сердито продолжалъ браниться старшій, выѣзжая на середину пруда,—когда мнѣ, черезъ нихъ, въ такую стужицу да въ такой одежѣ трясти по снѣгамъ свое благородное тѣло.

Младшій, лице котораго молодое, и розовое, представляло смѣшной и поразительный контрастъ съ посеребренными инеемъ усами и бровями, бросилъ искоса насмѣшливый взглядъ на „благородное тѣло“ своего спутника и замѣтилъ, похлопывая руками:—ну, за то намъ въ замкѣ поднесутъ по доброму „келеху“, а хлопству этому на Масловомъ ставу шишъ съ масломъ.

— Славно сказано, пане-товарищъ, елянусь своимъ патрономъ славно...—хоть нашъ Литовскій медъ лучше „венгржины“... вскрикнулъ старшій.—только я думаю,—разразился онъ смѣхомъ,—Его Милость пане коронный гетманъ пожалуетъ и масла для этихъ „баниговъ“!.. Одначо забивай, пане, значокъ: солнце поднялось высоконокко, а нашъ гетманъ, самъ знаешь, любить точность.

Панъ поручникъ слѣзъ съ коня и въ нѣсколько ударовъ забилъ въ ледъ длинную и острую пику, къ концу которой привязанъ былъ красный съ бѣлымъ значекъ.

Вскорѣ изъ просѣки стали показываться всадники по два, по четыре въ рядѣ. Вооруженіе ихъ отличалось такою же роскошью и излишествомъ. Сверхъ мѣдныхъ и серебряныхъ латъ всадники перевязаны были накрестъ драгоценными алыми, розовыми и голубыми шарфами. Слѣва къ сѣдлу прилаженъ былъ палашъ, а справа—длинная и узкая шпага съ круглымъ тяжелымъ эфесомъ. Кромѣ того, каждый держалъ въ правой рукѣ красивый бердышъ съ длинною рукояткой; къ лѣвой же рукѣ къ локтю прихватывалось ремнемъ огромнѣйшее копьё, утвержденное въ лѣвомъ стремени. Лошади подъ

всадниками, чрезвычайно красивыя и породистыя, выступали гордо и величаво, изгибая свои красивыя шеи и слегка вздрагивая тонкою кожей. Но, не смотря на угрожающее вооруженіе, пышное войско рѣшительно не имѣло грознаго вида; казалось, что это собрались вельможные дворяне на роскошный балъ или на королевскій турниръ.

Всадники, прибывая все болѣе, размѣщались равномерно по двумъ берегамъ и вытягивались параллельными, блестящими линіями вдоль узкой полосы льда. Гусары стояли у опушекъ, а за ними уже въ лѣсу помѣщались многочисленные слуги. Прямо противъ этого узкаго рукава выѣхали четыре орудія и снялись съ передковъ; по обѣимъ ихъ сторонамъ размѣстились музыканты съ длинными, завитыми рогами и серебряными литаврами.

— А вотъ, кажись, и козаки, пане ротмистръ! — указалъ молодой гусаръ на вершину узкаго рукава става.

Дѣйствительно, съ той стороны лѣса подвигалось чинно и стройно козацкое войско. Сначала показалось малиновое знамя, затѣмъ выѣхали „довбыши“ съ бубнами и серебряными литаврами въ рукахъ, за ними ѣхали козаки, державшіе бунчуки, перначи и камышины, а за этими уже на нѣкоторомъ разстояніи двигалась по шести въ рядъ козацкая старшина, а за ними простые рейстровики, по два отъ каждой сотни.

Одѣтые въ гладкіе синіе жупаны, въ смушевыхъ шапкахъ съ краснымъ верхомъ и золотою кистью, они подвигались темною и молчаливою массой. Ихъ немногочисленное оружіе казалось ничтожнымъ передъ блескомъ и пышностью польской гусарской „сброи“. Къ поясу cadaго козака прицѣплена была кривая сабля, за поясомъ торчали пистолеты, мушкеты висѣли за спиной. Лошади ихъ выступали спокойнымъ, привычнымъ шагомъ, слегка помахивая роскошными гривами.

— А это кто впереди ѣдетъ, панъ-товарищъ? — спросилъ ротмистръ, поворачиваясь къ своему собесѣднику.

— Вонъ тотъ, на вороной лошади, неказистый изъ себя?

— Да!

— Это ихъ старшій, Ильяшъ Карашевичъ; нынче вѣдь послѣ Павлюцкаго бунта гетмановъ имъ „обирать“ запретили.

— А, сто купъ ихней матери дьябловъ въ спину, а не гетмана! — ругнулся панъ ротмистръ, выпячивая впередъ свои богатырскіе усы. — Слышимъ мы все въ Великой Литвѣ, какъ у васъ о козакахъ съ великимъ страхомъ толкуютъ, а какъ погляжу я на эту голую рвань, такъ кажись бы и покрылъ ихъ своею рукою!

Панъ-товарищъ смѣрился взглядомъ широкую руку пана-ротмиистра, но отвѣтилъ, покачавши головою:

— Не говори такъ, пане: ты ихъ въ бою не видалъ.

— Однако, строится хамье ловко! — произнесъ уже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ панъ-ротмистръ, продолжая наблюдать за козаками.

— Ге! что это? Еслибъ ты увидалъ ихъ, пане-ротмистре, въ битвѣ, — махнулъ рукою товарищъ, — любо-дорого посмотрѣть!

— Коли молодцы, такъ люблю! А это кто, пане, видишь, вонъ, тамъ, впереди рядовъ, за полковниками на бѣломъ аргамакѣ ѣдетъ? Славный конь! Клянусь св. Патрикѣмъ, трудно и отыскать такого!

— Вонъ тотъ? — переспросилъ товарищъ, смотря по направленію руки ротмистра, — за нимъ „джура“ на гнѣдомъ конѣ ѣдетъ?

— Тотъ, тотъ!

— А!.. Кажись, ихъ писарь войсковой Богданъ Хмель.

— Гм! Ловко! — удивился панъ-ротмистръ, поведши мохнатую бровью. — Смотритъ гетманомъ и собою хорошъ, и посадка важная, да и конь... Объ завладѣть бы побился, что онъ не хлопскаго рода.

Между тѣмъ раздавшійся за ними шумъ заставилъ разговаривающихъ обернуться.

— Въ строй! Стройся! — крикнулъ ротмистръ, обращаясь къ гусарамъ.

Лошади и люди зашевелились и застыли блестящими неподвижными колоннами.

Изъ лѣсной широкой просѣки съ противоположнаго конца медленно спускался на озеро панъ коронный гетманъ Станиславъ Конопольскій. Поверхъ латъ на панѣ гетманѣ былъ наброшенъ короткій мѣховый кафтанчикъ, вмѣсто шлема на головѣ его была боброва шапка съ приерѣпленнымъ брилліантовымъ аграфомъ бѣлымъ страусовымъ перомъ. Лицо гетмана, подрумяненное морозцемъ, смотрѣло свѣжо и торжественно. Рядомъ съ гетманомъ на сѣромъ скакунѣ ѣхалъ польный гетманъ Потоцкій. Лицо его измощенное, дряблѣе, даже на холодномъ воздухѣ казалось безжизненнымъ: зеленоватныя осунувшіяся щеки, тонкія, синія, завалившіяся губы съ рѣдкими, словно вылѣзшими усами производили отталкивающее впечатлѣніе. Сѣрые волосы гетмана были коротко острижены; на подбородкѣ влѣчками торчала сѣдовая, также коротко остриженная борода. Круглые, выпѣвшіе, зелено-сѣрые глаза гетмана глядѣли изъ-подъ сросшихся бровей холоднымъ, злобнымъ взглядомъ. Когда гетманъ улыбался, губы его некрасиво кривились, а глаза глядѣли тѣмъ же тусклымъ, мертвымъ и злобнымъ взглядомъ. Ростъ польнаго гетмана былъ весьма ничтожный, и даже, когда онъ сидѣлъ на конѣ, этотъ недостатокъ сразу бросался въ глаза.

За обоими гетманами на небольшой лошаdkѣ ѣхалъ, окруженный блестящею свитой, молоденькій сынъ короннаго гетмана.

— Панъ-гетманъ, панъ-гетманъ!—пронесся кругомъ шепотъ, и всѣ замолчали.

Вельможное панство ѣхало осторожно по льду и остановилось позади артиллеріи.

Тихо и безшумно обнажились передъ нимъ козацкія головы.

Потоцкій выѣхалъ нѣсколько впередъ, обинулъ довольнымъ взглядомъ своихъ гусаръ и потомъ, скользнувъ прищуренными глазами по козакамъ, позеленѣлъ отъ злости.

— Это что за парадъ?—завричалъ онъ.—Куда это собралось мятежное хлопство? На войну, что ли? На коняхъ и при полномъ вооруженіи слушать свой приговоръ! Долой съ коней! Долой съ коней!—скомандовалъ онъ, подскакавши къ козакамъ, и бѣлая пѣна выступила на его тонкихъ губахъ.

Какая-то тревожная волна пробѣжала по козачьимъ рядамъ и затихла. Молча, нагнувши сѣрныя и сѣдныя чуприны, слѣзло козачество съ коней; старшины передали своихъ въ послѣдніе ряды, гдѣ одному козаку пришлось держать подъ уздцы до десяти коней.

Потоцкій, отдавъ приказаніе, отъѣхалъ изъ предосторожности къ гусарамъ и влихнулъ къ себѣ пана-ротмистра.

— Заряжены-ли у пана ротмистра пушки?—спросилъ онъ сухо.

— Картечью набиты, ясновельможный гетмане, — отвѣтилъ, поклонивъ обнаженную саблю, панъ ротмистръ.

— Ладно. Пусть панъ-ротмистръ немедленно распорядится, чтобы кони этой сволочи,—указалъ онъ рукою,—были отведены немедленно вонъ туда, за лѣсъ.

Ротмистръ отсалютовалъ саблей, повернулъ лошадь и поскакалъ въ галопъ къ заднимъ козачьимъ рядамъ исполнить приказаніе гетмана.

— А что тамъ? Въ чемъ остановка?—спросилъ коронный гетманъ у пана Потоцкаго.

— Предосторожности, пане коронный,—скривился тотъ.

— Къ чему?—пожалъ плечами Конецпольскій.

— Этимъ псамъ вѣрить нельзя,—прошипѣлъ Потоцкій и отъѣхалъ немного впередъ.

Вдали, за козацкими рядами, по узкому рукаву пруда заѣзжали уже въ лѣсъ десятка два всадниковъ съ лошадьми.

Потоцкій, видимо, не удовольствовался этимъ и вновь подозвалъ къ себѣ пана-ротмистра.

— Что это они съ мушкетами?—визгливо крикнулъ онъ — Сейчасъ велѣтъ имъ снятъ и отвести къ лошадямъ!

Ротмистръ подскакалъ къ козачьимъ рядамъ и гаркнулъ.

— Мушкеты съ плечъ долой!

Вздрогнули пѣшіе козаки и окаменѣли.

Гетманъ Конецпольскій, недовольный выходкою Потоцкаго, выѣхалъ на конѣ впередъ и замѣтилъ польному гетману:

— Къ чему раздражать и издѣваться?

— Къ тому, пане коронный, что ихъ слѣдовало бы всѣхъ на колѣ.

— Для этого есть высшая власть, — отрѣзалъ Конецпольскій и обернувшись, скомандовалъ: — ударить въ бубны и литавры!

Козацкіе добыши ударили въ бубны и замолчали.

— Вы сдѣлали преступленіе, подобнаго которому не было на свѣтѣ отъ вѣка вѣковъ, — грозно началъ панъ коронный гетманъ, обращаясь къ козакамъ, — вы не только многократно подымали руки на вашего законнаго государя, на войска и на ваше отечество — Рѣчь Посполитую, но вы... вы... однимъ словомъ, задумывали даже соединяться съ нашими исконными врагами, татарами и турками! Вы — гнилые члены государства и васъ слѣдовало бы обрубить совсѣмъ, чтобы не заразились здоровые...

Панъ коронный гетманъ занулся, а Потоцкій подхватилъ рѣзкимъ крикливымъ голосомъ:

— За ваши вѣчныя, подлымъ измѣны вы сами подписали собственную кровью свой смертный приговоръ. Вы въ бою утратили орудія, хоругви, камышину, печать, всѣ знаки, данные вамъ королямъ, всѣ вольности, всѣ права!

— На вашу петицію прислалъ вамъ милостивый король и сеймъ свой снисходительный отвѣтъ, — прервалъ панъ коронный гетманъ потокъ издѣвательствъ Потоцкаго и сдѣлалъ знакъ рукой.

Два герольда на черныхъ коняхъ, въ черныхъ бархатныхъ кафтанахъ съ длинными черными перьями на шляпахъ, выѣхали впередъ и затрубили въ трубы. Изъ свиты гетмановъ отдѣлился всадникъ на бѣломъ конѣ, весь въ бѣлой одеждѣ, и, выѣхавши впереди герольдовъ, развернулъ длинный пергаментный листъ съ тяжелою государственною печатью, прикрѣпленную на шелковомъ шнурѣ.

— Вы достойны были бы всѣ до одинаго взыи, — прошипѣлъ Потоцкій, — но нашъ милостивый король захотѣлъ васъ тронуть милосердіемъ, — искривилъ онъ свои тонкія губы, — и удостоилъ васъ отвѣта.

— Читайте декретъ! — скомандовалъ коронный гетманъ, покосившись непріязненно на егозившаго въ сѣдлѣ Потоцкаго.

Всадникъ на бѣломъ конѣ снялъ съ головы серебряный шлемъ и, приподнявши бумагу, началъ читать громкимъ голосомъ, разнесшимся далеко надъ замерзшимъ озеромъ:

„Мы ласкою Божою Владиславъ IV, король польскій, великій князь литовскій и русскій“ ..

При первыхъ словахъ декрета гетманы почтительно приподняли надъ головами своими шапки, а гусары обнажили сабли, преклонивши внизъ ихъ клинки. Въ срединѣ на Ставу было попрежнему тихо и безмолвно, только глаза всѣхъ козаковъ съ надеждой и увѣренностью устремились на длинный листъ.

„Долго Рѣчь Посполитая смотрѣла сквозь пальцы на всѣ ваши своевольства, но больше сносить ихъ не станеть“, — читалъ всадникъ, и каждое его слово звучало отчетливо и громко, словно ударъ стали по мѣди. — „Она и сильнымъ монархамъ давала отпоръ и чужеземныхъ народовъ подчиняла своей власти. Поэтому, если вы не останетесь въ послушаніи королю и Рѣчи Посполитой, сообразно новой, данной вамъ ординаціи, то знайте, что Рѣчь Посполитая рѣшилась не только прекратить всѣ ваши своевольства, но истребить навсегда и имя козацкое“.

Межъ козаками произошло легкое движеніе и снова всѣ замерли неподвижной стѣной.

„Вы сами лишили себя всѣхъ своихъ правъ и преимуществъ, — читалъ дальше бѣлый всадникъ, — и навсегда утѣрили право избирать себѣ старшину. Въмѣсто гетмана, котораго вы прежде себѣ избирали, вамъ дается комиссаръ изъ шляхетскаго званія: панъ Петръ Комаровскій“.

Глубокій вздохъ вырвался изъ множества грудей и пронесся надъ толпой.

— А жаль молодцовъ! — буркнулъ себѣ, подъ носъ грозный ротмистръ, отворачивая свое суровое, усатое лицо отъ пана-товарища, — славные, видно, удалцы!

— Удивляюсь пану-ротмистру, — шепнулъ тихо розовый панъ-товарищъ, — жалѣть этотъ соръ! Панъ-ротмистръ собирался-же раздавить ихъ всѣхъ своею могучей рукой? — усмѣхнулся онъ, приподнявши тонкіе, закрученные усики.

— Что-жь, будетъ война, и пойду, и раздавлю! — прворчалъ сердито панъ-ротмистръ, — а теперь жаль, потому что славные молодцы. Смотри: слушаютъ свой смертный приговоръ и не пошевельнутся! Ты, пане-товарищъ, послужи еще съ мое, тогда поймешь, что воинъ воину — братъ!

Панъ-товарищъ бросилъ изъ-подъ бровей на пана-ротмистра насмѣшливый, презрительный взглядъ и подумалъ про себя: „Старый литовскій дуракъ!“

„Полковниковъ изъ вашего званія вы больше получать не будете!“ — читалъ бѣлый всадникъ.

— Положи бунчукъ, булаву и печать, — крикнулъ Потоцкій хриплымъ отъ накипѣвшей злобы голосомъ Ильяшу Караямовичу, которій стоялъ впереди. — Полковники и старшина, положите ваши знаки! Отнынѣ вамъ дадутся другіе начальники... только сотники и атаманъ остаются пока на своихъ мѣстахъ.

Тихо склонилось малиновое козацкое знамя и опустилось на чистое стекло льда. Рядомъ съ нимъ легли бунчуки. Положилъ Ильяшъ возлѣ него печать и булаву. Безшумно подходили козацкіе старшины, и одинъ за другимъ складывали свои чернachi и заслуженные знаки.

— Экая шваль! — бросилъ сквозь зубы польный гетманъ, безпокойно поворачиваясь въ сѣдлѣ.

Ничего не отвѣтилъ на такую выходку коронный гетманъ, но по лицу его пробѣжало едва сдерживаемое недовольное чувство.

Наступило тягостное молчаніе, межъ козаковъ не слышно было ни стопа, ни слова... Они молчали, склонивъ угрюмо головы, и только холодный вѣтерокъ, пробѣгая надъ ледянымъ пространствомъ, приподымалъ иногда ихъ длинныя чуприны.

Бенецпольскій сдѣлалъ чтецу знакъ рукой, и тотъ снова продолжалъ свое чтеніе.

„Вамъ назначены полковники изъ шляхетскаго званія, а именно: въ Переяславскій полкъ — Станиславъ Сякиржинскій, въ Черкасскій — Янъ Гижицкій, въ Корсунскій — Кирило Чижь, въ Вѣлцерковскій — Станиславъ Ралецкій, въ Чигиринскій — Янъ Закржевскій“.

— Постой, пане, посмотри, что случилось тамъ? — тихо спросилъ панъ-ротмистръ, указывая на группу стѣснившихся козаковъ. — Мнѣ что-то глаза измѣнили, не могу разобрать!

— Старикъ вонъ тотъ, козаць сѣдой... расплакался, — небрежно отвѣтилъ панъ-товарищъ, — пріятели его уводятъ въ глубину.

Панъ-ротмистръ больше не спрашивалъ; онъ только отвернулся въ сторону, досадливо поправляя свой крылатый шишакъ.

„Романъ Пешта и Иванъ Боаринъ отрѣшаются отъ своихъ полковничьихъ должностей, — читалъ дальше бѣлый всадникъ, — писарь-же войсковой Богданъ Хмельницкій понижается въ чинъ сотника Чигиринскаго“.

При этихъ словахъ по лицу пана короннаго гетмана пробѣжало какое-то тревожное выраженіе, но извѣстіе прошло спокойно. Писарь войсковой не сморгнулъ и бровью; лишь подъ усомъ его на одно мгновеніе мелькнула высокобѣрная, презрительная улыбка.

„Что-же касается вѣрнаго намъ доселѣ пана Богуша Барабаша, — гласило далѣе въ декретѣ, — то его повышаемъ въ чинъ“...

Глухой, зловѣщій гулъ прервалъ чтеца. „Зрада... зрада!“ зашумѣли кругомъ козацкіе голоса, и всѣ повернулись въ сторону пухлага, но бодрого еще старика въ полковничьемъ нарядѣ.

— Тихо!—раздался рѣзкій и надменный крикъ пана польнаго гетмана.—Ни слова! Молчать и слушать королевскую волю!

Зловѣщій ропотъ пробѣжалъ еще разъ по толпѣ и умолкнуть. Снова лица козаковъ стали угрюмы и суровы.

— Читай!—скомандовалъ коронный гетманъ, и чтецъ продолжалъ „Вмѣсто Трахтемирова, назначается вамъ войсковымъ городомъ Корсунъ. Уменьшается число реестровыхъ до четырехъ тысячъ. Дѣти павшихъ въ битвѣ не получаютъ никогда наслѣдія отцовъ и не будутъ вписаны въ реестры. Что-же касается оставленія за вами вашихъ грунтовъ и земель, то объ этомъ будемъ еще думать на сеймѣ. Если-же вы и послѣ этого нашего декрета бунтовать вздумаете,—строго кончался наказъ,—то общаемъ вамъ и совѣмъ стереть васъ съ лица земли“.

Среди козаковъ послышался какой-то неясный говоръ, головы наклонялись къ головамъ, и недобрый шумъ побѣжалъ по рядамъ.

— Разойтись всѣмъ немедленно!—грозно поднялъ голосъ панъ польный гетманъ, выѣзжая впередъ и забрасывая вичливо голову:—объявить всѣмъ нашу волю! И буде кто только осмѣлится подумать не согласиться,—размечу!

— Панове!—перебилъ угрозы польнаго гетмана и обратился ко всѣмъ Конецпольскій.—Милосердіе нашего великаго короля всѣмъ извѣстно. Вамъ остается только безропотно покориться и тогда, быть можетъ... я даже ручаюсь...—запнулся гетманъ,—такъ сказать, вы можете ожидать какой-либо милости.. Мы же, съ своей стороны, всегда стоимъ за миръ, и если вы того заслужите... однимъ словомъ... будемъ ходатайствовать за васъ.

— Панъ коронный гетманъ балуетъ эту сволочь! — сказалъ презрительно Потоцкій, подѣвжая къ коронному гетману.—Съ нею говорить безъ нагайки нельзя...

— Я въ нагайкѣ, пане-гетмане, не нуждаюсь,—пожевалъ губами Конецпольскій и, круто повернувши разговоръ, обратился къ гетману и къ свитѣ:—Прошу панство откушать ко мнѣ. А тебя, пане-ротмистръ,—кивнулъ онъ суровому литовцу,—прошу наблюдсти, чтобъ не было того... понимаешь... чтобъ разошлись козаки безъ шума.

Панъ-ротмистръ поклонился, а гетманы, давши лошадямъ шпоры, въ сопровожденіи свиты, двинулись быстрымъ галопомъ черезъ озеро по просѣкѣ назадъ.

— Славные молодцы!—вдохнулъ панъ-ротмистръ, обращаясь къ товарищу,—а боюсь, какъ бы не обошлось безъ схватки!

— О, нѣтъ!—усмѣхнулся тотъ,—пань-ротмистръ еще этой сволочи не знаетъ. Они хитры, какъ старше лисы: здѣсь будутъ какъ каменные стоять, разойдутся безъ ропота, а тамъ, погоди, черезъ два-три мѣсяца и вспыхнетъ новый бунтъ.

И дѣйствительно, точно въ подтвержденіе словъ пана-товарища, чинно подвели козакамъ коней. Раздалась короткая команда, всеочили на коней козаки, въ одно мгновеніе выстроились и въ боевомъ порядкѣ двинулись впередъ. Вскорѣ послѣдній козакъ скрылся за деревьями лѣса. Только куча бунчуковъ, камышинъ и полковничьихъ знаковъ осталась на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли войска. Распростертое, словно сраженный воинъ, лежало на ледяномъ полу малиновое козацкое знамя.

— Ну, что-жь со всѣмъ этимъ дѣлать?—сказалъ пань-ротмистръ, бросивъ угрюмый взглядъ на оставленные, сиротливые „клеюды“¹⁾ и, выругавшись крѣпко, прибавилъ съ досадой:— чортъ бы побралъ весь свѣтъ и меня вмѣстѣ съ нимъ!

— А что же?—отвѣтилъ товарищъ,—велѣтъ забрать все въ гетманскій замокъ, и, повѣрь, пане-ротмистръ, для нихъ найдется шляхетская рука!

Тихо и молча, понуривши головы, выѣзжали изъ лѣсу большими и малыми группами козаки.

У опушки лѣса, на перекресткѣ двухъ дорогъ, сидѣлъ огромнаго роста, слѣпой бандуристъ и пѣлъ дрожащимъ голосомъ грустную думу. Многіе изъ козаковъ подѣзжали къ нему, чтобы бросить мѣдный грошъ въ его деревянную чашку.

— „Волчій байракъ!“ „Домовина!“ — шепталъ отрывисто подѣзжающимъ бандуристъ... и продолжалъ думу...

ХІІІ.

Настала ночь. Въ глубинѣ оврага, окаймленнаго со всѣхъ сторонъ нависшимъ лѣсомъ, было совершенно темно. Едва бѣлѣли въ непроглядномъ мракѣ лапастныя вѣтви елей, устало опустившіяся подъ нависшимъ снѣгомъ. Словно души мертвецовъ, носились въ темнотѣ пухлые хлопья снѣга и безшумно падали на бѣлую холодную землю.

— „Пугу!“—раздался протяжный крикъ пугача.

¹⁾ Регалія.

Сова, сидѣвшая въ дуплѣ, безпокойно зашевелилась и, помигавши нѣсколько разъ своими круглыми, желтыми глазами, перелетѣла на вѣтку, но не отвѣтила на крикъ.

— „Пугу!“ —раздалось снова уже ближе, и черезъ нѣсколько минутъ изъ противоположной глубины лѣса поднялся такой же унылый и протяжный крикъ ночной птицы.

Вспугнутая сова поднялась тяжело, захлопала крыльями и отлетѣла въ глубину лѣса.

— „Пугу!“ —раздалось еще ближе. — „Пугу!“ — отвѣтилъ протяжный голосъ уже совсѣмъ невдалекѣ. Черезъ нѣсколько минутъ въ вершинѣ оврага, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сѣуживался и нависшія деревья почти сходились совсѣмъ, раздался короткій, сухой трескъ; большая вѣтка обломилась и съ шумомъ повалилась внизъ. За нею вслѣдъ оборвалось что то тяжелое и грузное.

— Фу ты, чортъ тебя побери съ твоей матерью! —выругался свалившійся снѣжный комъ, подымаясь на ноги и отряхивая съ „байбарака“ снѣгъ. — Стонадцать вѣдмъ тебѣ въ зубы! Бѣсъ его знаетъ, куда я забрелъ, чуть ли не къ медвѣдю въ берлогу! Хотъ бы зажечь что, освѣтить... — Свалившееся въ оврагъ существо начало съ ожесточеніемъ шарить во всѣхъ карманахъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ поисковъ кресало и огниво были найдены; посыпались короткія искры, и вскорѣ освѣтилось склоненное лицо Кривоноса съ раздутыми губами и ошетилившимися усами, старательно дувшее на трутъ въ толстомъ жгутѣ изъ елочья, пропитаннаго смолою и сѣрой, котораго занасливый козакъ держалъ всегда полный карманъ. Наконецъ, Кривоносъ ущемилъ жгутъ въ какую то расщепленную вѣтку и поднялъ свой факель надъ головой. Красновато-синій огонь освѣтилъ все пространство. Это было мрачное и угрюмое ущелье. Справа и слѣва по крутымъ отвѣсамъ спускался ко дну смѣшанный лѣсъ. Сквозь нависшія глыбы снѣга едва проглядывала темная зелень елоя; дубы и грабы стояли заиндевѣвшіе, неподвижныя. Въ концѣ эта глубокая щель закруглялась и врѣзывалась вглубь, словно пещера; нѣсколько полувывернутыхъ съ корнемъ деревъ, свалившихся съ одного берега на другой, прикрыли ее сверху вѣтвями. Теперь все пространство между ними было засыпано толстымъ слоемъ снѣга, образовавшимъ довольно глубокой и прочный сводъ. Кривоносъ зашелъ внутрь, поднялъ факель и освѣтилъ это фантастическое помѣщеніе; серебро стѣнъ и плафона загорѣлось роскошнымъ фіолетовымъ отблескомъ. Кривоносъ остался даже доволенъ.

— Ишь, какъ славно, —мотнула онъ головою, —только, чтобъ тому въ горляну вѣдмы хвостъ, кто выдумалъ дорогу сюда: глушь

такая, что пока продерешься, царь шесть очей выколешь, а пока слѣзешь въ этотъ палацъ, такъ и четырехъ ногъ не досчитаешься!

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ ущелье стуживалось, круто спускалась сверху едва примѣтная, извилистая тропинка, на которую не попалъ Кривоносъ; казалось, никто посторонній не могъ никакимъ образомъ ни попасть сюда, ни узнать о существованіи этой дикой труппы. На узенькой тропинкѣ показалась старческая фигура Романа Половца. Онъ шелъ осторожно, сгибаясь подъ нависшими вѣтвями, ощущивая себѣ путь суковатою палкой.

— Ге, да ты, братъ, уже и фонарь засвѣтилъ,—обратился онъ къ Кривоносу, спускаясь внизъ и проходя въ пещеру.—Только скажи мнѣ, братъ, какою ты дорогой шелъ, что голосъ твой слышался мнѣ совсѣмъ съ другой стороны?

— Какою дорогой? Кратчайшею, матери его хрѣвъ!—отвѣтилъ сердито Кривоносъ.—Заблудился было... а тутъ вѣдь тебѣ темень такая, хоть выколи око, ну, такъ просто и скатился въ оврагъ „сторчъ головой“, хорошо еще, что разостлана снѣжная перина, да и кости желѣзные—выдержали!

— Однако, здѣсь совсѣмъ какъ въ хатѣ, можно-бы, брате, намъ и костерчикъ разложить: теплѣй бы было, да и свѣтлѣй.

— Оно бы хорошо, да какъ-бы только польскіе дозорцы на огонекъ нашъ не наткнулись.

— И, что ты,—махнулъ рукою Половецъ,—здѣсь, какъ въ могилѣ: и свѣту нукуда вырваться! Кромѣ козаковъ никто этого оврага и въ жизнь не найдетъ. Ужъ сколько мнѣ лѣтъ, а при моей жизни ни одна польская собака не вынюхала сюда и слѣда!

— Да ужъ коли вы, диду, „обезпечаете“, такъ мнѣ и по-давно,—потерь Кривоносъ руку о колѣно,—тутъ вотъ и сухого валежника подъ ногами довольно.

Черезъ нѣсколько минутъ посреди пещеры запылалъ яркій костеръ.

На тропинкѣ у входа въ ущелье послышался шорохъ. Кривоносъ и Половецъ подошли и стали по сторонамъ. Показалась суровая, козацкая фигура.

— „Гасло“? ¹⁾—коротко спросилъ Кривоносъ.

— „Волчій байракъ“... „Домовина!“ ²⁾—отвѣтилъ такъ же коротко новоприбывшій и безмолвно прошелъ въ глубь ущелья къ костру.

¹⁾ Шароль.

²⁾ Гробъ.

Показались на тропинкѣ еще двѣ тѣни и, опрошенные, тоже пробрались къ костру. Въ ночной тишинѣ раздавался только скрипъ шаговъ по снѣжной тропинкѣ, да тихіе отвѣты на запросъ Кривоноса: „Волчій байракъ... Домовына“...

Подлѣ костра уже и сидѣла, и стояла, и волновалась порядочная группа людей.

— Что это Хмеля нѣтъ до сихъ поръ?—тихо проговорилъ Кривоносъ, бросая волчій взглядъ на Романа,—не вздумалъ ли дать тягу въ свои хутора?

— Что ты, что ты?—возмутился старикъ,—Хмель не изъ такихъ, да вотъ, кажись, и идетъ онъ.

Дѣйствительно, на тропинкѣ показались снова двѣ плотныя и высокія фигуры, но на этотъ разъ это оказались Пешта и Бурлій. Они о чемъ то тихо разговаривали, но, замѣтивши Половца и Кривоноса, переглянулись и замолчали совѣмъ.

— Гм...—покачалъ имъ вслѣдъ головою Половецъ,—значить, припекло, когда и Пешта, и Бурлій рѣшились сюда придти.

— Не люблю ихъ—собаки!—мрачно прохрипѣлъ Кривоносъ, бросая въ ихъ сторону недоуфрчивый взглядъ.

Между тѣмъ у костра волненіе было уже въ полномъ разгарѣ. Среди шума, крика и проклятій явственно вырывалось только одно восклицаніе, повторяемое на тысячу ладовъ:— „Смерть ляхамъ! Смерть Погощеому!“

— Ге-ге,—тихо замѣтилъ Пешта, наклоняясь къ Бурлію.— Рой гудеть... Кто только съумѣетъ маткою стать?

Бурлій крикнулъ, бросивши исподлобья хитрый, многозначительный взглядъ. А Пешта, передвинувши на головѣ шанку, направился со своимъ спутникомъ увѣренными шагами къ той группѣ, гдѣ громко говорилъ о чемъ то, сильно жестикулируя руками, его знакомый козакъ.

— Пешта! Вотъ голова, братцы!—встрѣтилъ онъ появленіе Пешты радостнымъ голосомъ.— Вотъ, кто „порадитъ“ насъ, что теперь предпринять?

— Да что тутъ предпринимать!—иѣвно и нетерпѣливо закричали сразу нѣсколько голосовъ.— Небось, всѣ слышали, какой декретъ прочитали намъ эти дьяволы! Вѣдь это смерть! Вѣрная, „наглая“ смерть!

— А коли умирать, такъ показать и палачамъ до пекла дорогу!—подхватили другіе.

— Н-да!—протянулъ многозначительно Пешта.—Что правда! то правда: такого декрета еще козаки и не слыховали отъ роду,

— А вѣдь были возстанія и раньше, да никто не смѣлъ такихъ ординацій намъ давать!—кричалъ запальчиво болѣе молодой козакъ, выстуая впередъ.

— Ляхи то и прежде обрѣзывали намъ права, а теперь задумали насъ уничтожить!—отвѣтилъ Пешта.

— А что же листъ, что мы послали черезъ пословъ?

— Гм,—перебилъ его Пешта,—онъ, можетъ быть, и испортилъ,—и помолчавши, прибавилъ загадочнымъ тономъ.—Его то по моему и не слѣдовало писать!

— Да какъ же такъ?—раздалось сразу нѣсколько насмѣшливыхъ голосовъ и умолкло.

— А потому, что я и тогда говорилъ,—началь уже увѣреннѣе Пешта,—да что подѣлаешь? Вѣдь у насъ не думаетъ никто! Одинъ скажетъ, а всѣ ужъ за нимъ, какъ бараны бѣгутъ! Говорилъ, не къ чему писать. Передъ ляхами унижаться, передъ сенатомъ ползать въ ногахъ! Говорилъ, что такое смиреніе только докажетъ ляхамъ, что пропала въ конецъ козацкая сила, что ляхи воспользуются этимъ и проявятъ надъ нами неслыханную дерзость,—на мое и вышло.

Словно тяжелый молотъ упали эти слова на буйныя головы и ошеломили сознаниемъ, что совершена ошибка, повлекшая за собою позорную смерть. Наступила грозная пауза.

У входа по тропинкѣ показались двѣ человѣческія фигуры.

— Они, кажись?—обрадовался Кривонось.

— Они,—кивнулъ головою Половецъ.

Дѣйствительно, приближался Богданъ въ сопровожденіи Ганджи.

— Отчего такъ опоздалъ? Народъ бурлитъ...—окликнулъ его Кривонось.

— Коронный гетманъ задержалъ, едва вырвался!

— Ну, иди же. Тамъ Пешта пришель,—шепнулъ Половецъ.

Богданъ подошелъ къ костру и, никѣмъ не замѣченный, сталъ съ Ганджей въ глубинѣ, за выступомъ обвала, въ совершенной тѣни.

— Кой чортъ совѣтовалъ писать жалобные листы?—поднялся раздражительный голосъ съ одной стороны.

— Совѣтовалъ то человѣкъ добрый,—такъ же медленно отвѣтилъ Пешта, и двусмысленная улыбка пробѣжала по его лицу.— По крайности онъ всегда на добро козакамъ думаетъ, да не всегда съ его „рады“ добро выходитъ. Ну, что же,—вдохнулъ Пешта и, глянувши куда-то неопредѣленно впередъ, прибавилъ:—„на дида беда, а баба здорова!“.

— Ахъ онъ чортова кукла! Расшибу!—прошипѣлъ было и бросился со сжатыми кулаками Ганджа.

— Стой! Ни съ мѣста!—остановилъ его тихо Богданъ и от-
ткнулъ за себя въ самый уголъ.

— Да какой же это дьяволъ? Кто эти листы придумалъ?—
закричало сразу нѣсколько голосовъ, и часть толпы, услыхавши все
возрастающій шумъ, понадвинулась къ тѣсной группѣ.

— Кто-жь, какъ не Хмель!—раздался чей-то голосъ въ толпѣ.

— Это его панскія штуки!—подхватилъ другой.

— Нарочно затѣялъ, чтобы ляхи, набравшись смѣлости, и
войска свои стянули сюда, и раздавили насъ, какъ мухъ!—кричалъ
уже третій, проталкиваясь къ костру.

— Что вы, что вы, панове?—остановилъ толпу Пешта.—Хмель
думалъ, какъ лучше. Онъ, вѣдь, знаетъ съ ляхами, думалъ, что
пографитъ. Не его вина, коли прогадалъ.

— А коли такъ, такъ не совался бы въ козацкія sprawy,
сидѣлъ бы со своимъ „каламарець“¹⁾ за печкой! Черезъ него мы
должны такую поругу терпѣть!—вопилъ уже въ изступленіи мо-
лодой козаць, взобравшись на пень и ударяя себя въ грудь ру-
ками.—Чего мы ждемъ? Кого мы ждемъ? Какія тутъ рады?
Бить ляховъ, доказывать имъ, что насъ паскудить нельзя! Уже
коли они насъ паскудить желаютъ, такъ разорвать ихъ, цесовъ, на
тысячу кусковъ!

— Смерть ляхамъ!—закричали кругомъ.

И этотъ зловѣщій крикъ покотился по ущелью, бурей про-
мчался мимо Кривоноса и Половца и заставилъ шарахнуться стаю
волковъ, собравшихся изъ любопытства въ ближайшей трубочѣ.

Вокругъ Пешты образовалась уже довольно большая толпа.
Второй разведенный костеръ освѣщаль ихъ красныя, изступленныя
лица. Одинъ только Пешта стоялъ посрединѣ, спокойный и даже
насмѣшливый, переводя отъ одной группы къ другой свои желтова-
тые бѣлки.

— Такъ,—сказалъ онъ громко,—игратъся бумагами больше,
братья, не будемъ.

— Душа, козакъ! Молодецъ, братъ!—раздались восклицанія
въ толпѣ.

— Только вѣдь сами руки никогда не бьютъ, панове,—продол-
жалъ Пешта,—надо къ нимъ и голову разумную, и сердце непод-
купное прибавить!...

— Вѣрное слово! Атамана, атамана!—закричала толпа, и въ
этому крику пристали уже и всѣ остальные.

¹⁾ Черпильницаей.

— Только выбрать, панове, „оглядаючись“, чтобъ и голову имѣлъ разумную и бывалую, чтобъ ни съ кѣмъ не снюхивался, да за двумя зайцами не гонялся бы, да чтобъ и войсковою справы не бѣгалъ,—замѣтилъ Пешта.

А Бурлій добавилъ будто про себя: — такого и не сыщешь среди насъ!

— Какъ нѣту? А Хмель?—закричало два-три голоса въ заднихъ рядахъ.

— Въ затылокъ тебѣ Хмель! Къ чорту! Мы не перьями, а мечемъ имъ отпишемъ!—раздалось изъ переднихъ рядовъ.

— Богуна! Вотъ козаекъ, такъ козаекъ! Нѣтъ ему равнаго нигдѣ!—закричалъ кто-то изъ середины.

— Богуна, Богуна!—подхватило множество голосовъ.

— Да, козаекъ славный,—согласился и Пешта,—и храбрый, и честный. Только молодъ еще, братья, а въ нашей справѣ надо не смѣлую руку,—всѣ вы, братья, смѣлы, какъ орлы,—а намъ нужно разсудливую голову.

— Правду, правду говорятъ!—отозвались голоса.

— А и главное,—продолжалъ Пешта,—что его теперь здѣсь нѣтъ: вѣдь онъ въ Брацлавщинѣ.

— Вѣрно! Въ Брацлавщинѣ!—подхватили другіе.

— То-то-жъ, пока мы за нимъ посылать будемъ, насъ здѣсь на лапшу посѣкутъ ляхи. Ждать намъ некогда.

— Некогда! Некогда!—перебили его шумные голоса.

— Вить ляховъ! Смерть Потоцкому!

И снова знакомый возгласъ наэлектризовалъ толпу. Крики, проклятiя слились въ одинъ безформенный ревъ.

— Народъ горить,—замѣтилъ Кривоносъ Половцу, бросая взглядъ по тому направлению, гдѣ узкое ущелье расширялось въ гротъ и гдѣ освѣщенная огнемъ двухъ пылавшихъ костровъ волновалась разгоряченная толпа,—а вѣтъ еще Нечая и Чарнота!

— Разставимъ и провѣримъ сторожу,—замѣтилъ Половецъ.

Въ глубинѣ узкой тропинки послышалась удалая пѣсня: „Гей, хто въ лиси, озовься!“ И изъ-за деревьевъ, сдвинувши шапку на затылокъ и широко распахнувши жупанъ, показался Чарнота.

— Съ чего это ты, съ чего ты запѣлъ?—набросился на него Половецъ,—или хочешь посзывать всѣхъ польскихъ дозорцевъ?

— Некого!—отвѣтилъ базшабашнымъ тономъ Чарнота.—Двое изъ нихъ встрѣтились имѣ на дорогѣ. Не хотѣлось имѣ оказать ляку услугу, да что было дѣлать: пришлось даровать имъ вѣчный покой!... Да еще и свѣжнюю могилу насыпать, чтобъ не отыскали

друзья. А остальные всё пируютъ въ замкѣ, отъ огней побѣлѣла даже черная ночь.

— Пируютъ, дьяволы, на нашихъ грудяхъ,—внятно замѣтилъ Кривоносъ.—А тебѣ оттого такъ и весело стало, что ты и пѣсню затанулъ?

Лицо Чарноты вдругъ стало серьезно.

— Ты этого, брате, не говори,—произнесъ онъ тихо.—Я, быть можетъ, только горилкой да вольною пѣсней и душу козацкую спасаю.

И, какъ бы сожалѣя о вырвавшихся у него прочувствованныхъ словахъ, Чарнота круто повернулся и широкими шагами направился къ пылавшимъ въ глубинѣ кострамъ.

— Славный козакъ!—посмотрѣлъ ему вслѣдъ Половецъ и пошелъ вмѣстѣ съ Кривоносомъ разставлять сторожу, ворча себѣ подъ носъ:— Не ровень часъ... береженаго, говорятъ, и Богъ бережетъ.

У узкаго входа въ ущелье поставили двухъ козаковъ. Шесть другихъ отошли дальше и образовали цѣпь вокругъ оврага.

Приближеніе Чарноты замѣтили и въ толпѣ.

— Чарнота, Чарнота идетъ!—задумѣло ему навстрѣчу множество голосовъ.—Огонь-козакъ! Его обратъ атаманомъ! Онъ проведетъ и въ самое пекло!

— Вѣрно, вѣрно!—загудѣли козаки.

— Н-да!—повелъ бровями Пешта.—Провести то проведетъ, да выведетъ ли обратно? Пожалуй, тамъ всёхъ и оставить.

— Молодецъ на фокусы,—тихо вставилъ Вурлій,—а намъ надо голову...

Еще одинъ путникъ приблизился къ спуску. Это былъ слѣпой бандуристъ. Онъ шелъ увѣренно и смѣло, и даже та палка, которую онъ держалъ въ рукѣ, не служила ему опорой въ пути.

— Всѣ?—спросилъ бандуристъ у Кривоноса.

— Кажись, всѣ,—отвѣтилъ тотъ и, бросивъ послѣдній взглядъ на правильно разставленныхъ „вартовыхъ“ или часовыхъ, повернулъ вмѣстѣ съ Половцемъ къ оврагу.

Между тѣмъ крики въ толпѣ принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ.

— Атамана! Атамана!—кричали кругомъ.

— Въ чемъ дѣло, братья?—спросилъ тревожно бандуристъ ближайшихъ козаковъ.

— А, Нечай! Нечай пришелъ!—закричало сразу нѣсколько голосовъ,—и онъ, братове, козакъ не послѣдній!

Но изъ группы Пешты раздались болѣе громкіе голоса:

- Атамана, атамана обирать!
- Своего, а не ляхскаго! Кого-бъ только? — замялись и затихли вдругъ голоса.
- А что-жь это я не вижу здѣсь нашего Хмеля? — обратился тихо къ Чарнотѣ Нечай.
- Да, его еще нѣтъ здѣсь, — оглянулся кругомъ пристально Чарнота, — я уже искалъ его.
- Какъ нѣтъ? А Кривоносъ сказалъ, что всѣ въ сборѣ, — изумился Нечай.
- Вѣрно обознался, — замѣтилъ Чарнота и прошелся снова отъ костра до костра.
- Нечая! Пусть Нечай насъ ведетъ! — раздалось въ одномъ мѣстѣ.
- Чарнота! — отделикнулось въ другомъ.
- Пешта, Пешта! — загомонѣли сильнѣй голоса въ центрѣ.
- А про Хмеля забыли? — кривнули разомъ Чарнота и Нечай.
- Обойдется и безъ него! Бумагъ намъ писать уже не нужно! Годи! Годи! — поднялись раздраженные крики со стороны козаковъ, окружавшихъ Пешту.
- На кой чортъ? Что онъ за гетманъ такой? Все „товарство“ въ сборѣ, а его нѣтъ! — загалдѣли со всѣхъ сторонъ.
- Нѣтъ, панове, — возвысилъ голосъ Пешта, замигавъ, словно сова, своими желтыми бѣлками, — Хмеля нужно подождать: я самъ подаю голосъ за Хмеля. Онъ все таки въ великой чести у ляховъ, такъ, можетъ, и за васъ доброе слово замолвить, да и не такъ достанется вѣщимъ за избраніе: вѣдь вотъ меня и Бурлія, да еще кое-кого совѣщимъ вонъ, за хвостъ, стало быть, да въ „череду“, а Богданъ все таки остался сотникомъ... а вскорѣ, можетъ, и полковникомъ будетъ.
- Ну? — усомнился Бурлій, — развѣ поцѣлуешь панежа въ пятку?
- Такъ что-жь это? Продастъ онъ насъ, что ли? — закричали кругомъ нѣсколько голосовъ.
- Торгуется! — процѣдилъ сквозь зубы Пешта, и хотя это слово было произнесено не громко, но оно упало на ближайшихъ, словно искра въ бочку пороха.
- Долой Хмеля! Измѣнниковъ не надо! Пешта атаманомъ! Бить ляховъ и ляхскихъ подножковъ! — заорали кругомъ.
- Кто противъ Хмеля? — крикнулъ Чарнота, выбиваясь впередъ и разбрасывая толпу. — Кто обзываетъ его измѣнникомъ? Ну, выходи, помѣряемся силой! Эта рука и эта грудь, — ударилъ онъ себя кулакомъ по груди, — ручаются за него!

— Правда, правда!—раздались въ заднихъ рядахъ одинокіе голоса.—Онъ—честный козакъ!

— Не только честный—первая голова!—гаркнулъ Нечай.

— Если онъ умѣетъ ладить съ панами, таеъ вы готовы на него горы вернуть,—продолжалъ Чарнота, горячася все больше и больше.—Тутъ клеветуютъ изъ зависти, а вы развѣсили уши.

— Да что ты тутъ разговариваешь?—послышались въ отвѣтъ разгоряченные голоса.—Какого намъ чорта въ его радѣ?... Чтобъ снова предложилъ листы писать? Обирайте атамана! Долой Хмеля! Пешту, Пешту!—кричали съ одной стороны.

— Брехня, брехня! Хмель славный козакъ!—заревѣли съ другой.

— Ну, заварилась каша,—шепнулъ тихо Пешта, наклоняяся къ Вурлю,—а мы что? Наше дѣло сторона!—усмѣхнулся онъ злобис и сталъ прислушиваться къ крикамъ толпы, отпуская иногда два-три мѣткихъ слова и разгорячая тѣмъ еще болѣе обезумѣвшія отъ отчаянія головы.

— Поспѣшимъ; тамъ что то неладное,—тревожно заторопился Кривоносъ, спускаяся въ оврагъ и поддерживая Половца подъ руку.

— Охъ, не Пешта ли?—началъ головою Половецъ.

Издали картина представлялась чѣмъ-то сверхъестественнымъ и страшнымъ. Гигантскіе костры, расположенные въ двухъ концахъ ущелья, подымали цѣлые снопы яркаго пламени и раскаленныхъ искрь. Въ этомъ ярко-красномъ свѣтѣ пурпуромъ горѣли нависшіе снѣжные своды, а свисшіе надъ ущельемъ громадныя дубы и сосны казались вылитыми изъ раскаленной мѣди. Дикими и ужасными вырисовывались разгоряченныя, темныя лица козаконъ, а общій крикъ, слившійся въ какой то дикій гулъ, наводилъ на душу суевѣрный, подавляющій страхъ.

— Хмель идетъ! Хмель идетъ!—крикнулъ Нечай, махая надъ головой шапкой.—Вотъ кого обратъ атаманомъ, вотъ голова!

— Нѣтъ, нѣтъ, это Кривоносъ!—отозвался кто-то при входѣ.

— Его атаманомъ!—крикнули дружно одни.

— Кривоноса!—подхватили другіе.

— Пешту, Пешту!—раздались голоса изъ глубины.

Но все эти возгласы покрылъ снова одинъ бѣшеный крикъ: „Смерть ляхамъ! Смерть Потоцкому! Рубить, жечь!“

Кривоносъ нѣсколько разъ пытался было говорить, но дикіе, необузданные крики совершенно заглушали его голосъ.

Наконецъ, ему удалось взобраться на довольно широкій и высокій пенъ и, поднявшисъ значительно выше толпы, онъ закричалъ на сколько могъ громкимъ голосомъ: „Слова, братья, прошу!“

На мгновенъе воцарилась тишина.

— Братья, отъ крику ничего ни будетъ, — началъ Кривоносъ. — Мы собрались здѣсь раду держать, а не ругаться, какъ перекупки на базарѣ.

— Снова раду затѣяли, — замѣтилъ ехидно Пешта, обращаясь къ окружающимъ козакамъ.

— Раду? Довольно! Листовъ намъ больше не надо! Слѣзай! Доведи уже своими петиціями до краю! — раздались голоса изъ заднихъ рядовъ.

— Да что вы, дьяволы, не узнали, что ли, Кривоноса?! — гаркнулъ Кривоносъ уже съ такой силой, что жилы надулись у него на лбу. — Я пишу свои петиціи не черниломъ, а кровью!

— Да это Кривоносъ! — раздались крики изъ переднихъ рядовъ. — Слушайте, слушайте! Онъ вѣрный козакъ!

— Рубить ляховъ, жечь! — поднялись было неулгшіеся крики, но Кривоносъ уже заревѣлъ, протягивая впередъ руки. — Стойте, вражьи сыны! — и все стихло помалу. — Кой чортъ вамъ говорить, чтобъ ихъ миловать? Милуютъ они насъ, ироды? Нѣтъ для меня большаго праздника, какъ топить ихъ въ ихъ дьявольской крови!

— Такъ, такъ! Молодецъ! Слава! Веди насъ, веди сейчасъ! — сорвался дружный крикъ.

— Спасибо, братья! — поклонился Кривоносъ. — Только... Да, слушайте жъ, ироды! — продолжалъ онъ далѣе охрипшимъ отъ напряженія голосомъ. — Вотъ вы тутъ избирали атамана и, дякую вамъ за честь, и мое поминали имя, только, братья, развѣ это порядковъ? Развѣ мы всѣ тутъ? Развѣ безъ нашихъ братчиковъ, запорожцевъ, можно выбрать кошевого?

— Правда, правда! — отозвались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ голоса, и волненіе начало упадать.

— Такъ вотъ что, братцы, — продолжалъ Кривоносъ, — слышали вы всѣ, какъ привѣтствовалъ насъ сегодня польный гетманъ, и мы имъ этого не „подаруемъ“. Порѣшимъ же сначала, гдѣ бить ляховъ, съ какого конца ихъ „шварить?“

— Рѣшай, рѣшай, друже! — отозвались отовсюду остервенившіеся голоса, — головами наложимъ, а помстимся надъ ними!

— Ухъ, помстимся же! — оскалилъ зубы Кривоносъ и засучилъ рукава на своихъ мохнатыхъ рукахъ, — а думка моя такая: въ Брацлавщинѣ Богунъ собралъ уже отрядъ добрыхъ молодцовъ и ждетъ подмоги. Кому жизни не жалко, кому не страшно смерти. идите ко мнѣ! Мы имъ вспомнимъ всѣ ихнія „наруги“¹⁾ и декреты!

¹⁾ Издѣвательства.

Мы вымотаемъ панскія жили, поджаримъ ихъ клятыхъ ксендзовъ, насмѣемся надъ ихъ костелами, какъ они смѣются надъ святыми церквями! Братья, кому нѣтъ радости въ жизни, идемъ въ Брацлавщину, — и я васъ туда проведу.

— Спасибо! Слава, слава Кривоносу! — раздалися кругомъ восторженные возгласы.

— Постойте, постойте, братья! — закричалъ Нечай, поднимаясь на пень рядомъ съ Кривоносомъ. — Не въ Брацлавщину пойдемъ, а на востокъ. Я былъ у донцовъ, они обѣщали намъ большую подмогу.

— Что донцы, братья? — возразилъ Кривоносъ. — Брацлавщина свободна отъ войскъ, а къ востоку стянулись всѣ коронныя рати.

— Правда, правда! Слѣзай, Нечай! Въ Брацлавщину веди насъ! Намъ нечего терять!

— Постойте, постойте, братья! — началъ было одинъ молодой козакъ, вскакивая на пень, но толпа не дала ему говорить „Молчи! Слѣзай! Умиѣ не скажешь!“ — раздалось со всѣхъ сторонъ. И нѣсколько паръ сильныхъ рукъ протянулись къ пню, и въ одно мгновенье козакъ исчезъ въ толпѣ.

— Пусть Пешта говорить! Говори, Пешта! — закричали окружающіе Пешту казаки.

Пешта поднялся было на пень; но крики и свистъ, раздавшіеся съ противоположной стороны, заглушили его слова.

Въ это время взобрался на пень Половецъ и, не имѣя голоса, чтобы покрыть забурлившую снова толпу, началъ махать руками и усиленно кланяться на всѣ стороны, чтобы обратить на себя вниманіе.

— Половецъ-дидъ хочеть рѣчь держать! — подняли ближайшіе шапки вверхъ.

— Дѣти мои, сыны мои, — началъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ дѣдъ, — не то, что сыны, а внуки! Старъ я, послужилъ на своемъ вѣку моей дорогой Украинѣ, а все таки не хочется умирать, не учинивши какой либо послуги... Не годенъ я уже на эти походы, дорогой разгублю свои кости... Тамъ на льду осталось наше знамя, мы съ нимъ состарились вмѣстѣ. Такъ позвольте мнѣ, панове товариство, — поклонился онъ съ усиленіемъ на три стороны, — лечь рядомъ съ нимъ... Я пойду, полѣзу, прокрадусь въ замокъ и всажу пулю въ лобъ этому извергу, этому сатанинскому выплодеу, что такъ насмѣялся, наругался надъ всѣмъ, надъ всѣмъ, что у насъ было святаго...

У старика тряслась покрытая серебряными пасмами голова, по щекамъ струились слезы. Вся его согбенная фигура, освѣщенная съ

одной стороны краснымъ заревомъ, производила потрясающее впечатлѣніе и взывала къ отмщенію.

— Знамя, братцы, Знамя!—вырвался среди толпы стонъ и заставилъ всѣхъ вздрогнуть.

Наступило грозное молчаніе.

— Старца не допустить... на колъ посадить—кто-то тихо вздохнулъ.

— Стойте!—раздался чей то зычный, удалой голосъ.

На пивъ, возвышаясь надъ всей толпой, стоялъ Чарнота. Клокъ бѣлокурыхъ волосъ вырвался у него изъ подъ шапки, голубые глаза горѣли воодушевленіемъ.

— Братья, товарищи,—кричалъ онъ, хватаясь за саблю,—да мы сейчасъ, сегодня же можемъ разметать ляховъ!

Отъ охватившаго его волненія голосъ Чарноты прервался на мигъ, но онъ продолжалъ снова съ возрастающимъ огнемъ:

— Я былъ возлѣ замка; тамъ идетъ повальное пьянство. Жюльеры расквартированы далеко. Въ замкѣ душъ полтораста павновъ, да триста солдатъ. Черезъ два-три часа все будетъ лежать покоемъ. Да развѣ каждый изъ насъ не возьметъ на себя по пяти пьяныхъ ляховъ? Я беру десять! За то ужъ „пошарпаемъ“ гнилую шкуру Потоцкаго, освѣтимъ замокъ, да и посмѣемся же, братья, за нашъ позоръ, за Масловъ Ставъ!

Страшный изступленный крикъ не далъ ему окончить.

— Идемъ!—бурей заревѣло кругомъ.—Сотня рукъ протянулась къ пню подхватить Чарноту. Напрасно пытался говорить Нечай, напрасно кричалъ Кривоносъ,—толпа не желала больше слушать никого и ничего. Какъ потокъ бѣшеной лавы, двинулась она къ выходу.

Вдругъ неожиданно выросла противъ толпы у входа чья-то мощная и статная фигура.

— Остановитесь!—раздался повелительный крикъ.

Толпа отхлынула и окаменѣла...

Стоя въ тѣни, нѣмымъ незамѣченный, Богданъ удерживалъ порывистыя движенія Ганджи, рѣшась не выдавать своего присутствія и не возражать пока противъ клеветы и ехидства, поднятыхъ противъ него завистью. И кого же? Спасеннаго имъ же отъ смерти товарища! Эта черная неблагодарность, впрочемъ, не такъ возмутила его, какъ сочувствіе къ клеветѣ большинства. Богдану хотѣлось испить чашу до дна и убѣдиться, прочно ли къ нему довѣріе „товариства“, или оно, какъ мыльный пузырь, можетъ лопнуть отъ перваго дуновения. Изъ богатаго опыта жизни, толкавшей его всегда между всякаго рода обществами, Богданъ зналъ, что общее настро-

еніе ихъ измѣнчиво и капризно, что ихъ, какъ дѣтей, можетъ и увлечь слово, и повергнуть въ тупую тоску, но чтобъ бездоказательное, голое слово могло сразу сломить уваженіе къ заслуженной доблести, этого онъ не ждалъ, и глубоко оскорбленное чувство сжимало ему горечью горло и заставляло вздрагивать отъ боли сердце. И чѣмъ дальше прислушивался онъ къ спорамъ и переметнымъ крикамъ, тѣмъ эта боль разрасталась сильнѣй и сильнѣй. Чѣмъ-то дикимъ, стихійнымъ вѣяло отъ всего этого собранія; казалось, у всѣхъ старшинъ горѣло только одно неукротимое желаніе: бить и жечь ляховъ, одно только не насытное чувство мести. Но въ этомъ бурномъ порывѣ Богданъ видѣлъ мимолетную вспышку безсильной злобы за кровавое оскорбленіе. Это ѣдкое раздраженіе способно было поднять толпу лишь на какую нибудь безумную, отчаянную выходку, съ единственною цѣлью сорвать злость, опьянить себя местию; но оно рѣшительно отнимало вѣру въ созрѣвшую силу, готовую обречь себя на беспощадную и упорную борьбу. Богданъ слушалъ эту безформенную, бурливую злобу и рѣшалъ мучительный вопросъ, можно ли ея воспользоваться для борьбы, направить на благо для родины ея кипучій потокъ? Нѣтъ, еще не приспѣлъ часъ, еще они не готовы,—выяснилось у него сознаніе; нужно еще собирать силы, организовать ихъ, окрылять разумною цѣлью. Много погибло этихъ силъ въ неравной борьбѣ, а потому-то нужно щадить уцѣлѣвшія и прививать къ нимъ новобранныя. Не дай Богъ растратить послѣднія силы по пустому, ради удали или безумной вспышки, а вотъ этого именно теперь опасаться и нужно,—соображалъ Богданъ, глядя на возбужденныя лица, на огненные глаза... и когда Чарнота началъ подбирать толпу, чтобы броситься на замокъ Конецпольскаго, у Богдана оборвалась душа, уяло сердце. „Везумецъ! Онъ поведетъ ихъ на погибель“,—мелькнуло въ его головѣ и молніей же сверкнула рѣшимость: остановить, спасти...

Онъ рѣшилъ стать грудью противъ этой толпы, противъ этого разъяреннаго звѣря, и онъ крикнулъ: „Остановитесь!“

Это внезапное появленіе Богдана и повелительный крикъ отшатнули, ошарашили толпу; Богданъ зналъ, что это продлится не болѣе мгновенія, а потому и желалъ имъ воспользоваться для своихъ цѣлей.

— Я имѣю сообщить вамъ важныя новости!—произнесъ онъ громко, подчеркивая слова.

— Кто тамъ? Что случилось? Засада? А?—послышались съ разныхъ сторонъ тревожныя восклицанія.

— Нѣтъ! Стойте! Это Хмель! Это писарь Богданъ!—раздалось въ ближайшихъ рядахъ.

— Хмель?—крикнулъ Нечай—вотъ и отлично!

— Опять онъ! Къ черту!—забурлили въ заднихъ рядахъ.

— Да слышите-жъ, глухари, важныя вѣсти принесъ!—крикнулъ Кривоносъ.

— Вѣрно про новое слезное прошеніе къ панамъ,—вставилъ тихо Пешта.

— Не нужно прошеній! Вѣдьмѣ на хвостъ ихъ!—заревѣла снова и заволновалась толпа.—Смерть ляхамъ! Рушай!

— Стойте, черги!—гаркнулъ Кривоносъ.—Не галдѣть! Слышите же: важныя вѣсти принесъ!

— Такъ пусть говоритъ! Скорѣй! Скорѣй! Въ замокъ пора!—не унимались возбужденные возгласы, но любопытство все-таки взяло верхъ и притишило бурлящую кипень.

— Во первыхъ, панове,—началь, овладѣвши собою, Хмельницкій,—я пришелъ вамъ сообщить планъ, какъ взять замокъ и по-свойски расправиться съ врагами.

— А коли такъ, говори, говори!—обрадовались разгоряченныя головы.—Мы рады тебя слушать.

— Видите ли? А тутъ что было? Нѣтъ, Хмель молодецъ!—послышались единовѣя одобренія.

— Вамъ заявилъ и нашъ славный Чарнота, что напасть нужно не раньше, какъ часа черезъ два, черезъ три, когда перепьются мертвецки и паны, и гарнизонъ, а вы хотѣли, не слушая его, броситься сразу и попали бы прямо въ зубы ляхамъ.

— Правда, правда!—загалдѣли козаки.

— Значить, братья, во всякомъ дѣлѣ горячность вредить,—поднялъ голосъ Богданъ,—а въ военныхъ „справахъ“ наипаче. Вамъ Чарнота еще не все сообщилъ, такъ какъ онъ шелъ только около „брамы“, а внутри, на дворѣцѣ замка, не былъ... Вѣдь правда?

— Да, не былъ... Это точно, пане Богдане,—отвѣтилъ Чарнота.

— Ну, а я вотъ былъ тамъ внутри, и въ самомъ замкѣ, и все осматрѣлъ,—овладѣвалъ все больше и больше вниманіемъ толпы Хмельницкій.—Вокругъ замка разставлена артиллерія, внутри двора стоитъ триста гусаръ гарнизона, на стѣнахъ „вартыны“, а кругомъ разѣзжаются патрули, хотя дѣйствительно остальные войска расквартированы версты за три.

— Такъ, что-жъ это, значить, по твоему, и добыть ихъ нельзя?—поднялись недовольные голоса.

— Подвести, значить, насъ хотѣли?—вырвалась у кого-то угроза.

— Да правда ли еще?—усомнился кто-то вдали.

— Что это правда, въ томъ вы убѣдитесь сами, когда пойдѣмъ,—продолжалъ Богданъ,—а подвести васъ не могъ и думать нашъ доблестный рыцарь Чарнота,—дай Богъ всякому такое честное сердце! Сгоряча только ему показалось, что можно легко ляховъ перебить, а и погорячиться то, братцы, можно, коли у каждаго изъ насъ кровью на нихъ сердце кипить.

— Вѣрно, вѣрно!—раздался одобрителный говоръ кругомъ. — Добре говорить: видно, что голова!

— Только и эти идолы,—продолжалъ Богданъ,—хитрые, да и бояться нашего брата здорово, какъ чортъ ладона. Развѣ неправда? Такую горсть насъ собрали, а войскъ своихъ и латниковъ, и драгуновъ навели страхъ! Пить то засѣли въ замкѣ, а обложились и „гарматами“, и „гаковницами“, и „залогами“ и по степи снарядили развѣзды.

— Дьяволы!—раздался общій крикъ негодованія, но въ немъ уже не слышалось перваго бѣшенаго порыва, а скорѣе звучала тоска.

— Но я съумѣю добыть ихъ, товарищи,—почти крикнулъ Богданъ,—хотя бы у нихъ была и тысяча рукъ!

— Любо! Хвала!—раздались голоса.—Веди насъ, веди!

— Слушайте, мои друзи и братья,—продолжалъ Богданъ,—я передамъ тому, кто поведетъ васъ, мои развѣдки, мои соображенія, мои планы и самъ подчинюсь ему,—вѣдь нужно выбрать „доводца“ найчестнѣйшаго, незапятнаннаго никакимъ подозрѣніемъ, кому-бы вы безусловно вѣрили, уваженія къ кому не подорвала бы никакая низкая клевета,—у Богдана отъ подступившаго чувства волненія и боли оборвались слова.

— Тебя... тебя, Богдане, просимъ,—поднялись не совѣсмъ еще дружные голоса.

— Мы тебѣ вѣримъ!—крикнулъ Чарнота, а за нимъ подхватили и Кривоносъ, и Нечай, и Ганджа,—вѣримъ, какъ себѣ!

— Вѣримъ!—отозвались глухо углы.

— Спасибо вамъ, братья,—поклонился Богданъ,—только и это ваше слово вылетѣло сгоряча, простите на правдѣ! Развѣ искренно можно вѣрить тому, кто въ продолженіи двадцати лѣтъ не доказалъ ничѣмъ ни своей доблести, ни любви къ Украйнѣ?—въ голосѣ Богдана звучали горькія ноты.—Хотя подъ Цепорою я и бился въ рядахъ, такъ то за наше общее отечество противъ басурмановъ; хотя подъ Смоленскомъ я первый взлѣзъ на валъ и вырвалъ у непріятеля знамя, такъ это опять таки, можетъ быть, ради полученія сабли въ награду; хотя подъ Москвою надо мной разорвало бомбу и ранило осколкомъ вотъ въ эту грудь, такъ это,

вѣроятно, я ее подставлялъ для того, чтобы похвалиться передъ панями. Хотя я, вотъ съ друзьями моими Нечаемъ и Кривоносомъ, да съ честными рыцарями и сжегъ Синопъ, да два раза „пошарпалъ“ още Трапезонтъ и Кафу, да вызволилъ сотни три невольниковъ, покотивши славою до самаго Цареграда, такъ и это было дѣломъ ехидства, чтобъ украсть довѣріе себѣ у славнаго „товариства“.

— Что ты, батьку, клеплешь на себя?— слышался изъ середины растроганный голосъ.

— Да если-бъ это не ты самъ на себя взводилъ такую на-пралину, такъ я бы тому вырвалъ языкъ изъ рта!— брызнулъ саблей Кривоносъ.

— Слава Богдану, а клеветникамъ „трясця“ въ печенку!— раздались восклицанія.

— Хотя я... дайте досказать, товарищи, мои думки, много ихъ столпилось, давать!— продолжалъ Богданъ приподнятымъ голо-сомъ, дрожавшимъ какою-то скорбною волной.— Давно это было, лѣтъ тридцать назадъ; вскорѣ послѣ нашихъ славныхъ морскихъ походовъ... Помните, какой заверюхой закружились надъ нами ляхи, какаля на насъ гроза поднялась отовсюду? Такъ вотъ, съ Михайломъ Дорошенкомъ да Половцемъ мы разбили подъ Бѣлою Церковью поляковъ. Ну, такъ они хотѣли тоже уничтожить, истребить козаковъ, да я отправился съ Дорошенкомъ къ коронному гетману и успѣлъ убѣдить его постоять за насъ въ сеймѣ,—и дѣло кончилось Кура-ковскимъ договоромъ.

— Что и толковать! — пробѣжалъ говоръ между сомкнутыми рядами.

— Вѣрно,— не прерывалъ рѣчи Богданъ.— Намъ три года ляхи не платили жалованья; я съ Барбашомъ отправился хлопотать къ королю и выхлопоталъ его. Поднялъ, вопреки моему со-вѣту, возстаніе Павлюкъ, я ему сообщалъ черезъ Чарноту всё свѣдѣнія относительно движеній и силъ кварціаннаго войска. Кто далъ возможность Скидану уйти отъ преслѣдованія ляховъ? Я—это знаетъ Нечай! Кто провелъ Филоненка къ Гунѣ? Я—это извѣстно большинству здѣсь стоящихъ!

За каждымъ вопросомъ Богдана, словно рокоть несущагося при-боя, возрастали глухіе, одобрительные возгласы, смѣшанные съ угро-зами, направленными въ сторону Пешты.

— Служилъ то я родинѣ моей и преславному козачеству, какъ мнѣ казалось, „широ“ и честно, не жалѣючи живота, а вотъ гово-рятъ почтенные люди, что все это дѣлалъ я изъ корысти, чтобъ добыть себѣ панскую ласку, и я долженъ этимъ почтеннымъ, за-служеннымъ людямъ вѣрить. Только вотъ не знаю, какъ это при-

взять къ панской ласкѣ, что меня въ Каменцѣ держали разъ мѣсяца три въ тюрьмѣ, въ Кодакѣ потомъ сидѣлъ въ ямѣ и, если-бы не Богунъ, висѣлъ бы на дыбѣ, въ станѣ Вишневецкаго чуть не угодилъ на колъ, да и теперь вотъ наказанъ то одинъ я! Вѣдь полковники смѣнены не по личной винѣ, а по ординаціи, потому что сеймъ постановилъ давать эти мѣста лишь католикамъ, да и то отъ короны, а меня понизили по моимъ личнымъ у панской ласки заслугамъ. Моимъ друзьямъ, Бурлію и Пештѣ можно смѣло голосоваться и быть выбранными во всекую, кромѣ полковницкой, должность, а мнѣ уже своего „каламара“, какъ ушей, не видать... но говорятъ мои почтенные друзья, что это для меня повышение, награда, и я долженъ имъ вѣрить!

— Врутъ они, врутъ!—раздались уже грозные возгласы, и загорѣвшіеся гнѣвомъ глаза метнули молніи въ глубину ущелья.

— Клеветники подлые, гадюки!—поднялись вверхъ кулаки во многихъ мѣстахъ.

— Мы тебѣ вѣримъ! Ты рыцарь и голова!—перекатывалось волной.

— Стойте, любые братья, не горячитесь!—продолжалъ Богданъ увѣреннѣе, воспламеняясь все больше и больше, и предвкушая уже побѣду; глаза его горѣли благороднымъ гнѣвомъ, движенія были величавы, вся мощная и статная фигура выражала гордость, сознание собственной силы и достоинства, неотразимо вліявшаго на толпу.—А провѣрьте холоднымъ разумомъ мои слова, и вы увидите, — что я правъ: Запорожье у насъ теперь единственный и послѣдній оплотъ, какъ это вамъ всѣмъ хорошо извѣстно, а вотъ изъ Кодака хотѣлъ было броситься немедленно на низъ Ярема, да мнѣ удалось удержать его... Онъ, впрочемъ, рѣшилъ, собравши больше „арматы“, разгромить его съ Конецпольскимъ. Наши горячія головы хотѣли было ударить на панскіе хутора и потѣшиться местию; но я былъ убѣжденъ — и клянусь Богомъ — всѣмъ сердцемъ моимъ, что горсти не справится съ коронными силами, что пропадутъ даромъ наши лучшіе рыцари и что нужно выиграть время на собраніе и укрѣпленіе силъ для борьбы. Вѣдь Польша можетъ легко выставить и кварцянскихъ, и надворныхъ войскъ съ „Посполитымъ рушеньемъ“ двѣсти тысячъ и больше, а мы, изнеможенные и разбитые, что можемъ противопоставить этой чудовищной силѣ?... Лишь свою беззапятную храбрость и удачу, да къ нимъ еще и кровавую обиду въ придачу. Небо бару въ свидѣтели, что я это считалъ и считаю истиной... но говорятъ честные, преданные родинѣ люди, что я все выдумалъ для обмана, изъ-за корысти, и я долженъ имъ вѣрить!

Толпа мрачно молчала, подавленная силой истины и упрека.

— Говорилъ я это и Тарасу, и Павлюку, и Степану, чтобъ не отваживались съ горстью, а собрали бы исподволь, да такую ужъ силу, чтобъ сломила гордую Польшу... Да что съ горячими, удалыми головами подѣлаешь? Летать вихремъ-бурею, не считая врага, а спрашивая лишь, гдѣ онъ? Ну, и что-жъ? Много славы и неслыханной отваги проявили они, заставили заговорить о себѣ цѣлый свѣтъ, заставили содрогнуться въ ужасѣ Польшу... а въ концѣ концовъ все таки подавили удалцевъ и обрѣзываютъ съ каждымъ годомъ наши права.

Послышался тяжелый вздохъ сотни грудей, словно вздохнула пастью пещера.

— Я упросилъ, я убѣдилъ товарищей моихъ дорогихъ воздержаться отъ необдуманныхъ и неравносильныхъ схватокъ, — продолжалъ Богданъ, и въ его тонѣ уже слышалась гордая самонадѣянность, — не раздражать, а усмирить врага мнимымъ смиреніемъ и слезными прошеніями, чтобы тѣмъ временемъ собрать силы. Да! Я взялъ на себя этотъ грѣхъ! Никто изъ насъ, помните, друзи, не придавалъ этимъ прошеніямъ никакой цѣны и не ждалъ отъ нихъ пользы... Но, какъ мнѣ кажется, — да поможетъ намъ во всякомъ дѣлѣ Господь! — наши старанія не только не пропали „марно“, а принесли пользу, и большую даже, чѣмъ я ожидалъ...

— Какъ? Что? — насовывались задніе ряды.

— Тихе! Слушайте! — останавливали шумъ передніе.

— Говори, батьку! — крикнулъ кто то.

— Да вотъ, — продолжалъ Богданъ, окидывая побѣднымъ взглядомъ толпу; вокругъ него довѣрчиво тѣснились знакомыя, близкія лица, и онъ чувствовалъ уже всею своимъ замирающимъ сердцемъ, что эта стоголовая толпа была у него въ рукахъ. — На Запорожьѣ за это время собрались уже добрыя силы, Богунъ собралъ отряды на Брацлавщинѣ, Нечай успѣлъ присогласить донцовъ, у Кривоноса пособраны тоже ватаги.

— Да, да! Это правда! — отозвались ободренные голоса. — Такъ и унывать нечего! Хвала Хмелю!...

— Нѣтъ, братья, не хвала, — вздохнулъ Богданъ, — а позоръ! Я самъ сначала былъ радъ за себя, тѣмъ болѣе, что получена еще неожиданно добрая вѣсть. Но говорятъ вѣрные и преданные люди, что черезъ мое прошеніе постигла насъ кара, что я торговался и продавалъ, какъ Иуда, моихъ братьевъ, и я долженъ вѣрить этому позору!

— Ложь! Клевета! — вырвался бурею крикъ. — Кто пустил? Кто осмѣлился?

— Стойте, братья!—скинулъ шапку Богданъ.—Я не могу не вѣрить,—вѣдь это говорилъ благодарнѣйшій и преданнѣйшій мнѣ человекъ, это говорилъ тотъ, котораго я спасъ отъ смертной казни, у палача вырвалъ изъ-подъ топора!

— „Зрадникъ!“ Гуда!—заревѣли въ одномъ концѣ.

— Подать его! На расправу!—поднялись кулаки въ другомъ.

Пешта давно уже блѣднѣлъ и дрожалъ, предвидя налетающую грозу и чувствуя, что у него нѣтъ средствъ защититься отъ занесеннаго надъ головою удара: и досада, и злоба, и зависть жгли ему сердце, мучили желчь и искривляли судорогами лице, но, когда взрывъ негодованія поднялся и овладѣлъ всею массой, то чувство ужаса пересилило у него всѣ ощущенія, осыпало спину морозомъ и ироняло лихорадочною дрожью. Видя безысходную гибель, Пешта рѣшился на отчаянный шагъ—отдать себя подъ защиту имъ же оклеветаннаго и поруганнаго Богдана.

Онъ быстро подошелъ къ нему и съ глубокимъ поклономъ сказалъ:

— Прости меня, благородный товарищъ, не въ томъ, что я усомнился въ твоей честности, —за нее я сейчасъ отдамъ свою голову,— а въ томъ, что я тоже повѣрилъ, будто твои искреннiе совѣты не дали добрыхъ плодовъ... Что-жь? Человекъ бо есмь! Горе затуманило и меня, какъ и всѣхъ пришибло... А коли человекъ въ тоскѣ, такъ ему чертъ знаетъ, что лѣзетъ въ голову! Какую, вотъ передъ всѣмъ „товариществомъ“ каюсь и у него тоже прошу о прощеніи.

— Ишь, какой лисой! А что брехалъ?—засмѣялся кто-то въ толпѣ.

— Прочить бы прода!—зашипѣли въ двухъ мѣстахъ грозно.

Но Богданъ уже былъ удовлетворенъ: онъ торжествовалъ, завистники и клеветники были уничтожены, а потому съ благородною снисходительностью онъ протянулъ Пештѣ руку.

— Успокойся, Пешта! Я хочу вѣрить, что ты теперь говоришь искренно; мнѣ больно было бы убѣдиться, что я цѣлую свою жизнь и думалъ, и дѣйствовалъ не на пользу, а во вредъ безмѣрно любимой мною странѣ... Но, если вы всѣ иначе думаете, то мнѣ остается только всего себя и всѣ свои силы отдать на служеніе моей родинѣ и моей найдорожшей семьѣ—славному и честному „товариществу“.

— Слава, слава Богдану! Молодецъ! Лицарь! Батько!—посыпались привѣтствія со всѣхъ сторонъ.

— Веди насъ на ляховъ!—подхватили снова горячія головы.

— А вотъ еще, панове,—поднялъ вверхъ листъ бумаги Хмельницкій, желая отвлечь толпу отъ вновь готоваго вспыхнуть азарта,—

знайте, братья, — продолжалъ онъ окрѣпшимъ, громовымъ голосомъ, — декретъ, прочитанный на Масловомъ Ставу, былъ продиктованъ лишь сеймомъ, король же особо черезъ канцлера Осолинскаго пишетъ намъ.

— Король? Самъ король? — зашумѣла, заволновалась толпа.

— Бумага? Читай, читай! — раздались отовсюду радостные голоса.

Пешта провалился куда-то въ тѣнь, Бурлій тоже затерялся въ толпѣ, а Богданъ продолжалъ уже говорить властно, поднявши надъ головою пергаментный листъ:

— Панове! Король проситъ передать вамъ, что тотъ декретъ подписанъ насильно его рукой, что душою Его Найяснѣйшая Мосць — нашъ, что въ насъ только онъ и видитъ опору, но не можетъ ничего сдѣлать, потому что сеймъ обрѣзываетъ ему волю. Король жаждетъ войны, такъ какъ она дастъ ему въ руки цѣлое войско и позволить увеличить и наше число; когда же онъ станеть на челѣ войскъ и крѣпкой рукой обопрется на насъ, тогда мы сотремъ кичливую голову сейма и получимъ новую „ординацію“ отъ нашего короля.

Богданъ остановился на мгновенье; фигура его, освѣщенная кровавымъ заревомъ догоравшихъ костровъ, была величественна и влекла къ себѣ сердца обаяніемъ таинственной силы.

— Друзья! — вырвалъ онъ изъ ноженъ драгоцѣнную саблю. — Вотъ письмо Осолинскаго! Король поручаетъ намъ поднять войну. Онъ совѣтуетъ намъ „пошарпать“ турецкія границы и вызвать Турцію. Деньги на чайки и на походъ мы получимъ!

— Слава, слава! „Хай жыо!“ — раздались восторженные крики, а въ иномъ мѣстѣ приподнялись десятки рукъ съ шапками, въ другомъ — засверкали клинки.

Недавняго тупого отчаянія, позорнаго униженія и дикой злобы не было и слѣда; глаза у всѣхъ горѣли энергіей и надеждой, лица дышали отвагой, движенія кипѣли удачью и силой!

— За короля! Мы за него, а онъ за насъ! — стоялъ уже гвалтъ. — А ты, Богданъ, ты будешь нашимъ агаманомъ!

Послѣдній возгласъ ошарашилъ Богдана, какъ ударъ палаша: онъ его ждалъ и страшился. Самъ того не замѣчая, Богданъ связалъ себя и поставилъ въ безвыходное положеніе. Броситься съ ними на Запорожье, самовольно удалиться отъ службы, принять участіе въ походѣ, съечь за собою всѣ корабли... О, это было бы еще слышнѣе рано, слышнѣе рано!

Холодный потъ выступилъ у Богдана на лбу, а все козачество между тѣмъ единодушно восклицало:

— Слава Богдану! Ты нашъ атаманъ! Веди насъ, веди!

— Панове-братья!—поклонился, снявъ шапку, Богданъ на три стороны.—Спасибо вамъ за великую честь, которой, быть можетъ, я и не стою, тодько не будемъ горячиться, а обдумаемъ лучше и серьезнѣе все... Тутъ не всё мы и въ сборѣ... Нельзя нарушать нашихъ старыхъ обычаевъ и правъ... есть вѣдь люди и постарше меня. Обсудимъ цѣлнмъ „кошомъ“, на чемъ „рада“ станетъ... А то сгоряча опять бы не сдѣлать какого промаха. Вѣдь вотъ, примѣромъ, мой пріатель и опытный „лыцарь“ панъ Кривоносъ, хотѣлъ же сейчасъ, зимою, по снѣгамъ, отправиться въ походъ,—коней, вмѣсто подножной травы, кормить снѣгомъ.

— Да, да, — засмѣялись весело всё.

— Поймалъ, братъ, точно!—почесалъ Кривоносъ, улыбаясь, затылокъ.—Экъ, угрозило съ „запалу!“

— Значить, моя „рада“ такая, коли моего глупаго слова послушаете...

— Глупаго? Соломона заткнетъ за поясъ!—мотнулъ головою Чарнота.

— Говори! Какъ не послушаться?—замахали шапками всё.—Теперь-ли, послѣ-ли, а атаманъ ты нашъ, да и баста!

— Такъ вотъ что, братья: и Кривоносу, и Богуну, и Нечая, и всѣмъ, по моему, стаянутъ силы на Запорожьѣ, укрѣпить его на всякій случай, снарядить „чайки“: одна часть ударить моремъ на турокъ, а другая „суходоломъ“ —на татарву, чтобы затянуть бусурмановъ въ войну.

— Любо! Любо! На Запорожьѣ „рушать!“—загалдѣли всё, трепля другъ друга по плечамъ и оживляясь задоромъ.

— И ты съ нами на Запорожьѣ!—положилъ руку на плечо Богдана Нечай.

— Съ нами, съ нами вмѣстѣ! Не отступимся отъ тебя!—тѣснились къ нему козаки.

— Панове-друзи!—попробовалъ еще отшутиться и провѣрить настроеніе толпы Богданъ.—А замокъ забыли? Можетъ, пойдёмъ брать его?

— Къ дьяволу замокъ! Не до „жартивъ“, коли такое дѣло!—воспротивились всё.

— Это такъ!—махнулъ шапкой Чарнота.—За часъ до этого я не зналъ, гдѣ бы разбить башку свою поскорѣй, а теперь для такой „справы“ поберегу и ногу.

— Да, пожалѣетъ тотъ, кто умеръ раньше,—поправилъ усъ Кривоносъ,—а я пожалѣю, что у меня не четыре руки. Такъ завтра же до свѣта, Богдане, на Запорожьѣ!

— Я бь послѣ... не распорядился дома...—замаяся Богданъ.

— Слушай, Хмеле,—строго взглянулъ ему въ глаза Кривонось,—ужь коли по „щирости“, такъ по „щирости“: въ свое сотничество начитай, а послужи Украинѣ: ты и для укрѣпленія Сѣчи необходимъ, и для похода, и для всего,—одна ты у насъ голова, на тебя у всѣхъ и надежда.

— Что же, Богдане? Ужели у тебя дѣло въ разладъ идетъ со словомъ?—устремились на него взоры всѣхъ.

Краска ударила въ лице Богдану.

— Нѣтъ, братья, нѣтъ!—произнесъ онъ, отбрасывая голову, и протянулъ руки ближайшимъ.—Богъ видитъ, нѣтъ въ моихъ мысляхъ лукавства! Дайте мнѣ только одну минуту... распорядиться...

— Мы вѣримъ тебѣ, брате!—произнесли разомъ Кривонось, Нечай и Чарнота.

Въ сторонѣ Богданъ замѣтилъ Ганджу.

— Брате!—заговорилъ онъ поспѣшно и тихо,—сложилось такъ все, что долженъ я ѣхать на Запорожье. Вернусь ли когда, не знаю самъ. Одна къ тебѣ просьба: исполни, друже, слова не пророни! Скажи въ мой хуторъ; присмотри за моими; передай Ганнѣ, что ей одной я поручаю семью. Скажи, чтобы помнила, чтобы молилась! Да вотъ еще: я напишу три слова коронному гетману. Помни, отъ этой записки зависить многое, тебѣ ее поручаю, постарайся передать только ему въ руки.

— Все передамъ, все сдѣлаю, брате,—отвѣтилъ угрюмый Ганджа.

Богданъ сжалъ ему руку, подошелъ къ Кривоносу и Чарнотѣ, снялъ съ головы высокую шапку и, поклонившись всему козачеству, произнесъ голосомъ твердымъ и громкимъ:

— Панове, ѣдемъ! Я вашъ!

— На Запорожье!—какъ одинъ голосъ раздался восторженный крикъ множества голосовъ, и сотня обнаженныхъ сабель взвилась надъ его головой.

XIV.

Морежь разлился Днѣпръ и неудержимо несетъ свои мутныя воды; кружится водоворотомъ у кручъ, рѣжетъ песчаные берега, бросается боковою волной на потошленные острова и мчится бурно серединой. На огромномъ водномъ пространствѣ мерещатся то сая, то тамъ верхушки вербъ и осинъ: въ иныхъ мѣстахъ низкорослый

„верболозь“ и красносиня „таволга“, унизанные изумрудною зеленью, колышутся волнами, словно засѣянные на водѣ нивы; изрѣдка, въ одиночку, угрюмо торчитъ изъ воды своею обнаженною „чуприной“ либо дубъ, либо яворъ, а тамъ дальше синева разлитыхъ водъ сливается съ туманною далью.

Только правого, болѣе высокаго берега не одолѣть разгулявшемуся Днѣпру; обвилъ буйный многіе острова своими пѣнистыми волнами, да не осилить гранитныхъ глыбъ: гордо онѣ выставили свою каменную грудь противъ стремнины и защищаютъ любимцевъ своихъ козаковъ-запорожцевъ. Издавна уже поселились тѣ на этихъ дивныхъ гнѣздахъ орлиныхъ и оживили удалю глушь, а теперь пестрою толпой копошатся на берегу наибольшаго острова. Всѣ они заняты усиленной работой—постройкой флотилии „чаекъ“. Ласковое весеннее солнце обливаетъ яркими лучами и одѣтую въ нѣжный нарядъ природу, и кипящую пестрою картиной на берегу жизнь. Словно муравьи разсыпались запорожцы, разбились на разныя группы и хлопотливо работаютъ, сплываютъ по берегу и по лугу: одни выдалбиваютъ для основаній „чаекъ“ громаднѣйшіе стволы столѣтнихъ липъ, другіе пилятъ ясенъ и берестъ на доски, третьи смолать и павлюютъ оконченныя, сбитыя „чайки“, нѣкоторые по колѣни въ водѣ тянутъ веревками бревна на берегъ, а иные на легкихъ челнахъ ловятъ ихъ по Днѣпру. Во многихъ мѣстахъ на берегу пылаютъ и дыматся костры: здѣсь въ котлахъ кипятятъ смолу, тамъ кашевары готовятъ обѣдъ, а вонъ, подъ лѣсомъ, парятъ для обручей лозу. Шумъ, говоръ и гамъ стоятъ въ воздухѣ, и разносятся далеко эхомъ перебранки; крики заглушаются стукомъ топоровъ и молотовъ изъ длиннаго ряда кузницъ; изъ ближайшаго острова доносится трескъ падающихъ деревьевъ. По временамъ прорѣзываетъ весь этотъ гамъ или зычный крикъ съ острова „лови! переймай!“ или удалая, затянута могучимъ голосомъ пѣсня.

По одежѣ группы пестрятъ живописнымъ разнообразіемъ: между сѣрыми изъ простаго сукна свитками краснѣютъ во многихъ мѣстахъ и дорогіе жупаны, и бархатные кунтуши, и турецкія куртки, между синими жупанами яркими пятнами бѣлѣютъ шитыя золотомъ и шелками сорочки... А на самомъ припекѣ, въ живописныхъ позахъ лежатъ и покуриваютъ „люльки“ совершенно обнаженные козаки, блистая своимъ богатырскимъ, словно изъ бронзы вылитымъ тѣломъ. Издали весь этотъ копошащійся людъ кажется тучей красненькихъ, весеннихъ жучковъ, прозванныхъ въ Малороссіи „козачками“.

Въ сѣверной части, внутри острова, растетъ лѣсокъ вѣковыхъ дубовъ, ясеней, грабовъ, а ближе къ самой кручѣ Днѣпра кучера-

вится уже свѣтлою зеленою болѣе молодая поросль кленовъ. Здѣсь, подѣ присмотрѣмъ опытнаго, стараго „чайкара“ Верныдуба, рубятся тонкія и высокія деревья на мачты, а въ лѣску небольшая кучка козаковъ рубить величественный ясенъ подѣ корень. Съ трехъ сторонъ врѣзывается сталь сѣкиръ въ его мощную грудь; при каждомъ ударѣ влажныя бѣлыя щепки летятъ въ сторону, дерево вздрагиваетъ и издаетъ короткій, глухой стонъ; зіяющія раны проникли уже глубоко внутрь и скоро каснутся сердцевины.

— Проворнѣй, братцы, проворнѣй! — командуетъ сѣдоусый козакъ Небаба, завѣдующій рубкой. — Черезъ десять дней походъ, а намъ еще нужно четыре „чайки“ построить. Гей! — взглянулъ онъ на ясенъ, — полѣзай тамъ, который изъ новыхъ, молодыхъ, да завяни веревку за вѣтви: нужно, братцы, валить дерево вонъ въ ту сторону; тамъ способнѣе будетъ отесывать, а то, гляди, чтобъ оно не шарахнуло въ гущину, тогда кромѣ лому ничего путнаго не выйдетъ.

— Да, оно какъ будто бы дѣйствительно, норовить на „гущину гешнуть“, — глубокомысленно соображалъ, вонзивъ топоръ въ ясенъ и раскуривая свою „люльку“, мрачный среднихъ лѣтъ запорожець, весь испещренный шрамами, — Лобода. — Сюда, ко мнѣ какъ будто и накренилось, и уже „трохи“ хрипить... должно, скорую смерть чуетъ, — присматривался онъ, поднявши голову къ вершинѣ, — качаетъ уже, братцы, качаетъ... А что же не лѣзетъ никто?

Переглянулись недавно прибывшіе Иванъ Цвяхъ и Гузя, почесали выбритые затылки, повели плечами, а лѣзть не рѣшились.

— Что же вы, грочкосѣи, „чухаетесь“, а лѣзть не лѣзете? — прикрикнулъ на нихъ сѣдоусый Небаба.

— Да боязно, — несмѣло отвѣтилъ Гузя, — вонъ гдѣ высоко начинаются „голья“... вскарабкаться то можно, — а вотъ какъ вмѣстѣ съ деревомъ шлепнешься, такъ только мокрое мѣсто останется.

— Ишь, отбѣлся на хуторахъ галушками, такъ и вытрусить ихъ не хочетъ, — ворчалъ дѣдъ. — Боли уходилъ отъ ляскаго „ванчука“ къ братчикамъ, такъ не затѣмъ, чтобъ нѣжиться, а за тѣмъ, чтобъ закалить свою силу и удалъ, чтобъ приучить себя ежедневно смотрѣть на курносую смерть, какъ на потаскушку, и презирать ее, вотъ что! А то мокрое мѣсто! Сухенькое любишь? Перину тебѣ подостлать, что ли?

— Полѣзу я, — отозвался среднихъ лѣтъ запорожець, съ благородными чертами лица, легшій было подѣ ясенемъ отдохнуть и покурить, — вѣдъ, я тоже не изъ давнихъ.

— Нѣтъ, что ты, Грабина, — остановилъ его Небаба. — Лежи: не пристало тебѣ, при твоихъ лѣтахъ, по деревьямъ царапаться, — ты и такъ уже заслужилъ отвагою славу... А вотъ эти молодые „лантухи“...

— Да я не то, — оправдывался сконфуженный Цвяхъ. — Оно, конечно, кто говоритъ, только вотъ, если подумать, какъ будто... а оно, конечно, плевать! Ну, все же, если бы кто легкій полѣзъ, чтобъ, стало быть, дерево выдержало. Вонъ, примѣромъ, хоть онъ! — указалъ храброецъ на молодого хлопца, бѣжавшаго веселою припрыжкой къ кленовому лѣску.

— Да, это вѣрно! — замѣтилъ Лобода, выпустивъ „люльку“ изъ рта. — Гей! Морозенко! — махнулъ онъ рукой. — Стой, чортовъ сынъ! Куда ты? Слышишь, Олекса? Го-го! Сюда!

Хлопецъ, услыхавъ крикъ, остановился и повернулся къ кричавшему: это былъ нашъ знакомый Ахметка, немного возмущавшій, окрѣвшій, но съ такимъ же безопасно дѣтскимъ выраженіемъ лица и привѣтливою улыбкой.

— Кричать, а ему какъ „позаблудило!“.

— Да я не привыкъ еще добре къ вашему прозвищу, — оправдывался подошедшій хлопецъ. — Вотъ если бы кто крикнулъ: „Ахметка“, такъ я за двое „гоновъ“ почувъ бы.

— Э, цора, хлопче, забывать тебѣ твою татарщину! — строго замѣтилъ дѣдъ. — Ты хрещенный, у тебя есть святое, а не поганское имя, а прозвище, коли его „товариство“ дало, должно быть для тебя дороже, чѣмъ королевскій декретъ.

— Дѣду, да нешто я не дорожу? — вспыхнулъ Олекса. — Бл-рай меня Богъ! Это мнѣ тогда спервоначалу было стыдно, что за отмороженные уши такую кличку дали, а теперь все равно — Морозенко, такъ и Морозенко!

— Такъ и гораздъ! — подтвердилъ дѣдъ. — Ты уже и съ полъ-запорожца, и Господь тебя не обидѣлъ ни умомъ, ни отвагой: станешь славнымъ лшцаремъ, добудешь себѣ столько славы, что и прозвище твое станетъ на весь свѣтъ славнымъ.

— Спасибо, диду, на ласковомъ словѣ, — поклонился Морозенко. — А что мнѣ почтенное „товариство“ прикажетъ?

— А вотъ полѣзай на этотъ ясень, да забрось веревку за вонъ тотъ сукъ! — показалъ дѣдъ рукой.

— Давайте! — схватилъ Олекса веревку, перебросилъ петлю черезъ плечо и какъ кошка покарбкался вверхъ. Ясень слегка закрипѣлъ и началъ замѣтно качаться верхушкой.

— Не выдержитъ, — угрюмо замѣтилъ Лобода, усѣвшись прямо подъ деревомъ и смакуя „люльку“, — ишь, какъ его шатаетъ ко

ми! Хлопче, съ другой стороны! Слышишь, Морозенко, съ другой стороны залъзай, не то пришибешь!

— А ты то самъ чего сидишь, — замѣтилъ дѣдъ, — башки не жаль, что ли?

— Да, какъ разъ на тебя, Лобода, качаетъ дерево, — замѣтилъ и лежавшій въ сторонѣ Грабина.

— Эхъ! Вставать не хочется! — потянулся сладко козакъ и прилегъ навзничъ, подложивъ подъ голову руки. — Успѣемъ еще, коли что! Чему быть, тому не миновать: виноватаго смерть найдеть вездѣ.

Грабина при этомъ словѣ вздрогнулъ и почувствовалъ, что острая льдинка вонзилась ему въ сердце: какой-то ужасъ мелькнулъ у него въ головѣ и заставилъ подвинуться дальше.

Вдругъ раздался сухой трескъ; массивный стволъ сразу осѣлъ, и не успѣлъ-бы увернуться фаталистъ, какъ его раздавила-бы страшная тяжесть; но верхушка дерева, описавъ дугу, ударилась при паденіи о сосѣднія деревья, скользнула въ сторону, и стволъ, измѣнивъ направленіе, неожиданно навалился на ноги Грабины, а потомъ и на грудь. Благодаря только тому, что верхушка ясеня запуталась въ вѣтвяхъ, дерево не навалилось сразу всею тяжестью, но съ каждой минутой верхушка, ломая вѣтви, садилась, и страшная масса надавливала все больше и больше богатырскую грудь; а хлопецъ Олекса успѣлъ, во время паденія, соскочить, и счастливо отдѣлался только нѣсколькими царапинами.

— Братцы! Кто въ Бога вѣруеть! Давить!... Грудь трещить!... Судъ Божій! — отрывисто, глухо стоналъ запорожець; лицо его посинѣло, глаза выпучились, изъ открытаго рта показалась кровавая пѣна. Одна рука была прижата деревомъ вмѣстѣ съ „люлькой“ къ груди, а другая, свободная, судорожно царапала землю.

— Гей! Ко ми! — крикнулъ повелительно дѣдъ. — Подставляй плечи подъ ясень! Вотъ сюда, поближе къ нему! Эхъ, угораздило-же его, несчастнаго! Совѣмъ въ сторонѣ былъ, поди-жь ты! Молчи, авось выручимъ!

Всѣ подскочили къ дѣду, подперли плечами осѣдавшее дерево и, укрѣпившись жилистыми руками въ колѣни, начали расправлять спины, силась приподнять хоть немного бревно.

— Ну, разомъ! — командовалъ дѣдъ. — Гай-да! Гай-да!

Напряглись четыре недюжинныхъ силы, крикнувъ разомъ; но дерево не только не приподнялось вверхъ, а замѣтно еще опустилось. Новая команда — новое напряженіе. Выступилъ на подбритыхъ лбахъ потъ, налились кровью на вискахъ жилы; но все напрасно: очевидно было, что имъ не одолѣть ужасающей тяжести.

— Братцы! „Ратуйте“, или добейте! Не въ моготу! На груди зашито...—стонать все тише и тише придавленный запорожець, а потому только началъ хрипѣть.

— Эхъ, дойдетъ! А ну еще, хлопцы!—просилъ уже дѣдъ дрогнувшимъ отъ жалости голосомъ. — Славный, братцы, козакъ, душа добрая, жалко!

— Но всѣ соединенныя усилія были тщетны: неотразимая смерть приближалась.

— Гей! Сюда, го-го!—махнулъ рукою Олекса, завидѣвъ невдалекѣ идущаго запорожца.

— Ради Бога скорѣй!—крикнулъ и дѣдъ.

Всѣ оглянулись. Къ нимъ, широко и неуклюже ступая, спѣшилъ подбитый и съ огненнымъ „оселедцемъ“ широкоплечій козакъ.

— Сычъ! Сычъ!—крикнули обрадованные козаки, —помоги, дружище!

— Подсоби, любый!—взмолился съ надеждой и дѣдъ. — Препадеть вѣдь козакъ ни за „понюхъ табакки!“

На одно мгновенье остановился лишь Сычъ, взглянулъ на придавленнаго, смѣрилъ глазами дерево, расправилъ плечи и пробасилъ:

— Мѣсто!

Морозенко вздрогнулъ отъ этого голоса, —до того онъ ему казался знакомымъ, и оглянулся; но передъ нимъ стояла только широчайшая спина.

Товарищи пустили Сыча впередъ. Упершись плечомъ и укрѣпивъ прочно ноги, теперь уже онъ командовалъ:

— А ну, ра-зомъ!

Что-то треснуло: или сломилась вѣтка, или у кого-либо ребро; но дерево дрогнуло и всколыхнулось запутавшеюся вершиной.

— Ну, сугубо!—крикнулъ Сычъ, захвативши много воздуха грудью и напрягши свою колоссальную силу; ноги у него вошли ступней въ землю, дерево почти вѣлось въ плечо; товарищи тоже не пожалѣли послѣднихъ своихъ силъ...

Раздался болѣе сильный хрустъ; вѣтви ясеня выпростались изъ смежныхъ вѣтвей, и огромный стволъ его сталъ тяжело и медленно подниматься.

— „Рушилъ!“ Идетъ!—весело крикнулъ Олекса и схвативши полѣно, уперся имъ тоже повыше въ колоду.

— Брось это, Олекса!—крикнулъ ему, задыхаясь, дѣдъ, —бѣги скорѣй къ Грабинѣ, да оттяни его, коли можно...

Хлопецъ бросился къ полумертвому запорожцу. Ясень былъ приподнятъ надъ нимъ, и Олексе удалось немного оттянуть потерявшаго сознание козака, но ногъ еще дерево не пускало.

— „Трошечки“ еще вверху!—крикнулъ Олекса, стараясь выдвинуть несчастному ноги. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ усилій, ноги были освобождены, и Морозенко отволокъ Грабину подальше на пригорокъ.

— Что онъ, дошелъ?—спросилъ запыхавшійся дѣдъ, присѣвъ надъ заporожцемъ, а тотъ лежалъ безчувственно и безвладно, съ блѣднымъ, посинѣвшимъ лицомъ и съ запекшеюся на губахъ кровью.

— Нѣтъ, еще грудь подымается,—замѣтилъ Олекса, поддерживая голову козака,—а вотъ, не раздавило-ли ногъ?

Глянулъ дѣдъ: онѣ были отъ колѣна почти до ступни облиты сочившеюся кровью и багрово синѣли. Приблизился съ товарищами и Сычъ.

— Добрые сапоги изъ краснаго сафьяна добытъ!—покачалъ головою дѣдъ.—Только посмотрѣтъ надо, не разбита ли въ конецъ ему грудь?...

Осмотрѣвъ, съ знаніемъ знахаря, тщательно и грудь, и ребра, и позвоночникъ, у придавленнаго Грабины, дѣдъ приступилъ и къ осмотру ногъ: оказалось, что ребра и голени были цѣлы и только содрана была до костей кожа.

— Ну, еще счастливо отдѣлался,—вдохнулъ успокоенный дѣдъ,—крѣпкая у собачьяго сына кость, дарма что панская! У кого изъ васъ, братцы, есть горилка?—обратился онъ къ козакамъ.

— Имамы ко здравію!—ривкнулъ Сычъ такъ, что Олекса снова вздрогнулъ.

— Запасливый изъ тебя выйдетъ козакъ!—улыбнулся дѣдъ.— А я товарищъ—друзака такой, что дай Богъ всякому!

— Вѣрно!—отозвались нѣкоторые, ударивъ Сыча ласково по плечу.—А ужъ силища, такъ чортъ его и видѣлъ такую!

Дѣдъ влилъ въ открытый ротъ раздавленному нѣсколько глотковъ водки и черезъ нѣсколько мгновеній тотъ глубоко вдохнулъ, открылъ глаза и обвелъ мутнымъ взглядомъ своихъ друзей, еще не хорошо сознавая, что съ нимъ случилось и гдѣ онъ находится.

— Приди въ себя, друже,—погладилъ Грабину дѣдъ по чупринѣ... Напугалъ какъ! Вѣдь словно мѣшокъ съ творогомъ нагнетило...

— Гдѣ „люлька“?—произнесъ полусознательно первое слово Грабина, все еще мутно глядя,—цѣла ли?

— Ишь ему, вражьему сыну, про что!—усиѣхнулся дѣдъ.— Цѣла, цѣла! Ты бы хоть про свою голову спросилъ, цѣла ли?

Но Грабина не обратилъ вниманія на слова дѣда и только хриплымъ голосомъ крикнулъ: „водки!“

— Пей, пей, сердечный!—подавъ ему дѣдъ флягу,—отдышись, любый, вѣдьмы-бъ тебя драли! И вѣдъ задарма, зря придавило тебя: тотъ вонъ подъ самымъ ясенемъ вывертался и пронесло, а этого чортъ знаетъ гдѣ хватило... такая напраслина!

— Не напраслина, диду, охъ, не напраслина!—простоналъ Грабина и уже ясными глазами обвелъ своихъ товарищей.

— Ну, пошелъ!—махнулъ дѣдъ рукою. —А ну-то, хлопцы, смочите-ка порохъ горилкой, да розотрите его въ мякоть... Да нѣтъ-ли у кого холстинны, либо „онучи“?

Морозенко, не задумавшись ни на минуту, оторвалъ оба рукава отъ своей рубахи и подавъ ихъ дѣду.

— Молодецъ Олекса, любо!—одобрили козаки и, весело разсмѣявшись, стали готовить запорожскую мазь.

Дѣдъ тоже ему привѣтливо улыбнулся.

— Побѣги, голубчикъ Олекса, въ „куринь“ мой, да принеси еще сюда поскорѣй мою торбинку съ лѣкарствами; она у меня надъ моимъ „топчаномъ“ виситъ.

Олекса бросился бѣжать къ „кошу“, а дѣдъ положилъ на рукава мазь, смочилъ ее еще разъ крѣпкой водкой и приложилъ къ зіяющимъ на ногахъ ранамъ.

— Щиплетъ, какъ будто,—поморщился немного Грабина и попросилъ набить и закурить ему „люльку“.

— Ничего, пустякъ: пощиплетъ и припечетъ,—утѣшалъ его дѣдъ, бинтуя крѣпко-накрѣпко ноги,—полежишь немного и выходишься.

— Что-о?—поднялся Грабина и сѣлъ, устремивъ на свои ноги дикій взглядъ.—Братчики пойдутъ въ походъ, а я, какъ свинья, буду отлеживаться? Да если ихъ раздавило совсѣмъ, такъ я ихъ отсѣку къ дьяволу саблей!

— Не вертись!—закричалъ дѣдъ.—Сталь бы я и возиться, коли-бъ отдавило совсѣмъ! И то скажи спасибо Сычу, что помогъ колоду поднять, безъ него бы тебя раздавило, какъ клопа.

— Сычъ? Брато мой!—протянулъ къ нему руку Грабина.—Коли только потребуешь, моя жизнь къ твоимъ услугамъ!

— Чесо ради?—засмѣялся Сычъ.—Мнѣ и свой „животь“ въ тяготу... Развѣ вотъ, если утолишь жажду сугубо, возблагодарю ты во вѣки!

— Утолю!... Вотъ помоги только мнѣ встать, подведи, голубе,—опираясь на Сыча, пробовалъ подняться Грабина,—и васъ всѣхъ, товарищи-друзи, прошу... вспрыснуть клятый ясень!

— Пойдемъ, пойдемъ!—оживились козаки. Даже дѣдъ, увидѣвъ, что Грабина стоитъ на ногахъ и двигаетъ ими, хотя и хро-

мая, разсмѣялся радостно. — А чтобъ тебя! Ужъ и напьюсь же я здорово!

— Только, братцы, запросите кто и нашего наказнаго атамана Богдана Хмеля, — обратился къ друзьямъ Грабина.

— Покличемъ, покличемъ, — засмѣялся Небаба, — пусть полюбуется новымъ пріятелемъ.

Богданъ уже четвертый мѣсяцъ сидитъ на Запорожьѣ. Сначала онъ отправился туда, подчинившись волѣ большинства, имѣя цѣлю: во первыхъ, укрѣпить правильными валами и батареями Запорожье, по послѣднимъ требованьямъ фортификаціонной науки, въ которой онъ одинъ изъ-всѣхъ козаковъ и былъ только свѣдущъ; во вторыхъ, исполнить тайное желаніе короля, переданное ему гонцомъ отъ канцлера Осолинскаго, — соорудить флотилію „чаекъ“ и организовать морской набѣгъ на прибрежные города Турціи, и, въ третьихъ, по исполненіи всего, отправиться къ королю лично и молить его, принять участіе въ судьбѣ козаковъ и отстоять хотя бы ихъ послѣднія права отъ насилій обезумѣвшаго въ ненависти панства.

Богданъ рассчитывалъ, что все это будетъ совершенно имъ въ теченіи мѣсяца, а тогда онъ отъ короля выпроситъ и для себя оправдательные документы. Вслѣдствіе такихъ соображеній, его самовольная отлучка казалась ему не столь рискованной, и онъ, поручивъ Ганджѣ досмотръ его семейства и „добра“, передалъ еще черезъ него письмо Золотаренку, прося послѣдняго почаще навѣщать Субботово, а если можно, то и совсѣмъ туда переселиться до его возвращенія; Ганичъ онъ написалъ тоже нѣсколько строкъ, извѣщая, что его зоветь къ служенію долгъ и что неизвѣстно, когда онъ возвратится на родину, а потому онъ и проситъ ее замѣнить дѣтямъ мать, а за него лишь молиться. Ганджѣ онъ при томъ наказалъ строго скрыть отъ всѣхъ мѣсто его пребыванія и только при особенно вѣрной оказіи извѣщать его, буде случилось-бы какое несчастье; про него-же, на всякій случай, пустить какой-либо отводной слухъ.

Но потомъ, пріѣхавши въ Сѣчь, Богданъ сразу увидѣлъ, что всѣ предположенія его были построены на пескѣ, и что раньше весны, а то, пожалуй, и лѣта, нечего и думать о возвращеніи: прежде всего суровая зима замедляла страшно земляныя работы, а потомъ и „чаекъ“ въ наличности оказалось такъ мало, что для морскаго похода пришлось почти всѣ новыя строить, наконецъ, на одной изъ Сѣчевыхъ радъ, его было выбрали кошевымъ атаманомъ, и когда Богданъ, поблагодаривъ „товариство“, рѣшительно отказался отъ этой великой чести, въ виду многихъ резонныхъ причинъ, а главное — предстоящихъ у короля ходатайствъ, то „товариство“ избрало его временнымъ наказнымъ атаманомъ въ морскомъ походѣ, отчего уже

не было возможности отказаться Богдану; кошевымъ же избранъ былъ, вмѣсто него, Пивтора-Кожуха. На той-же „радѣ“ и рѣшено было, что Пивтора-Кожуха съ Кривоносомъ, при первомъ-же наступленіи весны, отправятся на помощь татарамъ въ Буджацкія степи, чтобы совмѣстно ударить на Каменецъ, а онъ, Богданъ, съ тремя тысячами запорожцевъ, на пятидесяти „чайвахъ“, при полномодіи понесется по морю къ берегамъ Анатолиі.

Примирившись съ обстоятельствами, Богданъ весь отдался новымъ обязанностямъ и заботамъ. Бипучая запорожская жизнь, полная и тревогъ, и волненій, и буйной удали, и безшабашнаго разгула, приняла давняго, закадычнаго товарища снова въ свои дружескія объятія и закужила его голову въ угаръ своихъ бурныхъ порывовъ. Ежедневный усиленный трудъ, отъ зари до зари, поглощала у Богдана почти все время; гульливныя общественныя трапезы да неминуемое кутежи отнимали остатокъ его даже у отдыха и богатирскаго сна, а для думъ и сердечныхъ волненій его уже совсѣмъ не хватало. Правда, при переѣздѣ съ мѣста на мѣсто, иногда выплывала изъ глубины души у Богдана тревога за свое пепелище, за родную семью, за Богомъ ниспосланную ему Ганну, но какая-либо неотложная забота сразу отрывала его отъ дорогихъ думъ и погружала въ злону шумнаго дня. Богданъ смутно чувствовалъ только среди суеты и разгула, что у него глубоко въ груди гнѣздится тупая, досадная боль: иногда она выражалась ясно въ тоскѣ по своимъ близкимъ и кровнымъ, а иногда облекалась въ туманный образъ, мелькнувшій пророческимъ сномъ въ его жизни, — однако, сознание долга и высокій критическій моментъ судьбы его родины подавляли эту боль и заставляли Богдана еще больше отдавать всего себя служенію родинѣ, отгоняя прочь всякія ослабляющія энергію думы.

Впрочемъ, съ каждымъ днемъ, при наращеніи торопливой работы, эта тоска и боль все больше уходили вдаль, а всѣ душевныя силы Богдана поглощались предстоящей грозой и, наконецъ, въ послѣднее время онъ, отрѣшившись отъ тоски и тревоги, отдался съ давнимъ молодымъ увлеченіемъ будущему походу, который предполагался черезъ недѣлю послѣ выхода изъ Сѣчи Пивтора-Кожуха, а онъ былъ назначенъ на послѣзавтра.

Хотя приходившіе въ Сѣчь бѣглецы и передавали много ужасовъ относительно увеличивающагося съ каждымъ днемъ панскаго гнета и наглости ксепдзовъ-іезуитовъ, но отъ Ганджи Богданъ не получалъ за все время никакихъ извѣстій, и это, по ихъ уговору, значило, что дома все обстоитъ благополучно, а потому и личныя дѣла Богдана не давали повода къ тревогѣ.

Морозенка встрѣтилъ Богданъ и задержалъ разспросами про Грабину; извѣстiе о несчастiи съ нимъ страшно взволновало атамана: онъ недавно сошелся съ этимъ горемыкой Грабиною, и таинственная судьба его, о которой намекалъ новый прiятель, и интриговала Хмельницкаго, и влекла къ нему его сердце... Да и вообще Грабина былъ отважный славный козакъ. Когда Морозенко, успокоивъ своего батька и порывшись въ дѣдовскомъ „кошѣ“, нашель, наконецъ, эту знахарскую аптеку въ торбинкѣ, то компанiя уже подходила къ знаменитому кабаку на Преспчьи и требовала у жида въ большомъ количествѣ всякихъ напитковъ: теперь уже шумѣла цѣлая толпа, такъ какъ приглашенъ былъ къ выпивкѣ всякій встрѣчный. Героемъ дня, конечно, былъ Сычъ: онъ не только выказалъ чудовищную силу, но и спасъ добраго товарища отъ неминуемой смерти; всѣ за него пили заздравицы, обнимались съ нимъ и братались. Олекса присоединился къ честной компанiи, — его страшно интриговалъ Сычъ; послѣ долгихъ усилiй ему удалось таки пробраться впередъ.

Взглянулъ, наконецъ, въ первый разъ на него пристально Сычъ и оторопѣлъ; глаза у него заискрились радостью, и онъ, разведя руки, бросился къ хлопцу и прижалъ его къ своей мощной груди:

— Ахметка! Ахметка! Любый, голубъ мой! Чадо мое!

— Дьякъ! Звонарь! — обнималъ и цѣловалъ Сыча хлопецъ. — Такъ вотъ гдѣ вы? А я „слушаю“: Сычъ да Сычъ... и въ толькѣ ничего не возьму: голосъ какъ будто вашъ, а обличье не то...

— А! безъ браны и „куделицы“? Что-же, и такъ важно! За то вонъ какой „оселедецъ“!

— Расчудесно!... Только признать трудно.. а тѣмъ паче... — порывисто говорилъ хлопецъ, глядя съ восторгомъ на Сыча, — что тамъ всѣ увѣрены, что дьяка замучили за „дзвонъ“ лахи.

— Чортоваго батька! Не щевати имъ! Я сейчасъ же сюда и посунулъ... и Сычомъ сталъ...

— Да какъ же я не встрѣчалъ дядька? Мы здѣсь всю зиму.

— Хе, чадо мое! Я „заразъ же“ отправился съ добрыми товарищами на веселое погуляныце... Навѣстили и татарву, и лахву, побывали и въ каторжной Каффѣ... даже освободили кое-кого изъ бусурманской неволи, — указалъ онъ на одного, обросшаго бородой, блѣднаго, изможденнаго козака.

— Что Сычъ? Нашель родича? — обратилось къ нему нѣсколько бритыхъ головъ.

— Кого? Олексу Морозенка? Славный хлопецъ! Удалой будетъ козакъ! — одобрили другiе.

— Такъ ты уже Морозенкомъ сталъ? — спросилъ Сычъ.

— Мороженный, мороженный! — захохотало нѣсколько голосовъ.

— Ну, значить, за батька и за сына теперь выпьемъ! — загалдѣли ближайшіе. — Гей, шинварь, лей „ововытой“!

— Да онъ и чадо мое, и не чадо, — началъ было Сычъ.

— А развѣ не радостно такого за отца имѣть? — съ восторгомъ вскрикнулъ Олекса, и глаза его загорѣлись какимъ-то загадочнымъ счастьемъ. — Такъ пусть такъ и будетъ — тато.

— Аминь, чадо мое! — провозгласилъ Сычъ. — Значить, „ликуй и веселися, Сіоне!“ — и, обнявъ своего нареченнаго сына, онъ осушилъ сразу кучоль съ поль-кварты.

Олексу тоже заставили выпить.

Когда компанія отхлынула и окружила подошедшаго къ Грабинѣ Богдана, то Сычъ, отведя въ сторону хлопца, спросилъ у него дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ:

— А Оксана моя... что съ ней?

— Не бойтесь, тату, — вспыхнулъ и покраснѣлъ почему-то до ушей хлопецъ, — она въ надежныхъ рукахъ: Ганна Золотаренкова взяла ее въ Субботово... Оксанка теперь у батька Богдана.

— Господи! Милость Твоя на насъ! — произнесъ разстроганный Сычъ и утеръ кулакомъ набѣжавшую на рѣсницу слезу.

А блѣдный „невольникъ“ — козакъ рассказывалъ, между прочимъ, окружившимъ его товарищамъ, какъ ему удалось бѣжать изъ татарской неволи:

— Эхъ, доняла, братцы, эта неволя! Да не такъ неволя, не такъ каторжный трудъ, не такъ цѣпи и голодъ, какъ одолѣла, мои дружи, тоска по краю родномъ, по дорогомъ „товариствѣ“, да по церквямъ Божьимъ... Ужъ и тоска-же, тоска! Сердце точить, крушить, словно ржавчина сталь... И поднялъ-бы на себя руки, такъ проклятыя природы и затѣмъ зорко слѣдятъ... Ну, вотъ насъ гоняли на работу къ какому-то пашѣ, а тамъ у него во дворѣ жила старая цыганка...

Грабина въ это время стоялъ возлѣ Богдана, слушалъ отъ Небабы рассказъ про свое спасеніе и весело чокался съ пріятелемъ кружкой. Вдругъ до его слуха долетѣло слово „старая цыганка“ и точно электрическимъ токомъ ударило по вѣснмъ нервамъ: что-то вздрогнуло у него болью въ груди, всколыхнуло мучительно сердце и бросилось кровью въ лице... онъ попросилъ Богдана подвести его ближе и началъ прислушиваться къ рассказу невольника.

— Глаза, знаете, у нея черные, какъ уголь, — продолжалъ рассказчикъ, — носъ горбатый, а лицо и не разберешь... Вотъ ужъ и не знаю, почему, братцы, чи она заприжѣтила, что я норовлю въ рѣку броситься, чи она, можетъ, что и другое на думкѣ имѣла,

только подходит ко мнѣ и говоритъ: „Не ищи смерти, козаче: я знаю, что тебѣ здѣсь не сладко... сама испытала—чуть не замерзла въ степи... такъ я тебя „вызволю“: я у этого паши въ большой чести... моя всякъ слушаетъ“. Какъ услыхалъ я, братцы родные, это слово, такъ такую радостью выиграла душа моя, что вотъ... стыдно сознаться, а зарыдалъ, какъ дитя малое, какъ баба, и кинулся въ ноги...

Но Грабина уже больше не слушалъ: онъ измѣнился въ лицѣ и стремительно хотѣлъ было броситься къ разскащику, но ноги у него подкосились, силы измѣнили... и онъ бы навѣрное грохнулся о-земь, если-бъ не подхватилъ его Богданъ.

— Что съ тобой, друже?—Вишь, поблѣднѣлъ какъ, что „крейда“...—затревожился онъ, поддерживая Грабину.—Гей, кто тамъ? Воды скорѣй дайте! Да пойдѣмъ въ мой куринь... Отдохни!

— Проведи... Не въ моготу... Что-то подкатило подъ сердце... вотъ словно огнемъ осыпало—шепталь отрывочно Грабина, глотая воду изъ черпака...

— Что мудренаго!—Изъ такой „олийницы“ вытащили, что ну!..—улыбался любовно Богданъ, ведя подъ руку своего новаго побратима,—немудрено, что и огневица можетъ приключиться „макухѣ“...

Богданъ уложилъ Грабину на своемъ „топчанѣ“ и прикрылъ кереей, такъ какъ начиналъ проникать его лихорадочный ознобъ.

— Когда ты отправляешься, Богдане?—спросилъ Грабина его дрожащимъ голосомъ, постукивая зубами.

— Да вотъ дня черезъ два думалъ, послѣ кошевого...—отвѣтилъ Богданъ, устремивъ на больного тревожный, сочувственный взглядъ.

— Развѣ вмѣстѣ нельзя... чтобъ раньше?

— Хотѣлось-бы и мнѣ... да вотъ двѣ „чайки“ задержать... Хотя положимъ и безъ нихъ обойтись свободно...

— Еще бы! У насъ „чаекъ“ съ пятнадцать есть здоровыхъ, что байдары... а куда думаетъ?. Въ Кафу вѣдь завернете?

— На врядъ... не по пути... да какъ-то и не приходится...

— На Матерь Божью! На Святого Бога!.. На всѣ Силы небесныя молю тебя...—приподнялся судорожно Грабина и прицалъ горячимъ лицомъ къ Богдану на грудь:—Молю тебя, не пропусти Кафы... въ первую заверни...

— Да что тебѣ въ ней? Успокойся... Сосни!

— Слушай, мой друже... Вотъ меня разбираетъ огневица... Катъ его знаетъ, куда она меня выкинетъ... Такъ вотъ тебѣ я до-вѣряюсь... Я вѣдь, знаешь, изъ знатной шляхты... обо всемъ я

тебѣ... послѣ подробно... а у меня есть дочь... ангелъ небесный... каштаповые, курчавые волосы... шолкѣ—не волосы... синіе, какѣ волошки, глазки... личико... охъ, мой голубе, мой брате,—вѣтъ такой другой доньки на свѣтѣ!

— Вотъ что, друже!.. изумился Богданъ, тронутый до глубины души признаніемъ своего побратима,—а ты мнѣ про своего ангела и не говорилъ ни разу...—и у Богдана промелькнулъ безсознательно молніей въ головѣ когда-то имъ видѣнный сонъ,—такъ гдѣ-же она?

— Не знаю, не знаю... пропала безъ слѣда... съ цыганкой... Вездѣ искалъ,—ни слуху, ни духу... а вотъ сейчасъ невольникъ изъ Кафы сказалъ, что его спасла цыганка... и цыганка точь въ точь такая, какъ моя... Я сердцемъ чую... я увѣренъ, что и моя Марылька тамъ...

— Тамъ, въ Кафѣ?

— Тамъ, тамъ... Она еще почти дитя... лѣтъ четырнадцати, пятнадцати... но ее вѣрно продали... О, ради всего святого,—не мни Кафы... ради спасенія души...

— Ну, успокойся-жъ,—обнялъ Грабину Богданъ,—даю тебѣ козацкое слово, вмѣстѣ съ кошевымъ „вырушить“ и тамъ уже устроить, какъ и что... однимъ словомъ „вызволимъ“... а ты постарайся уснуть, да набраться силы, чтобъ не остаться здѣсь...

— Засну, засну,—радостно, по дѣтски улыбнулся Грабина,—одно твое слово меня на свѣтъ подняло... и онъ закрылся „вереей“...

XV.

Торжественно звучить колоколь въ запорожской церкви, стоящей на главной площади. Плавные звуки медленныхъ ударовъ дрожать, откликаются эхомъ въ лугахъ и таютъ въ прозрачной синевѣ загорѣвшагося радостнымъ сіяніемъ утра. Въ небольшой деревянной о семи куполахъ церкви стоитъ войсковая главная старшина и дѣды, а на погостѣ вокругъ и на обширной площади никого не видно. Въ разноцвѣтныхъ узкія окна врываются въ церковь снопы яркихъ лучей и свѣтлыми, радужными столбами стоятъ въ волнахъ сизаго дыма. Передъ мѣстными иконами горятъ въ высокихъ ставникахъ толстыя, зеленыя свѣчи, окруженны сотней маленькихъ, желтыхъ; огни ихъ, при блескѣ яркаго утра, кажутся красными удлинненными искрами, плавающими въ дымкѣ ладона и дробящимися на серебрѣ и золотѣ дорогихъ ризъ.

Загорьлыя, мужественныя лица молящихся обращены къ лицамъ святыхъ; въ серьезно́мъ, сосредото́ченномъ выраженіи устремленныхъ къ небу очей свѣтится теплое, благоговѣйное чувство. Разныхъ тѣной „осоле́дцы“ и подбритыя кружкомъ „чуприны“, отъ серебристыхъ до черныхъ, склоняются низко, освѣняясь широкими, медлительными крестами. Впереди передъ царскими вратами стоитъ недавно выбранный кошевой запорожскаго войска Грыцько Пивтора-Кожуха; голова его съ дерзкой-отважнымъ выраженіемъ лица, смягченнымъ немного пылающей краснотой носа, кажется, сравнительно съ коренастымъ туловищемъ, небольшой и чрезъ-чуръ низко посаженной на широкихъ плечахъ. Справа рядомъ съ нимъ стоитъ наказной атаманъ Богданъ; и ростомъ, и стройной фигурой, и благородствомъ осанки онъ выглядитъ при своемъ сосѣдѣ богатыремъ-паномъ; глаза его отъ умиленія влажны и свѣтятся тоскливой мольбой. За Богданомъ стоитъ еще наказной атаманъ, почтенный Небаба; за Небабою—среброволосый старецъ Нетудыхата, а за нимъ отважный, молодой еще и черный, какъ смоль, съ огненными глазами, Сулима. Налѣво отъ кошевого стоитъ нашъ старый знакомый Кривоносъ; его искалѣченное лицо, озаренное теплымъ свѣтомъ огня, не отражаетъ теперь диваго ужаса злобы, и умиляется надеждой и радостью; за Кривоносомъ свѣтлоусый красавецъ Чарнота, съ безпечною удалюю во взглядѣ, стоитъ словно женихъ подъ вѣнцомъ, а за нимъ молодой еще, но не по лѣтамъ угрюмый козакъ Лобода. За старшиною развѣстились во второмъ ряду знаменосцы со знаменами и значками, а за ними уже начальники отдѣльныхъ частей.

Блещающій дорогимъ облаченіемъ священникъ выносить Евангеліе въ тяжеломъ, украшенномъ самоцвѣтами переплетѣ и, раскрывъ его, кладетъ на ближайшія склоненныя головы. Тихо, но выразительно и отчетливо раздастся слово Божіе подъ сводами храма, проникаетъ въ закаленные въ битвахъ сердца и наклоняетъ все ниже долу чубатыя головы. Когда же, поднявши голосъ, закончилъ чтеніе служащій пресвитеръ вѣчными словами Спасителя: „Больше сея любви никто же имать, аще душу положить за други своя“,—то все козачество, какъ одинъ, поверглось ницъ передъ престоломъ Бога любви и запымѣло въ безмолвной молитвѣ.

На набережной не было видно теперь и слѣда суеты и недавняго безпорядка. Все было прибрано къ мѣсту, а посрединѣ широкаго побережья была даже выстрогана и посыпана пескомъ квадратная площадка, на которой стоялъ, накрытый бѣлою, вышитою сватертью сголь; на немъ искрилась фигурчатая серебряная ваза, а по бокамъ ея стояли съ восковыми свѣчами массивныя позолоченныя шандалы. У самой пристани на легкой волнѣ качались привязанныя

въ рядъ пятьдесятъ „чаекъ“; онѣ были выкрашены, или, лучше сказать, вымазаны какою то смѣсью изъ смолы съ „блейвасомъ“, отчего и отбивали изъ синясѣроватымъ цвѣтомъ, подходящимъ къ тонамъ воды; только новыя весла и тростниковыя крылья у „чаекъ“ блистали золотистымъ отливомъ.

На каждой „чайкѣ“ сидѣли уже у весель гребцы и стояли на мѣстахъ рулевые, на короткихъ мачтахъ бѣлѣли сложенные откидные паруса, а на большихъ ладьяхъ блестяли утвержденныя на носу небольшія фальконетныя пушки.

По тремъ сторонамъ площадки выстроены были три отряда запорожскихъ войскъ. Меньшій изъ нихъ, обращенный фронтомъ къ Днѣпру, стоялъ въ глубинѣ; налѣво перпендикулярно къ нему стоялъ удлинненнымъ четырехъ-угольникомъ, касавшимся даже Днѣпра, трехъ-тысячный полкъ, вооруженный мушкетами, саблями, бердышами, а направо, параллельно послѣдному, тянулись густыя массы головъ, покрытыхъ бараньими шапками съ выпущенными алыми верхами, съ лѣсомъ торчащихъ надъ ними мушкетовъ и коши; за этими массами виднѣлись вдали привязанные къ походнымъ „мажамъ“ цѣлыя табуны осѣдланыхъ коней. Послѣдній, наибольшій отрядъ казался и наиболѣе наряднымъ; между темными цвѣтами нестрѣло много яркихъ красокъ „кунтушей“ и жупановъ; на второмъ же, предназначенномъ къ морскому походу, преобладали сѣрые тона свитовъ, а третій, остающійся дома, былъ одѣтъ въ будничную простую одежду и кромѣ сабель, съ которыми не разстается козакъ, не имѣлъ больше никакого вооруженія.

Тихій, сдержанный говоръ тысячеголовой толпы, словно гулъ колоссальнаго роя пчель, стоялъ въ мягкомъ воздухѣ, напоенномъ весенней душистой влагой; но въ этомъ говорѣ не прорывалось ни брани, ни шутокъ, а слышались лишь дѣловыя вопросы или отрывочныя, послѣднія распоряженія.

Морозенко хлопоталъ на атаманской „чайкѣ“ и суетливо спѣшилъ окончить упаковку припасовъ и необходимыхъ вещей при походѣ. Осмотрѣвъ отдѣленіе боевыхъ запасовъ, обитое тщательно войлокомъ и толстою жестью, въ которомъ сложены были боченки съ порохомъ, мѣшки съ пулями и небольшія ядра, провѣривъ и въ отдѣленіи харчей обвязанные паклей большіе боченки съ прѣсною водой, Олекса перелѣзъ узкимъ простѣвкомъ между этими чуланчиками въ самый носъ „чайки“, гдѣ подъ „чердакомъ“ (особая приподнятая палуба) устроена была для батька наказнаго атамана каюта; помѣщеніе было крохотное, низкое, узкое, съ однимъ небольшимъ окошечкомъ въ самомъ остромъ углу.

Олекса притащилъ сюда еще раньше нѣсколько мѣшковъ, набитыхъ пескомъ, что держались для баласта на „чайкахъ“, и теперь, сложивъ ихъ къ стѣнкѣ, устлалъ „кереями“ и покрылъ сверху мягкимъ турецкимъ ковромъ; при этой импровизированной канатѣ прибилъ онъ къ полу какой-то обрубокъ пня, что долженъ былъ замѣнить столъ, вколотилъ нѣсколько гвоздей въ стѣну, на которыхъ развѣшалъ запасное оружіе и одежду, да оставилъ на полку необходимую утварь; потомъ, оставшись доволенъ устроеннымъ помѣщеніемъ, отправился еще въ противоположный носъ „чайки“, сосчитать сложенное тамъ холодное оружіе: толстые съ желѣзными массивными наконечниками багры, тяжелые бердни, короткія копья, запасныя ятаганы, абордажныя кручья и веревочныя съ цѣпками кошьями лапами лѣстницы.

Когда Морозенко осматривалъ оружіе и мѣдную пушку, хорошо ли она прикрѣплена и устлана, то его вниманіе привлекла небольшая группа козаковъ, собравшихся прямо противъ „чайки“; въ группѣ шель оживленный не то разговоръ, не то споръ, который при общемъ молчаніи казался даже очень шумнымъ. Прислушался Олекса и узналъ знакомый голосъ придавленнаго на-дняхъ ясенемъ козака Грабина; заинтересовавшись, въ чемъ дѣло, хлопецъ выскочилъ изъ „чайки“ и примкнулъ къ увеличивающейся толпѣ.

Грабина, поддерживаемый подъ руки, съ забинтованными, искалѣченными ногами, умолялъ козаковъ, чтобы его взяли на какую-либо „чайку“, что онъ не останется дома бездѣльничать, въ то время, когда честное „товариство“ будетъ проливать за вѣру и за родину кровь.

— Примите, братцы, меня,—клянялся онъ непокрытымъ челомъ и почти со слезами просилъ:—чѣмъ же я виноватъ, что мнѣ клятое дерево ноги отшибло? Вѣдь бревно на то и зовется бревномъ, что по глузости не можетъ понять, какъ козаку ноги нужны. Видно, ужъ на то было поущеніе Божіе! Такъ за что же мнѣ, братцы, двѣ кары?

— Конечно, съ вола двухъ шкуръ не дерутъ,—замѣтилъ сочувственно одинъ изъ слушателей.

— Такъ то оно, такъ,—вставилъ другой,—а може Богъ нарочито ему ноги перебилъ, чтобы не фхаль на море?

— Съ чего бъ же это пришло Богу въ голову не пускать козака бить бусурмановъ?—возразилъ третій.

Толпа одобрительно загудѣла.

— Именно,—обрадовался аргументу Грабина,—забраковали меня Кривоносъ и Пивтора-Кожуха... ну, положимъ, что на конѣ, въ сѣдлѣ, съ такими бревнами трудно, ужъ какъ это не обидно,

а правду въ мѣшкѣ, какъ шила не утаишь; но въ „чайкѣ“, любне дружи, совсѣмъ мнѣ свободно—и „штурпаки“ эти протанутъ есть гдѣ, и вывернуться даже можно, какъ свинѣ на перинѣ.

— Что и толковать, — замѣтилъ первый, — въ „чайкѣ“, какъ въ зыбкѣ, лежи себѣ, „люльку“ покуривай, а волна только качаетъ да баюкаетъ, что твоя мать.

— Ну, вотъ, вотъ! — подхватилъ восторженно Грабина, — именно, какъ родная мать! Возьмите меня, братцы, съ собою!... Тяжко у меня на душѣ... Тянетъ меня... вотъ жизнь-бы отдалъ эту „зѣразъ“, чтобъ побывать въ тѣхъ городахъ, гдѣ наши невольники... несчастные... Въ общемъ трудѣ, за общее дѣло, за святое, братцы... и душѣ-то и сердцу легче станеть; какой-бы камень ни былъ наваленъ на нихъ, а и они отъ радости словно поднимаются вверхъ... А я вамъ все таки стану въ помощь, чѣмъ смогу, на гребкѣ сидѣть буду, сторожемъ хочъ въ „чайкѣ“ останусь, когда „товариство“ будетъ гулять... душою издали буду дѣлать вашу славу... Возьмите братцы, меня, съ собою!

— Взять, конечно, взять! — загалдѣли одни.

— Конечно, онъ славный козакъ, добрый товарищъ! — подгвердили другіе. — Полгода, какъ съ нами, а лыцаремъ поди кажимъ сталъ!

— Вѣрно, — согласился болѣе пожилой запорожець, — только по моему, все таки нужно сказать наказному, такъ водится... А то, безъ его воли, какъ будто не того, тѣмъ болѣе, что я самъ слыхаль, какъ онъ говорилъ, что Грабину нужно оставить на попеченіе Небабы, и тотъ тоже... что-то про ноги сумнительно.

— Да это онъ изъ ласки, изъ жалости ко мнѣ, братцы, — заволновался Грабина, видя, что послѣднее замѣчаніе можетъ повредить въ его дѣлѣ, — вотъ, чтобы я отлежался, какъ баба, пока не залѣчатся эти клятыя ноги! Панове товариство! Да развѣ-жъ пристало козаку обращать вниманіе на такую рану? Да нешто я баба? Не знаю, чѣмъ я заслужилъ такую обиду!

— Нѣтъ, ты не баба! Это брехня! Зачѣмъ „зневажать“ козака? — загудѣла толпа.

— Такъ и возьмите меня, братцы, припрячьте, — взмолился, наконецъ, Грабина, — пока выйдемъ въ море, а тамъ ужъ пусть батько меня хотъ утопить велить, не поперечу и словомъ!

— Иди, Грабина, въ нашу атаманскую „чайку“, — сказалъ рѣшительно Олекса, — тамъ я тебя спрячу въ каютѣ, и концы въ воду.

— Молодецъ Морозенко! Любо! — крикнули весело козаки кругомъ, а Грабина со слезами на глазахъ бросился и обнялъ Олексу.

Тотъ съ помощью еще одного козака бережно свелъ его на „чайву“ и уложилъ на устроенной канапѣ, прикрывъ еще на всякій случай кереей.

Вдругъ раздались частые удары большого колокола, а за ними зазвенѣлъ въ воздухѣ радостный перезвонъ и заставилъ правильнѣе сомкнуться козацкіе ряды. Говоръ сразу утихъ, и въ наступившей, величественной тишинѣ послышалось со стороны „майдана“ стройное пѣніе святого псалма: „Помощникъ и Покровитель бысть мнѣ во спасеніе“. Вскорѣ показалась на отлогомъ берегу и торжественная процессія. Впереди козаки несли большіе кресты и хоругви, за ними слѣдоваль главный „хорунжій“, держа въ рукѣ запорожское знамя, малиновый пологъ котораго, украшенный золотой бахромой и кистями, тихо развѣвался на древкѣ; за нимъ несли „бунчуки“—на длинныхъ „ратицахъ“ прикрѣпленные вверху подъ золотымъ яблокомъ бѣнскія гривы; за бунчуками слѣдовали еще прапоры и значки; далѣе шель клиръ; за клиромъ непосредственно кошевой и наказной атаманы несли двѣ большія иконы, а за ними уже шествовалъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ священникъ отецъ Михаилъ; шествіе замыкала запорожская старшина.

Процессія прошла между „лавами“ запорожскаго войска и остановилась посредиѣ на выстроганной площадкѣ. Началось водосвятіе и напутственный молебенъ. Благоговѣнно, съ обнаженными „чупринами“, широко крестясь, слушали молитвословіе и пѣніе запорожцы. Закаленные въ бояхъ ихъ сердца умилялись теперь и водушевлялись глубокой вѣрой въ святость предстоящаго подвига; души ихъ проникались поэтическимъ восторгомъ, что они несутъ головы за святую вѣру, обнажаютъ мечъ на гонителей благочестія. Когда клиръ запѣлъ: „Взбранной Воеводѣ побѣдительная“, то десять тысячъ голосовъ подхватило эту пѣснь Богородицѣ, а съ батарей загрохотали орудія. Могучій, величественный хоръ, аккомпанируемый грохотомъ орудій, всколыхнулъ потрясающе воздухъ, и понеслись колоссальные звуки во все стороны, и откликнулись на нихъ и луга, и „гай“, и далевія скалы пороговъ. Тогда отецъ Михаилъ началъ обходить ряды войскъ и кропить ихъ святою водою, а за ними и флотилію „чаокъ“; въ заключеніе онъ окропилъ знамена и всю старшину, подходившую поочередно къ кресту; а клиръ въ это время пѣлъ: „Тебѣ Бога хвалимъ, Тебѣ Господа исповѣдуемъ!“ И трубили мѣдныя трубы хвалу, и гудѣли стономъ котлы между взрывами артиллерійскихъ громовъ.

Кончилось служеніе; разоблачился священникъ; все атаманы разиѣстились у своихъ частей; знамена заняли свои мѣста. Вышелъ

кошевой Пивтора-Кожуха, и поклонившись на всѣ четыре стороны, сказалъ зычнымъ голосомъ.

— Панове „товариство“, славные рыцари, козаки-запорожцы! Вчера мы передъ походомъ бенъкетовали и пили за здравье другъ друга и за нашу несчастную, разоренную Украину, и за униженную врагами благочестную вѣру; сегодня же, послѣ службы святой и нашей молитвы, наступило строгое, походное время, время воздержанія и поста, а потому бражничать уже будетъ: обнимитесь на прощаніе, — Господь единый вѣдаетъ, встрѣтитесь-ли снова другъ съ другомъ?..

Торжественно и чинно двинулись другъ къ другу стоявшія по бокамъ „лавы“; строй, обнявшись со строемъ, проникалъ къ слѣдующему, пока не переимѣстились два войска въ различныя стороны; тогда третья часть, остающаяся въ Запорожьѣ, выстроенная въ глубинѣ, фронтомъ къ Днѣпру, подошла по очереди къ походнымъ войскамъ и, продефилировавъ, возвратилась на прежнее мѣсто. Во время этихъ эволюцій, сошедшіе вожди — Пивтора-Кожуха, Хмельницкій и остающійся въ Сѣчи съ частью козаковъ наказной атаманъ Небаба держали послѣднюю „раду“.

— Когда же васъ ждать со славнымъ „товариствомъ“ назадъ, мои друзи? — спрашивалъ Небаба.

— Моя задача, — отвѣтилъ Богданъ, — налетѣть молніей на тотъ или другой побережный городъ турецкій, раскурить съ ихъ полями „люльку“, поживиться добромъ, освободить плѣнныхъ невольниковъ и, не давши очнуться басурманамъ, возвратиться мигомъ домой. Такъ если Господь намъ поможетъ въ святомъ дѣлѣ и „пофортунить“ доля, то я надѣюсь за три недѣли управиться и быть тутъ.

— Добре, — одобрилъ наклоненіемъ головы сивоусый Небаба.

— А куда рѣшилъ, брате, ударить? — полюбопытствовалъ кошевой.

— Да думка побывать въ гостяхъ въ Трапезонтъ, — давно не были тамъ, — отвѣтилъ Богданъ, — по дорогѣ конечно, „ношарпать“ встрѣчныя галеры, да завернуть еще, назадъ, либо туда вѣдучи, — загнулся онъ, и вспыхнулъ невольно, — и въ Кафу: тамъ вѣдь нашихъ невольниковъ сила!

— Что сила, то правда! Только стой, брате! — почесалъ затылокъ Пивтора-Кожуха. — Какъ же это выйдетъ? Я иду къ татарамъ на „згону“, какъ союзникъ, а ты будешь разорять ихъ, какъ врагъ?

— Да, — покачалъ головою Небаба, — оно выходитъ съ одной стороны добре, а съ другой какъ будто и не гораздъ.

— Успокойтесь, товарищи, — усмѣхнулся Богданъ, овладѣвъ собою, — нападуть на Кафу я и не думаю, самъ вѣдь политику

понимаю, а пошлю „чайки“ двѣ-три въ сумерки въ набережной, гдѣ работаютъ въ цѣняхъ наши братья, выхвачу, сколько удастся, невольниковъ, да и гайда въ море назадъ: тутъ не будетъ ни грабежа, ни обиды, а просто выйдетъ частная удалъ либо родичей, либо друзей.

— Да, такъ хорошо! — мотнулъ кошевой шапкой.

— Такъ совсѣмъ добре! — усмѣхнулся Небаба.

— А я, братцы, не знаю заранѣе, гдѣ и очутиться смогу и когда принесетъ Богъ назадъ, — разсуждалъ кошевой, — отправляюсь на Буджацкія степи къ Варай-Бегю, а оттуда куда двинемся — неизвѣстно; если вотъ удастся и твоего пріятеля, пане Богдане, Перекопскаго бегя уговорить, то „рушимъ“ на Каменецъ, а если нѣтъ, то „посмычемъ“¹⁾ соеѣднихъ магнатовъ, поглядимъ ксендзовъ и жидовъ, погуляемъ въ панскихъ маестностяхъ и добро въ концѣ концовъ напьемся горилки, — заключилъ кошевой.

— Прійми въ резонъ, пане-кошевой, вотъ что, — закуривая люльку, говорилъ Небаба, — вѣдь насъ тутъ на Запорожьѣ остается одна только горсть; если прибудетъ даже сюда сотня, другая бѣглецовъ отъ панской ласки, то вѣдь, самъ здоровъ, знаешь, что этотъ народъ, пока не окурится добре пороховымъ дымомъ, мало надеженъ... А тутъ, того и гляди, по половодью черезъ пороги нагрѣнетъ либо собака Потоцкій, либо Іеремія... Вѣдь обѣщались навѣстити, такъ мнѣ самому съ горстью, — хотя, спасибо Хмелю, и важно обсажена валами да „гарматами“ Сѣчь, — какъ-то будетъ несподручно.

— Не безпокойся! — сплюнулъ въ сторону кошевой, насунувши шапку, — тпфу! Какъ горилка запахла!.. Слушай, у меня разставлена сторожа до самаго Кодака; сразу, коли что замѣтятъ войска, зажгутъ другъ за другомъ вѣхи и намъ будетъ здѣсь того-же дня извѣстно про ворога; а отсюда я разставлю такимъ-же порядкомъ сторожу вплоть до Буджака. Въ Кодакѣ нѣтъ готовыхъ „байдарь“ или „дубовъ“, способныхъ переправить черезъ пороги войска, такъ прежде, чѣмъ вздумаютъ ляхи что-либо, хотя бы плоты снарядить, — я со всѣми силами буду дома.

— Оно-то „гораздъ“ — затынулся дымомъ Небаба, притаптывая пальцемъ золу и подавая кусокъ зажженного трута Богдану, набившему себѣ тоже походную люльку, — коли тебя, батьку, застанутъ еще въ Буджакѣ, а коли ты уйдешь отсюда, такъ тогда и ищи вѣтра въ полѣ!

¹⁾ Подергаемъ.

— Что-жь бы я запыль, что-ли, въ походѣ, чтобъ выгнулъ такую штуку?—обидѣлся даже Пивтора-Кожуха.—Я стоять буду въ Буджакѣ и съ мѣста не тронусь до тѣхъ поръ, пока Богданъ не вернется назадъ къ вамъ съ похода; а съ его силами, да съ твоими можно отстоять Запорожье не то что отъ Потоцкаго, а и отъ куцаго чорта!

— А коли такъ, то разчудесно, совсѣмъ таки „добре“,— обрадовался Нобаба. Однако уже солнце „подбилось“ высоко, грѣеть... и козаки твои, пане-кошевой, садятся на коней. Ну, обнимемся-жь, друзи, и дай Богъ каждому удачи и славы, и счастливаго поворота въ родное гнѣздо!

Всѣ обнялись, подошли еще разъ подъ благословеніе отца Михаила и возвратились къ своимъ частямъ войска.

Богданъ подошелъ къ своей части и увидѣлъ стоящаго въ его рядахъ дида Нетудыхату.

— Диду!—удивился онъ.—И вы съ нами?

— А что-же, сынку, съ вами, съ вами—улыбнулся онъ, прищуривъ слезящіеся съ красными вѣками глаза.—Еще подъ твоей рукой послужить хочу, расправить старья кости, да и по морю соскучился, стосковался... Вѣдь мы съ нимъ жили, какъ рыба съ водой, а сколько лѣтъ, такъ и начала не увидишь за далью.

— Правда, диду, знаетъ васъ море, да и вы его „добре“ знаете,—промолвилъ теплымъ голосомъ наказной,—только не вамъ быть у меня подъ рукой, а мнѣ у васъ уму-разуму набираться, вотъ поэтому-то я васъ и прошу помѣститься на моей „чайкѣ“: мнѣ больше чести, а вамъ больше покою.

— Спасибо тебѣ, сыне-атамане, за ласку,—тронулся предложеніемъ дѣдъ.—Сяду, сяду, а то я хотѣлъ было къ Сулимѣ, тоже просилъ... И по правдѣ сказать, тому нужно въ товарищи болѣе спокойную голову, а то вѣдь самъ молодъ, сердце какъ молнія, голова, какъ огонь! Вспыхнетъ, что порохъ, а ужъ какъ загорѣлся,—лѣзетъ зря хоть и въ самое пекло!

— Къ нему посадите Зачхайноса, онъ почтенный и опытный рыцарь, и съ моремъ бороться умѣетъ... да и его десятокъ будетъ первый за нами.. А вы, диду, таки ко мнѣ, милости просимъ!—ласково улыбнулся Богданъ.

— Добре, добре!—кивалъ головою дѣдъ.—Мнѣ какіе сборы? Весь тутъ!

Между тѣмъ войско Пивтора-Кожуха было уже все на коняхъ, и они нетерпѣливо мотали то же чубатыми головами и били конытами землю. Богданъ сталъ во главѣ своего отряда и снялъ шапку:

— Панове-товариство, славные лшцари, друзи мои! Вы почтили меня лучшей честью, какая достается человеку, почтили меня высокимъ довѣремъ своимъ, подчинивъ себя на время похода моимъ распоряженіямъ, моей волѣ,—за это еще вамъ приношу сердечное, „широе“ спасибо и торжественно кланусь, что хранить буду это довѣріе, какъ зѣницу ока, и если будетъ Господня воля на то, направлю всѣ силы мои, всѣ желанія, чтобы оправдать передъ вами, товарищи, это довѣріе, чтобы вырвать съ вами у фортуны побольше побѣды и славы... А развѣ этого трудно достичь съ такими удалцами-лшцарями, какихъ не было и вѣтъ на бѣломъ свѣтѣ!

— Добре говорить, — пронеслось сдержанно по переднимъ рядамъ.

— Какъ горохомъ золотымъ сыплетъ! — откликнулось въ заднихъ.

— Не удивимъ мы другъ друга,—воодушевлялся Богданъ, и голосъ его звенѣлъ, словно колоколь,—если со смѣхомъ и пѣсней бросимся въ зубы хоть самому чорту, если для святого дѣла не побѣдимъ никого и ничего въ мѣрѣ, если для „товариства“ откажемся отъ всякой утѣхи, если для друга вырвемъ своими-жъ руками изъ груди свое сердце, потому что со смертью мы побратались давно, жизнь свою цѣнимъ не дороже корца горилки, а „товариство“ такъ любимъ, какъ ни одна волчица своихъ волчатъ.

— Эхъ, важно!—не удержался Нетудыхата, и одобрителный гулъ пронесся по всѣмъ рядамъ.

— Такъ вотъ что,—продолжалъ Богданъ.— Не къ храбрости вашей веду я теперь рѣчь, а къ напряженію особеннаго вниманія въ этомъ важномъ и для насъ, и для всей Украйны походѣ: не на погулянье идемъ, не на боевую потѣху, а на совершеніе великой услуги нашему королю, за которую онъ и насъ, и все козачество, и псполство наградить вольностями и защитить отъ коршуновъ лшскихъ. Этотъ походъ можетъ вызвать войну, а война „наддастъ“ королю силы, а вмѣстѣ съ нимъ и намъ... Такъ стало быть, друзи, намъ въ походѣ надобно заботиться не о добычѣ, а о томъ, чтобы наиболѣе нанести вреда изувѣрамъ и ужасомъ потрясти берега Анатоли, чтобы онъ докатился до самого Цареграда и разбудилъ-бы на коврахъ падишаха!

— Добре, добре, пане-атамане! — уже крикомъ загремѣли ряды.— Веди насъ куда знаешь, головы положимъ за батька и за святую вѣру!

— Слушайте-жъ моего наказу,—надѣль Богданъ шапку,—каждый „чайковой“ атаманъ долженъ блюсти, чтобъ на чайкѣ былъ строгащій порядокъ, чтобы смѣны гребцовъ шли правильно, чтобы водки или чего-либо хмельнаго не было на чайкѣ ни капли, чтобы плыли по три чайки врядъ, а во главѣ каждыя девяти чаекъ плыла бы чайка „куреннаго“, которому всѣ девять чаекъ да его десятая и подчиняются безусловно; общія распоряженія буду подавать я со своей „чайки“ или выстрѣлами, или черезъ „куренныхъ“ атамановъ. Всѣ „куренные“ атаманы, панове, Сулима, Чарвота, Верныгора и Догорыныка должны осмотрѣть, чтобы на ихъ чайкахъ было достаточное число всякихъ запасовъ и по крайней мѣрѣ хоть по два „пивня“, да чтобы ихъ держали живыми, а не искусили для кулиша рѣзать. Плыть безъ отдыху до Густыхъ Камышей, что за полъ-мили до Очакова; нужно быть тамъ завтра къ вечеру. Бревенъ съ собой не брать: теперь рвать протянутыхъ у Очакова цѣпей не придется, переберемся черезъ косу, влѣво подалее, а бревна только замедлятъ намъ ходъ. Ну, друзи,—окончилъ Богданъ,—занимай всякій на своей „чайкѣ“ мѣста, осмотрите оружіе, боевые припасы, и, предавъ себя волѣ Божьей, помните, что въ нашихъ рукахъ защита святой вѣры и нашей угнетенной Украины. Съ Богомъ же, братья!—перекрестился онъ, и весь его отрядъ, осѣнивъ себя крестошъ, чинно двинулся къ лодкамъ.

Вскорѣ всѣ чайки были наполнены козаками и выстроены въ надлежащій походный порядокъ; верхушки шапокъ алѣли, словно разсыпанный по ладьямъ макъ, а вычищенные дула мушкетовъ сверкали стальною щетиной; приподнятыя надъ водою весла казались свѣтлыми крыльями, готовыми по маповенію унести козаковъ далеко отъ родины.

Грянулъ залпъ орудій съ крѣпостныхъ валовъ Запорожья; а вотъ второй, третій; повторило ихъ эхо въ сотнѣ перекатовъ и смольдо. Раздалась громкая команда вдали, и заколыхались высокія ники въ конныхъ рядахъ, „засурмили“ трубы, забили литавры, и стройныя колонны двинулись въ гору, только земля задрожала подъ стукомъ несмѣтнаго числа крѣпкихъ и широкихъ копытъ.

Богданъ махнулъ шапкой и на его атаманской чайкѣ грянулъ пушечный выстрѣлъ. Взвились паруса; гребцы опустили весла въ свѣтлую воду и, дружно качнувшись, взмахнули ими и замерли на мгновенье, чайка вздрогнула и скользнула на сажень впередъ. Еще взмахъ и еще. Засверкали брызги, алмазами рассыпались по синей волнѣ, и полетѣла чайка, какъ бѣлая, крылатая птица. За ата-

манской двинулись правильной цѣпью другія. Съ далекаго, убу-
гающаго берега замахали на прощанье шапки. На атаманской чайкѣ
раздалась стройная, хоровая пѣсня.

„Гей, не знавъ козаць, не знавъ Сахронь, ять славы зажиги,
Гей, вибравъ військо, військо Запорожське, та й пашовъ турка быти!“

И понесли козаковъ чайки на бури, на грозы, на ревъ разъ-
яренныхъ валовъ, на смѣхъ бѣшеной смерти...

М. Старикій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи чумной эпидеміи въ Кіевѣ 1770—1771 гг.

I.

Распространившаяся въ началѣ 1770 года въ предѣлахъ Турціи и затѣмъ Польши чумная эпидемія быстро проникла сперва въ южные предѣлы Россіи, а потомъ и во внутреннія губерніи. Въ Кіевѣ она появилась въ началѣ сентября того же года, и жертвою ея прежде всего сдѣлалась Подольская часть города, въ то время самая населенная. Съ особенною силою чума свирѣпствовала въ Кіевѣ въ теченіе осеннихъ мѣсяцевъ, и лишь въ январѣ и февралѣ 1771 г., благодаря сильнымъ морозамъ, она сильно ослабѣла. Медицинскихъ средствъ для борьбы съ этою ужасною болѣзнью въ то время не существовало, поэтому главное вниманіе было обращено на мѣры карантинныя, которыя, впрочемъ, приняты были не вполне своевременно, да и населеніе не хотѣло имъ повиноваться. Растерявшіися власти и незначительный контингентъ казенныхъ врачей, за отсутствіемъ правильныхъ больницъ, не знали, кого изолировать: больныхъ ли отъ здоровыхъ, или же наоборотъ. Между прочими, принята была и такая странная мѣра, что если въ какомъ домѣ проявлялась зараза, то лицъ, оставшихся здоровыми, удаляли на одинъ изъ днѣпровскихъ острововъ и держали въ карантинѣ. Конечно, съ наступленіемъ морозовъ эту мѣру по необходимости оставили. Но прежде всего слѣдовало, конечно, позаботиться объ изолированіи больныхъ. Высочайшимъ указомъ, послѣдовавшимъ на имя тогдашняго генераль-губернатора Ѳ. М. Воейкова, было предпи-

сано, если окажется необходимымъ, отводить монастыри подъ лазареты для зараженныхъ чумой¹⁾). И вотъ онъ, въ секретномъ отношеніи отъ 20 сентября, сообщилъ въ Кіевскую Консисторію слѣдующее: „Имѣя неуспынное попеченіе о совершенномъ истребленіи вкравшейся въ нижній городъ Кіевъ Подоль пагубной язвы, я приказать не оставилъ медицинскимъ чинамъ собраться и сдѣлать для прекращенія заразы и облегченія народа согласное, по ихъ искусству, учрежденіе. Помянутые медицинскіе чины мнѣніемъ своимъ, между прочимъ, представляютъ, что если въ которомъ домѣ окажутся заразою больные, то оныхъ немедленно брать въ лазареты, а здоровыхъ изъ тѣхъ домовъ, гдѣ зараженные болѣзнію окажутся, занеимѣніемъ внѣ города свободныхъ домовъ и за невозможностію для холода высылать на островъ, по способности и близости и по хорошему воздуху отправлять въ Кирилловскій монастырь, гдѣ, какъ извѣстно, монаховъ самое малое число, которыхъ на сіе столь нужное время можно выслать въ другіе здѣшніе монастыри, оставя для церковнослуженія и присмотра монастырскихъ припасовъ только нѣкоторое число. Сіе представляемое отъ медицинскихъ чиповъ мнѣніе, признавая для облегченія народа и прекращенія опасной болѣзни необходимо нужнымъ, прошу Консисторію приказать Кирилловскому монастырю немедленное и съ вышеписаннымъ медицинскимъ мнѣніемъ во всемъ сходное учинить исполненіе...“²⁾

Считая генераль-губернаторское требованіе посягательствомъ на монастырскія права собственности, а съ другой стороны предполагая, что Кіево-Кирилловскій архимандритъ представитъ вѣскіе резоны противъ помѣщенія въ монастырѣ зараженныхъ эпидемію, Кіевская Консисторія своимъ указомъ, послѣдовавшимъ 23 числа того же сентября, не предписала архимандриту безотлагательно исполнить прописанное требованіе, а только, упомянувши о немъ, „велѣла обстоятельно и безъ всякаго замедленія довести ей, сколько въ Кирилловскомъ монастырѣ имѣется іеромонаховъ, іеродіаконовъ, монаховъ, послушниковъ, наемныхъ лю-

¹⁾ Архивъ Кіевской Консисторіи, кн. Синод. указовъ за 1770 г.

²⁾ Тамъ же.

дей, жилыхъ келій и чулановъ и сколько въ каждой келии изъ тѣхъ монашествующихъ и послушниковъ жительствоуетъ?“¹⁾

Взглядъ консисторскій на генераль-губернаторское требованіе, безъ сомнѣнія, былъ извѣстенъ Кирилловскому архимандриту, какъ лицу, принадлежавшему къ числу „консистористовъ“, и потому послѣдній согласовалъ свой отвѣтъ на консисторскій указъ съ этимъ взглядомъ. Прописавши, что въ подвѣдомственномъ ему монастырѣ „іеромонаховъ семь, іеродіаконовъ восемь, монаховъ десять, послушниковъ двѣнадцать, наемныхъ людей десять, а келій жилыхъ монашескихъ небольшихъ, и то ветхихъ, раздѣляющихся то на три, то на два чулана, шесть, маленькая капцелярская изба, просфирня, хлѣбня и одна хата для каменщиковъ и плотниковъ и что въ келіяхъ монашествующіе съ трудностію размѣщаются“, архимандритъ Кириллъ совместно съ монастырскою братіею 24 числа того же сентября представилъ на благоусмотрѣніе Консисторіи слѣдующіе резоны: 1) „Если зараженныхъ людей сограждане ихъ не могутъ терпѣть близъ себя въ городѣ, но требуютъ высылки ихъ на островъ за Днѣпръ, то и монахи Кирилловскаго монастыря равное же основаніе имѣютъ опасаться зараженныхъ весьма опасною язвою, которыхъ его превосходительство требуетъ помѣстити въ монастырѣ. Несомнѣнно, что тѣ изъ монаховъ, которые, ради священнослуженія и присмотру монастырскихъ припасовъ, останутся въ монастырѣ, за ту же опасность отъ пагубной заразы, спасая животь свой, разойдутся по безопаснымъ мѣстамъ, да и самому архимандриту въ семь монастырѣ, когда оныя опасныя люди введены будутъ, не можно будетъ оставаться. А потому церковь Божія останется безъ священнослуженія, утварь же и монастырское добро, запасы и всякое строеніе будутъ расхищены и прійдутъ въ порчь,—отъ чего монастырь подвергнется крайнему разоренію. Зараженные люди, если въ монастырѣ поселятся, то, безъ сомнѣнія, весь заготовленный плотниками къ строенію лѣсъ, а равно и огорожу вокругъ монастыря въ наступающее холодное время попалятъ и опустошатъ; чужаго добра они щадѣть не станутъ. 2) Въ Кириллов-

¹⁾ Тамъ же.

скомъ монастырѣ небольшое число келій и то малыхъ, въ которыхъ можетъ помѣститься людей, зараженныхъ опасною болѣзнію, только весьма малое число и потому сей монастырь къ служенію и соблюденію общей пользы способствовать не можетъ.

3) Сверхъ того сей монастырь положеніе свое на пригоркѣ имѣеть, а по близости въ селахъ Плоскомъ, Курневщинѣ и Сырцѣ живутъ люди, еще не зараженные опасною болѣзнію, и если зараженные люди введены будутъ въ монастырь, то съ пригорка зараза отъ нихъ быстро проникнетъ въ оныя села.

4) Крайней нужды къ введенію въ Кирилловскій монастырь оныхъ опасныхъ людей нѣтъ, потому что и безъ сего монастыря многія мѣста, внѣ г. Кіева, сыскаться могутъ. Въ упомянутомъ селѣ Плоскомъ на мѣщанскихъ хуторахъ есть довольно помѣстительнаго жилья, въ которыхъ можно помѣстить опасныхъ людей въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ въ монастырѣ. Если же, за близостію отъ Кіева села Плоскаго, незаспособно окажется отводить находящіяся въ ономъ жилья для людей опасныхъ, то таковыя жилья, для размѣщенія ихъ, имѣются и при томъ еще въ большемъ количествѣ на Курневщинѣ и на Преоркѣ; сіи села и довольно отдалены отъ Кіева, и воздухъ въ нихъ здоровѣе; да и островъ Осетщина не худое мѣсто для такого дѣла, а равно и другія мѣста по сей и по той сторонѣ Днѣпра гораздо лучше могутъ способствовать помѣщенію на нихъ зараженныхъ опасною болѣзнію, чѣмъ Кирилловскій монастырь. Затѣмъ 5) и въ Наказѣ г.г. губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ, 1728 года сентября 12 дня состоявшемся, между прочаго, напечатано: ежели въ которыхъ домѣхъ моровая язва явится, изъ тѣхъ домовъ людей вывести въ особливья пустыя мѣста далѣе отъ жилья и около ихъ завалить и зарубить лѣсомъ, дабы оныя нигуда не расходились, а пищу и питье приносить имъ и класть въ виду оныхъ, и недожидаясь ихъ тѣмъ здоровымъ людямъ отходить прочь, и никакого сообщенія съ ними отнюдь не имѣть“.

Доношеніе свое архимандритъ Кириллъ заключилъ просьбою: „ради прописанныхъ резоновъ письменно, куда слѣдуетъ, сообщать, чтобъ для зараженныхъ людей иное сыскано было мѣсто,

а Кіево-Кирилловскій монастырь, дабы въ крайнюю бѣдность и разореніе пріитить не могль, уволить“.

Подобное генераль-губернаторскому требованіе и Кіевскій магистратъ, чрезъ свою команду, предъявилъ Кіево-Кирилловскому архимандриту 21 сентября 1770 года, съ приказаніемъ „безотлагательно очистить монастырскія келии для помѣщенія людей изъ домовъ, зараженныхъ опасною язвою“. Объ этомъ приказаніи упомянутый архимандритъ также донесъ Кіевской Консисторіи репортомъ отъ 24 числа того же сентября и просилъ по оному учинить разсмотрѣніе.

Генераль-губернаторское и магистратское требованія, равно и оба доношенія Кирилловскаго архимандрита съ монастырскою братією Кіевская Консисторія отправила на благоусмотрѣніе святѣйшаго Правительствующаго Синода, съ прописаніемъ въ своемъ репортѣ, что „обстоятельства, изложенныя въ отношеніяхъ Кіево-Кирилловскаго архимандрита и монастырской братіи она признаетъ заслуживающими уваженія и съ своей стороны считаетъ дерзостію, безъ Синодальной резолюціи, имѣющихся въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ монаховъ выводить въ другіе монастыри, а въ тотъ монастырь вводитъ для пребыванія опасныхъ людей“¹⁾.

Святѣйшій Синодъ, заслушавши репортъ Кіевской Консисторіи и приложенныя къ нему (въ оригиналѣ) генераль-губернаторское и магистратское требованія, а равно и упомянутыя доношенія Кіево-Кирилловскаго архимандрита съ братією, постановилъ: „Понеже означенное въ семъ дѣлѣ отъ господина генераль-губернатора требованіе, какъ изъ него явственно Консисторіи усмотрѣть было можно, послѣдовало по самой необходимой нуждѣ, для соблюденія отъ угрожаемой гибели всего общества, и потому въ такомъ самовужнѣйшемъ требованіи и переписки чинить и исполненіемъ медлить отнюдь оной Консисторіи не слѣдовало,—того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ приказали: въ Кіевск. Консисторію послать указъ, коимъ ваястрожайше подтвердить, чтобъ

¹⁾ Тамъ же.

по вышепрописанному господина генер.-губернатора требованію учинено было непремѣнное исполненіе какъ найскорѣе, не чиня ни съ кѣмъ никакихъ переписокъ,—о чемъ и Кіевскому митрополиту, преосвященному Гавріилу, дать знать указомъ же съ тѣмъ, чтобы онъ какъ Консисторію свою, такъ и архимандрита за нескорое по оному губернаторскому сообщенію исполненіе и за продолженіе чрезъ ненадлежація переписки времени, по своему усмотрѣнію, безъ оштрафованія не оставилъ. О такомъ же постановленіи, для вѣдома, и къ Кіевскому господину генераль-губернатору Воейкову указъ изъ Святѣйшаго Синода послать⁴⁾.

Указы съ содержаніемъ сего постановленія состоялись 18 октября 1770 года и въ тотъ же день были отправлены, одинъ въ Кіевскую Консисторію, другой Кіевскому митрополиту, проживавшему тогда, по случаю моровой язвы, въ Гамалѣвскомъ монастырѣ, недалеко отъ Глухова, и отсюда черезъ свою походную контору управлявшему Кіевскою митрополіею, а третій Кіевскому генераль-губернатору Воейкову.

Какъ только получены были вышепрописанные указы, развязка дѣла, касавшагося Кіево-Кирилловскаго монастыря, немедленно послѣдовала, и зараженные чумою стали безпрепятственно помѣщаться въ монастырѣ до совершеннаго прекращенія въ Кіевѣ чумы. Что же касается лицъ, которые перепискою своею противодѣйствовали обращенію монастыря во временный лазаретъ, оштрафованіе ихъ состоялось только спустя больше года послѣ того, какъ состоялись три вышепрописанные Синодальные указы. Митрополитъ Гавріиль, 19 ноября 1771 года, отдалъ въ свою походную контору слѣдующій приказъ: Во исполненіе указа Ея Императорскаго Величества, послѣдовавшаго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода 18 октября 1770 года въ Кіевскую духовную Консисторію послать указъ, и симъ указомъ повелѣть: присутствующимъ въ оной Консисторіи и докладывавшему имъ дѣло, равно и начальнику Кирилловскаго монастыря архимандриту Кириллу, за изображенное ихъ преступленіе, учинить ре-

⁴⁾ Арх. Кіев. Конс., вв. Синод. указовъ, за 1771 г.

примандъ, въ присутствіи правящаго въ домовомъ Кіево-Софійскомъ монастырѣ проповѣдника іеромонаха Или, съ найкрупнѣйшимъ притвержденіемъ имъ, присутствующимъ, докладчику и архимандриту, дабы они, помня свою, при опредѣленіи ихъ къ дѣламъ, присягу и возложенную на нихъ довѣренность, поступали впредь въ дѣлахъ съ расторопностію и съ уваженіемъ общественной (паче частной) пользы, отъ которой зависитъ высочайшій Ея Императорскаго Величества интересъ, споспѣшествуя оному всѣми мѣрами, а не съ оплошностію и невниманіемъ въ существо дѣла, отъ чего удобно могутъ происходить разныя вредительныя послѣдствія, а иногда, по упущенію благовременства, и ненаградимы; за таковыми же послѣдствіями ближе ожидать надлежитъ всей строгости законовъ, нежели, по снисхожденію команды, прощенія, кое хотя иногда и надежно бываетъ, но не выходитъ однако жъ изъ предѣловъ правосудія. А какъ реченный архимандритъ со своего монастыря братією присутствующимъ въ Консисторіи къ неисполненію, по требованію его высокопревосходительства, подалъ причину своими не дѣльными, въ столь нужномъ случаѣ, представленіями; докладчикъ же, при докладѣ оныхъ представленій, не учинилъ имъ надлежащей, по своему званію, предосторожности: то имъ архимандриту и того же дѣла докладчику, сверхъ реприманда, быть и на хлѣбѣ да на водѣ чрезъ три дня въ Софійскомъ монастырѣ; ему жъ архимандриту въ то время и ни креста, ни шапки (митры), ни мантии архимандричьихъ не употреблять. А какъ и монахи его тому жъ соучастники, то и онимъ въ своемъ монастырѣ чрезъ цѣлую недѣлю быть же на хлѣбѣ и на водѣ. И сей о всѣхъ въ преступленіи оказавшихся, штрафъ, записавъ на особомъ листѣ, прислать въ походную мою контору. И о томъ изъ моей конторы въ Консисторію послать указъ при особливомъ къ означенному проповѣднику Или указѣ жъ, въ которомъ предписать, дабы онъ, получивъ тотъ при своемъ указѣ запечатанный и въ Консисторію надписанный указъ, не распечатывая приватно, далъ знать всѣмъ въ Консисторіи присутствующимъ и реченному архимандриту, чтобъ они въ Софійскій монастырь съѣхались и, не входя въ присутственную камеру, собрались въ

особливой палатѣ и дожидались, пока будутъ позваны. А какъ соберутся, то ему, проповѣднику Илиі, взявъ съ собою монастырскаго правленія писаря Григорія Золотоверхаго, пойти въ присутственную камеру и тамъ взять ему за судейскимъ столомъ мѣсто, и тогда уже позвать ихъ, присутствующихъ, и архимандрита, тако жъ и докладчика предъ себя; и не давъ имъ мѣстъ, но стоящимъ имъ, приказать оному писарю, распечатать надписанный въ Консисторію указъ прочитатъ въ слухъ, и по прочтеніи исполнить указомъ повелѣнное, потомъ объявить присутствующимъ, чтобъ они на другой уже день паки вступили въ присутствіе и въ правленіе дѣлъ по Консисторіи; а докладчику вступить въ докладъ на третій день, когда освободится отъ сидѣнія на хлѣбѣ да на водѣ, между тѣмъ же докладывать дѣла повитчикамъ; также и архимандрита, по содержаніи его на хлѣбѣ да водѣ жъ чрезъ три дня, отпустить изъ Софійскаго въ Кирилловскій монастырь по прежнему къ правленію, при его архимандричьей чести, и отпуская, приказать ему, чтобъ онъ повелѣнное и съ братією своего монастыря непремѣнно исполнилъ и по исполненіи въ Консисторію отрепортовалъ...¹⁾ Все это и было исполнено въ декабрѣ 1771 г.

Штрафъ, которому виновные были подвергнуты, безъ сомнѣнія, былъ весьма снисходительнымъ. Но снисходительность его главнымъ образомъ зависѣла отъ того, что не задолго предъ тѣмъ опубликовано было Синодальное опредѣленіе, состоявшееся 21 мая 1767 года, которымъ воспрещалось духовнымъ командамъ „чинить своимъ подначальнымъ пристрастные допросы и разныя тѣлесныя наказанія чрезъ побои“²⁾.

Непріятная участь, постигшая Кирилловскій монастырь въ 1770 году, послужила нечальнымъ прецедентомъ въ его послѣдующей судьбѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что выраженное медицинскими чинами „мнѣніе, якобы Кирилловскій монастырь и по способности, и по близости и хорошему воздуху есть самое лучшее мѣсто для лазарета“, послужило однимъ изъ главныхъ основа-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Это опредѣленіе было опубликовано указомъ Св. Синода 20 мая 1771 г. № 715. См. Арх. Киев. Консист., кн. Синод. указовъ за 1771 г.

ній для изданія высочайшаго указа, отъ 10 апрѣля 1786 года, которымъ предписано упразднить этотъ монастырь, а въ зданіяхъ его помѣстить престарѣлыхъ инвалидовъ и открыть богоугодныя заведенія съ домоу умалишенныхъ.

II.

Чумная эпидемія оставила одинъ полезный слѣдъ въ исторіи нашего города: благодаря ей въ Кіевѣ были учреждены особыя кладбища.

Какъ извѣстно, учрежденіе особыхъ городскихъ кладбищъ въ Россіи—дѣло сравнительно не давнее. Въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ городахъ (не говоримъ уже о мѣстечкахъ и селахъ), съ древнѣйшихъ временъ и до 1772 года покойниковъ хоронили на погостахъ приходскихъ церквей, и только иновѣрцы (евреи, а въ XVIII ст. и нѣмцы) имѣли внѣ городской черты особыя кладбища. Поводомъ къ прекращенію этого вѣкового обычая послужила именно чумная эпидемія 1770 г. Въ это время императрица Екатерина командировала въ Малороссію гвардейскаго генералъ-майора Михаила Ивановича Шипова съ нѣсколькими офицерами и врачами и возложила на него порученіе „спасать Кіевъ и его окрестности отъ моровой язвы“, а главнымъ образомъ не допустить ей проникнуть въ центральныя губерніи. Шиповъ Кіева не спасъ, онъ даже боялся показаться сюда, оставаясь въ теченіе всего опаснаго времени на 60-ти верстномъ разстояніи, въ черниг. губерніи, и навѣдался въ Кіевъ лишь въ половинѣ марта 1771 года, когда эпидемія здѣсь почти совсѣмъ прекратилась. Точно такъ же, несмотря на усиленные кордоны, которыми онъ оцѣпилъ Малороссію, не удалось ему локализовать заразу, все таки проникшую даже въ Москву и, какъ извѣстно, причинившую здѣсь ужасныя бѣдствія. Но Шипову принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, та заслуга, что онъ первый обратилъ вниманіе на вредъ въ санитарномъ отношеніи вѣкового обычая хоронить покойниковъ на церковныхъ погостахъ и возбудилъ вопросъ объ отводѣ въ Кіевѣ особыхъ для этого мѣстъ, внѣ черты городского поселенія. Любопытная переписка

по этому предмету хранится въ дѣлахъ Киевской Дух. Консисторіи, и изъ нея извлечены нижеслѣдующія подробности.

Въ февралѣ 1772 года Шиповъ писалъ митрополиту Гавріилу Кременецкому: „Во исполненіе высочайшей воли Ея Императорскаго Величества, которая въ томъ поручена мнѣ, чтобы спасти Киевъ и всю окрестность его отъ опасной болѣзни, которая и такъ не мало времени продолжалась, я, изыскивая всѣ къ предосторожности нужныя средства, и соображая произшедшія по опытамъ обстоятельства, между прочимъ нашелъ и то неблагоустроеніе, что положеніе жительства въ здѣшнемъ старомъ верхнемъ городѣ тѣсное, а въ части, называемой Подоль, и тѣсное и низкое, гдѣ мертвыя тѣла погребаются при приходскихъ церквахъ между самымъ жильемъ и гдѣ полагаются гробы на гробы и столько оныхъ размножилось, что, не вырывъ прежнихъ, вновь погребать почти уже не можно. Безъ сомнѣнія, сіе неблагоустроеніе весьма опасно, тѣмъ паче что вешнее и осеннее время, своею влажностію растворяя землю, открываетъ испаренія, кои, огустѣвая воздухъ, производятъ нечувствительнымъ образомъ разныя болѣзни. Были жь между тѣмъ зрители и того, что въ прошломъ 1770 г., когда во время заразы умершіе погребены были при Киево-Подолѣ на низкомъ и недалеко отъ рѣки Днѣпра мѣстѣ, то наводненіемъ и великою влажностію отъ дождей снесло могилы надъ мертвыми и сдѣлало тѣла ихъ открытыми, при чемъ и то случилось, что нѣкоторыя мертвыя тѣла и собаками таскаемы были. Зрѣлище сіе единое приводитъ уже въ ужасъ. Но входя далѣе въ изслѣдованіе всего, чѣмъ сопровождается упомянутое мною неблагоустроеніе, и какую великую бѣду въ обществѣ оное произвести можетъ, я вынуждаюсь прибѣгнуть къ вящшей предосторожности, чтобы, послѣдуя примѣру благоразумныхъ учрежденій въ разныхъ російскихъ городахъ, по немалости и сего города, устроить для умершихъ Киево-подольскихъ и верхняго города жителей особыя на высокихъ загородныхъ мѣстахъ для владбищъ церкви и, снабдивъ ихъ всѣмъ надлежащимъ, отвести при оныхъ довольныя для погребеній мѣста, которыя не въ близкомъ разстояніи были бь отъ жилищъ;—о чемъ уже и сообщено мною его высокопревосходи-

тельству господину генераль-аншефу, кievскому генераль-губернатору и кавалеру Феодору Матвѣвичу Воейкову, дабы для устроения такихъ церквей и погребенія при оныхъ мертвыхъ отведены были удобныя на высокихъ мѣстахъ и внѣ жилия кладбища, и на оныхъ устроены были церкви, и чтобы постановлено было правиломъ, дабы во всѣхъ частяхъ города внутри жилия нигдѣ никѣмъ мертвыя погребаемы не были; равно жъ я просилъ его высокопревосходительство и для Кіево-Печерскаго форштата отвезти и назначить въ отдаленіи отъ жилия для погребенія мѣста. Поелику же все сіе также относится и до рассмотрѣнія вашего преосвященства, то за нужное нахожу сообщить о томъ и вашему преосвященству, надѣясь, что ваше преосвященство, споспѣшествуя общему благу, не оставите дать свое благословеніе и надлежащее повелѣніе и подчиненному вамъ духовенству. О томъ, что по сему положено будетъ, покорнѣйше прошу ваше преосвященство дать мнѣ извѣстіе¹⁾.

На основаніи резолюціи митрополита Гавріила, Походная Контора его учинила слѣдующую справку: „сего 1772 года, генваря 4 дня, его преосвященствомъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода прошло 1771 г. ноября 29 дня состоявшійся полученъ указъ, въ коемъ изображено: минувшаго 1771 г. ноября 22 дня Святѣйшему Правительствующему Синоду изъ правительствующаго Сената для свѣдѣнія приложены копій указа, каковыя изъ онаго Правительствующаго Сената тогожъ 1771 г. ноября отъ 17 дня отправлены къ господамъ губернаторамъ, такожъ въ губернскія провинціальныя и воеводскія канцеляріи въ вѣдѣніе предосторожностію отъ заразительной болѣзни; а какъ въ оныхъ указахъ правительствующимъ Сенатомъ между прочимъ опредѣлено, чтобъ по городамъ при церквахъ никого не хоронили, а отвели бы господа губернаторы для того особыя кладбища за городомъ, на выгонныхъ земляхъ, гдѣ способнѣе, построив при оныхъ на первый случай хотя не большія деревянныя церкви; то для того правительствующій сенатъ требовалъ, дабы святѣйшій Синодъ благоволилъ послать о

¹⁾ Архив. Кіев. Бюксисторіи, см. Сборникъ указовъ за 1772 г.

семь вѣдѣнія своего въ духовныя команды указы; и по указу Ея Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ приказали: о надлежащемъ по означенному, изданному отъ Правительствующаго Сената, указу исполненіи въ Московскую Святѣйшаго Синода Контору, къ синодальнымъ членамъ и прочимъ епархіальнымъ архіереямъ и въ ставропигіальныя Лавры и монастыри послать указы, коими всѣмъ духовнаго вѣдомства людямъ поступать не иначе, какъ тѣми указами учреждено, во всемъ непремѣнно, и погребеніе всѣмъ умирающимъ городскимъ жителямъ и поминовеніе по оныхъ чинить при тѣхъ кладбищенскихъ церквахъ тѣхъ церквей, кто гдѣ въ приходѣ жительствуетъ, приходскимъ священникамъ,—а кому тѣ кладбищенскія церкви въ смотрѣніе поручить, оное оставить на разсмотрѣніе епархіальныхъ архіереевъ; особаго же причта не опредѣлять. А ежели преосвященные архіереи усмотрятъ гдѣ необходимую надобность быть при тѣхъ кладбищенскихъ церквахъ особому причту, о томъ съ описаніемъ всѣхъ обстоятельствъ и на какомъ основаніи тому причту, безъ обиды приходскимъ священникамъ и безъ отягощенія обывателямъ, быть, представлять Святѣйшему Синоду; о чемъ и правительствующему сенату сообщено свѣдѣніе съ тѣмъ, что не разсудитъ ли оный сенатъ господамъ губернаторамъ и воеводамъ подтвердить, дабы они, по случаю имѣемаго быть при владбищахъ особыхъ церквей строенія, въ отводѣ тѣхъ мѣстъ и въ построеніи оныхъ церквей возымѣли сношеніе съ духовными Командами, отъ которыхъ иногда при способныхъ къ владбищамъ мѣстахъ и прежде построенныя церкви назначены быть могутъ; въ силу котораго указа отъ его преосвященства и приказано всѣмъ епархіи Кіевской духовнымъ людямъ непремѣнное по оному изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода указу и таковымъ же указамъ изъ сената чинить исполненіе... Указъ о семъ приказѣ изъ походной его преосвященства конторы уже посланъ въ духовную Кіевскую Консисторію, а изъ оной во всѣ духовныя правленія и монастыри“¹⁾.

На справкѣ сей митрополитъ Гавріиль положилъ такую резолюцію: „въ подтвержденіе уже посланнаго указа изъ По-

¹⁾ См. Тамъ же.

ходной Конторы послать въ Кіевскую духовную Консисторію новый указъ, коимъ и по письму его превосходительства генераль-маіора Шипова предписать, дабы, по требованіямъ его превосходительства, во всемъ, касающемся устроенія церквей и особыхъ кладбищъ на возвышенныхъ мѣстахъ внѣ г. Кіева, она непремѣнное чинила исполненіе“. Резолюція эта была исполнена 12 февраля 1772 г.

Настоятельное требованіе генераль-маіора Шипова объ отводѣ въ Кіевѣ особыхъ кладбищъ было поддержано и кіевскимъ генераль-губернаторомъ Воейковымъ, который въ началѣ марта 1772 года писалъ кіевскому митрополиту:

„Вашему Преосвященству извѣстно, что указами правительствующаго Сената — первымъ отъ 17 ноября минувшаго 1771 г. велѣно для погребенія мертвыхъ учредить особыя владбища за городомъ на выгонныхъ земляхъ, гдѣ способнѣе, и при оныхъ на первый случай построить небольшія деревянныя церкви, а вторымъ отъ 31 декабря того жъ года, чтобъ объ отводѣ въ городахъ для владбищъ особыхъ мѣстъ и о построеніи при оныхъ церквей имѣть сношеніе съ духовными командами, которыя могутъ иногда, по своему усмотрѣнію, какъ и святѣйшій синодъ въ вѣдѣніи своемъ писать, назначать къ тому и прежде построенныя готовыя церкви. Вслѣдствіе сего, по приказанію моему, удобныя для кладбищъ мѣста для всѣхъ трехъ частей сего города порознь и изысканы, а именно: для жителей здѣшней крѣпости съ предмѣстьями мѣсто разстояніемъ отъ жилья въ полуверстѣ, между коммуникаціонною линіею къ рѣкѣ Либеди; для верхняго города Кіева за Львовскими воротами, отъ крѣпости разстояніемъ болѣе полуверсты и отъ жилья, тамо находящагося, называемаго Кудрявца, въ полуверстѣ жъ; для нижняго города, называемаго Подола, при взводѣ Чивирдиномъ, на урочищѣ Щекавицѣ, которое отъ жилья отдаленное и къ погребенію способное. О семъ вашему преосвященству давъ знать, покорнѣйше прошу вышепомянутыя мѣста приказать и отъ своей стороны освидѣтельствовать, и тѣ ль самыя или другія, по разсмотрѣнію вашего преосвященства, къ сему предмету удобными будутъ избраны, а притомъ о построеніи при оныхъ церквей и о другихъ къ

сему нужныхъ, по усмотрѣнію вашего преосвященства учрежденіяхъ—меня пожаловать увѣдомить, дабы сіе, какъ для общества весьма нужное дѣло, безъ замедленія къ исполненію приведено быть могло.

На отводъ указанныхъ генераль-губернаторомъ мѣстъ для устройства новыхъ кладбищъ преосвященный Гавріилъ поспѣшилъ изъявить свое согласіе. Мѣста эти въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1772 г. были отмежеваны, а въ маѣ тогоже года окопаны глубокими рвами и вслѣдъ затѣмъ окроплены святою водою. Въ то же время послѣдовало распоряженіе епархіальной и гражданской властей о безусловномъ закрытіи кладбищъ при всѣхъ приходскихъ церквахъ г. Кіева и обязательномъ погребеніи покойниковъ на вновь открытыхъ кладбищахъ. Жителямъ Кіево-Подола предписано было погребать покойниковъ своихъ на возвышенности, называвшейся и теперь называющейся Щекавицею, а для удобнѣйшаго сообщенія съ этою возвышенностію отъ вввода Чикирдинъ, примыкавшаго одною стороною къ Глубочицѣ, а другою къ тому мѣсту, гдѣ теперь старообрядческое кладбище, была проведена удобная дорога. Такъ какъ правительство не ассигновало денегъ на постройку церквей на вновь отведенныхъ кладбищахъ, то граждане, жившіе на Кіево-Подолѣ, собственнымъ коштомъ построили каменную церковь на Щекавицѣ съ такою же колокольнею. Церковь эта была освящена митрополитомъ Гавріиломъ 16 іюня 1782 во имя Всѣхъ Святыхъ. Въ половинѣ текущаго столѣтія къ ней пристроенъ теплый предѣлъ, а въ недавнее время она изъ кладбищенской переименована въ приходскую, но кладбище при ней еще не закрыто.

Для кіевлянъ, населявшихъ такъ называемый Старый Кіевъ, было отведено кладбище на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится новая Старо-Кіевская Вознесенская церковь. Это кладбище существовало безъ церкви и было закрыто въ шестидесятыхъ годахъ истекающаго столѣтія, такъ какъ пустопорожнія мѣста, окружавшія его, стали быстро заселяться, по причинѣ умноженія народонаселенія въ Кіевѣ. Взамѣнъ его тогдаже было открыто новое кладбище близъ Лукьяновки.

Не особенно долго существовало и предназначенное для жителей Кіево-Печерска кладбище, которое въ 1772 г. было отведено на той возвышенности Печерска, гдѣ теперь саперные бараки. Императоръ Николай Павловичъ, расширяя въ сороковыхъ годахъ кіево-печерскую крѣпость, распорядился перенести это кладбище на Байкову гору. Здѣсь въ 1841 г., тщаніемъ тогдашняго старосты Кіево-Софійскаго Собора Батухина и другихъ благотворителей, была построена деревянная церковь во имя Св. Дмитрія и освящена бывшимъ викаріемъ Кіевскимъ, епископомъ Іеремію.

Протоіерей П. Орловскій.

Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка ¹⁾.

III.

Возобновленіе исковъ о козачествѣ; сенатскіе указы по этому поводу.—Разрѣшеніе вопроса о правѣ малороссійскихъ козаковъ на владѣніе землею.—Переселеніе козаковъ въ Новороссію и Черноморію.—Сравненіе панычирныхъ бояръ съ малороссійскими козаками въ отношеніи ихъ правъ и повинностей.—Покровительственное отношеніе правительства къ козакамъ.

Если у малороссійской сословной группы, официально признанной свободными козаками, сохранился, быть можетъ, отъ всѣхъ прежнихъ правъ, вольностей, традицій, лишь одинъ „воинственный духъ“, то нельзя того же сказать о злосчастныхъ потомкахъ вольныхъ козаковъ, такъ или иначе не доказавшихъ своего права на включеніе въ реорганизованное Румянцевымъ сословіе малороссійскихъ козаковъ и попавшихъ въ крѣпостную зависимость.

И это совершенно понятно: малороссійскіе козаки, сохранивъ право личной свободы,—самое дорогое изъ всѣхъ своихъ правъ,—менѣе чувствовали потерю другихъ правъ и съ легкимъ сердцемъ забыли даже о томъ, чѣмъ когда то, можетъ быть, очень дорожили; закрѣпощенные же потомки бывшихъ козаковъ въ своей тяжелой долѣ живѣе чувствовали всю разницу прежняго своего положенія съ новымъ и горячо оплакивали всѣ свои вольности.

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г. № 4.

Какъ ни были ограничены права малороссійскихъ козаковъ къ концу XVIII вѣка, но все таки ихъ свободное состояніе не могло сравниться съ тяжкимъ безправіемъ крестьянства и не могло не возбуждать зависти у случайно закрѣпощенныхъ и стремленія добиться освобожденія изъ-подъ панской зависимости и утвержденія въ козачьихъ правахъ. Это стремленіе особенно усилилось послѣ обнародованія указа императора Павла I отъ 30 ноября 1796 года „о возстановленіи въ Малороссіи правленія и судопроизводства сообразно малороссійскимъ правамъ и прежнимъ обрядамъ¹⁾ „и коронаціоннаго манифеста императора Александра I отъ 15 сентября 1801 г., подтверждавшаго дарованныя въ предшествовавшее царствованіе льготы²⁾.

Иски о козачествѣ настолько умножились, что мѣстныя власти считали нужнымъ установить по этому вопросу единообразіе и испросить точныя указанія у центрального правительства, чѣмъ руководствоваться при разрѣшеніи подобнаго рода дѣлъ. Черниговскій губернский прокуроръ обратился рапортомъ къ министру юстиціи о томъ, что „онъ, прокуроръ, замѣтилъ въ малороссійскихъ присутственныхъ мѣстахъ разнообразныя опредѣленія по дѣламъ ищущихъ свободы изъ укрѣпленія помѣщиковъ, и что по инымъ десятилѣтняя давность принимается во уваженіе, а по инымъ оная опровергается, и ищущіе вольности отдаются во владѣніе“; такъ какъ при этомъ просители основывали свои доводы или на ссылкѣ на указъ императора Петра I отъ 16 апрѣля 1723 года, которымъ повелѣвалось, между прочимъ, зачислять въ козаки неправильно укрѣпленныхъ въ подданствѣ, съ составленіемъ точныхъ списковъ о числѣ козаковъ, съ цѣлями, о которыхъ мы упоминали выше, или на документальныхъ справкахъ изъ козачьихъ реестровъ, компутовъ, о томъ, что предки просителей были записаны въ нихъ и были, слѣдовательно, полноправными козаками, или же, наконецъ, на „свидѣтельствѣ малороссійскихъ жителей“ о принадлежности предковъ просителя къ числу козаковъ, то прокуроръ просилъ

¹⁾ П. С. З. № 17594.

²⁾ П. С. З. № 20011.

раз'ясненія, слѣдуетъ ли при разрѣшеніи исковъ о козачествѣ требовать какъ документальныхъ справокъ изъ компутовъ, такъ и „свидѣтельствъ малороссійскихъ жителей“, или же можно ограничиваться тѣмъ, или другимъ. Министръ юстиціи передалъ рапортъ черниговскаго губернскаго прокурора чрезъ оберъ-прокурора сената Аверина на разсмотрѣніе сената, вслѣдствіе чего сенатъ постановилъ: „предписать указами малороссійскимъ губернскимъ правленіямъ, двумъ департаментамъ генеральныхъ судовъ и малороссійскому генераль-губернатору“ довольствоваться при разрѣшеніи исковъ о козачествѣ однимъ изъ двухъ, или представленными точными справками изъ компутовъ, или же изустными свидѣтельствами, подл условіемъ подтвержденія ихъ подл присягою; что же касается давности относительно возбужденія подобнаго рода исковъ, то „поелику высочайшими и всемилостивѣйшими указами, 1796 г. ноября 30 дня, 1801 г. сентября 15 дня состоявшимися, Малороссіи предоставлены пренія ихъ права, а Статута литовскаго, коимъ Малороссія судится, раздѣла 12-го артикула 13-го давность десятилѣтняя на таковыя дѣла не простирается, да и по указу 1784 г. мая 31 дня ревизія не почитается крѣпостію, то на дѣла ищущихъ свободы отъ владѣнія помѣщиковъ десятилѣтней давности относить не должно“. Обо всемъ этомъ состоялся сенатскій указъ отъ 2 іюля 1803 г. ¹⁾).

Такое раз'ясненіе сената о непримѣненіи десятилѣтней давности къ искамъ о козачествѣ значительно увеличило число этихъ исковъ. Малороссійскій генераль-губернаторъ князь А. Б. Куракинъ доносилъ сенату, что „по силѣ указа сената о неотнесеніи по дѣламъ ищущихъ вольности людей десятилѣтней давности, малороссійскій народъ, будучи подстрекаемъ тамошними юристами, цѣлыми селеніями поднялся на подачу просьбъ объ отысканіи козачества, и многіе изъ нихъ вообразили, что подавъ просьбу, можно уже и не слушаться помѣщиковъ“.

¹⁾ Рукон. Яготин. арх.—Сверху приписка рукою извѣстнаго А. И. Чены: „о присужденіи въ козаки по прежнимъ реестрамъ, и по свидѣтельствамъ съ осторожностію“.

Въ виду этого, сенатъ принужденъ былъ издать въ томъ же 1803 г. новый указъ отъ 3 декабря, въ разъясненіе вышеприведеннаго.

По мнѣнію сената, указъ его отъ 2 іюля былъ неправильно истолкованъ мѣстнымъ населеніемъ, вслѣдствіе ложнаго представленія о томъ, кто имѣеть безусловное право именоваться козакомъ, а слѣдовательно, и претендовать на это званіе.

„Издревле—говорится въ указѣ отъ 3 декабря—званіе козаковъ раздѣлялось на разныя степени, которыя въ правахъ своихъ всегда были различны, а съ 1765 года свободными изъ нихъ остались только тѣ, которые извѣстны были подъ именемъ выборныхъ или реестровыхъ козаковъ, протчіе-жь, какъ-то: козаки-подпомощники и козацьи подсосѣдки, равно какъ и наемники выборныхъ козаковъ, тогда же поступили въ рублевый по хатамъ окладъ и, пользуясь правомъ перехода, отбывали отъ службы, принимая званіе посполитыхъ и мѣняясь съ ними правомъ и осѣдлостями“. Манифестъ отъ 3 мая 1783 года, по мнѣнію сената, оставилъ свободными только однихъ реестровыхъ или выборныхъ козаковъ, которые только и были записаны въ списки реорганизуемаго козацьяго сословія во время производства ревизіи 1782 года. Отсюда само собою понятно, что сенатъ считалъ подлежащими разсмотрѣнію лишь иски о козачествѣ *выборныхъ козаковъ* или ихъ потомковъ, потерявшихъ почему либо свободу. При такомъ толкованіи почти всѣ иски такого рода пріурочивались ко времени ревизіи 1782 года и манифеста 1783 г., такъ какъ до этого времени, по мнѣнію сената, „вольнаго человѣка укрѣплять за собою никто никакой выгоды не имѣлъ, потому что переходъ по Малороссіи былъ свободенъ, отчего и случаи въ отысканію вольности могли быть очень рѣдки“.

Такое разъясненіе сената значительно упрощало разрѣшеніе вопроса объ искахъ о козачествѣ, и главное очень уменьшено ихъ количество.

Кромѣ разъясненія по существу, сенатъ далъ и точную инструкцію, которой нужно было руководствоваться на будущее время при разрѣшеніи исковъ о козачествѣ, нѣсколько видоиз-

мѣнявшую сущность сенатскаго указа отъ 2 іюля 1803 года. Согласно этой инструкціи, „отыскивающій козачества въ первоначальной своей просьбѣ обязанъ объявить, что онъ происходитъ отъ предка, служившаго козакомъ и состоявшаго въ реестрѣ выборныхъ козаковъ, или такъ называемомъ компутѣ, и таковымъ числился до самой ревизіи 1782 года, но при оной, или въ послѣдующее затѣмъ время, въ числѣ владѣльческихъ поданныхъ написанъ для укрѣпленія несправедливо, на что и *долженъ представить* при сей же просьбѣ достовѣрныя, ясныя и никакому сомнѣнію неподверженныя *письменныя доказательства, подкрѣпляемая свидѣтелями*, что онъ дѣйствительно происходитъ отъ таковыхъ предковъ“. При отсутствіи документальныхъ данныхъ, проситель долженъ былъ представить свидѣтелей, которые могли бы показать подъ присягой, что проситель дѣйствительно изъ козачьяго рода; свидѣтелей нужно было представить не менѣ двѣнадцати человекъ, и притомъ, чтобы они были или дворяне, или казаки, купцы и мѣщане. Возбуждавшіе иски о козачествѣ должны были подавать свои прошенія повѣтовымъ стряпчимъ, членамъ и писарямъ повѣтовыхъ судовъ, и притомъ не на дому, во избѣжаніе злоупотребленій, а въ присутствіяхъ повѣтовыхъ судовъ. Если при ближайшемъ разсмотрѣніи иска оказывалось, что проситель по ревизіи 1782 г. числился еще козакомъ и былъ закрѣпощенъ послѣ этой ревизіи, то повѣтовые суды должны были дѣлать немедленно распоряженіе объ освобожденіи изъ крѣпостной зависимости, хотя бы со стороны владѣльца и былъ заявленъ протестъ¹⁾.

Почти одновременно съ упорядоченіемъ веденія исковъ о козачествѣ, былъ разрѣшенъ очень важный вопросъ о правѣ козаковъ на неограниченное владѣніе принадлежащей имъ земельной собственностью.

Малороссійскій генераль-губернаторъ князь А. Б. Куракинъ вошелъ съ докладомъ въ сенатъ, въ которомъ высказывалъ

1) Содержаніе указа отъ 3 декабря 1803 года приведено здѣсь по рукоп. Яготи. архива съ помѣтой А. И. Чепы: „въ поясненіе указа предъ симъ послѣдовавшаго, какъ производить дѣла по искамъ о козачествѣ и на чемъ оныя основывать“.

мнѣніе, что крайне несправедливо лишать козаковъ права свободно распоряжаться принадлежащей имъ земельной собственностью, такъ какъ со временъ Богдана Хмельницкаго они были полными собственниками, и если и послѣдовало въ 1739 году запрещеніе имъ продавать ихъ участки, которое и было подтверждено въ 1741 г., то это была лишь временная мѣра, „до окончанія войны и будущаго государева соизволенія, по причинѣ военнаго тогдашняго времени, чтобы козаки продажею имѣній своихъ не оскудѣвали въ исправленіи службы“. Уже указомъ императрицы Елизаветы Петровны отъ 12 декабря того же 1741 года, возстановлявшимъ во всей силѣ всѣ указы и регламенты императора Петра Великаго, а слѣдовательно, и грамоты отъ 1 ноября 1708 года и отъ 6 февраля 1711 года, подтверждавшія „всѣ права и привилегіи малороссійскаго народа, при поддачѣ гетмана Богдана Хмельницкаго данныя“, возвращено было козакамъ неограниченное право собственности; впоследствии же „всѣ древнія права и привилегіи Малой Россіи жалованныя“ были подтверждены грамотами при избраніи на гетманство графа К. Г. Разумовскаго, отъ 15 декабря 1749 года и отъ 22 мая 1751 г., а также указами въ началѣ царствованій императоровъ Павла I и Александра I, отъ 30 ноября 1796 г. и отъ 9 сентября 1801 года. По мнѣнію князя А. Б. Куракина, въ дальнѣйшемъ ограниченіи права собственности по отношенію къ малороссійскимъ козакамъ не было надобности со введеніемъ подушной подати, замѣнившей натуральную воинскую повинность козаковъ, и съ уничтоженіемъ произвола старшинъ, которые, пользуясь своей неограниченною военной и гражданской властью, могли разными притѣсненіями принуждать козаковъ къ продажѣ или промѣну за дешевую цѣну принадлежавшихъ имъ земельныхъ участковъ; напротивъ того, подобное ограниченіе препятствуетъ полному упорядоченію малороссійскаго землевладѣнія, сохраняя черезполосицу, мѣшая благоустройству отдѣльныхъ хозяйствъ и препятствуя разрѣшенному переселенію козаковъ въ екатеринославскую и другія губерніи.

Сенатъ вполнѣ согласился съ доводами князя А. Б. Куракина, вслѣдствіе чего состоялось слѣдующее постановленіе:

„Сенатъ, сообразивъ всё писанныя въ мѣнѣи малороссійскаго генераль-губернатора князя Куракина обстоятельства съ именными указами, прошлаго 1802 г. декабря 12 и сего года февраля 20 состоявшимися, изъ коихъ первымъ предоставлено между прочимъ и всѣмъ казеннымъ поселянамъ, къ какому бы они вѣдомству ни принадлежали, пріобрѣтать покупкой земли, а въ послѣднемъ въ 8-й статьѣ изображено: какъ скоро крестьяне, отпущенные отъ помѣщиковъ на волю, получаютъ земли въ собственность, будутъ имѣть право продавать, закладывать и оставлять въ наслѣдіе, не раздробляя однако жъ участковъ менѣе восьми десятинъ, равно имѣютъ они право вновь покупать земли, а потому и переходить изъ одной губерніи въ другую, но не иначе какъ съ вѣдома казенной палаты для перечисленія ихъ подушнаго овлада и рекрутской повинности,—находимъ, что испрашиваемое княземъ Куракинымъ положеніе о позволеніи козакамъ распоряжаться недвижимыми ихъ имѣніями на семь правѣ сходствуетъ съ сими высочайшими указами, поелику и *козакки считаются должны не иначе, какъ въ статьѣ казенныхъ поселянь*“.

Это постановленіе Сената удостоилось 28 іюня утвержденія императора Александра I, вслѣдствіе чего было опубликовано въ сенатскомъ указѣ отъ 20 іюля 1803 г., разосланномъ во всѣ присутственныя мѣста Малороссіи¹⁾.

Упомянутое въ докладѣ князя А. Б. Куракина разрѣшеніе малороссійскимъ козакамъ переселяться въ екатеринославскую и „другія губерніи“, вѣроятно, обусловило главнымъ образомъ благопріятное для нихъ разрѣшеніе вопроса о признаніи ихъ полноправными владѣльцами принадлежащей имъ земельной собственности. Насколько правительство было заинтересовано въ то время въ облегченіи способовъ переселенія малороссійскихъ козаковъ и казенныхъ крестьянъ въ Новороссію и Черноморію, отчасти въ виду „недостаточнаго количества земли“ у козаковъ, а главнымъ образомъ въ цѣляхъ заселенія пустынныхъ пространствъ людьми, могущими дать въ случаѣ надобности отпоръ

¹⁾ Рукоп. Яготин. арх. П. С. З. № 20823.

какимъ либо враждебнымъ нападеніямъ, видно изъ того, что 12 сентября 1804 г. послѣдовалъ указъ о приемѣ прошеній отъ малороссійскихъ козаковъ и казенныхъ крестьянъ, о разрѣшеніи имъ переселяться на югъ, на простой бумагѣ, безъ уплаты гербовой пошлины ¹⁾).

Наибольшій размѣръ переселеніе это приняло въ періодъ времени съ 1809 г. по 1811 г., когда въ одну Черноморію переселилось изъ полтавской и черниговской губерній 22,206 душъ мужскаго пола и 19,328 женскаго пола ²⁾). Въ этомъ общемъ числѣ переселенцевъ изъ малороссійскихъ губерній козаковъ было, судя по указу отъ 17 марта 1808 г. ³⁾), 25000 душъ обо-его пола.

Согласно этому указу разрѣшалось „двадцати пяти тысячамъ малороссійскихъ козаковъ, по недостаточному количеству у нихъ земли, переселиться на земли, войску черноморскому пожалованныя въ Таманскомъ полуостровѣ и за Босфорскимъ проливомъ, между Азовскимъ моремъ, до границъ Кавказской губерніи, и отъ Ейскаго укрѣпленія въ губерніи Екатеринославской по Кубани до самаго ея устья, пространствомъ своимъ болѣе 30000 квадратныхъ верстъ занимающія“.

Во исполненіе этого указа тогдашній малороссійскій генераль-губернаторъ князь Я. И. Лобановъ Ростовскій предложилъ 22 апрѣля 1808 г. полтавскому и черниговскому губернскимъ правленіямъ объявить объ этомъ въ козачьихъ поселеніяхъ, не принуждая ихъ къ переселенію, но выбирая изъ числа козачьихъ семействъ, заявившихъ о своемъ желаніи переселиться, „тѣхъ, гдѣ болѣе дѣвокъ и вдовъ, въ бракъ еще вступить могущихъ, по уваженію малаго числа женскаго пола нынѣ въ черноморскихъ войскахъ гостящаго“ ⁴⁾). Желавшимъ переселиться разрѣшалось посылать предварительно ходоковъ „для обозрѣнія мѣстъ къ своему поселенію и узнаванія вообще о всѣхъ тѣхъ выгодахъ, какіе они тамъ имѣтъ будутъ“. Всѣ расходы по переезду на

¹⁾ П. С. З. № 21451.

²⁾ Кубанское козацье войско, Ворон. 1888 г. Стр. 52 и 59.

³⁾ П. С. З. № 22902.

⁴⁾ По рукоп. Яготин. арх.

новыя мѣста переселенцы должны были производить на свой собственный счетъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ выдавались субсидіи на „первоначальное обзаведеніе на мѣстѣ“ изъ суммъ черноморскаго войска, „въ пользу коего такое переселеніе отъ правительства дозволяется“. Крімъ всего этого, въ предложеніи малороссійскаго генераль-губернатора во всѣхъ подробностяхъ устанавливался порядокъ сношеній между нимъ и войсковою черноморскою канцеляріей въ отношеніи наибольшаго упорядоченія переселенія до мельчайшихъ подробностей.

Переселенія малороссійскихъ козаковъ въ другія губерніи, поощряемыя правительствомъ и даже, правильнѣе сказать, возникшія по его инициативѣ, уменьшая численность козачьяго сословія, много способствовали его, такъ сказать, сословному обезличенію. Устраивая эти переселенія, центральное правительство, помимо колонизаціонныхъ цѣлей въ отношеніи далекихъ окраинъ, преслѣдовало отчасти, быть можетъ, и цѣли ассимиляціи малороссійскихъ козаковъ съ прочими податными сословіями имперіи путемъ претворенія этой постепенно таявшей сословной единицы съ массой земледѣльческаго населенія тогдашней Малороссіи. Но окончательное упраздненіе этого сословія не входило въ тогдашніе виды правительства. Это видно изъ двухъ сенатскихъ указовъ. отъ 5 апрѣля 1805 г.¹⁾ и отъ 8 сентября 1807 г., въ отношеніи аналогичной съ малороссійскими козаками сословной единицы, такъ называемыхъ, панцырныхъ бояръ.

Государственный казначей далъ такого рода справку сенату о сословіи панцырныхъ бояръ на сдѣланный ему сенатомъ запросъ, въ виду возникшаго вопроса о точномъ опредѣленіи повинностей этой небольшой сословной единицы²⁾.

„Изъ Высочайше подтвержденнаго 21 генваря 1788 года доклада сената явствуетъ, что панцырные бояре, поселившіеся по привилегіямъ бывшихъ королей польскихъ въ Витебской губерніи на особыхъ имъ жалованныхъ земляхъ, обязаны были за то въ прежнія времена производить конную военную службу,

¹⁾ П. С. З. № 21638.

²⁾ П. С. З. № 22615.

и что родъ людей сихъ не былъ шляхетскаго званія, ни состоянія крестьянскаго, но былъ вольный военный народъ, платившій однако-жъ Рѣчи Посполитой установленную подать. Въ грамотѣ блаженныя памяти государя царя Алексѣя Михайловича, въ 1667 году имъ данной, именованы они панцырными козаками; по присоединеніи же въ 1772 году Бѣлоруссіи къ Россійской имперіи, панцырные бояре причислены были въ дворцовое вѣдомство и во всемъ поверстаны съ дворцовыми крестьянами, а по Высочайшему указу генваря 21 дня 1788 года, *по единообразному ихъ состоянію съ малороссійскими козаками, сравнены съ ними и въ платежъ податей*“.

Въ 1806 году бѣлорусскій военный губернаторъ Михельсонъ сдѣлалъ запросъ сенату, „не относятся ли и на панцырныхъ бояръ всѣ тѣ повинности, въ томъ числѣ и рекрутская очередь, каковыя исправляются малороссійскими козаками, равно и самый порядокъ внутренняго ихъ управленія, на основаніи Высочайшаго ихъ указа, въ 7 день августа 1797 года о волостяхъ состоявшаго“, такъ какъ панцырные бояре уклонялись отъ исполненія всякихъ повинностей, „поставляя себя въ нѣкоемъ особомъ родѣ людей, отъ всякихъ повинностей изъятыхъ“.

Сенатъ, заслушавъ запросъ бѣлорусскаго военнаго губернатора и принимая во вниманіе данныя, сообщенныя государственнымъ казначеемъ, пришелъ къ тому заключенію, что панцырные бояре, въ Витебской губерніи обитающіе, суть одинаковаго происхожденія съ малороссійскими козаками, и въ прежнія времена и тѣ и другіе были вольный военный народъ, обязанный нести военную службу цѣлымъ обществомъ, но, съ теченіемъ времени, положеніе ихъ, а съ присоединеніемъ къ Россійской имперіи и самбе состояніе перемѣнилось, что они, будучи званія не шляхетскаго, и во времена польскаго владѣнія отъ платежа податей изъяты не были, по присоединеніи же къ Россійской имперіи поверстаны во всемъ съ дворцовыми крестьянами, и наконецъ, высочайшимъ указомъ 21 января 1788 года, по единообразному ихъ съ малороссійскими козаками происхожденію и состоянію, сравнены съ ними во всѣхъ отношеніяхъ, слѣдовательно и не составляютъ они собою никакого особаго рода

людей, отъ всякихъ повинностей изъятыхъ, но такъ же, какъ и прочіе положенные въ подушный окладъ, обязаны наравнѣ нести всѣ государственныя и земскія повинности и поставку рекрутъ натурою, какъ-то исполняется подобными имъ малороссійскими козаками: ибо, по высочайшему 1795 года октября 6 дня указу, исключаются отъ поставки рекрутъ тѣ только, которые освобождены отъ того особыми жалованными грамотами и указами (которыхъ панцырные бояре не имѣютъ), или же коимъ не прошли дарованные льготные годы, каковой сборъ рекрутъ указомъ того-жъ октября 8 дня распространенъ и на Бѣлорусскую губернію, а на послѣдокъ, по силѣ указа отъ 1 сентября 1804 года, рекрутская повинность составляетъ общую обязанность всѣхъ состояній, въ окладъ положенныхъ, а посему сенатъ полагаетъ, что панцырные бояре должны отправлять во всемъ равныя съ малороссійскими козаками обязанности, то есть: давать рекрутъ натурою, платить государственныя подати и исправлять земскія и общественныя повинности по общимъ узаконеніямъ, въ каковую обязанность и включить ихъ съ начала 1808 года“.

Такъ какъ панцырные бояре во всемъ приравнялись къ малороссійскимъ козакамъ, то государственный казначей далъ сенату нижеслѣдующую подробную справку о послѣднихъ: „Козаки малороссійскіе также были прежде народъ вольный и употребляли себя въ войну за деньги по нуждамъ сосѣдственныхъ имъ государствъ; и когда Польшею или собственными своими начальниками были угнетаемы, то прибѣгали къ покровительству Россіи, и наконецъ отдали себя ей въ подданство. Козаки сіи до 1783 года платили поборы неопредѣленные, зависѣвшіе отъ воли начальства; въ ономъ году высочайшимъ указомъ мая 3 дня повелѣно: собирать съ нихъ на содержаніе военной ихъ службы, вмѣсто прежнихъ неопредѣленныхъ поборовъ съ каждой души по одному рублю двадцать копѣекъ на годъ; кромѣ того, козаки малороссійскіе платятъ оброчныхъ за право винокурения по 1 р. съ души, по указу 1794 года сентября 7 дня, вмѣсто провіанта по 30 копѣекъ, и по указу 1797 г. декабря 18 прибавочныхъ, вмѣсто содержанія полво-

выхъ подъемныхъ лошадей, по 26 копѣекъ, накладныхъ по 2 копѣйки на рубль, всего по 2 рубля 81 копѣйки въ годъ съ каждой души. По силѣ указа 1783 года іюня 28 дня, изъ козаковъ малороссійскихъ составлено было 10 малороссійскихъ карабинерныхъ полковъ; указомъ 1786 года апрѣля 10 дня присоединены къ содержанію оныхъ полковъ и бывшіе монастырскіе крестьяне, изъ коихъ наполненъ новый малороссійскій гренадерскій полкъ, а по указу 1794 года апрѣля 24 числа собранъ и сформированъ изъ козаковъ и монастырскихъ крестьянъ корпусъ военнопѣшихъ стрѣлковъ малороссійскихъ, изъ коихъ тѣ полки по предписаніямъ главнокомандующаго и наполнились. Послѣ того состоявшимися въ 1795 году высочайшими указами повелѣно: первымъ, октября 6 дня, впредь наравнѣ съ прочими губерніями Всероссійской Имперіи собирать рекрутъ по точной силѣ рекрутскаго учрежденія, изданнаго въ 1766 году сентября 29 дня, въ губерніяхъ: кievской, черниговской, цовгородъ-сѣверской, харьковской, воронежской, тамбовской, саратовской, екатеринославской, вознесенской и таврической области, съ мѣщанъ и крестьянъ казеннаго вѣдомства и помѣщичьихъ, кои при общихъ по государству рекрутскихъ наборахъ и при наполненіи войскъ не несли сего повинности, исключая изъ сего набора тѣхъ только, которые освобождены особыми жалованными грамотами и указами, или же коимъ не прошли еще дарованные льготные годы; вторымъ: того-жъ октября 8 числа, собрать съ 500 душъ по одному рекруту со всего государства, не исключая губерній: санктпетербургской, малороссійскихъ, бѣлорусскихъ, минской, волынской, подольской и брацлавской и округъ, отошедшихъ отъ сихъ губерній къ сопредѣльнымъ екатеринославской, вознесенской и къ области таврической. Въ высочайшемъ указѣ, данномъ сенату 1 сентября 1804 года, о сборѣ во всемъ государствѣ съ 500 душъ по 4 рекрута, между прочимъ изображено: что рекрутская повинность составляетъ общую обязанность всѣхъ состоянній въ окладъ положенныхъ, и потому отправленіе ея должно быть для всѣхъ уравнительно“.

Какъ видимъ, центральное правительство, уравнивая панцырныхъ бояръ какъ въ отношеніи правъ, такъ и въ отношеніи

повинностей съ малороссійскими козаками, тѣмъ самымъ показывало, что оно не думало еще объ окончательномъ упраздненіи этихъ двухъ своеобразныхъ сословныхъ единицъ, рассчитывая, быть можетъ, еще воспользоваться когда-нибудь ихъ „воинственнымъ духомъ“; въ 1811 г. малороссійскіе козаки получили даже, наравнѣ съ помѣщиками, подтвержденіе своихъ прежнихъ правъ курить и продавать вино¹⁾.

И дѣйствительно, наступала эпоха, когда пришлось прибѣгнуть къ услугамъ воинственнаго козачества и въ поощреніе надѣлать его новыми льготами и милостями, отъ которыхъ козаки воспріали духомъ и стали мечтать, что имъ будутъ снова возвращены всѣ ихъ прежнія золотыя вольности.

IV.

Малороссійское ополченіе 1812 года.—Объединеніе козаковъ.—Милости козакамъ за скорое сформированіе козачьихъ полковъ.—Отмена временныхъ льготъ; предположеніе о реформѣ козачьяго сословія; переселеніе козаковъ въ черноморію.—Запрещеніе продавать козачьи земли.—Различіе мнѣній въ правительственныхъ сферахъ по вопросу о правахъ малороссійскихъ козаковъ; отношеніе князя Н. Г. Репнина къ козакамъ.

12 іюня 1812 года французы перешли черезъ р. Нѣманъ. Императоръ Александръ I, пребывавшій въ это время въ Вильнѣ, сдѣлалъ попытку „избавить чловѣчество отъ бѣдствій новой войны“, пославши генераль-адъютанта Балашева съ письмомъ къ Наполеону, въ которомъ предлагалъ примиреніе, подъ условіемъ немедленнаго удаленія французовъ изъ русскихъ владѣній. Попытка эта не увѣчилась успѣхомъ, и иноземныя полчища разлились по сѣверо-западному краю. Россія не была готова къ ихъ отраженію.

Между тѣмъ неціятель стремительно двигался впередъ— нужно было скорѣе выработать планъ военныхъ дѣйствій и хлопотать объ увеличеніи количества войскъ. Одной изъ первыхъ мѣръ, принятыхъ Гусударемъ, было распоряженіе о наборѣ конныхъ козачьихъ полковъ въ Малороссіи.

¹⁾ П. С. З. № 24832.

Въ концѣ іюня былъ отправленъ на имя малороссійскаго генераль-губернатора князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго рескриптъ, помѣченный 12 іюня 1812 г., которымъ повелѣвалось озаботиться немедленнымъ наборомъ козачьихъ полковъ въ предѣлахъ черниговской и полтавской губерній и отправкой ихъ, по мѣрѣ готовности, въ Калугу и Тулу, съ общаніемъ, что этотъ наборъ замѣнить „обыкновенный рекрутскій наборъ, въ протчихъ губерніяхъ къ осени приготовляемый“.

Получивъ милостивый рескриптъ и желая, какъ можно скорѣе, оправдать довѣріе Государя, князь Лобановъ-Ростовскій немедленно разослалъ всѣмъ земскимъ комиссарамъ, ближайшимъ начальникамъ козачьяго сословія, копии съ рескрипта, съ приложеніемъ собственнаго воззванія отъ 10 іюля 1812 г., въ которомъ онъ общаетъ выхлопотать у Государя въ награду за скорое и успѣшное формированье козачьихъ полковъ полное освобожденіе козаковъ отъ рекрутскихъ наборовъ и образованіе особаго украинскаго войска „близко похожаго съ древнимъ состояніемъ малороссійскихъ воиновъ“.

„Я при семъ случаѣ—пишетъ князь—имѣю всему здѣсь козачьему сословію объявить, что тѣмъ снаряженіемъ избавляются они не токмо перваго рекрутскаго набора, но, по минованіи въ тѣхъ полкахъ надобности, всѣ они распустятся въ дома свои, навсегда останутся принадлежащими украинскому войску и по первому востребованію обязаны опять явиться на службу и, составить свои полки, офицера же пользуются содержаніемъ и всѣми по службѣ правами, уланскимъ офицерамъ присвоенными: они имѣютъ установленную форму по полкамъ, они считаются на службѣ даже въ то время, когда полки распустятся, ибо тогда будетъ ихъ обязанностью имѣть полное свѣдѣніе о состояніи и занятіи подчиненныхъ имъ козаковъ. Таковое сихъ полковъ устройство столь близко похоже съ древнимъ состояніемъ малороссійскихъ воиновъ, что нѣтъ сомнѣнія, что здѣшнее козачье общество предоставитъ однимъ избраннымъ пользоваться и польстится употребить сей случай, чтобы доказать многочисленной формировкой,* что они всѣ достойны получить навсегда право составить изъ себя защиту и служить не по

очереди рекрутской, а по усердію къ Царю и рѣвности къ ремеслу, въ коемъ отличатся они всегда умѣли, ибо кто не вѣдаетъ, что быть на войнѣ было сущее дѣло предковъ ихъ“.

Это обращеніе малороссійскаго генераль-губернатора къ козакамъ было принято ими, конечно, съ восторгомъ, такъ какъ высказанный княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ взглядъ на призваніе малороссійскихъ козаковъ вполне соответствовалъ истиннымъ традиціямъ козачества, которыя такъ рельефно проявлялись, какъ мы видѣли выше, втеченіе всего XVIII вѣка.

Едва успѣлъ князь Лобановъ-Ростовскій сдѣлать первыя распоряженія о наборѣ козацкихъ полковъ, какъ былъ обнародованъ манифестъ отъ 6-го іюля о созывѣ ополченій во всей Россіи. Въ виду выраженной въ манифестѣ крайней нужды въ возможно скоромъ сформированіи и снаряженіи въ походъ ополченій, князь Лобановъ-Ростовскій послалъ немедленно распоряженіе полтавскому и черниговскому губернскимъ правленіямъ, чтобы не стѣснятъ козаковъ точнымъ выполненіемъ распоряженія отъ 10 іюля, хлопотать лишь о возможно большемъ количествѣ войскъ, и за скорое снаряженіе опять обѣщаль исходатайствовать у Государя освобожденіе отъ рекрутскихъ наборовъ и, кромѣ того, временныя льготы въ уплатѣ податей.

„Я поставлю долгомъ—писалъ князь—донести Его Императорскому Величеству и быть у Его престола ходатаемъ, дабы благоволилъ Онъ приказать не вмѣщать козацье общество въ рекрутскую очередь и въ податяхъ участвовать только, какъ состоянію ихъ прежде повелѣно было, ибо обязываются они составлять изъ себя войско, какое въ нужный часъ потребно быть можетъ, уважая удобность быть въ мирное время въ домахъ своихъ. Таковой милости ожиданіе заставляетъ меня предложить губернскому правленію, какъ и казенной палатѣ, пріостановиться со сборомъ второй половины податей съ козаковъ, и съ помощью земской и городской полицій и волостныхъ правленій имѣть наблюденіе, дабы какъ можно болѣе людей снаряжено было съ полученія сего на каждомъ мѣстѣ черезъ двѣ недѣли“.

Въ этомъ же распоряженіи князя Лобанова-Ростовскаго подробно изложена и организація формируемыхъ козацкихъ полковъ.

18 іюля былъ обнародованъ второй манифестъ о созывѣ земскаго ополченія. Дѣйствіе этого манифеста распространялось и на Малороссію—одновременно она должна была выставить конные полки изъ лицъ, принадлежавшихъ въ козацъему сословію, и земское ополченіе изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Такое усиленное формированіе войскъ было крайне тягостно для обывателей, въ особенности въ виду труднаго въ ту пору экономическаго положенія полтавской губерніи, а потому многіе стали уклоняться отъ всякаго участія подъ предлогомъ болѣзни, немѣнныя средствъ и т. п. Къ тому же возникли недоразумѣнія между высшими представителями мѣстной власти, генераль-губернаторомъ княземъ Я. И. Лобановымъ-Ростовскимъ и полтавскимъ губернскимъ маршаломъ Дмитріемъ Прокофьевичемъ Трощинскимъ, принимавшимъ горячее участіе въ дѣлѣ формированія земскаго ополченія и козачьихъ полковъ.

Какъ ни волновался Трощинскій и какъ ни хлопоталъ онъ о скорѣйшемъ снаряженіи полтавскаго земскаго ополченія, но дѣло медленно подвигалось впередъ; тормозилъ его, между прочимъ, и самъ Лобановъ-Ростовскій своими распоряженіями, шедшими нерѣдко въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ дѣла. Его предписаніе о продовольствіи 6,500 лошадей коннаго ополченія во время похода на счетъ обывателей вывело Трощинскаго изъ терпѣнія:

„Продовольствіе сѣномъ лошадей ополченія—писаль Трощинскій князю Я. И. Лобанову-Ростовскому—не могло дворянство взять на себя по сущей невозможности, найпаче незная, куда необходимость заставить въ теченіе войны подвинуть за границы губерніи столь многочисленную конницу и будетъ ли прокормленіе оной сѣномъ соответствовать его способамъ, истощаемымъ на защиту престола и отечества“.

Вообще Лобановъ-Ростовскій выказалъ себя въ этомъ дѣлѣ крайне нераспорядительнымъ. Тяжелое экономическое положеніе Малороссіи, непосильныя требованія, предъявленныя къ населенію, и нераспорядительность высшихъ властей были главными причинами того, что наборъ такъ затянулся, что малороссійское войско не попало на театръ военныхъ дѣйствій и по изгнаніи

французовъ за предѣлы Россіи было немедленно распушено. Такимъ образомъ малороссійскіе козаки были лишены возможности показать свою доблесть въ отраженіи грознаго непріятеля ¹⁾

Участіе козаковъ въ снаряженіи ополченія, при непосильныхъ требованіяхъ, предъявленныхъ вообще къ малороссійскому населенію, сильно ихъ разорило, и они долго не могли оправиться. Князь Н. Г. Репнинъ въ своей „краткой запискѣ о малороссійскихъ козакахъ“, говоритъ объ этомъ слѣдующее:

„При всѣхъ разныхъ преобразованіяхъ козаки отличались исправнымъ платежемъ податей и исполненіемъ прочихъ общественныхъ повинностей. Въ послѣднюю отечественную войну козаки, какъ владѣльцы, выставили на своемъ иждивеніи многочисленныя конныя ополченія, и для защиты отечества, подобно дворянамъ, жертвовали добровольно достояніемъ и жизнью.

Но въ сихъ послѣднихъ годахъ, мѣлзя не сознаться, что благосостояніе малороссійскихъ козаковъ нѣсколько поколебалось: порывъ ихъ усердія на защиту отечества былъ несоразмѣренъ ихъ силѣ и возможности. Поставивъ изъ 25-ти ревизскихъ душъ, слѣдовательно, изъ десяти работниковъ, кормящихъ семейства, одного воина, снабдивъ онаго лошадыю и конной сбруею, содержавъ его, прежде отправленія, полгода и, по возвращеніи, около полутора, до весны 1816 года, т. е. близъ двухъ лѣтъ, провіантомъ и фуражемъ, пополняя убыль въ людяхъ, лошадахъ и вещахъ, малороссійскіе козаки истощили всѣ денежныя у себя капиталы, ибо употребили на сіи предметы многіе миліоны“ ²⁾.

О томъ, что содержаніе козачьихъ полковъ столь продолжительное время было тягостно для населенія, упоминаетъ также въ своихъ путевыхъ запискахъ императоръ Николай Павловичъ, когда онъ, бывши еще великимъ княземъ, предпринялъ, для довершенія своего образованія, лѣтомъ 1816 г. поѣздку по Россіи:

„Полтавская губернія ставитъ на службу девять козачьихъ полковъ по 1200 человекъ. Нынче они распушены. Они учреж-

¹⁾ Вышеизложенное о формированіи козачьихъ полковъ и ополченія въ 1812 г. составляетъ краткій пересказъ нашей статьи „Малороссійское ополченіе 1812 г.“, помѣщенной въ V-й кн. Читеній въ Историч. Общ. Нестора лѣтомъ.

²⁾ Читенія М. О. И. Др. Р. 1864 г. Кв. II, стр. 87 свѣд.

дены были въ 12-мъ году, и, равно какъ и черниговскіе, въ мирное время не служатъ и никакой пользы не приносятъ“ (послѣ того слѣдовали слова: „то становятся въ тягость губерніямъ, кои ихъ одѣваютъ“, но великій князь зачеркнулъ ихъ). Дворянство и казаки довольны бѣ были, если бѣ изъ сихъ 15 козачьихъ составить 6 уланскихъ или иныхъ полковъ, ибо содержаніе сихъ 6 полковъ меньше стоило бы, нежели 15, а польза была бы та, что армія имѣла бы 6 прекрасныхъ регулярныхъ полковъ, коихъ содержаніе ничего правительству не стоило бы и вмѣстѣ не было бы тягостно губерніямъ“¹⁾).

Но, хотя малороссійскимъ козакамъ и не пришлось принять активнаго участія въ отечественной войнѣ, они получили все таки кое-какія милости.

Когда былъ обнародованъ манифестъ отъ 12 сентября 1815 г. о наборѣ рекрутъ съ 500 душъ по одному человѣку, казаки были освобождены отъ дачи рекрутъ, наравнѣ съ жителями Грузіи и Бессарабіи²⁾).

Въ 1816 году былъ полученъ въ Малороссіи очень милостивый по отношенію къ козакамъ указъ императора Александра I:

„Имѣя въ особенномъ уваженіи—говорится въ указѣ—усердный подвигъ малороссійскихъ козаковъ, вооружившихъ въ 1812 г. собственнымъ иждивеніемъ 15 конныхъ полковъ на защиту отечества, мы съ удовольствіемъ приступаемъ нынѣ къ образованію сего сословія на правилахъ, воинскому духу его свойственныхъ, долженствующихъ расширить и упрочить навсегда выгоды его поселенія и связать козаковъ неразрывными узами со всѣми прочими военными силами нашими. Но какъ обширныя соображенія, долженствующія предшествовать окончательному устройству малороссійскихъ козаковъ, необходимо требуютъ времени; то Мы, желая обратить сіе самое время въ пользу козаковъ, доставя возможность тѣмъ изъ нихъ, кои на службѣ находятся, употребить оное на улучшеніе своего хозяйства, повѣляемъ вамъ привести въ исполненіе слѣдующія распоряженія:

¹⁾ Сборникъ И. Р. Историческаго Общества, т. 98, стр. 97.

²⁾ П. С. З. № 25912.

1-е. Удостоверить всѣхъ вообще козаковъ вѣрнопой вамъ губерніи ¹⁾ въ непреложности нашихъ намѣреній и попеченій о лучшемъ устройствѣ ихъ; объявить тѣмъ изъ нихъ, кои находятся въ составѣ полковъ сей губерніи, особенное Наше за вѣрную ихъ службу благоволеніе, и что съ симъ вмѣстѣ воинскіе труды ихъ оканчиваются.

2-е. Предписать командирамъ полковъ немедленно распустить козаковъ по домамъ, предостаив имъ полную свободу въ нѣдрахъ семействъ своихъ заниматься хозяйственными упражненіями“.

Согласно этому-же указу, козаки были освобождены „отъ всѣхъ другихъ податей и сборовъ, кромѣ подъемной по три рубля и за право винокурения по одному рублю, итого по четыре рубля съ души, которые, собирая на прежнемъ основаніи съ начала сего года, присовокуплять сумму оныхъ къ суммамъ вышеозначеннымъ, и хранить въ Казенной Палатѣ на томъ же основаніи для употребленія въ пользу устройства тѣхъ-же козаковъ, по усмотрѣнію Нашему. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что общественныя повинности, какъ-то: содержаніе почтъ, дорогъ, мостовъ и проч., остаются въ своей силѣ“.

Офицеры, служившіе въ козачьихъ полкахъ, должны были быть удовлетворены жалованьемъ за весь 1815 годъ; кромѣ того, Государь поручилъ генераль-маіору графу Витту „объявить имъ особенно“ монаршую милость и благоволеніе и „отобрать отзывы отъ тѣхъ изъ нихъ, кои пожелаютъ вступить въ военную службу“, для представленія на высочайшее усмотрѣніе ²⁾. Въ 1817 г. послѣдовалъ указъ отъ 29 марта, которымъ разрѣшалось офицерамъ пятнадцати малороссійскихъ козачьихъ полковъ, распущенныхъ по домамъ, носить мундиръ ³⁾; „мундирныя вещи“, согласно указу отъ 11 іюня 1816 г., были оставлены и рядовымъ козакамъ „въ награду службы ихъ“.

¹⁾ Указъ написанъ на имя черниговскаго и полтавскаго гражданскихъ губернаторовъ.

²⁾ П. С. З. № 26309.

³⁾ П. С. З. № 26755.

Такимъ образомъ обѣщанія князя Лобанова Ростовскаго что рядовые козаки „навсегда останутся принадлежащими къ украинскому войску“, а офицеры будутъ пользоваться правами службы даже тогда, когда „полки распустятся въ дома свои“, съ сохраненіемъ содержанія и формы, только и оправдались въ отношеніи этой послѣдней.

Князь Н. Г. Репнинъ высказываетъ въ вышеупомянутой нами своей „краткой запискѣ о малороссійскихъ козакахъ“ мнѣніе, что императоръ Александръ I былъ очень милостивъ къ нимъ:

Императоръ „объявилъ высочайшее благоволеніе свое къ козакамъ въ именномъ указѣ 1816 г., обнадеживая ихъ распространеніемъ выгодъ, собственность же козаковъ его величество оградилъ не только отъ потрясенія, но и отъ всякаго недоразумѣнія, паче всѣхъ самодержцевъ россійскихъ, утвердивъ мнѣнія государственнаго совѣта 1812 года іюля 17, 1820 года апрѣля 19 и 1823 года апрѣля 14¹⁾), въ коихъ сказано: въ первомъ, что „козаки, владѣя землями, какъ собственностью своею, властны оную продавать“, во второмъ—позволено продавать свои дома, земли и имущества, въ третьемъ—что земли малороссійскихъ козаковъ принадлежать имъ собственно на правѣ дворянскомъ“²⁾).

Но оказываемыя козакамъ милосги не соотвѣтствовали, вѣроятно, тѣмъ надеждамъ, которыя они питали относительно возвращенія прежнихъ правъ и вольностей; указъ же отъ 25 августа 1818 г. на имя преемника князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго, новаго малороссійскаго военнаго губернатора князя Николая Григорьевича Репнина³⁾), совсѣмъ разрушилъ ихъ мечты. Въ виду особой важности этого указа, мы приведемъ его здѣсь цѣликомъ:

„Господину малороссійскому военному губернатору. При сильныхъ мѣрахъ, кои къ оборонѣ отечества пріемлемы были

¹⁾ Срав. П. С. З. № 29427.

²⁾ Чтенія въ М. О. И. и Др. Р. 1864. Кв. II, стр. 114 сл.

³⁾ Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ (рожд. 1777 г. † 1845 г.), вице-король Саксоніи съ октября 1813 года по ноябрь 1814 года, генералъ-губернаторъ Малороссіи съ 22 іюля 1818 г. по 6 декабря 1834 г.; его смѣнилъ гр. Строгановъ.

въ 1812 году, поручалъ я предмѣстнику вашему сформированіе козачьихъ полковъ въ Малороссіи, поставивъ ему на видъ рескриптомъ 25 іюня того же года, что оное замѣнить обыкновенный рекрутскій наборъ, съ прочихъ губерній къ осени приготавливаемый. Такимъ образомъ, составлено было изъ козачьяго сословія 15 полковъ на правѣ ополченія, введеннаго вслѣдъ затѣмъ манифестами 6-го и 18-го іюля внутри государства, въ составѣ коего находились и конные козачьи полки изъ ямщиковъ и поселянъ внутреннихъ губерній. Вамъ извѣстна служба сихъ послѣднихъ и что съ окончаніемъ войны они распущены по домамъ. Малороссійскіе же козаки въ послѣдующее съ 1812 года время освобождены были отъ рекрутскихъ наборовъ и податей, кромѣ собираемыхъ по указамъ 11 іюня 1816 года, по четыре рубля съ души, въ намѣреніи дать имъ новое образованіе.

По правиламъ, принятымъ въ основаніе новаго устройства поселяемыхъ войскъ, соединеніе владѣемыхъ козаками земель въ особыя округи, кои бы отдѣляли ихъ отъ земель помѣщичьихъ, должно предшествовать всѣмъ предполагаемымъ о сѣмъ предметѣ распоряженіямъ, но для приведенія онаго въ исполненіе требуется слишкомъ продолжительное время, чтобы козаки могли между тѣмъ остаться безъ всякой службы отечеству. Посему я повелѣваю вамъ:

1) Козачье сословіе въ обѣихъ малороссійскихъ губерніяхъ ввести въ обыкновенную рекрутскую повинность по прежнему при настоящемъ наборѣ.

2) Въ знакъ же признательности къ усердію козаковъ, оказанному скорымъ сформированіемъ изъ среды себя полковъ, объявить имъ, что они оставляются при тѣхъ самыхъ податяхъ по четыре рубля съ души, кои собираются съ нихъ на основаніи указовъ моихъ отъ 11 іюня 1816 года¹⁾).

Но высказанное въ вышеприведенномъ указѣ предположеніе о выдѣленіи козаковъ въ особыя военныя поселенія почему то не было приведено въ исполненіе, и вообще не было при-

¹⁾ П. С. З. № 27505.

нято никакихъ мѣръ къ тому, чтобы „дать имъ новое образованіе“, указомъ же отъ 10 декабря 1819 года было повелѣно уравнивать козаковъ въ отношеніи податей съ прочими казенными поселянами: усматривая изъ мнѣнія государственнаго совѣта, по представленію министра финансовъ состоявшагося, что козаки малороссійскіе, въ воздаяніе принесенныхъ имъ въ пользу отечества пожертвованій сформированіемъ полковъ отъ среды своей, съ 1812 по 1819 годъ были освобождены отъ взноса въ казну оброчной подати, оставаясь только при платежѣ подушнаго оклада и налога за право винокуренія; и признавая, что таковымъ въ теченіе восьми лѣтъ продолжавшимся облегченіемъ въ исполненіи общихъ государственныхъ повинностей козаки получили достаточное вознагражденіе за произведенныя ими издержки, повелѣваемъ о возобновленіи съ 1 января 1820 года сбора оброчнаго оклада съ малороссійскихъ козаковъ и о распространеніи на нихъ учрежденныхъ податей по части путей сообщенія, платимыхъ всѣми прочими состояніями казенныхъ поселянъ“¹⁾.

Въ слѣдующемъ, 1820-мъ, году снова было сдѣлано распоряженіе о переселеніи на земли, принадлежавшія черноморскому войску двадцати пяти тысячъ малороссійскихъ козаковъ, съ цѣлью „умноженія черноморскаго войска“²⁾ и, быть можетъ, отчасти, удаленія изъ Малороссіи наиболѣе вольнолюбиваго элемента, разочарованнаго въ своихъ ожиданіяхъ.

По словамъ изслѣдователя исторіи „Кубанскаго козачьяго войска“, г. Фелицына, „главную массу переселенческаго люда дало Черноморіи само правительство...—съ 1820 г. по 1825 г. вновь прибыло изъ полтавской и черниговской губерній 25627 душъ мужескаго и 22755 душъ женскаго пола“³⁾.

„Указомъ отъ 18 декабря 1823 года было повелѣно взимать оброчный окладъ съ малороссійскихъ козаковъ наравнѣ съ казенными поселянами, „въ однѣхъ съ ними губерніяхъ обита-

¹⁾ П. С. З. № 28021.

²⁾ П. С. З. № 28241.

³⁾ Фелицынъ, 1. с., стр. 59.

ющими¹⁾, т. е. въ возвышенномъ размѣрѣ, но 18 марта 1827 года послѣдоваль указъ на имя министра финансовъ о сложеніи этой подати²⁾.

Объщанное коренное образованіе внутренняго строя малороссійскихъ козаковъ, быть можетъ, вслѣдствіе своей относительной сложности, не приводилось въ исполненіе, хотя видимо озачивало высшія правительственныя сферы, благопріятно до нѣкоторой степени настроенныя по отношенію къ козакамъ. 23 ноября 1828 г. было повелѣно, „для прегражденія дальнѣйшей распродажи малороссійскихъ козачьихъ земель, оную воспретить, впредь до рѣшенія о семъ дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ“³⁾.

Замедленіе въ разрѣшеніи вопроса о правахъ и обязанностяхъ малороссійскихъ козаковъ происходило, вѣроятно, отъ различія взглядовъ на этотъ вопросъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, обсужденію которыхъ онъ былъ порученъ. Это видно изъ слѣдующаго мѣста изъ „записки“ князя Н. Г. Репнина:

„Права собственности малороссійскихъ козаковъ, касательно земель ихъ, совершенно ограждены были высочайшимъ утвержденіемъ 14 апрѣля 1823 года мнѣнія государственнаго совѣта, что земли малороссійскихъ козаковъ не зависятъ отъ управленія министерства финансовъ и принадлежать либо козакамъ собственно, на правѣ дворянскомъ, либо обществамъ ихъ, не имѣютъ сходства съ землями, у казенныхъ крестьянъ во владѣніи состоящими, которыми завѣдываютъ казенныя палаты. Почему на будущее время постановить правиломъ, чтобы дѣла по землямъ малороссійскихъ козаковъ, ежели со стороны казны нѣтъ къ нимъ притязанія, не были отсылаемы ни въ казенныя палаты, ни къ министру финансовъ на заключеніе. Но пять дней послѣ сего положительнаго закона, а именно—19 апрѣля 1823 года, бывшій г. министръ финансовъ сообщилъ г. министру юстиціи заключеніе свое, въ коемъ предлагаетъ правила, совершенно оному противныя, и, оспаривая малороссійскаго военнаго губернатора, наводитъ даже на него прибавленіе словъ, якобы

¹⁾ П. С. З. № 29696.

²⁾ П. С. З. № 970.

³⁾ П. С. З. № 2447

не существовавшихъ въ грамотахъ, добавляя, что не въ желаніи козаковъ сбывать земли, но въ другихъ и побочныхъ обстоятельствахъ должно искать причинъ, по которымъ въ разныя времена представляемо было объ отмѣнѣ законовъ, воспрепятствующихъ козакамъ продавать оныя. Личность не должна существовать въ преніяхъ между людьми, состязующимися о государственномъ дѣлѣ, слѣдовательно, малороссійскій военный губернаторъ умолчалъ бы противъ укоризны, дѣлаемой графомъ Гурьевымъ не ему одному, но, вмѣстѣ съ нимъ, знаменитому Богдану Хмельницкому и его преемникамъ въ гетманствѣ, такъ же ваяцелеру князю Безбородку и бывшимъ генераль-губернаторамъ Малороссіи, графу П. А. Румянцову-Задунайскому и князю А. Б. Куракину. Но какъ дѣлу сему данъ вновь ходъ министромъ финансовъ, поддерживающимъ заключенія своего предмѣстника, то малороссійскій военный губернаторъ и поставляетъ обязанностью своею, во исполненіе высочайшаго повелѣнія, дабы, при разрѣшеніи дѣла сего, изслѣдованы были обстоятельно права, козакамъ принадлежащія, представить на благоуваженіе высшаго правительства всѣ тѣ основанія, на коихъ онъ утверждаетъ мнѣніе свое о безограниченности правъ собственности малороссійскихъ козаковъ, для чего съ прискорбіемъ вынужденъ будетъ иногда оспаривать и личныя заключенія графа Гурьева.

Права козаковъ основываются: 1) на первоначальномъ заселеніи, 2) на узаконеніяхъ и привилегіяхъ польскихъ, 3) на присоединеніи ихъ къ прежнему отечеству и на грамотахъ и узаконеніяхъ россійскихъ государей⁽¹⁾.

Въ князѣ Н. Г. Репнинѣ малороссійскіе козаки имѣли горячаго защитника ихъ правъ, что особенно рельефно проявляется въ ближайшій періодъ ихъ исторіи, начала 30-хъ годовъ.

Н. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Чтенія въ М. О. И. и Др. Р. 1864. Кн. II, стр. 90 сл.

ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

(1862 годъ).

I. Временнообязанные.

а) въ Церкви.

Первое мое знакомство съ мѣстнымъ православнымъ населеніемъ мѣстечка Б., послѣ достопамятной крестьянской реформы 1861 года, началось въ церкви. По случаю праздника, народу собралось тысячи полторы. По обѣимъ сторонамъ амвона стояли почетнѣйшіе старики съ зажженными свѣчами—обычай, уцѣлѣвшій съ того времени, когда при православныхъ приходяхъ Украины существовали братства и братчики. Зажигаются эти свѣчи обыкновенно при чтеніи евангелія. Кругомъ аналоя тѣснились старыя женщины и, склонивъ благоговѣнно головы предъ діакономъ, внимали божественнымъ словесамъ Утѣшителя страждущихъ: „пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи и азъ упокою вы“...

По окончаніи чтенія, діаконовъ предлагалъ этимъ набожнымъ женамъ цѣловать святыя слова, причемъ каждая изъ нихъ клала на евангеліе мѣдную монету въ пользу чтеца—обычай, какъ видно, тоже давній, быть можетъ, современный уніи, но нисколько незаслуживающій того, чтобы его поддерживать, а тѣмъ болѣе видѣть въ немъ образецъ стариннаго благочестія.

Между народомъ постоянно копошились и шныряли, какъ перепелки въ житѣ, мальчуганы, которымъ никакъ не стоялось

на одномъ мѣстѣ. Тамъ и сямъ блестяли бѣлыя пуговицы ливрейной дворни мѣстнаго магната, зеленѣли охотничьи кафтаны царей—костюмы, далеко не гармонировавшіе съ общимъ фономъ картинной группы поселянъ-хлѣборобовъ.

Другую половину церкви, въ выходу, занимали преимущественно женщины. У меня въ глазахъ зарябило, когда я въ первый разъ окинулъ взглядомъ эту разряженную массу народа. Словно въ огородѣ, густо засѣянномъ макомъ, билъ въ глаза красный цвѣтъ, преимущественно любимый нашими украинками. Не только пояса и коралы, но и сподницы, и корсеты, и чоботы у нѣкоторыхъ были червонныя. Впрочемъ, рѣдкая щеголиха сохранила настоящій малороссійскій уборъ: все какъ то безвкусно, пестро, если брать каждую порознь, но ensemble былъ великолѣпный.

Доморощенный хоръ довольно сношень. Составился онъ изъ крестьянъ, благодаря усердію страстнаго любителя церковнаго пѣнія Салгана, пользующагося за то большимъ почетомъ у своей громады. Это едва-ли не единственный человѣкъ во всемъ мѣстечкѣ, не поддавшійся крѣпостному гнету—смѣлый, бойкій, оборотливый. Никто лучше его не прочтетъ апостола: гортань могучая, слова выговариваетъ ясно, выразно, заканчиваетъ чтеніе эффектное самаго діакона. Главное его занятіе—шорное ремесло, хотя онъ не брезгаетъ и другими промыслами, лишь бы зашибить лишнюю копѣйку. Учась своему мастерству въ Кіевѣ, онъ часто бывалъ въ Братскомъ и Михайловскомъ, до страсти любя пѣніе. Не зная нотъ, онъ удачно управлялъ своей маленькой капеллой, выполняя довольно сносно даже концерты. Мнѣ тутъ же рассказали, что здѣшній благочинный, отецъ Иванъ, въ ожиданіи архіерейскаго пріѣзда, хотѣлъ устроить хоръ изъ своихъ школьниковъ; но такъ какъ до прибытія преосвященнаго оставалось всего три недѣли, то изъ этой затѣи ничего и не вышло. Импровизированный хоръ, съ помощію священника, дьячка и учителя-семинариста, съумѣлъ пропѣть лишь „Царю Небесный“, да и то съ грѣхомъ пополамъ. Всю свою досаду на то, что не удалось отличиться передъ Владыкой, отецъ Иванъ выместилъ на почтенномъ Салганѣ, запретивъ ему пѣть съ своими мальчиками

и согнавъ его всенародно съ клироса, произносилъ во всеуслышаніе: пошовъ вонъ!

Странно, подумалъ я, въ такомъ святомъ мѣстѣ, гдѣ грубая сила произвола не должна бы, казалось, имѣть мѣста, самолюбіе руководить дѣйствіями людей, на которыхъ преимущественно лежитъ обязанность внушать народу миръ, смиреніе, слѣдуя божественнымъ словамъ апостола: любви не завидить, не превозносится, любви долготерпѣть.

Вообще объ отцѣ благочинномъ, какъ въ народѣ, такъ и между подчиненными ему священниками, ходитъ нехорошая молва. Разъ, говорятъ, въ одинъ воскресный день случилось ему вѣнчать три пары разомъ. Народу собралось множество—и мужчинъ и женщинъ, и старыхъ и молодыхъ. Первая свѣтилка одной пары, прехорошенькая дивчина, дерзнула сорвать вѣтку сирени въ палисадникѣ, окружающемъ церковь. Вдругъ откуда ни взялись дьячокъ съ понамаремъ, схватили преступницу въ охапку и потащили прямо въ церковь на расправу къ отцу протоіерею. Представляю положеніе бѣдной дѣвушки, которой и не снилось въ такой радостный для нея день испытать такое огорченіе при собраніи знакомыхъ, подругъ и парубковъ, между которыми находился, вѣроятно, и женихъ ея. Притянувши предъ лицо суроваго блюстителя чистоты нравовъ рыдающую отъ стыда дѣвушку, причетники представили улику похищенія—вѣточку сирени. Не уважая дѣвической стыдливости, благочинный началъ ее публично срамить и тутъ же велѣлъ положить сто поклоновъ.

Не думаю, чтобы эта возмутительная сцена доказала народу заботливость пастыря объ исправленіи пасомыхъ.

Едва лишь пономарь успѣлъ поставить предъ царскими вратами аналой, какъ вся сплошная масса народу заколыхалась, и *лавою* посунула впередъ. Вышелъ изъ алтаря съ тетрадкой благочинный. На лицахъ выразилось желаніе воспріять душе-спасительное поученіе изъ устъ своего пастыря. Во все продолженіе довольно длинной проповѣди въ слушателяхъ замѣтно было сильное напряженіе неразвитаго ума—схватить мысль, понять слово, уразумѣть смыслъ поученія. Но, увы! для большинства этихъ „благочестивыхъ слушателей“ всѣ усилія къ тому оста-

лись тщетными. Не говоря уже о томъ, что отвлеченное содержаніе проповѣди было совершенно недоступно пониманію простолюдина, самое то содержаніе облечено было въ такую затѣливую форму, передано такимъ искусственнымъ языкомъ, что, не обинуясь, можно сказать: проповѣдь эта была гласомъ вопіющаго въ пустынь... Какъ ни усиливался проповѣдникъ сдѣлать свое слово общедоступнымъ „и посмотримъ, и разсмотримъ, и вникнемъ, и размыслимъ, и съ одной стороны, и съ другой стороны“—ничто не помогло. Памятна мнѣ одна проповѣдь о мирноносицахъ женахъ, умастившихъ честную главу Спасителя благовонными „ароматами“.

Какъ началъ батюшка упражняться въ риторскихъ изворотахъ предъ темнымъ людомъ своей паствы по поводу сихъ „ароматовъ“, то мнѣ стало даже смѣшно, и я скромно опустил глаза, чтобъ не сдѣлать соблазну для „малыхъ сихъ“. „И потекли ароматы добрыхъ дѣлъ, и потекутъ ароматы добрыхъ дѣлъ“.

— Прочитавъ батюшка щось по письменному—мабудь дуже разумне, але Богъ его святой знае що воно и до чого? говорили крестьяне, выходя изъ церкви.

„У священника есть своя святая школа, въ которой онъ можетъ всегда и всѣхъ, а не однихъ дѣтей, поучать всему доброму“—говорить одинъ духовный журналъ.

Золотая истина! что и говорить.

Дѣйствительно, помимо церковныхъ школъ, у cadaго священника есть въ рукахъ могучее средство вліять на жизнь своихъ прихожанъ: это великая народная школа-церковь, училище въ самомъ высокомъ значеніи этого слова, училище вѣры и благочестія христіанскаго. Но, къ сожалѣнію, для большинства нашихъ пастырей всѣ обязанности въ отношеніи пасомыхъ ограничиваются однѣми лишь церковными требами. Если духовенство, обладая такимъ всемогущимъ средствомъ, сдѣлало мало въ пользу народной нравственности, будучи стѣсняемо до сихъ поръ вѣрѣпостными отношеніями къ пасомымъ, то теперь, когда, съ освобожденіемъ крестьянъ, для дѣятельности его настало болѣе благоприятное время, оно могло бы сдѣлать много; но только не требами, не искусственными разглагольствованіями въ родѣ

сегодняшняго, а настоящимъ живымъ словомъ, которое бы имѣло жизненное значеніе, и только при такихъ условіяхъ „дастся имъ что возглаголати“.

Вообще говоря, наше духовное витійство всегда было витійствомъ, т. е. всегда было далеко отъ жизни и станетъ благотворно вліять на массы лишь тогда, когда измѣнится вся система воспитанія въ нашихъ духовныхъ училищахъ. За исключеніемъ весьма немногихъ проповѣдей, обличающихъ дѣйствительно существующіе въ русскомъ народѣ пороки и заблужденія, большая часть этихъ поученій, словъ, бесѣдъ—богословскіе трактаты, перефразировка слышанныхъ когда-то въ семинаріи лекцій монаха-профессора, перетасовка текстовъ, или же собраніе поученій византійскихъ ораторовъ, громившихъ нѣкогда пороки развратной Византіи, не имѣющіе ничего общаго съ жизнію русскаго народа. А потому жизнь шла всегда своимъ чередомъ, а проповѣдь своимъ порядкомъ: ибо эти книжныя разсужденія, очевидно, не могли имѣть ни малѣйшаго примѣненія къ практической жизни, которая въ глуши нашихъ селъ отъ временъ Кирилла Туровскаго осталась неизмѣнною до позднѣйшаго времени.

Только проповѣдь, направленная противъ дѣйствительно существующихъ въ обществѣ пороковъ и сказанная при томъ языкомъ, доступнымъ этому обществу, вполне удовлетворила бы своему высокому назначенію.

Никто не станетъ спорить, что катехизическія поученія въ видѣ простыхъ бесѣдъ, *viva voce*, для безграмотнаго нашего люду весьма необходимы; отвлеченныя же догматическія тонкости, въ которыя вдаются нѣкоторые изъ нашихъ сельскихъ пастырей, не приносятъ, конечно, ему ни малѣйшей пользы.

Едва ли также излишне для нашего украинскаго селянина истощать свое краснорѣчіе въ доказательствахъ истинности православія, а тѣмъ болѣе распространяться о безвѣріи. При всемъ наружномъ равнодушіи украинца къ религіи, всякій, кто жилъ съ народомъ, знаетъ, какъ глубоки его сердечныя убѣжденія въ святости и превосходствѣ *его* вѣры предъ всякою другою, не смотря на то, что католики обзываютъ ее „хлопскою

вярой, схизмой“. Не въ шаткости религиозныхъ убѣжденій состоитъ главный недостатокъ нашего селянина: онъ доказалъ на дѣлѣ, какія жертвы способенъ принести за свои убѣжденія, тѣмъ болѣе не для чего сельскому проповѣднику ополчаться во всеоружіе догматики и ратовать противъ безвѣрія.

У нашего простолюдина есть другія язвы (неизбѣжные плоды долговѣчнаго рабства), требующія немедленнаго врачеванія: непроходимое невѣжество и суевѣрія, закоренѣлая грубость нѣкоторыхъ вредныхъ обычаевъ и предрасудковъ, полное отсутствіе чувства человѣческаго достоинства и самоуваженія, обманъ, воровство, сквернословіе и наконецъ—повсемѣстное пьянство, самый капитальный порокъ нашего крестьянина. Онъ такъ глубоко пустилъ свои корни въ жизнь народную, что безъ водки немыслимъ ни одинъ праздникъ, ни одинъ обрядъ, случай просто. Ужасно, возмутительно, больно, но тѣмъ не менѣе это такъ, и такъ вездѣ, по всѣмъ селамъ, по всему прекрасному, богатому, бѣдному, несчастному нашему краю...

Между тѣмъ это почти нетронутая почва для нашихъ проповѣдниковъ, продолжающихъ и до сего дне витать въ сферѣ отвлеченностей. Облеченные во всеоружіе учености, они остаются совершенно равнодушными зрителями глубокаго паденія въ народѣ добра и правды, или же преслѣдуютъ какія нибудь невинныя забавы и легкіе проступки, касающіеся одной лишь обрядовой стороны жизни, а корень зла внутренняго, оставаясь нетронутымъ, все глубже и глубже врастаетъ въ жизнь народную...

И день иде, и ничь иде,
И, голову схопывши въ руки,
Дивуется, чому не иде
Апостолъ правды и науки? (Ш--ко)

И какъ плодотворна, какъ сильна бывала рѣчь того проповѣдника, который посвящалъ всю свою жизнь, всѣ данныя ему отъ Бога способности на искорененіе въ народѣ пороковъ

и заблужденій! Глашатай правды и любви божественной, онъ силенъ силою сверхъестественной, являющей міру чудеса: онъ говорить не отъ себя, а отъ лица церкви, не свое, а божественное. Слова его подобны грому небесному, предшествующему благотворному дождю, оплодотворяющему землю послѣ долгой засухи. Но не гремитъ громъ боговдохновенной проповѣди—и высыхаютъ въ жизни народа источники добрыхъ дѣлъ и царствуетъ повсюду стужа и запустѣніе...

„Приходское наше духовенство, говоритъ другой духовный журналъ, родилось и возросло среди народа, среди его живетъ и дѣйствуетъ, помогая ему дѣломъ и словомъ, дѣля часто съ нимъ нужду и горе“.

Если авторъ означенной статьи считаетъ сельское наше духовенство весьма близкимъ къ народу только лишь потому, что оно живетъ вмѣстѣ съ нимъ въ селѣ, то этимъ вовсе не доказывается существованіе кровной связи между ними. Можно прожить иногда весь свой вѣкъ не только въ одномъ селеніи, но даже подъ одной кровлею съ людьми, съ которыми у насъ не бываетъ ничего общаго. Я разумѣю тутъ близость духовную, обусловливаемую общностью внутреннихъ интересовъ, симпатією или отвращеніемъ къ однимъ и тѣмъ же явленіямъ жизни и природы.

„Единственная, на огромныхъ пространствахъ захолустьевъ русскихъ, развитая личность, живущая жизнью селянина и сочувствующая его духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ—это священникъ“, продолжаетъ авторъ той же статьи.

Но, да позволено мнѣ будетъ спросить: въ чемъ же выразилось это сочувствіе? Отчего наше сельское духовенство ни одной сколько нибудь серьезной статьей не заявило печатно о томъ, что его интересуетъ жизнь народная? Кому какъ не сельскому священнику всего ближе и удобнѣе изучать бытъ народа во всей его подробности, записать его поэтическія думы-пѣсни, историческія преданія, или просто замѣтить лингвистическія особенности данной мѣстности? Но мы не знаемъ ни одного сколько нибудь замѣчательнаго труда, ни одной пѣсни или преданія, которое бы было обнаружено священникомъ, тогда какъ

у других славянских племенъ духовенство стоитъ во главѣ литературнаго движенія, опирающагося главнымъ образомъ на изученіе памятниковъ народной словесности. Разительный примѣръ этому—наши соплеменники русины.

Особенно странно такое равнодушіе къ завѣтной старинѣ этихъ „развитыхъ личностей“ въ нашемъ южно-русскомъ краѣ, гдѣ каждый почти клочокъ земли ознаменованъ какимъ нибудь историческимъ событіемъ, каждое село имѣетъ свою исторію, свои преданія. Могилы, разбросанныя по степамъ-полямъ, и скалы, нависшія надъ Росью и Бугомъ, больше говорятъ о прошедшемъ, чѣмъ эти развитые люди, хвалящіеся близостью къ народу: понеже люди молчатъ, каменіе вопити понудишася...

А виновато въ этомъ опять то же схоластическое образованіе нашихъ духовныхъ училищъ, которое ведетъ свое начало отъ основанія кievской коллегіи. Не только теперь, когда уже давно затихли военныя бури, опустошавшія этотъ край, когда „былое заросло быліемъ, засыпано землей, нарочно вспаханной и засѣянной, чтобы скрыть для потомства даже память о мѣстѣ, гдѣ совершались событія“; но и въ XVI и XVII столѣтіяхъ, когда дѣйствительная жизнь сама, такъ сказать, просилась подъ перо,—и тогда наши кievскіе грамотѣи писали на языкѣ, мало понятномъ для народа,—тогда какъ кругомъ ихъ народная поэзія была живымъ ключомъ, съ своимъ прекраснымъ языкомъ, съ глубокимъ чувствомъ, отражая въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, явленія современной жизни.

Эти народныя пѣсни, которыя въ XVIII столѣтіи, блаженной памяти, Василій Кириловичъ Тредьяковскій честилъ названіемъ *подлой* словесности, этотъ поэгическій языкъ, который и въ наши дни подобныя же схоластики, за одно съ поляками, обзываютъ *мушкетимъ*—для нашего духовенства всегда были чужды. До такой степени воспитаніе, чуждое народному духу и жизни, вселяющее даже иногда презрѣніе къ народу,—разобщило пастырей съ пасомыми!

Нечего послѣ этого и говорить о народности въ проповѣдяхъ нашихъ сельскихъ священниковъ.

Во второе свое путешествіе по Европѣ въ 1716 году, Петръ I завернулъ въ любимую имъ Голландію. Тамъ встрѣтили его торжественною рѣчью. Ораторъ говорилъ высокопарнѣйшимъ слогомъ.

„Благодарю васъ, отвѣчалъ ему Петръ, но я васъ не понималъ. Я выучился голландскому языку, строя караваны въ Амстердамъ, вашего же языка я не понимаю“.

Въ такомъ именно отношеніи находится языкъ нашихъ духовныхъ рѣчей къ разговорному русскому языку: это языкъ семинарскихъ задачъ на извѣстный текстъ или тему. Какъ же пойметъ необразованный человѣкъ поученіе, написанное такимъ высокимъ слогомъ, полуславянскимъ, полурусскимъ языкомъ, читаемое обыкновенно по тетрадкѣ или по книгѣ безъ всякой выразительности, монотонно и скоро?

Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ привести здѣсь одно мѣсто изъ лучшаго нашего духовнаго журнала о томъ, какова должна быть современная проповѣдь.

„Теперь ничего не сдѣлаешь съ обществомъ одними благочестивыми размышленіями, назидательными мыслями, подборкою текстовъ и изреченій св. отцовъ; теперь дѣйствовать на общество языкомъ обыкновенныхъ проповѣдей—значить попусту терять время. Современный богословъ долженъ подняться на разумную высоту и отсюда показать во всемъ блескѣ всеобщія истины, тогда передъ нимъ преклонился бы и палъ ницъ всякій. Чтобы пробудить отъ сна эту безчувственную толпу, нужно, кромѣ сочиненій такого рода, *дѣйствовать на нее примтрами*: поразительными дѣйствіями самоотверженія, благочестія, любви, подвижничества. Вотъ какими проповѣдями можно только возбудить отъ сна уснувшее и разслабленное современное общество“ (Православн. Обозрѣніе № 1. 1868 г.).

в) Въ волости.

Въ тотъ же самый день, послѣ обѣда, въ волостномъ управленіи была мірская сходка. Не помню, въ какомъ номерѣ

„Современной лѣтописи“ я читалъ статью, направленную противъ самоуправленія крестьянъ. Авторъ этой статьи изображаетъ народныя собранія, самыми мрачными красками: шумъ, крикъ, пьянство и чуть ли не драки составляютъ, по его словамъ, всегдашнія явленія мірскихъ сходокъ. Можетъ статься, авторъ гдѣ нибудь и видѣлъ такое безобразіе, но что касается описываемой мною мѣстности, то, сколько мнѣ извѣстно, на громадскихъ радахъ не случается ничего подобнаго. Я намѣренъ, со словъ достовернаго очевидца, описать одну изъ такихъ радъ, въ которой было около ста человѣкъ громады и которая продолжалась отъ 12 часовъ до 6 вечера, спокойно, чинно, съ удивительнымъ терпѣніемъ и сдержанностью. Какъ хотите, а пробыть около шести чаловъ на ногахъ, въ духотѣ и непривычномъ для крестьянина умственномъ напряженіи,—это подвигъ не малый, который не всегда бываетъ подъ силу любому коллегіальному собранію.

Предметомъ громадскихъ рѣшеній были на этотъ разъ весьма серьезные вопросы: уложеніе сообща оброчныхъ цѣнъ, раскладка недоимочныхъ денегъ на всю волость, избраніе нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, постройка новаго дома для школы и т. п. Въ небольшой комнатѣ собралась вся эта масса народа; нѣкоторые стояли въ сѣняхъ за недостаткомъ мѣста.

Большинство громады состояло изъ сивоголовыхъ уважаемыхъ всѣми стариковъ; остальные—люди среднихъ лѣтъ; очень молодыхъ не было вовсе.

Волостной старшина обыкновенно предлагаетъ на разсужденіе одинъ изъ очередныхъ вопросовъ, и съ словами: „какъ громада разсудить?“ уходилъ въ другую комнату, на другую половину дома, черезъ сѣни, гдѣ сидѣлъ съ подобающею важностію, съ перомъ за ухомъ, волостной писарь, всегда готовый къ услугамъ. Собраніе разбивалось на отдѣльныя группы, человѣкъ по 10 и по 15, и начиналось обсужденіе предложеннаго вопроса. Одни оставались въ комнатѣ, другіе выходили на дворъ. Минуть черезъ 15—20 кучки эти начинали соединяться, и послѣ непродолжительныхъ споровъ, наконецъ соглашались въ чемъ нибудь одномъ.

— А зовите волостного!—отзывалось нѣсколько голосовъ.

Входитъ волостной, въ сопровожденіи писаря. Выработанное громадой мнѣніе формулируется писаремъ, записывается въ протоколъ и перечитывается во всеуслышаніе. Несогласный съ мнѣніемъ большинства имѣлъ право протестовать. Онъ обыкновенно выходилъ впередъ и, при общемъ молчаніи присутствующихъ, высказывалъ свое мнѣніе.

Не всѣ, впрочемъ, вопросы вотировалъ старшина; иногда предлагалъ ихъ ктонибудь изъ гражданъ; ему возражалъ другой, этому третій и т. д. Диспуты велись съ замѣчательнымъ тактомъ. говорилъ всегда одинъ. Если поднятый такимъ образомъ вопросъ лицомъ, не принадлежащимъ къ волостной администраціи, былъ, по мнѣнію громады, очень важнаго свойства, то для обсужденія его все собраніе требовало больше времени. Опять разбивались на кучки, опять старшина уходилъ и опять возвращался съ писаремъ, по зову громады, и приговоръ записывался въ журналъ.

Въ такомъ порядкѣ происходили громадскія совѣщанія до самаго конца сходки. Ничего подобнаго тому, о чемъ пишетъ Современная лѣтопись на ней не случилось. Лучшимъ опроверженіемъ того обличенія, что на мірскихъ сходкахъ крестьяне только пьянствуютъ, можетъ служить слѣдующій фактъ:

Около 4 часовъ въ волостное правленіе пришелъ крестьянинъ, порядкомъ подвыпившій; но едва онъ открылъ ротъ, чтобы и себѣ сказать чтонибудь, какъ по всему собранію пробѣжалъ ропотъ.

— Куды ты прѣйшовъ?—накинулся на него волостной:—чи ты забудь, що то за мисто и для чого мы сюды попрыходьды? Геть видсья, ледащо! Коли зайшовъ першъ до шиньку, то й сидь бы тамъ, пьянюго!

И неприличный господинъ тотчасъ отведенъ былъ въ холодную—проспать.

с) На улинь.

Посмотримъ теперь, какъ проводятъ праздничный день молодые парни и дѣвчата, въ то время какъ старики заняты такою серьезною работою. Справедливо говоритъ польская пословица: *Jak kto się bawi, tak się o nim grawi.*

Дѣйствительно, народныя увеселенія и забавы могутъ дать довольно вѣрное понятіе о вкусахъ и наклонностяхъ народонаселенія данной мѣстности; по нимъ можно отчасти судить о степени его умственнаго и нравственнаго развитія. День былъ чудесный. Вышедши послѣ обѣда на улицу, съ цѣлію сдѣлать обычную свою прогулку, я увидѣлъ множество молодежи, въ красныхъ и зеленыхъ поясахъ, въ червонныхъ и желтыхъ чоботахъ. Все куда-то спѣшило. Пошелъ и я вслѣдъ за ними. Повернувши въ бердичевскую улицу, я услыхалъ пронзительный визгъ скрипки и глухой гулъ бубна. Направо и налево, во все протяженіе улицы, на ставняхъ еврейскихъ домовъ, на столбикахъ, подпирающихъ навѣсы при входѣ въ дома своеобразной архитектуры, привѣшены небольшія вывѣски, на которыхъ, по черному фону, намалевано бѣлыми подобіе графина, чарки и жестянаго крючка съ ручкою—извѣстная порція горѣлки. Подъ этими незатѣйливыми фирмами пріютились тѣ многочисленныя питейныя заведенія, къ которымъ такъ нетерпѣливо спѣшили разряженные парубки и дивчата. Это называется у нихъ—„пійты на музыку“. Любопытство увлекло меня подойти ближе къ одному изъ такихъ домовъ. Сквозь растворенныя настежь двери я увидѣлъ такую картину: въ углу на скамейкѣ сидѣли два музыканта; одноглазый скрипачъ немилосердно пилилъ на своемъ разбитомъ инструментѣ съ пеньковыми струнами, а товарищъ его съ меньшимъ усердіемъ ударялъ въ бубенъ деревяннымъ пестомъ, совершенно заглушая говоръ публики, которая представляла не мало разнообразія. Тутъ были дивчата, грызущія сѣмячко, подгулявшіе парни, лакеи въ красныхъ жилетахъ, и наконецъ солдаты—эти цивилизаторы нашего сельскаго люду, исконные враги доброй славы нашихъ неразумныхъ дивчатъ. Духота была невыносимая: царь клубился изъ дверей, какъ изъ бани. Посреди густой толпы оставалось пространства не болѣе двухъ квадратныхъ аршинъ, гдѣ почти на одномъ мѣстѣ мѣсили ногами раскраснѣвшіися дѣвушки, а потъ катился съ нихъ градомъ.

Въ противоположномъ углу комнаты, подѣ гудѣнье бубна „севастопольскій герой жужжалъ въ уши здоровой и уже не

первой молодости покрытъ свои армейскія любезности, суя ей въ руку стаканъ съ водкой. Другой солдатикъ любовался на эту парочку, самодовольно улыбаясь и какъ бы желая тѣмъ сказать, „ай да наши—кого не надуютъ?“. Тутъ же подлѣ нихъ, пьяный лакей въ ливрейномъ сюртукѣ, съ металлическими пуговицами, крутилъ замазляную папирску.

Такихъ увеселительныхъ заведеній съ музыкой на одной бердичевской улицѣ было болѣе десятка, и всѣ они были биткомъ набиты. Въ другихъ шинкахъ—безъ музыки, засѣдали старики съ женами и чинно, тихо пропивали послѣдній грошъ, праздника ради.

Кабакъ и школа!? Вотъ два противоположные полюса народной жизни, двѣ крайнія грани, опредѣляющія разстояніе отъ человѣка до скота, два исходные пункта народныхъ бѣдствій и благосостоянія, грубости и цивилизаціи, тупоумія и развитія, нищеты и довольства, разврата и доброй нравственности.

Хотя эти двѣ крайности уживаются въ нашемъ мѣстечкѣ, но онѣ не укладываются въ моей головѣ. По моему, одно изъ двухъ: или школа и проповѣдь, съ ихъ благотворнымъ вліяніемъ на народную нравственность, или кабакъ и распутство.

Если церковныя школы, существующія въ такомъ большомъ количествѣ въ нашей губерніи, бессильны для того, чтобы создать новое, лучшее поколѣніе и поднять уровень умственного развитія въ народѣ, то ихъ нужно принаровить къ вошіющимъ потребностямъ новаго положенія крестьянъ, сдѣлавъ въ нихъ необходимыя улучшенія. Если проповѣди нашихъ сельскихъ пастырей, подобныя той, о которой мы говорили выше, бесплодны для жизни, не въ состояніи подѣйствовать на нравственность крестьянъ, то слѣдуетъ измѣнить всю систему нашего духовнаго краснорѣчія: намъ нужны не риторы, витающіе въ сферѣ умозрѣній, а живые общественные дѣятели, готовые до самоотверженія дѣломъ и словомъ служить народному благу.

д) *Малярка.*

Извѣстную всему нашему околотку Малярку скорѣе всего можно увидѣть въ церкви. Она не пропускаетъ ни одного бого-

служенія. Обычное ея мѣсто съ лѣвой стороны, противъ иконы святителя Николая. Стоитъ она въ церкви весьма неспокойно: то, оборотившись, дѣлаетъ замѣчанія стоящимъ подлѣ нея людямъ, то, припавши къ холодному полу лицомъ, стонетъ и плачетъ, то начинаетъ смѣяться истерическимъ смѣхомъ, то вдругъ, поднявшись, начинаетъ воевать съ мальчуганами, умышленно напиравшими на нее толпу,—это злѣйшіе и всегдашніе враги ея. Послѣ каждаго священнодѣйствія, какъ напр. послѣ эктении, апостола, евангелія и т. д., она подходитъ къ намѣстнымъ образамъ съ комически-набожной миной, и, приложившись, возвращается на свое обычное мѣсто. Наконецъ, послѣ херувимской пѣсни, какъ только запоютъ „яко да царя“, приложившись въ послѣдній разъ, она оставляетъ свое мѣсто и. начинаетъ хожденіе по церкви, продолжая его до окончанія обѣдни, если равьше ее не выведутъ за двери...

Благодаря своему высокому росту, она издали замѣчаетъ всякаго, съ кѣмъ ей нужно поговорить и никто не скроется отъ ея назойливости.

Долго я не могъ уяснить себѣ цѣли этого безпокойнаго хожденія по церкви, пока наконецъ не удалось мнѣ узнать нѣкоторыя подробности, бросившія свѣтъ на эту загадочную личность.

Два года тому назадъ умеръ у нея мужъ, смиренный, работающій человекъ, маляръ—самоучка; не докончивъ заказаннаго ему образа св. Николая, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ къ существованію. Не на что было даже похоронить его: какъ жилъ бѣднякомъ, такъ и умеръ. Ходила бѣдная вдова къ асновельможному пану просить на погребеніе, передъ самымъ отъѣздомъ его за границу—ничего не далъ. „Я, сказалъ, нуждаюсь и самъ въ деньгахъ“. Спасибо, хоть громада не отказала: кое какъ похоронили. Малыхъ дѣтокъ забрала къ себѣ старшая дочь. Осталась малярка одна одинешенька „якъ палець“.

Это семейное горе, внезапно разразившееся надъ бѣдняками, до того потрясло впечатлительную душу малярки, что она „тронулась ума“. Такъ какъ время смерти ея мужа совпало съ тревожнымъ ожиданіемъ крестьянами воли, которая была

единственнымъ предметомъ разговоръ въ каждой семьѣ, въ каждой сходкѣ, встрѣчѣ на улицѣ, то слѣды этого тревожнаго состоянія остались навсегда въ душѣ бѣдной малярки: и черезъ два года не перестаетъ она повторять то, о чемъ говорилось въ послѣдній день ея здороваго состоянія, да еще съ прибавкою того, о чемъ, конечно, и не снилось никогда крѣпостнымъ хлопамъ, напр. что ясновельможный женится на ней непременно какъ на вольной, имѣющей право выйти за кого ей угодно, „ніякого биса не пытаючися“.

И началась для бѣдной малярки жалкая, скитальническая жизнь посреди народа, и гуляетъ она себѣ на свободѣ, не зная никакого стѣсненія, переходя изъ дома въ домъ, питаясь подавляемъ. Дождь ли идетъ, буря ли на дворѣ свирѣствуетъ—ей все нипочемъ. Ходить себѣ по мѣстечку, никому ни на что не жалуясь, „ніякому бису“ не кланяясь. Всѣ ее знаютъ и всякій хозяинъ готовъ звать ее до хаты, да не ко всякому она пойдетъ съ охотой. Добрые люди никогда ни въ чемъ ей не отказываютъ—ни въ обѣдѣ, ни въ ночлегѣ.

Чѣмъ же оплачиваетъ она имъ за такое радушное гостепріимство? Не ласкательствомъ, не раболѣпнымъ приниженіемъ своей личности, чѣмъ обыкновенно отличаются свѣтскіе паразиты, увивающіеся около знатныхъ своихъ патроновъ; нѣтъ, не этимъ заслужила малярка право сидѣть за чужимъ столомъ, имѣть пріютъ подъ чужою кровлею, а неумолимымъ преслѣдованіемъ разныхъ странностей и пороковъ тѣхъ самыхъ людей, которые такъ охотно раздѣляютъ съ ней заработанный кусокъ хлѣба и свое тѣсное помѣщеніе.

Бродя цѣлый день по мѣстечку изъ дома въ домъ, она видитъ и слышитъ многое такое, что ей не нравится и чего она никакъ не можетъ простить даже такимъ сильнымъ міра, какъ становой и благочинный. Дождавшись воскресенья, или праздника, она всенародно избличаетъ всякаго, за кѣмъ замѣчено ею чтонибудь нехорошее. Тутъ она никого не позабудетъ. Мужъ, подъ пьяную руку побившій жинку, мать, которая не держитъ „добре“ въ рукахъ свою дочку, позволяя ей вѣшаться на шею парубкамъ; дивчина, пришедшая поздно домой изъ му-

зыки; богатырь-хозяинъ, обижающій бѣдняка сосѣда, ледащопарубокъ, забывшая стыдъ молодыца, письмоводитель пристава, взявшій съ бѣдняка два карбованци за правое дѣло его съ жидомъ, лакей, трескающій въ постъ скоромное—никто не избѣжитъ ѣдкой сатиры неумолимой, неподкупной малярки: всѣмъ достанется по заслугамъ!

Въ лѣтнее время, передъ началомъ обѣдни, когда батюшка правитъ акафисты, или во время самаго служенія, когда въ церкви бываетъ очень душно,—на церковномъ дворѣ усядутся разряженные и „заквитчаные“ дивчата. И вотъ оживленная бесѣда полется неудержимымъ потокомъ: смилшки, жарты, щebetанье. Но едва только изъ-за церкви покажется длинная фигура малярки—въ одно мгновение все замолкнетъ. Такъ умолкаетъ веселое чириканье воробьевъ, въ ясный веселый день усѣвшихся на солнышкѣ, когда внезапно промелькнутъ надъ ними изъ-за клуни свистящія крылья хищнаго кобчика. Тихо обходя длинные ряды испуганныхъ дѣвушекъ, малярка пристально вглядывается въ ихъ лица, осматриваетъ ихъ наряды, и горе той, которая въ чемъ нибудь провинилась: не проститъ малярка ни за что въ свѣтѣ. Не спасутъ ее ни пышные „корали“, ни черныя брови, ни богатое убранство: осрамить бѣдняжку на вѣки!

И такъ, почетная роль блюстителя народной нравственности выпала на долю *помъшакной!*...

II. Паны, жидаы и хлопы.

„Богъ, создатель вселенной, распредѣляя людей по состоянiямъ, поставилъ ихъ на извѣстныхъ степеняхъ, и васъ, подданные, создалъ для зависимости, не оставивъ въ васъ ничего равнаго прочимъ, кромѣ души. Каждый являющійся въ Бога христианинъ Его святую волю долженъ принимать съ покорностию. Повинности свои вы должны были всосать съ молокомъ матернимъ, т. е. *вѣрность панамъ и вѣчное подданство владѣльцамъ*“.

(Изъ универсала Стемпковскаго къ крестьянамъ украинскимъ 1768 г.).

Не разъ я самъ задавалъ себѣ вопросъ: отчего въ такой благодатной странѣ, при благораствореніи воздухонъ и изобиліи

плодовъ земныхъ, крестьянинъ нашъ такъ бѣденъ и такъ неразвитъ? За разрѣшеніемъ этого вопроса, конечно, слѣдовало бы обратиться къ историческимъ судьбамъ нашего богатаго края и нашего бѣднаго народа, но въ чему, подумалъ я, вспоминать ужасную быль про далекое прошедшее и вызывать къ отвѣту изъ могилъ давно осужденныя исторіей тѣни виновниковъ настоящихъ бѣдствій народныхъ? Зачѣмъ „противъ ночи згадувать“ эти страшныя имена? *Requiescant in pace!*...

И такъ, оставивъ въ покоѣ предковъ, займемся на сей разъ ихъ потомками и ихъ здравствующими и развѣзжающими по Украинѣ „цугомъ зъ бича“. Бѣденъ всегда былъ нашъ крестьянинъ потому, что былъ богатъ панъ, былъ богатъ жидъ, неразвитъ потому, что тотъ, на кого онъ работалъ въ потѣ лица, ничего для него не дѣлалъ.

Какъ бы въ оправданіе беззаконнаго универсала Стемшковскаго, англичанинъ Стефенсъ провозгласилъ философскій законъ, въ силу котораго „крестьянское сословіе отличается отъ дворянскаго тѣмъ, что крестьянинъ получилъ отъ природы право труда безъ наслажденія, а дворянинъ право наслажденія безъ труда“. Ну, и пусть бы ихъ въ свое удовольствіе наслаждались жизнію настоящіе, что называется, магнаты, породистые тузы, которымъ, по ученію отцовъ іезуитовъ, самъ Богъ велѣлъ жить трудами хлоповъ. Но эта бродячая шляхта, не имѣющая постоянной осѣдлости и наслѣдственныхъ правъ на землю, эти выходцы изъ невѣдомыхъ народу странъ—зачѣмъ они-то пользуются въ нашемъ юго-западномъ краѣ одинакими привилегіями съ помѣщиками? Получая отъ владѣльца имѣніемъ какихъ нибудь стодвѣсти рублей годового жалованья, съ прибавкою „ординари“, господа эти проживали во время—бюо тысячи, выжимая изъ народа послѣдній сокъ и платя ему за то глубочайшимъ презрѣніемъ. Отъ разныхъ поручаемыхъ имъ оффицій, они именуются официалистами. Казалось бы, что эти люди не должны имѣть другого назначенія, кромѣ народнаго благосостоянія, что не народъ существуетъ для этихъ единицъ, а единицы для блага народнаго; но на дѣлѣ выходитъ, что народъ становится не цѣлю,

а средствомъ, орудіемъ, рабочею силою, движимой по прихоти немногихъ личностей въ ихъ собственному обогащенію.

Высочайшій манифестъ 19 февраля положилъ конецъ этимъ неправдамъ. Народу предоставлено право самоуправленія: онъ самъ, въ лицѣ своей громады, принялъ на себя заботу устроить свое благосостояніе, и оно, слава Богу, хотя медленно, однако жъ замѣтно стало улучшаться. Экономы, ржондцы, управляющіе и тому под. чины скарбовой администраціи почувствовали себя лишними между народомъ, а съ выкупомъ крестьянскихъ надѣловъ существованіе ихъ въ краѣ сдѣлается абсурдомъ.

— A co tam słychać?—спрашиваетъ одинъ шляхтичъ другого, встрѣтившись на улицѣ.

— Kierpko, panie dobrodzieju, w Pińsku już swyni przy schablukach chodzą!—аллегорически отвѣчаетъ панъ, показывая головою.

— Urwałosię nam wschystkim!—воскликаетъ разжирѣвшій на должности экономъ.

— Разорили насъ, ограбили!—кричатъ бывшіе душевладѣльцы.

— Чортъ знае що зробылы,—аккомпанируетъ имъ жидъ фурманъ, постегивая исхудалыхъ некормленныхъ клачъ своихъ,—людей у панивъ одибралы, повидумувалы якись тамъ машины, що намъ биднымъ жидкамъ никого й возыть: уси йиздять Днищромъ да на машины. Нащо вони такъ зробылы, що вже никому на насъ йиздыть? Колысь и намъ було добре и панамъ було добре, а теперь? Н—но!

Такъ расходятся интересы здѣшняго разнокалибернаго народонаселенія: панъ ропщеть на то, что ему не на комъ ѣздить жидъ, напротивъ, жалѣеть, что некому на немъ ѣздить, а крестьянинъ доволенъ, что на немъ не будутъ уже ѣздить ни паны, ни жидаы.

Подобнаго рода сожалѣнія объ измѣнившемся порядкѣ вещей добраго стараго времени слышатся отовсюду съ той самой минуты, когда благодѣтельная крестьянская реформа пресѣкла

вѣковое зло, осчастливила миллионы вѣчныхъ тружениковъ, подорвавъ тунеядство гулящей шляхты и вѣрныхъ ея союзниковъ въ дѣлѣ эксплуатаціи—евреевъ.

Но.. пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ, говоритъ по-словца. Возрожденный къ новой жизни высочайшею волею государя здѣшній народъ далеко еще не высвободился, de facto, отъ зависимости поляковъ и жиловъ. Въ подтвержденіе этой истины, я приведу нѣсколько достовѣрныхъ фактовъ изъ жизни одного юго-западнаго мѣстечка.

Есть здѣсь большая мельница, приносящая, говорятъ, 10 тысячъ ежегоднаго дохода. Стоитъ она, правда, порядочныхъ денегъ: одна плотина черезъ рѣку обошлась (при крѣпостномъ трудѣ) около ста тысячъ. Но дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ: казалось бы, устройство такой мельницы, которая мелеть круглый годъ—сущій кладъ для жителей, особенно лѣтомъ, во время засухи, когда высыхаютъ пруды и маленькіе притоки. Но въ такое именно критическое время жида-арендаторы берутъ $\frac{3}{4}$ съ пуда за перемоль, а смолоть о больше негдѣ, потому что вѣтряковъ крестьянамъ строить не дозволено и они волей неволей должны везти жито на панскія мельницы, которыя всѣ находятся въ рукахъ евреевъ.

Но вотъ построилъ крестьянинъ-собственникъ собственный вѣтрячокъ. Боже мой, какой гвалтъ подняли жида!.. Казусное это дѣло „о постройкѣ мельницы крестьяниномъ Праведнымъ на помѣщичьей землѣ“, которое тянется около года, стоитъ того, чтобы разсказать о немъ подробнѣе.

Входя въ нужды своихъ собратьевъ крестьянъ, и испытавъ неоднократно на собственномъ карманѣ весь вредъ эксплуатаціи и монополіи, П—й задумалъ, съ помощью сосѣдей, построить собственный млынъ. Такъ какъ доставшаяся на его долю усадьба находится въ долинѣ, а вѣтрякъ долженъ стоять на возвышенномъ мѣстѣ, то, не осмѣлившись самопроизвольно прихватить для своей будущей мельницы нѣсколько аршинъ смежной съ его огородомъ панской земли, онъ, по совѣту добрыхъ людей, началъ хлопотать у пана комисара о дозволеніи ему по-

ставить мельницу на избранномъ имъ мѣстѣ. Хожденіе по этому дѣлу къ вельможному пану протянулось нѣсколько мѣсяцевъ: то спитъ, то слабый, то въ лужку лѣже, то нима часу. Наконецъ какъ то просителю удалось поймать этого падишаха и выплакать у него „квитъ“ на постройку вѣтряка. Съ этимъ драгоценнымъ лоскуткомъ бумаги мой П—й, не чуя подъ ногами земли, бѣжитъ къ ржондцѣ, которому предписывалось осмотрѣть мѣстность и указать пунктъ, гдѣ должна стоять мельница. Проживъ еще нѣсколько недѣль къ сему второму чину скарбовой іерархіи, наконецъ П—й, вмѣстѣ съ ржондцей, на его же нейтичанкѣ поѣхали кончать это хлопотливое дѣло. Ржондца самъ „рукою власною“ отмѣрялъ потребное количество земли и, пожелавъ П—му счастливаго успѣха въ его предпріятіи, уѣхалъ себѣ домой на своей нейтичанкѣ. Такъ какъ срубъ для вѣтряка давно уже былъ заготовленъ, то П—й въ нѣсколько дней и сложилъ его на указанномъ ржондцею мѣстѣ.

Между тѣмъ арендаторы панскихъ мельницъ, евреи, замѣтивъ такое небывалое въ нашемъ околдкѣ явленіе, чтобы хлопъ имѣлъ свой собственный млынъ, подняли страшный гармидеръ и подали пану-комисару формальный протестъ, заявивъ въ немъ, что постройкой мельницы нарушается заключенное съ экономіею условіе, въ силу котораго ни въ мѣстечкѣ, ни въ окрестностяхъ его не дозволялось никому ставить новыхъ мельницъ, сверхъ арендованныхъ, ни вѣтряныхъ, ни водяныхъ. Вслѣдствіе такого заявленія, въ одно прекрасное утро, становой приставъ, получающій отъ экономіи жалованье сверхъ казеннаго, получилъ отъ управляющаго бумагу „о самопроизвольной постройкѣ крестьяниномъ собственникомъ П—нымъ вѣтряной мельницы на помѣщичьей землѣ“. Продержавъ у себя довольно долго эту бумагу, приставъ передалъ ее мировому посреднику, который, за неимѣніемъ у П—го письменнаго доказательства на позволеніе (квитъ остался у ржондцы), велѣлъ запечатать млынъ. Волостной старшина въ точности исполнилъ это распоряженіе и донесъ мировому, что онъ приложилъ печать „у самисеньку дирку“, куда входитъ ключъ отъ дверей мельницы. Но евреи не удовлетвори-

лись такимъ рѣшеніемъ и требовали, чтобы мельница совершенно была разобрана, на томъ основаніи, что будто бы П—й по ночамъ продолжаетъ молоть, пролѣзая въ мельницу изъ-подъ полу. Не успѣвши въ этомъ, они вошли съ П—нымъ въ переговоры, предлагая ему 150 руб. въ годъ аренды, увѣряя его, что только на такихъ условіяхъ мельница можетъ уцѣлѣть. П—й не согласился, въ ожиданіи скорого пріѣзда изъ-за границы самого ясновельможнаго.

И дождался. Но тутъ онъ встрѣтилъ такую бурю, „що лучше бѣ и не ходыть до того палацу: и въ груди мене штовхавъ, и ногами тупотивъ, разлютовався такъ, що Боже сохрани! Вы, каже, разбойники, бунтовныки, вы мене разорили, ограбили!...

Въ такомъ видѣ передалъ мнѣ всю эту исторію, въ присутствіи благочиннаго, самъ П—й и подтвердилъ свой рассказъ клятвою, которая можетъ замѣнить въ этомъ случаѣ присягу. Я ему совершенно вѣрю. Юридически, конечно, доказать истину своего показанія онъ не можетъ: отъ него потребуютъ письменнаго доказательства, а „квита“ комисара на постройку млына, единственный документъ его, остался, какъ сказано выше, у ржондцы, а ржондца говоритъ, что онъ никогда не получалъ такого квита, равно какъ и самъ комисаръ, съ своей стороны, утверждаетъ, что онъ никакого письменнаго разрѣшенія не давалъ. Поди ты, сладь съ ними, докази правоту своего дѣла! Справедливо замѣтилъ Праведный, что „не має правды, а ни у пана, а ни у жида“.

Стѣсненіе народной жизни, не смотря на манифестъ 19 фѣвраля, простирается до того, что жителямъ мѣстечка негдѣ пасти скотину: выгонныя мѣста отведены имъ верстъ за десять, да и то скотъ приходитъ домой голодный. Не только пруды, но и рѣка были заарендованы евреями, такъ что бѣднымъ крестьянамъ приходилось очень плохо, особенно въ постные дни.

Право охоты до сихъ поръ остается за помѣщикомъ. У русскихъ чиновниковъ панскіе псярныки отнимають ружья, а о крестьянахъ и говорить нечего: крестьянинъ въ своемъ соб-

ственномъ огородѣ не имѣеть права застрѣлить грызуна-зайца или воровку-лисицу, а волки безнаказанно таскають въ лѣсъ овецъ и свиней, а иногда среди бѣла дня, повалить и корову.

И всѣ эти бѣды переносятъ жители ради прихоти эгоиста-феодала, страстнаго охотника, который одинъ на сотни верстъ потѣшаетъ себя этой забавой—

И страждутъ озыми отъ бѣшеной забавы,
И будить лай собакъ уснувшіа дубравы...

Говорятъ, что на содержаніе псарни ассигновывалось въ былыя времена ежегодно до 25 тысячъ рублей. Въ ней помѣщалось до 500 собакъ „всѣхъ возможныхъ породъ и цвѣтовъ: и густо-псовыхъ, и чисто-псовыхъ, наводящихъ изумленіе крѣпостью черныхъ мясовъ“, какихъ, конечно, не бывало у самаго прощальги Ноздрева. Между ними было полтора ста штукъ чистокровныхъ англійскихъ. При псарнѣ содержалось 150 лошадей—верховыхъ и подъ фургонны для сѣтей, да столько же псарей и конюховъ. Это былъ настоящій собачій питомникъ—съ особыми столовыми, мраморными корытами, дортуарами, больницами и т. п.

Кромѣ того, при конюшнѣ масса породистыхъ лошадей, и теперь въ должности конюховъ состоитъ около 30 человекъ наѣздниковъ, да столько же собакъ, въ качествѣ лошадиныхъ тѣлохранителей. Эта челядь, незанятая весь день рѣшительно никакимъ дѣломъ, время, остающееся отъ сна, проводитъ подъ навѣсомъ конюшни, выходящимъ на площадь; тутъ же располагается и стая хортовъ. Для развлеченія конюхи травятъ крестьянскихъ свиней и проходящихъ мимо собакъ. Известно, какъ много значитъ въ бѣдномъ крестьянскомъ хозяйствѣ годовалый кабанецъ: „не покуштовать въ великій праздникъ кабанятинки“—признакъ крайней нужды; это единственно доступное крестьянину лакомство „въ мясныци“. Между тѣмъ не разъ случалось, что панская челядь затравляла свиней, сопровождая визгъ осажденнаго со всѣхъ сторонъ животнаго громкимъ, неистовымъ хохотомъ.

Не далѣе какъ вчера, на площади валялась огромная свинья, разорванная панскими хортами. Стаи воронъ и бездомныхъ со-

бакъ терзали внутренности и волочили ихъ по пляцу, въ виду палаца—до самой становой квартиры.

Невольно подумаешь, что, потерявъ власть надъ крестьянами и лишившись на всегда права истязать людей, скарбовая администрація срываетъ свою злость на бѣдныхъ животныхъ. Горе несчастной собакѣ, забредшей на панскій дворъ; горе козѣ и свиньѣ, попавшей туда въ ворота, всегда отворенныя настезь! Недавно панъ маршалекъ убилъ изъ ружья нѣсколько собакъ, а сколько затравлено козъ и свиней на комисаріи—я уже и счетъ потерялъ. Подумали бы они, чѣмъ виновато глупое животное, что не затворяютъ воротъ, не починиваютъ плетни? Вотъ бы гдѣ общество покровителей животныхъ должно имѣть своего агента!

Недавно я ходилъ по базару, чтобы принаровиться къ мѣстнымъ цѣнамъ. Удивительно, какъ все дорого. Такой богатый край и такая дороговизна! Вся торговля, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстечкахъ нашего края, находится въ рукахъ евреевъ.

Заглянувъ въ мясную лавку, я и самъ себѣ былъ не радъ. На грязныхъ, засаленныхъ и изрубленныхъ въ разныхъ направленіяхъ лавкахъ лежали разной величины куски мяса. Два еврея въ замасленныхъ кафтанахъ рубили топорами и вѣсили порціи говядины, не совѣмъ уже свѣжей, и раздавали просителямъ. Лучшіе куски отложены въ сторону. Когда я спросилъ еврея, для чего онъ ихъ не продаетъ, онъ мнѣ сказалъ, что эти лакомые куски отложены для пановъ официалистовъ и для станового пристава.

Отъ мясной лавки тянулись въ два ряда столики и скамейки съ разными жизненными припасами: пшено, соль, картофель, лукъ и битая птица. Особенно возбуждали аппетитъ покупателей гуси съ ободраною кожей, такъ что всѣ мускулы были видны. Я сперва подумалъ, не занимаются ли еврейки сравнительною анатоміею? Но дѣло объяснилось гораздо проще: выкормивъ гусей на сало, еврейки снимаютъ съ нихъ весь жиръ для своего употребленія—на смалець, а мясо съ костями выносятъ на базаръ и къ удивленію находятъ покупателей. Тутъ же ле-

жала и рыба съ предварительно выпущенной икрой, за которую взяты уже деньги особенно.

По всей базарной площади разставлено множество мѣняльныхъ столиковъ. За промѣнъ одного рубля на мѣдныя деньги берутъ отъ трехъ грошей до трехъ копѣекъ. Кромѣ того, если крестьянину приходится что нибудь купить въ лавкѣ, то сдача дается ему не иначе, какъ съ промѣномъ. Размѣнявши, такимъ образомъ, свою ассигнацію на звонкую монету, крестьянинъ всю ее тутъ же израсходуетъ; затѣмъ его же мѣдныя деньги снова идутъ на *столы* и лежатъ тамъ до другого его пріѣзда на торгъ.

Бродя однажды по улицамъ и размышляя о причинахъ дороговизны, я незамѣтно очутился за мѣстечкомъ. Тамъ, подлѣ корчмы, я увидѣлъ цѣлую толпу оборванцевъ-евреевъ и евреекъ. Это мѣстный пролетаріатъ. Выходятъ они за мѣстечко на всѣ дороги и стараются скупить все, что только везутъ и несутъ изъ деревень крестьяне, по такимъ цѣнамъ, по какимъ на базарѣ никогда не покупаютъ. Этимъ фактомъ отчасти объясняется всегдашняя дороговизна на всѣ жизненные продукты и вмѣстѣ съ тѣмъ открывается тайна существованія цѣлыхъ тысячъ пролетаріевъ, повидимому, совершенно лишенныхъ средствъ къ дневному пропитанію. А ѣдятъ они очень мало сравнительно съ нашимъ рабочимъ классомъ: цыбулька да кусочекъ хлѣба—для еврея достаточно; въ этомъ часто состоитъ весь обѣдъ его.

Мнѣ говорилъ одинъ почтенный еврей, что здѣшняя синагога построена на деньги, которыя, по постановленію кагала, купцы должны были брать съ христіанъ покупателей, сверхъ того, что они обыкновенно берутъ, во всякое другое время, извѣстный процентъ; а вѣдь это зданіе стоитъ до 50 тысячъ сребренниковъ!

Во всемъ западномъ краѣ ярмарка безъ еврея не мыслима, Если въ торговый день случится шабашъ, или еврейскій праздникъ, то ярмарка откладывается до другого дня. Тутъ-то весьма осязательно представляется преобладаніе еврейскаго пародонаселенія надъ православнымъ и вѣчная эксплуатація послѣдняго.

Ни одна купля, ни одна продажа не обходится без обмана и надувательства. Крестьяне такъ уже къ этому привыкли, что давно перестали удивляться изобрѣтательности и изворотливости евреевъ въ сношеніяхъ съ христіанами, флегматически повторяя всякій разъ, въ утѣшеніе себѣ и въ оправданіе своей простоты, вѣчную поговорку: на те винь и жидь, щобъ обманувать! И при всемъ томъ привычка видѣть въ еврей всегдашняго покупателя до того вкоренилась между крестьянами, что они всегда предпочтутъ продать привезенный на базаръ товаръ еврею, чѣмъ всякому другому, зная напередъ, что при расчетѣ ему не доплатятъ, что его и обмѣряютъ, и обвѣсятъ, и обсчитаютъ. Ему предлагаешь настоящую цѣну, а оцъ все упирается: „Мени, каже, и жидь стилько дававъ, я лучше ему продамъ“. Толкуй съ нимъ по пятницамъ!

На ярмаркѣ евреи всемогущи. Надъ ними нѣтъ ни суда, ни расправы. Право всегда на ихъ сторонѣ. Возьмемъ, для примѣра, хоть такой казусъ: пусть на ярмаркѣ крестьянинъ попадетъ въ самомъ мелкомъ воровствѣ, и онъ непремѣнно будетъ преданъ въ руки правосудія, т. е. становаго пристава. Пусть же проворуетъ еврей—выйдетъ совсѣмъ другая исторія. Его хватаютъ съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія, а онъ кричитъ: „гвуль!“; что его грабятъ. Въ минуту со всѣхъ сторонъ сбѣгаются евреи, поднимается страшный содомъ; среди толкотни и давки, вора вырываютъ изъ рукъ пойманнаго его крестьянина, а послѣдняго втаптываютъ въ грязь. Сбитый съ ногъ натискомъ евреевъ крестьянинъ едва лишь успѣетъ подняться съ земли, какъ его уже подхватили подъ руки и пруть раба божьяго въ полицію. А къ становому уже успѣли отправить посольство съ жалобой, что „пьяный мужикъ напавъ на бидного и чесного жидка“, совершенно безвинно, прибилъ его до полусмерти, отнялъ у него 25 карбованцивъ грошей, которыхъ у него, конечно, отъ роду не бывало.

Приводятъ крестьянина предъ лицо правосудія.

— Ты что, пьяница, дерешься съ жидами? привѣтствуетъ его правосудіе и, не слушая никакихъ оправданій, крикнетъ десяцкимъ: въ холодную его!

Если же приставъ окажется человѣкомъ порядочнымъ и благоволитъ войти въ разбирательство дѣла и рѣшить его по всей справедливости, какъ велитъ законъ, то и тогда крестьянинъ все таки окажется кругомъ виноватымъ, потому что юридически онъ никогда не докажетъ правоты своей. Свидѣтели происшествія, его же односельцы, увидавъ такой исходъ дѣла, поуходили подальше, на другой конецъ площади, ихъ и собаками не сыщешь, а у еврея цѣлый кагалъ свидѣтелей, и всѣ они на лицо, и всѣ, какъ одинъ, готовы хоть десять разъ присягнуть, что еврея прибили и ограбили.

Получивъ такой урокъ, бѣдный крестьянинъ приходитъ къ убѣжденію, горькимъ опытомъ, что съ евреями ничего не подѣлаешь, что они—сила.

Бываютъ случаи, хоть и довольно рѣдко, что и евреи между собою подерутся; тогда они большею частію судятся собственнымъ третейскимъ судомъ, между своими же единовѣрцами. Къ приставу побѣжить иной развѣ только съ-горяча. Я былъ свидѣтелемъ такой сцены:

Случилось мнѣ быть у пристава. Въ комнату, гдѣ мы сидѣли и курили, врывается еврей, страшно крича и махая руками; кафтанъ на немъ былъ порванъ, по лицу текла кровь. Приставъ, большой оригиналь, флегматически поднимается съ кресла, подходитъ къ еврею и не говоря ни слова—въ рожество! „Стой такой сякой и молчи!“ Потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ въ кресло и продолжалъ курить трубку.

— А преоригинальная у васъ, Григорій Ивановичъ, расправа: побитый пришелъ у васъ искать защиты, а вы ему еще прибавили отъ себя.

— Виноватый завше бижить попереду, отвѣчалъ онъ. И дѣйствительно, не прошло и пяти минутъ, какъ входитъ и другой еврей, и по справкамъ оказалось, что первый—кругомъ виноватъ, а потому и послѣшилъ раньше добѣжать до становой квартиры огородами и закоулками, расцарапавши себѣ лицо и размалевавши его кровью.

— Эй, соціі! обоихъ за рѣшотку! Тамъ помирятся.

И конецъ всей расправѣ.

Историческое мѣстечко Бѣлую Церковь совершенно справедливо называютъ сестрой Бердичева. Весь центръ его занятъ евреями; православное земледѣльческое населеніе живетъ на окраинахъ, образуя какъ бы три отдѣльныя села: Ротокъ, Зарѣчье и Александрію. Стало быть, господствующее населеніе мѣстечка—евреи; горсть христіанской интеллигенціи—гимназической и скарбовой—между ними почти незамѣтна. Пользуясь особымъ покровительствомъ становаго и вѣря въ могущество своихъ кербелей, они относятся къ остальному населенію съ неуваженіемъ и наглостію. Самое мѣстечко, на своемъ жаргонѣ, какъ бы въ поруганіе святыни, они называютъ не Бѣлою Церковью, а чернымъ капищемъ (Schwarz Tymmer).

Микитка-ницій.

Внося въ свои записки нѣкоторыя наблюденія надъ жизнью украинскаго населенія, я не могу не посвятить нѣсколько строкъ и тебѣ, отверженное людьми и обиженное природой созданіе! Когда мнѣ приходятъ на память твои бѣдныя лохмотья, твои взъерошенные волосы, твое изрытое оспой лицо—безъ малѣйшаго признака мысли человѣческой, твои вывороченныя ноги, лягушечьи прыжки и тѣ глухіе, раздирающіе душу звуки, которыми ты силишься выразить проблески разумѣнія, въ чемъ не отказала тебѣ безжалостная судьба, быть можетъ, съ цѣлію, чтобы ты не умеръ съ голоду и продолжалъ влачить свое жалое существованіе,—передо мной, изъ сумрака вѣковъ, встаетъ страшный призракъ угнетеннаго народа, возваннаго нынѣ къ новой жизни волею Царя-Освободителя... Но дольше всего остается у меня въ памяти единственное слово, произносимое тобой по человѣчески, ты, выкидывъ изъ человѣческаго общества, это слово—пань. Слово, какъ видите, не многосложное, и весьма не труд-

ное для произнесения: оно чаще других словъ слышится на Украинѣ; его научается выговаривать ребенокъ едва ли не прежде словъ: мамо и тато. Здѣсь всѣ пань: помѣщикъ—пань, управляющій его имѣніями—пань, экономъ—пань, берейторъ—пань, главный скотникъ—пань, псарникъ—пань, поваръ и лакей—пань. Затѣмъ все остальное населеніе—жиды и хлопы. Тогда какъ на 40 губерній европейской Россіи, съ 50 миллионнымъ населеніемъ, дворянъ числится всего 135 тысячъ,—въ 9-ти западныхъ губерніяхъ, съ 11 миллионами жителей, потомственныхъ дворянъ считается около 203 тысячъ.

Огорванные отъ кровныхъ интересовъ коренного русскаго населенія, наперекоръ пользамъ и нуждамъ народнымъ преслѣдуя лишь свои шляхетскія цѣли,—польскіе пань были главными виновниками того исключительнаго положенія лучшей части Россіи, которому теперь не въ силахъ помочь самыя благодѣтельные мѣропріятія правительства.

Но... я нѣсколько отклонился въ сторону отъ своего предмета. Обончу свой рассказъ про мальчика.

Обыкновенное мѣстопребываніе Микитки—пляцъ, т. е. площадь. На этой площади, не смотря на то, что она считается парадной, выбрасываютъ всякій соръ, выливаютъ помои и т. п. Здѣсь валяются разные лоскутки бумаги, тряпки, изношенные сапоги, обглоданныя кости. Въ этой гадости и копаются мой Микитка. Обычное его общество—бездомныя собаки, гуси, поросята. Животныя эти такъ съ нимъ сдружились, что позволяютъ съ собой играть. Его не боятся и птицы. Иногда, отыскавъ побольше листъ бумаги, или какуюнибудь цвѣтную тряпку, онъ привязываетъ ее къ палкѣ и пойдетъ дѣлать по пляцу свои уродливыя прыжки. Подобіе змѣи доставляетъ ему видимое удовольствіе: онъ издаетъ горловые звуки, похожіе на веселый смѣхъ.

И не даромъ Микиткѣ полюбилось общество животныхъ.

Проходя однажды въ праздникъ по площади, я замѣтилъ толпу лакеевъ и паничей-гимназистовъ, окружившихъ бѣдняжку и дразнившихъ его, какъ собаченку; при каждой выходѣ него-

днєвъ, изъ груди мальчика вырвался крикъ, похожій на карканье ворона съ подрѣзанными крыльями, когда его начнутъ дразнить дѣти:

„Сей возрастъ жалости не знаетъ!“ говоритъ басня. При каждомъ вскрикиваніи Микитки хохотали не одни глупыя дѣти, но и большіе болваны: крикъ этотъ доставлялъ имъ какое то звѣрское удовольствіе. Неужели, Боже мой!

Et cet âge est sans pitié?

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Расходы Рѣчи Посолитой на козацкихъ пословъ. Одинъ изъ отдѣловъ архива Короннаго Скарба (въ Архивахъ б. Финансоваго Управленія Царства Польскаго при Варшавской Казенной Палатѣ) почти исключительно состоитъ изъ различнаго рода мелкихъ счетовъ, составлявшихъ оправдательные документы для отчетности.—Болѣе сотни такихъ счетовъ касается расходовъ, произведенныхъ на содержаніе, подарки, упоминки различнымъ посольствамъ, пріѣзжавшимъ къ королю по разнымъ поводамъ. Находимъ мы тутъ пословъ московскихъ и татарскихъ,—эти особенно дорого стоили польскому правительству; есть также нѣсколько десятковъ счетовъ, касающихся и козацкихъ пословъ. Большинство счетовъ послѣднаго характера относится къ періоду «руины», къ періоду различныхъ вліаній, всевозможныхъ колебаній, внесшихъ такой разладъ во внутренній строй недавно только освобожденной Украины. Среди этихъ вліаній видную роль играло и польское; этимъ и объясняются частыя сношенія Польши съ козаками, выразившіяся, съ одной стороны, въ посылкѣ комиссаровъ, съ другой—пословъ. Помимо государственныхъ дѣлъ, козацкіе посольства пріѣзжали и по другимъ поводамъ, болѣе частнаго характера; такихъ посольствъ, хотя этотъ терминъ и не вполне подходитъ къ даннымъ случаямъ, являлось очень много; стояло, напр., козакамъ, во время войны Польши съ турками и татарами въ концѣ XVII ст., въ которой они принимали дѣятельное участіе, поимать какого-нибудь турецкаго или татарскаго языка,—сейчасъ же собирается посольство и тащитъ этого языка къ королю, въ надеждѣ получить за это приличное вознагражденіе, —и надежда никогда ихъ не обманывала: кромѣ хорошаго содержанія—и въ теченіе довольно продолжительнаго времени — козаки обыкновенно засиживались въ

польской столицѣ, каждый, соотвѣтственно рангу, получаетъ платье — кунтуши, жуваны, а иногда, кромѣ этого, и нѣсколько «бптыхъ» или «твердыхъ» талеровъ; у кого палъ конь въ дорогѣ — тотъ получалъ на коня, а затѣмъ, перепадала нѣкая толика и при отгѣздѣ — «pro viatico».

Не смотря на свой спеціальный характеръ — служить для финансовой отчетности, эти мелкіе счеты и вѣдомости представляютъ нѣкоторый интересъ и болѣе общаго характера: они могутъ дать нѣкоторыя указанія о сношеніяхъ Польши съ козаками въ дополненіе къ тѣмъ свѣдѣніямъ, какия мы знаемъ изъ другихъ источниковъ; въ нихъ, затѣмъ, бываютъ иногда поименно перечислены всѣ лица, принимавшія участіе въ посольствахъ; они прибавляютъ далѣе нѣсколько новыхъ фактовъ къ дѣтописи о подвигахъ козаковъ, главнымъ образомъ въ борьбѣ съ невѣрными; интересна, наконецъ, и чисто бытовая сторона дѣла: описанія вооруженія, костюмовъ, перечни и цѣна разнаго рода матерій, употреблявшихся на костюмы, и самихъ костюмовъ, стоимость работы этихъ послѣднихъ и т. д.

Со временемъ мы постараемся дать полный списокъ этого рода счетовъ, хранящихся въ архивѣ Скарба; въ настоящемъ-же случаѣ приводимъ нѣкоторые изъ нихъ для образца.

«Списокъ расходовъ, сдѣланныхъ по постановленію сената на разныхъ пословъ». Списокъ этотъ, какъ можно заключить изъ другого, болѣе подробнаго счета, составленъ скарбовымъ писаремъ Винклеромъ; относится онъ къ 1664 г. Мы приведемъ только нѣкоторыя статьи, его, именно:

«На содержаніе велебнаго отца Хмельницкаго панъ Сисловичъ далъ 700 злотыхъ. Для него-же и далъ 300 зл.

На содержаніе татарскаго посла Мустафа Аги съ 13 іюля по 29 сентября, за 79 дней, по 18 зл. на день, — 1422 зл.; тому-же послу на дорогу, на 12 дней, — 216 зл.; на платье тому-же послу — 301 зл.; приставу у этого посла — 60 зл.

На козацкихъ пословъ Семена Оловца и Юзефа Кожанка — 100 зл.; имъ-же на дорогу — 200 зл.»

Затѣмъ идутъ расходы на другихъ татарскихъ пословъ, какъ напр. Абль Геримъ Целебея, и др. (Отдѣлъ III, кн. 5, л. 784).

Слѣдующій счетъ интересенъ, между прочимъ, потому, что въ немъ отмѣчена выдача денегъ посламъ отъ Опары и, затѣмъ, посламъ Дорошенка, которые доставили этого Опару. Приводимъ его цѣликомъ.

«Списокъ того, что выдано въ обозѣ изъ шкатулки короля на общественныя нужды въ 1665 г.

15 августа, подѣ Калишемъ, посламъ отъ Опары - Игнату изъ Субботова и Каракашу, кривловскому судѣ, дано 200 злотыхъ.

3 сентября, подѣ Очаковской Кузницей, тѣмъ-же посламъ отъ Опары, при отправленіи ихъ въ Варшаву, дано 150 зл.

10 октября, въ Равѣ, посланъ отъ Дорошенка—Василію Донцу, судѣ черкасскому, и Пиляку (Pilałowi), уманскому асавулу, которые доставили Опару, дано 200 зл.

11 ноября, въ Торнѣ, на содержаніе татарскаго посла Дедешъ Аги, на руки переводчика Арлаковича дано 300 зл.

12 ноября, въ Торнѣ, на Гюнки Гюжи Аталыка съ товарищами, на руки переводчика Стадницкаго дано 220 зл.

13 ноября, въ Торнѣ, на Мустафа Агу, который отправлялся къ Любомирскому, на руки Дзиндымира дано 200 зл.

Всего выдано 1270 зл.» (Отд. III, кн. 5, л. 798).

«Перечень расходовъ на содержаніе козацкихъ и татарскихъ пословъ, 1666 г.» Здѣсь имѣются только общія цифры безъ подробностей. Кромѣ упомянутыхъ козацкихъ и татарскихъ пословъ, фигурируютъ и московскіе. Ограничиваемся приведеніемъ начала этого перечня.

«1666, 30 января,	на содержаніе московскихъ пословъ	—150 зл.
« 1 февраля,	на содержаніе козацкихъ пословъ .	60 зл.
« 4 «	слугѣ ксендза легата	50 зл.
« 5 «	на козацкую хоругвь Городельскаго старосты	60 зл.
« 8 «	на содержаніе московскаго гонца	100 зл.
« « «	на содержаніе козацкихъ пословъ .	60 зл.
« « «	золотыхъ дѣлъ мастеру на подарокъ для московскаго посла—	112 зл.»; и т. д.

(Отд. III, кн. 5, л. 872).

28 апрѣля 1666 г. прибылъ въ Варшаву «козацкій посолъ Пропоць Семеновичъ отъ гетмана запорожскаго къ его королевской милости». Изъ счета выданныхъ на его содержаніе денегъ мы видимъ, что пробылъ онъ въ Варшавѣ до 26 мая. Израсходовано на него

всего 256 зл.; получалъ онѣ по 4 зл. на день, да кромѣ того «при отъѣздѣ дано на дорогу 28 зл. и 20 локтей сукна по 5 зл. локоть»; въ концѣ примѣчаніе: что вышеупомянутыя деньги посольствъ этотъ получилъ «за него писать неумѣющаго, подписуюсь,—Станиславъ Урбанскій». (Отд. III, кн. 5, стр. 876).

Вотъ еще одинъ счетъ, относящійся къ тому же 1666 году. «Содержаніе козацкихъ пословъ Яроша Грицютенка, павлоческаго полковника, и Ивана Василенскаго, присланныхъ къ королю, которые прибыли въ Варшаву 11 апрѣля 1666 года». Кромѣ Яроша Грицютенка, посольство составляло еще 20 «полковныхъ пословъ», да нѣсколько человекъ «сердиняковъ» (serdiniaków). Посольство пробыло въ Варшавѣ до 25 мая, расходовано на нихъ въ среднемъ по 210 злотыхъ въ недѣлю, и затѣмъ, при отъѣздѣ, приставленный къ посольству Станиславъ Урбанскій получилъ на расходы 60 зл. и отдѣльно на сердиняковъ 120 зл. Помимо этихъ расходовъ, на платье для полковника было куплено 5 локтей французскаго сукна, залочено по 12 зл. за локоть, и на жупанъ 12 локтей атласа по 7 зл. локоть; для 20-ти полковныхъ пословъ 200 локтей фалендышу¹⁾ по 10 лок. для каждаго, и для «сердиняковъ» 30 локтей, за локоть уплочено по 5 зл. Всего израсходовано на это посольство 2944 зл. (Отд. III, кн. 5, л. 877)

«Списокъ расходовъ, выданныхъ изъ короннаго Скарба на запорожскихъ козаковъ, присланныхъ отъ Сирка къ королю и къ Рѣчи Посполитой».

Посольство это отъ Сирка прибыло въ Варшаву 12 ноября 1679 г. и пробыло довольно долго—по 29 марта 1680 г.; во главѣ его стоялъ, какъ можно заключить изъ этого списка, «молодой Сирко».

Израсходовано на содержаніе посольства и на подарки довольно много—16877 злотыхъ и 29 грошей. Приводимъ отдѣльныя статьи расходовъ:

« 1679 г. 12 ноября—приставу Баратинскому.	300 зл.
« 14 « —на молодого Сирка и людей его	100 зл.
« 15 « —на пословъ козацкихъ	300 зл.
« 17 « —на Сирка и людей его.	100 зл.
« 18 « —на тѣхъ-же пословъ	612 зл.

¹⁾ Родъ тонкаго голландскаго сукна; видоизмѣненное—fein hollandisch.

«1679 г.	12	ноября—на Сирка съ протопопомъ	100 зл.
«	25	« —на тѣхъ-же пословъ	612 зл.
«	30	« —на Сирка	50 зл.
«	2	декабря—на тѣхъ-же пословъ и людей ихъ	951 зл.
«	9	« —на нихъ-же	951 зл.
«	15	« —отцу протопопу, Зарембѣ бѣло- церковскому и людямъ ихъ.	2400 зл.
		имъ-же паклаку (грубое сукно) три поставы	150 зл.
«	16	« —отправленнымъ въ Бѣлую-Цер- ковь 86-ти козакамъ съ 172-ми ло- шадьми, на содержаніе въ теченіи 6-ти недѣль	3096 зл.
		На содержаніе 14-ти козаковъ, остав- шихся при королѣ	142 зл.
		Козаку на коня, таеъ какъ конь его палъ въ дорогѣ.	60 зл.
		На платье, мѣхъ подъ верхнее платье, соболя на шапку, шнурокъ, пуго- вицы и т. п. для протопопа	380 зл.
«	23	« —На содержаніе тѣхъ-же козаковъ, которые остались при королѣ, на недѣлю	142 зл.
		Двумъ козакамъ, которые командо- вали отправленными въ Бѣлую- Церковь	76 зл. 15 гр.
		Приставу, который сопровождалъ тѣхъ-же козаковъ до Бѣлой-Церкви, на содержаніе (собственно - на пищу)	100 зл.
«	30	« На двухнедѣльное содержаніе коза- ковъ, оставшихся при королѣ.	284 зл.
1680 г.	13	января—тѣмъ-же козакамъ на содержаніе Винницкому, посланному раньше ко- заковъ въ Бѣлую-Церковь	30 зл.
«	20	« —на содержаніе тѣхъ-же козацкихъ пословъ	142 зл.
«	27	« —на содержаніе тѣхъ-же.	170 зл.

«1680 г.	2 февраля	—на содержаніе тѣхъ-же.	170 зл.
«	10 «	—на содержаніе тѣхъ-же.	170 зл.
«	13 «	—на двухъ козаковъ, присланныхъ къ королю изъ Бѣлой-Церкви . . .	62 зл.
«	17 «	—на содержаніе пословъ.	170 зл.
«	20 «	—на содержаніе двухъ прислан- ныхъ козаковъ	20 зл.
«	24 «	—на содержаніе пословъ и двухъ козаковъ.	190 зл.
«	2 марта	—на содержаніе тѣхъ-же	190 зл.
«	9 «	—на содержаніе тѣхъ-же	190 зл.
«	15 «	—двумъ козакамъ, отправленнымъ назадъ въ Бѣлую-Церковь, на дорогу Имъ-же сдѣлано по царѣ платья, ко- торое стало	84 зл. 29 гр.
«	16 «	—на содержаніе самихъ пословъ и людей ихъ	170 зл.
«	17 «	для больного Сирка, за матрацъ, одѣяло и подушку.	70 зл.
«	23 «	—на содержаніе тѣхъ-же козаковъ	170 зл.
«	24 «	—козаву Апостолу, отправленному въ Запорожье, на дорогу.	250 зл.
«	29 «	—за сукно на нашивки для всѣхъ козаковъ, числомъ 91, каждому по царѣ платья, также для самого ста- раго Сирка за атласъ, сукно и за нѣ- которыя принадлежности къ платью— сукно, холстъ, и портнымъ за ра- боту, всего	2810 зл. 15 гр.
		Тѣмъ-же козацкимъ посламъ, быв- шимъ при королѣ, при отъѣздѣ ихъ въ Бѣлую-Церковь съ сукнами, на содержаніе въ теченіе двухъ недѣль	200 зл.
		Подводчику, который повезъ сукна въ Бѣлую-Церковь	150 зл.
		Приставу, за труды и расходы въ теченіе 20-ти недѣль	300 зл.

«1680 г. 29 марта Приставу, сопровождающему по-
словъ, возвращающихся въ Бѣлугу-
Церковь, на содержание 20 зл.»
(Отд. III, вн. 7, лл. 453—4).

«Расходы на пана Кобеляна, полковника войска запорожскаго,
который поймалъ Дуку, господаря валашскаго.

Сначала:

Готовыми деньгами самому полковнику 250 талеровъ, считая за
талеръ по 6 зл.,—1500 зл.

Сотнику Давилѣ на коня—100 зл.

Затѣмъ сукнами:

Полковнику французскаго сукна на пару платья 10¹/₂ локтей,
по 11 зл. локоть, 115 зл. 15 гр.

Давилѣ сотнику того-же полка кармазину фалендышеваго 5
локтей, по 8 зл. локоть,—40 зл.; ему-же тузинку (родъ простого
сукна) на жупанъ 5 локтей, по 5 зл. локоть,—25 зл.

Михайлѣ, полковому судѣ, фалендышу кармазноваго на кун-
тушъ 5 локтей по 8 зл. локоть,—40 зл.; ему-же тузинку на жупанъ
5 локтей, по 5 зл. локоть,—25 зл.

Ивану, другому сотнику,—столько-же.

Ивану, хорунжему того-же полка, тузинку на пару платья 10 лок-
тей, по 5 зл. локоть,—50 зл.

Ивану, асавулу,—столько-же.

На всѣхъ товарищей—Максиму и двумъ Иванамъ полтора пос-
тава сукна—75 зл.

За прикладъ на 10 человекъ—90 зл.

Имъ-же отдѣльно, когда выѣзжали,—50 зл.

Всего—2225 зл. 15 гр.» (Отд. III, вн. 7, л. 571).

Счетъ составленъ въ Яворовѣ, 22 апрѣля 1684 г.

«Расходъ на козаковъ, прибывшихъ отъ запорожскаго гетмана
Могилы съ турецкими языками.

Криштофу Пикоцкому, сотнику, дано изъ короннаго скарба 30
«твердыхъ» талеровъ—180 зл.; тонкаго сукна на кунтушъ 5 локтей—
60 зл.; фалендышу на жупанъ 5 локтей—30 зл.

Сотнику Ивану также 30 талеровъ—180 зл.; тонкаго сукна на кунтушъ 5 локтей—60 зл.; фалендышу на жупанъ 6 лок.—30 зл.

Хорунжему Павлу 5 «битыхъ» талеровъ—30 зл.; фалендышу 5 локтей—60 зл.; тузинку 5¹/₂ лок.—21 зл.

Асавулу Марку также 5 «битыхъ» талеровъ—30 зл.; фалендышу 5 локтей—30 зл.; тузинку 5 лок.—20 зл.

Двумъ атаманамъ: Федору Сулку в Яцку, каждому по 5 талеровъ,—60 зл.; фалендышу обонмъ 10 локтей—60 зл.; тузинку на жупаны 10¹/₂ лок.—42 зл.

Василю Федоровичу, который докладывалъ королю о перенесенной татарской неволѣ, 10 «битыхъ» талеровъ—60 зл.; тузинку на кунтушъ 5¹/₂ лок.—21 зл.; паклаку на жупанъ 6 лок.—12 зл.

18-ти простымъ козакамъ (szernim), каждому по 3 «твердыхъ» талера—324 зл.; имъ-же тузинку на кунтуши по 5¹/₂ лок.—378 зл.; паклаку или-же шыптуху по 6 лок.—216 зл.

На недѣльное содержаніе ихъ всѣхъ, съ 25 по 29 іюля,—94 зл.

На кормъ для ихъ коней—16 зл.

Приставу, который ихъ привелъ и отправилъ—30 зл.

Всего 1004 зл., за сукно 1040 зл., итого 2044 зл.»

Счетъ составленъ въ Виляновѣ, 29 іюля 1685 г. (Отд. III, кн. 7, л. 648).

«16 сентября 1687 г., подъ Подгайцами. Расходъ на четырехъ козаковъ, присланныхъ къ королю изъ Бара отъ Булюбаша.

На пищу съ 14 августа по 18 сент., въ теченіе 5-ти недѣль, на каждаго по 5-ти злотыхъ на недѣлю—100 зл.

При отъѣздѣ каждому по 5-ти локтей тузинку на кунтушъ, по 4¹/₂ зл. локоть,—90 зл.

На дорогу каждому изъ нихъ по 3 «левковыхъ» талера—66 зл. Всего 256 зл.» (Отд. III, кн. 7, л. 784).

Приводимъ въ заключеніе 3 счета, которые хотя и не имѣютъ прямого отношенія къ козацкимъ посольствамъ, но заключаютъ интересныя подробности, касающіяся костюмовъ и вооруженія козацкой старшины—конца XVII в. Первый счетъ содержитъ списокъ вещей, купленныхъ для Палія, 2-ой—для ставленника Польши, такъ плачевно кончившаго свои дни—гетмана Куницкаго, 3-ій списокъ клейнотовъ,

посланныхъ запорожскому войску принимавшему участіе въ походахъ противъ турокъ 1684 г.

«Ресстръ вещей, купленныхъ для Палія и другихъ его козаковъ и калмыковъ.

За сайдакъ съ золотой насѣчкой и за панцырь для самого Палія—600 зл.

За лукъ къ этому сайдаку—42 зл.

За наручи, украшенныя насѣчкой, для того-же Палія—70 зл.

За сайдакъ, пестро позолоченный,—150 зл., наручи и позолоченное донышко для мисюрки—70 зл.

Бѣлый сайдакъ, узорчатый, и донышко для мисюрки—165 зл., къ нему наручи—25 зл.

Бѣлый сайдакъ, пестрый, узорчатый—125 зл., донышко для мисюрки—25 зл., наручи къ нему—25 зл.

3 оправленныхъ чечуги (родъ сабли), по 50 зл. каждая—150 зл.

Пояса къ нимъ—2 зл.

Панцырь на мисюрки къ сайдакамъ—80 зл.

За стрѣлы для 3-хъ сайдаковъ, по 15 стрѣлъ въ каждомъ—9 зл.

За 10 беркутовыхъ стрѣлъ для самого полковника Палія—12 зл.

За буздыханъ съ насѣчкой для Палія—150 зл.

За работу четырехъ чепцовъ ¹⁾ къ мисюркамъ—10 зл.

Три лука, изъ нихъ два по 30 зл., одинъ—20 зл.

Сабля съ золотой насѣчкой для самого полковника Палія—130 зл., ремни къ ней—10 зл. Всего 1930 зл.» (Отд. III, кн. 7, л. 514). При этомъ счетъ нѣтъ года, но, судя по мѣсту, какое онъ занимаетъ, наряду съ другими счетами, онъ можетъ относиться къ 1683 г.

«Списокъ денегъ, выданныхъ по приказу короля изъ государственнаго казначейства на одежду его милости иана Кунцеаго, гетмана войскъ запорожскихъ». Счетъ составленъ въ Краковѣ, 14 января 1684 г.

Темно—краснаго атласа 12 локтей, по 8 зл. локоть—96 зл.

Голубого атласа 12 локтей, по 8 зл. локоть,—96 зл.

Адамашки (камки) померанцоваго (цвѣта) 12 локтей, по 7 зл. локоть,—84 зл.

¹⁾ Чепецъ—сѣтка изъ металлическихъ колечекъ, прикреплявшаяся къ плоскому или выпуклому донышку; донышко прикрывало темя, чепецъ защищалъ шею и отчасти плечи.

Камки лимоннаго (цвѣта) 12 локтей, по 6 зл. локоть,—72 зл.
 Китайки разныхъ цвѣтовъ 4 локтя, по 5¹/₂ зл. локоть.—22 зл.
 Ярко-краснаго (шкарлатнаго) сукна 5¹/₂ локтей, по 13 зл. локоть,—71 зл. 15 гр.

Фиолетоваго сукна 5¹/₂ локтей, по 12 зл. локоть,—66 зл.

Бѣлаго киру (толстое сукно), вымоченнаго, 45 локтей, по 24 гр. локоть,—36 зл.

За два мѣха: подъ одинъ кунтушъ рысьи персидскія спинва, подъ другой—лисьи спинки—889 зл.

За работу двухъ кунтушей и четырехъ жупановъ—20 зл.

За подбивку двухъ кунтушей—10 зл.

За прикладъ къ этимъ платьямъ—45 зл.

Всего—1507 зл. 15 гр. (Отд. III, кн. 7, л. 568).

«Реестръ денегъ выданныхъ на клейноты войска запорожскаго, завербованнаго на средства святаго отца, и на одежду старшинъ». Реестръ составленъ 20 августа 1683 г., въ Варшавѣ.

«За китайку на знамена (chorągwie), 225 локтей, по 7 зл. локоть,—1575 зл.

Портному за работу этихъ знаменъ—300 зл.

За шесть серебряныхъ бусдыхановъ съ работой (собственно—z miecznikiem) 830 зл.

За шесть царь литавръ (kotłdw) съ тюфячками—480 зл.

Семь... (слово не разобрано), оуправленныхъ въ серебро—157 зл. 15 гр.

30 древковъ къ знаменамъ, съ окраской,—78 зл. 15 гр.

30 наконецниковъ (grotów) къ тѣмъ-же знаменамъ—98 зл.

За сѣрый холстъ, которымъ былъ обшитъ ящикъ съ клейнотами—6 зл. 28 гр.

Кромѣ того:

Фалендышу 506 локтей для старшины, по 6 зл. локоть,—3036 зл.

Голландскаго сукна 77 локтей, по 12 зл. локоть,—924 зл.

Подводчикамъ, отправленнымъ во Львовъ съ вышеуказанными клейнотами и сукнами,—180 зл.

Подводчикамъ, вторично отвозившимъ сукна и деньги въ распоряженіе каштеляна любачевскаго,—435 зл.

Пану Бобрецкому, отпращенному съ этими сумками и деньгами, на дорогу и содержаніе—144 зл. 27 гр.

Всего на войско запорожское выдано изъ денегъ святаго отца 8246 зл. 25 гр.» (Отд. Ш, кн. 7, л. 528).

Н. Вѣляшевскій.

Эпизодъ изъ исторіи церковно-приходской школы въ с. Шамраевкѣ, васильковскаго уѣзда.— Въ концѣ 1859 года кievская духовная консисторія разослала указъ, которымъ предписывалось духовенству позаботиться о заведеніи при церквахъ училищъ для обученія дѣтей прихожанъ. Этотъ указъ имѣлъ послѣдствіемъ своимъ то, что во многихъ мѣстностяхъ кievской губерніи, какъ священники, такъ и діаконы, иные вполне сознательно сочувствуя самому дѣлу, а иные—и конечно большинство—по необходимости, стали устраивать въ томъ или иномъ видѣ училища. Не обходилось это дѣло безъ всаческихъ затрудненій, преимущественно со стороны пановъ и ихъ прислѣшанковъ-экономовъ¹⁾, не обходилось оно иногда и безъ курьезовъ. Къ одному изъ этихъ послѣднихъ надо отнести и нижепомѣщаемое «покорнѣйшее прошеніе» діакона с. Шамраевки (васильковскаго уѣзда, кievской губ.) І. Б—аго на имя высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, митрополита кievскаго и галицкаго, писанное въ 1862 году. Какъ мотивъ прошенія, такъ и содержаніе его, а еще болѣе своеобразный стиль даютъ полное право занести его на страницы журнала, посвященнаго, между прочимъ, и собранію даже мелкихъ матеріаловъ, могущихъ освѣтить тотъ или иной уголокъ нашего края въ его прошлой культурной жизни.

«По Высочайше утвержденному проекту, нужно было преобразование крестьянскихъ дѣтей, по селамъ, въ грамотности.

Въ селеніи Шамраевкѣ никто объ этомъ не хотѣлъ и думать; я же, живя въ діаконскомъ званіи около 14 лѣтъ въдумалъ начать таковое предположеніе въ 1859 году воспитанія дѣтей въ наукахъ,—собралъ около 20 дѣтей разнаго рода и пола и открылъ въ собствен-

¹⁾ См. объ этомъ, напр., разсказъ покойнаго Лебединцева („Кiev. Стар.“ 1897 г., № 2, стр. 334 и слѣд.)

номъ своемъ домѣ училище. Болѣе полугода и занимался дѣтьми, но когда въ проѣздъ мѣстнаго благочиннаго мнѣ приказано было наблюдать точный порядокъ во внѣшности, то я на собственный коштъ соорудилъ скамьи, нѣкоторыя книги, прописи и прочія принадлежности и черезъ то сдѣлавъ свободное размѣщеніе дѣтей, собралъ чрезъ свою дѣятельность и особенную наблюдаемость до 40 душъ разнаго рода.

Прилагая день ото дня свою отеческую надъ дѣтьми блюдымость, разгараясь священною любовію въ передачѣ младымъ птенцамъ понятія о духовныхъ вещахъ принаровнительно церковному домостроительству, употреблялъ тоже въ своихъ нуждахъ къ дѣвочкамъ-ученицамъ и свою родную дочь—однимъ словомъ: не жалѣлъ ни трудовъ, ни своего скуднаго (на дьячковскомъ окладѣ) достоянія, ни семейства въ семъ святомъ дѣлѣ—обученія дѣтей, лишь бы вкоренить залогъ, по данной мною священной присяги, въ гражданственномъ и духовномъ отношеніи. У меня дѣти начали хорошо читать церковныя книги и пѣть по возможности на клиросѣ, сказывать и хвалиться родителямъ о молитвахъ и о сказываемыхъ житіяхъ св. отецъ,—однимъ словомъ: при моемъ усердномъ наблюденіи и совершенномъ своей воли, для ихъ образованія, пожертвованія, открылось хотя не въ полномъ совершенствѣ, однакожъ въ скоромъ бы времени нужно было надѣяться полного успѣха въ дѣтской фирмѣ.

Прошло 1861 года въ весеннее время, селенія Шамраевки помѣщичій экономъ В—кій, не зная по какому распорядженію, вздумалъ насильно брать малыхъ дѣтей изъ моего училища до срока ихъ отпуска. Имѣлъ бы право въ распорядженіи Г. В—кій надъ дѣтьми крестьянскаго званія, зачѣмъ же взять былъ своеправно дворянскій сынъ Яковъ К—кій?

Къ сему похабству распорядительности эконома равно принявшаго участіе и сельскій старшина въ ономъ, присовокупляю, кромѣ множественностей, и то, что одинъ малолѣтній мальчишкъ (изъ крестьянъ) взятый изъ подъ училищнаго вѣдомства, на работы въ экономинъ, былъ весь ввязанъ вкнутомъ и по рукамъ и по синѣмъ, о семъ вѣдомо и вашему высокопреосвященству, по донесенію мѣстнаго благочиннаго.

Общество селенія Шамраевки, не зная въ чемъ состоитъ истинное образованіе, въ обученіи дѣтей, не слушаетъ того, кто по правдѣ

говорить и дѣлаетъ, а условливается съ тѣмъ, кто имѣетъ болѣе силу въ ихъ общественномъ на время быту—привязалось по своей слабости и недалковидности къ эконому и старшинѣ, изъ коихъ первый вовсе не желаетъ народнаго образованія, а второй—слушая его эконома, прелятствуетъ крестьянамъ въ обученіи оныхъ поручить мнѣ, потому что эконому имѣетъ на меня личности чрезъ упомянутого избитаго внутомъ мальчика.

Желая пресѣчь воспитаніе дѣтей и пыскывая разные способы, будто бы, согласились на избраніе отцевъ дѣтей избрать наставника и установили, минуи голоса домохозяевъ, по разномъ соглашеніи, одного малограмотнаго и не трезваго крестьянина, лишь бы истинное воспитаніе въ образованіи дѣтей уничтожить. Особенность уничтоженія и охоты въ поощреніи дѣтей къ школьному образованію можно видѣть изъ нижеслѣдующаго: недавно школьный учитель, находясь, по пьянствѣ, въ изступленномъ состояніи, по приказанію установителя своего Старшины взятъ былъ и окованный желѣзными путами, посаженъ въ холодную, гдѣ пробывъ 3 дни—былъ выпущеннымъ, представлялся къ тесанію деревъ, къ волостному въ постройкѣ дому.

Вынаруживая таковыя обстоятельства вашему высокопресвященству на видѣ, съ прискорбіемъ и сердечнымъ сожалѣніемъ объясняю: Я желаю быть вовсе безъ возмездія наставникомъ, потому что никого не безокопалъ за труды; далѣе: я ихъ (дѣтей) обучалъ чему можно, совершенно безъ пособій другихъ; иѣли они на клиросѣ, какъ нужно было; но въ настоящее время церковь въ клирѣ опустѣла, кромѣ одного, къ которому никто не имѣетъ права къ взимаемости въ своихъ выгодахъ; и, наконецъ: по истинной христіанской любви и по чпстой своей діаконской совѣсти объясняю, что имѣю особенную склонность упражняться съ своимъ семействомъ въ любознательности дѣтской; и какъ я къ тому призванъ, потому что воспитаніе дѣтей крестьянскихъ въ грамотности возложена обязанность на духовный причтъ, надѣюсь, что верховное начальство можетъ и должно, если оно блюдетъ за симъ ходомъ, отнявъ отъ мерзкихъ людей право обученія дѣтей, препоручить тѣмъ, которые и по достоинству своего образованія, и по поведенію, и по самому предназначенію своему могутъ быть склонны къ тому, препоручить полное и законное воспитаніе и наблюденіе надъ крестьянскими дѣтми.

А потому объясняя все, почти въ малой реформѣ, прошу святѣйшій архипастырь, дабы не пришло къ совершенному упадку, мною

только что открытое дѣтское училище, благотворить опять мнѣ имъ руководствовать и заниматься, и для сей цѣли сдѣлать по благоволенію вашего высокопреосвященства, архиіастрское распоряженіе, — присовокупляя, что прошлые три зимы въ отопленіи училища, мнѣ, при моемъ бѣдномъ состояніи много стоили, — всѣ же постройки мною произведенныя, значутся для меня около полутора ста рублей сереб. и все это безмездно!

Смиреннѣйшій проситель діаконъ І. Б—скій.

Вечеръ въ день Ивана Купала. Проживая въ полтавской губерніи, часто проводилъ я лѣто въ селахъ хорольскаго, миргородскаго и кременчугскаго уѣздовъ и ни въ одномъ изъ нихъ не пришлось наблюдать игръ и пѣсенъ, относящихся ко дню Ивана Купала. Въ какихъ мѣстахъ Малороссіи наиболѣе сохранился обычай отличать день Ивана Купала остатками древнихъ игръ и пѣсенъ, мнѣ не извѣстно, но, должно быть, сохраняясь въ разныхъ мѣстахъ, этотъ обычай имѣетъ свои особенности въ каждомъ изъ нихъ, какъ на примѣръ: колядки въ полтавской губерніи не такія, какъ въ кіевской, въ которой очень распространены колядки исторически-бытовыя.

Предполагая, что въ силу историческихъ условій въ кіевской губерніи вообще древнихъ обычаевъ должно сохраниться больше, чѣмъ въ полтавской, привожу описаніе вечера въ день Ивана Купала по личнымъ наблюденіямъ въ м. Погребищѣ бердичевскаго уѣзда.

Съ самаго утра по улицамъ мѣстечка часто проходили дѣвушки подростки съ цѣлыми снопами полевыхъ и лѣсныхъ цвѣтовъ, а нѣкоторыя несли и вѣтки, сплетенныя изъ этихъ цвѣтовъ. Около нѣкоторыхъ хатъ въ тѣни густыхъ вишенъ сидѣли взрослые «дивчата», которымъ подростки приносили цвѣты. (Взрослой считается неприличнымъ ходить въ поле за цвѣтами, а вѣнокъ для вечера нуженъ).

Плети вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ, каждая дѣвушка имѣетъ запасъ и своихъ садовыхъ, которые она сама сѣяла и поливала и особенно лелѣяла тѣ изъ нихъ, которые расцвѣтутся ко дню Ивана Купала. Тенерь они идутъ въ вѣнокъ, занимая въ немъ самую вид-

ныя мѣста. Подруги дѣлятся цвѣтами, подбираютъ ихъ такъ, чтобы вѣнокъ наиболѣе подходилъ къ лицу.

Къ заходу солнца на выгонѣ, на мѣстѣ постоянныхъ праздничныхъ гулянокъ, стали собираться дѣвушки съ цвѣтами и вѣнками въ рукахъ. Два хлопца-подростка принесли только что срубленную огромную вѣтвистую вербу и вкопали ее въ землю. Это «Ку найло».

Дѣвушки обмели вокругъ этой вербы полянку, усыпали ее чебрецомъ, мятой и другими душистыми цвѣтами, а на вѣтвяхъ вербы развѣсили гирлянды васильковъ, сокирокъ, ромашки и прочихъ полевыхъ и луговыхъ цвѣтовъ. Одна изъ участницъ стала прилѣплять къ вербѣ желтыя восковыя свѣчки домашняго издѣлія, но ей замѣтили, что нельзя, что было это прежде, а теперь запрещаютъ и посадить за это въ холодную.

«Уже», сказала одна изъ дѣвушекъ, указавъ на небо, на которомъ засвѣтились первыя звѣзды, и всѣ надѣли вѣнки, стали вокругъ вербы, взялись за руки и, медленно ходя кругомъ то въ ту, то въ другую сторону вокругъ вербы, запѣли протяжно и какъ-то уныло-мечтательно:

Тутъ-же сидятъ паробки, и одинъ изъ нихъ на сопилѣхъ вторить хору дивчатъ. Хлопцы подростки бѣгаютъ, рѣзвятся, а малыя дѣвочки поставили себѣ вѣточку вербы и ведутъ свой хороводъ, подражая взрослымъ, и тоже всѣ въ вѣнкахъ.

Бабы и молодицы съ грудными ребятими сидятъ поодаль, а нѣсколько пожилыхъ мужиковъ подъ плетнемъ раскуриваютъ свои люльки.

Дивчата поютъ хороводныя пѣсни, которыя можно раздѣлить на три группы: 1) любовныя пѣсни, 2) пѣсни о житіи въ замужествѣ и 3) шутливныя пѣсни.

Любовныя пѣсни занимаютъ главное мѣсто въ хороводѣ, и для каждой изъ участницъ хорОВОЛА и ея парубка, т. е. того, который по общему мнѣнію нравится ей, или ухаживаетъ за ней, поется одна изъ такихъ пѣсенъ.

Пѣсни, изображающія невеселую, полную лишений и невзгодъ жизнь въ замужествѣ, въ домѣ свекрови, которая вѣчно преслѣдуетъ невѣстку, поются въ промежуткахъ между любовными пѣснями.

Шутливыми пѣснями заканчивается хороволь, но иногда онѣ поются и среди другихъ пѣсень.

Вообще шутливыя пѣсни выражаютъ заигрыванья дивчаты съ парубками, которые отвѣчаютъ разными шутками и остротами.

Заканчивается хороводъ довольно поздно, къ полночи, и Купайло уничтожается. Какъ только кто-нибудь отломаетъ первую вѣтку вербы, всѣ дивчата и хлопцы набрасываются на нее, разламываютъ въ общей суматохѣ съ криками, смѣхомъ, и каждый старается схватить вѣтку побольше. Дѣвушки снимаютъ вѣнки и расходятся по домамъ. Вѣтки вербы и вѣнки ложатся на грядкахъ въ огородѣ, чтобы былъ хорошій урожай.

Идолъ купалы въ г. Ахтыркѣ.—Извѣстно, что со времени принятія христіанства русскимъ народомъ, духовенство считало нужнымъ преслѣдовать болѣе или менѣе сохранившіеся въ народной средѣ старинные языческіе обычаи и обряды. Преслѣдованія эти, время отъ времени, то усиливались и возрастали, то ослабѣвали. Въ XVIII столѣтіи, вообще говоря, дѣятельность духовенства въ указанномъ направленіи не представляется особенно энергичной, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на уничтоженіе остатковъ языческой миеологической старины епархіальной властью обращалось довольно большое вниманіе. Въ архивныхъ бумагахъ управленія бывшей бѣлгородской епархіи сохранилось немало дѣлъ о «волшебствахъ, суевѣріяхъ, наговорахъ, взувѣрствахъ» и т. п. Дѣла эти производились въ мѣстной духовной консисторіи по всѣмъ правиламъ формальнаго слѣдствія и судопроизводства, въ нихъ нерѣдко были замѣшаны духовныя лица или члены ихъ семействъ, хотя результаты судебныхъ дѣлъ, иногда производившихся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, были малозначительны. Занимаясь въ архивѣ курской духовной консисторіи, въ которомъ сосредоточены старинные документы не только теперешней курской епархіи, но и нѣкоторыхъ уѣздовъ харьковской, орловской и воронежской епархій, мы имѣли подъ руками небезынтересное «дѣло Бѣлгородской духовной консисторіи объ *идолѣ Купалы*», на которомъ позволимъ себѣ остановить вниманіе читателей.

9 февраля 1770 года, въ то время, когда бѣлгородской епархіей управлялъ епископъ Самуилъ, изъ ахтырскаго духовнаго управленія въ бѣлгородскую консисторію былъ присланъ репортъ о замѣченномъ въ ахтырскомъ уѣздѣ «суевѣрїи». Репортъ этотъ былъ представленъ на основаніи указа консисторїи о томъ, чтобы «духовныя правленія и благочинныя присылали *двоекратные въ году* репорты—первыя въ іюль, другія въ декабрѣ мѣсяцахъ—не дѣлается ли въ вѣдомствѣ тѣхъ правленій или благочинныхъ *какихъ суевѣрїй*». Ахтырское духовное правленіе сочло нужнымъ репортовать консисторїи объ «открышемся суевѣрїи», такъ какъ священникъ архангельской церкви города Ахтырки Михаилъ Зѣньковскій 26-го іюня 1769 года представилъ въ духовное правленіе донесеніе о «языческихъ играхъ» своихъ прихожанъ. «Прихожане мои, писалъ онъ въ своемъ донесенїи, войсковою обыватель Иванъ Шейка и сынъ его Иванъ съ товарищи учинили на улицѣ, у воротъ того Шейки, того же іюня 24 дня, то есть въ день рождества святаго славнаго пророка предтечи и крестителя Господня Іоанна, богопротивныя дѣйства и поставили *нѣкотораго идола, называемаго «купала» или «марина»* ¹⁾, одѣяннаго въ женское одѣяніе и украшеннаго на головѣ цвѣтами и отъ древъ вѣтвями, предъ коимъ поставленъ былъ столъ, а на томъ столѣ стояла невѣдомо съ какимъ напиткомъ стекляница; и предъ онымъ идоломъ собраны были дѣвки и пѣли богомерзкія пѣсни»... Такое празднованіе «купала» въ Ахтыркѣ совершалось ежегодно и торжественно. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что ахтырцы со всѣхъ концовъ и улицъ города стекались именно къ дому Ивана Шейки, гдѣ и совершали купальскіе обряды. Насколько можно замѣтить изъ дѣла, этотъ войсковою обыватель являлся какъ бы «священнодѣйствователемъ» въ языческомъ обрядѣ. Подъ его предводительствомъ, между прочимъ, «идолъ купала» былъ носимъ по городу Ахтыркѣ.

Возбуждено было слѣдствіе. Свѣдѣнія о немъ небезынтересны. Слѣдствіе производилось въ ахтырскомъ духовномъ правленїи; но оно не могло быть окончено въ теченіе семи мѣсяцевъ, «за неавкою, по

¹⁾ Что касается слова: „марина“, то или здѣсь можно видѣть ошачкою написанное реченіе, вмѣсто „арина“, или считать его видоизмѣненной формою отъ названія языческаго божества: „Морана“.

многократнымъ требованіямъ, многихъ, прикосновенныхъ къ тому дѣлу людей», какъ писало консисторіи въ своемъ донесеніи ахтырское духовное правленіе. Любопытно, что это правленіе «многихъ людей, обвиняемыхъ въ чиненіи оныхъ богопротивныхъ дѣйствій сыскать не могло и въ какой они командѣ находятся, не вѣдаетъ»...

Постановленіе духовной консисторіи по дѣлу объ «идолѣ купалѣ» состоялось 8 марта 1770 года. Это постановленіе гласило слѣдующее. «Ахтырскому духовному правленію, въ самомъ скоромъ времени о вышеписанномъ изслѣдовать, понеже, хотя о немедленномъ таковыхъ *ослушниковъ* въ оное правленіе высылкѣ, надлежало отъ консисторіи по командѣ подтвердить ¹⁾, но какъ въ томъ доношеніи никакого къ требованію обстоятельства не прописано и затѣмъ куда консисторіи писать и кому именно—неизвѣстно, то оному правленію въ таковыхъ случаяхъ должно быть осмотрительну и недѣльными постановленіями консисторію не утруждать, подѣ опасеніемъ, по указамъ, штрафа, чего ради правленію, безъ всякаго извиненія о томъ дѣлѣ (т. е. суевѣріи) доношеніе въ консисторію прислать»...

Выговоръ консисторіи такъ повліялъ на ахтырское духовное правленіе, что оно не только не двинуло впередъ дѣла объ «идолѣ купалѣ», но и въ слѣдующихъ своихъ «двоекратныхъ въ году репортахъ» доносило: «въ г. Ахтыркѣ и во всемъ правленіи вѣдомствѣ никакого суевѣрія не дѣлалось»... И, какъ видно изъ дѣла, Бѣлгородская консисторія на продолженіи разслѣдованія объ ахтырскомъ суевѣріи не настаивала; тѣмъ болѣе, что въ то время довольно часто и болѣе важныя дѣла не оканчивались производствомъ, если для этого не было настоятельныхъ побужденій.

А. А. Танковъ.

Вновь открытая стѣнная живопись въ г. Новгородѣверскѣ.
Въ настоящее время въ г. Новгородѣверскѣ перестраивается лѣтняя Воскресенская церковь. При снятіи иконостаса отвалилась часть штукатурки и обнаружилась на стѣнахъ древняя живопись: на правой

¹⁾ Т. е. консисторія послала бы отъ своего имени подтвержденіе начальству гражданъ г. Ахтырки.

сторонѣ алтаря видна большая икона—положеніе Христа во гробъ; на лѣвой сторонѣ—апостолы Петръ и Іоаннъ; а въ предѣльной части церкви живопись очень повреждена, но можно замѣтить какія-то изображенія людей въ круглыхъ черныхъ шляпахъ. Лица и костюмы изображенныхъ на стѣнахъ святыхъ отличаются правильностью чертаній и пріятностью на видъ, особенно головки ангеловъ.

Слѣдовало-бы озаботиться объ изслѣдованіи случайно отервшея живописи, могущей представить интересъ для археолога и знатока древностей. Медлить съ изслѣдованіемъ нельзя, такъ какъ работы въ такомъ періодѣ, что вскорѣ стѣна, покрытая живописью, будетъ сломана, или, лучше сказать, разобрана по кирпичамъ, и тогда живопись погибнетъ.

Замѣтки по искусству.—*Портретъ Богдана Хмельницкаго*, по указанію Геннади, въ журналѣ «Свѣтопись» 1858 г. № 7, безъ ссылки на какой бы то ни было источникъ, находится или находился въ Медвѣдинскомъ монастырѣ чигиринскаго уѣзда кievской губерніи. Интересно получить сообщеніе,—находится ли онъ тамъ донинѣ, а если взять—то куда? Старинный портретъ Б. Хмельницкаго, въ прекрасной, характерной древней рамѣ, увѣнчанной гетманской шапкой, извѣстенъ намъ у М. А. Скоропадской, и находится въ Петербургѣ. Геннади, изъ портретовъ малорусскихъ дѣятелей, указываетъ еще на гравированный портретъ П. Могилы, находящійся при книгѣ «Евхаристіонъ албо Вдачность», Кіевъ, 1632 года. Указаніе на этотъ портретъ еще раньше сдѣлано Максимовичемъ, въ III книгѣ «Кіевлянина».

Полтавская Колонна въ память победы Петра I—сооружена по проекту и рисункамъ Томаса де Томона, искуснаго рисовальщика и архитектора хорошаго вкуса, долго жившаго въ Россіи. Онъ много работалъ въ Россіи, и произведенія его очень замѣчательны. (L. Dus-sieux. Les artistes francais a l'etranger. Paris 1856). Сооруженія, имъ построенныя, описаны въ книгѣ его «Traite de peinture, par Th. De Thomon, architecte de S. M. L'Empereur Alexandre I. S. Petersbourg 1809. Онъ такъ характеризируетъ въ ней Полтавскую колонну: «Такъ какъ колонна эта триумфальный памятникъ, воздвигнутый въ память

Петра Великаго, въ честь самаго памятнаго и рѣшительнаго событія его царствованія, то я старался дать всей этой композиціи характеръ оригинальный и, такъ сказать, присущій герою и его торжеству. Съ этою цѣлью я прибѣгнулъ къ аллегоріямъ простымъ, но точнымъ и яснымъ.

Колонна вылита изъ желѣза, въ 4 куска, и чтобы скрыть ихъ соединенія, каждый шовъ закрытъ вѣнкомъ. Первый—изъ лавра и пальмъ, второй—изъ одного лавра, третій—изъ дубовыхъ листьевъ. Промежутки между вѣнками заполнены изображеніями перекрещеннаго оружія. Капитель образована изъ большихъ пальмовыхъ листьевъ, надъ которыми возвышается поколь, увѣнчанный полусферой, на коей распростеръ свои крылья орелъ, держащій въ когтяхъ молніи войны, а въ клювѣ лавровый вѣнецъ.

Томонъ, бывшій профессоромъ архитектуры въ Петербургской Академіи художествъ, построилъ петербургскую биржу, Большой театръ, нынѣ замѣненный уродливымъ зданіемъ Косерваторіи, биржевые доки, старый театръ въ Одессѣ. Онъ оставилъ слѣды своего пребыванія въ Академіи въ многочисленныхъ ученикахъ, которые разнесли стиль его по Россіи и упростили его въ старыхъ помѣщичьихъ усадьбахъ, гдѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Александровскаго.

Ученики Дм. Гр. Левицкаго. Кромѣ самаго знаменитаго изъ нихъ В. Л. Боровиковскаго, учившагося у Левицкаго два года и въ 1790 г. перешедшаго къ Лампи, учениками Левицкаго были живописцы: Шабановъ, Мельниковъ, Щукинъ и Новиковъ. Талантливѣе всѣхъ ихъ былъ Щукинъ.

Образъ св. царицы Александры работы Шевченка, находящійся въ церкви Полтавскаго Кадетскаго Корпуса не есть самостоятельное произведеніе, а копія съ такого же образа, учителя Шевченка, Карла Брюлова.

Венеціановъ считается первымъ представителемъ въ русскомъ искусствѣ національности, если не пранды. Онъ родился въ Нѣжинѣ, въ семействѣ греческихъ выходцевъ Фармаки-Венеціано, почувствовалъ рано любовь къ живописи, но сталъ учиться этому искусству не въ ранней молодости, а уже прослуживъ нѣсколько лѣтъ по межевой части и переселись въ Петербургъ. Въ своей рѣдкой книгѣ «Tutti frutti» (біографія художниковъ, замѣтки и смѣсь). Спб. 1862 П. Петровъ рассказываетъ такъ о судьбѣ и дѣятельности Венеціанова: «Въ

столицѣ случай свелъ его съ Боровиковскимъ, и природное призваніе, до того таившееся и гложшее, получило ходъ и развилось, на сколько дозволяли средства и внѣшнія обстоятельства. По совѣту Боровиковскаго, принявшись серьезно за изученіе искусства, Венеціановъ прошелъ уже предварительную школу техники, когда наступилъ 1812 г. Венеціановъ рисовалъ въ то время политическія карикатуры, которыя отличались хорошимъ рисункомъ, но уступали извѣстному горадчему, хотъ и не совѣмъ граціозному штриху Терebeneва въ силѣ и типичности. Мягкость была отлѣчительною чертою характера Венеціанова. Встрѣчая испорченность и ложь въ среднемъ городскомъ классѣ, онъ сталъ рисовать деревенскіе типы, находя простой народъ болѣе свободнымъ отъ порчи. Еще одною изъ причинъ, объясняющихъ выборъ имъ деревенскихъ типовъ, было то, что у Венеціанова было небольшое имѣніе въ тверской губерніи, гдѣ, живя иногда по долгу, художникъ безпрестанно и исключительно имѣлъ передъ глазами своихъ крестьянъ, и, при ограниченности числа ихъ, зналъ ихъ всѣхъ по именамъ, принималъ живое участіе въ нуждахъ и утѣхахъ простаго населенія. Наивность даваемыхъ самимъ художникомъ названій своимъ картинамъ, напр. «Акулька съ покойникомъ», «Тереха съ топоромъ», «Катя съ Машей» и др., прямо указываетъ на портреты живыхъ людей и уже отнюдь не на выполненіе предварительно принятой мысли. Онъ, по его словамъ, «какъ видѣлъ—такъ и изображалъ, а не мудрилъ, сиди передъ натурой». Венеціановъ пріютилъ у себя нѣсколько учениковъ, составилъ изъ нихъ школу реалистовъ по взгляду на натуру, только съ идеальнымъ побужденіемъ: открывать во всемъ красоту, т. е. въ природѣ нѣтъ безобразія. Учениками Венеціанова были, подававшій большія надежды Лавръ Плаховъ и извѣстный своими малороссійскими картинами, другъ Шевченка, В. И. Штернбергъ.

Борисполець Платонъ Тимофѣевичъ, художникъ-любитель, пользовавшійся извѣстностью въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, былъ родомъ малороссіянинъ. Онъ родился въ м. Гоголевѣ, остерскаго уѣзда черниговской губерніи въ 1807 г. По профессіи своей онъ былъ—военный и живописью началъ заниматься уже будучи среднихъ лѣтъ. Послѣдніе годы его жизни были крайне несчастны: онъ потерялъ зрѣніе. Біографическая замѣтка о немъ написана скульпторомъ Рамазановымъ и помѣщена въ его «Матерьялахъ для исторіи художествъ въ Россіи». Въ кіевской церкви св. Андрея находится большая картина Бориспольца, изображающая водруженіе креста апостоломъ Андреемъ на кіевскихъ холмахъ.

Картины Боровиковскаго. Въ петербургскомъ эрмитажѣ помѣщена еще одна, вторая послѣ портрета персидскаго принца, картина Боровиковскаго, — портретъ Д. П. Трощинскаго, недавно приобрѣтенный дирекціей эрмитажа въ Варшавѣ. Въ мартѣ нынѣшняго года въ одномъ изъ антикварныхъ магазиновъ Петербурга найдена и приобрѣтена писателемъ І. І. Ясинскимъ маленькая картинка Боровиковскаго «Христосъ въ гробу», представляющая первую мысль или набросокъ «Плащаницы» того же мастера, находящейся теперь въ кievскомъ церковно-археологическомъ музеѣ и доставленной туда изъ одной изъ церквей г. Миргорода, для которой она была написана художникомъ.

Гравированные портреты южнорус. дѣятелей, изъ числа рѣдкихъ, продавались недавно на двухъ аукціонахъ художественныхъ коллекцій въ Москвѣ и Петербургѣ. На распродажѣ вещей кн. В. А. Добанова-Ростовскаго проданы: Богданъ Хмельницкій—Гондіуса, Юрій Хмельницкій—Боначины и Боровиковскій (собственный офортъ), по очень низкимъ цѣнамъ, въ составѣ цѣлыхъ пачекъ гравюръ. По каталогу коллекціи гравюръ В. А. Тюлева, распроданной въ Москвѣ, въ его огромномъ собраніи значатся портреты многихъ малороссіянъ. Вотъ нѣкоторыя цѣны, къ свѣдѣнію собирателей, какъ онѣ приведены въ этомъ каталогѣ, составленномъ Васнинымъ. Канцлеръ Безбородко (съ Лампи) грав. Вальвера—40 р., Дмитрій Ростовскій (съ Ротари)—30 р., Гетм. П. Дорошенко—15 р., Кирилль Разумовскій, Шмидта, съ Токе—30 р., Іоасафъ Горленко—10 р., Трощинскій гр. Ухтомскаго съ Боровиковскаго—20 р., Юрій Хмельницкій-Боначины—3 р., Платонъ Гамалѣя. Утѣна—5 р., Щепкинъ Файта—4 р., Св. Варвара, (писаль І. Шигура въ Кіевѣ, гравироваль Шлейенъ—1741) старый оттискъ—30 р., новый—5 р., Яковлевъ, гравюра южнорусскаго аргиста Сребреницкаго, работавшаго въ Петербургѣ въ половинѣ XVIII в.—30 р. и т. д.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе апрѣля и мая мѣсяцевъ въ редакцію поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: Подполковн. В. Г. Летучаго—3 руб., Н. А. Летучей—1 р.; Анны и Дмитрія Чергвинцевыхъ—1 р.;

М. А. Рекало, Маруси Краснюкъ, Манжерона—по 1 руб.; А. Горидьба, Антоновскаго, Хачикова, Я. Каковскаго, Синьковскаго, И. Броварова—по 50 коп., *всего—11 рублей*, что, вмѣстѣ съ прежними (см. № 4-й 1897 г.) 671 р. 52 к., составить--682 р. 52 к., которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛИОГРАФІЯ.

**Историческія сочиненія Д. И. Иловайскаго. Часть вторая.
1859—1897. Москва, 1897. (Стр. 385).**

Первая часть исторических сочиненій г. Ил. вышла еще въ 1884 г. Въ нее вошли три крупныя монографіи по исторіи Рязанскаго княжества и жизнеописанія Дашковой и гр. Якова Сиверса. Настоящимъ томомъ плодовитый московскій историкъ рѣшилъ закончить подведеніе итоговъ своей научной и литературной дѣятельности. Въ эту серію не вошли обширныя работы о началѣ Руси и по исторіи Россіи (пять томовъ), о Гродненскомъ сеймѣ 1793 г., очерки и рассказы изъ древней и средней исторіи, вышедшіе отдѣльно, а также мелкія публицистическія сочиненія, изданныя особо въ двухъ выпускахъ.

Съ выходомъ названнаго въ заголовкѣ тома читатель имѣетъ полную возможность составить себѣ полное представленіе о научной фязіономіи московскаго историка, работавшаго перомъ въ теченіе болѣе сорока лѣтъ въ весьма разнообразныхъ областяхъ: политической и гражданской исторіи, русской и иностранной, археологій, публицистики, финансовъ, современной политики и педагогій. Авторъ съ нѣскольکو преувеличенною, какъ мнѣ кажется, скромностью заявляетъ въ предисловіи, что нисколько не обольщается мыслью о существованіи какой-либо потребности въ настоящемъ сборникѣ, о возбужденіи какого-либо интереса къ нему въ современной печати и въ читающей публикѣ, что онъ просто желалъ закончить подведеніе итоговъ своей работы, такъ какъ послѣ него едва ли кто взялъ бы на себя эту неблагодарную задачу. Дѣйствительно, собрать всѣ мелкія статьи, замѣтки и рефераты г. Ил. за 40 лѣтъ—задача весьма не

легкая, но для полной характеристики писателя столь плодovitаго и многосторонняго совершенно неизбежная и какъ нельзя болѣе умѣстная.

Нашъ авторъ въ послѣднее время рѣзко привиннулъ къ определенному лагерю въ вопросахъ современной экономической и государственной политикѣ. Увлечение его этими вопросами несомнѣнно страдаетъ односторонностью и невыдержанностью, и оно-то, кажется, отчасти затмило заслуги автора на лонѣ отечественной исторіи. Между тѣмъ, Иловайскій—публицистъ и Иловайскій—историкъ величины безусловно несоизмѣримы. Въ историческихъ своихъ работахъ авторъ обнаруживаетъ большую начитанность, неутомимое трудолюбіе, нерѣдко способность къ острому анализу. Въ полемикѣ по историческимъ вопросамъ онъ ставитъ пункты разногласія рѣзко, не щадитъ противниковъ, но всегда готовъ согласиться съ разумными возраженіями. Тонъ его полемики рѣзокъ, но безъ грубости, упоренъ, но безъ упрямства, и, за рѣзкими исключеніями, пріличенъ и направленъ на существо дѣла, а не на побочныя и личныя обстоятельства. Достоинъ замѣчанія, что при всей односторонности своихъ національныхъ увлеченій по современнымъ вопросамъ, г. Ил. неизмѣнно стремится сохранить въ вопросахъ прежней русской исторіи безпристрастіе и здравый смыслъ, не давая перевѣса своимъ излюбленнымъ и спорнымъ для другихъ любимымъ идеямъ тамъ, гдѣ онъ не находитъ оправданія въ суровыхъ фактахъ дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ, въ произведеніяхъ этого писателя мирно уживаются два противоположныя теченія, обыкновенно исключавшія другъ друга, и тревоженія минуты отходятъ на задній планъ, когда авторъ дѣлаетъ настоящее свое дѣло. Къ достоинствамъ историческихъ трудовъ г. Ил. слѣдуетъ отнести еще рѣдкую ясность изложенія, иногда не безъ ущерба для убѣдительности тамъ, гдѣ идетъ вопросъ о матеріяхъ запутанныхъ и трудно разрѣшимыхъ вопросахъ. Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ ознакомленіе съ трудами г. Иловайскаго совершенно необходимымъ для всякаго, интересующагося судьбами исторической науки въ Россіи. Въ частности, нельзя не отмѣтить того вниманія, которое авторъ издавна удѣляетъ въ своихъ работахъ исторіи южной Руси, Польши и Литвы, въ связи съ чѣмъ находится и изложеніе соответственныхъ отдѣловъ обширной его «Исторіи Россіи», первый томъ которой появился еще въ 1876 г.

Въ литературной дѣятельности писателя столь плодovitаго, какъ г. Ил., неизбежно наберется десятокъ—другой замѣтокъ, мелкихъ

статей, компиляцій, воспоминаній и т. п., имѣющихъ только библиографическое значеніе. Таково большинство пьесъ и настоящаго сборника: съ развитіемъ историческихъ познаній, въ этихъ пьесахъ свѣдущій читатель мало встрѣтитъ новаго, но и онѣ пригодятся для справокъ и для сравненія съ тѣмъ, что сдѣлано послѣдующими въслѣдователями. Въ частности, по исторіи южной Руси, Польши и Литвы читатель встрѣтитъ въ настоящемъ сборникѣ рядъ статей и замѣтокъ, не лишенныхъ интереса. Таковы, напр.: «Нѣскольکو словъ по поводу вопроса о древнѣйшей русской поэзіи» (1859 г.), о дружинной княжеской поэзіи въ древней Руси (1879 г.), о богатырѣ Ильѣ Муромцѣ, какъ историческомъ лицѣ (1893 г., стр. 102—127), о происхожденіи русской земли (1881 г.), о вѣчевой степеніи (1865 г.), о народности даковъ (1873 г.), о тмутараканскихъ памятникахъ (1875 г.), о древнемъ Галичѣ на Днѣстрѣ (1877 г.) и построеніи Холма (1881 и 1885 г.), о ханской басмѣ 1897 г.). Съ интересомъ же будутъ прочтены и живые очерки компилятивнаго характера по исторіи Польши: «коронный мечникъ Яблоновскій» (1862 г.), «Польскіе сеймики половины XVIII в.» (1862 г.), о народныхъ движеніяхъ на Подоліи и Волини конца XVIII в. (1863 г.), «Послѣ раздѣла» (1864 г.), «Изъ польскаго быта» (1863 г.). Нѣскольکو смутное впечатлѣніе производятъ лингвистическіе экскурсы г. Ил., напр.—его объясненіе имени даковъ отъ влаховъ, а влаховъ отъ галловъ, валловъ, Декебала или Декевала, а послѣдняго—путемъ аналогіи съ Святославомъ, Вячеславомъ и пр., гдѣ окончаніе—славъ—указываетъ будто-бы на ихъ славянскую народность; объясненіе тмутараканскаго болвана корнемъ бал—бревно: балка, баласы, чурбанъ, волна, балагурить, взбалтывать, баламутить, взбалмошный, баловаться; отсюда волна морская, проливъ—тмутар. проливъ, т. е. собственно побережье, какъ Поморье, Посулье; Бурликъ, Балъ—рукава Кубани—«бурливый» Керченскій проливъ и балванъ Слова о полку Игоревѣ (27 сл., 363 сл.). Указываю на эти историческіе курьезы лишь для того, чтобы отмѣтить безвредную слабость г. Ил. къ лингвистикѣ, столь же характерную для этого многосторонняго писателя, какъ и его колебательность въ «исторической поминкѣ о М. Н. Катковѣ» (332—361), въ свое время не допущенной къ печати, вѣроятно, вслѣдствіе неудобной откровенности нашего историка-публициста, и появившейся въ «Рус. Архивѣ» только въ текущемъ году. Въ этой «поминкѣ» читатель встрѣтитъ, между прочимъ, достаточно откровенное объясненіе причинъ особаго отношенія покойнаго публициста къ т. н. еврейскому вопросу (стр. 337).

Приходится сожалѣть, что на стр. 362 настоящаго сборника г. Ил. не выбросилъ второго примѣчанія, гдѣ отваживается раскрывать чужой анонимъ (впрочемъ, въ видѣ догадки): такіе приемы всегда производятъ тяжелое впечатлѣніе.

Н. М.

Труды перваго сѣзда сельскихъ хозяевъ подольской губерніи въ г. Проскуровѣ 1896 года. (Кіевъ, 1897). Стр. 144.

Засѣданія сѣзда происходили 28—31 августа 1896 г. подъ предсѣдательствомъ управляющаго госуд. имущ. кіевской и подольской губерній, при участіи 106 членовъ изъ землевладѣльцевъ, арендаторовъ и управляющихъ имѣніями подольской губерніи и нѣк. др. лицъ, получившихъ агрономическое образованіе. На обсужденіе было поставлено 8 вопросовъ: объ организаціи сельско-хозяйственнаго общества въ подольской губ., объ открытіи низшей сельско-хозяйственной школы въ одномъ изъ уѣздовъ ея, о взаимномъ страхованіи, о взаимномъ денежномъ кредитѣ, о непосредственной закупкѣ правительствомъ сельско-хоз. продуктовъ у землевладѣльцевъ, о сервитутахъ и разверстаніи угодій, о регулированіи отношеній хозяевъ и рабочихъ и, наконецъ, о пошлинахъ на заграничныя сельско-хозяйств. машины и орудія.

По вопросу объ открытіи с.-хоз. общества и учрежденіи школы выработаны проекты уставовъ, которые поступили на утвержденіе центральныхъ учреждений. При этомъ на содержаніе школы предположено обложить частновладѣльческія земли 1 воп. съ десятины, что можетъ составить до 16.000 руб. Вопросы о взаимномъ страхованіи и взаимномъ кредитѣ оставлены до учрежденія с.-хоз. общества. О закупкѣ сельско-хоз. продуктовъ рефератовъ не было представлено. По вопросу объ урегулированіи отношеній хозяевъ и рабочихъ обѣщанъ, но не представленъ, рефератъ г. Забѣлло, который ограничился нѣсколькими словесными заявленіями, весьма неясными, относительно важности кооперативнаго начала и въ частности кооперативно-пайщицкой формы участія въ прибыляхъ хозяйства. Сѣздъ призналъ, что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ не законодательствомъ, а на нравственной почвѣ, создаваемой временемъ, почему вопросъ и остался открытымъ.

Наиболѣе оживленныя пренія вызвали вопросы о разверстаніи и отмѣнѣ повровительственныхъ пошлинъ на заграничныя машины и орудія.

Какъ в слѣдовало ожидать, подольскіе землевладѣльцы крайне недовольны существованіемъ сервитутовъ въ неразверстаныхъ имѣніяхъ и предлагаютъ рядъ мѣръ для устраненія этого вреднаго для нихъ положенія. Такъ, напр., кн. П. П. Трубецкой (стр. 71) предлагаетъ даже устранить земскую давность въ дѣлахъ о возстановленіи правъ помѣщиковъ на захваченныя крестьянами земли, т. е. отмѣнить одинъ изъ главныхъ устоевъ незыблемости владѣнія недвижимостью; Г. Финкельштейнъ считаетъ (стр. 76), что съ уничтоженіемъ права выпаса на помѣщичьихъ земляхъ крестьянамъ достаточно прирѣзать 3—3½% помѣщичьей земли въ вознагражденіе за отмѣненный сервитутъ. Г. Косткевичъ (стр. 79) полагаетъ, что вопросъ слѣдуетъ разрѣшить уступкой крестьянамъ минимальнаго % помѣщичьей пахаты, предоставивъ землевладѣльцамъ право составленія проектовъ удобнаго и выгоднаго разверстанія, а равно право добровольныхъ сдѣлокъ и условій, назначивъ самый кратчайшій срокъ на ихъ совершеніе. Г. Боржевскій, на основаніи до крайности шаткихъ статистическихъ данныхъ, рассчитываетъ, что за 10 лѣтъ владѣльцы неразверстаныхъ имѣній несправедливо потеряли до 10½ мил. рублей и что крестьянамъ слѣдуетъ отдать 10 дес. 750 кв. саж. за 100 дес. помѣщичьей толоки, обремененной сервитутомъ (84), а самое разверстаніе, по его мнѣнію, слѣдуетъ возложить на особую комисію съ назначеніемъ въ нее членовъ отъ дворянскаго сословія (93). Г. Молзелевскій (99) повидимому полагаетъ, что крестьянъ вовсе не слѣдуетъ вознаграждать за пастбищный сервитутъ, ибо право пастбы на толокахъ не есть сервитутъ, а взаимная услуга. Словомъ, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Разумѣется, мнѣнія свободны, но желательно лишь, чтобы при рѣшеніи этого труднаго вопроса было соблюдено правило: *audiatur et altera pars*, такъ какъ мнѣнія однихъ землевладѣльцевъ въ этомъ отношеніи неизлечимо односторонни. Съѣздъ, имѣя въ виду трудность вопроса, постановилъ ходатайствовать о скорѣйшемъ введеніи въ губерніи генеральнаго межеванія на общемъ основаніи, а при невозможности этого—объ учрежденіи мѣстныхъ комиссій для подробнаго практическаго изслѣдованія сервитутнаго вопроса, съ участіемъ нѣсколькихъ лицъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, по назначенію губернатора.

По вопросу о пошлянахъ на машины съѣздъ съ великимъ единодушіемъ призналъ разорительное ихъ вліяніе на сельское хозяйство и безцѣльность въ смыслѣ поднятія этой отрасли промышлен-

ности, почему и постановил ходатайствовать объ отмѣнѣ пошлинъ какъ съ самихъ машинъ и орудій, такъ и съ частей ихъ.

Закончимъ нашъ отчетъ краснорѣчивою выдержкою изъ реферата г. Мiodушевскаго о необходимости открытія сельско-хоз. школы (38): «Сельско-хозяйственная страна, не имѣющая до сихъ поръ дешеваго взаимнаго кредита, такого же взаимнаго страхованія, не успѣвшая до сихъ поръ развертывать своихъ угодій, съ неустановившимися еще правильными отношеніями между работодателемъ и работникомъ, хронически страдающая отъ всякаго рода эпизоотій и конокрадства, празднующая въ году свыше 160 дней, въ исключительныхъ только случаяхъ вводящая сѣвооборотъ, — такая страна съ величайшимъ развѣмъ напряженіемъ можетъ пережить внезапно разразившійся надъ всѣмъ міромъ сельско-хозяйственный кризисъ... Прежде всего бросается въ глаза страшная тьма, въ которой прозябаетъ нашъ крестьянинъ. Сопоставляя положеніе нашихъ городовъ, въ послѣдніе два-три десятка лѣтъ совершенно измѣнившихъ свой видъ, съ положеніемъ нашихъ селъ и деревень, наглядно убѣждаемся, что послѣдніе до сихъ поръ еще не получили должнаго экономическаго толчка, который бы прервалъ ихъ вѣковой сонъ. Все тѣ же лачужки, вмѣсто скольконибудь благообразныхъ домовъ, тѣ же тѣнистые, но мало производительные, вишневыя по большей части садички, тѣ же тощія, изморенныя, именуемыя лошадьми, животныя, тѣ-же засоренныя навозомъ и всякою нечистью усадьбы и тѣ же пстощенные и плохо воздѣланныя поля».

Необходимо побольше профессиональныхъ школъ. Проектъ одной изъ такихъ школъ и составленъ. При этомъ выяснилось курьезное обстоятельство. Нормальное положеніе 27 декабря 1883 г., между прочимъ, гласитъ, что пособіе правительства низшимъ сельско-хоз. школамъ можетъ заключаться въ отводѣ участковъ казенной земли, въ размѣрѣ не болѣе 500 дес. каждой школѣ, для безвозмезднаго пользованія на все время существованія. Но г. предсѣдатель сѣзда разъяснилъ, что въ подольской губерніи казенныхъ удобныхъ земель, которыя могли-бы быть отведены для школы въ размѣрѣ до 500 десятинъ, не имѣется. Членъ сѣзда г. Собанскій заявилъ (стр. 49), что отецъ его въ 1896 году предполагалъ открыть въ своемъ имѣніи при м. Ободовкѣ ольгон. у. низшую с.-хоз. школу, жертвуя необходимыми постройки, сколо 3000 р. пособія ежегодно въ теченіи 15—20 лѣтъ и давая возможность ученикамъ практиковаться въ его обширномъ хозяйствѣ, гдѣ есть сахарный и винокуренный заводы, мельница, свекловичныя плантаціи, устроенные лѣса съ питомниками и

пр. Но на это ходатайство объявлено было, что открытіе школы на этихъ началахъ едва-ли возможно, въ виду серьезныхъ отступленій отъ нормальнаго устава для низшей школы. Г. Собанскій вновь заявилъ готовность жертвовать по 3000 р. въ теченіи 15—20 лѣтъ на открытіе школы въ другомъ мѣстѣ, но съ тѣмъ, чтобы въ ту школу были допускаемы дѣти всѣхъ сословій, безъ различія вѣроисповѣданій. На вопросъ г. Бущинскаго, можетъ-ли быть измѣняема программа школы, г. председатель сѣзда объяснилъ, что нормальный уставъ не подлежитъ измѣненію. Если бы кто либо изъ землевладельцевъ пожелалъ открыть школу по нормальному уставу, то это могло-бы быть разрѣшено министерствомъ безъ замедленія, всякое же отступленіе отъ такого устава требуетъ утвержденія законодательнымъ порядкомъ и потому можетъ быть разрѣшено, конечно, не такъ скоро. Это какой то фатальный *circulus vitiosus*.

Н. М.

Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки.

Вып. II. Вильна, 1897 г. in—4. XIV+152 стр.

Грустное впечатлѣніе на всякаго, кто сколько нибудь знакомъ съ библіотечнымъ и архивнымъ дѣломъ, производитъ эта книга.

Начнемъ съ заглавія, которое неправильно передаетъ содержаніе всего, собраннаго подъ нимъ. Это вовсе не описаніе отдѣленія, какъ помѣщенія для рукописей, а старыхъ дѣлъ и документовъ, хранящихся въ отдѣленіи, въ чемъ читатель можетъ и убѣдиться, пробѣжавъ двѣ-три страницы послѣ «предисловія». Намъ кажется, нужно строго различать понятія: описаніе рукописнаго отдѣленія и описаніе старыхъ дѣлъ и документовъ рукописнаго отдѣленія. Не вѣрно это заглавіе и потому, что въ книгѣ центръ тяжести заключается не въ описаніи «отдѣленія», а въ приложенныхъ матеріалахъ. Изъ 152-хъ страницъ ея только пятая часть (29 страницъ) заняты «описаніемъ»; остальные же $\frac{4}{5}$ (123 страницы) отданы подъ помѣщеніе на нихъ сырого матеріала: привилегій пинскому францисканскому монастырю и инвентарей столовыхъ имѣній виленскихъ римско-католическихъ епископовъ. Книга принимаетъ, такимъ образомъ, вполне форму «актовъ», издаваемыхъ виленской археографической комиссіей; да и форматъ описанія отдѣленія такой же, какъ и актовъ; разница лишь въ количествѣ страницъ, которыхъ въ «актахъ» всегда до полутысячи.

Описання дѣла и документи принадлежали прежде Виленскому Капитульному архиву и переданы теперь совершенно не туда, куда слѣдовало бы—въ виленскую публичную бібліотеку. Такая неправильная передача документовъ и дѣлъ въ бібліотеки, а не въ архивы, составляетъ, впрочемъ, вину, общую многимъ учрежденіямъ судебнымъ и административнымъ, не умѣющимъ различать, что слѣдуетъ передать изъ рукописей въ бібліотеки и что въ архивы; но въ такихъ случаяхъ бібліотеки сами должны были бы указывать дорогу, куда и какія рукописи слѣдуетъ направить. Къ сожалѣнію и этого не бываетъ: многи бібліотеки принимаютъ то, что имъ вовсе не должно принадлежать. А между тѣмъ дѣлать разграниченіе вовсе не такъ трудно, стоитъ лишь принять за правило, что въ рукописныя отдѣленія бібліотекъ должны быть принимаемы одни рукописныя сочиненія по разнымъ научнымъ предметамъ (богословію, философіи, исторіи, литературѣ и проч.), записки, мемуары и проч., не имѣющіе офіціального характера; всѣ же рукописи офіціального происхожденія: дипломатическая и административная переписка, всѣ юридическіе акты и судебные приговоры и рѣшенія (свѣтскія или духовныя) должны быть направляемы въ архивы. Въ нашихъ же бібліотекахъ и архивахъ въ этомъ отношеніи царитъ полный хаосъ, и историка до нужныхъ ему офіціальныхъ документовъ доводятъ лишь указанія добрыхъ людей (какъ языкъ до Кіева). Эту общую ошибку повторила и виленская публичная бібліотека, принявъ на храненіе въ свое рукописное отдѣленіе юридическіе акты виленскаго капитульнаго архива, тогда какъ настоящее имъ мѣсто въ виленскомъ центральномъ архивѣ, въ крайнемъ случаѣ—въ архивѣ виленской археографической комиссіи.

Для характеристики содержанія документовъ, зарегистрированныхъ въ «описаніи отдѣленія», сдѣлаемъ выписку изъ «предисловія», принадлежащаго г. Ф. Добрянскому. «Всѣ рукописи, говоритъ онъ, переданныя изъ капитульнаго архива и напечатанныя въ первыхъ двухъ выпускахъ (здѣсь г. Добрянскій, конечно, обмолвился: всѣ рукописи не только не были напечатаны, но даже и не всѣ описаны въ двухъ выпускахъ, если подъ послѣднимъ авторъ разумѣетъ разбираемый выпускъ и предшествовавшій ему первый; въ самомъ началѣ «предисловія» имъ же самымъ сказано: «въ настоящемъ второмъ выпускѣ это описаніе подвинуто близко къ окончанію»), имѣютъ такое или иное отношеніе къ исторіи въ сѣверо-западной Россіи и заключаютъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній, освѣщающихъ ту или другую

сторону жизни римско-католической церкви въ этомъ краѣ. Такъ, помѣщенные въ периодъ выпускѣ инвентари и визиты костеловъ знакомятъ насъ, главнымъ образомъ, съ мѣстами, гдѣ и какъ водворилось латинство, и съ предметами, имѣющими отношеніе, такъ сказать, къ внѣшней, видимой сторонѣ латинской церкви, какъ то: съ внѣшнимъ видомъ и наличнымъ состояніемъ костеловъ, костельною утварью, домами духовенства и т. п. Рукописи второго выпуска восполняютъ свѣдѣнія, заключающіяся въ рукописяхъ перваго: онѣ знакомятъ насъ съ людьми, проводившими латинство въ жизнь, поддерживавшими и расиространявшими его, вообще съ представителями латинства и ихъ дѣятельностью. Въ этомъ отношеніи рукописи, описанныя во второмъ выпускѣ, имѣютъ большее значеніе и представляютъ научный интересъ не меньшій, чѣмъ рукописи, вошедшія въ первый выпускъ»... Въ настоящемъ выпускѣ описаны оффиціальная и частная переписка вилецкихъ епископовъ; распоряженія ихъ по управленію епархіей; дѣла римско-католической духовной консисторіи: о совращеніи въ латинство, главнымъ образомъ, бывшихъ униатовъ, объ обращеніи въ католичество евреевъ и магометанъ; о взаимныхъ отношеніяхъ духовныхъ лицъ между собой, о преступленіяхъ ихъ разслѣдованія по жалобамъ прихожанъ на духовенство, о постройкѣ и ремонтѣ костеловъ, о приходскихъ школахъ, монастырскихъ и костельныхъ имѣніяхъ, о фундашахъ на семинарію, академію и проч.; наконецъ, цергаминные юридическіе акты: королевскія привилегіи, папскія буллы, индульгенціи и проч.; вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько рукописныхъ книгъ богословскаго и историческаго содержанія; эти то послѣднія и могутъ только принадлежать публичной бібліотекѣ; всѣ же остальные должны быть переданы въ центральный архивъ.

Переходимъ теперь къ самому описанію отдѣленія или, говоря точнѣе, къ описанію дѣлъ и отдѣльныхъ документовъ. Дѣла и документы расположены по шкапамъ; каждый шкафъ имѣетъ свою особенную нумерацію. Составитель описанія дѣлаетъ еще попытку группировки матеріала по содержанію, но крайне неудачно: самыя рубрики отличаются крайней неопредѣленностью. Напр., дѣла о костелахъ; сюда входятъ дѣла о школахъ и бракоразводныя; въ рубрикѣ: о «совращеніи въ латинство» описаны: «дѣло по жалобѣ Маріанны Саладзинской о принужденіи ея къ принятію православія», «дѣло о лицахъ, присоединившихся къ православію и т. д.; въ группѣ инвентарей вы найдете много юридическихъ актовъ и наоборотъ. Не всѣ, однако, документы описаны толково и обстоятельно; этимъ качествомъ

могут похвалиться только пергаменные грамоты; въ другихъ отдѣлахъ много неясности и неопредѣленности; въ большинствѣ же sluчaeвъ авторъ, чтобы избѣжать просмотръ дѣла, ограничивается копировкой стараго канцелярскаго заголовка дѣла, оставляя даже безъ измѣненія языкъ описи, что производитъ впечатлѣніе смѣси французскаго съ нижегородскимъ, а между тѣмъ старая опись на обложкахъ дѣлъ неполна, хотя очень часто бываетъ точна. Возьмемъ первый случайно попавшійся описи: «Дѣло о предметахъ, сопряженныхъ съ православнымъ духовенствомъ». Догадывайтесь, о какихъ это предметахъ идетъ рѣчь. (Дѣло № 63 шванъ 54). Или: «Dzieło o skardze kosystorza unińskiego na karmelity Loswirskiego klasztoru x. Sawieriego, kapelana kaplicy Pomoskiej 1839. Но о чемъ жалоба—неизвѣстно, а составитель не дополнилъ содержанія описи. Напрасно также составителемъ описанія оставленъ прекрасный канцелярскій обычай обозначать въ дѣлахъ начало и конецъ его; эти числа очень часто разрушаютъ предубѣжденіе о старой канцелярской волокитѣ; многія дѣла, напротивъ, рѣшались скоро; но и помимо этого, для лица, разыскивающаго документы, очень важно знать границы дѣла во времени.

Не желательнымъ намъ кажется нововведеніе автора описаніи не обозначать и въ дѣлахъ и въ кипгахъ число листовъ; это вѣдь важно и для лица, пользующагося описью, и для самаго учрежденія, хранящаго документы. Также ужъ слишкомъ кратко сдѣлана опись философскихъ и естественно-историческихъ рукописей; приведены одни общіе заголовки, а литовскій языкъ, какъ и польскій, оставлены безъ перевода.

Намъ слѣдовало бы сказать въ заключеніе что нибудь о «Приложеніяхъ»; но мы и то ужъ слишкомъ долго рассматриваемъ «описаніе» отдѣленія. Однако и здѣсь мы находимъ тоже нарушеніе установившихся археографическихъ обычаевъ: отдѣльные документы оставлены безъ подробной описи, имѣя одно общее: привилегія и конфирмація Пинскому францисканскому монастырю; инвентари Завилейскихъ ключей виленской епископіи. Подъ привилегіями не означено, изъ какой книги они взяты, и ставятъ читателя въ недоумѣніе, —окончены они или слѣдуетъ ждать продолженія. Намечтаны цѣликомъ двѣ книги. Такимъ образомъ, весь трудъ составителя «Описанія» сводится къ простой копировкѣ заглавій старыхъ и къ недолгому мудрствованію надъ выборомъ для печати сырья. Такое отношеніе къ требованіямъ археографіи дѣйствуетъ на читателя удручающе, а между тѣмъ

изъ «Описанія» видно, что въ библіотекѣ имѣются въ высокой степени важныя и интересныя въ бытовомъ отношеніи дѣла, одна обстоятельная и хорошая опись которыхъ могла бы дасть много исторіи, какъ это даетъ, напр., опись пергаминныхъ грамотъ, за которую нельзя не сказать автору горячее спасибо.

И. Каманинъ.

Извѣстія Таврической ученой архивной комиссіи № 26 (годъ 11-й). Подъ редакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича. Симферополь 1897 г., стр. 176.

Сообщавшіеся въ предшествовавшихъ книжкахъ «Извѣстій» г. Г. К. Кирѣенкомъ Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1796 г. окончились, кажется, потому что въ оглавленіи помѣчено: «окончаніе» и послѣдній ордеръ относится къ 3-му декабря; но между заголовкомъ этого матеріала и самими ордерами читаемъ: «продолженіе». Что же это, продолженіе окончанія? О достоинствѣ системы изданія ордеровъ и важности ихъ самихъ мы говорили въ прежнихъ рецензіяхъ и теперь повторять не будемъ. Оканчивается здѣсь же и другой матеріалъ: «Сборникъ документовъ по исторіи Крымско-татарскаго землевладѣнія», собранный г. О. О. Лашковымъ; но этотъ матеріалъ оканчивается безъ всякаго сомнѣнія, ибо и въ оглавленіи и при самомъ матеріалѣ пояснено, что это окончаніе.

М. В. Довнаръ-Запольскій помѣстилъ въ своей «Замѣткѣ о Крымскихъ дѣлахъ въ Метрикѣ Литовской» общія указанія на документы, относящіеся къ споеніямъ Крыма, Нагайской и Казанской ордъ съ Литвой; мѣстами эти указанія очень кратки, въ другихъ они болѣе подробны; такъ или иначе, но они очень важны, потому что облегчаютъ возможность, не роясь долго по книгамъ, отыскать все, что относится къ Крыму въ V-й, VI-й, VII-й и XII-й книгахъ Записей Литовской метрики. Эти замѣтки авторъ дѣлалъ, конечно, для себя сначала и лишь впоследствии рѣшился ихъ напечатать въ «Извѣстіяхъ»; въ противномъ случаѣ онъ указывалъ бы даты документовъ и проверилъ бы, какія изъ нихъ уже напечатаны г. Пульскимъ въ его сочиненіи «Stosunki Polski z Tatarszczyzną od polowy XV wieku». Tom 1. Warszawa 1881. Теперь же замѣткой г. Довнаръ-Запольскаго можетъ воспользоваться лишь тотъ, кто будетъ имѣть

возможность работать въ Москвѣ надъ книгами Литовской Метрики. Книгу № XII Таврическая Коммиссія нашла особенно интересной и постановила, какъ значится въ протоколахъ ея, просить г. Довнаръ-Запольскаго скопировать ее.

Въ концѣ книги помѣщены протоколы засѣданій Таврической ученой архивной коммисіи; въ нихъ весьма важны для насъ свѣдѣнія по разбору уничтожаемыхъ дѣлъ; такъ напр., Екатеринославская казенная палата, представившая свои описи Коммиссіи для отборки дѣлъ, важныхъ въ научномъ отношеніи, уничтожаетъ почти 19000 дѣлъ; но Коммиссія признала заслуживающими только просмотра, а не сохранения до 200 дѣлъ. Между тѣмъ ихъ непременно должно быть въ 20 разъ больше, такъ какъ уничтожаемая дѣла принадлежатъ контрольному бывшему отдѣленію Палаты, куда присылались отчеты всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений, т. е. все статистика. Изъ уничтожаемыхъ дѣлъ Симферопольскаго уѣзднаго полицейскаго управленія заслужили вниманія Коммисіи лишь весьма немногія дѣла (изъ 932), а изъ дѣлъ Перекопскаго—оказалось нужнымъ просмотрѣть всего до 100 (изъ 3640).

На такое слишкомъ ужъ разборчивое отношеніе къ уничтожаемымъ дѣламъ было указано и въ письмѣ графа Ланскаго на Рижскомъ Археологическомъ съѣздѣ. Мы тѣмъ съ большимъ интересомъ узнаемъ о содержаніи этого весьма важнаго письма изъ отчета г. О. Ф. Ретовскаго о дѣятельности съѣзда, что сами не разъ указывали на это грустное явленіе въ дѣятельности нашихъ коммиссій. Гр. Ланской устанавливаетъ два справедливѣйшихъ факта: 1, что главною задачею коммиссій должно быть просматриваніе и сохраненіе архивныхъ дѣлъ; между тѣмъ ученые коммисіи занимаются больше археологіей и, прибавимъ мы оъ себя, сиѣшатъ издавать вмѣсто описей дѣлъ историч. матеріалы, изображая изъ себя историческія общества и археографическія коммисіи; 2, что часто уничтожаются важныя въ научномъ отношеніи дѣла вслѣдствіе или непониманія ихъ важности или невнимательности лицъ, которымъ поручается разборъ архивовъ; и потому гр. Ланской предлагалъ сохранять по возможности всѣ дѣла. Къ сожалѣнію, такъ какъ члены съѣзда, обсуждавшіе предложенія гр. Ланскаго, принадлежали къ тѣмъ лицамъ, противъ которыхъ написано это письмо, то съѣздъ и не рѣшилъ этого дѣла какъ слѣдовало его рѣшить. А между тѣмъ онъ долженъ быть рѣшенъ специальной коммиссіей, составленной изъ свѣдущихъ лицъ, и ею должна быть выработана для руководства членовъ архивныхъ коммиссій программа,

какія дѣла можно уничтожать и какіи должно сохранить; такими свѣдущими людьми могутъ быть признаны представители науки исторіи русскаго права, опытные архивисты и представители правительственныхъ учрежденій, какъ хорошо знакомые съ функціями своихъ учреждений. Такую комиссію лучше всего было бы собрать при Археологическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ хорошо уже и то, что безошадное уничтоженіе архивными комиссіями (состоящими, замѣтимъ кстати, совсѣмъ не изъ архивистовъ) старыхъ дѣлъ обратило на себя наконецъ вниманіе свѣдущихъ людей и объ этомъ возбужденъ вопросъ.

И Каманищъ.

Обозрѣніе журналовъ 1897 г.

Книжки Недѣли № 1—4.—Н. Н. Ге. Біографическій очеркъ. В. В. Стасова (№ 1) — Первые три «статьи» этого очерка были напечатаны въ первыхъ трехъ книжкахъ «Сѣвернаго Вѣстника» 1895 г. (Дѣтство, Гимназія, Университетъ) и предисланы въ краткомъ изложеніи послѣдующимъ главамъ, впервые появляющимся на страницахъ «книжекъ Недѣли». Матеріалами для біографическаго очерка служили автору «многочисленные записки и черновыя бумаги самого Ге, разныя печатныя статьи, личныя воспоминанія», автора «наконецъ, большая масса писемъ Н. Н. Ге къ его друзьямъ и знакомымъ и этихъ послѣднихъ къ нему».

Изъ литературнаго міра.—(№ 3-й стр. 345). Подъ заглавіемъ—«Сынъ Украины» помѣщенъ краткій отзывъ о покойномъ Пантелеймонѣ Александровичѣ Кулишѣ. «Дороже всего человѣку его родной языкъ, и на этомъ поприщѣ Кулишъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ борцовъ за малорусскую культурную самостоятельность. Онъ боролся за родной языкъ и въ специальныхъ трудахъ, и въ журналѣ «Основа», издававшемся по его инициативѣ, и переводами европейскихъ классиковъ (Шекспира, Байрона и др.) на малорусскій языкъ. Наконецъ, самымъ замѣчательнымъ трудомъ его въ этой области является переводъ на малорусскій языкъ Евангелія, Пятикнижія и Псалтири, обращающійся нынѣ въ Галиціи и Буковинѣ. Специальные труды Кулиша будутъ забыты, его произведенія не будутъ, можетъ быть, читаться, но память о немъ въ малорусскомъ народѣ сохранится.

В. Л. Дѣдловъ, при описаніи достопамятностей г. Тобольска, въ своихъ путевыхъ очеркахъ по Сибири, подъ заглавіемъ «Будущая Россія» (№ 4-й), упоминаетъ о полуразрушенной церкви 1686 года (Преображенской), въ иконостасѣ которой сохранилось нѣсколько десятковъ иконъ «образцовой живописи конца прошлаго столѣтія, говорящей о кисти Левицкаго и Боровиковскаго»... «Немудрено, — говоритъ авторъ — что это и въ самомъ дѣлѣ ихъ работа (вѣроятно — послѣдняя), потому что иконопись прислана изъ Петербурга императрицей Екатериной. Каждое изображеніе могло бы составить украшеніе любой церкви, любой исторической галлерей. Свѣжесть красокъ удивительна; доски, на которыхъ писаны иконы, великолѣпны: — пять лѣтъ сырости и сибирскихъ морозовъ почти не повліяли ни на тѣ, ни на другія. И такую драгоценность держать въ навозѣ, чуть не подъ открытымъ небомъ, въ зданіи, которое каждый день можетъ разрушиться и превратить живопись въ щепы!»

Описывая дальше транспортъ ссыльныхъ, ѣхавшихъ на томъ-же пароходѣ, что и авторъ «очерковъ», онъ такъ характеризуетъ бывшихъ тамъ малороссовъ, ссылаемыхъ по приговору сельскихъ обществъ:

«Было много малороссовъ. Удивительные это люди, хохлы. На лица взглянуть, такъ не хорошо дѣлается: такія «порочныя», — но всѣ безумно влюблены въ своихъ женокъ. Сидятъ прижавшись другъ къ другу, какъ инсепараблы, и цѣлуются. Проголодаются, поѣдятъ, помолятся и опять цѣлуются. Изъ хохловъ былъ одинъ холостой, коренастый, плечистый малый, лѣтъ подъ тридцать, съ головой тычкомъ, носъ картошкой, волосы черные и щетинистые; черные глаза имѣли дикое собачье выраженіе. Этому не съ кѣмъ было цѣловаться, такъ онъ плясалъ. А это было возможно при остановкѣ парохода».

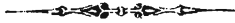
Во время одной изъ остановокъ изъ сосѣдней деревни вышла къ пристани толпа молодыхъ парней. «У одвого въ рукахъ была большая гармоника. Ссыльные тотчасъ-же его окружили. Онъ твердо сталъ среди круга. Растолкавъ зрителей, вошелъ въ кругъ холостой хохоль и тоже твердо и сталъ противъ музыканта.

— Козака! — сказалъ онъ и бросилъ на землю шапку.

Музыкантъ топнулъ ногой, тряхнулъ головой и — навѣрно не меньше полчасу хохоль выкидывалъ такія штуки ногами, руками и головой, что казалось даже неправдоподобно».

Въ этой-же «книжкѣ Недѣлы» В. Стасовъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ «Н. Н. Ге» приводитъ отзывъ Д. Л. Мордовцева о томъ, какъ Ге писалъ портретъ Татьяны Петровны Костомаровой, матери историка. «Ге писалъ этотъ портретъ, говоритъ Д. Л. Мордовцевъ въ своей статьѣ «Памяти Н. Н. Ге» — въ отсутствіе, помнитса, Костомарова.. Я тогда нерѣдко навѣщала старушку, и познакомился отчасти съ приемами Ге, какъ точнѣе передать харак-

теръ и душу чловѣка, портретъ съ котораго онъ писалъ. Художникъ не довольствовался изученіемъ лица своего объекта во время обыкновенной, спокойной бесѣды, когда старушка говорила о своемъ «Николаѣ», о его капризахъ; Н. Н. Ге забѣгалъ и въ кухню, гдѣ мать историка верѣдко ссорилась съ сварливой кухаркой-чухонкой. «Это — велишній матеріалъ для художника», говорилъ онъ улыбаясь. И портретъ вышелъ на славу: старушка, нѣкогда красавица, живетъ, дышетъ, думаетъ на полотнѣ, и о своемъ избалованномъ сынѣ, и о грубіянкѣ кухаркѣ».

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LVII, 1897 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

СТР.

ОТДѢЛЪ I-й.

- I. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ И ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА СТАРОЙ
МАЛОРОССІИ. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство.
Д. Миллера. (*Окончаніе*). 1—47
- II. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельни-
щины. М. Старицкаго. (*Продолженіе слѣдуетъ*). 48—66 389—444
- III. ПОѢЗДКА ВЪ ПОЛТАВУ. (П. Г. В—ову). А. Л. 67—77
- IV. БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦЬКІЙ. Историчная драма, въ V-ты
дѣяхъ и 6-ты одинахъ, зъ апофеозомъ. М. П. Стариц-
каго. 78—123 208—289
- V. КЪ ИСТОРИИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ ВЪ КОНЦѢ
XVIII И ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА Н. С. 124—156
(*Продолженіе слѣдуетъ*). 460—483
- VI. НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ КЪ АВТОБІОГРАФИЧЕСКОЙ ЗА-
ПИСКѢ И. И. СЕРДЮКОВА, ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ НОЯБРЬ-
СКОЙ КНИЖКѢ «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» ЗА 1896 Г. М.
Номиса. 157—162
- VII. ТРИ ДНЯ НА ХУТОРѢ У ПАНТЕЛЕЙМОНА АЛЕКСАВД-
РОВИЧА и АЛЕКСАНДРЫ МИХАЙЛОВНЫ (ГАННЫ БАР-
ВИНОКЪ) КУЛИШЬ. М. Лободовскаго. 163—176

VII. ОСТРОЖСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ШКОЛА. (Историко-критическій очеркъ). Н. Харламповича. 177—207	363—388
IX. ЮНЫЕ ГОДЫ П. А. КУЛИША. М. Чалаго.	291—299
X. НАДЪ ВЕЛИКИМЪ ЛУГОМЪ ДНѢПРОВСКИМЪ. (Изъ путе- тевыхъ замѣтокъ) Л. Падалки	300—315
XI. СКАЗАНИЕ О ЦАРѢ СОЛОМОНѢ. Ѳ. Нудринскаго.	316—338
XII. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФІИ П. А. КУЛИША.	339—362
XIII. КЪ ИСТОРИИ ЧУМНОЙ ЭПИДЕМИИ ВЪ КІЕВѢ 1770— 1771 г.г. Протоіерея П. Орловскаго	445—483
XIV. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ. (1862 годъ). (<i>Окончаніе слѣдуетъ</i>).	484—512

ОТДѢЛЪ II-й.

- I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ а) Данныя Архива Святѣйшаго Синода о кіевской церкви во имя св. апостола Андрея Первозваннаго. Н. Здравомыслова. б) Харьковъ и Стародубъ въ 1808 году. А. Л. в) Донскіе козаки на постоѣ въ Кіево-Подольскомъ Дѣвичьемъ училищѣ. П. Голубовскаго. г) Поминки по Т. Г. Шевченкѣ, Н. И. Костомаровѣ и П. А. Кулишѣ въ Петербургѣ. д) Польскій король Янъ Казимиръ, Хмельницкій и греки. Сообщ. Н. М. е) Предполагаемое изданіе сказокъ. ж) Даниль Гавриловичъ Лебединцевъ. (Некрологъ). з) Егоръ Степановичъ Гордѣенко. (Некрологъ). и) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. і) Два поддѣльныхъ историческихъ документа. А. Л. к) Благодарственное письмо кн. Меншикова кіевскому дворянству 6 ноября 1709 г. за поздравленіе съ полтавской побѣдой. Сообщ. Н. М. л) Продажа кіевскою дворянкою своей дочери въ крѣпостное состояніе. Сообщ. Н. М. м) Къ повѣрьямъ относительно пчель. Сообщ. В. Ястребовъ. н) О стельной коровѣ. Сообщ. В. Ястребовъ. о) Сборъ съ православныхъ помѣщиковъ на постройку Кіевского костела. Сообщ. О. Л.

п) Письмо изъ Житомира. р) Отзывъ гр. А. К. Толстого о малорусской народной музыкѣ. с) Поправка. **Б. Гринченка.** т) Расходы Рѣчи Посполитой на козацкихъ пословъ. **Н. Бѣляшевскаго.** у) Эпизодъ изъ исторіи церковно-приходской школы въ с. Шамраевкѣ, васильковского уѣзда. ф) Вечеръ въ день Ивана Купала. х) Идолъ купалы въ г. Артыркѣ **А. А. Таннова.** ц) Вновь открытая стѣнная живопись въ г. Новгородсѣверскѣ. ч) Запѣтки по искусству. ш) Подписка на памятникъ **И. П. Котляревскому** въ Полтавѣ. 1—21, 55—70 85—109

- II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв. Изслѣдованіе **М. И. Лилеева. В. Ионникова.** б) О малороссійскихъ переписныхъ книгахъ 1666 г. **Вит. Эйнгорна. А. Л.** в) Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV. **Н. С.** г) Черниговская памятка. Карманная справочная книжка на 1896—7 годъ съ рисунками, чертежами, таблицами въ текстѣ, календаремъ и адресъ-календаремъ. **А. С.** д) **П. Я. Армашевскій** и **Вл. Б. Антоновичъ.** Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя въ истор. обществѣ **Нестора** лѣтописца въ мартѣ 1896 года. Съ двумя рисунками. **Н. М.** Обзоръ журналовъ. е) Еще по поводу «**Бѣлозерскаго Полѣсья**» г. **Довнаръ-Запольскаго. А. Крымскаго.** ж) Звуковыя и формальныя особенности народныхъ говоровъ Холмской Руси. Обзоръ, съ приложеніемъ образцовъ народныхъ говоровъ. **В. Шимановскаго. К. М.** з) Записки науковаго товариства імени Шевченка Выходять у Львові під редакцію **Михайла Грушевського.** Томы XIV—XV. **Н. М.** в) Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемые гр. **К. Толстымъ** и **Н. фондаковымъ.** Выпускъ пятый. **Бурганы,** древности и клады домонгольскаго періода. **В. Щербини.** і) Старина и Новизна. **Н. С.** к) Историческія сочиненія **Д. И. Иловайскаго. Н. М.** л) Труды перваго съѣзда сельскихъ хозяевъ подольской губерніи въ г. **Проскуровѣ** 1896 года. **Н. М.** м) Описаніе рукописнаго отдѣленія **Вилевской** Публичной бібліотеки. **И. Наманина.** н) Извѣстія **Таврической**

ученой архивной комиссія № 26 (годъ 11-й) Подъ редакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича. И. Наманина. о) Обоз- рѣніе журналовъ 22—54, 71—84,	110—122
ОБЪЯВЛЕНІЕ.	1—2
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Малороссійская свадьба (17—22).	
2) Записки о Малороссійскихъ чинахъ Адріана Ивановича Чепы. (23—32) (33—39).	
3) О времени поселенія бывшаго Черномор- скаго козачьяго войска (40 — 48), (49—68).	
4) Ланкастерское училище въ Кіевѣ. (1—2).	
КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКАЯ СТАРИНА» (съ концъ книги).	1

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КИЕВСКОЙ СТАРИНЫ“¹⁾.

А.

Андріевскій А. А. Комиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-отгискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевскій А. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Реляціи Кіевскаго генераль-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—220. Цѣна 1 р.

Андріевскій А. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе Кіевской комиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. Первый русскій книгопечатникъ. Изданіе Кіевской комиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевскій А. Крымъ и Крымскіе татары. Изданіе Кіевской комиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к.

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-отгискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к.

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческія пѣсни малорускаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI+1—166. Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе

къ XV т. „Древности“). Изданіе Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1—139 + Указатель именъ географическихъ и предметный (стр. 1—20) + карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Кіевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А—ръ Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко). Біографическій очеркъ. Изд. 2-ое. Кіевъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

А. Т. Добра душа. Оповідання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалѣй Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинокъ Гайна Молотники (Бытовой разказъ), Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадскій С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребячковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г. стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Бібліографическій указатель „Кіевской Старины“ за первое десятилѣтіе (1882—1891 г. г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Білоусенко Александръ. Батькивъ грихъ. Оповідання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Боровыковскій Левко. Байки и прибутки. Кіевъ 1852 г., стр. 1—XII+13—118. Цѣна 75 к.

¹⁾ Вновь поступившія въ Складъ книги обозначены звездочкой (*).

Бѣлишевскій Николай. Моветные клады кievской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

В.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вігна пара та ише. У Чернигови 1895 г., 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірска-Будановъ М. Передвиженіе южно-русского населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр. 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчокъ Марко. Викупъ. Опогидання С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Ледащиза. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Сестра. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Востоновъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. (Брошюра-отгискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоновъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-отгискъ), стр. 1—16. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпинина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-отгискъ), стр. 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Гавришъ Ол. Царивна-русалка. Казна. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Гамалія М. Земля и люде въ Россіи: I. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія М. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалія М. Земля и люде въ Россіи: III. Лесова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія М. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона великихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалія М. Земля и люде въ Россіи: V. Билоруссія и Лытва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалія М. Земля и люде въ Россіи: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

Глибовъ Л. Я. До мирового! Жаргъ въ 1 дн. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

Голубовскій П. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владиміръ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Гордіенко Данило. 1) Кумъ-ханъ. 2) Прыгода у повидь. 3) Петро Мирошниченко. Оповідання. У Чернигови 1885 г., стр. 1—25. Цѣна 3 к.

Грамаѣна. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Книга какогъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борысь. (В. Чайченко). Байки. У Чернигови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Книжка перша и друга. У Чернигови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собраные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Выпускъ 1. Разказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Гулянь-Артемовскій П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы). Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двѣнадцать пунктовъ Вельминова. (Брошюра-отгискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Вѣдствіа Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра-отгискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-отгискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Жини струны. Збирникъ писень. У Чернигови 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

* **Житецкій П.** Очерки литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. 8-й. Ц. 1 р.

* **Житецкій П.** Описаніе Пересоняцкой рукописи XVI в. Кіевъ 4-ой. Съ 4-мя снимками. Цѣна 75 к.

* **Житоцький П.** Теорія сочненія съ христоматіей. Кієвъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

З.

Забочень Петро. Гордовита пара. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

Ивачов. А. Розмова про земни сили. Переклав на українську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Кієвъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Казона Панько. Сичови гости. Чуприна и Чортоусъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

Каманичъ И. Послѣдніе годы самоуправленія Кієва по Магдебургскому праву. Кієвъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманичъ И. Кієвляне и Богданъ Хмельницькій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кієвъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Кієвъ 1893 г., стр. 1—14.

* **Кистяновскій о. Федоръ.** Воспоминанія его. Отгискъ изъ журнала „Кієвская Старина“. Кієвъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Мономенно М. Зъ Богомъ не змагайся. Казка. Кієвъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Кочобынскій. Михайло. Пятызлогъ. Оповідання. У Чернигови. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

Кочобынскій М. 1) Харытя 2) Ільница 3) Маненькій гришникъ. Оповідання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Мулишъ П. Григорій Квятка (Основьяненко) и его повисти. Слово на новий виходъ Квятчаныхъ повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. 1—XXXVI. Цѣна 25 к.

Мулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселе-

нія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кієвъ 1889 г., стр. 1—XVI+1—407+1—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кієвъ 1893 г., стр. 1—IV+1—521+1—XXV. Цѣна 3 р. 50 к.

Лашневичъ Александръ Степановичъ (некрологъ). Кієвъ 1889 г., стр. 1—12+портретъ. Цѣна 15 к.

Левичицъ О. И. Ганна Монтовтъ. Историко бытовое очеркъ изъ жизни вольнскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кієвъ 1888 г., стр. 1—69. Цѣна 40 к.

* **Левичицкій І.** Бурлачка. Повість. Кієвъ 1881 г., стр. 1—223. Цѣна 75 к.

* **Левичицкій Иванъ.** На Кожумьякахъ. Мищанска комедія на 5 дѣй. Друге выправленне выдання. Кієвъ 1887 г., стр. 1—108. Цѣна 25 к.

* **Левичицкій Иванъ.** Дви московки. Повість. Друге выдання. Кієвъ 1887 г., стр. 1—84. Цѣна 25 к.

* **Левичицкій Иванъ.** Рыбалка Панасъ Круть. Повість. Друге выдання. Кієвъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левичицкій Иванъ.** Пріятели. Повість. Друге выдання. Кієвъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левичицкій Иванъ.** Баба Цараска та баба Палажка. Частка I. Неможна баби Царасци вдержатися на селѣ. Четверте выдання зъ додатками. Кієвъ 1887 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

* **Левичицкій Иванъ.** Чортяча словуса. Оповідання. Друге выдання. Кієвъ 1887 г., стр. 1—52. Цѣна 12 к.

* **Левичицкій Иванъ.** Маруся Богуславка. Оперета на 4 дѣй. Друге выдання. Кієвъ 1887 г., стр. 1—79. Цѣна 20 к.

* **Левичицкій Иванъ.** Кайдашева семья. Повість Кієвъ 1887 г., стр. 1—211. Цѣна 50 к.

Леонидъ Архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгиня Ольга.“ По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св.“ Кієвъ 1889 г., стр. 1—8. Цѣна 10 к.

Лисенко М. Молодоши. Збирникъ танків та веснянок. Кієвъ 1875 г., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Лучицкій И. По поводу Дрогоичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-отгискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи

до революціи и продажъ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Киевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

Луцицій И. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Киевъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Луцицій. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Луцицій И. Очерки по экономической исторіи Западной Европы. I. Вопросъ о населенности германскихъ городов въ XIV—XV в. в. Киевъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городов въ XV и XVI в. в. Киевъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

Луцицій И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Киевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

М.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ А. А. Потемнина. Киевъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

Мельникъ Н. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Жіевъ 1893 г., стр. 1—219+Географическій указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Мирный Панасъ. Збирання зъ рідного поля. Приповістки, оповіданія и драматичні твори. Киевъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Мирный Панасъ. Перемудривъ. Комедія въ п'яти справахъ. Киевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчунъ Н. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе.“) (Брошюра-оттискъ), Киевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Мищенко Ѡ. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Киевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Мордовцовъ Данило. Салатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26. Цѣна 5 к.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ комиссію сочиненія Уложенія. Киевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ Кистяковский (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Киевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Киевской 2-ой Гимназіи). Киевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В. Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназій. Киевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В. Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Науменко В. О задачахъ преподаванія отечественной словесности. Рѣчь на торжественномъ актѣ Киевской 2-ой Гимназіи. Киевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Киевъ 1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Киевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Киевъ 1893 г., стр. 1—59. Цѣна 50 к.

Николайчинъ Ѡ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Круковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчинъ Ѡ. Отголосокъ лирическаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Номисъ М. Украинскіе приказки, прислѣвья и таке вѣше. Збірники О. В. Марковича и другихъ. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Киевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

П.

Петровъ Н. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣ-

емъ ли мы ихъ подлинныя изображенія?
Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про кари, до якихъ присуджують мирові судді. Кіевъ 1856 г., стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр. 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

Р—а П. З. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловікъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Три оповідання. У Чернигові 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Рада. Українській Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г., стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча українськихъ народнихъ пѣсень. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одарна. 1) Черствий пирожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одарна. Івашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарна. Якъ мене Матя Божа одъ гриха одвела. Правдыве оповідання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Романовичъ-Славатинскій А. Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совета. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко П. Я. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблиця нотъ. Цѣна 1 р. 30 к.

Русовъ А. Матеріали для описки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра—оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Самойленко Володимиръ. Зъ его повзій. Частина перша. Кіевъ 1890 г., стр. 1—47. Цѣна 20 к.

* **Степовичъ А.** Разсвѣтъ, сборникъ. Ц. 1 р. Кіевъ 1893 г. 224 стр.

* **Степовичъ А.** Славянская Бесѣда. 2 части Ц. 1 р. 50 к. 248+110 стр.

* **Степовичъ А.** Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будилевича. Кіевъ 1895 г. Ц. 20 к.

* **Степовичъ А.** Къ 100—лѣтню рожденія Я. Коллара. Кіевъ 1894 г. Ц. 20 к.

* **Степовичъ А.** Славянскія нарѣчія. проф. Геблуэра переводъ и примѣчанія (одобр. М. Н. Просвѣд. для библиот. средн. уч. завед.) Ц. 50 к.

* **Степовичъ А.** Очеркъ исторіи чешской литературы (съ фотографич. снимкомъ съ Краледворск. р—си) 336+XIII стр. Кіевъ 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. (Удостоенъ отъ Академіи Наукъ преміи гр. Д. А. Толстаго).

* **Степовичъ А.** Главнѣйшія направленія въ нов. чешск. словесности. Лекція читан. въ у—тѣ для получ. званія прив. доцента. Кіевъ 1892. г. Ц. 15 к.

* **Степовичъ А.** Прив. доцентъ: Борьба и смѣна глав. направленій въ нов. сербской словесности. Вступит. лекція въ у—тѣ Св. Владим. Кіевъ 1895 г. Ц. 15 к.

Степъ. Херсонскій беллетристичный сборникъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Сторожевъ В. Н. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра—оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженно Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженно А. В. Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29. Цѣна 25 к.

Стороженно Оленса. Закоханый чортъ—Оповідання, С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженно Оленса. Вчи лїнивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Стороженно Оленса. Се така баба, шо їй чортъ на маховихъ вилахъ чоботы одгававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженно Оленса. Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Сумцовъ Н. Ѡ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григорианскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ѡ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Сф. Кр. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра—оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изданіе четвертое комиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу педагогическихъ студентовъ Университета. Св. Владимира. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Тарасенно Иванъ. На Украини. Вирши, писни и пересивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличенко Ив. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Фадѣювич. Осип. Поэмга. З переднім словом про галицко-руське письменство. Мих. Драгманова. Кіевъ 1876 г. стр. 1—LVI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Чулай Грыцьчо. Оповідання: 1) Якъ я шершинивъ зъ груши выкурювавъ. 2) Якъ я роя выгонявъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Підпалъ. 2) Панько. Два оповідання. У Чернигови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповідання про те, якъ чоловікови лідъ землю въ шахти пригода трапилася. У Чернигови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповідання. Вдруге выдано зъ додатками та зъ виправками. У Чернигови 1894 г., стр. 1—87. Цѣна 10 к.

Ш.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Шевченко Тарасъ. Перебендя. С.-Петербургъ 1852 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Щ.

Щербина В. Новыя матеріалы для истории Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Коляевщины). (Брошюра - оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

Щербина В. Готлибъ - Самуиль Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра - оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19. Цѣна 15 к.

Щербина В. Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Я.

Яструбець. Про звиря (по Брему) Миссоиди або хижі звіри. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящурминскій Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1983 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

